ЧЕКИСТЫ

ЧЕКИСТЫ

СБОРНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ". 1970

КОНСУЛЬТАНТЫ:

полковник
В. Андрианов,
подполковник
В. Коровин

СОСТАВИТЕЛЬ
Л. Корнешов

ХУДОЖНИК
О. Кулиш

РЕДАКТОР
Л. Хотиловская

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» благодарит работников Комитета Государственной безопасности при Совете Министров СССР за помощь в создании этой книги.

«ВСЯКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
ЛИШЬ ТОГДА
ЧЕГО-НИБУДЬ СТОИТ,
ЕСЛИ ОНА УМЕЕТ
ЗАЩИЩАТЬСЯ...»

ВУльянов (Ленин)

РЫЦАРИ РЕВОЛЮЦИИ

Генерал-майор
А. МАЛЫГИН

После победы Великой Октябрьской социалистической революции свергнутые эксплуататорские классы, опираясь на финансовую, военную, политическую и моральную помощь международной буржуазии, оказывали самое ожесточенное сопротивление Советской власти. Пытаясь задушить первое в истории человечества пролетарское государство рабочих и крестьян, они развернули гражданскую войну.

Резкое обострение классовой борьбы вынудило Коммунистическую партию и Советское правительство создать специальный орган для решительного подавления контрреволюционеров и саботажников. В. И. Ленин говорил, что необходим такой орган государства диктатуры пролетариата, который знал бы каждый шаг заговорщиков и мог бы «репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян», пресечь все происки контрреволюции. Таким органом стала созданная 20 декабря 1917 года по инициативе Владимира Ильича Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК).

Чекистские органы приняли на себя основную тяжесть борьбы с подрывной деятельностью контрреволюции и происками империалистических разведок. Эта борьба требовала верности партии и народу, непримиримости к врагам, решительности и неустрашимости. По предложению В. И. Ленина во главе ВЧК был поставлен его верный соратник, один из непосредственных руководителей Октябрьского вооруженного восстания — Ф. Э. Дзержинский, сочетавший в себе лучшие качества революционера. Вместе с бесстрашным рыцарем революции ЦК партии направил на работу в ВЧК видных коммунистов-ленинцев, прошедших суровую школу борьбы с царизмом. В ряды чекистов шли преданные делу революции рабочие, крестьяне, солдаты и матросы.

В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны органы ВЧК раскрыли и ликвидировали около пятисот контрреволюционных организаций и заговоров, обезвредили тысячи шпионов, диверсантов, террористов и других врагов Советского государства.

После окончания гражданской войны, в годы восстановления народного хозяйства и мирного социалистического строительства, органы государственной безопасности продолжали вести активную борьбу с внешними и внутренними врагами советского народа. Они вскрывали и ликвидировали шпионско-заговорщические организации и диверсионно-террористические группы на территории страны, наносили удары по заграничным центрам монархистов, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, находившихся на службе у империалистических разведок, вели борьбу с экономической контрреволюцией и бандитизмом.

Но чекистские органы являлись не только карающим мечом диктатуры пролетариата. Благородную заботу проявили чекисты о беспризорных детях.

Феликс Эдмундович неоднократно подчеркивал, что необходимо принять срочные меры по спасению беспризорных детей. На одной из встреч с комсомольцами ВЧК он взволнованно сказал: «Ведь подумайте только, огромное число детей-сирот не имеет ни крова, ни призора. Миллионы детей требуют немедленной реальной помощи. Мы, чекисты, и особенно комсомольцы-чекисты, должны полностью отдать все силы этой благородной цели — спасению детей. Иначе мы будем недостойны звания коммунистов и комсомольцев. Ведь это почетное дело поручено нам Владимиром Ильичем». И первыми, кто полез в подвалы домов, кто проводил ночные облавы, вытаскивал этих чумазых малышей и подростков из-под котлов, в которых плавили асфальт, давал им путевку в новую жизнь, были комсомольцы-чекисты. Они делали все, чтобы помочь беспризорным детям, голодающим подросткам. Вот лишь один из многочисленных документов, свидетельствующих об этом: «Бюро ячейки РКСМ ВМЧК доводит до сведения всей молодежи, что согласно постановлению общего собрания всей молодежи ВМЧК от 11 января с. г. будет производиться ежемесячное отчисление однодневного пайка хлеба в пользу интерната для голодающих детей Поволжья».

Эта благородная работа, проводившаяся под руководством Дзержинского, не могла не тронуть детские сердца. Бывшие беспризорники присылали Феликсу Эдмундовичу сотни писем. К примеру, воспитанники 1-й Черноморской колонии написали: «Всероссийскому попечителю о детях товарищу Дзержинскому от бывших беспризорных детей улицы... от чистого детского сердца искренний привет. Помните и в будущем о беспризорных детях. Память же о твоих заботах долгие годы будет храниться в наших сердцах. Прими наш детский поцелуй».

Молодежь занимала достойное место в боевом отряде чекистов. Среди лучших сынов народа,

направленных в органы ВЧК—ОГПУ, было немало молодых коммунистов и комсомольцев, которые с честью выдержали экзамен на верность идеалам коммунизма и внесли значительный вклад в дело защиты завоеваний Великого Октября. Ф. Э. Дзержинский принимал непосредственное участие в работе комсомольской организации чекистов, любовно растил молодых своих помощников, рассматривая работу чекистов как самую боевую и почетную для члена партии и комсомольца. В приветствии комсомольской ячейке ОГПУ он говорил: «Дорогие товарищи! К четвертой годовщине существования Вашей ячейки шлю Вам горячий привет и пожелания не только закалиться на боевом посту чекистов, стоящих на страже завоеваний Великого Октября, но и найти в себе волю и энергию добиться своим трудом больших знаний и большей культуры, без которых великое здание Октября — коммунизм — не сможет быть достроено».

В двадцатые годы и позже комсомольцы принимали активное участие почти во всех операциях, проводимых органами государственной безопасности. Среди сотен отважных молодых людей, начавших в те годы службу чекиста, был и широко известный ныне полковник Абель. Он пришел в органы в 1927 году, двадцатитрехлетним юношей. Превыше всего Абель ставил интересы Родины и партии. Именно поэтому, когда ему предложили поехать за границу, он без колебаний согласился, хотя и знал, что придется столкнуться с большими трудностями. Сложную и опасную работу он вел за рубежом около двадцати лет.

В конце тридцатых годов резко возросла угроза военного нападения на социалистическое государство. В этих условиях острие органов госбезопасности было направлено главным образом вовне, на борьбу с подрывной деятельностью империалистических разведок. Правда, в этот период были и серьезные трудности в работе, вызванные культом личности и связанные с вражескими действиями перерожденцев и политических авантюристов. Однако это не изменило социалистической природы советской разведки и контрразведки, не оторвало чекистов от народа, от партии. Верные своему партийному и интернациональному долгу, чекисты накануне войны стояли на передовой линии борьбы с вражескими разведками.

Яркие и незабываемые страницы вписали органы государственной безопасности в героическую летопись Великой Отечественной войны. Они создали плотный и надежный заслон против проникновения вражеской разведки в штабы советских войск, в жизненные центры нашей страны. Гитлеровцам не удалось получить ни одного плана крупных операций советского командования. Более того, с конца 1941 по май 1943 года для передачи врагу ложных данных использовалось 80 радиостанций немецкой агентуры, захваченных органами госбезопасности в нашем тылу. Были сорваны и попытки противника дезорганизовать работу нашего тыла.

В то же время органы госбезопасности развернули широкую разведывательную, контрразведывательную и диверсионную деятельность в тылу врага, оказывали большую помощь нашим Вооруженным Силам в проведении боевых операций против фашистских войск.

Вот несколько примеров. В канун битвы за столицу сотрудники госбезопасности проникли в немецкий разведорган «Абвер-команда-103», осуществлявший подрывную работу на Московском направлении, добыли данные на 127 агентов германской разведки, подготовленных к переброске или уже засланных в наш тыл. Впоследствии все эти агенты противника были обезврежены.

Только оперативными группами НКГБ Белорусской ССР, действовавшими во вражеском тылу, были выявлены во время войны 22 разведывательно-диверсионные школы «Абвера», 36 резидентур и 6642 агента немецко-фашистской разведки. Деятельность оперативных групп во вражеском тылу способствовала успешной работе органов советской военной контрразведки на фронте. Так, в 1943 году, в момент наибольшей активности фашистской разведки, оперативные группы передали военной контрразведке сведения более чем о 1200 агентах, засланных противником в части и соединения действующей Советской Армии. Эти сведения облегчили розыск вражеской агентуры.

Оперативные группы захватывали сотрудников и резидентов немецко-фашистской разведки, а также представителей военного командования, что позволяло вскрывать оперативные и стратегические планы врага. Так, в мае 1943 года чекисты доставили в Генеральный штаб Советской Армии одного из сотрудников разведывательного отдела штаба ВВС группы армий «Центр». От него была получена важная информация о сосредоточении под Орлом и Курском крупных танковых и механизированных соединений противника.

Коммунисты, комсомольцы, молодежь органов госбезопасности составили ядро формировавшихся в годы Великой Отечественной войны по указанию партии оперативных чекистских групп: «Победители», «Охотники», «Грозный», «Местные», «Олимп», «Ходоки», «Соколы», возглавляемых кадровыми чекистами Героями Советского Союза Д. Медведевым, Н. Прокопюком, С. Ваупшасовым, В. Карасевым, Ф. Озмителем, Е. Мирковским, К. Орловским, М. Прудниковым. На базе этих и других групп выросли партизанские отряды и соединения.

ЦК ВЛКСМ принял постановление «О мобилизации комсомольцев на службу в войска Особой группы при НКВД СССР». В отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН), откуда направлялись оперативные группы в тыл противника, прибыли сотни комсомольцев из Москвы и ряда областей страны.

Нельзя без чувства глубокого уважения и гордости за сынов комсомола читать волнующие строки клятвы чекистов, которую они давали перед уходом на ответственные задания в тыл врага. «...Мы знаем, что нам предстоит тяжелый путь, — писала в своей клятве группа комсомольцев-чекистов, — но ничто не сломит нашу волю к борьбе с ненавистным врагом. Мы обязуемся беспощадно бороться с фашистами, изменниками и трусами... Какие бы трудности и невзгоды нам ни пришлось пережить, мы всегда будем помнить, что боремся за честь и свободу, за счастье нашей Родины, советского народа...»

Они с честью сдержали свою клятву, и Родина

не забыла их. **Шести лучшим воспитанникам Ленинского комсомола**, сражавшимся в составе чекистских оперативных групп и отрядов, **было присвоено звание Героя Советского Союза.** Вот их имена: **Борис Галушкин, Федор Озмитель, Лазарь Паперник, Михаил Петров, Надежда Троян, Александр Шихов. Сотни комсомольцев-чекистов были награждены орденами и медалями Советского Союза.**

О том, как действовали они в тылу врага, можно судить по делам любого из отрядов. Вот несколько эпизодов боевой жизни отряда «Ходоки», прошедшего по тылам фашистов четыре с половиной тысячи километров. Весной 1943 года отряд действовал в Житомирской области. Днем накануне Первого мая Житомир потряс оглушительный взрыв. Была выведена из строя электростанция. Гебитскомиссар приказал живыми или мертвыми доставить к нему людей, взорвавших электростанцию. А через 45 минут взрыв раздался в здании телеграфа. Гебитскомиссар созвал экстренное совещание. А еще через 45 минут, во время совещания, в письменном столе гитлеровца взорвалась мина замедленного действия, уничтожившая самого обер-бандита. Первого мая четверо немецких офицеров вошли в здание районной комендатуры. Открыли дверь кабинета коменданта капитана фон Динштейна. Прозвучала команда: «Хенде хох!» Капитан поднял руки. Один из чекистов достал из кармана бумагу и зачитал приговор гитлеровцу от имени народа...

Еще через несколько дней в Житомире были взорваны нефтебаза, аэродромные объекты. Среди оккупантов началась паника.

Операцию в Житомире проводили комсомольцы-омсбоновцы во главе с Николаем Чайкой. Вместе с ними в операции участвовали житомирские комсомольцы-подпольщики.

Далеко за пределами нашей страны ныне известны имена воспитанников комсомола, разведчиков Николая Кузнецова, Ивана Кудри, Владимира Молодцова и многих других.

Верные принципам пролетарского интернационализма оперативные группы органов государственной безопасности и организованные на их основе партизанские отряды успешно действовали и за пределами Родины, помогая братьям полякам, чехам и словакам освобождать их земли от гитлеровских захватчиков. Ярким примером совместной борьбы польских и советских партизанских отрядов была операция, возглавляемая опытным чекистом Героем Советского Союза подполковником Н. А. Прокопюком.

В июне 1944 года против советско-польских партизан, действовавших в Яновских лесах Люблинского воеводства, гитлеровцы сосредоточили три пехотные дивизии и несколько отдельных частей, которые поддерживались авиацией, танками и артиллерией. Партизаны оказались в окружении.

Серьезность обстановки потребовала от партизан объединения усилий и централизации управления боевыми действиями против карателей. На совещании командиров отрядов 13 июня было создано единое командование во главе с подполковником Прокопюком Н. А. и выработан единый план действий. Одновременно были организованы штаб объединенных польско-советских сил во главе с советским офицером А. Горовичем и общий госпиталь. Это позволило высвободить значительную часть личного состава штабов и медицинской службы для ведения боевых действий.

Утром 14 июня противник начал атаки на позиции партизан. Завязались ожесточенные бои. Враг в течение дня трижды прорывал оборону, но каждый раз после решительных контратак отбрасывался в исходное положение. При появлении в воздухе вражеских бомбардировщиков партизаны, используя данные, захваченные у противника, выкладывали белые полотнища клиньями в сторону карателей, вследствие чего фашистские летчики сбрасывали бомбы на свои войска. А когда гитлеровцы белыми ракетами подавали сигнал воспрещения огня, партизаны присоединялись к этому фейерверку.

В ходе оборонительных боев отдельные подразделения партизан производили дерзкие вылазки в расположение противника. Группа партизан из отряда Н. А. Прокопюка во главе с командиром 1-й роты младшим лейтенантом Петровым при развитии контратаки вклинилась в расположение врага и захватила артиллерийско-минометную батарею с боеприпасами (три 75-миллиметровых орудия и два миномета). Любимец отряда, бесстрашный и скромный воин, бывший пограничник Миша Петров погиб в этом бою. Впоследствии ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В течение одного дня 14 июня партизаны отбили свыше 50 атак противника, потерявшего до 1500 солдат и офицеров убитыми и свыше 2000 ранеными. В ночь на 15 июня сосредоточенным ударом они прорвали вражеское кольцо и вышли в Сольскую пущу, эвакуировав всех раненых.

Рука об руку с братьями чехами и словаками чекисты сражались и на территории Чехословакии. А когда в Праге в мае 1945 года вспыхнуло восстание, оперативные группы «Факел», «Прибой», «Шквал», «Гром», «Прага», «Ураган» и «Север» приняли в нем самое активное участие. Через 16 радиостанций, находившихся в распоряжении этих групп, чекисты сообщали в НКГБ СССР и Генеральный штаб Советской Армии о ходе восстания, принимали на свои базы оружие и боеприпасы, которые раздавали чешским патриотам. Многим чекистам не пришлось вернуться домой. Чехословацкие друзья чтят память о них и с любовью оберегают их могилы как знак нерушимой братской дружбы. А улица Добржиша так и названа улицей Советских парашютистов.

После победы нашего народа в Великой Отечественной войне и возвращения к мирному созидательному труду чекисты продолжали нести боевую службу на фронте тайной войны, ведущейся против Советского Союза империалистическими державами во главе с США.

В последние годы резко возросла роль разведок капиталистических государств в осуществлении реакционного внутриполитического и агрессивного внешнеполитического курса правящих кругов этих стран. Деятельность империалистических разведок возводится на уровень государственной политики. Только одно ЦРУ США расходует на шпионаж и диверсии против СССР и других стран социалистического содружества свыше 2 миллиардов долларов в год, что почти

в 20 раз превышает годовой бюджет секретной службы гитлеровской Германии в годы второй мировой войны.

Подрывная работа ими ведется в трех сферах: политической, военно-экономической и идеологической. Особую активность империалистические разведки проявляют сейчас в сфере идеологической, где они своей главной задачей ставят подрыв морально-политического единства народов СССР. Понимая, что они не могут добиться успеха военными и другими насильственными путями, наши враги все больше делают упор на организацию идеологической борьбы против коммунизма.

Ныне разведки империалистических государств уже не ограничивают свою деятельность сбором шпионской информации о военно-экономическом потенциале Советского Союза, наших новейших достижениях в области науки и техники. Они стремятся понять пружины управления нашего государства, движущие силы советского общества, процессы, которые в нем происходят. Все это делается для того, чтобы обеспечить себе наиболее благоприятную возможность для проведения подрывной работы. Империалисты давно убедились в том, что Советская власть, как образно говорил В. И. Ленин, «штука прочная» и что ее не опрокинешь и не взорвешь изнутри заговором или восстанием. Вот почему наши враги пытаются подтачивать советское общество с помощью средств и методов, которые с первого взгляда не укладываются в наше представление о враждебных проявлениях. Более того — противник ставит своей целью действовать на идеологическом фронте так, чтобы не переступать советских законов и тем не менее действовать враждебно. Именно с этой целью он избирает в идеологической борьбе такие участки, как литература, искусство, кинематограф. Специфическая особенность идеологических диверсий состоит в том, что они часто ведутся с помощью скрытых, замаскированных методов. Человек, не имеющий прочной идейной закалки, опыта политической борьбы, незнакомый с коварными методами вражеской пропаганды, не всегда может своевременно заметить, как он попадает под идеологическое влияние противника. Наши враги хорошо понимают, что им легче всего воздействовать на политически незрелых людей, особенно из числа молодежи.

Вдохновители «психологической войны» открыто заявляют, что ее необходимо выиграть, прежде чем армии вступят в бой. Как писал американский журнал «Кольерс», лидеры империализма США хотят добиться того, чтобы в будущей войне не было «Молодой гвардии», не было Космодемьянских и Матросовых. Подрывную пропагандистскую работу против Советского Союза и других социалистических стран США ведут через официальные органы пропаганды («белая» пропаганда), через подставные организации («серая» пропаганда) и через агентуру Центрального разведывательного управления («черная» пропаганда).

Высокая политическая бдительность — эффективное и острое оружие в борьбе с подрывной деятельностью наших врагов. Решающими средствами его неуклонного повышения являются глубокое изучение марксистско-ленинской теории, воспитание советских людей в духе беззаветной преданности КПСС и Советскому правительству.

В послевоенное время органы госбезопасности сорвали многие подрывные акции империалистических разведок, обезвредили сотни вражеских агентов. Из СССР были выдворены десятки дипломатов капиталистических стран, занимавшихся шпионской деятельностью. В 1965 году только на западном участке границы советскими пограничниками на контрольно-пропускных пунктах было изъято 24 943 экземпляра различной антикоммунистической литературы.

Бдительно охраняя безопасность Страны Советов, чекисты уделяют большое внимание выявлению причин и условий, способствующих совершению особо опасных государственных преступлений, предупреждению политических ошибок и неправильных действий со стороны отдельных граждан. Под руководством Коммунистической партии, совместно с общественными организациями органы госбезопасности проводят воспитательную работу с теми, кто из-за недостаточной политической зрелости и под влиянием враждебной пропаганды совершает проступки, наносящие ущерб нашей стране. Чекисты видят свою прямую партийную обязанность и свой служебный долг в том, чтобы предупредить преступление, вовремя предостеречь человека, вставшего на неправильный путь.

В качестве примера можно привести случай, который недавно произошел в Луцке. Товарищ Б. обнаружил у своего сына Владимира папку с программными документами антисоветской зарубежной организации НТС. Было установлено, что Владимир со своим приятелем Иваном Ш. систематически слушали передачи зарубежных радиостанций «Свобода» и других. Под воздействием лживой пропаганды у них сложились неверные взгляды на политику КПСС и Советского правительства. Слепо веря каждому слову передач радиостанции НТС, ребята установили связь с этой организацией. Дело дошло до того, что центр НТС направил им письмо, в которое были вложены копировальная бумага для тайнописи и инструкция о порядке поддержания связи со штабом НТС. Учитывая, что Владимир и Иван не успели причинить существенного вреда Советскому государству, чекисты помогли ребятам понять их опасные заблуждения, стать на правильный путь. А компетентные органы сочли возможным не привлекать их к уголовной ответственности.

Своевременное вмешательство общественности, товарищеская поддержка и критика, терпеливое разъяснение заблуждающимся их ошибок всегда помогало людям избавляться от таких недостатков, как ротозейство, самоуспокоенность, благодушие, потеря бдительности. Среди советских людей не может быть равнодушных, пассивных, стоящих в стороне от идеологической борьбы. И компромиссы тут недопустимы.

Сложные и ответственные задачи стоят перед органами государственной безопасности. Выполняя эти задачи, чекисты постоянно находятся на переднем крае борьбы с вражескими разведками. Сила чекистов — в руководстве ленинской партии, в единстве с советским народом. Во всей своей работе они неуклонно претворяют в жизнь указания Коммунистической партии о том, чтобы органы государственной безопасности были разящим мечом для врагов Советского государства и вместе с тем являлись надежным щитом для всех честных людей.

В. БОНЧ-БРУЕВИЧ

КАК ОРГАНИЗОВАЛАСЬ ВЧК

Октябрьская революция, свергнувшая дряблое Временное правительство, победила. В красной столице был установлен строгий революционный порядок. Кадеты, остатки «октябристов», монархисты, партии, считавшие себя социалистическими: трудовики, правые эсеры, меньшевики и множество других мелких разновидностей, были воистину подавлены. Прошло некоторое время. Канули в вечность назначенные сроки «падения большевиков». Новая власть и не собиралась уходить, а постепенно крепко забирала бразды правления.

Мы основательно устраивались в Смольном.

— Что это вы так хлопочете? — неоднократно язвительно спрашивали меня посещавшие нас различные оппозиционеры. — Разве вы думаете, ваша власть пришла надолго?

— На двести лет! — отвечал я убежденно. И они — эти вчерашние «революционеры», «либералы», «радикалы», «социалисты», «народники» — со злостью отскакивали от меня, бросая взоры ненависти и негодования.

— Что, не нравится? — смеясь, спрашивали рабочие, постоянно присутствовавшие здесь.

— Им не нравится... — отвечали другие, пересмеиваясь и шутя над теми, кто еще недавно любил распинаться за интересы народа.

Но вот пришли первые сведения о саботаже чиновников, служащих. К нам поступили документы, из которых было ясно видно, что действует какая-то организация, которая, желая помешать творчеству новой власти, не щадит на это ни времени, ни средств из казенного и общественного сундука. В наших руках были распоряжения о выдаче вперед жалованья за два, за три месяца служащим банков, министерств, городской управы и других учреждений. Было ясно, что хотят всеми мерами помешать организации новой власти, что всюду проводится саботаж. Масса сведений, стекавшихся в управление делами Совнаркома и в 75-ю комнату Смольного, где действовала первая Чрезвычайная комиссия по охране порядка и по борьбе с погромами в столице, говорила за то, что дело принимает серьезный оборот, что все совершается по плану, что все это направляет какая-то ловкая рука. Тщательные расследования отдельных фактов показали одно и то же: всем этим заправляет партия конституционалистов-демократов, пытаясь тихой сапой вести подкоп под власть рабочих.

В это же время все более и более стали выявляться агрессивные действия так называемых «союзников»: был совершенно ясен этот внутренний и внешний фронт врагов рабочего класса. Сама действительность, сами факты жизни заставляли действовать. Борясь с пьяными погромами, сопровождаемыми контрреволюционной антисемитской агитацией, мы наталкивались совершенно неожиданно для себя самих на все большие доказательства объединения антибольшевистских течений для намечаемых непосредственных и прямых действий.

Собрав достаточно фактов, я сделал первый доклад по этому поводу Председателю Совета Народных Комиссаров. В докладе сами факты указывали, что во главе этого движения стоят кадеты. Владимир Ильич с крайним вниманием выслушал все и с большой придирчивостью стал критиковать данные доклада. Когда же выкристаллизовалась совершенно ясная и точная часть его, не возбуждавшая ни малейших сомнений, Владимир Ильич потребовал документы, обосновавшие и подтверждавшие эту часть доклада. Тщательно проверив и прочтя все, исследовав происхождение документов, он не мог не признать, что саботаж действительно существует, что он руководится по преимуществу из одного центра и что этим центром является партия кадетов.

Владимир Ильич задумался. Он подошел к окну, выходившему на двор Смольного, и легонько забарабанил по стеклу.

— Ну, что же, — заговорил он, круто поворачиваясь ко мне, — раз так, раз они не только не хотят понять, но мешают нашей работе, придется предложить им выехать на годик в Финляндию... Там одумаются...

И на этом мы расстались.

Они «одумаются», рассчитывал тогда Владимир Ильич. Но эта надежда оказалась напрасной. Не прошло и двух недель, когда Совнарком за всю совокупность явно преступной, антинародной и противообщественной деятельности кадетов должен был принять декрет, ставящий эту партию, окровавившую русский народ и русскую землю множеством контрреволюционных выступлений и заговоров, вне закона. И, несмотря на это, партия кадетов сделалась несомненным центром всего того черносотенного, белогвардейского, авантюристического, помещичьего и

буржуазного, что хотело повернуть колесо истории направо и даже не к «конституционному демократизму», а к прямому монархизму. Наступили крутые времена. Расследования 75-й комнаты Смольного, которыми я руководил, то и дело обнаруживали заговоры, склады оружия, тайную переписку, тайные собрания, явочные квартиры и т. п.

Самовольное сосредоточение боевых отрядов «смертников» в Петрограде, арест организации офицера Синебрюхова на курсах Лесгафта, различные иные выступления явно говорили о том, что контрреволюционеры не успокаиваются, а, наоборот, организуются и начинают активно действовать.

В это время Ф. Э. Дзержинский взял в свои руки бывшее петроградское градоначальство, организовал там комиссию по расследованию

контрреволюционных выступлений; и к нему, как из рога изобилия, тоже посыпались всевозможные материалы, проливавшие новый свет на сосредоточивающуюся в Петрограде деятельность контрреволюционных организаций. Рабочие массы, узнававшие о различных выступлениях контрреволюционеров, сильнейшим образом волновались. Разгул реакции, контрреволюционная агитация в войсках — все это создавало горячую почву и выдвигало на авансцену борьбы новые способы действия.

И вот однажды — это было в самом начале декабря 1917 года — когда пришлось мне же докладывать Председателю Совнаркома о целом ряде серьезнейших контрреволюционных выступлений, Владимир Ильич нахмурился, поднялся, нервно прошелся по кабинету и воскликнул:

— Неужели у нас не найдется своего Фукье-Тенвиля, который обуздал бы расходившуюся контрреволюцию?!

И Фукье-Тенвиль русской пролетарской революции явился. Это был наш старый, закаленный боец и близкий товарищ Феликс Эдмундович Дзержинский.

Весь пламенея от гнева, с пылающими, чуть прищуренными глазами, прямыми и ясными словами доложил в Совнаркоме об истинном положении вещей, ярко и четко обрисовывая наступление контрреволюции.

— Тут не должно быть долгих разговоров. Наша революция в явной опасности. Мы слишком благодушно смотрим на то, что творится вокруг нас. Силы противников организуются. Контрреволюционеры действуют в стране, в разных местах вербуя свои отряды. Теперь враг здесь, в Петрограде, в самом сердце нашем. Мы имеем об этом неопровержимые данные, и мы должны послать на этот фронт — самый опасный и самый жестокий — решительных, твердых, преданных, на все готовых для защиты завоеваний революции товарищей. Мы должны действовать не завтра, а сегодня, сейчас...

Кто помнит то время, кто имел счастье стоять тогда на передовых позициях борьбы за свободу народов, населявших наше обширнейшее государство, тот отлично знает, что провозглашение «революционной расправы» — красного террора Октябрьской революции — не явилось чем-то преждевременным, а, наоборот, явно запоздавшим. Множество контрреволюционных банд уже успело организоваться и рассеяться по всей стране. На Дону в тот момент — в этой русской Вандее — уже собирались полчища донского казачества и других недовольных. Все эти обстоятельства, хорошо известные центральному правительству, не потребовали особо длительных рассуждений при утверждении положения о Всероссийской Чрезвычайной комиссии при Совнаркоме.

Эта комиссия была организована в начале декабря 1917 года.

Если до свержения самодержавия требовались бесконечные жертвы со стороны революционеров, ведших активную борьбу с царской властью, то мы тогда все очень хорошо знали, что когда же

**Без жертв
Была искуплена свобода!**

И такой «жертвой», горевшей долгое-долгое время на огне жестокости царских палачей, был, несомненно, мужественный, стойкий, героический Ф. Э. Дзержинский. Вся его сознательная жизнь до Февральской революции была беспрерывным мытарством по этапам, тюрьмам, острогам, ссылкам; он горел огнем настоящего революционера-профессионала и, как только было возможно, тотчас же вырывался на свободу, на беспрерывную нелегальную работу. Царские тюремщики ненавидели его за независимое и гордое поведение, когда он, даже будучи прикованным к тачке на каторге, не позволял никому унизить свое человеческое достоинство. Ведя образ жизни аскета, будучи крайне молчалив, даже угрюм, он был всегда прекрасным товарищем. Он знал, что придет желанное время решительной классовой схватки, когда и его огромные духовные силы, сохранившиеся в хотя уже и изможденном теле, нужны будут тому классу, жизнью которого он жил, счастьем которого он трепетал и радовался. Твердые, как гранит, революционные ряды пролетариата — вот та среда, вот та стихия, для которой он был рожден. Вся горечь, вся ненависть рабочего класса к классам эксплуатирующих была впитана им. Совершенно не зная страха и боязни смерти, Ф. Э. Дзержинский никогда не охранял себя, ездил в открытых машинах, не имел никакой стражи у своей квартиры, совершенно свободно разъезжал по окрестностям Москвы и по всему Союзу и вел чрезвычайно простую, почти аскетическую жизнь.

Когда мне приходилось говорить ему, что следовало бы быть поосторожнее, то он как-то наивно задавал вопрос:

— Зачем? Убьют? Беда какая!.. Революция всегда сопровождается смертями... Это дело самое обыкновенное. Да и зачем так ценить себя?.. Это смешно... Мы делаем дело нашей партии и больше ничего...

И он делал все дела, возлагаемые на него партией, как честнейший, преданнейший революционер-боевик, коммунист.

Характерен отзыв Владимира Ильича о Дзержинском, который мне пришлось слышать:

— Дзержинский не только нравится рабочим, его глубоко любят и ценят рабочие...

А кто знал Владимира Ильича, тот понимал, сколь высока была в его устах похвала товарищу, которого «глубоко любят» рабочие.

Владимир Ильич относился к Ф. Э. Дзержинскому с величайшей симпатией и предупредительностью.

Редко кому известно, что Ф. Э. Дзержинский трижды вносил предложение в Совнарком об отмене смертной казни, или, как принято теперь выражаться, применения «высшей меры наказания». Всегда Совнарком радостно шел навстречу возможности заменить этот крайний метод борьбы более мягкими формами. Контрреволюционные, уголовные и белогвардейские организации понимали эти «отмены» или «смягчения» методов борьбы как проявление слабости Советского правительства, как кем-то «вынужденные», вместо того чтобы понять раз и навсегда, что обречены на поражение все попытки к выступлениям против самой народной, не на словах, а на деле самой популярной, широчайшим образом признанной народными массами власти.

Первая страница записки В. И. Ленина Ф. Э. Дзержинскому — 19 — 20 (6 — 7) декабря 1917 г.

Уменьшено

Первая страница записки В. И. Ленина Ф. Э. Дзержинскому.

ТОВАРИЩУ ДЗЕРЖИНСКОМУ

К сегодняшнему Вашему докладу о мерах борьбы с саботажниками и контрреволюционерами.

Нельзя ли двинуть подобный декрет:

О борьбе с контрреволюционерами и саботажниками.

Буржуазия, помещики и все богатые классы напрягают отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечить интересы рабочих, трудящихся и эксплуатируемых масс.

Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов. Сторонники буржуазии, особенно из высших служащих, из банковых чиновников и т. п., саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его мерах, направленных к осуществлению социалистических преобразований. Доходит дело даже до саботажа продовольственной работы, грозящего голодом миллионам людей.

Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками...

В. И. ЛЕНИН

7 декабря 1917 г.

СЛУШАЛИ:

9. Доклад Дзержинского об организации и составе комиссии по борьбе с саботажем.

ПОСТАНОВИЛИ:

9. НАЗВАТЬ комиссию Всероссийской Чрезвычайной комиссией при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем и утвердить ее.

Из протокола СНК № 21 о создании ВЧК
7 декабря 1917 г.

ИЗ ПАМЯТКИ СОТРУДНИКАМ ЧК

ИЮЛЬ 1918 г.

Что должен помнить каждый комиссар, следователь, разведчик, работая по розыску

Быть всегда корректным, вежливым, скромным, находчивым.

Не кричать, быть мягким, но, однако, нужно знать, где проявлять твердость.

Прежде, чем говорить, нужно подумать.

На обысках быть предусмотрительным, умело предостерегать несчастья, быть вежливым, точным до пунктуальности.

Быть всегда в обращении с публикой вежливым, а при случае уметь проявить твердость.

Каждый сотрудник должен помнить, что он призван охранять советский революционный порядок и не допускать нарушения его; если он сам это делает, то он никуда не годный человек и должен быть исторгнут из рядов Комиссии.

Быть чистым и неподкупным, потому что корыстные влечения есть измена Рабоче-Крестьянскому государству и вообще народу.

Быть выдержанным, стойким, уметь быстро ориентироваться, принять мудрые меры.

Если ты узнаешь о небрежности и злоупотреблении, не бей во все колокола, так как этим испортишь дело, а похвально будет, если ты их тихо накроешь с поличным, а затем к позорному столбу перед всеми.

Храни, как зеницу ока, данные тебе поручения.

ЛЕНИН О ВЧК:

«Это то учреждение, которое было нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас... Без такого учреждения власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры, не имеющие желания преподнести рабочим и крестьянам на блюде свои права помещиков, свои права капиталистов».

ЛЕД И ПЛАМЕНЬ

Юрий ГЕРМАН

Я никогда не видел Феликса Эдмундовича Дзержинского, но много лет назад, по рекомендации Алексея Максимовича Горького, я разговаривал с людьми, которые работали с Дзержинским на разных этапах его удивительной деятельности. Это были и чекисты, и инженеры, и работники железнодорожного транспорта, и хозяйственники.

Люди самых разных биографий, судеб, разного уровня образования, они все решительно сходились в одном — и это одно можно сформулировать, пожалуй, так:

— Да, мне редкостно повезло, я знал Дзержинского, видел его, слышал его. Но как рассказать об этом?

А как мне пересказать то, что я слышал более тридцати лет назад? Как собрать воедино воспоминания разных людей об этом действительно необыкновенном человеке, как воссоздать тот образ Человечнейшего Человека, который я вижу по рассказам тех, кто работал с Дзержинским? Это очень трудно, почти невозможно...

И вот передо мною вышедшая недавно в издательстве «Мысль» книга Софьи Сигизмундовны Дзержинской «В годы великих боев». Верная подруга Феликса Эдмундовича — она была с ним и в годы подполья, и в годы каторги и ссылки, и после победы Великой Октябрьской революции, — Софья Сигизмундовна рассказала о Феликсе Эдмундовиче много такого, чего мы не знали и что еще более восхищает и поражает в этом грандиозном характере. Эти мои разрозненные заметки ни в коей мере не рецензия на интереснейшую книгу С. С. Дзержинской. Просто, читая воспоминания, я захотел вернуться к образу Феликса Дзержинского, который занимает в моей литературной биографии важное место.

Он был очень красив. У него были мягкие темно-золотистые волосы и удивительные глаза — серо-зеленые, всегда внимательно вглядывающиеся в собеседника, доброжелательные и веселые. Никто никогда не замечал в этом взгляде выражения безразличия. Иногда в глазах Дзержинского вспыхивали гневные огни. Большей частью это происходило тогда, когда он сталкивался с равнодушием, которое он так точно окрестил «душевным бюрократизмом».

Про него говорили: «Лед и пламень». Когда он спорил и даже когда сердился в среде своих, в той среде, где он был до конца откровенен, — это был пламень. Но когда имел дело с врагами Советского государства, — это был лед. Здесь он был спокоен, иногда чуть-чуть ироничен, изысканно вежлив. Даже на допросах в ЧК его никогда не покидало абсолютно ледяное спокойствие.

После разговора с одним из крупных заговорщиков в конце двадцатых годов Феликс Эдмундович сказал Беленькому:

«В нем смешно то, что он не понимает, как он смешон исторически. С пафосом нужно обращаться осторожно, а этот не понимает...»

Дзержинский был красив и в детстве и в юности. Одиннадцать лет ссылки, тюрем и каторги пощадили его, он остался красивым.

Скульптор Шеридан, родственница Уинстона Черчилля, написала в своих воспоминаниях, что никогда ей не доводилось лепить более прекрасную голову, чем голова Дзержинского.

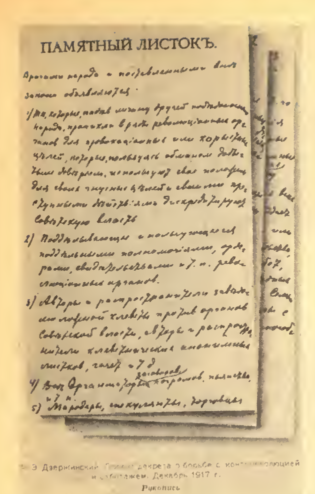
«А руки, — писала Шеридан, — это руки великого пианиста или гениального мыслителя. Во всяком случае, увидев его, я больше никогда не поверю ни одному слову из того, что пишут у нас о г-не Дзержинском».

Но прежде всего он был поразительно красив нравственной стороной своей личности.

27 мая 1918 года Дзержинский писал жене: «Я нахожусь в самом огне борьбы. Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасать наш дом, некогда думать о своих и о себе. Работа и борьба адская. Но сердце мое в этой борьбе осталось живым, тем же самым, каким было и раньше. Все мое время — это одно непрерывное действие».

Эти слова могут быть отнесены ко всей сознательной жизни Дзержинского.

Дзержинский не умел отдыхать. Не умел лечиться. Эмиграция была для него сущей мукой —



ПАМЯТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

[illegible]

Э Дзержинский. [illegible] декрета о борьбе с кон[illegible]олюцией и [illegible]ботажем. Декабрь 1917 г.

Рукопись

Фотокопия рукописи проекта декрета о борьбе с контрреволюцией и саботажем (декабрь 1917 года).

в буквальном смысле этого слова. Не выносящий никакой патетики, он писал:

«Я не могу наладить связь... вижу, что другого выхода нет — придется самому ехать туда, иначе постоянная непрерывная мука. Мы совершенно оторваны. Я так работать не могу — лучше даже провал...»

И он возвращается, несмотря на реальную опасность провала, в самый «огонь борьбы». Он руководит комиссией, которая ведет следствие по делу лиц, подозреваемых в провокациях. И охранка знает о его деятельности. Дзержинский в подполье, Дзержинский, бежавший с царской каторги, страшен царской охранке.

Больше всего на свете этот совсем еще молодой человек любил детей. Где бы он ни жил, где бы ни скрывался, он всегда собирал вокруг себя дюжину ребят.

Софья Сигизмундовна вспоминает, как Дзержинский писал за столом, держа на коленях неизвестного малыша, что-то сосредоточенно рисующего, но другой малыш, тоже неизвестный, вскарабкавшись сзади на стул и обняв Дзержинского за шею, внимательно следил за тем, как он пишет. Но этого мало. Вся комната, набитая ребятишками, гудела, сопела и пищала: здесь, оказывается, была железнодорожная станция; Дзержинский с утра собрал детский сад, понастроил поездов из спичечных коробок и каштанов, а потом уже занялся своим делом.

ЛЕД И ПЛАМЕНЬ

Дзержинский в тюрьме... Этот документ — воспоминание товарища Дзержинского, Красного:

«Мы увидели страшно грязную камеру. Грязь залепила окно, свисала со стен, а с пола ее можно было лопатами сгребать. Начались рассуждения о том, что нужно вызвать начальника, что так оставлять нельзя и т. д., как это обычно бывает в тюремных разговорах.

Только Дзержинский не рассуждал о том, что делать: для него вопрос был ясен и предрешен. Прежде всего он снял сапоги, засучил брюки до колен, пошел за водой, принес щетку, через несколько часов в камере все — пол, стены, окно — было чисто вымыто. Дзержинский работал с таким самозабвением, как будто уборка эта была важнейшим партийным делом. Помню, что всех нас удивила не только его энергия, но и простота, с которой он работал за себя и за других».

Интересная подробность: никто никогда из товарищей по заключению не видел Феликса Эдмундовича в дурном настроении или подавленным. Он всегда выдумывал всякие затеи, которые могли развеселить заключенных. Ни на минуту не оставляло его чувство ответственности за своих товарищей по подполью. У него был особый нюх на «подсадных уток» — завербованных охранкой подонков, которые осуществляли свою подлейшую работу даже в камерах. Феликс Эдмундович, попавший первый раз в тюрьму из-за провокатора, никогда впоследствии не ошибался насчет «подсадных». Многих людей он спас от каторги, ссылки и тюрьмы тем, что всегда и всюду проявлял замечательное качество, которое мы сейчас именуем бдительностью.

Однако же не надо думать, что в заключении Дзержинскому было хоть в какой-то мере лег-

че, чем его товарищам. Наоборот, ему было значительно тяжелее. Известно, что он никогда не разговаривал с теми, кого именовал царскими палачами. На допросах он просто не отвечал. В заключении для необходимых переговоров с тюремщиками, как правило, находились люди, которые умели разговаривать в элементарно корректной форме. Они всегда служили как бы переводчиками, когда Дзержинский выставлял какие-либо категорические требования.

В Седлецкой тюрьме Феликс Эдмундович сидел вместе с умиравшим от чахотки Антоном Россолом. Получивший в заключении сто розог, чудовищно униженный этим варварским наказанием, погибающий Россол, который уже не поднимался с постели, был одержим неосуществимой мечтой: увидеть небо. Огромными усилиями воли Дзержинскому удалось убедить своего друга в том, что никакой чахотки у него не было и нет, а что его просто избили, и от этого он ослабел. Кровотечение из горла, доказывал Дзержинский, тоже результат избиения.

Однажды после бессонной ночи, когда Россол в полубреду непрестанно повторял, что непременно выйдет на прогулку и увидит весенние лужи, распускающиеся почки и небо, Дзержинский обещал Антону выполнить его желание. И выполнил! За все время существования тюремного режима в Царстве Польском такого случая не бывало: Дзержинский, взяв Россола себе на спину и велев ему крепко держаться за шею, встал вместе с ним в коридоре в строй на перекличку перед прогулкой. На сиплый вопль смотрителя Захаркина, потрясенного неслыханной дерзостью, заключенные ответили так, что тюремное начальство в конце концов отступило перед железной волей Феликса Эдмундовича.

В течение целого лета Дзержинский ежедневно выносил Россола на прогулку. Останавливаться было нельзя. Сорок минут Феликс Эдмундович носил Антона на спине.

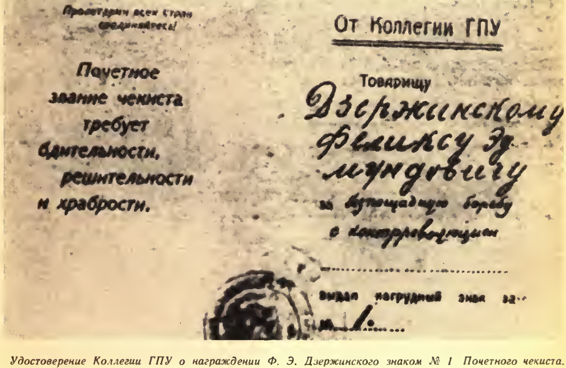
К осени сердце у Дзержинского было испорчено вконец.

Передают, что кто-то в ту пору сказал о Феликсе Эдмундовиче так:

«Если бы Дзержинский за всю свою сознательную жизнь не сделал ничего другого, кроме того, что он сделал для Россола, то и тогда люди должны были бы поставить ему памятник...»

Софья Сигизмундовна рассказывает, что когда Дзержинский осенью 1909 года был сослан в Сибирь, то по пути в Красноярскую тюрьму он встретился со ссыльнопоселенцем М. Траценко, незаконно закованным в ножные кандалы. Из кухни Дзержинский унес под полой тюремного халата топор и пытался разрубить им кандальные кольца. Царские кандалы были крепки, кольцо гнулось, разрубить металл оказалось невозможным. Но Дзержинский боролся с беззаконием тюремщиков до тех пор, пока они не сняли с Траценко кандалы.

В Тасееве, на месте ссылки, Дзержинский узнал, что одному из ссыльных угрожает каторга или даже смертная казнь за то, что он, спасая свою жизнь, убил напавшего на него бандита. Феликс Эдмундович, решивший еще в Варшаве немедленно бежать из ссылки, запас-



Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Почетное звание чекиста требует бдительности, решительности и храбрости.

От Коллегии ГПУ

Товарищу Дзержинскому Феликсу Эдмундовичу за беспощадную борьбу с контрреволюцией

выдан нагрудный знак за № 1

Удостоверение Коллегии ГПУ о награждении Ф. Э. Дзержинского знаком № 1 Почетного чекиста.

ся паспортом на чужое имя и деньгами на проезд, которые он умело спрятал в одежду. Но нужно было помочь товарищу. И Дзержинский, не задумываясь, отдал ему паспорт и часть своих денег. Сам же без всяких документов бежал в Польшу...

До конца своих дней он сам чистил себе обувь и стелил постель, запрещая это делать другим. «Я — сам!» — говорил он. Узнав, что туркестанские товарищи назвали его именем Семиреченскую железную дорогу, Дзержинский послал им телеграмму с возражением и написал в Совнарком записку с требованием отменить это решение.

Один ответственный работник железнодорожного транспорта, желая угодить Дзержинскому, который был тогда наркомом путей сообщения, перевел сестру Дзержинского Ядвигу Эдмундовну на значительно лучше оплачиваемую работу, для выполнения которой у нее не было квалификации. Дзержинский возмутился и приказал не принимать его сестру на эту ответственную работу, а работника транспорта, подхалима, снял с занимаемой им должности.

Л. А. Фотиева рассказала: как-то на заседании Совнаркома при обсуждении вопроса, поставленного Феликсом Эдмундовичем, оказалось, что нет материалов. Дзержинский вспылил и упрекнул Фотиеву в том, что материалы из ВЧК отправлены, а секретарь Совнаркома их затерял. Убедившись же в том, что материалы из ВЧК не доставлены, Дзержинский попросил на заседании СНК внеочередное слово и извинился перед Фотиевой.

На Украине, рассказывает Ф. Кон, в разгар петлюровщины был приговорен к расстрелу советским судом старый подпольщик, коммунист Сидоренко. Ему удалось бежать. Но он не стал скрываться, а явился в Москву к Дзержинскому с просьбой о пересмотре дела. Уверенный в своей невиновности, а главное — в том, что Дзержинский не допустит несправедливости, осужденный не побоялся прийти к председателю ВЧК.

«В период работы Феликса Эдмундовича в ВЧК был арестован эсер, — рассказывает Е. П. Пешкова. — Этого эсера Дзержинский хорошо знал по вятской ссылке как честного, прямого, искреннего человека, хотя и идущего по ложному пути.

Узнав о его аресте, Феликс Эдмундович через Беленького пригласил эсера к себе в кабинет. Но тот сказал:

«Если на допрос, то пойду, а если для разговора, то не пойду».

Когда эти слова были переданы Дзержинскому, он рассмеялся и велел допросить эсера, добавив, что, судя по ответу, он остался таким же, каким был, и поэтому, если он заявит, что не виновен в том, в чем его обвиняют, то надо ему верить. В результате допроса он был освобожден».

В это самое время грозный Председатель ВЧК писал своей сестре:

«...Я остался таким же, каким и был, хотя для многих нет имени страшнее моего. И сегодня, помимо идей, помимо стремления к справедливости, ничто не определяет моих действий».

Уже после эсеровского восстания, когда Дзержинского не убили только благодаря его невероятной личной отваге, был арестован один из членов ЦК правых эсеров. Жена арестованного через Е. П. Пешкову пожаловалась Дзержинскому на то, что в связи с арестом ее мужа ее лишили работы, а детей не принимают в школу. После разговора с Дзержинским, который сразу все уладил, жена арестованного, встретив Екатерину Павловну Пешкову, разрыдалась и впоследствии называла Феликса Эдмундовича «нашим замечательным другом».

Кто, когда, где первым сказал про Дзержинского: «карающий меч революции»?

Старый друг и соратник Дзержинского написал после смерти Феликса Эдмундовича:

«И не удивительно, что именно этот бесстрашный и благороднейший рыцарь пролетарской революции, в котором никогда не было ни тени позы, у которого каждое слово, каждое движение, каждый жест выражал лишь правдивость и чистоту души, призван был стать во главе ВЧК, стать спасающим мечом революции и грозой буржуазии».

Спасающий меч — это одно, а карающий — совсем другое.

Имеем ли мы право так ужасно обеднять эту удивительную личность?

ЛЕД И ПЛАМЕНЬ

14 марта 1917 года Дзержинский встретил в Москве, в Бутырках. В этот день революционные рабочие разбили врата тюрьмы и, освободив в числе других политкаторжан Феликса Эдмундовича Дзержинского, вынесли его на руках на улицы будущей столицы РСФСР.

Состояние здоровья Дзержинского было ужасающим. 1 июня 1917 года он принужден был уехать на месяц в Оренбургскую губернию, надеясь, что лечение кумысом принесет хоть какую-либо пользу. Софье Сигизмундовне, которая была в это время в Цюрихе, он написал (чтобы не слишком испугать ее при встрече), что увидит она не его самого, а лишь только его тень. Софья Сигизмундовна переживала трудные дни. Связи ни с Петроградом, ни с Москвой почти не было. О том, чтобы выехать в Россию к мужу, не могло быть и речи: сын Яцек болел.

В июле 1918 года швейцарские газеты сообщили об убийстве левыми эсерами германского посла Мирбаха и о том, что эсеры арестовали Дзержинского, который после убийства Мирбаха отправился в логово врага, чтобы самому арестовать убийц.

Какова же была радость Софьи Сигизмундовны, когда в Цюрихе поздним вечером она услышала под открытым окном такты из «Фауста» Гуно. Это был старый условный сигнал, которым Дзержинский давал знать о себе.

Несколько дней отдыха...

Председатель ВЧК приехал в Швейцарию инкогнито — Феликс Даманский. Здесь он в первый раз увидел сына. А Яцек не узнал отца. Феликс Эдмундович на фотографии, которая всегда стояла на столе матери, был с бородкой, с усами. Сейчас перед Яцеком стоял гладко выбритый человек...

Личная подпись

Ф. Дзержинский

Члены ЦИК Союза ССР имеют свободный вход во все учреждения Союза ССР по предъявлении настоящего мандата.

Созыв 1925

Членский билет № 111

Предъявитель сего, т. Дзержинский Ф. Э. избран членом Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик 3-го созыва и членом СОЮЗНОГО СОВЕТА ЦИК Союза ССР сроком до 4-й Съезд Советов Союза ССР.

М. Калинин

Пред. ЦИК Союза ССР

Членский билет № 111 члена Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик 3-го созыва и члена Союзного совета ЦИК Союза ССР Ф. Э. Дзержинского.

ЛЕД И ПЛАМЕНЬ

14 апреля 1921 года Президиум ВЦИК по предложению Владимира Ильича Ленина назначил Дзержинского народным комиссаром путей сообщения с оставлением его на посту руководителя ВЧК и НКВД.

И этот седой, очень усталый человек начал учиться. Он читал и выяснял неясные для себя вопросы, беседуя с крупнейшими специалистами-транспортниками. Ночью его можно было видеть и на железнодорожной станции, и в депо, и в мастерской. Он разговаривал с машинистами, со стрелочниками, стоял в очереди у железнодорожных касс, проверял порядок продажи билетов, выявляя злоупотребления. Удивительно умея выслушивать людей, не отмахиваясь от неприятного и трудного, он в самый короткий срок объединил вокруг себя крупнейших специалистов.

О. О. Драйзер нашел удивительно точные слова для определения стиля работы Дзержинского на совершенно новом и чрезвычайно ответственном посту:

«Умный и твердый начальник, он вернул нам веру в наши силы и любовь к родному делу».

Голод в Поволжье был чрезвычайно трудным экзаменом для едва поднимающегося из руин гражданской войны транспорта.

В эти дни Феликс Эдмундович написал из Омска жене почти трагические строчки:

«Я должен с отчаянной энергией работать здесь, чтобы наладить дело, за которое я был и остаюсь ответствен. Адский, сизифов труд. Я должен сосредоточить всю свою силу воли, чтобы не отступить, чтобы устоять и не обмануть ожидания Республики. Сибирский хлеб и семена для весеннего сева — это наше спасенье.

Сегодня Герсон в большой тайне от меня, по поручению Ленина, спрашивал Беленького о состоянии моего здоровья, смогу ли я еще оставаться здесь, в Сибири, без ущерба для моего здоровья. Несомненно, что моя работа здесь не благоприятствует здоровью. В зеркало вижу злое, нахмуренное, постаревшее лицо с опухшими глазами. Но если бы меня отозвали раньше, чем я сам мог бы сказать себе, что моя миссия в значительной степени выполнена, — я думаю, что мое здоровье ухудшилось бы...»

Еще одна черта в характере Феликса Эдмундовича — полное отсутствие самодовольства. Не показная скромность, а искреннее чувство неудовлетворенности самим собой. Весьма характерны в этом смысле такие строчки:

«Я вижу, что для того, чтобы быть комиссаром путей сообщения, недостаточно хороших намерений. Лишь сейчас, зимой, я ясно понимаю, что летом нужно было готовиться к зиме. А летом я был еще желторотым, а мои помощники не умели предвидеть». Это пишет о себе народный комиссар путей сообщения и Председатель ВЧК, пишет на пороге осуществления грандиоз-

Ф. Э. Дзержинский и С. М. Киров.

ной и небывалой по тем временам реформы — перехода транспорта на хозрасчет.

Старый большевик, крупный советский хозяйственник И. И. Радченко вспоминает свою встречу с Владимиром Ильичем, на которой присутствовал Феликс Эдмундович. Когда Дзержинский вышел из кабинета, Ленин дал Феликсу Эдмундовичу блестящую характеристику как работнику. Владимир Ильич в затруднительных случаях говорил:

«Ну, надо, значит, поручить Дзержинскому — он сделает».

И не было дела, которое Дзержинский не выполнил бы с тем характерным для него блеском, с той энергией, умной стремительностью и талантливостью, которыми любовались все его друзья.

В траурные дни, последовавшие за кончиной Ленина, партия поставила Дзержинского на труднейший пост Председателя Высшего Совета Народного Хозяйства. В то же время Дзержинский продолжал возглавлять коллегию ОГПУ. Это было чрезвычайно тяжелое время. Многие фабрики и заводы стояли. На других оборудование было крайне изношено и требовало либо замены новым, либо капитального ремонта. Многие квалифицированные рабочие погибли на фронтах. На их место пришли из деревень десятки тысяч новичков, не привыкших ни к машинам, ни к дисциплине. Не хватало сырья, не хватало топлива. Только что начала осуществляться ленинская денежная реформа.

Прошло совсем немного времени, и Дзержинский — в полном курсе всей сложнейшей деятельности ВСНХ.

Трудясь ежедневно не менее чем по 18 часов, Феликс Эдмундович удивительно умел смотреть в будущее. По его инициативе в аппаратах ВСНХ всегда работало не меньше 50 человек вузовцев — здесь их не слишком загружали. По инициативе Дзержинского студентам-практикантам рекомендовалось посещать заседания президиума ВСНХ и его главных управлений.

И сейчас нельзя не поразиться мудрости этого решения: таким путем будущие советские технические специалисты учились искусству управлять у самого Дзержинского и его сподвижников.

Разве можно эту жизнь разделить на периоды — подполье, тюрьмы, революция, ВЧК, НКПС, ВСНХ? Разве не было у Дзержинского — профессионального революционера и замеча-

Если спросить себя, как мы достигли того уровня и тех успехов, которые мы имеем, то необходимо сказать, что успехом в отношении производительности труда мы обязаны почти исключительно самодеятельности и воле рабочего класса

Ф. Дзержинский

Ф. Э. Дзержинский об условиях, обеспечивших успехи в деле повышения производительности труда 1925 г.
Рукопись

тельного конспиратора — тех черт характера, которые дали впоследствии возможность Владимиру Ильичу Ленину увидеть именно в нем, в Дзержинском, Председателя ВЧК? Разве не Дзержинский и в подполье и в кандалах каторжника разоблачал провокатора? И разве, когда бушевали «вихри враждебные» и Дзержинский отдавал решительно все свои силы тяжелобольного человека борьбе с контрреволюцией, — разве в ту пору партия не видела в нем созидателя, организатора, строителя?

Он умер Председателем ВСНХ и Председателем ОГПУ. Он охранял государство и создавал его.

Он умер, отдав решительно все силы своей стране. Едва поднявшись после жесточайшего сердечного приступа, который застиг его на работе, он пошел к себе домой один, отказавшись от провожатых, чтобы не беспокоить Софью Сигизмундовну. Пожав руку жене, Феликс Эдмундович пошел в спальню. Софья Сигизмундовна обогнала его, чтобы приготовить ему постель, но он остановил ее теми двумя словами, которые произносил всю жизнь, всегда:

«Я — сам».

Он всегда все делал сам.

Это были его последние слова...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1 Июля 1921 г.

Ц. К. Р. К. П. (Б-ов).

Учетно-распределительный отдел.

Ед. парт. билет № 1367313

ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК № 4706

Губерния Москвы уезд

населенный пункт

Партийная организация (город, район, уезд) г. Москвы, Город. район

1) Фамилия Дзержинский

2) Имя, отчество Феликс Эдмундович

3) Год рождения 1877

4) Национальность поляк

5) Родной язык польский

6) На каких языках еще свободно: а) говорит б) пишет только русским и польским

7) Какие местности Р. С. Ф. С. Р. хорошо знает

8) Социальное положение (прежнее сословие, звание, состояние т. п.) из мелких дворян

9) Основное занятие (дающее средства к существованию):

а. до войны 1914 г.

Партийная работа

б. во время войны (до окт. рев.)

Каторга

10) Профессия Неопределенная

11) Семейное положение (сколько членов семьи при себе, из них нетрудоспособных на иждивении сорасти...)

Трудоспособная жена, 11-ти летний сын

Личный листок коммуниста Ф. Э. Дзержинского. В графе «Основное занятие» до войны 1914 года записано: «Партийная работа»; во время войны (до Октябрьской революции) — «Каторга».

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

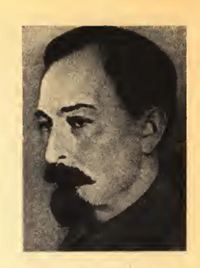
АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в 1877 г. Учился в гимназии в г. Вильно. В 1894 г., будучи в 7-м классе гимназии, вхожу в социал-демократический кружок саморазвития; в 1895 г. вступаю в литовскую социал-демократию и, учась сам марксизму, веду кружки ремесленных и фабричных учеников. Там меня в 1895 г. и окрестили Яцеком. Из гимназии выхожу сам, добровольно в 1896 г., считая, что за верой должны следовать дела и надо быть ближе к массе и с ней самому учиться. В 1896 же году прошу товарищей посылать меня в массы, не ограничиваясь кружками. В то время у нас в организации шла борьба между интеллигенцией и рабочими верхушками, которые требовали, чтобы их учили грамоте, общим знаниям и т. д., а не совались не в свое дело, в массы. Несмотря на это, мне удалось стать агитатором и проникать в совершенно нетронутые массы на вечеринки, в кабаки, там, где собирались рабочие.

В начале 1897 г. меня партия послала как агитатора и организатора в Ковно — промышленный город, где тогда не было социал-демократической организации и где недавно провалилась организация ППС. Здесь пришлось войти в самую гущу фабричных масс и столкнуться с неслыханной нищетой и эксплуатацией, особенно женского труда. Тогда я на практике научился организовывать стачку.

Во второй половине того же года меня арестовывают на улице по доносу рабочего-подростка, соблазнившегося десятью рублями, обещанными ему жандармами. Не желая обнаружить своей квартиры, называюсь жандармам Жебровским. В 1898 г. меня высылают на три года в Вятскую губернию — сначала в Нолинск, а затем, в наказание за строптивый характер и скандал с полицией, а также за то, что стал работать набойщиком на махорочной фабрике, высылают на 500 верст дальше на север, в село Кайгородское. В 1899 г. на лодке бегу оттуда, так как тоска слишком замучила. Возвращаюсь в Вильно. Застаю литовскую социал-демократию ведущей переговоры с ППС об объединении. Я был самым резким врагом национализма и считал величайшим грехом, что в 1898 г., когда я сидел в тюрьме, литовская социал-демократия не вошла в единую Российскую социал-демократическую рабочую партию, о чем и писал из тюрьмы к тогдашнему руководителю литовской социал-демократии д-ру Домашевичу. Когда я приехал в Вильно, старые товарищи были уже в ссылке — руководила студенческая молодежь. Меня к рабочим не пустили, а поспешили сплавить за границу, для чего свели меня с контрабандистами, которые и повезли меня в еврейской «балаголе» по Вилкомирскому шоссе к границе. В этой «балаголе» я познакомился с одним пареньком, и тот за десять рублей в одном из местечек достал мне паспорт. Доехал тогда до железнодорожной станции, взял билет и уехал в Варшаву, где у меня был один адрес бундовца.

В Варшаве тогда не было социал-демократической организации. Только ППС и Бунд. Социал-демократическая партия была разгромлена. Мне удалось завязать с рабочими связь и скоро восстановить нашу организацию, отколов от ППС сначала сапожников, затем целые группы столяров, металлистов, кожевников, булочников. Началась отчаянная драка с ППС, кончавшаяся неизменно нашим успехом, хотя у нас не было ни средств, ни литературы, ни интеллигенции. Прозвали рабочие меня тогда Астрономом и Франком.



В феврале 1900 года на собрании меня уже арестовали и держали сперва в X павильоне Варшавской цитадели, затем в Седлецкой тюрьме.

В 1902 году выслали на пять лет в Восточную Сибирь. По дороге в Вилюйск летом того же года бежал на лодке из Верхоленска вместе с эсером Сладкопевцевым. На этот раз поехал за границу — переправу мне устроили знакомые бундовцы. Вскоре после моего приезда в Берлин, в августе месяце была созвана наша партийная — Социал-демократии Польши и Литвы — конференция, где было решено издавать «Червоны штандар». Поселяюсь в Кракове для работы по связи и содействию партии из-за кордона. С того времени меня называют Юзефом.

До января 1905 года езжу от времени до времени для подпольной работы в Русскую Польшу, в январе переезжаю совсем и работаю в качестве члена Главного правления Социал-демократии Польши и Литвы. В июле арестовывают на собрании за городом, освобождает октябрьская амнистия.

В 1906 году делегируют меня на Объединительный съезд в Стокгольм. Вхожу в ЦК РСДРП в качестве представителя от Социал-демократии Польши и Литвы. В августе — октябре работаю в Петербурге. В конце 1906 г. арестовывают в Варшаве и в июне 1907 г. освобождают под залог.

Затем снова арестовывают в апреле 1908 г., судят по старому и новому делу два раза, оба раза дают поселение и в конце 1909 года высылают в Сибирь — в Тасеево. Побыв там семь дней, бегу и через Варшаву еду за границу. Поселяюсь снова в Кракове, наезжая в Русскую Польшу.

В 1912 году переезжаю в Варшаву, 1 сентября меня арестовывают, судят за побег с поселения и присуждают к трем годам каторги. В 1914 г., после начала войны, вывозят в Орел, где и отбыл каторгу; пересылают в Москву, где судят в 1916 г. за партийную работу периода 1910—1912 годов и прибавляют еще шесть лет каторги. Освободила меня Февральская революция из Московского централа. До августа работаю в Москве, в августе делегирует Москва на партсъезд, который выбирает меня в ЦК. Остаюсь для работы в Петрограде.

В Октябрьской революции принимаю участие как член Военно-революционного комитета, а затем, после его роспуска, мне поручают сорганизовать орган борьбы с контрреволюцией — ВЧК (7/XII 1917 г.), Председателем которого меня назначают.

Меня назначают Народным комиссаром внутренних дел, а затем, 14 апреля 1921 года, — и путей сообщения.

Ф. Дзержинский

Из Обращения ЦК ВЛКСМ «Ко всем комсомольцам, ко всей трудящейся молодежи СССР». 1926 г.

«МОЛОДЫЕ ТОВАРИЩИ! СОМКНИТЕ РЯДЫ ЛЕНИНЦЕВ! КРЕПИТЕ НАШ КОМСОМОЛ. УЧИТЕСЬ ЖИТЬ И РАБОТАТЬ ТАК, КАК ЖИЛ, БОРОЛСЯ И РАБОТАЛ ТОВ. ДЗЕРЖИНСКИЙ».

Ф. Э. Дзержинский среди членов Коллегии ВЧК. 1919 г.

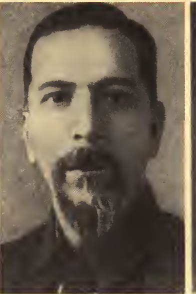
Яков Христофорович Петерс— заместитель Председателя и член Коллегии ВЧК.

Мартин Янович Лацис — член Коллегии ВЧК. Председатель Всеукраинской ЧК.

Ефим Георгиевич Евдокимов— член Коллегии ОГПУ, полномочный представитель ОГПУ в Средней Азии.

ЧЕКИСТЫ — СОРАТНИКИ ДЗЕРЖИНСКОГО

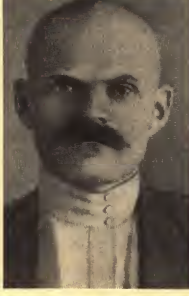
Вячеслав Рудольфович Менжинский — заместитель Председателя ВЧК, Председатель ОГПУ после смерти Ф. Э. Дзержинского.



Михаил Сергеевич Кедров — начальник Особого отдела и член Коллегии ВЧК.

Иосиф Станиславович Уншлихт — заместитель Председателя ВЧК.

Иван Ксенофонтович Ксенофонтов — член Коллегии и заместитель Председателя ВЧК.



Василий Васильевич Фомин — член Коллегии ВЧК.

Артур Христианович Артузов — начальник контрразведывательного отдела ВЧК — ГПУ.

Варвара Николаевна Яковлева — член Коллегии ВЧК.

Эдуард Петрович Берзинь — активный участник раскрытия заговора Локкарта.

Григорий Сергеевич Сыроежкин — активный участник операции по захвату Б. Савинкова.

Эльза Яковлевна Грундман — помощник начальника Особого отдела Московской Чрезвычайной комиссии, активная участница борьбы с контрреволюцией и бандитизмом.

ЧЕКИСТЫ — СОРАТНИКИ ДЗЕРЖИНСКОГО

Сергей Васильевич Пузицкий — активный участник операции по захвату Б. Савинкова.

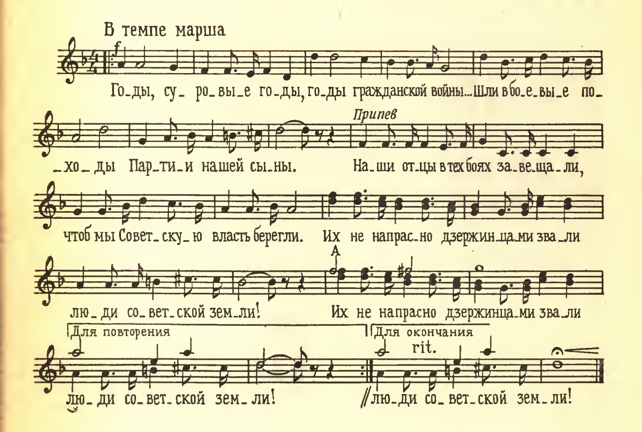
Александр Афанасьевич Косухин — комиссар «золотого эшелона».

Андрей Павлович Федоров — активный участник операции по захвату Б. Савинкова.

Ян Янович Буйкис — активный участник раскрытия заговора Локкарта.

МАРШ ДЗЕРЖИНЦЕВ

Музыка Вано **МУРАДЕЛИ**

Стихи Михаила **ВЕРШИНИНА**

Годы, суровые годы,
Годы гражданской войны...
Шли в боевые походы
Партии нашей сыны.

Наши отцы в тех боях завещали,
Чтоб мы Советскую власть берегли.
Их не напрасно дзержинцами звали
Люди советской земли!

В битве за счастье веков,
Люди переднего края
Мы, не щадя, покараем
Новых заклятых врагов.

Тот, кто дзержинцем зовется,
Будет всегда впереди —
Сердце Дзержинского бьется
В каждой солдатской груди.

Наши отцы в тех боях завещали,
Чтоб мы Советскую власть берегли.
Их не напрасно дзержинцами звали
Люди советской земли!

ПЕРВОЕ ДЕЛО ВЧК

22 октября 1917 г.

Когда 10(23) декабря 1917 года «Известия ЦИК» опубликовали сообщение о создании ВЧК и указали ее адрес (Петроград, Гороховая, 2) и время приема посетителей, это было не просто формальностью, а отражением принципа работы ВЧК — опираться на народ.

И вот на Гороховую, 2 идут рабочие, солдаты, извозчики, уборщицы, служащие. Они сообщают о сборищах заговорщиков и саботажников. Одно из них происходит в помещении так называемого «Союза трудовой интеллигенции» — на Литейном.

Так возникает первое дело о центральной организации саботажа — «Союзе союзов служащих государственных учреждений».

Всеми операциями по делу руководит лично Ф. Э. Дзержинский. Он же ведет следствие. На заседании Чрезвычайной комиссии 22 декабря 1917 года обсуждается план операции. Решено захватить саботажников на месте. Непосредственное проведение операции Дзержинский поручает одному из членов комиссии. Феликс Эдмундович выписывает на бланке ВЧК ордер. В нем сказано: «Предписывается произвести обыск по Литейному, 46, кв. 17 и задержать всех заподозренных лиц, в том числе Валединского, который публично собирал деньги для саботажников». В помощь придается красногвардейский отряд из питерских рабочих и

Группа петроградских чекистов — участников борьбы с контрреволюцией. В центре — В. В. Фомин.

солдат. Отряд выступает. Члены комиссии ждут первых сообщений.

Отряд прибыл на Литейный, 46. Оглашается ордер ВЧК, и все присутствующие (около тридцати человек) объявляются задержанными. Среди сотрудников контор замешательство. Ильяшевич и другие прячут, рвут какие-то бумаги. Их останавливают. Бумаги оказываются подписными листами, визитными карточками.

Красногвардейцы подходят к каждому из задержанных, выясняют личность. Здесь оказывается и председатель «Союза союзов» — чиновник министерства внутренних дел А. М. Кондратьев. У него изымается записная книжка. Но солдат на секунду зазевался. Кондратьев пытается исчезнуть. Его обнаруживают в уборной. Рядом валяются разорванные бумаги «Союза союзов», визитная карточка, но исчез бумажник с кредитками... Кондратьева снова задерживают. Обыск продолжается.

Опыта работы еще нет, нет и квалифицированных кадров чекистов. Дзержинский лично изучает найденные при обыске бумаги, кропотливо по кусочкам складывает разорванные саботажниками документы, наклеивает их на чистые листы, делает пометки. Он тщательно просматривает изъятую у Кондратьева записную книжку с «бухгалтерией» саботажников — взносами, расчетами, фамилиями, адресами. Затем вместе с Я. Х. Петерсом и И. К. Ксенофонтовым выписывает на 23 декабря ордера на производство обысков в квартирах саботажников и приступает к допросам.

Вот лично записанные Феликсом Эдмундовичем показания А. Я. Литвиненко — чиновника бывшего министерства внутренних дел:

«Жалованье, как и все другие, ...я получал от стачечного комитета, иногда полностью, иногда урезанное... А. М. Кондратьева я знал как своего сослуживца... Запись моей фамилии и адреса, о которых Вы (Дзержинский) мне сообщаете (Феликс Эдмундович предъявил ему запись, сделанную в книжке Кондратьева), я объясняю тем, что недели три тому назад я по просьбе председателя А. М. Кондратьева выполнял некоторые поручения: я был секретарем Кондратьева в течение 2—3 дней для связи с IV группой».

Затем Ф. Э. Дзержинский составляет подробный план расследования. Чекисты успешно проводят эту операцию. Ф. Э. Дзержинский продолжает собирать, исследовать и оценивать добытые вещественные доказательства, письменные документы, показания подследственных.

В результате он отделяет от рядовых участников организации верхушку, руководящую саботажем, устанавливает степень участия каждого арестованного, тяжесть его вины, политическое лицо,

отношение к Советской власти. Он корректен и строг к допрашиваемым, внимательно выслушивает арестованных, разъясняет им политику большевиков. Многие начинают понимать свои заблуждения, раскаиваются.

Так закладываются тактические приемы нового, советского следствия, принципы, которые вскоре лягут в основу работы ВЧК.

Феликс Эдмундович читает поступившие в комиссию ходатайства о свидании с арестованными, об освобождении и принятии на поруки.

Постепенно к 1 марта 1918 года ВЧК освободила арестованных по делу, кроме Кондратьева. Материалы дознания направляются в следственную комиссию революционного трибунала. 2 марта 1918 года следственная комиссия, допросив Кондратьева, освободила из-под стражи и его. Дело «Союза союзов» было прекращено без суда и применения наказаний.

А что было дальше? О следующих операциях ВЧК рассказывает один из ее создателей — член партии с 1905 года Мартин Янович Лацис. Во время Октябрьской революции Лацис входил в состав Военно-революционного комитета. В 1918 году он — член Коллегии ВЧК — возглавил отдел по борьбе с контрреволюцией. Вот что рассказал он в лекции, прочитанной в 1921 году.

МЫ НЕ ЗНАЛИ ПРАЗДНИКОВ

На второй месяц существования Советской власти, наконец, удалось разрушить источники финансирования саботажников. Чиновники, лишенные материальной помощи, стали приступать к работе. В это же время были произведены аресты членов стачечного комитета Всероссийского союза служащих, руководившего забастовкой чиновников. Чиновники стали работать. Но саботаж не кончился.

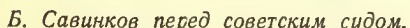
Так, были случаи, когда банковские служащие выдавали и перечисляли деньги земским начальникам, старым чиновникам царского режима, вдовам министров и прямым контрреволюционерам.

Другой пример. Эшелон с продовольствием, отправленный из Саратова голодающему Петрограду, сделав два конца туда и обратно, снова очутился в Саратове.

Продовольственные агенты, вместо того чтобы продовольствие доставлять на место, накапливали его в тех пунктах, которые мог занять противник. Продовольственная милиция, в которой находились меньшевики и эсеры, поджигала товарные вокзалы, например Рязанский. Враги, лишенные надежды победить нас оружием, хотели задушить нас рукой голода и холода. В это же время ВЧК раскрыла ряд контрреволюционных организаций.

В декабре 1917 года был вскрыт контрреволюционный союз под названием «Спасение родины и революции». Этот союз объединил в общей борьбе против рабочей и крестьянской власти весь старый царский сброд и правые социалистические партии.

В январе началась борьба с донской авантюрой. В Петрограде возник штаб контрреволюционеров, который отправлял на Дон юнкеров и


Б. Савинков перед советским судом.

бывших офицеров. Юнкера и офицеры, отпущенные на свободу после подавления поднятого ими 29 октября 1917 года мятежа, записывались в дружинники, забывая данное нам обещание уехать к себе на родину и оставить борьбу с рабочей и крестьянской властью. Работа ставилась на широкую ногу. Но и здесь помешала Чрезвычайная комиссия, ликвидировав дело в самом зародыше.

В это же время родилась новая контрреволюционная организация под названием «Союз Учредительного собрания». Под видом организации солдатских «университетов» он подготовлял вооруженные выступления против Советской власти. Когда в «университетах» произвели обыски, там обнаружили большое количество оружия и бомб. Главари были арестованы.

После роспуска Учредительного собрания, отказавшегося утвердить «Декларацию прав трудящегося народа», деятельность контрреволюционеров усилилась. Возник новый штаб, который вербовал юнкеров и офицеров к Каледину на Дон. Вскоре после этого ВЧК разоблачила другую белогвардейскую организацию — союз «Военная лига». Этим союзом был выработан план свержения Советской власти, заключавшийся в следующем: выступление предполагается начать в Адмиралтейском районе, отсюда заговорщики направляются к правительственным учреждениям, захватывают их и убивают народных комиссаров.

Убедившись на опыте, что с рабочей и крестьянской властью не так-то легко справиться, контрреволюционеры приступают к планомерной организации своих сил. Они стали искать помощи со стороны. Одни из них, большей частью монархисты, желали союза с Германией и работали в этом направлении.

Другие, промышленная буржуазия и офицерство военного времени, завязывали связи с «союзниками» — Англией, Францией, Америкой и Италией.

Белогвардейская организация «Союз защиты родины и свободы» принадлежала именно к этой союзнической ориентации. Эта организация была раскрыта в конце мая 1918 года.

Заговорщики намеревались не противодействовать, а способствовать захвату всех западных губерний Советской России и самой Москвы немцами, которые тогда еще продолжали теснить наши части на западе, несмотря на Брестский мир, отступить со своим штабом до Волги, утвердившись в Казани. Здесь к ним подходит Колчак с армией сибирских белогвардейцев и союзнических войск. На западе от Волги большевистскую власть уничтожает Германия, а к востоку от Волги — заговорщики с Колчаком. После этого начинается наступление на немцев, и вся Россия превращается в поле сражения.

Идея не нова — продолжать войну против Германии вместе с союзниками. Главари организации предполагали, что большевики Москву дольше двух недель не удержат. Поэтому свой боевой штаб они переносили в Казань. Для этого туда выехали квартирьеры.

«Союз защиты родины и свободы» финансировался Антантой. Казначеем был присяжный поверенный Виленкин из партии «Народных социалистов». Он же был начальником кавалерии. Построена эта организация была строго конспиративно. Боевые члены союза работали в советских учреждениях, главным образом в продовольственной милиции и охранных дружинах. Возглавлял организацию террорист Борис Савинков, начальником штаба являлся полковник Перхуров.

Тогда захватить главарей организации нам не удалось. Позже они организовали восстание в Ярославле. Но надежды белогвардейцев не сбылись. Чрезвычайная комиссия раскрыла их планы.

Рабочий класс, взявший власть в свои руки, проявил безмерное благородство по отношению к своему политическому врагу, который отнюдь не относился к нам так же, как мы к нему. Свергнутые классы с первых дней революции стали по другую сторону баррикад и повели против нас жестокую борьбу. Советская власть лишь тогда, когда увидела, что борьба идет уже не на жизнь, а на смерть, решилась во второй половине 1918 года ответить на белый террор красным террором.

Мелкобуржуазная пресса, распространяющая о нас враждебные слухи, делает это злонамеренно. И мы бросаем в лицо шептунам, наглецам и лжецам: «Вы, господа, лжете. Ничего подобного не было. Если Советская власть потом стала расстреливать контрреволюционеров, а вас, мелкобуржуазные шептуны, стала сажать в тюрьму, то вы сами к этому вынудили...»

Работа в Чрезвычайной комиссии — это революционный долг, который по очереди следовало бы нести всем коммунистам. Каждый коммунист — первым делом воин и страж Советской власти, а Чрезвычайная комиссия — аппарат, который в тылу охраняет революционный порядок и дает возможность мирного созидательного труда.

Работа в Чрезвычайной комиссии трудна и опасна. Тут нет нормально установленного распорядка рабочего времени. Сплошь да рядом приходится работать несколько суток подряд, не засыпая.

Чекисты не знают праздников, так как контрреволюция их тоже не знает и обыкновенно пользуется для своих заговоров тем временем, когда мы не бодрствуем, а празднуем. Нет ни одной области работы в тылу, которая требовала стольких жертв. По дошедшим до нас скудным сведениям, на внутренних фронтах России погибло сотрудников Чрезвычайной комиссии и отрядов 5 тысяч человек, а на Украине — до 2 тысяч, не считая раненых. Нет ни одной области труда, где бы работа исполнялась столь ревностно, как в ЧК.

Первое дело ВЧК

НЕКРОЛОГ В «ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЕ ЧК» О ПРАСКОВЬЕ ИВАНОВНЕ ПУТИЛОВОЙ

ЕЩЕ ОДНА ЖЕРТВА БЕЛОГО ТЕРРОРА

За десять месяцев существования ВЧК от предательской пули врагов революции пала уже не одна жертва: убит товарищ Цигелка, Кроуклит, убит целый ряд комиссаров и красноармейцев войск корпуса ВЧК. Не бывает дня, когда бы работники Чрезвычайных комиссий, неся на своих плечах непосильно тяжелую работу, не находились под угрозой какого-либо предательского выстрела из-за угла. Таким предательским ударом 5 сентября 1918 года была сражена эта молодая революционерка. Как и везде, и здесь, в этом подлом убийстве, кроме штатских белогвардейцев, принимали деятельное участие и черные вороны ближайшего женского монастыря. После нанесения первого удара каким-то тупым орудием товарищ Путилова была зверски растерзана всей этой сволочью.

Тяжело писать о погибших товарищах, но еще тяжелее, когда этих товарищей знаешь по совместной работе. И вот товарищ Путилова одна из таковых, которую пишущий эти строки знал хорошо по совместной работе в комиссии.

Для всех, кто работает в ВЧК с первых дней ее организации, потеря товарища Путиловой не безразлична.

В первые дни пролетарской революции, когда на долю Чрезвычайной комиссии выпала самая тяжелая роль борьбы с контрреволюцией, она явилась одной из первых сотрудниц для этой работы, выполняя и роль секретаря, и делопроизводителя, и следователя по спекулятивным делам, а иногда и ездила на обыски.

Такой молодой (18 лет), ей была совершенно чужда та напускная революционность, каковая еще не покидает большинство женщин, работающих для пролетарской революции. Это была твердая революционерка, коммунистка, беззаветно преданная делу пролетарской революции.

Имея недюжинные организационные способности, она со дня основания ВЧК работала в отделе по борьбе со спекуляцией, принимала живейшее участие в работах Всероссийской конференции Чрезвычайных комиссий в июне 1918 года; но с организацией иногороднего отдела она перешла в этот отдел и все время чехословацкого восстания рвалась поехать на места, на фронт.

После двух своих поездок на губернские конференции ЧК в Великие Луки и Витебск она поехала работать в прифронтовую Чрезвычайную комиссию в Рузаевку Пензенской губернии.

Местность, где ее настигла преждевременная смерть, характерна именно тем, что в ней кишмя кишели англо-французские шпионы и кулачество представляло из себя элемент, живейше поддерживающий эту чехословацкую авантюру.

Но как бы ни тяжело было оплакивать потерю преданных партийных товарищей, все же теперь не время поддаваться чувствительности, когда враг ежеминутно ловит момент взять нас за горло.

На это злодейское убийство мы можем только ответить двумя вещами: еще более сильным ударом против контрреволюционной буржуазии и созданием совершеннейших органов в лице Чрезвычайных комиссий, которые бы с неумолимой методичностью и беспощадностью проводили диктатуру пролетариата и крестьянской бедноты.

Знайте же, продажные слуги капитала, на ее убийство мы ответим только этим!

Сознание таких горьких, тяжелых утрат было бы прямо непосильно, если бы мы не знали, что с нами идет великая истина социализма, великое раскрепощение всех угнетенных и обездоленных.

Только это сознание утешает нас в горькой утрате.

И мы поднимаем еще выше святое знамя борьбы, орошенное новой чистой кровью революционерки, отдавшей свою жизнь во имя светлого будущего трудящихся масс всего мира...

И мы говорим: нет, мы не знаем больше любви...

Тебе же, славный и преданный делу пролетарской революции товарищ, скажем:

Мир праху твоему!

В. ФОМИН

«Еженедельник ЧК» № 1, М., 1918, стр. 7.

ПОД ИМЕНЕМ ШМИДХЕНА

ТОЛЬКО 48 ЛЕТ СПУСТЯ СТАЛО ВОЗМОЖНЫМ НАЗВАТЬ ИМЯ ЧЕЛОВЕКА, СЫГРАВШЕГО ВИДНУЮ РОЛЬ В ЛИКВИДАЦИИ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАГОВОРА ЛОККАРТА. О ТОМ, КАК ЧЕКИСТАМ УДАЛОСЬ НАПАСТЬ НА СЛЕД ЗАГОВОРЩИКОВ, РАССКАЗЫВАЮТ ЭТИ СТРАНИЦЫ.

Истертые листы, многочисленные подчеркивания и отметки на полях безмолвно свидетельствуют о том, что десятки людей держали в руках тома дела Локкарта. Казалось, они поведали истории уже все до конца и ничего нового не откроют. Ну, скажем, вот этот документ, озаглавленный банальным для таких дел словом «Прошение». Его авторы — пятнадцать адвокатов, защищавших на суде приговоренных к смертной казни участников заговора К. Коломатиано и А. Фриде, обратились в Президиум ВЦИКа с просьбой смягчить меру наказания. В той части документа, где обосновываются мотивы прошения, адвокаты упоминают имя Шмидхена — сообщника Локкарта, почему-то не привлеченного к уголовной ответственности.

В самом деле, странно: участник заговора — и вдруг избежал наказания? Шмидхен — фигура хорошо известная. В архивных документах, в исторической литературе он неизменно упоминается как один из сообщников Локкарта. Но о судьбе его мало что известно. Впрочем, поначалу казалось, что она и не стоит того, чтобы ею заниматься. И все же документ, который лежал перед нами, возбуждал интерес к этому человеку. Как же так, сообщник — и почему-то не оказался на скамье подсудимых!

То, что удалось в конце концов выяснить, было приятным вознаграждением за кропотливый труд.

Чтобы успешнее вести борьбу с контрреволюцией, правильно определять в сложнейшей обстановке того времени направление главных ударов, Ф. Э. Дзержинский в 1918 году поручил небольшой группе чекистов проникнуть в одну из контрреволюционных организаций и выйти на тех, кто держит в своих руках нити заговоров. По вполне понятным соображениям, участники этой группы действовали под вымышленными фамилиями. Одному из них была дана фамилия Шмидхен.

Получив рекомендации Дзержинского, группа выехала в Петроград. Несмотря на то, что Советское правительство уже было в Москве, главные очаги контрреволюции все еще находились в бывшей столице. Чекистам, выдававшим себя за представителей московского контрреволюционного подполья, искавшим контакта с петроградским подпольем, нетрудно было обнаружить «единомышленников»: на свалке революции их оказалось немало.

Как-то, прогуливаясь по набережной Невы, они остановились возле афиши, красовавшейся на фасаде латышского клуба (он находился напротив Адмиралтейства). Афиша сообщала, что вечером состоятся танцы под оркестр, будет работать буфет. По тому голодному времени буфет был невероятной роскошью для клуба — это и насторожило Шмидхена.

— Зайдем в «очаг культуры»? — предложил он своему товарищу — Спрогису.

Вечером Шмидхен и Спрогис появились в латышском клубе. Молодые, веселые офицеры, умевшие с достоинством держать себя в обществе, легко «вписались» в незнакомую компанию. Молоденькие буфетчицы охотно разговорились с новенькими о том, как весело и беззаботно проводят здесь время морячки. Не так уж трудно было узнать, что вечеринки в клубе бывают часто, что их завсегдатаи — военные моряки со сторожевого судна, стоящего неподалеку на якоре. Наведываются сюда и важные лица из Адмиралтейства.

— А кто снабжает буфет продуктами? — спросил Шмидхен.

— Об этом заботится командир корабля. Он тоже здесь бывает, — доверительно сообщили собеседницы. И добавили: — Серьезный человек, почти не танцует, больше беседует.

От них же чекисты узнали многое другое, что давало основание предполагать: кто-то в недобрых целях использует эти вечера как своеобразный камуфляж.

В другой раз они обратили внимание на группу военных. Хотя с ними были женщины, держались они как-то обособленно. Стоило заиграть оркестру, как их дамы тут же уходили танцевать, а они в это время начинали беседовать между собой.

Как потом выяснилось, на вечер пожаловал сам командир сторожевого судна вместе со своими помощниками.

Шмидхен шепнул Спрогису:

— Пригласите на танец даму шефа вечера.

Совет, естественно, был воспринят как приказ, и Спрогис закружился с дамой командира в лихой польке.

Этого было достаточно, чтобы они попали в поле зрения тех, кто их самих интересовал. Довольно быстро они познакомились и нашли общий язык. Вскоре выяснилось, что чекисты имеют дело с руководителями контрреволюционной организации, связанной с английским военно-морским атташе Кроми — правой рукой Локкарта.

Кроми любил подчеркивать, что остался в Петрограде с благородной целью: помочь спасти русский флот от захвата немцами. На самом же деле дипломатический паспорт был лишь прикрытием. Он старался вовсю помочь белогвардейскому подполью в консолидации сил для борьбы с Советской властью.

...Постепенно Шмидхен и его товарищи вошли в доверие. И вот через два месяца руководители контрреволюционной организации заявили, что для пользы дела они должны познакомить Шмидхена с морским атташе английского посольства. Это была удача!

Первая встреча Кроми со Шмидхеном и его товарищами состоялась в здании гостиницы, которая тогда называлась «Французская». Чекисты были представлены как «надежные люди, на которых можно положиться». Здесь же Кроми познакомил чекистов с опытным английским шпионом Сиднеем Рейли.

Англичане настоятельно рекомендовали Шмидхену немедленно выехать в Москву и представиться Локкарту — главе английской дипломатической миссии. Кроми передал ему закрытый пакет, в котором находилось рекомендательное письмо.

Ночь накануне отъезда чекисты провели в гостинице «Селект». Рано утром раздался настойчивый стук в дверь.

На пороге стоял Сидней Рейли.

— Не возникло каких-либо затруднений с передачей письма Локкарту? Не нужна ли моя помощь? — с подчеркнутой вежливостью спросил он.

Было ясно, что столь неожиданный визит английского разведчика преследовал единственную цель: проверить, не попало ли письмо в чьи-то чужие руки. Убедившись, что его опасения напрасны, Рейли в хорошем настроении покинул гостиницу.

Шмидхен и Спрогис допускали, что в Москве за ними может быть организована слежка. Поэтому, приехав в столицу, они с вокзала пошли пешком, предпочитая тихие улочки и проходные дворы шумным улицам.

В тот же день пакет был на столе у Дзержинского.

На другой день Шмидхен и Спрогис появились с письмом Кроми на московской квартире Локкарта. В своей книге «Буря над Россией», вышедшей за границей в 1924 году, Локкарт об этом пишет так: «Я сидел за обедом, когда раздался звонок, и слуга доложил мне о приходе двух человек. Один из них, бледный, молодой, небольшого роста, назвался Шмидхеном...

Шмидхен принес мне письмо от Кроми, которое я тщательно проверил... но убедился в том, что письмо это, несомненно, написано рукой Кроми. В тексте письма имелась ссылка на сообщения, переданные мною Кроми через посредство шведского генерального консула. Типичной для такого бравого офицера, как Кроми, была также фраза о том, что он приготовляется покинуть Россию и собирается при этом сильно хлопнуть за собой дверью...»

Шмидхен предстал как подпоручик царской армии, поддерживающий связь с влиятельными командирами латышских стрелков. Часть их, по его уверениям, изменила свое отношение к Советской власти, разочаровалась в ее идеалах и при первой возможности была готова переориентироваться на союзников. Естественно, в глазах Локкарта Шмидхен относился именно к таковым.

Локкарт «клюнул» на приманку. Подкупами и провокациями он рассчитывал поднять против Советской власти латышские части, охранявшие Кремль и другие правительственные объекты, а затем при поддержке контрреволюционных офицерских кадров бывшей царской армии свергнуть Советское правительство. В Шмидхене Локкарт увидел прежде всего человека, который поможет ему подыскать надежного соучастника,

Английский шпион С. Рейли.

занимающего командную должность в одной из латышских частей.

— Ваша главная и самая первая задача, — инструктировал он Шмидхена, — арестовать и убить Ленина. Да, да. Именно убить! Ибо если Ленину удастся освободиться из-под ареста, наше дело будет провалено.

Рекомендуя Шмидхену применять подкуп, Локкарт заявил, что денег на это будет сколько угодно.

Естественно, Локкарт был предельно осторожен и раскрыл свои планы не сразу, а после нескольких встреч со Шмидхеном. Все это время он проверял новых знакомых.

На одной из встреч Шмидхен, как и предусматривал план, одобренный Дзержинским, высказался за то, чтобы Локкарт вошел в прямой контакт с генералом Пулем, находившимся в Архангельске, и обсудил с ним условия перехода на сторону войск союзников группы латышских стрелков, действовавших на Архангельском фронте.

Чтобы оказать на Пуля влияние, Шмидхен, по замыслу ВЧК, лично должен был встретиться с ним. Но добиваться непосредственно встречи латышей с Пулем было рискованно, это могло вызвать подозрение у Локкарта. Поэтому чекисты и здесь прибегли к хитрости. Они были уверены, что Локкарт не примет предложения, поскольку никаких возможностей установить связь с Пулем он не имел. В то же время они надеялись, что это предложение заинтересует его и он снабдит Шмидхена документом, который даст право беспрепятственного продвижения по территории, занятой войсками Пуля, и будет своеобразным паролем для встречи с ним.

Так и получилось. На очередной встрече Локкарт сообщил, что готов обеспечить Шмидхена документом, и посоветовал указать в нем настоящую фамилию Шмидхена, пояснив, что она позволит ему пользоваться и военным билетом для подтверждения личности в тех случаях, когда этого потребует обстановка.

Любопытная деталь: Локкарт и Кроми знали, что Шмидхен известен контрреволюционному подполью по псевдониму, и высоко ценили его как конспиратора.

Локкарт вручил Шмидхену документы на трех человек.

...Итак, нужные бумаги оказались в руках чекистов. Но воспользоваться ими не пришлось. О замыслах заговорщиков немедленно докладывалось Дзержинскому. В процессе операции

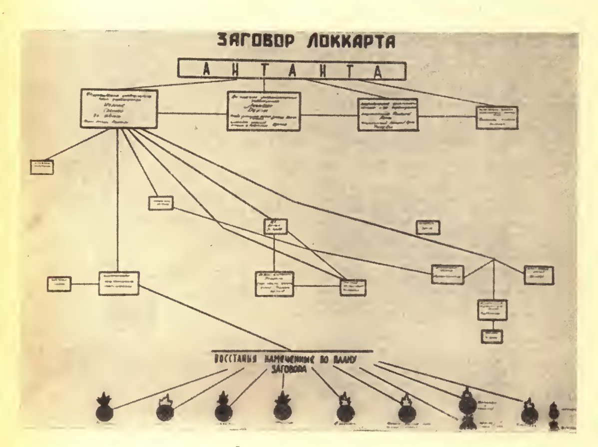


Схема заговора Локкарта.

у Феликса Эдмундовича родился план познакомить Локкарта с командиром одной из латышских частей, который мог бы его заинтересовать. Выбор пал на Э. П. Берзина, командира Латышского особого дивизиона, которому в то время была поручена охрана Кремля.

Шмидхен представил Берзина Локкарту и в дальнейшем присутствовал на всех их встречах. Чекисты понимали, что Локкарт, как профессиональный разведчик, обязательно установит наблюдение за людьми, которым отводится важная роль в осуществлении заговора, и делали все возможное, чтобы не раскрыть истинный смысл своих действий. В частности, Шмидхен встречался с Берзином только в условленных местах. Обычно ими были Олени пруды и территория аттракционов парка «Сокольники». Локкарт осведомлялся о предстоящих встречах, поэтому мог организовать слежку, что и делал.

Роль Э. П. Берзина в раскрытии заговора Локкарта хорошо известна. А вот о Шмидхене почти ничего неизвестно. Кто же он, этот замечательный чекист?

Это Ян Янович Буйкис, латыш, член партии с июля 1917 года. Рад сообщить, что Ян Янович жив и здоров, живет в Москве, в скромной квартире, ордер на которую ему вручил лично Ф. Э. Дзержинский. На днях я встретился с ним. Мы беседовали в маленькой гостиной, на стене которой висит бронзовый барельеф Ф. Э. Дзержинского. Когда Ян Янович вспоминает о нем, то заметно волнуется. А вообще же это в высшей степени спокойный, неторопливый и очень бодрый, несмотря на свои семь десятков лет, человек. Он великолепно помнит все подробности тех дней. Ян Янович помог уточнить ряд деталей, разобраться во многом, что совсем недавно казалось загадкой.

В марте 1918 года он был направлен в ВЧК, а двумя месяцами позже Ф. Э. Дзержинский поручил ему ответственнейшее задание, о котором мы рассказали выше.

— Было очень трудно, — вспоминает Ян Янович. — Охранять государственную безопасность приходилось людям, не имевшим никакого опыта.

Однажды ему не удалось выполнить в срок какое-то поручение Дзержинского. Он пал духом и, докладывая председателю ВЧК, виновато попросил заменить его более опытным товарищем. Дзержинский спокойно заметил, что опыт всех чекистов определяется немногими месяцами существования ВЧК, и выразил уверенность: чекист Буйкис справится с заданием.

Да, задание Дзержинского было выполнено. Даже Локкарт, этот ловкий дипломат и разведчик, так и не знает до сегодняшнего дня, что посвящал в свои антисоветские планы чекистов.

Я спрашиваю Яна Яновича, как случилось, что он, непосредственный участник исторической операции, до последнего времени пребывал в неизвестности. Нет ли в этом и его вины? Смущенно он отвечает, что не считал свое участие в разоблачении Локкарта особой заслугой.

В этом ответе весь Ян Янович Буйкис.

ПОРУЧЕНО ПАРТИЕЙ

Я был тогда подпоручиком 8-го Вольмарского латышского стрелкового полка, стоявшего под Ригой. Первое поручение? Мне дали его, когда партия ушла в подполье. Партийная работа во фронтовой обстановке — это пропагандистские беседы с глазу на глаз, это распространение нелегальной партийной литературы. Вот мне и поручили — переправить несколько брошюр и книг в соседний, сибирский полк. Почему мне? Потому что я лучше других говорил по-русски. И к тому же офицеру легче было пройти из одной части в другую.

Но привлекать к себе излишнее внимание тем не менее не хотелось. Я взял в полковом драмкружке пышные усы, приклеил их поаккуратнее, сложил литературу в мешок и неузнанным пошел к сибирцам. А когда возвращался обратно, уже стемнело, и часовые, заметив крадущуюся мимо постов фигуру, открыли по мне пальбу. «Вот, — думаю, — незадача: свои же вольмарцы и подстрелят! А то и под полевой суд попадешь как шпион!» Только подумал — откуда-то сзади налетели, навалились на меня бдительные однополчане. Привели к командиру полка, а тот, конечно, с подозрением: «Что это вы, подпоручик, прогуливаетесь ночью у постов?» — «Хотел проверить, насколько бдительны наши солдаты...» И представьте, он издал приказ: мне благодарность, прочим офицерам — совет почаще устраивать подобные проверки. Так я выполнил первое партийное поручение и еще получил за это благодарность от полковника!

— Как вы стали сотрудником ВЧК?

— Весной 1918 года я с товарищами по полку приехал в Москву. Сразу с вокзала мы направились в городскую партийную организацию, в латышскую секцию — она помещалась на Петровке, 41. Там с нами поговорили и предложили работать в ВЧК. Откровенно говоря, я тогда ни малейшего представления не имел, что это такое ВЧК. Но раз нужно для революции, то будем работать! С запиской из латышской секции мы поехали на Большую Лубянку, в дом 11, к товарищу Дзержинскому.

— Прямо к самому Дзержинскому?

— Прямо к нему. Новых сотрудников прежде всего принимал или сам Феликс Эдмундович, или его заместитель Яков Христофорович Петерс. Мы вошли в кабинет — небольшой, скромный, строгий. Увидели портреты Маркса, Энгельса и Ленина; ширмочку, за которой стояла кровать; два телефона; простой письменный стол, покрытый красным сукном, а за ним человека — высокого роста, слегка сутулого, очень серьезного.

Мы даже сперва оробели: таким суровым и недоступным показался он. А когда он начал говорить и расспрашивать, оказалось — свойский, внимательный, добрый. Мы сразу почувствовали его тепло.

Феликс Эдмундович объяснил нам задачи ВЧК, рассказал о том, что мы должны делать. Через день-два мы уже начали выезжать на операции в качестве стажеров при старших, более опытных чекистах.

— Вам часто приходилось беседовать с Дзержинским?

— Очень часто. Феликс Эдмундович приходил в оперативный отдел, обо всем нас расспрашивал, давал советы. Он учил нас: чекист должен быть предельно правдивым, честным и дисциплинированным. «Вот, к примеру, кто-то из вас выполнил задание, — говорил он. — Возможно, ему захочется приукрасить свое сообщение, сказать, будто он сделал больше, чем на самом деле. Или, наоборот, сочтет какие-то детали незначительными и умолчит о них. А ведь мы будем считать его сообщение совершенно объективным, и это повредит делу. Будьте дисциплинированными: раз уж вам дано задание — нужно его выполнять. Если вам что-то поручили — значит, раскрыли какой-то секрет; если же вы об этом расскажете «по секрету» другому, третьему, секрет перестанет быть секретом...» Объясняя поручение, Феликс Эдмундович всегда давал понять, что данную работу хочет возложить именно на этого товарища, которому она по плечу. Но не давал исчерпывающих рецептов, оставляя много возможностей помозговать самому, проявить инициативу: «Вам на месте будет виднее».

Я вспоминаю, как Феликс Эдмундович поручил нам со Спрогисом то дело, которое уже описано в «Неделе». «Отправляйтесь в Петроград, — сказал он. — Надо влиться в контрреволюционные организации и найти нити, которые ими управляют. Ясно? Через две недели доложите обстановку».

Две недели ходили мы по Петрограду, знакомились с бывшими офицерами и чиновника-

ми, водили многих в ресторан, вызывая на откровенность, а организации все же не нащупали. Когда пришел срок докладывать Дзержинскому, мы почувствовали себя неважно. И в Москве чем ближе подходили к дому 11 на Большой Лубянке, тем грустнее нам становилось: «О чем докладывать?»

Дзержинский встретил нас, как обычно, приветливо. А мы и заявили: так, мол, и так, Феликс Эдмундович, ничего не добились, освободите нас от этого задания, направьте в Петроград кого-нибудь поопытнее. Он ответил: «Кого же поопытнее? Мы все пришли в ЧК одновременно — один месяцем раньше, другой позже. Нет уж, вы эту работу продолжайте — получится. Кто вам ставил условие: закончить все дело за две недели? Такого условия не было!»

Мы, конечно, взбодрились, и сил прибавилось, и веселее стало. И на третью неделю поисков нам удалось войти в организацию, которой руководил Кроми.

— Какой момент работы среди заговорщиков вы считаете самым опасным?

— Как только познакомились с английским военно-морским атташе Кроми, мы поняли, что столкнулись с иностранной разведкой.

— А как принял вас Локкарт? Как он выглядел? Держался?

— Роберту Брюсу Локкарту сейчас 78 лет, мне 71 год. А тогда мне исполнилось 23 года, ему — 30. Это был крепкий, спортивного вида человек. Он ведь футболом увлекался. Локкарт не выглядел типичным англичанином, в его внешности было даже нечто русское. Держался он любезно, предупредительно, по-русски говорил без малейшего иностранного акцента. Но производил впечатление весьма осторожного противника. Когда я подал ему рекомендательное письмо от Кроми, он долго перечитывал его, отмечая характерные выражения: зная, что Кроми не в ладах с грамматикой, искал орфографические ошибки. И лишь после тщательного изучения письма сказал: «Да, это Кроми!»

— Скажите, Ян Янович, понадобилось ли вам перевоплощаться, создавать какой-то образ для того, чтобы заговорщики вас не заподозрили?

— Видите ли, проще и правдоподобнее было выдавать себя за тех, кем мы были, — за офицеров Латышского полка. Конечно, приходилось держаться настороже, чтобы не выдать своего подлинного отношения к намерениям противника. Нам это удалось, заговорщики нас не заподозрили. Хотя, возможно, у такого опытного разведчика, как Локкарт, и оставались в глубине души какие-то сомнения. Недаром же он в своей книге «Буря над Россией» написал обо мне: «С тех пор я со Шмидхеном не встречался. То ли его расстреляли за участие в заговоре, то ли наградили за раскрытие заговора».

Показываем Я. Я. Буйкису номер газеты «Таймс» от 14 марта 1966 года. Там в редакционной статье говорится, что сэр Роберт Брюс Локкарт в своих мемуарах, опубликованных в 1932 году, заявлял о своей непричастности к контрреволюционному заговору против Советов, что идея организовать такой заговор принадлежала Сиднею Рейли, которого в этом смысле совершенно не поддерживал Локкарт; что записка «Ко всем английским военным представителям в России», выданная в 1918 году Локкартом «лейтенанту Яну Буйкису», не содержала ничего, кроме «обычных общих пожеланий британскому командующему» близ Архангельска. Словом, по «данным» газеты «Таймс», Локкарт не содействовал никаким враждебным акциям против Советской России и даже осаживал «некоего» Рейли в его контрреволюционном рвении.

— Ваше мнение о выступлении «Таймс»?

— Мне смешно читать эти строки. Что же, выходит так, будто все происходившее в 1918 году, письмо военно-морского атташе Кроми к Локкарту, переданное мной, моя беседа с Локкартом — все это сон? И документ, в котором всем британским военачальникам в России предписывается оказывать всяческое содействие Яну Буйкису, — что же, глава британской миссии выдал эту бумагу первому встречному, просто так, из любви к ближнему? И наконец, допрос Локкарта и то, что он сознался в своей контрреволюционной деятельности, — это тоже сновидение? Я считаю выступление «Таймс», мягко говоря, немотивированным. Конечно, сейчас легче всего валить грехи на Рейли, которого давно нет в живых.

Кстати, этой запретной для англичан темы коснулась на днях еще одна британская газета — «Санди таймс». Оказывается, сейчас, на 79-м году жизни, сэр Роберт Брюс Локкарт передал обширный свой архив сыну Брюсу. Просматривая бумаги в поисках материала для книги, Локкарт-младший, пишет газета, обнаружил «определенное доказательство» того, что его отец «был гораздо более тесно связан с Рейли, чем это до сих пор признавалось» в Англии. Брюс Локкарт отказался раскрыть характер этого свидетельства. «Оно все еще имеет слишком большое значение», — сказал он. Однако «Санди таймс» договаривает то, о чем все еще умалчивают Роберт Брюс Локкарт и его сын. «Русские всегда характеризовали попытку переворота как «заговор Локкарта», — пишет газета. — Они указывают, что сэр Роберт был непосредственно связан с этим заговором с ведома английского правительства... Англия, со своей стороны, всегда отвергала это обвинение, а сам сэр Роберт публично отрицал, что он замешан в этом деле. Частным образом, однако, он заявил, что переворот был сорван в результате самочинной инициативы капитана Сиднея Джорджа Рейли».

Таким образом, Локкарт-старший все-таки признал существование заговора и свою связь с ним. Что же, мы признательны ему за это признание.

Просим Я. Я. Буйкиса вспомнить самый памятный ему эпизод тех лет.

— Встреча с Лениным, — отвечает Ян Янович. — Как вы знаете, Чрезвычайная комиссия помещалась в доме 11 на Большой Лубянке (теперь улица Дзержинского). Сейчас это здание занимают различные хозяйственные и научные учреждения. На фасаде его укреплена мемориальная доска, гласящая: «Здесь, в помещении

клуба, 7 ноября 1918 года на митинге-концерте сотрудников ВЧК выступал Владимир Ильич Ленин». Так вот, в надписи на мемориальной доске допущена неточность. Да, клуб тот самый, и митинг в нем был, и Владимир Ильич выступал. Но, насколько я помню, не только 7-го, а 7 и 8 ноября 1918 года. Два вечера подряд!

Как это происходило? 7 ноября чекисты собрались на митинг. Когда Дзержинский сделал доклад о первой годовщине Октябрьской революции, Яков Петерс объявил:

— Товарищи! К нам приехал Владимир Ильич! Будет выступать!

И вошел Ленин. Вспыхнула овация. Владимир Ильич несколько минут ждал, пока стихнут аплодисменты, затем достал часы и показал их залу: дескать, время-то идет! Тогда наступила такая тишина, будто никого не было в этом зале. Ленин говорил, его слушали с напряженным вниманием. Когда Владимир Ильич закончил свое выступление, чекисты бросились к трибуне, подхватили любимого вождя на руки и стали качать его. Но ведь все знали, что Ленин недавно был ранен и сейчас еще не совсем здоров, поэтому его качали не по-настоящему, а лишь осторожно, мягко поднимали и опускали...

А потом Ленину стали задавать вопросы — устные и письменные. Его спрашивали обо всем: о работе, политике, о жизни страны, о будущем, о насущных задачах ВЧК... В зале не было ни одного человека, который не задал бы вопроса, было уже поздно, и Владимир Ильич сказал: «Если я сейчас сразу стану отвечать, мы с вами до утра не разойдемся. Лучше будет, если я приеду к вам завтра и отвечу на все вопросы».

8 ноября мы ждали Ильича на улице возле здания. Едва он вышел из машины, чекисты подхватили его и на руках внесли в клуб. И он ответил на все наши вопросы. Владимир Ильич всегда говорил четко, ясно и по возможности кратко, но вопросов было столько, что ответы на них заняли два с половиной часа!..

— Ян Янович, скажите несколько слов о своих товарищах, большевиках-чекистах, какими они вам запомнились.

— Веселыми, неунывающими ребятами, готовыми последний кусок хлеба разделить с товарищами. Если у кого-нибудь из них в те нелегкие годы появлялся котелок картошки, мы собирались у него; и какие славные это были мальчишники! Любой из товарищей был всегда готов, выполняя совместное поручение, прийти на выручку собрату. Я помню Спрогиса, вместе с которым работал против Локкарта, — Спрогис был добрым другом. Он погиб на фронте. Я помню Гравина, тоже крепкого товарища, — он живет сейчас в Риге. Помню Илью Фридмана, участвовавшего в ликвидации заговора левых эсеров, — Илья по сей день в Москве... Помню многих замечательных парней — они были отважны, правдивы, честны и дисциплинированны, как учил их Дзержинский; они были молоды в те годы, но, как и полагается коммунистам, не жалели жизни для дела, если дело поручено партией.

Прощаясь, мы пожимаем руки Яну Буйкису и, проводив его до Пушкинского бульвара, смотрим, как он твердо шагает по Москве — коммунист, боец невидимого фронта.

ВОЗЗВАНИЕ «БЕРЕГИТЕСЬ ШПИОНОВ!»
31 мая 1919 г.

Смерть шпионам!

Наступление белогвардейцев на Петроград с очевидностью доказало, что во всей прифронтовой полосе, в каждом крупном городе у белых есть широкая организация шпионажа, предательства, взрыва мостов, устройства восстаний в тылу, убийства коммунистов и выдающихся членов рабочих организаций.

Все должны быть на посту.

Везде удвоить бдительность, обдумать и провести самым строгим образом ряд мер по выслеживанию шпионов и белых заговорщиков и по поимке их.

Железнодорожные работники и политические работники во всех без изъятия воинских частях в особенности обязаны удвоить предосторожности.

Все сознательные рабочие и крестьяне должны встать грудью на защиту Советской власти, должны подняться на борьбу с шпионами и белогвардейскими предателями. Каждый пусть будет на сторожевом посту — в непрерывной, по-военному организованной связи с комитетами партии, с ЧК, с надежнейшими и опытнейшими товарищами из советских работников.

Председатель Совета Рабоче-Крестьянской Обороны В. Ульянов (Ленин)

Наркомвнудел Ф. Дзержинский

ОПЕРАЦИЯ „СИНДИКАТ“

После окончания гражданской войны и военной интервенции империалистические разведки и внутренняя контрреволюция свои основные усилия направили на организацию шпионско-диверсионной и террористической деятельности против Советской республики. В подрывной работе разведки империалистических государств широко использовали белую эмиграцию, насчитывавшую, как писал В. И. Ленин, от $1^1/_2$ до 2 миллионов человек, имевшую остатки армии, издававшую свыше полусотни газет и поддерживавшую многочисленные связи с международной буржуазией. Из среды эмигрантов империалистические разведки вербовали шпионов, диверсантов и террористов, создавали многочисленные антисоветские организации, через которые продолжали вести подрывную работу против Советской республики с целью восстановления капитализма в России.

На службе английской, французской, польской и других разведок находились лидеры белоэмиграции: великий князь Николай Николаевич, генералы Кутепов и Врангель, контрреволюционер Савинков и другие заклятые враги Советского государства.

Органам ВЧК — ОГПУ пришлось вести активную борьбу с зарубежными белоэмигрантскими центрами и в первую очередь с «Высшим монархическим советом» и «Народным союзом защиты родины и свободы», во главе которого стоял Борис Савинков.

Лютый враг Советской власти, организатор ряда антисоветских мятежей в 1918 году, опытный конспиратор, Савинков, бежав за границу, продолжал свою подрывную работу против Советской власти. В Париже он установил связь с представителями французского и английского правительств, вел с ними неоднократные переговоры о материальной и финансовой помощи белогвардейским генералам Колчаку и Деникину.

«Для армий Колчака и Деникина, — говорил Савинков на следствии в августе 1924 года, — удалось реально получить чрезвычайно много, но не в Париже, а в Лондоне. Вы знаете, как у Деникина это снаряжение было использовано. Но, я думаю, добрая половина того, что он получил, была получена благодаря тому, что мы, в частности и я, околачивали пороги Англии. Когда я беседовал с Черчиллем, тогда военным министром Великобритании, у меня создалось впечатление, что это все уже было оговорено и договорено с деникинским правительством. Я разговаривал и с Ллойд Джорджем, Эвенсом и со всеми другими. Я был в таком положении, что знал всех английских, французских, итальянских, японских и других министров, всех тех, кто управлял в то время европейскими делами».

После разгрома Колчака, Юденича и Деникина, ликвидации многочисленных контрреволюционных организаций и заговоров на территории Советской республики Савинков понял, что силами внутренней контрреволюции Советскую власть не свергнуть. Поэтому он начал пропагандировать в белогвардейской печати необходимость новой вооруженной интервенции. Он добивается свиданий с Черчиллем, Муссолини, Пилсудским, которым упорно и настойчиво доказывает необходимость нового вооруженного похода против Советской России.

Глава Польского государства Пилсудский в январе 1920 года пригласил Савинкова в Варшаву. Прибыв в Польшу, Савинков при активной помощи польских властей и польского генерального штаба развернул лихорадочную деятельность по созданию новой контрреволюционной организации под названием «Народный союз защиты родины и свободы». Организационное оформление «Союза» состоялось на съезде, который проходил 13—16 июня 1921 года в Варшаве, в доме № 66 по Маршалковской улице. На съезде присутствовало более 30 человек, среди которых были и представители иностранных государств: офицеры английской и американской миссий в Варшаве, офицер службы связи между министерством иностранных дел и военным министерством Польши Сологуб, военный представитель итальянского правительства Стабини, майор французской армии Пакелье.

На съезде детально обсуждались планы борьбы против Советской республики, рассматривались наиболее действенные формы и методы подрывной работы на советской территории. Съезд принял программу «Союза», которая содержала в себе гнусную клевету на Советскую власть и пестрила различного рода фальшивыми фразами о свободе и народовластии в лице «Учредительного собрания», фальшивыми лозунгами «за частную собственность и свободу», «за свободу выборов в Советы» (то есть за Советы без коммунистов) и т. п.

Организационные вопросы, включавшие в себе структуру «Союза», были решены на так называемом «малом совещании». Во главе «Народного

союза защиты родины и свободы» («НСЗР и С») стоял «Всероссийский политический комитет», председателем которого был избран Борис Савинков. Членами комитета являлись его брат Виктор Савинков, профессор Философов, литератор Дикгоф-Деренталь, генерал Эльвенгрен, казачий полковник Гнилорыбов и другие. При комитете существовал «революционный штаб», состоявший из оперативного, разведывательного, контрразведывательного, войскового, организационного, пограничного и других отделов, а также информационное бюро, занимавшееся обработкой шпионских сведений о Советской России и изготовлением собственного информационного материала, ложно освещавшего положение в нашей стране, внешнюю и внутреннюю политику Советского правительства. Фабрикацией дезинформационных сведений о якобы проводимой подготовке Красной Армии к наступлению на Запад Савинков преследовал цель добиться новой империалистической интервенции.

После съезда Савинков развернул лихорадочную деятельность по вовлечению в свои организации новых членов, сколачиванию бандитских формирований для вооруженных налетов на советскую территорию. В Париже Савинков установил связь с рядом крупных русских капиталистов, которые финансировали его бандитские отряды.

Наиболее тесную связь «Союз» имел с польской, французской и английской разведками. От польского генерального штаба он находился в полной зависимости. Так, арестованный органами ГПУ в июне 1923 года член «Народного союза защиты родины и свободы» бывший капитан царской армии Росселевич на следствии заявил, что Савинков имел непосредственный доступ к Пилсудскому, руководитель Варшавского областного комитета «НСЗР и С» Философов поддерживал сношения с министром внутренних дел Польши, а руководитель контрразведывательного отдела Шевченко — с начальником сыскной полиции в Варшаве.

О связи Бориса Савинкова с польским генеральным штабом свидетельствует и письмо, направленное им начальнику генштаба генералу Сикорскому 25 мая 1921 года. В письме говорилось: «Уважаемый господин генерал!.. Разрешаю себе просить Вас не отказать в любезном сообщении, не встречается ли с Вашей стороны препятствий к дальнейшему сотрудничеству информационного бюро (имеется в виду информационное бюро «Союза». — **Авт.**) с бюро при французской миссии и не найдете ли возможным, господин генерал, отпустить некоторую сумму в распоряжение начальника указанного бюро, моего брата есаула Савинкова, для поддержания организаций в Совдепии, доставляющих сведения военно-разведывательного характера...»

Вся деятельность савинковской организации направлялась и финансировалась империалистическими правительствами и их разведками. От французской миссии в Варшаве за доставку шпионской информации Савинков получал ежемесячно 1,5 миллиона польских марок, от польского генштаба — 500—600 тысяч марок, от министерства иностранных дел Польши — 15 миллионов марок. Шли поступления и из других источников, в том числе от бывшего русского нефтепромышленника-миллионера Нобеля — 15 тысяч франков, бывшего царского посла Гирса — 2 тысячи марок, белоэмигрантов Бахметьева, Маклакова и других.

Широкая финансовая поддержка английской, польской и французской разведок и видных деятелей белой эмиграции позволила Савинкову создать антисоветские ячейки на территории Белоруссии и западных губерний Украины, вовлечь в них кулаков, бывших белогвардейцев, буржуазных националистов и прочих врагов Советской власти.

«Народный союз защиты родины и свободы» являлся, по существу, политическим центром многих контрреволюционных групп и организаций на советской территории. Своей основной задачей он ставил подготовку вооруженного восстания с целью свержения Советской власти, а его тактика сводилась к широкому применению шпионажа, диверсий и террора. Путем террора и диверсий Савинков рассчитывал дезорганизовать Красную Армию. Для этого всем контрреволюционным ячейкам предлагалось организовывать налеты на штабы частей РККА, убивать командиров и комиссаров, взрывать казармы.

После подавления кронштадтского мятежа в марте 1921 года Савинков дал указание своим организациям проводить активную подрывную работу на железнодорожном транспорте, в различных отраслях народного хозяйства, с тем чтобы усилить продовольственный и топливный кризис в стране и на этой основе вызвать недовольство народных масс политикой Коммунистической партии и Советского правительства. Для достижения этой цели центр савинковской организации предлагал выводить из строя пути сообщения, машины, уничтожать топливные склады, организовывать забастовки и расхищать продовольствие, терроризировать продработников, вести контрреволюционную агитацию среди крестьян и т. д.

Кроме подпольных организаций, готовившихся к открытому вооруженному выступлению, в Польше формировались вооруженные банды, засылаемые на советскую территорию с целью совершения диверсионных актов на железнодорожном транспорте, нарушения связи, террора против ответственных партийных, советских работников и командиров Красной Армии.

Намечалось и время вооруженного выступления — август 1921 года. Савинков рассчитывал, что успеху восстания будут сопутствовать трудности, связанные с хозяйственной разрухой и голодом в ряде губерний.

По плану «НСЗР и С», его организации должны были развернуть свои действия от Петрограда до Одессы по линиям западных железных дорог. Для этого вся территория Советской республики делилась на три полосы в направлении с запада на восток. Северная полоса охватывала северные губернии, включая Петроград, средняя — Полоцк, Смоленск и Москву, южная — Минск, Гомель и Орел.

Планом восстания предусматривался захват московской организацией «Союза» Москвы, свер-

жение Советского правительства и установление своей власти. Савинковские организации в Пскове должны были вести наступление на Петроград.

В целях подготовки вооруженного восстания «Союз» направил своим организациям специальные инструкции, в которых излагались их обязанности и конкретные методы подрывной работы. В одной из инструкций, перехваченной органами ВЧК, предлагалось:

1. Сплачивать и организовывать под знаком «Союза» все антисоветские элементы.

2. Руководить беспартийными массами при выборах в Советы и на съезды.

3. Вести антисоветскую агитацию, размножать прокламации, воззвания и антисоветскую литературу.

4. Подрывать авторитет Советского правительства и оказывать содействие всем лицам и организациям, действующим во вред Советской власти.

5. Информировать уездные комитеты «Союза» о мероприятиях Советской власти, направленных к ее укреплению, проводимых и предполагаемых переброска частей и штабов Красной Армии, ее численном составе и вооружении.

В апреле — июне 1921 года Савинков для осуществления совместных действий в подготавливаемом им вооруженном выступлении заключил договоры с организацией украинских буржуазных националистов, именовавшей себя «правительством Петлюры», с «Кубанской радой», «Донским казачьим кругом» и «Белорусским эмиграционным комитетом». Однако намеченный Савинковым план вооруженного восстания потерпел крах, так как не получил никакой поддержки со стороны народных масс, в том числе крестьянства, на которое особенно рассчитывали лидеры белоэмиграции.

Приняв в 1921 году новую экономическую политику и заменив продразверстку продналогом, Советское государство укрепило союз рабочих и крестьян, упрочило диктатуру пролетариата. Лозунги контрреволюционеров, в том числе и обещание «свобод», не могли обмануть трудящихся, которые верили рабоче-крестьянской власти. «Народный союз защиты родины и свободы» не имел социальной базы в Советской России, на которую бы мог опереться в преступных планах свержения Советской власти. Посылаемые им из-за кордона на советскую территорию вооруженные банды уничтожались подразделениями Красной Армии, органами и войсками госбезопасности.

Руководители полос видные члены «Союза» Данилов, Эрдман, Матвеев потеряли опору в своих организациях и вынуждены были отойти от активной антисоветской деятельности. Так, руководитель северной полосы полковник Данилов, растеряв связи с организованными им группами, отошел от «Союза», перешел на службу к буржуазному латвийскому правительству и «Высшему монархическому совету» в Берлине. После разгрома в сентябре 1921 года банд, действовавших в средней полосе под руководством полковника Эрдмана, последний также отошел от «Союза» и занялся спекуляцией. Возглавлявший южную полосу генерал Матвеев, не выполнив заданий польского генерального штаба по сбору шпионских сведений о частях Красной Армии, был удален из «Союза», обосновался в лагере интернированных русских войск в Польше, где занялся вербовкой добровольцев для белоэмигрантских монархических организаций.

Таким образом, все практические действия «Союза» Савинкова, направленные на организацию вооруженного выступления с целью свержения Советской власти, потерпели провал.

В результате ликвидации многих диверсионных и террористических групп Савинкова на нашей территории Советское правительство располагало документальными материалами об антисоветской деятельности «Союза», существовании руководящего центра в Варшаве, его тесной связи с польским генеральным штабом, французской и английской разведками.

4 июня 1921 года Совет Народных Комиссаров РСФСР на основании статьи 5 Рижского договора, запрещавшего пребывание на территории Польши организаций, которые занимаются подрывной работой против Советской России, потребовал от польского правительства ликвидации савинковской организации и удаления Савинкова и его единомышленников с территории Польши. В ноте Народного комиссариата иностранных дел РСФСР приводились неопровержимые доказательства антисоветской деятельности Савинкова и возглавляемой им организации. Польское правительство вынуждено было в ноябре 1921 года выслать Савинкова и его ближайших сообщников. После этого штаб Савинкова обосновался в Париже.

Однако, несмотря на принятые со стороны Советского правительства меры, польский генеральный штаб продолжал поддерживать Савинкова и субсидировать его ячейки, оставшиеся в Варшаве.

Весной 1922 года Савинков с согласия польской разведки произвел реорганизацию «Союза». Он упразднил так называемый «революционный штаб», а на его основе создал в Варшаве областной комитет под председательством бывшего члена одесского окружного суда эмигранта Шевченко. В комитет вошли члены «НСЗР и С» Брандт, Долинский, Клементьев, Росселевич и другие руководящие деятели «Союза». Представителем от всероссийского комитета был член ЦК «НСЗР и С» Философов, поддерживавший с Савинковым личную связь. В Вильно было образовано отделение «Союза» во главе с эсером Фомичевым. При активной помощи империалистических разведок организации Савинкова продолжали вести подрывную работу против Советского государства.

К 1923 году органы ГПУ в результате проведения ряда оперативных мероприятий нанесли мощный удар по организациям «Народного союза защиты родины и свободы» на советской территории и за границей. На протяжении 1921—1922 годов чекисты ликвидировали западный областной комитет «НСЗР и С» со всеми его периферийными организациями, юго-восточный областной комитет, отдельные организации в Самаре, Саратове, Харькове, Туле, Киеве и Одессе. В Москве чекисты вскрыли и обезвредили 23 савинковские резидентуры, на территории Петроградского военного округа — несколько ячеек, в состав которых входило свыше 200 членов.

Видя многочисленные провалы савинковских организаций и бесперспективность их планов, империалистические правительства и разведслужбы Англии, Франции и Польши несколько сократили финансирование Савинкова. Но «Союз»

продолжал существовать, а сам Борис Савинков еще довольно высоко котировался в зарубежных антисоветских кругах. Поэтому нужно было обезвредить Савинкова, не допустить создания им новых опорных пунктов для проведения шпионско-диверсионной и террористической деятельности, нанести окончательный удар по «Народному союзу защиты родины и свободы».

Под руководством Ф. Э. Дзержинского органы ГПУ наметили провести операцию под условным наименованием «Синдикат» для установления связи с савинковскими центрами в Париже, Варшаве и Вильно через якобы существующую антисоветскую организацию и вывода Савинкова на советскую территорию. Осуществлению этой операции способствовала сложившаяся к 1922 году обстановка. После разгрома ряда организаций «Союза» Савинков предпринял активные попытки наладить связь со своими уцелевшими ячейками и активизировать их деятельность.

Летом 1922 года при нелегальном переходе советско-польской границы был задержан один из видных деятелей «Народного союза защиты родины и свободы» сотник Шешеня, направлявшийся на нашу территорию в качестве эмиссара Савинкова для установления связи с ранее заброшенными в Москву и Смоленск агентами Зекуновым и Герасимовым. Шешеня дал подробнейшие показания о «Союзе», выдал известные ему явки, сообщил, что был личным адъютантом Савинкова. На основании показаний Шешени были опознаны и задержаны Зекунов и Герасимов. После проведенного следствия Герасимов был осужден, а Зекунов просил органы ГПУ дать ему возможность искупить вину перед Родиной. С такой же просьбой обратился к советским властям и Шешеня.

Чекисты решили использовать их для проникновения в зарубежные савинковские центры, чтобы выяснить их замыслы и узнать планы. Учитывая, что Шешеня являлся близким родственником видного деятеля «Союза» Фомичева, чекисты направили к последнему Зекунова с рекомендательным письмом Шешени. В письме говорилось, что Зекунов — надежный человек, на которого можно во всем положиться, и что в Москве Шешене удалось познакомиться с лицами, якобы состоящими в одной «эсеровской организации», членом которой являлся и Зекунов. Органы госбезопасности были уверены, что об этой организации Фомичев немедленно сообщит своему шефу — Савинкову.

Следует иметь в виду, что в это время в нашей стране активизировали свою деятельность враги Советского государства. XII Всероссийская партийная конференция (август 1922 года) прямо указывала, что «первый год новой экономической политики, совпавшей с голодом и нажимом международной реакции, вызвал усиление антисоветской деятельности остатков разгромленных контрреволюционных партий кадетов, меньшевиков и эсеров». Учитывая это обстоятельство, чекисты и рассчитывали, что у Савинкова не возникнет серьезных оснований не верить в существование антисоветской организации.

Поездка Зекунова в Вильно к Фомичеву прошла успешно. Фомичев с доверием принял его и просил добыть документы, с которыми можно бы приехать в Москву. Из Вильно они направились в Варшаву, где Зекунов встретился с руководителями областного комитета «НСЗР и С».

ОПЕРАЦИЯ „СИНДИКАТ"

Здесь Зекунову удалось установить фамилии нескольких членов «Союза», заброшенных на советскую территорию для проведения шпионско-диверсионной работы, о чем он и сообщил органам ГПУ по возвращении в Москву.

Учитывая благоприятные условия, сложившиеся для проникновения в зарубежные савинковские организации, Ф. Э. Дзержинский и В. Р. Менжинский решили направить в Варшаву вместе с Зекуновым чекиста А. П. Федорова под видом одного из активных деятелей антисоветской организации. В Варшаве Федоров передал руководителям областного комитета «Союза» «доклад» Шешени «о проделанной работе». О прибытии Федорова стало известно польской разведке, сотрудники которой не преминули воспользоваться представившейся возможностью иметь «своего человека» в Москве и установили с ним связь. В дальнейшем в знак благодарности за доставку «ценных шпионских материалов» они снабжали Федорова соответствующими документами для неоднократных поездок к Савинкову в Париж. Варшавский областной комитет «Народного союза защиты родины и свободы» решил вступить в переговоры с «московской организацией» и послал в Москву с Федоровым и Зекуновым своего представителя Фомичева.

В Москве Фомичеву представили руководителей «организации» (в их роли выступали сотрудники ГПУ); причем при этом создавалась видимость, что на сближение с «НСЗР и С» «организация» идет лишь в силу общепризнанного авторитета Савинкова. Один из присутствовавших на совещании оперативных работников ГПУ писал: «Встреча несколько охладила оптимистические настроения Фомичева. Он увидел, что «организация» идет на контакт неохотно. Представитель «организации» откровенно заявил Фомичеву, что он не видит в савинковской организации реальной силы, а слияние двух неравных сил едва ли целесообразно. Тогда Фомичев логическим ходом событий принужден был заявить: «Давайте встретимся с Борисом Викторовичем Савинковым, а там видно будет». Эта установка создала для нас чрезвычайно выгодное положение, ибо приглашение о поездке в Париж выдвигали не мы, а противная сторона».

Прибыв в мае 1923 года в Варшаву с Зекуновым, Фомичев обстоятельно информировал члена ЦК «НСЗР и С» Философова о планах «московской организации». В докладе о результатах этой поездки Зекунов сообщал: «Философовым получено от Бориса Савинкова письмо, в котором тот писал, что в ближайшее время, в связи с обострением международного положения, можно надеяться на улучшение материального и финансового положения савинковской группы. На заседании областного комитета в Варшаве было признано необходимым командировать Фомичева и представителя московской организации в Париж для доклада и дальнейших переговоров с самим Савинковым о продолжении работы, для чего представитель орга-

ОПЕРАЦИЯ „СИНДИКАТ"

низации ожидается в Вильно 3—5 июня 1923 года. С технической стороны поездка в Париж препятствий не встретит, так как шеф обещал устроить заграничные паспорта, а Философов немедленно получит визы, так что свидание с Савинковым может состояться числа 12 июня, о чем он будет предупрежден Философовым заранее».

В связи с тем, что варшавский комитет «НСЗР и С» сам предлагал послать кого-либо из представителей «московской организации» в Париж к Савинкову, органы ГПУ решили направить за границу Федорова. В июне 1923 года он направился в Вильно к Фомичеву, откуда вместе с ним прибыл в Варшаву к Философову.

Заручившись письмом Философова к Савинкову, 11 июля 1923 года Федоров в сопровождении Фомичева выехал в Париж. Здесь чекисту Федорову предстояла встреча с лидером «Народного союза защиты родины и свободы», опытным конспиратором Борисом Савинковым.

После прибытия в Париж 14 июля 1923 года состоялась первая встреча Федорова и Фомичева с Борисом Савинковым у него на квартире, на улице Де Любек, № 32. Политический авантюрист, матерый шпион, тонкий конспиратор, Борис Савинков тщательно подготовился к встрече. Он очень радушно встретил Федорова, подробно расспрашивал его о положении дела в Советской России. По характеру задаваемых вопросов и реакции на отдельные замечания Федорова было видно, что Савинков проверяет, является ли он тем лицом, за которого себя выдает. В целом встреча прошла для Федорова благополучно.

16 июля в одном из парижских ресторанов произошла очередная встреча Федорова с Савинковым.

После доклада о деятельности «московской организации» Федоров в осторожной форме сделал намек Савинкову, что организация сочла бы за честь, если бы ее возглавили. Однако опытный заговорщик ушел от прямого ответа; чувствовалось, что он еще не уверен в ее существовании и ищет новых доказательств активной деятельности.

Внимательно выслушав Федорова, он хотя и не полностью, но раскрыл свои планы относительно развертывания подрывной работы в Советской России, подробно остановился на положении дел в зарубежных белоэмигрантских кругах; при этом довольно нелестно отзывался о своих главных соперниках — русских монархистах — и преувеличивал свои заслуги. Он заявил Федорову, что монархисты подняли в прессе шумиху о своих силах, опоре на русское крестьянство в борьбе с Советской властью. Савинков сказал, что монархисты получают финансовую поддержку от американских капиталистов, однако получаемые доллары используют в своих корыстных целях, тратят их на организацию различного рода вечеров и т. п. В феврале 1923 года одному из видных монархистов удалось получить от Форда 50 тысяч долларов, на которые монархисты устроили съезд в первоклассном отеле Парижа, быстро прокутили полученные доллары и снова остались без денег. Аналогичную картину Савинков нарисовал и в отношении других антисоветских кругов за границей, в том числе эсеровской группы Чайковского и лиц, близко стоящих к Керенскому.

Савинков назвал Федорову источники финансирования его организаций, к числу которых он в первую очередь причислил английскую, французскую и польскую разведки, а также Форда, Муссолини и бельгийских капиталистов, заинтересованных в получении будущих концессий в России. Он поделился с Федоровым планами созыва в Париже конференции видных савинковцев.

На одной из последующих встреч Савинков представил Федорову своих ближайших помощников: полковника Павловского, супругов Деренталь и известного английского разведчика Сиднея Рейли (участника заговора Локкарта, ликвидированного ВЧК в 1918 году), который особенно интересовался экономическим положением Советской республики. Павловского в органах ГПУ знали как главаря банд, терроризировавших мирных жителей в Западном крае, зверски расправлявшихся с партийными и советскими работниками. Учитывая, что Савинков намеревался направить Павловского с бандой на советскую территорию для ограбления банков, Федоров предложил Савинкову, чтобы он, посылая Павловского в Россию, связал его с организацией, для чего оставил ему московский адрес Шешени.

По окончании всех переговоров Федоров выехал из Парижа в Варшаву, а оттуда прибыл в Москву.

В результате поездки Федорова за границу и встречи с Борисом Савинковым органам ГПУ удалось подробно выяснить положение дел в савинковской организации, ее связь с империалистическими кругами, вынашивавшими захватнические планы по отношению к Советской республике.

Савинков после ряда крупных провалов его организаций в Советской России проявлял исключительную осторожность. Несмотря на доклад Фомичева и встречу с Федоровым, он, видимо, решил еще раз убедиться в реальности существования в Москве антисоветской организации и с этой целью вскоре после отъезда Федорова направил в Москву своего ближайшего сподручного Павловского.

В августе 1923 года Павловский прибыл из Парижа в Польшу. Захватив с собой своих бывших помощников по бандитским налетам белых офицеров Иванова и Яковлевича, он 17 августа перешел советско-польскую границу и установил связь с действовавшей в районе Орши бандой. Совершив в составе этой банды ряд нападений на партийных и советских работников, Павловский 16 сентября 1923 года ночью явился на квартиру к Шешене. Он вел себя крайне настороженно, в разговоре пытался выяснить, не являются ли сообщения о «московской организации» уловкой органов ГПУ.

Павловский представлял серьезную опасность. О прибытии эмиссара Савинкова начальник контрразведывательного отдела ГПУ И. Х. Артузов немедленно поставил в известность Ф. Э. Дзержинского. Было принято решение арестовать Павловского. На следующий день его

пригласили через Шешеню на квартиру одного из сотрудников ГПУ, выступавшего в роли члена «московской организации», где и арестовали.

Первоначально Павловский отказывался давать показания, однако под давлением неопровержимых доказательств его преступной деятельности и убедившись, что органы ГПУ знают о нем все, вынужден был рассказать о цели своего прибытия в Москву и планах Савинкова. Спасая свою шкуру, боясь ответственности за совершенные им преступления, Павловский изъявил согласие оказывать помощь органам ГПУ.

В письмах на имя Савинкова и других видных деятелей «Народного союза защиты родины и свободы» Павловский писал о своей успешной работе в Москве, отрицательно отзывался о зарубежных работниках «Союза», считая их деятельность бесперспективной. В одном из писем Философову Павловский писал:

«Дорогой дедушка! Вы, должно быть, удивляетесь, что от меня столько времени нет писем, но сами знаете, что приходится ждать оказии, с которой можно прислать.

Я устроился пока здесь, но думаю в скором времени съездить на юг, где я нашел своих родственников, где можно погостить и кое-что подработать.

Как поживают наши друзья? Хочется скорее увидеться со всеми вами, но, к сожалению, здесь столько работы и столько возможностей, что мне никак не выбраться сейчас.

Я думаю, что у вас там совсем пропала вера во все, сужу это по себе, когда я обретался в ваших непролазных болотах. Здесь же я чувствую себя совершенно иначе. Жизнь здесь бьет полным ключом. Работы непочатый край».

Письма Павловского сыграли огромную роль в плане создания перед Савинковым видимости жизненности «московской организации» и ее активной «антисоветской» деятельности. Чтобы окончательно убедить Савинкова в необходимости приезда в Москву и возглавить «контрреволюционную работу», в апреле 1924 года за границу был вновь командирован Федоров. Он должен был сообщить лидеру «НСЗР и С», что в «организации» якобы выявились два диаметрально противоположных течения — так называемые «активисты», выступавшие за организацию террористических актов, бандитизм, мятежей, и «накописты» — сторонники медленного накопления сил, тщательного изучения противника.

16 апреля 1924 года Федоров прибыл в Варшаву, где доложил руководителям варшавского областного комитета «НСЗР и С» Философову, Шевченко и Арцыбашеву о возникших разногласиях в организации, объяснил причину задержки Павловского. Затем Федоров уехал в Париж для встречи с Савинковым.

В это время Савинков находился в Лондоне, где вел переговоры с представителями английской разведки о финансировании его организации. В ожидании его возвращения Федоров встретился в Париже с Сиднеем Рейли, проявлявшим усиленный интерес к положению в Советской России. Позднее Федоров рассказывал, что английский разведчик явно стремился как можно больше узнать о «московской организации» «НСЗР и С» и в осторожной форме давал понять, что он не прочь приехать в подходящий момент в Москву.

28 апреля состоялась встреча Федорова с прибывшим из Лондона Борисом Савинковым. Федоров подробно рассказал ему о разногласиях между «накопистами» и «активистами», которые якобы принимают угрожающие размеры и могут привести к расколу всей организации.

29 и 30 апреля состоялись очередные встречи, на которых Савинков проявил озабоченность создавшейся ситуацией и выдвинул предложение о посылке в Москву кого-либо из видных заграничных членов ЦК «Союза». Однако, перебирая всех своих приближенных, он не мог остановить свой выбор на ком-либо из них и заявил, что для руководства организацией в России необходим приезд его самого. При этом Савинков заметил, что, перед тем как выехать, он должен прежде всего иметь на это согласие московских руководителей «НСЗР и С» и что за ним должен приехать Павловский. Чувствовалось, что он сильно обеспокоен длительным отсутствием своего лучшего помощника.

После успешно проведенных переговоров с Савинковым Федоров 18 мая возвратился в Москву и доложил о результатах поездки Артузову.

Руководство контрразведывательного отдела ОГПУ совместно с принимавшими участие в операции чекистами Федоровым, Сыроежкиным и другими составило план дальнейших мероприятий по выводу Савинкова на советскую территорию.

Чтобы рассеять всякие подозрения у Савинкова и показать, что Павловский не арестован, а находится на свободе и действует в составе «московской организации», было принято решение показать его прибывшему из Варшавы Фомичеву. Принимая это решение, чекисты шли на большой риск, так как окончательно еще не были уверены в Павловском. Но иного выхода не было. Нужно было перехитрить Савинкова. После соответствующей подготовки Павловский встретился с Фомичевым на инсценированном заседании организации 21 мая 1924 года. Помещение, где проходило заседание, тщательно охранялось. Павловский убедился, что малейший неосторожный шаг с его стороны, настораживающий Фомичева, может привести впоследствии к его гибели. Поэтому, спасая свою шкуру, матерый бандит хорошо сыграл свою роль.

В начале заседания Федоров огласил декларацию Бориса Савинкова членам ЦК «НСЗР и С» и сделал отчет о своей поездке. Выступавший на заседании Павловский согласно данному ему заданию высказал «свою просьбу», чтобы его оставили для работы в России. После обсуждения Фомичев согласился с доводами Павловского.

31 мая на «квартире Павловского» состоялась новая встреча с Фомичевым, на которой присутствовал и Федоров. Как и на первой встрече, Павловский вел себя непринужденно, шутил, острил по поводу боязни отдельных членов «Народного союза защиты родины и свободы» ехать для работы в Советскую Россию, высоко отзывался о работе «московской организации». Перед самым уходом Фомичев отозвал Павловского в сторону и что-то шептал ему на ухо. Павловский отвечал: «Хорошо», «Хорошо», «Все сделаем».

Однако проведенные чекистами мероприятия только на некоторое время оттягивали выезд Павловского за границу. Необходимо было найти такую причину, которая давала бы возможность отложить выезд Павловского на более продол-

жительный срок. После обсуждения этого вопроса было принято решение инсценировать ранение Павловского на юге России во время «нападения его банды» на поезд с целью ограбления.

10 июня 1924 года Фомичеву показали полученную из Ростова телеграмму о «ранении Павловского». На следующий день в сопровождении сотрудника контрразведывательного отдела ОГПУ Фомичев выехал в Ростов. Здесь они не застали «раненого Павловского». Им сообщили, что его направили в Москву. Во время этой поездки Фомичеву в Минеральных Водах организовали встречу с начальником «партизанских» отрядов «Султан-Гиреем», в роли которого выступал сотрудник ОГПУ. Султан-Гирей действительно существовал, и его банды действовали в горах Карачая, совершали нападения на исполкомы местных Советов, вступали в вооруженные столкновения с отрядами ОГПУ.

По возвращении Фомичева в Москву ему организовали свидание с «раненым» Павловским. Убедившись в невозможности выезда Павловского за границу, Фомичев через Варшаву возвратился в Париж. Вместе с ним поехал Федоров.

Это была последняя командировка за границу, организованная органами ОГПУ. Все необходимые меры по обеспечению приезда Савинкова в Советский Союз были предприняты. Теперь все зависело от того, как Савинков воспримет длительную задержку Павловского в Москве, не вызовет ли это у него подозрений, насколько убедительными окажутся доводы о необходимости его приезда в СССР. Для большей убедительности Федорову вручили письмо Павловского, в котором тот писал Савинкову, что не может приехать из-за ранения, и настоятельно предлагал ему выехать в Москву для руководства организацией.

Прибыв в Париж, Федоров имел с Савинковым несколько встреч, в ходе которых в самых ярких красках обрисовал обстановку в Москве и работу «московской организации». Рассказы Фомичева и Федорова о ранении Павловского, как причине его задержки, видимо, успокоили Савинкова, и он решил ехать в Москву.

12 августа 1924 года по прибытии из Парижа в Варшаву Савинков поставил в известность о своем решении Философова, Арцыбашева и Шевченко.

В Варшаве остановились в малозаметной гостинице, где Савинков с помощью грима несколько изменил свою внешность. 15 августа вместе с четой Деренталь и Фомичевым с фальшивыми паспортами на имя В. И. Степанова он перешел польско-советскую границу.

На границе их встретили Федоров, выехавший из Варшавы на день раньше, и ответственные сотрудники ОГПУ Пиляр, Пузицкий и Крикман. Пиляр выступал в роли командира пограничной заставы, «сочувствовавшего» «организации», а Пузицкий и Крикман как члены «московской организации».

За несколько километров до Минска все переоделись в заранее приготовленные новые костюмы. В целях конспирации вся группа разделилась на три подгруппы. Савинкова и Любовь Деренталь сопровождал Пузицкий, А. Деренталь — Федоров, а Фомичева — Крикман.

Первые две группы должны были независимо друг от друга двигаться в Минск и встретиться на Захарьевской улице в доме № 33 в заранее подготовленной квартире.

Третья группа должна была остановиться в одной из гостиниц Минска, где их ожидал прибывший туда Шешеня.

При входе в предместье города между 6 и 7 часами утра 16 августа 1924 года Борис Савинков резко изменился по сравнению с тем, каким он был в пути на тачанке среди тихих трактов. Он сделался замкнутым, более официальным и настороженным.

Нанятый на одной из площадей Минска экипаж быстро покатил по главной улице мимо зданий ЦК Компартии Белоруссии и полномочного представительства ОГПУ. Не доезжая двух домов до квартиры, экипаж остановился. Когда Пузицкий расплачивался с извозчиком, мимо проехал в пролетке пограничник и почему-то внимательно посмотрел в сторону группы.

Заметил ли это Савинков или нет, а может быть, в нем вспыхнул инстинкт старого конспиратора и подпольщика, но он выпрямился, приподнял голову, приоткрыл рот и, пронзительно взглянув на своего проводника, протяжно, отчеканивая каждое слово, спросил: «А куда мы едем?» Пузицкий ответил: «В одну квартиру». Он приподнял с тротуара чемоданчик, повернулся и направился в парадное дома № 33.

Поднимаясь по лестнице, Савинков опять спросил: «А кто живет в этой квартире? Свои?» — «Конечно, свои», — последовал ответ.

Как только Савинков и супруга Дикгофа-Деренталя вошли в квартиру, они сразу же были арестованы.

Так была закончена тщательно разработанная и умело проведенная чекистами операция «Синдикат».

Умелыми действиями органы ОГПУ нанесли сокрушительный удар по всей белой эмиграции, которая считала Савинкова своим идейным вождем. Большое замешательство в рядах эмиграции вызвали показания Савинкова на открытом судебном процессе, состоявшемся в Москве 25—29 августа 1924 года. В своих показаниях и последнем слове всю свою многолетнюю деятельность, направленную против Советской власти, Савинков квалифицировал как ошибку и заблуждение. Он разоблачил тайную подрывную деятельность иностранных империалистов против Советского государства и признал, что «во всех тех пунктах, которые заставили его поднять борьбу против Советской власти, Октябрьская революция оказалась целиком и безоговорочно права». Последнее слово на суде он закончил призывом «ко всем любящим свой народ безоговорочно признать Советскую власть и подчиниться ей».

Признания Савинкова произвели среди империалистических кругов и белой эмиграции впечатление разорвавшейся бомбы. Злейший враг Великой Октябрьской социалистической революции, организатор и вдохновитель многочисленных заговоров против Советской республики, один из виднейших лидеров русской контрреволюции, которого иностранные империалисты считали наи-

более вероятным кандидатом на пост диктатора России, откровенно осудил всю свою прошлую деятельность и решительно отказался от дальнейшей борьбы с Советской властью.

Судебный процесс над Савинковым сыграл большую роль в разложении белой эмиграции, внес замешательство в ее ряды. Известная часть эмигрантов отказалась от активной антисоветской борьбы.

После опубликования в печати правительственного сообщения об аресте Савинкова и предании его суду за рубежом в среде белоэмиграции возникли различные толки по поводу ареста. Факт обнаружения Савинкова на территории Советского Союза явился полной неожиданностью для всей эмиграции, так как о его нелегальной поездке в СССР знало лишь ограниченное число лиц.

После судебного процесса над Савинковым иностранная реакционная печать и прежде всего английские, французские и польские буржуазные издания стали публиковать различные статьи с целью обмануть общественное мнение и принизить значение этого процесса. В статьях делались жалкие попытки опровергнуть приводившиеся на суде факты, указывавшие на неприглядную роль руководителей эмиграции, ставших платными агентами империалистических государств и их разведок. Особенно в этом усердствовали издававшаяся во Франции под редакцией кадета Милюкова газета «Последние новости», английская «Морнинг пост» и польская «Курьер Пораны».

Савинкову была предоставлена возможность самому выступить с письменными заявлениями и обращениями к своим прошлым соучастникам по антисоветской работе. В сентябре 1924 года он направил в адрес Философова письмо, в котором писал:

«...Скажите мне, дорогой друг, верите ли Вы еще в Учредительное собрание? Конечно, нет! Думаете ли Вы еще, что можно было в 1918 году продолжать войну и что не надо было заключать мира? Конечно, нет! Считаете ли Вы еще, что большевики расчищают дорогу для реставрации? Конечно, нет! Полагаете ли Вы еще, что большевики «захватчики власти» и что русский народ, то есть прежде всего русский крестьянин и рабочий, не с ними? Конечно, нет!.. Зачем же тогда бороться? Затем, чтобы быть в тисках у иностранцев, которые, в сущности, не понимают нас. Затем, чтобы лить воду на мельницу врангелей, которые мечтают о «Боже, царя храни», или тех, которым снится их личная «реставрация». Затем, чтобы плодить полубандитов или полушпионов».

Таким образом, все попытки империалистической прессы бросить тень на Советскую власть, извратить подлинный характер деятельности белой эмиграции за границей потерпели провал. Происки империалистических кругов и их разведок, которые плели и плетут интриги, организуют различного рода антисоветские провокации против нашей Родины, успешно пресекались и пресекаются советскими органами госбезопасности.

50 лет существует первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян — оплот мира и прогресса. На всех исторических этапах его развития империалистические государства и их разведки предпринимали не одну попытку свергнуть Советскую власть, подорвать военно-экономическое и морально-политическое могущество нашей Родины. Но все происки внешних и внутренних врагов разбивались о монолитное единство Коммунистической партии и советского народа, беспредельную преданность трудящихся идеям Великой Октябрьской социалистической революции, торжеству великого дела коммунизма.

СООБЩЕНИЕ РОСТА ОБ ОБНАРУЖЕНИИ ТАЙНИКОВ В ИНОСТРАННЫХ ПОСОЛЬСТВАХ

16 июня 1919 г.

Произведенные на днях обыски в иностранных посольствах и консульствах дали в некоторых случаях любопытные результаты.

В одном из шкафов для бумаг за полками секретно запрятана бронированная дверь потайной стальной комнаты. Таких комнат две. В одной хранился весь секретный политический архив, в другой — ящики, сундуки, чемоданы с золотом, драгоценностями и просто бумагами. На ярлыках и наклейках мелькают всем так знакомые фамилии князей, графов, маркизов и прочей придворной и великосветской челяди. Даже один из Владимировичей, бывший великий князь, спрятал в ящик свои драгоценности. Одних золотых портсигаров здесь 73 штуки, целая коллекция драгоценных безделушек, всего, по приблизительному и скромному подсчету, миллионов на 120.

Целая серия стальных ящиков с 13 млн. руб., которые крупные русские акционерные общества собирались, но не успели переправить в Париж. Все это тут же запечатывается и отправляется под охраной для сдачи в народный банк.

В одном из подвалов здания найден запас ручных гранат и осветительных сигнальных ракет. В другой комнате — целый ящик, очевидно, последней получки, с отпечатанными списками лиц всех стран и национальностей, «подозрительных с точки зрения международного империализма».

Большинство лиц, живущих в помещении, — русские и никакого отношения к иностранным державам не имеющие. Роль этих забронировавшихся на территории иностранного посольства лиц выясняется.

ДАЧА В КРАСКОВЕ

Над Москвой нависла ранняя, промозглая ночь — ночь с 4 иа 5 ноября 1919 года.

Даже в ту пору, когда опасность воздушных налетов была исключена, Москва выглядела так, точно деникинские аэропланы могли преодолеть те несколько сот километров, которые отделяли город от фронта. Топливный голод погрузил Москву в невольное затемнение.

В этот поздний час на пустынную Лубянскую площадь выехала санитарная открытая машина. Она развернулась и, набирая скорость, помчалась в сторону Таганки — на Рязанское шоссе.

На широких продольных скамьях, на которые обычно ставили носилки, сидели молодые парни в потрепанных кожаных тужурках. Подняв воротники и нахлобучив фуражки, они тщетно пытались укрыться от сырого, холодного ветра.

Это был оперативный отряд Московской Чрезвычайной комиссии.

Наступал последний акт потаенного сражения между чекистами и террористическим подпольем. Последняя схватка боя, который был начат шесть недель назад в Леонтьевском переулке Москвы.

...Как обычно, утром 25 сентября 1919 года на московских улицах появились свежие газеты.

«Правда» била тревогу: Деникин прорывается к Москве! Остановить, отбросить его!.. «Во что бы то ни стало» — так была озаглавлена передовица. На второй полосе крупным, жирным шрифтом чернели повседневные рубрики: «Оборона Советской России», «Последние известия», «В белогвардейском стане», «За границей»... На четвертой — объявления... В пятницу, 26 сентября, гласило одно из них, Московский комитет партии устраивает митинги на тему: «Деникинский шпионаж и защита Советской России»... Под ним — другое. То самое объявление, которое — как стало известно позднее — имело трагические последствия. Вот оно:

«Нижеследующих товарищей Московский комитет РКП(большевиков) приглашает на заседание, которое состоится в четверг, 25 сентября, ровно в 6 ч. веч. в помещении Леонтьевский пер., д. 18.

Явка всех обязательна... Заседание важное и необходимое».

Наверное, где-то в середине дня это объявление попало на глаза молодому человеку с худым лицом, с темными, гладко зачесанными на

сторону волосами и большими губами, плотно сжатыми постоянным, почти нескрываемым озлоблением. Это был «левый» эсер Донат Черепанов (кличка «Черепок»), один из организаторов мятежа в Москве в июле восемнадцатого года. Тот самый Черепанов, который тогда злорадио кричал в лицо Ф. Э. Дзержинскому, обезоруженному в логове эсеровских мятежников: «У вас были октябрьские дни, а у нас — июльские!..» Черепанову удалось скрыться от суда. Теперь он обретался на нелегальном положении, каждодневно выискивая возможность всадить большевикам нож в спину.

И вот она, наконец, эта возможность!.. В списке приглашенных на сегодняшнее совещание были Ярославский, Коллонтай, Покровский, Смидович и другие партийные руководители. Черепанов ни минуты не сомневался в том, что будет и Ленин... Год спустя, арестованный, наконец, чекистами, он признается на допросе: решение свое он принял, будучи уверенным в том, «что на этом собрании предполагалось присутствие гражданина Ленина».

Черепанов тут же направился к своему другу — анархистскому вожаку Казимиру Ковалевичу.

— Большевики собираются сегодня обсуждать вопрос о сдаче белым Москвы и Петрограда!.. — с порога огорошил он его, потрясая в воздухе номером «Правды»...

И уже в восьмом часу вечера пятеро анархистов во главе с «Черепком», с полуторапудовой бомбой в руках, пробирались к бывшему особняку графини Уваровой в Леонтьевском переулке.

55 человек были ранены и 12 убиты, в том числе секретарь Московского комитета партии В. М. Загорский.

Погибших похоронили у Кремлевской стены.

Теперь у этого особняка — новый адрес и новые хозяева: улица Станиславского, Постоянное представительство правительства Украинской ССР при правительстве Советского Союза. У входа — высокая мраморная плита: «Памяти погибших при взрыве»... Если вы пройдете на параллельную улицу — улицу Станкевича (бывший Чернышевский переулок), то увидите каменную стену, которая отгораживает небольшой сад, и широкий балкон второго этажа. Ту самую стену, через которую перелезли когда-то террористы, и тот самый балкон, с которого один из них швырнул бомбу через застекленную дверь в зал заседаний.

В тот же вечер и в тот же час чекисты начали розыск политических бандитов.

...Полвека — огромный срок, и уже мало надежд найти живых свидетелей давних событий. Какая удача, если их удается все-таки отыскать!..

Илья Александрович Фридман, семидесятилетний москвич, бывший питерский рабочий и солдат Литовского полка, проработал, вернее сказать — провоевал, в Московской ЧК всю гражданскую войну и был одним из непосредственных участников этого тайного боя — боя московских чекистов с бандой «анархистов подполья». И в нашем рассказе воспоминания его будут тесно переплетены с немногочисленными историческими документами.

Итак, теплый и тихий вечер 25 сентября 1919 года...

Взрыв был так силен, что его услышали, наверное, во всей тогдашней Москве. А на Лубянке, отделенной от Леонтьевского лишь несколькими кварталами, он был слышен особенно явственно и резко.

Сразу же зазвонили телефоны в кабинетах начальника МЧК Василия Николаевича Манцева и других ответственных сотрудников. Что случилось? Где взрыв? Манцев немедленно связался по телефону с городской пожарной охраной. Оттуда сообщили: взорван и горит дом Московского партийного комитета.

Эта страшная весть застигла И. А. Фридмана в кабинете Станислава Адамовича Мессинга — начальника отдела по борьбе с контрреволюцией. Еще не положив трубку на рычажки, Мессинг обернулся к нему:

— Берите пару ребят и немедленно — туда!..

Вдоль высокой ажурной ограды двухэтажного особняка, в котором размещалась в те годы Московская Чрезвычайная комиссия, застыла вереница пролеток. Это был основной транспорт МЧК — сотня надежных извозчиков, которые посменно круглые сутки дежурили у ворот... Трое чекистов вскочили в одну из пролеток и помчались в сторону Тверской.

Батальон красноармейцев оцепил развороченный взрывом особняк. Пожарники струями воды сбивали огонь с рухнувшей крыши, выносили раненых и убитых. За цепочкой красноармейцев стало постепенно нарастать кольцо москвичей...

Едва Фридман выскочил из пролетки, как его остановила та самая женщина, которая заставила его пережить несколько жутких минут.

— Пойдемте, я покажу вам, где враги ваши пируют и веселятся! Тут рядом, через улицу...

Илья Александрович захватил с собой четырех чекистов, и они почти бегом двинулись по Леонтьевскому переулку к Тверской...

Женщина привела их к многоэтажному дому в Глинищевском переулке и вошла в подъезд.

— Вот тут!.. — указала она на одну из дверей, выходившую на просторную лестничную площадку.

Чекисты были так поглощены мыслью об опасностях предстоящей стычки за этой дверью, что упустили из виду свою проводницу. Потом они пожалели о своей оплошности... Но об этом еще пойдет речь впереди.

...Расследованием преступлений непосредственно руководил председатель МЧК Василий Николаевич Манцев.

Где искать террористов?

На совещании в Леонтьевском переулке шла речь о только что разоблаченных тайных пособниках Деникина — участниках так называемого «Национального центра», — и поэтому естественно было предположить, что кто-то из уцелевших заговорщиков решил отомстить за разгром своего подполья.

Но прошло несколько дней, и чекисты поняли, что они пошли по ложному следу. В их руки попала листовка — «Извещение», отпечатанная в нелегальной типографии «Всероссийским повстанческим комитетом революционных партизан» (анархисты, как известно, всегда любили пышные, громыхающие словеса). Составители подметного листка откровенно похвалялись тем, что бросили бомбу в здание Московского комитета большевиков.

Значнт, анархисты! Значит, белогвардейцы неожиданно получили подкрепление в лице этих «сверхреволюционеров»...

И тут чекисты обратили внимание на тот факт, что с поверхности жизни в последние месяцы исчезли их «старые знакомые» — анархисты, с которыми приходилось сталкиваться раньше. Тогда, когда были разоружены и разогнаны анархистские притоны в некоторых московских особняках; тогда, когда шло следствие по крупным ограблениям... Вполне возможно, что «рыцари черного знамени» порешили начать тайный террор против Советской власти и ушли с этой целью в подполье.

Дела, заведенные некогда на таких анархистов, были затребованы из архива. За квартирами их установили непрерывное тайное наблюдение...

Подходил октябрь, но розыск все еще был безуспешным.

А положение нашей Республики в канун второй ее годовщины было поистине тяжелейшим. В середине октября, захватив уездный городок Новосиль на Орловщине, белогвардейские дивизии подошли к Москве на самое близкое расстояние за всю гражданскую войну — 300 километров по прямой до Кремля.

«Никогда еще не был враг так близко от Москвы», — писал В. И. Ленин в те дни.

Только двадцать лет спустя, в далекой Испании, возникнет выражение «пятая колонна». Но уже тогда, в 1919-м, она действовала в красной Москве.

Бомба, брошенная террористами в здание Московского комитета партии, была предназначена в первую очередь для В. И. Ленина... Мы знаем о трех покушениях на Ильича. Дважды — в Петрограде и в Москве — контрреволюционеры стреляли в него; один раз браунинг в бандитской руке был буквально в полуметре от его сердца. Но сколько было еще заговоров, засад... Только знакомясь с историческими документами, начинаешь по-настоящему понимать и чувствовать, какая опасность постоянно висела над этим человеком, каким высоким личным мужеством обладал он.

Вот и тогда, в октябре 1919 года, в один из самых критических месяцев сплошь ожесточенной войны, Владимир Ильич продолжал выступать на митингах.

16 октября... Он произносит речь с балкона Московского Совета перед рабочими-коммунистами Ярославской и Владимирской губерний, уезжающими на деникинский фронт:

— Вы знаете из газет, в которых мы печатаем всю правду, не скрывая ничего, какую новую и грозную опасность несут царский генерал Деникин взятием Орла и Юденич — угрозой красному Питеру... Положение чрезвычайно тяжелое.

24 октября... Владимир Ильич выступает перед слушателями Свердловского университета.

28 октября... Слово Ленина обращено к слушателям курсов по внешкольному образованию. Это еще два отряда для фронта.

«Успехи Деникина, — писал он в те дни, — вызвали отчаянное усиление заговоров...»

Быть может, обдумывая эти строки, он вспоминал прежде всего о взрыве в Леонтьевском переулке, о гибели товарищей по партии...

Октябрь был на исходе, а заговорщики-бомбисты еще не были обезврежены.

Но вот нить расследования попала, наконец, в руки чекистов.

В одной из подозрительных квартир, где проживала ранее видная анархистка Никифорова, они устроили внезапный ночной обыск и оставили засаду — четырех комиссаров МЧК. И уже на следующее утро первый хищник попался в ловушку. Правда, он сумел вырваться из нее, пытался скрыться, но...

В тот день утром И. А. Фридман шел по переулку Сивцев Вражек в сторону Арбата... Вдруг впереди послышались выстрелы, крики, топот бегущих. И. А. Фридман выхватил револьвер. Навстречу ему бежал что есть силы рослый, взлохмаченный молодой мужчина в высоких болотных сапогах. В каждой руке он держал по револьверу.

— Стой!..

И в следующую секунду пуля ударила в стену за спиной Ильи Александровича.

Началась погоня... Погоня по узкому безлюдному переулку. Погоня со стрельбой на бегу из-за углов, из подъездов... И. А. Фридман пытался попасть в ногу: он помнил строжайший приказ Ф. Э. Дзержинского — «брать живыми»... Убегавший на мгновение приостановился, повернулся и швырнул бомбу-«лимонку». Илья Александрович приник к пыльному тротуару, мозг его почти автоматически отсчитывал секунды... Пролетело десять секунд, но взрыва не было. Значит, осечка. Чекист вскочил на ноги, поднял бомбу и с разбегу бросил ее вдогонку бандиту. Бросок оказался удачным: увесистая «лимонка» угодила ему в ногу, и он сразу захромал.

И в эту секунду переулок опустел: неизвестный словно в канализационный люк провалился.

Началось самое опасное: каждое мгновение можно было напороться на смертельную пулю, пущенную с прицела из-за любого забора, из-за любой двери... Илья Александрович стал осторожно продвигаться вперед, прижимаясь к фасаду небольшого особнячка. И тут в раскрытом окне первого этажа он увидел какого-то мужчину, который молча показывал ему рукой: «Там он, там!» И. А. Фридман подошел вплотную к окну и тихо спросил:

— Куда бандит спрятался?

— За калиткой он, — в тон ему отвечал житель особняка. — В собачью будку залез... Ох, убьет он вас, у него же два револьвера!.. Вы уж поосторожнее будьте!..

— Спасибо, товарищ!..

Теперь уже можно было действовать решительнее... Илья Александрович заглянул во двор. У забора, возле калитки, стояла большая собачья будка; из входной двери дыры ее торчали знакомые болотные сапоги. Бандит выбил в задней стенке планку и выставил в щель дуло револьвера.

Снова затрещали частые выстрелы... И. А. Фридман по-прежнему целился только в болотные сапоги, но — промахнулся: пуля попала в живот. Чекист выволок бандита из будки за ноги, обыскал. Вот и документы... Казимир Ковалевич, комиссар Московско-Казанской железной дороги!.. Крупная птица!.. Илья Александрович запустил руку в конуру и стал тщательно прощупывать каждый угол. Он нашел в

соломе второй револьвер и — самое главное — бумаги, которые Ковалевич пытался запрятать в солому.

На случайной извозчичьей пролетке Илья Александрович повез труп Ковалевича на Лубянку. Он прикрыл его своей шинелью: вполне можно было получить пулю от какого-нибудь ненароком повстречавшегося анархиста.

Уже в здании МЧК И. А. Фридман узнал о том, что произошло утром в квартире анархистки Никифоровой... Когда прозвенел звонок, двое из комиссаров с револьверами в руках подошли к двери и быстро распахнули ее. Но «гость» оказался матерым подпольщиком: он мгновенно выхватил револьверы из обоих боковых карманов своей куртки и стал стрелять. Чекисты погнались за ним по кривым арбатским переулкам. Один из них, Лев Шиленский, был тяжело ранен в ногу, и его товарищу пришлось прекратить преследование и на извозчике отвезти раненого в санитарную часть МЧК.

Первая квартира «анархистов подполья» была провалена, засада в ней стала уже бесполезной. Но бумаги, которые нес с собой Ковалевич, дали в руки чекистов новые нити для розыска.

Вторая конспиративная квартира, которую удалось раскрыть, находилась в Глинищевском переулке, в том самом доме, куда через час после взрыва бомбы привела чекистов неизвестная молодая женщина.

«Неужели она нас тогда не обманывала?» — думал Илья Александрович, когда он с несколькими товарищами спешил к дому в Глинищевском переулке. — Неужели нас тот врач вокруг пальца обвел?..»

Они подошли к знакомому подъезду и стали подниматься по лестнице. Илья Александрович смотрел на таблички, прикрепленные к дверям. Нет, та квартира, к которой они направлялись, была двумя этажами выше.

Что делать дальше?.. Никто не знал, конечно, сколько бандитов сидело за этой дверью и как они были вооружены. Можно было рисковать своими жизнями — это было неизбежно почти каждый день, почти на каждом шагу, — но в бою могли пострадать и жители дома.

Решили установить наблюдение за анархистской «явкой» из окна дома напротив... Ждать пришлось недолго. К подъезду подошел какой-то статный мужчина, одетый в бекешу. Одна особенность его облика сразу насторожила чекистов: обе руки неизвестного были глубоко засунуты в боковые карманы; вполне возможно, что в каждом кармане лежало по револьверу. Неизвестный огляделся и скрылся за широкими дверями.

Один из чекистов выскочил в переулок и тоже нырнул в подъезд вслед за подозрительным «дядей в бекеше». Тот открыл ключом дверь конспиративной квартиры и исчез за ней. Минут через пять он вышел и, заперев дверь, стал спокойно и неторопливо спускаться по лестнице.

Решение было принято сразу: «Ребята, этого берем!»

Трое чекистов пошли следом за «бекешей». Неизвестный свернул на Большую Дмитровку (теперь улица Пушкина). Возле многоэтажного здания, где помещается ныне Прокуратура СССР, чекисты приблизились к «бекеше» вплотную и мгновенно скрутили ему руки за спину... Предположение подтвердилось полностью: в каждой руке он сжимал по револьверу; кроме того, в специальном свертке, приложенном под мышкой, лежало несколько гранат-«лимонок».

Это был один из видных анархистских вожаков по кличке «Батя». Его направили на Лубянку, а ключами, отобранными у него, спокойно открыли дверь пустующей квартиры.

Чекистская засада стала ждать «гостей»...

Одно из окон этой просторной квартиры выходило на лестничную площадку. Ничем не примечательное окно, задернутое занавеской. На подоконнике стояла вместительная продолговатая тарелка-хлебница, на которой возвышалась горка аккуратно нарезанных кусков свежего белого хлеба. Тарелка с белым хлебом — далеко не обычная примета в тогдашних московских квартирах: время было голодное. Но... она не вызвала у молодых чекистов никаких подозрений. Если бы они смогли догадаться, какую роль играла эта злополучная хлебница!..

В ловушку попались первые «гости». Все прошло благополучно: их тихо скрутили и посадили в самой дальней комнате.

Проходил час за часом... Снабдить пищей и чекистов и арестованных было делом очень рискованным; до наступления темноты об этом нечего было и думать. Приходилось терпеть... И вот тут арестованные анархисты стали настойчиво просить «чего-нибудь пожевать». Они уверяли, что их терзали просто невыносимые муки голода, кивали в сторону окна с хлебом — чего зря лежит. Илья Александрович перебросился несколькими фразами с товарищами и решил: пусть поедят, они уже в нашей власти, мы обязаны заботиться об их пропитании.

Во второй половине дня на лестнице появился высокий, плечистый парень. Он медленно поднялся по ступенькам, скосив напряженный взгляд на подоконник, где — между стеклом и занавеской — стояла уже порядком опорожненная хлебница.

Чекисты насторожились. Они пристально следили из-за той же занавески за каждым шагом, за каждым движением неизвестного... Тот поднялся на этаж выше, постоял немного и стал так же медленно спускаться. Глаза его так и влипись в хлебницу... Вдруг он зашагал быстрее.

— Ребята, берем! — приказал И. А. Фридман.

Дверь распахнулась.

— Стой! Руки вверх! Стрелять будем!..

Неизвестный выдернул из карманов тужурки два револьвера. Плотная стрельба гулко загремела в лестничном пролете. Высокий парень скатился вниз и выскочил в переулок, И. А. Фридман и несколько его товарищей бросились за ним.

Пуля настигла бандита на углу Тверской и Гнездниковского переулка. В последние секунды он успел швырнуть самодельную гранату, но... В отчете, напечатанном позднее в газетах, Московская Чрезвычайная комиссия писала: «Бомба случайно попала в портфель тов. комиссара, который зажал ее там, а имевшимся у него в другой руке револьвером он застрелил Петра Соболева».

Да, это был Петр Соболев, анархистский «бонапарт», бросивший бомбу в здание Московского комитета партии.

ОБРАЩЕНИЕ ВЧК К ТРУДЯЩИМСЯ О БОРЬБЕ С ВРАГАМИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Октябрьская революция свергла иго капитала... В борьбе с рабочим классом агенты империалистических стран распространяют и сеют панику среди населения как в России, так и во всей Западной Европе.

Распространяются слухи о том, что Советское правительство снимает иконы с храмов, запрещает церковное богослужение и оскорбляет чувства верующих. Провоцируя народные массы, враги Рабоче-Крестьянского Правительства призывают массы к погромам и грабежам.

Агенты буржуазии и их прислужники, господа с.-р. и меньшевики, призывают нашу Красную Армию сложить оружие и прекратить защиту социалистического Отечества. Играя на руку врагам трудящихся, они призывают железнодорожных рабочих к забастовкам и к прекращению подвоза продовольствия к голодающим центрам. Подкупленные агенты буржуазии пытаются взрывать мосты, поджигать склады, уничтожать пути, чтобы, увеличив разруху, усилить голод и тем поднять малосознательные массы против Советской власти. Они пытаются проникнуть в ряды Красной Армии, чтобы помешать отправке частей на фронт и ослабить фронт революции.

Но рабочий класс России, напрягая усилия для последней и усиленной борьбы, сумеет отличить клевету от истины, и все защитники Советской власти будут бдительны и осторожны и сохранят твердость духа. Пусть помнят враги Советской власти, что великодушие восставшего рабочего класса может быть исчерпано и карающий меч революции может опуститься на головы изменников и всех пособников контрреволюции.

ЧК, поставленная волей Советской власти на страже революции, предупреждает всех врагов рабочего класса, что во имя спасения сотен и тысяч невинных жертв от взрывов и погромов, во имя спасения завоеваний Октябрьской революции она беспощадной рукой подавит всякие попытки к восстанию и заглушит призывы к свержению Советской власти.

Всероссийская Чрезвычайная Комиссия
1919 г.

Чекистская засада была в отчаянии: неужели провалили и вторую квартиру?!. Такую пальбу устроили в самом центре города!

Но опасения были напрасными: буквально час спустя в прихожей был скручен один из самых отчаянных налетчиков-анархистов, Мишка Гречанин. И на нем «визиты» не кончились.

Клубок заговора стал стремительно разматываться. Чекисты захватили третью «базу» — своего рода подпольное «общежитие» анархистских бандитов в доме на Рязанском шоссе. Там «улов» был еще более обильным.

На Рязанском шоссе была арестована молодая женщина, которая вечером 25 сентября привела чекистов в квартиру ни в чем не повинного врача. Она оказалась сестрой «Бати». Женщина подошла к И. А. Фридману:

— Узнаешь, комиссар!.. А я ведь вам тогда всем жизнь спасла... Не обманула я вас, гуляли наши в квартире, но только двумя этажами выше. Они меня послали поглядеть — много ли погибло, убит ли Ленин. Как увидела я, что они натворили, такая на меня злость нашла, что решила я их всех выдать! А по дороге подумала: вас только пять человек, одни револьверы у вас; а там — человек пятнадцать, да с бомбами. Убили бы они всех вас как пить дать! А сами бы разбежались. Ребята вы молодые, мне вас так жалко стало, что передумала я и на другую квартиру показала.

Организация «анархистов подполья» была обезглавлена и обескровлена, но еще не разгромлена полностью. Опасность еще не была устранена... Где-то в Москве или неподалеку от нее продолжала действовать тайная типография. Уцелевшие на свободе анархисты печатали листовки. «Нет никакого сомнения в том, — грозила одна из них, — что вслед за актом в Леонтьевском переулке другие акты последуют. Они неизбежны».

И чекисты знали, что это не пустые слова. Тот же Соболев намеревался взорвать Кремль динамитом. По его приказу взрывчатку завозили в Москву и прятали на тайном складе. Он успел завести знакомства среди служащих Кремля, запастись поддельными пропусками. Вместе с одним из своих дружков он на прогулочной лодке незаметно подплыл к огромной канализационной трубе, зев которой чернел над поверхностью Москвы-реки вблизи Кремля. Оставив дружка в лодке, Соболев с электрическим фонариком в руке пробрался по трубе до того места, где отвесно вверх на кремлевский двор уходил долгий колодец.

7 ноября 1919 года в часы демонстрации «анархисты подполья» решили устроить «кровавую баню» на Красной площади и других площадях и улицах.

До Октябрьских праздников оставались буквально считанные дни, можно сказать — уже часы.

И только в ночь с 4 на 5 ноября чекисты установили адрес тайной динамитной мастерской «анархистов подполья». Подмосковный поселок Красково, дача некоего Горина.

Успеть! Успеть во что бы то ни стало! Отвести

от праздничной Москвы эту немыслимо страшную опасность!

Глубокая ночь... Чекистская машина мчится по загородному шоссе...

Тридцать чекистов — молодых рабочих парней в потрепанных кожаных тужурках сидят, плотно прижавших друг к другу, на широких продольных скамьях. Студеный ветер пробрал их до костей. Среди этих тридцати — Николай Чебурашкин, Николай Павлов, Александр Захаров, Николай Дроздров, И. Д. Фридман и его брат Михаил. Все они сидели в засадах, обезоруживали бандитов, преследовали их под пулями на улицах и в переулках. Отрядом командовали В. Н. Манцев и С. А. Мессинг.

Вот по обеим сторонам дороги завиднелись в темноте черные приземистые силуэты дач — поселок Красково.

Оперативный чекистский отряд приближался к месту последней и, наверное, самой ожесточенной схватки с бандой «анархистов подполья».

Дача Горина выходила фасадом на дорогу из Краскова в Малаховку. Просторное деревянное строение с застекленным мезонином. Стены выкрашены светло-коричневой краской. Вокруг стоял плотный, полнорослый сосновый лес — собственность княгини Оболенской, у которой богатые москвичи в старое время арендовали участки для дач.

Чекисты бесшумно оцепили дачу. С револьверами в руках приближались они к безмолвному чернооконному дому, укрываясь за стволами столетних сосен. Шли осторожно, бесшумно, даже дыхание старались сдержать...

Двое подошли к дверям дачи, прислушались и попытались снять дверь с петель. Взрыв, второй, третий!.. Наверное, у анархистов было ночное дежурство. Разгорелся настоящий бой. Осажденные отбивались залпами, бросали гранаты... Почти не ослабевая ни на минуту, бой продолжался два с половиной часа. Несколько раз В. Н. Манцев громко кричал, обращаясь к осажденным: «Сдавайтесь! Сопротивление напрасно, вы окружены!..»

Вдруг прогрохотал страшной силы взрыв. Дача была буквально поднята на воздух. Над уютным, насмерть перепуганным, ничего не понимающим дачным поселком взметнулось зарево пожара. Один за другим ухали взрывы, разбрасывая далеко по сторонам пылающие обломки... Только четыре часа спустя чекисты смогли, наконец, приблизиться к обуглившимся развалинам. Они отыскали в них остатки типографского станка, две невзорвавшиеся «адские машины» — жестяные банки с пироксилином, оболочки для бомб, револьверы.

Под рухнувшим потолком валялись трупы шести бандитов.

Никто из чекистов не пострадал. Сосны оказались надежным укрытием от анархистских пуль.

К этому месту меня привел здешний уроженец Н. Ф. Баскакин, который хорошо помнит ту предпраздничную ночь... Теперь у ворот прибита стандартная табличка: «Малаховское шоссе, дом № 67». Просторный, заросший травою двор: пустырь-пепелище потом так и не застроили.

7 ноября Москва праздновала вторую годовщину Октябрьской революции.

...Трудно представить этот праздник нам, привыкшим к безбрежному разливу феерической иллюминации, к гулким раскатам салютов, к вечернему московскому небу, чуть позолоченному отсветом праздничных огней, к гроздьям салютного фейерверка, расцветающим над нашими головами. Трудно представить нам этот праздник в Москве, еще не построившей ни одного нового, советского дома, — Москве, истерзанной лишениями, Москве, опустевшей после военных мобилизаций и отлива населения в хлебные края.

Но вопреки всему это был праздник!

7 ноября 1919 года выдался морозный день. Ветер рябью складок пробегал по широким алым плакатам, натянутым на фасадах самых высоких, самых видных зданий:

«Не сдадимся, выдержим, победим!»

«Все ценности мира принадлежат тем, кто их создавал».

«Победа коммунизма — спасение мира».

«Мы путь Земле укажем новый, владыкой мира будет труд».

Площадь перед Московским Советом украсили флагами, изображениями советского герба, гирляндами еловых веток. На Красной площади, на Кремлевской стене — портреты Маркса и Ленина. Фасад Большого театра светит издали яркими красками огромного плаката: мускулистая фигура рабочего на фоне дымящих труб заводов.

Как и теперь, многотысячные колонны прошли утром через Красную площадь. Они двигались изо всех московских районов: Сущевско-Марьинского, Рогожско-Симоновского, Хамовнического... Шли со знаменами, с песнями.

Вслед за колоннами школьников громыхали по мостовой орудия в упряжке.

Дети и раненые красноармейцы — им рабочая Москва хотела доставить наибольшую радость. Работницы прибирали и украшали госпитали. Во всех столовых готовили невиданные по тем временам обеды — праздничное угощение для ребят: мясной суп, гречневая каша с маслом и свежие яблоки. В каждом театральном зале показывали детям бесплатные спектакли; в Сретенском театре была, например, поставлена пьеса «Дети капитана Гранта».

И пока еще почти никто — и в этих колоннах и в этих залах — не знал, какую угрозу отвели от него московские чекисты. Те тридцать рабочих парней, которые недавно возвратились в Москву из дачного поселка Красково.

Вечером на торжественном заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Московского Совета и профессиональных союзов с большой речью выступил Владимир Ильич Ленин. Он закончил ее словами:

— И мы можем сказать, что никакие трудности после того, что мы выдержали, не страшны, что мы все эти трудности вынесем и после того мы всех их победим.

СОТРУДНИК ЧК

Весна 1919 года. Белые войска рвутся к Киеву. Гул орудий слышен на Крещатике.

В один из таких дней председатель ВУЧК Мартин Янович Лацис вызвал к себе Ивана Судакова.

— Вот что, Ваня, придется тебе сдать комендантские дела и отправиться в дорогу. Повезешь в Москву золотой запас.

— Когда выезжать? — спросил Судаков.

— Послезавтра ночью. Подобрали тебе самых надежных товарищей. Восемь тонн золота вам доверяем. Дело нешуточное.

— Понимаю.

— Времени у тебя до отъезда достаточно. Сейчас познакомишься со своей бригадой. — Председатель снял телефонную трубку: — Пригласите ко мне чекистов, которых я вызвал.

«Бригадой» оказались три парня и девушка. Войдя в кабинет, они остановились у двери.

— Прибыли в ваше распоряжение, — отчеканил широкоплечий матрос.

— Проходите, товарищи, присаживайтесь, — пригласил Лацис. — Это командир вашей группы Судаков. А это, — он повернулся к Ивану, — твои помощники. Все они испытанные чекисты, участники операции на Куреневке.

— Федор Бахарчук, — крепко пожал Судакову руку моряк.

— Владимир Киселев, — представился синеглазый юноша в очках и студенческой фуражке.

— А я Зайченко Семен, — улыбнулся парень с небольшими прокуренными усами, в солдатской шинели.

— Даму я представлю сам, — сказал Лацис, поглаживая густую бороду. — Нина Светлова, по профессии медсестра. В случае чего — скорая помощь всегда обеспечена. Кстати, она не только медсестра, но и отличная чекистка. Троих бандитов собственноручно застрелила. Однако в предстоящей операции, товарищи, старайтесь обойтись без стрельбы. Кстати, тебя, Судаков, не удивляет такой малый состав охраны?

— По правде говоря, да.

— Вопрос о вашей численности долго обсуждался. Большинство членов коллегии высказывалось вначале за отряд. А потом сошлись на другом варианте — пять человек. Отряд не иголка, его в мешке не спрячешь. Труднее будет сохранить тайну. А ради золота, сами понимаете, враг на все пойдет. Вплоть до того, что крупное соединение выставит. Отряду все равно тогда не справиться. Основная надежда — на строжайшую тайну и, конечно, на вашу выдержку. В общем — счастливого вам пути! Постарайтесь доехать без приключений. В случае чего звоните или телеграфируйте.

Погрузку проводили ночью. Затяжной дождь разогнал и без того малочисленных прохожих. К банку поодиночке подъезжали автомобили, быстро загружались и, разбрызгивая лужи, мчались по строго установленному маршруту. Путь охранялся патрулями особого корпуса ВУЧК.

Вагон находился в одном из пристанционных тупиков. Судаков и его спутники быстро переносили по шаткому настилу намокшие брезентовые мешки.

— Последняя, — сказал Судакову чекист, сопровождавший автомобиль, в кузове которого громоздились ящики с драгоценными камнями и тюки с бумажными деньгами. — Больше машин не будет. Лацис просил пожелать попутного ветра. Будь здоров, браток.

К утру поднялся ветерок, разогнал толстую пелену туч. Солнце заблестело в лужах. Юркий маневровый паровозик — «овечка», натужно пыхтя, потащил вагон в хвост уже почти сформировавшегося эшелона. Так было решено заранее — ехать не возле головных вагонов, а позади, но не в самом последнем.

На вокзале многие разнюхали, что формируется эшелон, и начали загодя занимать места в вагонах. Кто-то пытался пристроиться к чекистам. Тогда Судаков вышел и мелом написал на двери крупными буквами: «Вагон арестованных».

Состав подали на станцию. И тут началось!.. Люди врывались в вагоны, сражались за тормозные площадки, за места на крыше, за все, к чему можно было прицепиться. Разумеется, рвались они и в вагон с золотом.

Вся группа, кроме Нины, вышла на патрулирование. Вид людей, перепоясанных пулеметными лентами, с винтовками через плечо, умерил пыл даже самых отчаянных.

Раздался последний гудок. Остались позади киевские окраины, мост через Днепр, пригородные деревушки в кольце садов.

Самой опасной была полоса «многовластия», которую терзали банды и шайки грабителей всех мастей.

На остановках непрошеные попутчики не раз пытались ворваться в вагон. Неорганизованные группы опасности не представляли. Труднее было, когда на одной из станций к Судакову и его спутникам привязалась довольно большая

группа анархистов-максималистов или, возможно, выдававших себя за них бандитов.

Они подошли к вагону в тот момент, когда Судаков и его спутники отбивали натиск галдевшего людского вала.

— Ша! — крикнул одноглазый вожак в яркоалом галифе и в черной рубашке, перепоясанной серебряным кавказским ремешком. — Кому я говорю «ша», паршивые гниды? — Он выстрелил в воздух из двух пистолетов и, размахнувшись, ударил в зад носком сапога бородатого дядьку.

От резкой боли тот завертелся и завыл:

— Ратуйте, люди добрые, убивают!

Выстрел мигом привел его в чувство, и он что было духу припустился вдоль состава.

— А тебя чего прихватило к месту, пентюха? — спросил атаман Судакова, преградившего ему дорогу. — Может, у тебя уши заложило или тебе двух «шпалеров» мало? А ну, тикай в сторону! Проверим, что там у тебя в вагоне.

— Назад! — проговорил Судаков и выхватил гранату. — Нельзя туда!

— Это кому нельзя? Это, может, нам нельзя? — с подчеркнутым удивлением спросил атаман. — Интересно, почему же это нам нельзя, а тебе можно?

— А ты разуй глаза, прочитай, для кого вагон, — сказал Судаков.

— Васька! — крикнул атаман. — У меня что-то глаза запорошило. Никак не разберу, шо он тут намалевал.

Рыжий Васька подошел поближе к двери и стал по складам читать надпись, сделанную мелом. Наконец он одолел слова и прочитал громко вслух:

— «Ва-гон а-ре-сто-ван-ных».

После небольшой паузы Судаков, улыбаясь, сказал:

— Вот как получу ордер на тебя, тогда милости просим. Обещаю, что обязательно посадим. Уважим от души. Самое лучшее место дадим.

— Так это же, братва, настоящий бим-бом. Первоклассный хохмач, — хмыкнув от неожиданности, сказал анархист. — Знаете, он мине даже нравится. Я даже с удовольствием разменяю на него обойму. Даже две обоймы. За хохмы и факт насилия над священной человеческой личностью.

Вполне возможно, что атаман действительно выпустил бы в Судакова пару зарядов, если бы не граната, которую держал в опущенной руке Иван. Анархист увидел, что из нее выдернута предохранительная чека. При такой обстановке у атамана в корне изменились убеждения. Согласно правилам анархистов одноглазый должен был всегда освобождать арестантов. Когда же дверь вагона слегка сдвинулась в сторону и в отверстие высунулось дуло «максима», его пыл окончательно остыл.

— Видали, граждане свободной России? — обратился он к своим компаньонам. — Чтоб меня разорвало пополам, если этим арестантам самим не нравится сидеть за решеткой. Иначе, чего себя караулят? Так холера с ними! Хай гниют в своем равелине! А ты запрячь в карман пушку, — добавил он, обращаясь к Ивану, и, повернувшись с достоинством, пошел вдоль состава.

Следом за ним потянулась вся шайка. Один из анархистов загорланил, остальные подхватили:

По улицам ходила
большая крокодила.
Ша-ша, ша-ша, ша-ша
ша-ша!
Она, она зеленая была!
Она, она не жравшая
была!
Она, она голодная была!
Она, она не выпимши
была!

— Шпана! — сурово глядя им вслед, сказал Судаков.

Он держал в руке еще не зачекованную гранату. При других обстоятельствах он вправил бы мозги нахальной банде. Сейчас служебный долг запрещал ему рисковать.

На одной из остановок Судаков решил позвонить Лацису. Несколько минут ждал, пока дадут Киев.

— Лацис у телефона. Слушаю вас.

— Это я, Судаков. У нас все в порядке. Едем, правда, очень медленно. На всех станциях подолгу стоим.

— Очень рад слышать, что все хорошо, — ответил председатель. — Но должен тебя огорчить, Иван. Дела далеко не так блестящи, как ты думаешь. Получены сведения, что в вашем эшелоне едут два агента белогвардейской контрразведки. Они попытаются завладеть ценностями. А у тебя ни мало ни много — восемь тонн золота. Будьте готовы ко всяким сюрпризам. В Киеве сегодня днем задержан агент деникинцев. При себе он имел телеграмму, посланную с одной из станций, где остановился ваш поезд.

— Что же написано в телеграмме?

— Сейчас прочту, слушай: «Едем по расписанию. У нас все спокойно. Высадка в условленном месте». Нет сомнения, это донесение о том, что операция идет по плану. Такого же содержания телеграмма послана в Брянск. Видимо, основные события развернутся именно в том районе.

— А задержанный шпион что-нибудь сказал?

— Почти ничего. Он связник. Должен был получить телеграмму и передать ее в условленном месте. Но резидент не явился: видно, узнал, что связник арестован. Задержанный знает мало. Ему известно только, что шпионы, едущие в вашем поезде, будут стремиться завладеть золотом с помощью кулацких отрядов где-то в районе Брянска.

Судаков вернулся в вагон, коротко сообщил о телефонном разговоре.

— А из вас никто не замечал подозрительного?

— Разве что я, да и то сущий пустяк, — отозвался матрос.

— Говори, что такое? — поторопил его Судаков.

— На предыдущей станции я отправился за водой. Смотрю — у поезда целый толчок организовался, пассажиры свои вещички на харч меняют. Против нашего вагона, шагах в пяти, двое торг ведут. Один, высокий такой дядя, рубашку на картошку обменивает. Все никак не договорится, в сторону нашего вагона посматривает.

— Запомнил ты этого человека?

— Да нет, не присматривался особо. Да и смеркалось уже.

— Вот те и на! А еще чекист. Вот что, товарищи. Смотреть надо в оба. Если что заметите, сразу поднимайте всех на ноги.

Сотрудник ЧК

Кончнлн ужинать, стали готовнться ко сну. За окнами вагоиа лроноснлась темиая степь. В лечурке, лотрескивая, догоралн дрова.

— Товарнщ командир, — внезапно вскочил Федор. — Разрешнте мне по вагонам лройти. Может, встречу того человека, что рубаху лродавал. А заодно узнаю, как у железнодорожников дела.

— Что ж, нди. Только долго не задержнвайся.

Матрос стал лробираться к ларовозу. Иван задремал. Последиее, что он увидел, — фнгуры Володи и Ннны у прноткрытой вагонной дверн. Онн смотрели на темную стель н на небо, усеянное гнрляндамн яркнх крулных звезд, н говорнлн о чем-то своем. Судаков вспомннл, что лознакомились онн еще до революцни, когда Нина учнлась на медицннских курсах, а Володя был студеитом естествеиного факультета Киевского уннверснтета. Вместе ходилн на революционные сходкн, вместе сталн работать в оргаиах ЧК. «Хорошая лара. Пусть оин будут счастлнвы», — мысленно ложелал нм Судаков н задремал...

В третьем вагоне Бахарчука задержала внушительная очередь, собравшаяся возле туалета.

— Товарнщ начальник, а товарищ начальник! Тут однн заперся в туалетной и с полчаса не выходнт. А нз-за двери горелым лахнет, будто он там что-то лалнт.

Федор заглянул в щель. Действительно, из-за дверн тянуло чем-то лалеиым, вндны были отблески огия. Нензвестиый, вндимо, жег ветошь. «Может, он лодает сигналы? — мелькнула мысль у Федора. — Поезд-то сейчас идет ло бандитскому району».

Не успел он скомаидовать, чтобы ломали дверь, как впереди захлолалн выстрелы.

По зшелону бнли частым прнцельным огнем. Вагон качнуло, лоезд замедлнл ход, остановился. Пассажиры иасторожнлись.

В лунном свете Федор увндел всадников, скакавшнх вдоль железнодорожной насылн н вовсю лалнвшнх нз винтовок.

— Путь влереди разобран! Бандюги!

— Телерь будет делов!

— Та не бойтесь! В лервую очередь пострелают комнссаров н чекистов, что арестантов везут.

Федор добежал до своего вагона, доложил о сигнальщике:

— Взять его не удалось. Хотелн дверь ломать, а тут стрельба.

Темные фнгуры всаднников виднелись уже нелодалеку, в голове состава.

— Пулемет к бою! — скомандовал Иван. — Пока не лрнблизятся, не стрелять.

Ннна быстро заправнла лулеметную ленту. Сталн лоджидать. Но наладавшие не спешнлн к ннм. Прн свете факелов оии хватали большие кожаные мешки, находившиеся в лочтовом вагоне, вспарывалн их палашами и штыкамн. Там были только пнсьма.

Бандиты решнли лрнняться за лассажиров и двннулнсь вдоль состава. Чекнсты отворнли дверь лошнре.

— Огоиь! — скомандовал Иван.

Пулемет зачастил. Наладавшие пустнлись наутек.

Из лассажиров Судаков организовал бригаду, которая за иесколько часов отремоитировала развороченный луть, и состав двиинулся дальше. Одно беспокоило чекистов: не был найдеи человек, который лодавал сигналы.

Ночью, лри лодъезде к Бряиску, паровоз остановился. Дежурство у вагона нес Володя Киселев. Вокруг все спали. Только впереди у паровоза слышались голоса — там набирали воду. Вдруг совсем рядом чекист услышал тнхое лязгаиье. Присмотревшись, увидел темную фигуру человека, нагнувшегося у колеса. Очевидио, тот прннял Володю за стаицнонного рабочего н не обращал на него внимания.

— Стой, стрелять буду! — крикиул Киселев.

Человек лобежал. В зто время раздался свнсток, и лоезд медленно тронулся. Преследуемый уцепился за лодножку н, с ловкостью обезьяны взобравшнсь ло лестннце на крышу, стал убегать ло вагонам к хвосту.

Володя дал лредулредительный выстрел н побежал за ним следом. На крыше лоследнего вагона оин столкнулись. Резким ударом враг лопытался сбить чекиста с иог, но не смог.

Издалека лослышался крик:

— Держнсь, Володя!

Друзья бежалн на ломощь. Киселев крелко обхватнл лротнвника и держал. Отчаянным усилием тому удалось вырваться. Выхватив нз карманa нож, он нанес Кнселеву удар в живот. Боль пронзила тело чекнста, лоллылн в глазах оранжевые круги, но он снова обхватнл неизвестного н держал, лока не лодосцелн товарищн. Судаков и Бахарчук повелн его к себе в вагон.

Поезд остановнлся. Семен Зайченко и Ннна спустнлн обмякшего Володю винз н уложили на шинель. Люди ллотно обступнлн их.

— Я, кажется, умираю, Ннна, — шептал раненый. — Не удалось дожить до лолной победы революции. А так хотелось! Чтобы был праздннк, море огней... И ты со мной рядом...

— Не надо, Володя... Ты будешь жить, — говорила Ннна, а у самой ло щекам катнлнсь слезы.

— Нет, Нина! Возьмн в кармане мою карточку. Это тебе на память... И будь счастлнва. Матери напишн, что сын погиб за революцию.

Похороннли Володю тут же, в стели. Железнодорожники лрннесли несколько факелов из промаслеиной ветоши. Прн их свете выкопалн могнлу. На иебольшом холмике ложили серый камень, и Судаков мелом налисал: «Владимир Киселев — красиый чекнст». Прозвучал лрощальный залл. Поезд снова тронулся в луть.

Утром Судаков решил допроснть лреступнника. Это был крупный высокий человек в салогах н железнодорожном кителе, надетом ловерх вылннявшей солдатской гнмнастерки.

— Кто вы такой? — спроснл у иего Судаков.

— Русскнй офнцер, борец за свободную Россию.

— Может быть, скажете лоточнее? Учтнте, если не будете отвечать, имеием революцнонного народа мы вас расстреляем.

— Прнзнанне смягчнт мою участь?

— Во всяком случае, отсрочит исполнение приговора до выяснения обстоятельств дела.

— Тогда пишите. И отметьте, что я говорю это добровольно. В поезде еще один человек. У него задание — взорвать весь эшелон.

— Кто подавал сигналы бандитам?

— Я. Еще в Киеве мне сообщили, что в районе Брянска поезд будет встречать отряд атамана Сокола. Я должен был сигнализировать, что это именно тот эшелон, в котором везут ценности.

— Как найти вашего сообщника в поезде?

— Он едет в пятом вагоне. Одет в рясу священника. У него с собой мина с часовым механизмом. По плану операции, в случае моего провала, а ему уже об этом, несомненно, известно, он должен поставить стрелки на определенное время и скрыться. Произойдет это, вероятно, на ближайшей станции. Торопитесь, иначе и вы и я с вами за компанию взлетим в воздух.

Судаков поднялся, подошел к Нине.

— Мы сейчас с Федором и Семеном в пятый вагон пойдем. А ты побудь здесь, постереги его. Он хоть и связан, но опасен.

— Ох, товарищ Судаков! Кабы была моя воля, я бы этого убийцу своими руками задушила, — на глазах у нее показались слезы.

— Не надо, Нина. Слезами горю не поможешь. А он свое получит сполна.

Добрались до пятого вагона. Поезд замедлял ход, приближаясь к станции. В тамбуре чекисты увидели невысокого плотного старичка с острым носом и седеющей бородкой. Черные волосы, тронутые на висках сединой, падали густыми длинными прядями на рясу. Выглядел он жилистым, крепким, необычайно подвижным для своих лет.

— Ваши документы, гражданин? — спросил его Федор.

— Отцом Сергием наречен при возведении в сан. А что касается документов, нет у меня при себе ничего. Бренным считаю все бумаги земные.

— И чего вы только к батюшке привязались? — зашипела старушка, стоящая рядом в тамбуре. — Он такой чистый, такой душевный. Всю дорогу говорил о спасении и о царствии божьем.

— Верю, мать, охотно, — ответил Судаков. — Как не верить, если он всех хочет в царствие божье переправить без пересадки. А сам на грешной земле предпочитает остаться. Ну вот что, гражданин хороший. Высадку на станции придется отменить. Офицер-то во всем сознался. Отвечай, батюшка, где мину с часовым механизмом спрятал?

— Ничего не знаю, ничего не ведаю, — вытирая пот со лба, проговорил «священник». — Воистину напраслину на пастыря божьего возводите.

Поезд тем временем подошел к станции.

— Граждане пассажиры! Попросим всех выйти из вагонов, — объявил Судаков. — Где-то в поезде спрятана мина, которая с минуты на минуту может взорваться.

Масса людей высыпала на перрон. Пустой состав оттащили к выходным стрелкам, подальше от зданий. Лишь в пятом вагоне осталось двое: Судаков и священник.

— Напрасно упорствуете, батюшка, — говорил ему Иван. — Отсюда вам никуда не уйти, вместе нам придется огненную смерть принять. А за последнее прегрешение господь вас не помилует.

Судаков достал из кармана часы, положил на стол. Секундная стрелка медленно обегала круг за кругом. Наконец, «священник» не выдержал.

— Хорошо! Скажу, где машина спрятана. Только вы запишите, что я добровольно признался...

Мину обезвредили.

— По вагонам! — раздалась команда.

Вновь застучали колеса. Вместе с чекистами в девятом вагоне ехали двое арестованных.

Прямо с вокзала Судаков позвонил в комендатуру ВЧК. За грузом выслали несколько автомобилей. Сдав прибывшим чекистам документы, арестованных и ценности, Судаков поехал на Лубянку, где помещалась ВЧК.

В комендатуре Судаков написал рапорт на имя Ф. Э. Дзержинского, где кратко изложил все, что случилось с ним в пути.

НОЧНАЯ ТЕЛЕГРАММА

Когда в Житомире была создана комсомольская организация, Женя Здолбунова вступила в ее ряды одной из первых. Однажды ее вызвали в горком. Секретарь подробно расспрашивал о жизни, о работе.

— Если мы тебе, как сознательной комсомолке, предложим работать в ЧК, ты пойдешь? — неожиданно спросил он.

— Согласна! Конечно, согласна!

Так Женя стала шифровальщицей.

Работы было много, беспрерывно поступали сводки со всех концов губернии, сообщения из Москвы и Харькова. Все материалы были зашифрованы, так что Жене часто приходилось засиживаться допоздна.

Однажды ночью прибыла телеграмма: «Обнаружена банда Савинкова. Первой ее жертвой должен стать председатель Волынской губчека».

На улице проливной дождь. В здании ЧК только бойцы дежурной охраны. Снимать их с постов нельзя. Телефонной связи с домом начальника нет. Как известить его о грозящей опасности? Накинув шаль, Женя решила бежать к нему сама. Пока добежала, промокла насквозь.

— Так, понятно, — сказал начальник. — Ну вот что. Ты с моей женой отправляйся в ЧК, а я у дома устрою бандюгам засаду.

— Разрешите и мне? — умоляюще попросила Женя.

— Тебе? — испытующе посмотрел на нее начальник. — Что ж, ладно.

...Часа в три ночи к дому подъехали две брички. В них сидело человек десять, вооруженных винтовками. Через щелку в ставнях Женя видела, как они соскочили на землю и пошли к дому.

Забарабанили в дверь.

Женя, ощущая в груди холодок, вышла в сени, спросила:

— Кто там?

— Мы из оперотдела. Срочно позовите начальника.

— Сейчас, — зазвенела она запорами.

— Где хозяин?! — в дом ввалилась целая орава.

— В комнате жарко, так он на чердаке заснул. Сейчас я его разбужу.

— Не надо, мы сами. Грицько, Петро, лезьте наверх, — командовал рослый человек в папахе. — Разбудите начальника. А мы пока здесь подождем.

Женя осталась на пороге, молча наблюдая за происходящим.

— Тут его нету, — донеслось сверху.

— Нет? — Атаман подошел к Жене. — Ты что же, нас дурить задумала?

— Ни с места! — крикнула она, выхватила револьвер.

Атаман остановился в трех шагах и вдруг метнулся вперед. Прозвучал выстрел, грузное тело бандита медленно стало оседать.

— Хлопцы, тикайте, засада! — прохрипел он, падая.

Но было уже поздно. Из дверей, окон — отовсюду были видны винтовки чекистов.

После этой операции Женя перешла на оперативную работу.

НЕУДАВШИЙСЯ ФЕЙЕРВЕРК

Варя скорей была похожа на гимназистку, чем на сотрудника губчека. Худенькая девушка с большой косой, в солдатской шинели. После одной из операций о ней заговорили как об умном, способном работнике. Началось все довольно прозаически. Зимним вечером Варя сидела в дежурке у жарко натопленной печи и листала книжку недавно вышедших стихов.

На рассвете в комнату заглянул часовой.

— Тут к вам какая-то старуха просится. Говорит, по важному делу.

— Пропустите ее, пусть зайдет!

Посетительница, отряхивая снег с валенок, остановилась на пороге.

— Садитесь, рассказывайте.

— Дворничихой я работаю. Сумскую уже много лет мету. Сама знаешь, время нынче какое. Съестного — хоть шаром покати! А в доме нашем дамочка одна уж больно не по карману живет. Прислуга ее что ни день, то ведра мусору тащит. Чего там только нет! Банки консервные, скорлупа от орехов, шкурки апельсиновые и даже куски белого хлеба бывают. Это при нынешней-то осьмушке!

— Очень интересно, — заметила Варя. — А что вы еще вспомните?

— Свет у нее допоздна горит. Все какие-то господа к ней заходят. Разодетые, гладкие такие.

Старуха назвала улицу, номер дома и ушла, пригласив заходить прямо к ней, если понадобится. Варя Гордиенко тотчас доложила обо всем заместителю оперотдела Борису Грозному.

На следующий день Варя с сотрудником оперотдела Колей Величко пришла во двор, о котором рассказывала дворничиха. На третьем этаже светились окна. Это была квартира Серафимы Сушковой. За занавесями мелькали людские тени, видно, хозяйка принимала гостей.

Наконец, на третьем этаже хлопнули двери, послышались громкие голоса, люди спускались вниз. Разгоряченные выпитым, мужчины позабыли об осторожности. Доносились слова:

— Осталось совсем недолго, господа...

— Советы развалятся, как карточный домик...

— На Дону собираются наши отборные части...

У перекрестка от компании отделился высокий человек в меховой шапке и шубе. Задержать всех было невозможно, поэтому Варя и Коля последовали за ним. На Николаевской площади чекисты решили его задержать.

— Гражданин, постойте. Вам придется пойти с нами!

— В чем дело? — обернулся незнакомец. — Кто вы такие?

Величко чиркнул спичкой, показал удостоверение.

— «Предъявитель сего сотрудник Харьковского губчека», — прочитал вслух мужчина и спросил: — Значит, на Губернаторскую поведете?

Он присел, чтобы поправить шнурок на ботинке, потом вскочил и бросил пригоршню снега в лицо Величко.

Коля на мгновение растерялся, а задержанный уже кинулся на чекиста, свалил его с ног, начал душить. Варя выхватила свой пистолет и рукояткой ударила незнакомца по голове. Тот охнул и отпустил Николая.

— Ух, и здоровый, черт! — сказал Величко, поднимаясь на ноги. — Едва не придушил. Давай ему руки свяжем, пока не очнулся.

Они привели задержанного на Губернаторскую. Варя решила, не теряя времени, начать допрос.

— Прежде всего познакомимся. Ваше имя, отчество и фамилия?

— Сергей Александрович Сизов, — последовал быстрый ответ. — Если я буду говорить, меня не расстреляют?

— Все будет зависеть только от вас.

— Хорошо, я расскажу. Только прошу учесть мое чистосердечное признание. Серафима Сушкова — вдова полковника царской армии, которого расстреляли в первые дни революции. В городе Серафиму Павловну знают многие офицеры, в былые годы частенько бывали у нее в гостях. Приходил к ней и я, тогда еще юнкер Чугуевского училища. Полковник был мой дальний родственник по матери. А сейчас, сами знаете, время какое. Вот мы и держимся друг за друга. Многие бывшие офицеры стали ее посещать.

— Чем же вы там занимались?

— Сначала просто собирались, чаевничали. Угощения у Серафимы Павловны по нынешним временам прямо-таки королевские.

— А вы не догадывались, где она берет деньги?

— Первое время я об этом просто не думал. Потом стал догадываться. Серафима Павловна нас вроде бы прощупывала. Мне даже как-то открыто намекнула насчет борьбы с большевизмом, сказала, что скоро сюда придут белые, и тогда все наши заслуги зачтутся.

— Какие задачи она ставила перед вами?

— Говорила, что нужно взорвать комендатуру, губчека, водокачку...

— Где вы собирались взять взрывчатку?

— Как будто в Чугуеве. Есть там у одного человека. Но за это нужно заплатить. А деньги у нее будут только через несколько дней.

— Кто поедет в Чугуев?

— Сушкова поручила мне. Ведь я там учился, и мне легче будет найти нужный дом.

— Как вы ответили на ее предложение?

— Она сказала мне о поездке в Чугуев только сегодня вечером. Я ответил, что подумаю и тогда дам ответ. Дело ведь опасное.

— Вот что, — задумалась Варвара, — если хотите помочь нам, соглашайтесь!

— Но Сушкова запретила мне появляться у нее в ближайшие дни. Она говорила, что дворничиха, вероятно, уже что-то заподозрила, что не надо лишний раз мозолить ей глаза, и просила передать ответ через мою жену.

— Сушкова с ней знакома?

— Нет, они никогда не встречались.

— Ну вот что. Садитесь и пишите, что вы согласны на все ее предложения.

Тут же Сизов написал письмо Серафиме Павловне.

...Через несколько дней скромно одетая женщина стучала в квартиру Сушковой.

— Вам не нужна свежая рыба? — произнесла она условную фразу.

— Рыбы не употребляем, питаемся только мясом, — ответила хозяйка, пригласила Варю в комнату и быстро пробежала записку Сизова.

— Я была уверена, что он согласится. Передайте ему этот пакет с деньгами. А вот адрес в Чугуеве.

Варя попрощалась и ушла. В тот же день она выехала в Чугуев. За квартирой Сушковой было установлено наблюдение.

...Сани медленно катили по узкой улочке Чугуева. Наконец нашли нужный дом, постучали в калитку. Бешено залаяли собаки. Вышел хозяин — огромный, заросший щетиной детина.

Варя и Коля Величко прошли в комнату, вручили хозяину сверток с деньгами. Он аккуратно пересчитал кредитки. Вздохнув, сказал:

— Все правильно, как и договаривались. Вот что, добро это у меня в рощице припрятано.

У какого-то, одному ему известного места хозяин остановил лошадей, спрыгнул с саней и, взяв лопату, пошел через кустарник. Вскоре он вернулся с длинным ящиком, обернутым в просмоленную мешковину. В Чугуеве распрощались.

— Счастливого пути, и не попадайтесь краснопузым — живо в расход пустят. А Серафиме Павловне кланяйтесь. Если пистолеты или винтовки понадобятся, обращайтесь ко мне. Есть и такое добро.

Вечером Варя побывала у Сушковой, сказала, что взрывчатка находится в надежном месте.

— Привезите ко мне в субботу, — распорядилась Серафима Павловна. — Соберутся офицеры, каждый получит свою порцию и задание. Вот будет в городе фейерверк! Надеюсь, за границей останутся довольны.

Поздним вечером к дому, где жила Сушкова, подъехали сани. Из них выпрыгнули Варя, Борис Грозный, Николай Величко и Сизов. Дом уже был оцеплен и предстояло только разыграть финальную сцену. Сизов и Величко внесли ящик на третий этаж. Варя постучала три раза. Дверь отворила сама Серафима Павловна. Она была в нарядном платье. Из гостиной доносились звуки фортепьяно.

— Мы вас заждались, — улыбаясь, сказала хозяйка и внезапно замолкла.

В коридор входили люди в кожаных куртках, с красными звездами на фуражках...

В этот вечер была арестована вся белогвардейская организация.

„Мы из ЧК...“

На вокзале Сергей простился с попутчиками и подозвал извозчика.

— В ЧК, — коротко бросил он, усаживаясь в пролетку.

— В ЧК так в ЧК, — разбирая вожжи, сказал равнодушно извозчик. — Нам хоть на каторгу, лишь бы заплачено было.

Городок оказался вполне приличным, с деревянными тротуарами, кустами сирени в аккуратных палисадниках и круглым зданием цирка на центральной площади. Возле цирка — «толкучка», пивная и иллюзион «Грезы». С запада к городу подступали отлогие горы, на восток от него уходила тайга: там начиналась Сибирь. Над городом высоко вздымались черные трубы завода, из них жидко струился грязный дым.

Горисполком и ЧК помещались в бывшем горнозаводском управлении — белом двухэтажном доме с тяжелыми дорическими колоннами. Председатель ЧК, широкий косоплечий человек, долго читал мандат Сергея.

В просторном кабинете все, вплоть до тяжелых бархатных портьер, пропахло махоркой. Положив перед собой мандат, председатель достал кисет и стал сворачивать толстую козью ножку. Движения у него были медленные, усталые.

— Из самой Москвы, стало быть? Это здорово. Ты, товарищ, подожди малость, я вот с этим кончу, — он кивнул на сидевшего по другую сторону стола старого священника. — Ну так что же, Ксенофонт Иваныч, долго будем в молчанки играть? Надоели мы друг другу хуже горькой редьки, ей-богу.

Глядя поверх головы комиссара, священник тихо сказал:

— Расстреляй ты меня, Афанасий, или отпусти. Не мытарь понапрасну.

Комиссар затянулся так, что самокрутка затрещала. Пережевывая дым со словами, уставился священнику в лицо.

— Расстрелять — это, батя, не выход. Это успеется. А мытарить буду. До тех пор, пока не скажешь, откуда у тебя на колокольне винтовки взялись. Эх, батя! И с кем ты под старость лет связался? С бандитами, с контрой. Ты меня, было время, писать и читать учил. И для науки по лбу линейкой шлепал. Теперь мне тебя учить приходится. Только линейка у меня твердая. Ты, Ксенофонт Иваныч, всегда честным человеком был. Кто бы подумать мог, что ты для бандитов оружие хранить будешь? Чтоб им, бедолагам, спокойней было Ковровский прииск грабить, солдаток насиловать да комиссаров к стенке ставить. Слыхал, поди, в Захаровке они Гудсона зверской смертью замучили. Помнишь его? В погреб он у тебя прятался, рыжеватый такой...

Священник выпрямился. Седые клочкастые брови его шевельнулись и почти закрыли глаза.

— Довольно блудословием заниматься. Иудой не был и не буду...

— Та-ак... — протянул комиссар. — Стало быть, в Иуды не желаешь? А ведь грешишь ты, батя. Петьку Солоуха с Христом путаешь. Ладно, посиди еще. Подумай. Ей-богу, Ксенофонт Иваныч, подумай, стоит ли из Солоуха Христа делать.

Священник тяжело поднялся. Возле дверей невесть откуда возник чубатый мальчишка.

— Отведи его, Григорий, — приказал комиссар.

Парнишка, положив руку на кобуру, распахнул дверь, чтобы пропустить священника вперед.

Комиссар перевел взгляд на Сергея.

— Выкладывай, с чем приехал.

Пока он вскрывал пакет, Сергей кивнул в спину уходившего.

— Оружие прятал?

— Оружие.

— Явная контра.

Сергей сдвинул брови. Нескладная фигура комиссара не понравилась ему с первого взгляда, а его мирная беседа с «явной контрой» вызвала раздражение.

Комиссар вытряхнул бумаги из конверта, стал раздвигать их негнущимся, коричневым от махорки пальцем.

— Куришь? Нет? Правильно, от табаку вред один. Однако нервы успокаивает. Бумаги нужные, давно ждем. Втемную ведь работаем. — Он сдвинул бумаги в кучу, подпер щеку кулаком. — Так вот, товарищ Власов, приехал ты вовремя. Было нас пять человек. Одного убили, двое на фронт ушли, одного сами расстреляли. Остался я один. Фамилия моя Бекасов, звать Афанасий. Я да Гришка Фадеев, мальчишка этот, видел ты его, вот и вся наша ЧК. Гришка у меня и за писаря, и за бойца, и за курьера. Вся наша писанина на нем. Сам-то я не больно грамотный. Да и времени мало. А Гришка — парень смышленый, — комиссар вздохнул. — Не надо бы мальчишке при нашем деле находиться, да других подходящих людей нет. При царизме они деланы, не по нашему заказу. Вот и применяйся.

Комиссар достал из сейфа два куска сахару, круг колбасы и хлеб.

— Столовая уже закрыта, а ты с дороги небось голодный?

— Голодный, — охотно отозвался Сергей.

Он подсел к столу и с хрустом отломил кусок колбасы. Бекасов положил возле него нож. Прихлебывая кипяток из кружки, Сергей думал: «Бекасов для ЧК не находка. Однако сплеча рубить нельзя. Нужно осмотреться, посоветоваться с товарищами, в горисполкоме. С этой тихой лавочкой я покончу, для того и приехал. ЧК — карающий меч революции, и никаких душеспасительных разговоров с попами в этой комнате больше не будет!» Наевшись и приняв решение, Сергей повеселел.

— Давно я колбасы не ел, — сказал он.

— У нас с продуктами ничего. Есть продукты, — заметил комиссар. — А я вот третий день в рот ничего не беру. Зуб, проклятущий, замучил.

— Выдернуть надо.

— Давно бы выдернул лешака. Боюсь. Нагляделся я на этих коновалов в госпиталях. Ну их! Завтра мы тебя по всем статьям оформим и в работу запряжем. Надо тебя на постой определить.

Сергей запротестовал. Он хотел поселиться в ЧК. Кулак под голову — и порядок. Полный отдых — и, главное, всегда на месте.

— Ничего, брат, я к инженеру Крапивину тебя определю. Жилье отличное, недалеко отсюда, и телефон есть. Григорий, — позвал он. — Гришка!

Распахнулись створки окна, и в комнату через широкий подоконник влез давешний мальчишка. Черная косоворотка сидела на нем мешком, в воротник ее убрались бы три Гришкиных шеи. Светлый чуб был взъерошен, скуластое лицо светилось торжеством и азартом. Мальчишка, даже не взглянув на Сергея, похвастался Афанасию, что сейчас играл в чику с ребятами из рабочего отряда и обыграл самого Кольку Битка, а лучше Битка ни в чику, ни в бабки никто не играет во всем Голом Конце.

— Битка обыграл? — не поверил Афанасий. Гришка побожился.

— Молодец, коли так. А знаешь что? Айда сыграем! Посмотрю, что ты за игрок. Ты, москвич, в чику не играешь? Занятная игра. Навроде бабок, только на чистые деньги.

Они отставили к стене стулья, положили на пол деньги, отошли в угол. Сергею эта затея не понравилась. Он промолчал, ожидая, какую еще шутку выкинет чудаковатый комиссар.

Гришка играл с увлечением. Он швырял биту — старинный медный пятак — и громко выкрикивал:

— Чика с орлом, все деньги берем!

Афанасий целился не спеша, играл всерьез. Ставили понемногу, но Гришкиных денег хватило ненадолго.

— Не умеешь — не берись, — сказал Бекасов.

Гришка не расстроился. Он восхищенно смотрел на комиссара.

— Вот это да!

— Я, брат, старый пулеметчик, — объяснил Афанасий. — У меня глаз верный. Но и ты вообще-то ничего. Биток неплохой. Можешь у рабочего человека трудовую копейку своей чикой вышибать!

Лицо комиссара потемнело. Он выбросил деньги из кармана на стол.

— В карты бы тебе еще научиться. В очко. Хорошая игра. Да ежели карту еще наловчиться передергивать — разбогатеешь.

Гришка быстро-быстро моргал глазами, пятясь к двери.

— Возьми деньги. Отдашь Николе Битку, — приказал Афанасий. — Думаешь, его за чику Битком прозвали? Дурак. Лучше его никто в кузнице молотом не орудует... А сейчас выпиши товарищу ордер на квартиру к Павлу Иванычу Крапивину. Проводишь его. Я на завод схожу.

Набросив на плечи шинель, он кивнул Сергею и ушел. Гришка, сопя, уселся на место комиссара, взял чистый бланк.

— Как фамилия?

Начал писать, помогая себе языком.

— Не Сиргей, а Сергей, — поправил Власов.

— Какая разница? — беззаботно отозвался Гришка. — Поймут.

Он достал печать, лизнул ее языком и пришлепнул на бланк. Покончив с делом, откровенно стал разглядывать Сергея.

— Ты, правда, из Москвы?

— Правда.

— Москвич, значит?

— Нет, я питерский.

— А я тутошний. Местный, значит. Айда, я тебя к Крапивину отведу. Ты Ленина видел? Вот у него кожан, наверное, знатный.

— Нет у него кожана. В пиджаке ходит. Когда холодно — в пальто.

Гришка не поверил, даже остановился.

— Нету? Как же так? Вот у тебя есть, а у него нету? Да как же ты так говоришь, что его видел? Да я был... Была бы у у меня кожанка, я бы ее сразу Ленину: на, носи!

— Чудак, — снисходительно усмехнулся Сергей. — Скажи-ка лучше, что за человек Крапивин. Ты его знаешь?

— Пал Иваныча? Его весь город знает.

Гришка сказал, что Крапивин человек стоящий, дай бог каждому. Свой в доску, даром что инженер. Когда после Октябрьской все служащие с завода ушли, он один остался. Спал и ел прямо в цехах, рядом с рабочими. Сам предисполкома Еремей Гарев ему полностью доверяет. А Гарев каждого человека насквозь видит.

Светлый особняк Крапивина с широкими, в одно стекло, окнами резко выделялся среди приземистых, темных домиков. Чекистов встретили приветливо. Крапивин, еще не старый, немного грузный человек с красивым, энергичным лицом, пожал им руки и провел в свой кабинет. Он посмотрел ордер и улыбнулся одними глазами.

— Все писаришь, товарищ Фадеев?

— Писарю. Страсть надоело, Пал Иваныч, — пожаловался Гришка.

Крапивин сочувственно кивнул. Держался он очень просто, словно знал Сергея сто лет.

— Рад услужить вам, товарищи. Вдвойне рад, теперь будет с кем поговорить. Я ведь один живу. Дочь не в счет. Скучно ей со стариком. Уверен, вам она будет рада от души. Сейчас я вас представлю ей.

Дочь Крапивина, высокая, по-девичьи угловатая, церемонно присела перед гостями в реверансе и, когда отец отвернулся, показала Гришке язык. Тот заулыбался. В кабинете инженера было много книг. Гришка таращил глаза на золоченые корешки и несмело попросил:

— Павел Иванович, дайте какую-нибудь книжку прочитать.

— А что тебе больше нравится?

— Я больше всего Жюля Верна люблю.

— Жюля Верна? — Крапивин погладил подбородок. — Знаешь, у меня все техническая литература. Впрочем...

Он порылся на полке и протянул ему нетолстую книгу в потрепанном переплете.

Гришка нараспев прочитал:

— «Исследование мирового пространства с помощью ракетных приборов. Циолковский». Интересная? Я про мировое пространство читал. Фламмариона.

Получив книгу, Гришка заторопился. Прощаясь с Сергеем, сказал:

— Давай высыпайся. Завтра вечером в цирк махнем.

Крапивин показал Сергею дом, дал ключ и предложил принять ванну.

— В городе это единственный дом, где можно принять ванну, — сказал он. — С дороги это самое главное. Мери, будь добрая, приготовь товарищу Власову ванну. И побыстрее. А потом закусим. Не отказывайтесь, вы мой гость.

Сергей плохо понимал, о чем говорит радушный хозяин. Только сейчас он почувствовал, как мучительно зудится давно не мытое тело и до чего хочется спать. Очевидно, задремал в кресле. Он вздрогнул, когда Мери легонько взяла его за руку.

— Идите. Я положила вам свое полотенце.

Сергей вошел в ванную, и его окружило дремотное уютное тепло. Матово отсвечивал чистый кафель. На низенькой скамеечке лежали мыло и розовое мохнатое полотенце. Все это мало походило на вошебойки и парилки, которых Сергей повидал достаточно. Он присел на скамейку, шевелиться не хотелось. За стеной слышалось позванивание посуды, там накрывали на стол. Кто-то пробежал по клавишам пианино. Знакомая мелодия. Сергей силился вспомнить, что это за мелодия, и не мог. Голова отказывалась работать, как во сне. Да и все походило на сон.

«А глаза у нее серые», — неожиданно подумал Сергей.

Расстегнув курточку, достал из кармана браунинг, снял с предохранителя и положил на скамейку, чтоб можно было достать прямо из ванны. Он представил себя голым, отстреливающимся из ванны и засмеялся.

На стол накрывал сам Крапивин. Он делал это лишь в ответственных случаях.

— Мери, — позвал он.

Девушка оборвала музыку.

— Мери, будь поласковей с этим юношей. Он приехал из Москвы — возможно, от самого Дзержинского, и, уж конечно, что-то привез важное. Не забыла положить ему чистое белье и халат?

Мери фыркнула:

— Представляю, как он будет выглядеть в твоем халате! Вот зрелище!

Однако зрелище не состоялось. Присев на край ванны и поклевывая носом, Сергей выстирал свою одежду и прямо мокрую напялил на себя. От ужина он наотрез отказался: засыпал на ходу.

Утром Сергей пошел представляться начальству. В кабинете председателя горисполкома, несмотря на ранний час, было много народу.

— Туда нельзя, — остановил Сергея парень с красной повязкой на рукаве.

Сергей предъявил свой мандат. Парень широко заулыбался и подмигнул.

— Другое дело! Шагай, товарищ. Совещание там, но ты не помешаешь.

Немного послушав яростные споры, Сергей понял, что на совещании решается судьба завода. Все уже охрипли от крика. Молча сидел в углу один лишь Крапивин.

Председатель горисполкома Еремей Гарев, то и дело вскидывая узкие черные глаза на ораторов, листал быстро какие-то бумаги и делал на них пометки плотницким карандашом.

— Мы сделали, что могли, — дьяконовским басом гудел человек в белой рубахе с шелковым поясом-шнурком. — Люди работают по двенадцать часов, а получают гроши! Папирос не купишь! Сырья нет! Топлива нет — и жрать рабочему человеку нечего! Он уже последние порты на барахолку стащил. Вот осенью, когда в огородах поспевать начнет, полегче будет, ежели только доживем!

Гарев поднял голову, прищурился.

— Ты, Перфильев, вряд ли доживешь. Еще раз услышу, что с мастерами пьянку разводишь, быть тебе у Афанасия в ЧК.

Человек в белой рубахе петухом кинулся к столу.

— Ты мне не грози! Не запугаешь! А за клевету ответишь!

Его оттащили за спины сидящих. Гарев поискал кого-то глазами.

— Крапивин, всех слышу, а ты что молчишь?

Инженер сидел на стуле, уперев локти в колени и положив на руки подбородок. Услышав вопрос председателя, выпрямился и виновато улыбнулся.

— А что я скажу, Еремей Иванович? Сам знаешь, через шесть часов домна встает. Топлива нет.

Гарев поднялся. В комнате сразу стало тихо.

— Вот что, товарищи, — глуховатым голосом начал он. — Много тут говорили, много спорили, и все не о том. Средств нет, топлива нет, сырья не хватает. Да это любой мальчишка знает. Те голоса, которые распевают, что заводу крышка, — это знакомые голоса. В девятьсот пятом, когда мы хотели в домнах «козла» посадить, они громче всех кричали: «Нельзя!» А теперь, когда мы власть взяли, опять громче всех стараются остановить! — оглядел всех цепкими, внимательными глазами. — Мы рабочие. Завод — отец, мать и дите наше. Не хоронить его, а продолжать работы в этих трудных условиях — вот о чем мы должны думать.

— Бред! — крикнули из угла. — Сколько ни говори: «Халва, халва» — во рту сладко не будет!

Гарев стремительно подался вперед, словно встречая выпад.

— Врешь, халвоед! Кровью изойдем, а завод не остановим! Заводская партийная организация постановила: работу продолжать! Топливо? Мы живем среди леса. Будем разделывать лес на дрова и давать в домну. Средства? Наша пролетарская совесть и рабочие руки. Все.

Он вытер руками выступившую на лбу испарину и сел. В комнате опять взметнулся шум. Сергей протолкался к столу, положил перед Гаревым мандат.

— Здорово, москвич! — Еремей протянул руку. — Я тебя уже приметил. Мне Бекасов говорил. Порадовал, честное слово. Помнит Москва о нас! Слушай, ты, может, речь говорить будешь?

— Нет, я не оратор.

— Ну и лад с ней, с речью! — засмеялся Гарев. — А то приезжие обычно речи говорят. Как там Москва? Рассказывай.

...Гарев слушал Сергея с интересом, время от времени перебивая рассказ нетерпеливыми вопросами и замечаниями.

— М-да! Показали свое лицо милые союзнич-

ки — левые эсеры, — зло щурился он. — У нас до мятежа не дошло, но тоже шум начинали. Рабочие наши эсерам не верят, взяли их в оборот. Пришлось здешним авантюристам от своих московских друзей отмежеваться. Признали единственно правильной линию большевиков. Но думается, что это маневр... Боюсь, приведут они нам белочехов сюда...

Встряхнулся, потер лоб.

— Ладно, слушай про наши дела. Фронт в ста километрах. В лесах — банды. Войск в городе нет. Порядок поддерживают вооруженные рабочие, на них же опирается и ЧК. Работы вам по горло хватит. Городок небольшой, а нечисти много. Начиная с золотопромышленников и купцов, кончая хитниками и прочей люмпен-рванью. Основная ваша задача на сегодняшний момент — ликвидировать банду Петьки Солоуха. Банда сильная, отлично вооружена. В некоторых деревнях бандиты полностью парализовали деятельность Советов. В город не суются, но на приисках — хозяева. Сейчас, когда придется заготовлять уйму дров для домны, они могут здорово помешать. Афанасий введет тебя в курс дела.

— На счет Бекасова, товарищ Гарев, — заметил Сергей, — сомнения у меня. Не тот он человек.

— Это как?

— Заменить его надо. Не подходит он для работы в ЧК.

— Ишь ты! Давно ты его знаешь?

— Со вчерашнего дня.

— А я лет двадцать. Понятно?

— Понятно. Кто-то из нас ошибается. Вы или я.

Гарев засмеялся и покрутил головой.

— А ты крепок, москвич. Это славно. Но на сей раз ты ошибся. Афанасий, конечно, не этот... не Нат Пинкертон. Но обстановку знает, в людях разбирается. А главное — он наш человек. В партии с девятьсот пятого. Лады?

...Первые дни Сергей был занят тем, что разбирал и пытался привести в порядок документацию ЧК. Большая часть документов была написана каракулями Гришки Фадеева. Сергей просматривал их и сортировал по папкам с вензелем горнозаводского управления. Канцелярская работа не нравилась ему. От старших товарищей он слышал, что умелая работа с документами может принести больше пользы, чем плохая слежка за противником. В жизни, однако, с такими случаями встречаться ему не приходилось. Он быстро уставал и чувствовал раздражение. Его злили медленные движения Афанасия, его бесцветный голос, злили Гришкины каракули.

Некоторую разрядку принесла телеграмма из штаба фронта. В ней предлагалось разоружить роту дезертиров, которая двигалась по железной дороге. Отряд железнодорожной охраны, усиленный рабочими с металлургического завода, занял вокзал. Афанасий командовал расстановкой пулеметов. Был он спокоен и, видимо, больше страдал от зубной боли, нежели от ожидания столкновения с вооруженными дезертирами. А что это за публика, Сергей знал по собственному опыту. С завистью поглядывал на маузер Афанасия, жалея, что променял свой Сашке Донцову на кожаную куртку перед отъездом из Москвы. В придачу Сашка дал ему браунинг.

Дезертиров ждали долго. Несколько раз поднималась тревога, но оказывалась ложной. К вечеру стало известно, что дезертиров разоружили Алапаевские части Интернациональной бригады.

— Афанасий, — сказал Сергей, когда они вернулись в ЧК, — нет ли у тебя хотя бы нагана хорошего? А то, понимаешь, дали мне эту игрушку... Ею только старух да нервных девиц пугать.

— Да, оружие интеллигентское, — согласился Афанасий. — Зато весу в нем мало. Я этой дурой, — он похлопал по маузеру, — все пузо исшоркал. Оттягивает пояс, и только. А браунинг сунул в карман и пошел. А ежели серьезное дело, нет оружия лучше русской трехлинейки... Учти это...

На том разговор и кончился. Время было позднее, дел пока не предвиделось, и Афанасий отпустил Сергея.

...— Серега, айда в цирк, — предложил однажды Гришка. — Сегодня во втором отделении борьба. Железная Маска против Ивана Жолудева.

Сергей цирковой борьбой не увлекался, но от самого слова «цирк» повеяло таким безмятежно счастливым детством, что он даже засмеялся.

— Айда в цирк! Даешь Железную Маску!

Гришка был в цирке своим человеком и обиделся, когда Сергей спросил, сколько стоят билеты. (С финансами у особоуполномоченного было туго.)

— А зачем нам билеты? И так пройдем! Меня тут все знают. Мы же из ЧК.

— Вот именно, мы из ЧК. Чекисту нельзя злоупотреблять своим служебным положением. Понял?

— Так разве...

— Где тут касса?

У кассы творилось что-то невообразимое. Парни в выходных черных пиджаках и сапогах в гармошку рьяно давили друг на друга, толкались, стараясь пробиться к окошечку. Сергей в нерешительности остановился.

— Видал? — довольно усмехнулся Гришка. — Вот тебе и билеты.

Сергей отыскал более или менее спокойный хвост этой очереди и спросил, кто последний. Такого Гришка вынести уже не мог.

— Давай деньги, — жарко зашептал он. — Сам куплю. У меня тут знакомые.

Сергей колебался. Если честно стоять в очереди, к началу представления не успеть. А Гришка нетерпеливо дергал его за рукав.

— Давай скорей, сейчас второй звонок будет.

Сергей сдался. Гришка отстегнул кобуру.

— Подержи.

Он глубже натянул картуз, зажал деньги в кулаке и вьюном нырнул в толпу. Какой-то парень разбежался и прыгнул на головы впереди стоящим. Его хватали за ноги и тянули вниз. Он брыкался, стараясь дотянуться до окошечка. Сергей покачал головой. Такое ему было не в диковинку, но удивляло, что вся эта давка все-

го-навсего нз-за билетов в цнрк. Грншка явнлся в тот момент, когда Сергей уже решил, что мальчишку задавили. Под глазом Гришки тянулась ссадииа, а иа вороте не хватало пуговиц.

— Вот как иадо! — торжествующе помахал ои билетами. — Ииаче с нашим народом пропадешь.

Публика иетерпеливо занимала места, толпилась в проходах. В оркестровой ложе над выходом на арену пнщала настраиваемая скрипка. Одиа за другой вспыхивали под потолком люстры. На серых опилках арены темиел квадрат ковра. Гришка остаиовился. Загоражнвая проход, трое мужчии пили нз горлышка, передавая бутылку друг другу. Он хлопнул одиого по плечу.

— Пропусти-ка, дядя!

Мужчина оглянулся, оскалил щербатый рот.

— А ну, катись отсюда, кутеиок!

Он протянул руку, чтобы схватить Гришку за ухо, н словио споткиулся взглядом о кожаику Сергея.

— О, комиссары! Товарищи начальннки! — По лицу его расплылась иехорошая улыбка.

Одии из собутыльииков взял его за плечо.

— Пошли, Ваня.

— Нет, погоди... До чего я товарищей начальннков люблю! Я с имя говорить желаю. Сейчас я с нмя поговорю...

Он сунул руку в карман. Тотчас приятели схватнли его с обенх сторон н потащили по проходу. Щербатый вырывался.

— Я нмя, гадам!.. Я нмя покажу!..

Сергей проводил их взглядом, наклонился к Гришке.

— Ты их знаешь?

— Нет. Видать, вересовские. На Вересовнике здорово драться любят. Только все равно наши гольяискне всегда верх берут.

Гришка имел в виду знамеиитые драки между городскими райоиами. Зимой драки происходили на пруду, летом — иа плотиие.

— Похоже, просто бандиты, — сказал Сергей. — Ты за ними поглядывай.

— А-а, на Вересовнике все такие психи.

В ложе стояла Мери Крапивниа и махала им.

— Власов! Идите сюда.

Она протяиула Сергею руку и почти силой втяиула за барьер ложи.

— Да ндите же сюда. Мы так обрадовались, когда вас увидели. Мы с Викой боялись, что нам одним придется возвращаться домой. Сами знаете, это иебезопасно. Но вы, я вижу, сами нас боитесь.

— Ага! Забоялись, — кивиул головой Гришка. — Мы всех боимся.

Мери засмеялась.

— Так вы нас проводите? У вас какие билеты? На галерку? Оставайтесь с нами, места хватит. Вика, подвинься.

Она представнла свою подругу, полную, краснощекую девушку в гнмназнческом платье. Сергей и Григорий деликатно уселнсь на краешке скамьи.

Прозвенел третнй звонок. Сразу ухнул барабан оркестра, и на ареиу вышел напомаженный человек в черном фраке, с громадным цветком в петлице. Голосом, от которого дрогнул купол цирка и мигиули лампы, ои объявил, что представление иачииается.

— Несравиеииые наездники-вольтнжеры Геириэта и Адольф Антони!

Под треиьканье полечки иа ареиу с храпом вынеслись громадные белые кони с пышными султаиами и усыпаииыми блестками хвостами.

Артисты работали отлично, а может быть, это только казалось Сергею, давно ие видевшему цирка. Ои ие отрывал глаз от арены и рассеянно отвечал на реплики Мери, которой до чертиков иадоела старая программа.

— Если б не борьба, в цирке никого бы не было, — заявила она.

Гришка подтвердил.

Наездников сменили акробаты. Потом в воздухе замелькали тарелки и булавы жоиглеров. Худосочный клоун в ярко-красном парике падал под ногн артистам и исправно получал подзатыльники. Мери брезгливо морщилась.

— Это Никзельский. Местный вундеркинд. Подождите, скоро будут Бим и Бом. Оии настоящие клоуны.

Сергею Никзельский понравился. Это был типичный «рыжий», достаточно добродушный и усердиый. Ои терпеливо сиосил пиики и зуботычины, забавио дрыгая ногами. Большего от него и не требовалось.

— Неподражаемые короли смеха! — с надсадой выкрикнул ведущий. — Бим! Бом!

«Королей» встретили аплодисментами. Бим в белом костюме Арлекниа выбежал иа ареиу, широко раскннув рукн, н изящно раскланялся. Бом появился из противоположного прохода и приветствовал напарннка громким идиотским смехом.

— Здорово, Бим! — заверещал он.

— Здравствуй, Бом. Как ты живешь?

Бом повалился иа ковер, сиял котелок и стал вытирать платком блестящую гуттаперчевую лысину.

— Запарился я, дружище Бим! Захлопотался. Кобыла у меия сдохла. Я ее хоронил.

— На кладбище? — участливо спросил Бим.

— Что ты! Сейчас на кладбище иикого не хороият. Я свою бедиую лошадку хороиил по частям, согласио последиим московским декретам. Мясо отвез в Губмясо, кожу в Губкожу, копыта — в Губкопыто. Чего добру пропадать?

По рядам пробежал смешок.

— А хвост ты куда дел? — спросил Бим.

Бом всплесиул ладошками.

— Хвост?! А вот про хвост-то, про хвост Лениин забыл.

В цирке стояла тишииа. Кто-то иеуверенно засмеялся. В этот момент через барьер чериым комочком перекатился Гришка Фадеев. Ои подскочил к Бому и закатил ему классическую звонкую цирковую пощечину. Бом отшатнулся, Бим испугаиио замахал руками.

— Что такое? Что за безобразие?

— Я вам покажу безобразие! — тоиким, срывающимся от злобы голосом крикнул Гришка, напирая на Бома. — Кто прохвост?! А ну, повторн! Да как ты смел? Да я тебя сам... как собаку... на месте!

Он цапнул рукой за кобуру. Бом охнул и побежал по арене. Гришка погнался за ним. Публика зааплодировала, заулюлюкала.

— Ату его!..

— Держи!..

— Грншка, бей его с ходу!

Бом обежал вокруг ареиы н свернул к выходу. Дорогу ему преградил Сергей.

— Стой! — скомаидовал Власов и увидел, как

под толстым слоем грима стало бледнеть лицо клоуна.

Бом попятнлся. Сзади на него налетел Гришка. Он подпрыгнул и схватил Бома за шиворот.

— Господи! — жалобно взвизгнул Бом. — Граждане! Братцы, не выдайте!

В цирке разом повисла тяжелая, напряженная тишина.

— Сатрапы! — послышалось из соседней ложи. — Жандармы! За что человека терзаете?

Кто-то произительно свистнул, и тотчас цирк загудел от крика, свиста и топота.

— Отпустите Бома, палачи!

— В ЧК его, подлеца!

— Бей чекистов!

Через барьер перепрыгнул человек в пиджаке нараспашку и синих офицерских галифе. Сергей узнал щербатого.

— Отпусти человека, — почти дружески сказал щербатый. — Чего хулиганишь?

— А ты кто такой?

— Сейчас узнаешь.

За спиной щербатого очень быстро стали вырастать все новые и новые фигуры. Сергей хотел вытащить браунинг, но не успел. Щербатый наотмашь ударил его по лицу. Сергей покачнулся и получил удар в живот. Перед глазами завертелись цветные круги, перехватило дыхание. Чтоб устоять, Сергей вцепился в полы пиджака щербатого и, выпрямляясь, ударил его головой в подбородок. Сзади схватили за куртку. Сергей лягнул наугад, выхватил браунинг и выстрелил вверх. Погас свет. Сергей слышал учащенное дыхание людей вокруг себя. Стрелять было нельзя. Сергей начал отступать. Его сильно толкнули.

— Ребята! — раздался звонкий голос Гришки. — Наших бьют! Гольянские, выручайте!

Гольянские по обычаю занимали галерку. С криками: «Бей бандитов и буржуев!» — они ринулись вниз. Началась схватка в темноте. Страшная, беспощадная схватка, когда противники не видят друг друга и даже не знают, куда наносят удар. Орудуя рукояткой браунинга, Сергей стал прокладывать дорогу к выходу.

— Того, в кожанке, — услышал он сдавленный шепот.

Рядом коротко, по-звериному всхлипнули, и на Сергея стало валиться чье-то тяжелое тело. Он рванулся из последних сил и очутился на свободном месте. Там на него наткнулся Гришка.

— Серега, ты? Вот это драка! Давай руку, я тебя выведу.

Они выскочили из цирка и остановились.

— Свет нужен, — сказал Сергей. — Где тут свет включают?

— Что ты, Серега, убьют! — воскликнул Гришка. — Там сейчас такое творится...

Сергей и сам понимал, что вдвоем они бессильны что-нибудь сделать, но признавать поражения он не хотел.

— Бома все равно возьмем, — упрямо сказал он. — Где черный вход?

Возле служебного входа Бом сам выскочил им навстречу. Увидев чекистов, хотел юркнуть обратно. Сергей наставил на него браунинг.

— Ни с места. Григорий, обыщи его.

В карманах у клоуна ничего не оказалось.

— Гад же ты, Бом, — сказал Гришка. — Я тебя всегда за человека считал.

Бом тихо заплакал, размазывая грим по лицу.

— Простите... простите, — шептал он трясущимися губами. — У меня же дети. Что они будут делать без отца? Понимаете? Дети...

— «Дети», — зло передразнил Гришка. Ему стало жалко клоуна. Гришка отлично знал, что без отца жить плохо. — Раньше про детей надо было думать. Прохвост! Вот ты прохвост-то и есть! Шагай, да не вздумай бежать, враз пристукнем.

Он приотстал от Бома и негромко заговорил:

— Сереж, а у него, правда, дети. Пятеро. Один совсем маленький. Давай надаем ему по шее и отпустим?

Сергей улыбнулся.

Обидевшись, Гришка отвернулся и засопел.

Афанасий сидел за столом, понуро уставившись в какие-то бумаги. Он посмотрел на вошедших красными, воспаленными глазами, молча выслушал короткий доклад Сергея.

— Та-ак. Наломали дров. Молодцы. Клоуна взяли, а бандитов упустили? Не иначе из солоуховской банды были.

Сергей побледнел и сжал зубы. Возражать было нечего, но попробовал бы Афанасий сам взять бандитов в этой неразберихе.

Афанасий предложил Бому стул и угостил его махоркой.

— Сам ты, гражданин Бом, эту пакостную штуку придумал, аль тебе подсказал кто?

— Виноват я, товарищ Бекасов. Виноват, — забормотал клоун. — А только я спорил, я не хотел. Репризу эту нам Перфильев предложил. Вы его знаете. Он сейчас большое начальство. И Владимир, Владимир — это мой партнер Бим, сказал: «Раз начальство советует, значит, можно».

— Перфильев? — Афанасий заинтересовался. — Это который? Маленький, в белой рубахе ходит?

— Да, да. Вы его хорошо знаете. Он в горисполкоме...

— Не врешь?

Бом прижал к груди маленькие морщинистые руки.

— Жизнью детей своих клянусь!

— Ну, смотри!.. Если правду сказал, завтра дома будешь. Соврал — на себя пеняй. Григорий, отведи его.

Бекасов покрутил ручку телефона, вызвал модельный цех.

— Алё, кто это? Перфильев? Здорово. Чего не спишь? Работы много? Давай, давай. Иван Касснн далеко? Позови-ка его. Иван, это я. Бери пару людей понадежней и приведи мне Перфильева. Потом узнаешь. — Он положил трубку. — Та-ак. Видать, всерьез эсеры решили нам дорогу перебежать. Перфильев раньше у них крупной фигурой был. Временные союзнички, черт бы их драл.

Сергей поднял брови.

— Только что до тебя дошло, комиссар?

— А ты, Серега, не язви.

Афанасий надел пояс с кобурой, похлопал по руке фуражкой.

— Айда в цирк! Поглядим, что вы там натворили, клоуны.

...Крапивин, шаркая шлепанцами, ходил по комнате. Иногда он останавливался возле окна

„Мы из ЧК..."

и прислушивался. Он ждал Сергея. Мери поставила себе под глаз примочку и ушла спать. Ей крепко досталось в давке при выходе. Инженер с удовольствием отметил, что дочь ничуть не напугана и даже не очень взволнована. Он положил ей руки на плечи и заглянул в глаза.

— Ты молодец, дочурка. Все сделано, как надо. Ложись, я подожду его.

— Спасибо, па. Синяк, это надолго?

Положительно девчонке нельзя отказать в хладнокровии. Сам Крапивин был в ее годы более порывист, и чувства его лежали ближе к поверхности. Что ж, другое было время, другие люди. Ведь все мы не столько дети своих родителей, сколько дети своего времени. Разве можно было предположить, что маленькая Мери, до ужаса боявшаяся извозчиков, собак и темноты, станет исполнителем отцовских поручений, поручений рискованных и далеко не безвинных? Не о таком будущем дочери мечталось раньше. А впрочем, когда кончится эта заваруха, у Мери будет уже отличная школа жизни. Это невредное дополнение к светскому воспитанию. Только такие передряги и способны выковать настоящий характер. Юность инженера тоже не была идиллически спокойной. Были студенческие революционные кружки и кутежи, от которых на другой день ахал и крутил головами весь Петербург. Были изматывающе стремительные броски по саваннам Претории с отрядом командос, когда даже привычные ко всему бородатые буры валились от усталости с седел, была упорная работа на заводах Англии. Есть о чем вспомнить. И не о чем жалеть. Жизнь идет вперед, а сейчас она несется бешеным галопом, и нужно быть хорошим наездником, чтобы удержаться в седле. Конечно, он уже не тот, что прежде. Нет той бесшабашной дерзости и вдохновения, того юношеского задора и жизнерадостности. На смену им пришли выдержка, опыт, хорошее знание людей и умение вовремя нанести удар.

Крапивин остановился перед зеркалом, вгляделся в свое отражение. На висках седина. Это красиво, но вовсе не радостно. Подбородок все так же смотрит вперед, упрямый, что называется, волевой. Красивые ровные зубы, дружеский, приветливый взгляд. Женщинам он еще нравится. Нет, ты еще молодец, Крапивин! Тебя еще надолго хватит.

Власов пришел перед самым рассветом. Крапивин, положив книгу, поднялся навстречу ему с дивана.

— Живы? А я уже не надеялся вас увидеть.

— Почему?

— Из таких переделок, в какую вы попали в цирке, редко выходят целыми.

Сергей нахмурился.

— Откуда вы знаете про цирк?

— А Мери? Она вернулась домой в истерике. Я с трудом уложил ее спать. Согласитесь, такие потасовки не для женщины. Она убеждена, что вас убили. И я вполне разделял ее опасения. Разъяренная толпа — это, батенька, не фунт изюму.

— Да какая толпа, — Сергей досадливо пожал плечами. — Бандиты были.

— Полный цирк бандитов? — Крапивин улыбнулся. — Полноте. Передо мной можете не скрываться. Видимо, эта бестия Бом пользуется подлинной популярностью.

Сергей взял с дивана книгу, прочитал название: «Оссиан». Что-то знакомое. Смысл последних слов инженера дошел до него не сразу. Он бросил книгу и обернулся.

— Та-ак... — протянул он, совсем как Афанасий. — Значит, по-вашему, чекисты пытались арестовать ни в чем не повинного клоуна Бома? Возмущенная публика не дала в обиду своего любимца? Ненавистные чекисты были разорваны на куски доведенным до ярости народом? Так, по-вашему?!

— Зачем вы кричите, Сережа? — укоризненно сказал инженер. — Ведь эту глупость допустили вы, а не я.

Сергей сел, откинулся на спинку дивана, с силой втянул сквозь зубы воздух.

— Простите, Павел Иванович. Это была страшная глупость. Я только сейчас понял это до конца.

— Не принимайте так близко к сердцу, Сережа, — участливо посоветовал Крапивин. — На ошибках учатся. Враг хитер.

Сергей поднял голову.

— Вы считаете, что была провокация? Сознательная провокация?

Крапивин присел рядом с Сергеем, положил дружески руку ему на плечо.

— Все может быть, Сережа. Думаю, однако, что несчастный Бом вряд ли сам решился. Корни идут глубже.

— Его подучил Перфильев.

— Перфильев? — Инженер в раздумье почесал нос. — Что ж, очень может быть. Перфильев нехороший человек. Случайный у нас. Он выходец из рудных жомов. Была такая должность на заводах — приемщик сырья и готовой продукции. Платили им жалкие гроши, и, чтобы прожить, приемщик должен был обвешивать и обсчитывать. На таком месте ангел за год превратился бы в черта. Перфильев не исключение. Ограниченный и вздорный человек, которого жизнь — вернее, наши заводские порядки — лишала остатков совести. Не знаю, что свело его с эсерами, но и эсеры использовали его для самых грязных дел. На заводе его не любят, но уважают за боевое прошлое. Все-таки он террорист известный. И верьте мне, за его спиной тоже кто-то стоит.

— Завтра узнаем.

— Перфильева уже взяли? Молодцы! Это оперативность! Ну, идите отдыхать. Простите, что я вас задержал. Я очень тревожился за вас.

Сергей протянул ему руку.

— Спасибо вам, Павел Иванович.

— Пустяки, Сережа. Просто я дольше жил и больше видел.

Инженер проводил его до лестницы. Потом подошел к телефону и снял трубку.

Мучаясь неизвестностью, Перфильев провел беспокойную ночь. Он то и дело приставал к часовому, требуя сейчас же отпустить его или позвать Гарева. Больше всего его беспокоила причина ареста. Афанасий способен взять просто так, по подозрению. Тогда Афанасию крышка. Можно не только выкрутиться, но и отправить в эту кутузку его самого вместе с новым сотрудником за нарушение революционной законности. А возможен и полный провал. Тогда крышка ему, Перфильеву...

И он бегал по крошечной камере, кидался на нары, катался по ним в остервенении.

Утром, когда за ним пришли, обругал часо-

вого и почти бегом кинулся в кабинет Афанасия. Сопровождающие еле поспевали за ним. Распахнув двери, с порога закричал:

— Ты что, Бекасов, совсем свихнулся?! Самоуправничаешь? Думаешь, управы на тебя нет? А ну, звони Гареву. Он тебе хвост завернет, носом копыта достанешь!

Афанасий молчал. Сергей, сидевший подле него, в упор рассматривал Перфильева. Лицо эсера за ночь заметно осунулось. В черных блестящих глазах появилось выражение затравленности. Он часто облизывал губы остреньким язычком и кричал на Афанасия все громче, но все неувереннее. Сергей отвернулся. Перфильев заметил это движение. Он перешел на матерщину. Плохо было Перфильеву. Трусом он не был. Еще до революции за экспроприации и покушения приговорили его к смертной казни. Когда предоставили последнее слово, крикнул: «Да здравствует революция!» — и вышел из здания суда с поднятой головой. Но тогда было другое. Вокруг здания суда толпились люди. Одни ругали его, другие им восхищались. А где-то были товарищи, которые могли подготовить побег. Если б и погиб, то героем. Знал за что. Сейчас другое. Шлепнут — и собака не завоет. А товарищи... Нет товарищей! Остались дешевые заговорщики. Может, кто-нибудь из них и продал его.

— Говорить будешь? — спросил Афанасий.

Перфильев дернулся.

— Да что говорить-то, чурка ты с глазами?!

— Нечего?

Перфильев расстегнул ворот рубахи, перевел дух.

— Ты мне Гарева позови. Я ему расскажу, как вы честных борцов революции хватаете.

— Дело твое. Я тебе за старые заслуги хотел снисхождение сделать. При чистосердечном признании, сам знаешь, к стенке не поставят. А ты на меня собакой...

— На пушку берешь? Меня, старого боевика, на пушку?! — искренне возмутился Перфильев. — Да меня жандармы ногами топтали. Шесть зубов выбили! — Он задрал пальцем верхнюю губу, показал черные обломки зубов.

— Ладно, не ори. — Афанасий посмотрел на Сергея. — Прав ты был, нечего с ним возиться. Нового не скажет, не велика птица. Только время протянет. Сам ты его или ребят позвать?

Сергей не одобрял спектакль, придуманный и разработанный Афанасием. И наверно, поэтому держался очень спокойно и естественно. Он досадливо поморщился и встал.

— Пошли.

— Да вы что? — Перфильев схватился за стол. — Всерьез? Нет! Позовите Гарева, без него никуда не пойду.

— Гарев уже все знает, — сказал Афанасий. — Ты истерику не закатывай. Некогда с тобой возиться. Арестованных до черта. Одного допросу до вечера хватит.

Сергей взял Перфильева за плечо. Перфильев рванулся, оттолкнул его.

— Не дури! — Афанасий тронул локтем маузер. — Еще старый боевик!

Если бы Перфильеву грозили, если бы его били рукояткой револьвера по голове и пинали ногами в живот, у него бы хватило злобной настырности продержаться до конца. Но его не принимали всерьез. С ним не хотели возиться. Не велика птица! Перфильев оскалился, обессиленный, повалился на стул.

— Ладно, ваша взяла. Пиши признание старого эсера...

Рассказывал долго и хвастливо, всячески стремился доказать, что «мелкой птицей» считают напрасно. Припоминал свои дореволюционные подвиги, малейшие подробности тайных встреч. За обилием слов скрывалось очень мало фактического материала, который был нужен чекистам.

— Вы ближе к делу, — попросил Сергей. — Адреса и фамилии.

Адресов было пять, фамилий тоже.

— Конспирация в организации на высоте, — сказал Перфильев. — Каждый знает только свою пятерку. Возьмите Першина, он больше скажет. Он связной. Он знает и главного. Конспиративная кличка «Лорд». Я его ни разу не видел, но он из наших, из заводских.

— Организация целиком эсеровская? — спросил Сергей.

— Всякой твари по паре. Эсдеки, кадеты, явные монархисты. Наших мало.

— Эх, ты! — покачал головой Афанасий. — До чего вы докатились! Монархисты!

— Ладно, ты меня не учи. Шлепнете, часы матери передай. Не зажиль!

Афанасий посмотрел на Перфильева и захохотал.

— Не зажиль? Это ты здорово! Нет, Перфильев, мы к таким эксам не привычны. Ладно, повтори фамилии.

Никого из названных Перфильевым арестовать не удалось. Их, видимо, вовремя предупредили. Обыск домов ничего не дал. Все говорило о поспешном бегстве. Вернувшись в ЧК, комиссары узнали, что Перфильев отравился. У него оказался с собой яд.

— Да... — протянул Сергей. — Здорово получилось.

Афанасий долго усаживался за стол, потом позвал Гришку. Тот явился не сразу. За поясом у него была заткнута книга. Глаза смотрели рассеянно. Комиссар подвигал бровями, строго сказал:

— Слушай, Фадеев, там при обыске кожан конфисковали. Славный кожан. А тебе осенью ходить не в чем. Можешь его себе взять, я с Гаревым договорюсь.

Гришка презрительно оттопырил губу. Зачем ему кожан? Нет, кожан ему совершенно не нужен. У него пиджак есть. А будет холодно, тетка ему пальто перешьет. Хорошее пальто. От покойного дяди осталось.

Афанасий недоверчиво прищурился. Сергей засмеялся.

— Неладно с тобой, парень, — озабоченно сказал Афанасий. — Ты, часом, не болен?

— Я лет пять ничем не болел, — похвалился Гришка. — А скажи, Афанасий, на нашем заводе можно ракетный аппарат построить?

— Какой ракетный аппарат?

— Чтоб на Марс полететь или на Луну.

— Это, брат, дело серьезное. Чертежи нужны.

— Чертежи есть. Топлива подходящего надо.

— Ну, с топливом сейчас труба. Для завода не хватает.

— Я знаю, — вздохнул Гришка. — Это не сейчас. Это потом, когда война кончится. А ты Фламмариона читал?

Афанасий Фламмариона не читал. Но говорить об этом Гришке не считал нужным. Не то что боялся признаться в своем невежестве, а просто не хотел, чтобы Гришка, и так уже избалованный им, еще выше задрал нос.

— Книги, брат, штука хорошая. Прямо сказать, отличная! Но читать их тоже с умом надо. Думаешь, у буржуев книги мало читают? Разбираться надо. Это не в чику играть. Понял?

Гришка кивнул. Но ему хотелось поговорить с Сергеем, он не все понял в этой тоненькой трудной книжке. Это тебе не «Из пушки на Луну», не выдумка. Дело. А Сергей грамотный, должен разобраться.

Но Власову было некогда. Он перечитывал протокол допроса Перфильева, ища в нем ниточку, ведущую к истине. А дело, судя по всему, было очень серьезное. Озаботило оно и предисполкома Гарева. Он вызвал чекистов к себе. Помолчал, спросил сурово:

— Проморгали?

— Слушай, Еремей, убери ты меня с этой работы, — тоскливо сказал Афанасий. — Ейбогу, а? Мочи моей нет! Голова на части раскалывается. Что я, сыщик какой али провидец? На эту работу знаешь какого человека надо? Чтобы семь пядей во лбу у него было.

— А где я тебе такого достану? — спокойно удивился Гарев. — Ты, Афанасий, брось дурочку валять. Не время. Думаешь, мне легче? Ты слесарь, я литейщик, вся и разница. Да это тебя зуб довел! Давно выдернуть надо. А у тебя, Власов, такие же настроения? Не время хныкать! На фронте положение трудное. Беляки напирают. Вот и у нас зашевелились.

Под вечер банда Солоуха обстреляла рабочих, заготовлявших дрова. Налет был внезапным, рабочие едва успели занять оборону. Перестрелка шла около часа, пока из города не подоспела помощь.

Афанасий вконец зарос рыжей щетиной, потемнел. Он не выпускал изо рта самокрутки, несколько раз вызывал к себе Кассина из модельного, расспрашивал, с кем встречался Перфильев. Следы вели к пятерке, ускользнувшей от ареста.

— Першин небось у Солоуха самогон пьет,— сказал Афанасий. — Кто их предупредил? Про Перфильева знал я, ты, Григорий, Кассин да двое парней из модельного. Парни проверенные.

— Павел Иванович Крапивин знал, — заметил Сергей. — Я ему в ту же ночь сказал.

— Зачем?

— Да так получилось. Впрочем, я ему верю.

— Та-ак... Веришь? И я вроде верю. Но кто-то предупредил. Не бог же их спас? Жаль, Ксенофонт молчит. А ведь, чую, много знает.

В коридоре кто-то заскребся, дверь приотворилась. Незнакомый человек еще на пороге сдернул с головы зимнюю шапку, поклонился.

— Здорово, Афоня, — ласковым бабьим голосом сказал он. Узкое лицо его излучилось в улыбке частыми морщинами.

— Никак Яша? — прищурился Афанасий. — Зачем пожаловали? Решил свои миллионы на дело революции пожертвовать? Золотишко принес?

Яша засмеялся тихо и дробно.

— Все шутишь, Афоня. А говорят, зуб тебя замучил, совсем собакой стал. Сходил бы к Николе Безручке, он заговор знает. А я к тебе, как к старому связчику, Афонюшка, пришел. Попроведать.

— Ну? Попроведать? — насмешливо спросил Афанасий. — Садись, коли так. Как живешьмаешься? Золотишко-то еще не украли?

— Какое у меня золотишко? Разговор один. Вот Егорше Андронову пофартило, говорят. Новый дом сбухал о двух коньках. Барской дом! — Яша завистливо вздохнул. — Ить везет людям! А тут всю жизнь, как собака...

— Грех тебе, Яша, на бога обижаться, — возразил Афанасий.

— Оно так. Всяко бывало. И фартило. Но только промеж пальцев все...

— Ну, промеж твоих пальцев и блоха не проскочит.

Сергей взглянул на огромные Яшины руки, со вздутыми венами и скрюченными, изуродованными пальцами. Как загребистые лопаты, они казались у худенького Яши чужими. Кашлянув, Яша прикрыл одной «лопатой» половину лица.

— Шутишь все, Афоня. Легкий ты человек. За то тебя и в артелях любили и перед полицией покрывали. Разговор у меня к тебе есть.

И покосился на Сергея.

— Говори, это мой помощник.

— Ишь ты! Молодой совсем — и уж помощник, — то ли радостно, то ли горестно покивал Яша. — Намеднись, Афонюшка, я по дрова ездил. И этта... В лесу знакомца встретил.

Афанасий насторожился.

— Побаяли мы с ним. Тебя поминали. Просил он поклон тебе передать, ежли встречу.

— Кто бы это? Не Петя ли Солоух?

Яша быстро оглянулся по сторонам, втянул голову в плечи, замолчал.

— Эк тебя твой компаньон напугал. Чай, деньги предлагал делить?

Яша замялся.

— Не! Хотя пай-то его у меня. Да оно и не пай, поскребыши. Говорит: «Вези, не то духа лишу». Лишит ведь, Афоня?

— Лишит! — жестко сказал Афанасий. — Ну, только вижу, и ты не промах. Понял я тебя, Яша. Ты ладно надумал. Чтоб золото не делить, ты компаньона хочешь под ЧК подвести. Я согласен. Но упреждаю сразу: золото, сколь бы ни вертелся, на нужды революции пойдет.

Яша хлопнул себя по коленям, заулыбался.

— Да где же то золото? Сказка же это.

— Когда в лес едешь?

— Надо быть, завтра. Еще дровец привезти, зима долгая.

— Где дрова рубишь?

— На Вогульей Яме.

Афанасий присвистнул. Вонзился глазами в Якова, собрал пальцы в кулак.

— Та-ак... Ежели ты засаду там организовал, смерть нам верная. И мне и тебе, Яша.

— Это уж, Афонюшка, как водится.

Яша встал, протянул Афанасию руку. Тот ухмыльнулся. Яша убрал руку, поклонился и задом открыл дверь. Комиссар с шумом выбрался из-за стола, поскреб бороду, яростно сплюнул.

— Ведь глядеть на него — насквозь пролетарий. Обуток и тех нету. До глубокой осени босиком ходит. И кличка ему Яша Босой. А сколько он земли руками перегреб, в сите

и на грохоте промыл! Два раза в тюрьме сидел. И заметь, при всем том миллионщик. Золота и платины у него — два города купит. Солоух-то — бывший компаньон его. Вместе темные делишки обделывали...

Вытащил кисет, свернул самокрутку.

— Завтра, Серега, либо мы Солоуха живым возьмем, либо... С Яшей связываться рисково, все одно, что к медведю в берлогу лезть. А другого выхода нет. Эх, Ксенофонт молчит! В девятьсот пятом, когда завод казаки заняли, он нашего Гарева от ран выходил и у себя укрыл. По убитым рабочим панихиду всенародно отслужил. Только тем от Сибири спасся, что весь город за него встал. И как он в это дело впутался?

Афанасий ожесточенно ткнул самокрутку в пепельницу.

— Пойду к Гареву. На завтра людей надо мне.

Сергей спрыгнул с подоконника.

— Постой!

Ему не хотелось ссориться с Афанасием, но он считал, что дело Ксенофонта надо кончать. Сейчас был как раз подходящий момент поговорить с ним начистоту. Мало ли что было в девятьсот пятом! Тогда многие набивались в революционеры. Царь всем мешал. Сейчас другое. Был друг — спасибо! Стал враг — не обижайся. В добреньких играть нельзя, обстановка не позволяет.

— Эх, Серега! А ты точно знаешь, что он враг? И враг разный есть. Нельзя же всех под одну гребенку. Человек он честный, хоть и поп. Редкой души человек. Верю я в него. Ну, ошибся, с кем не бывает? Время сейчас такое, оступиться легко.

— Ошибки разные бывают. За такую ошибку, как укрытие оружия, — расплата одна. ЧК — карающий меч революции! Слышал, может быть?

Афанасий снял со щеки повязку и сунул в карман. Без повязки он казался еще старше. Подошел к Сергею, взял его за отвороты куртки и встряхнул.

— Карающий меч, Серега, а не мясорубка. Пойми ты это!

Белея, Сергей уставился на него, не мигая.

— Ты думаешь, что говоришь? По-твоему, я мясник? — Голос его сорвался на крик. Чтобы овладеть собой, Сергей дрожащими руками выловил из пепельницы окурок, неумело закурил. — Мягкий ты человек, Афанасий, — тихо сказал он.

Афанасий ушел. От табака у Сергея закружилась голова, к горлу подступила тошнота. Он швырнул окурок, сел и обхватил голову руками. Подошел Гришка. В руках его была книга. Последнее время он не расставался с ней и даже полегоньку отлынивал от своих обязанностей. Говорить он мог только о космических перелетах.

— Из-за чего вы? — осторожно спросил он.

Сергей не ответил.

— Зря ты так на Афанасия, — нахмурился Гришка. — Он правильный.

— Слушай, философ! Катись ты, пожалуйста, — попросил Сергей. — Занимайся ты своим Циолковским. Без тебя тошно.

Гришка по-бычьи наклонил голову.

— И займусь. А на Афанасия ты зря кричал.

— Много ты понимаешь. А ну, веди сюда своего попа. Я ему покажу, где раки зимуют...

Ксенофонт привык к тому, что его допрашивает один Афанасий. Бекасова он знал давно. Когда-то рыжий мальчишка был первым хулиганом в церковноприходском училище. Правда, между тем отчаянным забиякой и этим усталым мужчиной с угрюмыми бесцветными глазами трудно было найти общее. И все-таки что-то было. Может быть, эта наивная, почти детская убежденность в своей правоте, в правоте дела, затеянного большевиками.

Ксенофонт изучающе посмотрел в лицо молодого коммуниста. Оно не предвещало ничего хорошего. Гришка, держа руку на кобуре, остался стоять в дверях. Вид у него был недовольный. Сергей предложил арестованному стул. Ксенофонт сел прямо и важно. Сергей понял его. Старик приготовился к самому худшему, не испугался. Руки его спокойно лежали на тяжелом медном кресте. И только в выцветших старческих глазах появилась та прозрачная умиротворенная пустота, которая возникает у людей, примирившихся с неизбежным приходом смерти.

— Гражданин Голованов, что заставило вас в 1905 году оказать помощь большевику Гареву? — сухо спросил Сергей.

Тонкие губы священника шевельнулись.

— Милосердие к ближнему — основная заповедь моей религии, юноша.

— А пулемет тоже заповедь?

Старик молчал и, улыбаясь, смотрел на Сергея. Опустив глаза, Сергей сказал:

— Вот что, старик. Мне очень хочется отпустить тебя на все четыре стороны. Чтоб катился ты ко всем чертям и не смотрел на меня, как ягненок на волка. И может быть, дожил бы ты до того времени, когда полетит наш Гришка на ракетном приборе исследовать мировое пространство. И узнал бы ты, что не бог, а люди живут на небе и прокопали каналы на Марсе. — Дернув плечом, он вскинул глаза. — Да разве ты поймешь это? Твое милосердие годится только для убитых и раненых. Живые, здоровые люди тебе не нужны. Для них ты приготовил пулемет. Гражданин Голованов, мы помним все хорошее, что вы сделали для нас в девятьсот пятом году. Но за то плохое, что вы принесли нам сейчас, вы будете по законам революции нести ответственность.

Вечером следующего дня Афанасий, Сергей и Гришка встретились за городом. Под одиноким разлапистым кедром их поджидал Яша Босой. Крепкий буланый конек, запряженный в телегу, лениво отмахивался хвостом от комаров. На телеге были навалены какие-то мешки.

— Что это у тебя?

— Соль, Афонюшка, соль. Петька просил. Чегой-то мало вас, Афонюшка? Аль народ у вас перевелся?

Афанасий вытащил из-под мешков короткий обрез, сунул себе за голенище.

— Нож есть?

— Нету ножа, милые. Хороший был нож из немецкого штыка. Петьшины разбойнички отобрали. Ну, айда! Время не ждет.

Сергей и Гришка устроились рядом на телеге. Афанасий шагал по обочине. Деревянная кобура маузера хлопала его по ногам. Чем дальше

углублялись оии в лес, тем гуще становнлась темиота. По обеим сторонам узкой проселочной дороги глухо шумели сосны. Вверху жаркой россыпью горели звезды. Воздух гудел от комариного звона. Сергей поднял воротник, на самые уши натяиул фуражку. Гришка относился к комарам терпимо. Только время от временн, когда стаиовнлось совсем невтерпеж, звонко шлепал себя рукой. Он развалнлся на мешках и смотрел в небо. Вздохнул задумчиво.

— На Марсе комаров иет...

— Игде? — откликнулся Яша.

— На Марсе. Это звезда такая. Планета. Вот кончится война, полетим на Марс.

— Это на звезду-то? — поразился Яша. — Окстнсь, паря! Как ты до ее долетишь? Ить это звезда. В Питер али в Екатериибург ежели на ероплане, оно можно, сказывал мне один солдат. А на звезду... — Яша хлестнул вожжой лошадь н смачно сплюиул.

— Вот тебе и на звезду! — огрызнулся Гришка. — Думаешь, звезда что?

Яша пожал плечами.

— Звезда — она звезда и есть. Божий светильиик, я так полагаю.

— Сам ты божий светильник! — Гришка даже подиялся на локте. — Такая же земля, как и у нас. Там и моря есть. И по всей планете каналы понастроены. Для орошения. Люди там живут.

— Ежели люди, стало быть, и комары там есть, — твердо заявил Яша.

Он спрыгиул с телеги и зашагал рядом, разминая ноги. Возле иего тотчас выросла фигура Афанасня.

— Слыхал, что твой пареиь бает? — весело обратился к нему Яша. — И откедова он все знает? Был там, что ли?

— Кончай разговор, — оборвал его Афанасий.

На развилке дорог их окликнули. Это былн людн из заводского отряда.

— Мы уж заждались, — сказал Кассин. — Думали, вы в засаду попали.

Сергей слез с телеги и отыскал Николу Бнтка. Биток обещал принести ему карабин.

— Захватил?

— А как же? У иас слово — олово. Меняю на брауиинг. В цирке выступать хочу.

Кругом засмеялись.

— Тихо вы, жеребцы! — прикрикнул Афанасий. — Слушайте меия. От рекн Яша поедет по дороге одии. Мы в ста метрах сзадн. Трое пойдут лесом. Поможете Яше убрать заставу. Все ясно?

— Обрезик-то верни, Афонюшка, — попросил Яша.

Комиссар отдал ему оружие. Яша перекрестился, посулил сам себе:

— Ну, Яков Иваныч, ии пуха, ни пера! — и повериулся к Афаиасию: — Как все ладно будет, я тебе уткой крякну.

Телега скрылась в темноте. Под колесамн заскрипели бревиа моста, н Сергей только сейчас расслышал тихое журчание невидимой в темноте реки. Выждав иекоторое время, отряд двинулся следом. Шли осторожио, стараясь не нашуметь и без нужды пригибаясь. Впереди свистнули и заговорили. Потом разом все стихло, тревожно крякиула утка. Афанасий вынул маузер, хрипло сказал:

— Пошлн, ребята.

Яша и трое рабочих ждали их иа прнгорке. Сергей споткнулся о что-то мягкое. Это был убитый, из заставы.

— Чего вы нх с дороги не оттащили? — проворчал Афанаснй. — Коня напугаете.

— Ннчего, мой сивка-бурка ко всему привычный, — хихикнул Яша. — Смотри, Афоня, вот тропинка, а дальше гать пойдет. Признаешь места?

— Признаю. Сергей и Никола, со миой. Кассин, остаешься за главного. Как мигну фонарем, айда к нам. Пошли, Яша.

Они спустились по тропинке вниз н ступили в гать. Круглые, скользкие от грязи жердины уходнли из-под иог, глухо чавкая.

— Полегче, ребята, — шепотом предупредил Яша. — Тут кругом такая болотииа, вмиг засосет. На сто верст эта болотнна. Одна Вогулья Яма островок и есть.

— И других дорог нет? — спросил Сергей.

— Как, подн, иет? Есть тут тропа. Старинная, каторжане проложили. Только я однн ее н знаю. Я в здешиих местах все тропы зиаю.

Афанасий толкнул Яшу в спнну стволом маузера.

— Тихо ты...

Над болотом сизыми клочьями тянулся туман. Где-то жалобно стонала птица. Четверо иа гати сознавали, что их шаги далеко разиосятся в предутреиней тишине.

Если на острове есть часовой, гать превратится в ловушку. В любую минуту их могли окликнуть. Когда ступили на твердую землю, все были в поту. Николай Биток глубоко вздохиул. И, словио разбужеиная этим вздохом, глухая чащоба заговорнла крнками и выстреламн. На чекнстов кинулись полуодетые люди. Встречеиные выстреламн, они заметались. По гати на помощь чекистам бежали рабочие. Быстро, без суеты установили ручиой пулемет. Афаиасий стоял в рост. Неторопливо доставал из кармаиа «лнмонки», кидал. Бандиты залегли. Слышно было: сорваниый сиплый голос крнчал команды, матерился страшно.

— Петьша! Солоух! — позвал Афанаснй. — Слышишь меия?

— Как не слышать, гадючий выродок! Идика сюда, Афоиька! Я тебе покажу...

— Сдавайтесь! Выхода вам нет!

В ответ пулеметная очередь срезала над головой Афанасия молодую березку.

— Афоия, ирод! — заорал сиплый голос. — У меня полста людей и четыре пулемета. Уйдешь сейчас же — выпущу через гать. Не уйдешь, как собаку в болоте утоплю.

— А у меня двести людей. Погодн, иа рассвете я по тебе из пушки ударю, — пообещал Афанасий. — Сдавайтесь лучше.

Бандиты открылн стрельбу. Солоух не соврал. С его стороны заработало иесколько пулеметов. Афанасий приказал собрать зажигалкн.

— Ты что задумал? — спросил Сергей.

— На острове один сухостой. Зажжем — бандиты сами на пулемет полезут. Главное — первый иапор выдержать. На-ко, Серега, на всякий случай.

Сергей ощутил на ладонн шершавый бок «лимонки».

Зажигалки отдали Николе Битку, и ои уполз краем болота. Все остальное произошло так, как говорил Афаиасий. Первый иапор бандитов был отражен. Спасаясь от огия, оии с такой

яростью бросились на чекистов, что, захлебнись пулемет на минуту, дело было бы плохо. Сергей расстрелял все патроны из карабина и вытащил браунинг. Рядом, положив наган стволом на пенек, стрелял Гришка, стрелял азартно, что-то крича и порываясь встать. Но каждый раз Афанасий хватал его за шиворот и прижимал к земле.

К утру все было кончено. Над болотом стлался едкий дым. Труп Петра Солоуха найти не удалось — утонул в трясине или сгорел. Не оказалось и Яши Босого. Когда и как он исчез, никто не заметил.

— Тоже, наверное, утонул, — предположил Кассин.

— Яшка-то? Такие не тонут! — сердито сказал Афанасий. — Слушайте, товарищи, что это за гром?

Все замолчали. Откуда-то издалека доносился приглушенный грохот.

— Пушки, кажется, — неуверенно произнес Сергей.

— И казаться нечего. Артиллерия. Скорее в город, товарищи! — скомандовал Афанасий. — Не иначе белые фронт прорвали.

Фронт был прорван. Когда чекисты вернулись в город, на вокзальной площади играл духовой оркестр. Рабочий отряд города срочно уходил на фронт. Еремей Гарев, помолодевший, в светло-серой офицерской шинели, руководил посадкой в вагоны. Афанасию он сказал:

— Уходим, город остается на тебе. Ты сейчас самая большая власть. Не подведи!

— А я тоже...

— Слушай, что тебе говорят! Все уже решено. Людей у тебя остается мало. Будь начеку. Ты наш ближайший тыл. Думаю, скоро все наладится. Мы белых отбросим.

В одной из теплушек сильный молодой голос затянул:

Слушай, рабочий, война началася,
Бросай свое дело, на фронт собирайся...

Гришка метался от вагона к вагону, умолял, прикладывая руки к сердцу, божился. Потом кинулся к Афанасию.

— Афанасий, как же так? Все на фронт, а я?!.

Афанасий молча показал ему кулак.

Смело мы в бой пойдем... —

дружно грянуло по вагонам.

Загудел паровоз. Провожающие засуетились, замахали руками. Состав медленно тронулся. Гарев шел рядом с теплушкой, на которой мелом было написано: «Штаб», и что-то говорил Афанасию. Тот кивал. Поезд ускорил ход. Гарев хлопнул Афанасия по плечу и легко запрыгнул в теплушку. Афанасий, Сергей и Гришка долго стояли на перроне, глядя вслед уходящему поезду.

— Вот мы и одни остались, — сказал Афанасий и скрипнул зубами.

Улицы города были пустынны. Дальний пушечный гром смел с них обывателей, наглухо захлопнул оконные ставни. И только завод по-прежнему пыхтел, на весь город тяжело ухал паровой молот. В горисполкоме Афанасий приказал запаковать архивы, а списки коммунистов подготовить к сожжению.

— Спешишь? — спросил Сергей.

— Осторожность никогда не мешает, Серега. Положение на фронте... Плохое положение. А у нас шибко много дел. С архивом покончим, надо Яшу Босого взять. Завтра с утра его прихватим. И Крапивина.

— Бредишь?

— Нет. Сам подумай: про Перфильева, кроме нас, он один знал. У главного ихней шайки кличка Лорд. Я не больно грамотный, но знаю, лорды — это английская буржуазия навроде наших князей. А Крапивин в Англии долго жил. Потом «Лорд» этот — из заводских. Кроме Крапивина, некому.

— Это одни подозрения, Афанасий. Доказательства нужны.

— Возьмем, получим и доказательства. А если он и вправду наш — поймет.

В опустевших коридорах бывшего горнозаводского управления гулко и одиноко раздавались их голоса. Работали до поздней ночи.

Никита Биток и другие ребята из отряда ЧК разошлись по домам. Афанасий и оба его помощника повалились спать тут же, прямо на тюках.

На рассвете Яшка Босой тропкой, известной ему одному, вывел на окраину города белогвардейский отряд. Чекисты проснулись от выстрелов и колокольного звона. Афанасий глянул в окно, крякнул. Сергей и Гришка притащили из соседней комнаты бидон с керосином, непослушными руками стали срывать крышку. Афанасий распахнул окно, поставил на подоконник пулемет. С высоты второго этажа хорошо было видно, как по улице с винтовками наперевес бегут к зданию горисполкома солдаты. Афанасий прищурился, оскалил зубы, пустил первую очередь, веером... Сергей вытащил из его кармана спички, чиркнул сразу несколько штук, бросил на тюки. Вспыхнул маленький язычок пламени и стал быстро расползаться. Комната наполнилась дымом. Афанасий дал еще несколько очередей, вынул замок.

— Пошли.

Они сбежали вниз, перелезли через забор и пустынными переулками направились к вокзалу. Впереди, размахивая маузером, быстро шагал Афанасий. Сергей и Гришка держались за руки. Из улицы, ведущей к пруду, наперерез выскочили несколько человек. Они были в штатском, с белыми повязками на рукавах. В одном из них Сергей узнал инженера Крапивина. Крапивин вскинул пистолет, властно приказал своим спутникам:

— Взять их! Это чекисты.

Афанасий остановился. Тяжело дыша, бросил через плечо:

— Ребята, бежите. Я их задержу.

Гришка и Сергей послушно повернули назад. Афанасий прислушивался к их топоту и смотрел на приближающихся врагов. Он не стрелял — выигрывал время. Потом медленно стал отступать и остановился, почувствовав спиной стену. Поднял маузер, усмехнулся:

— Подходите. По одному.

Сергей и Гришка добежали до угла, остановились. Навстречу им, развернувшись цепью, шли солдаты. Сергей достал браунинг. Гришка потянул его за руку.

— Айда сюда.

Они заскочили в какой-то двор. Гришка огляделся по сторонам. Весь двор был заставлен телегами с поднятыми оглоблями. Под навесом на стене большого бревенчатого сарая висели хомуты.

— Сюда! — Гришка распахнул двери сарая.

В нос ударил запах конского пота и навоза. В стойлах нервно переступали лошади, прядали ушами при звуках выстрелов. В конце прохода стояла лестница. Она вела на сеновал.

— На крышу вылезем, а там... ищи свищи! — торопливо сказал Гришка.

Их заметили, когда, гремя железом, они бежали по крыше дома. От красной кирпичной трубы брызнули осколки. Вторая пуля щелкнула по железному флюгеру. Гришка остановился и стал медленно садиться.

— Сережа, — позвал он слабым голосом.

Сергей обернулся. Гришка уперся руками в холодное железо, но руки подломились, и он лег. По лицу его разливалась бледность.

— Гришка! — закричал Сергей. — Гриша!..

Он схватил его за плечи и начал трясти. Тот открыл глаза, слабо улыбнулся и по-детски жалостно позвал:

— Мама!..

Над краем крыши показалось чье-то лицо и исчезло. Потом послышалась возня, и на крышу полезло несколько человек.

— Гришку убили! — охнул тихо Сергей и поднялся.

— Гришку убили! — хрипло взревел он и, рывком выхватив гранату, швырнул ее под ноги солдатам.

— Гады! Убили! Гришку убили!.. — твердил он, прыгая с крыши на крышу.

В горле саднящим клином застряло рыдание, под ногами гремело железо, а Сергей прыгал с крыши на крышу и бежал, не пригибаясь, не прячась.

Гришку стащили вниз. Туда, где под выщербленной пулями стеной лежал Афанасий.

...Город оживал. По улицам засновали люди, хорошо одетые, с сытыми, улыбающимися лицами. Малиновым звоном заливались колокола. Возле стены собралась толпа. Инженер Крапивин с перевязанной головой объяснял приземистому офицеру:

— Это сам комиссар ЧК Афанасий Бекасов. Был еще второй. Из Москвы. Я сообщал вам. Но он далеко не уйдет. Еще немного, и они добрались бы до меня. Священника Голованова они пытками довели до сумасшествия. Представьте, ротмистр, когда я открыл перед ним двери из этого страшного подвала ЧК, он отказался выходить. Он сказал, что заслужил самую страшную кару.

Офицер понимающе кивнул. Из толпы щучкой выскользнул Яшка Босой. Встал рядом с Крапивиным, снял шапку, перекрестился.

— Укокошали сердечных.

Опытным глазом прицепился к вещам чекистов.

— Да, командовали, командовали, а и снять с них нечего.

Лицо его жалобно сморщилось.

— Вот и малец этот. Озорной мальчишка был. Все на Марс лететь собирался. И чего ему на Земле не жилось? — Он надел шапку, вздохнул: — Чудаки!..

САБЛЯ ПОЛКОВНИКА

Свыше двухсот бойцов частей особого назначения в годы гражданской войны были награждены высшей в то время наградой Республики Советов — орденом Красного Знамени, тридцать из них получили эту награду дважды.

(Из газет)

На перекрестке двух степных дорог лежит валун. Когда-то на его шершавом боку была надпись. Ветер и солнце за много лет стерли ее. Читаются только отдельные слова: «Лариса... боевой... убита... 19 сентября...»

А за сотни километров от этого перекрестка в большом городе живет полковник в отставке. В его рабочем кабинете на ковре висит сабля. Изогнулся полумесяцем стальной клинок. Неизвестный мастер-оружейник увенчал рукоять серебряной головкой сказочной птицы. Ее красный глаз-камешек потускнел, но смотрит на мир так же грозно, как в былые времена. По клинку выгравировано: «За верность революции».

Хозяин редко вынимает саблю из ножен. Лишь иногда долго-долго всматривается в зеркальную гладь клинка...

Это было время, когда на улицах городов и деревень расклеивались плакаты: «Товарищ! Ты умеешь обращаться с оружием? Ты можешь зарядить винтовку и работать в общем строю? Ты справишься с пулеметом, с ручной бомбой? Если нет, немедленно иди в свой комитет и запишись на обучение. Член Российского Коммунистического Союза Молодежи должен быть готов во всеоружии защищать дело социализма!»

Шел 1919 год. В один из дней этого года секретаря комсомольской организации Виктора Сторожука срочно вызвали в ЧК. От металлических мастерских (бывшие «Загоруйко и сыновья») до особняка купца Свиннинникова, где разместилась «Чрезвычайка», — километр. Виктор шел улицей, ловя на себе косые взгляды обывателей, лузгающих семечки на скамейках перед домами. Из подворотни прокричали злую частушку: «Я про комсу вам спою, про любовь свободную, отдавай скорей жену...» — дальше шла матерщина. Виктор остановился, погрозил кулаком. Визгливый голос захлебнулся.

Городок был небольшим, здесь все знали друг друга. Знали, что Виктор Сторожук, слесаренок из мастерских, — секретарем у ненавистной кулацким подворотням комсы и каким-то командиром в ЧОНе, где выдали ему солдатскую папаху и длинную, до пят, кавалерийскую шинель. Почти новую, только дырочка на левом плече. Вот и сейчас Виктор идет в этой шинели, а папаху сунул в карман — солнце нынче ласковое.

Председатель Чрезвычайной комиссии Владимир Сидорович Петренко ждал Виктора. Он хмуро и озабоченно поглядывал на карту, всю в синих, красных и зеленых кружочках. Синий цвет — ликвидированные банды, зеленый — там, где и сейчас льется кровь. А красным обозначены места, где полегли в боях с бандитами большевики, комсомольцы и комбедовцы. «Здесь будем памятники ставить», — говаривал председатель. Красного цвета на карте было густо...

Рассказ Сторожука о делах в мастерских Петренко выслушал без присущего ему внимания, не переспрашивал, как обычно, чтобы отчетливо представить себе мельчайшие детали, не указывал Виктору на недочеты — видно, сегодня не за этим вызвал. Помолчав немного, спросил:

— Ты как будто сказал, что к тебе на учет новенькая стала. Ну и как, что она за товарищ? Стоящий, проверяли?

«Уже знает, — с неудовольствием подумал Виктор. — И как это он? Откуда? Хотя, конечно, у него опыт, он уж небось забыл, чего я и узнать не успел. И зачем я ее только на учет поставил?» Виктор поначалу даже не отдал себе отчета в том, что случайный вопрос председателя ЧК заставил его подумать о девушке с еще большей досадой, чем обычно. Но спрошено — надо отвечать.

— Да вот у нас мнение — исключить ее надо. Завтра собрание, ну и...

— Это чье же мнение, общее или твое личное? — улыбаясь, поинтересовался чекист. Голос его звучал сейчас сухо, строго.

— Мое, — твердо кивнул Виктор. — Чего там — классово чуждый нам элемент...

Петренко недовольно поморщился. Ну и загнул, голова, — классово чуждый! Хлопец он верный, не подведет, если что, но вот насчет знания людей у него еще, как говорится, ах и швах. Ну, да это дело наживное. Поправим!

— Больно ты скор, секретарь, на оценки. Так говоришь, чуждая она нам? Давай выкладывай факты.

Виктора смутил тон Петренко, но он продолжал стоять на своем:

— А как же: интеллигентка она. Гимназии по-

сещала, по-французски умеет. Это вам раз. В комсомол вступила, потому что революция прижала, — два. Много о себе понимает: ребята у нас в мастерских в рванье да лохмотьях ходят, а она в белую блузку вырядилась. Вот... — он загнул третий палец.

— Ты погоди, торопыга, — снова вмешался Петренко. — Ты что же — против грамоты, или не по душе тебе, когда люди чисто одеты?

Виктор от удивления несколько раз хлопнул своими длинными пушистыми ресницами — предметом зависти окрестных девчат. «Уступи, Витенька, реснички, за каждую по разу поцелуем», — шутили они, чем сильно уязвляли комсомольского секретаря. Вопрос Петренко смутил его, заставил задуматься. А тут еще Владимир Сидорович «подлил масла в огонь оскорбленного самолюбия», как было сказано в одной книге про приключения английских рыцарей.

— А ведь Владимир Ильич по происхождению тоже из интеллигентов...

— Не-е-ет, Ильич из металлистов. Из Питера, с Путиловского. Нечего контру разводить...

— Ну, вот и договорились. — Петренко не удержался и захохотал. — А ты парень не промах, чуть что — самого председателя ЧК в контру зачислишь. Вот что я тебе скажу, Сторожук. Ты у всех на виду, можно сказать, молодую революцию в нашем городе представляешь — учиться тебе надо. Грамотой гордиться надо, а не бежать от нее. Вот так, значит. Понял мысль?

Виктор и сам не раз думал об учебе, только не знал, правильные ли это мысли, когда борьба кругом и столько крови льется. Он откладывал их свершение в далекое будущее, когда у комсомольцев на все будет времени хватать, даже на учебу.

— Скинем всю контру, пойду учиться. В институт, на инженера...

— Вот-вот! И тебя тогда из комсомола — р-раз!.. Это тебе не гимназия, поднимай выше... — не удержавшись, уколол его Петренко.

Виктор в растерянности мял папаху. Выходит, прав Петренко: дубина ты, товарищ Сторожук, дубиной! А еще секретарь ячейки называешься.

— Не переживай, — добродушно пробасил председатель «Чрезвычайки». — Перемелется — мука будет. А теперь к делу. Насчет Ларисы Колосовой вот что: подумайте хорошенько, а потом решайте. Батьку ее я хорошо знал: царская каторга познакомила нас — почитай, шесть лет вместе отбыли. Сама девчонка горя хлебнула — другим на всю жизнь хватит. Мать ее по чужим людям бельишко стирала да кухарничала, чтоб дочку выучить. В гимназию ее не принимали — кухаркина дочка, сам понимаешь. Да нашлись добрые люди, сочувствующие, помогли. Брат ее у нас работает, ты его знаешь — Вася Колосов. К нему и приехала она, как мать сыпняк свалил. Так-то... А вы — «классово чуждый элемент...»

— Так что ж молчала? — совсем приуныл Виктор. — У нее ж, можно сказать, самое что ни на есть пролетарское происхождение...

— Не все о себе говорить любят. Особенно когда не спрашивают, — мягко объяснял председатель ЧК. — Девушка она гордая и заслугами своими хвастаться не станет, секретарь. У нас для нее будет важное поручение, для Ларисы, затем и звал тебя, чтобы обсудить.

Лариса Колосова появилась в городе с месяц назад. Знали ее здесь мало. После смерти отца — сшибла жандармская пуля при побеге с каторги — мать с братом и с ней подалась в Херсон, к родственникам. Матери тоже не довелось увидеть светлые дни: слегла она от сыпняка, да так и не встала. Лариса, оставшаяся в Херсоне одна, года через два после смерти матери разыскала брата.

Встречи у них по-настоящему не вышло: только и успел Василий, что определить ее на жилье, и тут же умчался в погоню за очередной бандой «зеленых». Так что их вместе даже не видели.

Ее направили в контору металлических мастерских — самого крупного городского предприятия. Город, такой маленький после Херсона, показался ей сначала чужим, неуютным. Она никак не могла привыкнуть к нему, к его суголоке и гаму, к его шумным молодежным компаниям, к тому, что здесь все знакомы друг с другом и все здороваются. Она вообще-то не легко сходилась с людьми, а тут и совсем замкнулась, держалась гордо и как-то отчужденно. В мастерских ее прозвали «гордячкой», а многие ребята считали, что она чурается их, обыкновенных работяг в замасленных рубашках и кепках. Что там, мол, говорить! Конторская барышня — вот и весь сказ...

И вот однажды, примерно неделю спустя после ее появления в мастерских, Лариса подошла к Виктору Сторожуку и попросила поставить ее на учет.

— Комсомолка? — не поверил секретарь. — Покажи билет!

Показала. Все честь по чести: фамилия... выдан... членские взносы. И наискось крупно написано: «Коммунистический долг выполнила». Но даже эти слова не произвели впечатления на недоверчивого секретаря ячейки.

— Разберемся, — сурово сказал девушке Сторожук. — Может, по ошибке билет выдан.

Так возникло, выражаясь современным языком, персональное дело Колосовой. Но тут подоспели события, которые заставили комсомольцев посмотреть на Ларису Колосову совсем другими глазами.

Город занимал важное стратегическое положение, через него проходили хлебные дороги, отборное зерно шло в центр России. Он был как бы хлебным перевалочным пунктом. До революции местные купцы жирели на зерне; центральная улица (она так и называлась — Хлебная) была сплошь застроена двухэтажными домами наиболее удачливых хлебных спекулянтов, возле которых кормились приказчики, маклеры, перекупщики и прочая торговая мелкота.

Вокруг на сотни верст раскинулись степи. Ровные, как натянутые, они протянулись от горизонта до горизонта; и казалось, вся земля — вот такие бескрайние разливы пшеницы. Зелеными островками плыли в желтом море богатые хутора. Залегли в зреющих хлебах овраги.

Понимая, что основные силы большевиков заняты на фронтах, подняли головы недобитые помещичьи и кулацкие сынки. Это были злобные и опасные враги; местные уроженцы, они знали все ходы и выходы в степных деревнях, держали в страхе деревенскую бедноту — ко-

гда еще ждать помощи из города? — они грабили и убивали без разбора. Вот подлинный документ эпохи, донесение Киевского губвоенкома о зверствах банды Соколовского: «Погром в городе Радомысле имел ужасающий характер, большинство убитых женщины, старики, дети. Пока зарегистрировано 235 трупов. Много трупов брошено бандитами в реку. На трупах детей массовые уколы штыками. У женщин проколоты штыками груди. У некоторых разрезаны животы... Все трупы обобраны чуть ли не донага. Женщины и дети обезображены до ужаса».

Напрягая последние силы, молодая республика разрывала огненное кольцо фронтов. А внутри этого кольца вспыхивали кулацкие мятежи. Крупные, вроде банды Григорьева, были разгромлены регулярными частями Красной Армии. Но оставалось еще очень много мелких банд — всяких «Коршунов», «Зеленых», «батька Андрия», «батька Степана», «сумасшедшей Маруськи». Мелкие это были болячки, но от этого не легче. Такая банда в полсотни сабель вырубала активистов и комнезамовцев в очередном селе и исчезала бесследно в мареве степей, рассыпалась по хуторам, отъедалась и отсыпалась до следующего налета.

Каждую ночь дали пламенели пожарами. На крестьянских телегах привозили в город изрубленных комнезамовцев, под три залпа опускали в землю.

Стояла в городе небольшая красноармейская часть. Тягаться с бандами ей было не под силу — только бы город удержать. И еще было несколько десятков коммунистов и комсомольцев. Рядом с их рабочими местами стояли винтовки. Случалось, отстреливались от бандитов на окраинах. Иногда уходили в степи, пробивались через засады и возвращались угрюмые, иссушенные солнцем, везя на подводах раненых и погибших друзей.

Городской отряд ЧОНа да горстка красноармейцев — вот и все силы, противостоявшие разбойничьим кулацким хуторам.

— Если банды объединятся, нам их не сдержать, — докладывал Петренко ревкому. — Мы можем поставить под ружье максимум полторы сотни людей. Многие из них впервые держат винтовки. Остальных забрали на фронт.

— Дай мне, председатель, в ЧК человек пять коммунистов. Ты мои потери знаешь: за месяц — семь человек, — проговорил раздумчиво Петренко. — Мысль у меня одна появилась...

— Нет у меня людей. Нет! — жестко ответил предревкома. — И тебе, Петренко, это известно не хуже моего. Твоим коммунистам очень туго, знаю, но ведь каждый — золото. Справишься. — Он устало закрыл глаза ладонью. — А-а... говоришь... мысль?

— Тут недавно мои хлопцы перехватили связную. К Свининникову-младшему шла. Приказ у нее нашли — бандам сгруппироваться. Готовят мятеж. Очень подробные инструкции у нее, понимаешь, все в деталях.

— Кто посылал?

— Молчит. Мое мнение: либо эсеры новую контру заварили, либо ее послало на связь сборище тех же эсеров, украинских эсдеков и незалежников. В мае оно было, в Киеве... Вот я и подумал: а не воспользоваться ли нам...

— Ясно. Будет план — доложишь. И торопись.

Сабля полковника

А людей нет и неоткуда взять, — уже мягче отказал все-таки предревкома.

— Тогда прошу ревком разрешить мне отобрать среди комсомольцев. И еще — мне нужна Лариса Колосова. Ведь связная...

— Хорошо. Это на твое усмотрение...

Бывший унтер-офицер царской армии Супрун был крут. Солдатскую науку знал досконально: как-никак в армии лет двадцать прослужил. Но в последние годы пытался приспособиться к мирной жизни — определился ночным сторожем в ревком. Там его и нашел Сторожук. Виктору стоило немалого труда уговорить Супруна обучать чоновцев.

— Ни, — отказывался бывший унтер-офицер. — Не хочу. У меня самостийна линия життя. Ни до червоных, ни до билых, ани до зеленых я не пиду. Я сам по соби, як той анархист, тільки навпаки: про мене уси власти добри, — он нарочно говорил по-украински. Я, мол, не солдат, а теперь такой же «шпак», как и остальные.

Хитрый Сторожук затащил Супруна на пустырь, где проходили занятия чоновцев. Парни и несколько девчонок неумело вертели в руках винтовки.

— Слушай мою команду! — «страшным» голосом выкрикивал заместитель командира взвода Микола Марченко. — Я командую: «Равняйсь!» — а вы что делаете?

Комсомольцы выстроились изломанной линией.

— А теперь говорю вам: «Заряжай!»

Защелкали затворы, кто кулаком вколачивал обойму в магазин, кто ткнул ствол в спину товарищу.

— Молокососы! — не выдержал и закричал истошно Супрун. — Цуценята! Вы ж друг друга перестреляете! Бандиты ростовские!

(В Ростове у бравого унтер-офицера когда-то стащили бумажник.)

Комсомольцы исподтишка посмеивались. На этот счет они получили строгие инструкции от Сторожука.

— А как надо? — наивно спросил Виктор.

— В шеренгу по одному стройся! — зычно рыкнул Супрун, в один момент забывший о своей «штатскости». Не особенно церемонясь, построил чоновцев. — Равняйсь! Полуоборот головы направо, животы убрать, глаза на грудь четвертого человека. Эй, ты, куда винтовку выпер? Приклад до правого носка, и штык, штык примкни! Крайний слева, не шевелись, говорю тебе. Строй для солдата есть святое место. Смирно!

Супрун повернулся к секретарю ячейки.

— В армии я из такой зелени за год солдатов делал. Орлов!

В строю зашевелились.

— Команды «вольно» не было! — громыхнул унтер.

— Надо из них сделать красных бойцов за десять дней, — сказал Сторожук. — Для этого у

6*

них есть все: революционный энтузиазм, желание сражаться с врагами трудового народа, комсомольская дисциплина. Нет только знания военного дела.

Он прошел перед строем. Супрун строго по-уставному следовал за Сторожуком. Унтер-офицер забыл, что на плечах у него латаный пиджачок, пузырятся стираные-перестираные штаны, а разбитыми вдребезги башмаками лихо не щелкнешь. На него повеяло родными армейскими ветрами, перед ним стояли новобранцы, для которых он — высшая власть. Разве ж это допустимо, чтобы человек даже команду «Кругом!» не умел выполнить!

— Вольно! — скомандовал Сторожук. — Товарищи комсомольцы! Центральный Комитет призвал нас обучиться военному делу. Апрельская директива предписывает организовать коммунистов в боевые подразделения, которые должны быть готовы по приказу партийного комитета к быстрому сбору и выступлению. Учитывая напряженность текущего момента, это относится и к нам, комсомольцам. Мы должны уметь собственными руками дать по зубам классовому врагу, который пытается нас задушить. Лозунг Цекамола: «Победа куется в мастерских, катится по рельсам и завершается ударом штыка!» По постановлению партийного комитета города все комсомольцы объявляются мобилизованными для борьбы с бандами. Совсем недавно мы отдали по мобилизации каждого второго комсомольца фронту. Сейчас они проливают свою святую пролетарскую кровь в борьбе с мировым капиталом. Наша с вами задача, товарищи, — уничтожить подлых наймитов капитала внутри страны. Обучать нас будет видный специалист военного дела, боевой товарищ Супрун, которого много лет мировая гидра угнетала в казармах и окопах. Все его команды выполнять, как решение ячейки!

На Супруна речь Виктора произвела большое впечатление. Особенно насчет «видного специалиста», «мировой гидры» и угнетения. Он расправил плечи, подтянулся. И когда Сторожук сказал: «Товарищ инструктор, приступайте к занятиям», Супрун ответил: «Рад стараться!»

Хутор кипел страстями. В хозяйском доме — просторном, крытом жестью — гулял Свиннинников-младший. Он восседал под разлапистым фикусом и вместе со своим «штабом» глушил самогонку.

То была не обычная, каждодневная, тупая и бесконечная пьянка. Сегодня все было куда торжественней: к Свиннинникову прибыл его приятель, атаман такой же, как и у него, банды Бокун. По сему случаю в доме хозяина хутора Трофима Стригуна собрался весь свиннинниковский штаб: заместитель Свиннинникова Сироконь, личный адъютант Мишка Гундосый и начальник штаба Иван Решетило, в прошлом петлюровский сотник. У стены, под вышитыми рушниками, сидела хозяйка, смиренно сложившая руки на коленях и мирно улыбавшаяся. В душе она все время боролась с искушением запустить в до-

Михаил Иванович Калинин принимает парад частей особого назначения.

рогнх гостей «чем бог послал». Прислужнвали хозяйская дочка Параска н наймнчка Марыся. Гундосый время от временн леннво, словио для порядка, уговаривал Параску погулять с ннм в степн, где он ей все, «ну, чисто все» расскажет про жнзнь. А она так же прнвычно шептала в ответ: «Маты не дозволяють, а я б пншла...»

Пнлн н на обшнрном подворье хутора. Бандиты установнлн тачанкн с тупорылымн пулеметамн так, чтобы держать под огнем степь, окружившую хутор, распряглн лошадей, сложнлн под деревьямн пожиткн. Хоть онн н чувствовалн себя в безопасностн, ио оружие каждый держал прн себе.

Свининнннков наливал стопку за стопкой.

Хозяин полудремал, размышляя о том, в какую копеечку влетят ему «гостн». Впрочем, волновался он не особеино. Свннннннков всегда щедро расплачнвался награбленным.

Решетнло н Сироконь молча хлестали самогон, закусывая крепко н последовательно.

Свнннннннков н Бокун держалн совет, что делать дальше. Не завтра, не послезавтра, а вообще, в будущем. Прнятелн предчувствовалн, что очень скоро нм прндется туго. Дошлн слухн о разгроме Струка на Чернговщнне, Зелеиого под Киевом, Ангела... Да и другим прнходнлось несладко. В городах большевнкн органнзовалн зтот ЧОН, в деревнях пораздавалн оружне голытьбе. Прнходится все время держать ухо востро, как бы после крупных банд большевики не взялнсь всерьез н за мелкие.

Перспектнвы не нз веселых.

— Я так думаю, — рассуждал Бокун, — погуляю, пока смогу, насолю побольше, и... — атаман выразнтельно взмахиул рукой.

— Рано отчаиваться, — убеждал Свинииииков, — крестьяннн недоволен большевнкамн, а зто уже много. Мы — мужнцкая держава.

— Бунтует богатый селяннн, — уточнял Бокуи. — Но снла сейчас не у него. Подрезалн его большевнкн под кореиь. Сто хворобнн в печенку!..

Бокун был нз зажнточных хуторян н знал, что говорнт.

Вот так, слово за словом и текла под самогонку мнрная беседа. Будто об урожае на будущий год беседовалн нлн о том, ехать нлн не ехать на ярмарку в соседнюю Знаменку. А между тем банды Свнннннникова и Бокуна оставнлн кровавый след по всей округе. У каждого был свой «стнль». Свнннннников вешал н рубнл только большевнков и комнезамовцев, а потом проводнл горластые «мнтннгн». В партин зсеров его в свое время учнли, что вся опора — на крестьянство, то есть на кулака.

Бокун, нн к какнм партням никогда не прннадлежавшнй, выжнгал все подряд — пнтал он лютую неиавнсть ко всем, кто отобрал у него землю. Там, где проходнла баида Бокуна, оставались одни головешки.

В дверь просунулась чубатая голова одного из караульных. Он поманнл Гундосого.

— Узнай, чего там, — леннво процеднл Свиннннинков. — Нет, все-таки самогоика нз пшеницы лучше, у бурячанки слншком дух резкий.

— Там якась днвчнна до вас добнвается, — доложнл Гундосый.

— Это еще что за новости? — уднвился тот. — Нехай войдет!

Вошла девушка. На чеботках — миогослойиая пыль, серая, едкая, степная. Пыль села н иа лнцо, только глаза блестят. Каштаиовые волосы коротко острнжеиы. Одета в аккуратную свнтку, какне иосят здешнне девчата, ио сразу вндио — с чужого плеча. Весь ее внд, маиера здороваться н разговаривать свидетельствовали — не местная, ие степнячка. Из города.

Первым делом Свннииинков спроснл, откуда она.

— Из Киева, — сказала девушка. И капризио закусила губку: — Ваши ваидейцы нн за что ие хотелн меня пропустить. А я так устала! Mon dieux! Как я устала!

— Вы говорнте по-фраицузскн? — оживнлся Свиииииков. — Какой прнятный сюрпрнз в зтой днкой глуши!

Ои тоже перешел на фраицузский. Атаман — купеческий сынок, иедоучнвшнйся студеит, скороспелый прапорщик империалнстнческой войиы — считал себя интеллигеитиым борцом за нитересы крестьянства. Всаживая пулю в лоб связаниому комиезамовцу, ои любил порассуждать о жестокости бытня н очнщеиин кровью.

— Сотин кнлометров путн, товариые вагоиы, грязиые лапы мешочннков, зти бескоиечные патрулн, проверкн документов, облавы, — рассказывала между тем девушка. — И вдруг у вас, у своих, вместо «Здравствуйте» — гнусиое «Поднимн юбку, зараза, может, ты там пушку прячешь!» Боже мой, до чего довели иарод! Кстатн, как раз перед вашей дверью у меия пропала бриллиаитовая брошь — подарок кияэя Ухтомского, воспоминание о первом бале. Вы поинмаете, как оиа мие дорога, эта безделушка, как мие ие хочется, чтобы к светлому воспомииаиню прикасалнсь чужне...

Девушка так и сыпала словамн. Свиниииков улучнл паузу.

— Я прикажу иаказать вииовных, мадемуазель! — заверял ои н для убедительности даже прнложнл руку к сердцу. — Впрочем, вы должиы нх простнть — такая война, как иаша, ожесточает иравы.

— Я поинмаю, все отлнчио поинмаю, но зто очень обндно...

Бокуи таращнл глаза. Поток французских слов прнвел его в недоумение.

— Про що воиы, га? — толкнул ои локтем Гуидосого.

— Вндчепнться, — отмахиулся тот, иаполияя самогоиом стопкн. — Хиба ие чуете — про полнтыку балакають.

— За нашу дорогую гостью, — подиялся со стаканом Свннннников. — За неожиданый подарок судьбы. Все деловые разговоры потом!

Ему хотелось быть галаитиым н предстать перед иезнакомкой рыцарем, даже в мерзкие времеиа не утратившим душевиого благородства.

— Нет, иет, — запротестовала девушка. — В таком вңде я ие могу сесть за стол. Нет, иет! На мне грязь всех теплушек. Я даже чувствую, как она липнет. Кажется, все отдала бы за ведро теплой воды, о ваииой я и ие говорю...

Сабля полковника

Сабля полковника

— Марыся, — гаркнул внезапно оживший хозяин дома, — помоги паиночке помыться!

Он погремел ключами, открыл пузатый комод, достал кусок мыла, которое тогда было дороже золота.

От такой щедрости хозяйка чуть не подавилась курнной косточкой.

Революция роднла коммуннстнческие части особого назначения, задачей которых была защнта своей матери революцин от внутренних врагов. И формировались они из самых храбрых и преданиых сынов — коммуиистов и комсомольцев, по каким-либо уважительным причинам не ушедшим на фронт.

Впоследствии комсомольский поэт скажет:

Это были все бойцы решительиые,
Делу верные ребята свойсие:
Пулями и телам их попришитые,
Кровью смочены билеты комсомольские...

С трехлинейкамн уходилн ребята в бон. Возвращались не все... Ведь они даже подучиться солдатской иауке порой не успевали — не было времени, не было опытных командиров. Где удавалось, прнвлекали в качестве инструкторов бывших унтер-офицеров и других «чииов» старой армии.

Виктор Сторожук был командиром взвода отряда особого назначения. Но весь его опыт ограничивался иесколькими стычками с бандитами — огневыми, быстрыми, стихийнымн. Поэтому н пришлось идти на поклон к Супруну. Понимал Виктор: одиого желания сражаться с врагом мало, воевать нужио учиться.

Супрун муштровал чоиовцев по всем правилам. Комсомольцы раздобыли ему тужурку, еще коечто из одежды. Бывший унтер постепенно освоился н больше не заводил разговоров о «самостийиой» линии.

Несколько раз иа пустыре, где проходили занятия, появлялся председатель ЧК Петренко. Он одобрнтельно кивал головой, глядя, как Супрун до седьмого пота гоняет чоиовцев, беседовал с ребятами о текущих событиях, делился новостямн.

— А куда исчезла Колосова? — спросил както Виктор чекиста.

— Скоро встретнтесь, — ответнл неопределенно Петренко. И перевел разговор на другое: — Как у твоих ребят с оружием?

— На сорок человек — двадцать две винтовки. К каждой — по две обоймы. Есть еще три нагана и несколько гранат. В мастерских ремонтируем два пулемета.

— Не густо. Заходи к нам — подбросим. Взяли недавно небольшой склад с оружием, так что теперь есть. А что с одеждой?

— Сами видите — кто в чем. На весь взвод — нн одной целой пары ботннок.

— С одеждой трудно. Раздобывайте, где можете. А теперь посмотрим, чему научились.

И Петренко принялся довольно придирчиво экзаменовать чоновцев по огневой подготовке. Супрун чувствовал себя, как на инспекторской проверке в былые времена. Он «ел» глазами начальство, на все вопросы отвечал строго поуставному, исподтишка показывал комсомольцам кулаки: мол, старайтесь, не подводите.

Петренко остался доволен. Поблагодарил Супруна за службу трудовому народу и пообещал переговорить с военкомом, чтобы зачислили инструктора на жалованье.

Девушка отдохнула, отоспалась. Когда на следующнй день встретнлась со Свииинниковым, была тщательно причесана, аккуратно одета: длинная коричневая юбка и белая блузка с высоким строгнм воротничком делали ее похожей на гимназистку.

— Леся, — протянула узенькую белую ладошку. Глядя на девушку, на ее рукн, любой сразу сообразнл бы, что физический труд ей незиаком, жнла раньше в холе и ласке. — Я прибыла по поручению известных вам лиц...

— Ни от кого связных не ожидаю. — После ночной пьянкн Свининников смотрел на мир хмуро и подозрнтельно. Голова трещала, хотя адъютант вылил на голову атамана ведро ледяной криничной воды. Нет, надо все-таки пить пшеничную, а не бурячанку. Белки глаз прорезали красные нитн. Словом, самочувствие атамана было неважным. От вчерашнего гостеприимства ие оставалось и следа.

— Вот, взгляните-ка, — Леся протянула Свининникову квадратик серого картона. Обычный клочок — обтерся, завернулся по краям. Брось такой в пыль, на дорогу — ннкто не подберет. — Вы должны знать, что с ним делать.

Свининников поднес к картонке горящую спичку. Картонка долго ие загоралась, потом огонек, словно нехотя, лизнул закраины. Картон сгорел, и в руках атамана остались чуть оплавившиеся металлические буквы: «С» н «Р».

— Гм, старый способ опознавания, — проговорил Свининников, всматриваясь в рисунок букв.

— Наша партия не осуждает вас за то, что вы вопреки директивам нарушили дисциплину и — как бы помягче выразиться? — стали предводителем вот этих... — Леся указала рукой за окно, где завтракала, чистила оружие, мыла лошадей н обстирывалась его банда.

— Но-но, полегче! — вскинулся Свининников.— Пока в Киеве разрабатывается туманная тактика, эти люди гибнут в борьбе с большевизмом.

— Давайте называть вещи своими именами, — спокойно сказала Леся. — Зарубить комнезамовца в нынешних условиях так же безопасно, как раздеть путника на большой дороге.

Она состроила презрительную гримаску, давая понять, что лично ей противно и то и другое. Заговорила жестко, решительно.

— От вас ожидают большего. Вы знаете, как напряжена сейчас обстановка. Лозунг дня: сплачивать, объединять все силы для борьбы с большевизмом, наносить удары по самым уязвимым местам. Не размениваться на мелочи, на бессмысленную лихость.

Леся перешла на доверительный тон:

— На вас очень надеются, ценят ваш боевой опыт и непримиримость к врагу. Впрочем, все это сказано в письме...

Она попросила нож, распорола подкладку свитки, извлекла листок папиросной бумаги.

Пока Свининников читал, она задумчиво постукивала пальцами по краешку стола, посматривая

в окно. Голубела за квадратами стекол степь, у самого края горизонта подпирали иебосвод тополя — там был другой хутор.

Атаман сказал:

— Мие надо все обдумать. Если вы не возражаете, встретимся позже.

— Нет, не возражаю. Тем более что понимаю ваше состояиие: вести очень важные, а голова, иаверное, раскалывается.

Свииииииков иатянуто улыбнулся, поияв намек. Но в ее словах ие слышалось ин презрения, ни улрека, и он промолчал.

На следующей встрече атамаи спросил:

— В письме, помимо инструкцнй, есть приписка, что цель укажете вы. Что за цель?

— В зтих местах есть только одна цель, достойиая вашего внимания. Город... Он опора большевнзма в стелях. Придет время, красные окрепнут, и тогда город станет плацдармом для наступлеиия.

— Этот орешек мие ие ло зубам.

— В одииочку — да. Но есть еще Бокун, есть другие, которых вы зиаете. Наше влияние на них не распространяется, оии самостнйникн, но вы-то у них авторитетом пользуетесь...

Леся зло и азартио сверкиула глазамн:

— А если внезално из пулеметов, как косой по траве, — чтоб лосле зтого пусто и голо...

— Мы думали о городе, — сказал Свинииников. — Определенные плаиы у иас есть, но не такие конкретные! — И вдруг без всякой видимой связи спросил девушку: — Вы из Кнева?

— Вообще-то из Херсона, но в даниом случае — нз Кнева. Да и детство мое там прошло.

— Как же, бывал, бывал... Даже свндания назначал у памятника святому Владимиру. Внизу, на Подоле.

— Видно, не очень были влюблены, если даже забыли, что памятник зтот на Владнмирской горке стонт...

— Прошу прощеиия, оговорился... Ах, Кнев, Киев!.. Золото куполов, синь Днепра... Там мои лучшие года прошли. Кстати, у вас в Киеве друзья есть? Могут оказаться общие знакомые...

Леся изввала несколько фамилий. Действительио, нашлись н общие знакомые, и даже оказалось, что сестра одной из Лесиных лодруг ходила к лямятнику Владнмира на свидания с юным студентом Свииииниковым.

— А я тогда была малеиькой и страшио завидовала тем, кто ходит на свидания.

Посмеялись: тесен мир. Шел мирный светский разговор, какой бывает у малознакомых людей, желающих больше узнать друг о друге.

— Как вы очутнлись в зтих местах? — спросила Леся.

— В городе жил мой отец — очень уважаемый в здешних местах человек. Где он, я не зиаю. В родительском доме сейчас большевистская Чека заседает. Страшио подумать, что оплевано н уиичтожено все, что было дорого... После фронтов лодался к Петлюре, был раиеи, думал отлежаться у отца — я еще не знал, что он вынужден был бежать отсюда ночью, как какой-нибудь каторжник. Приехал, а здесь никого... Затяиулись раны, отлежался, ушел в стель, собрал лихих хлолцев, у которых есть о чем логоворить с краснымн, — и айда саблей махать!..

— Вот зтой? — Леся указала на клинок, лежавший на скамье.

— О, у зтой сабли богатая история. Я ее сиял с убитого комиссара. Знатно рубился красный, если бы Гундосый не снял его нз маузера, не одолеть бы в сабельной схватке. Комиссаровы лальцы прикипели к рукояти, пришлось отрубить. Но что за клинок! Восточной работы, древннй, теперь такие не делают. Видно, во многих руках побывал, вспоен кровушкой...

Леся взяла оружие. Тускло сверкиула золотая чеканка на ножнах. Рукоять завершалась серебряной головкой сказочной птицы.

— Фениксс... По лреданию, сгорев, зта птица возродилась из пепла... Мы пройдем через любое лламя, чтобы победить, — очень серьезио сказала Леся

В горницу заглянул адъютант.

— Вериулнсь наши. Все нормально. Дома комбедовцев выжглн, самнх краснолузиков в колодец отлравилн — нслнть водицы. Одному жнвот землей набилн — пусть жрет нашу землю. — Ои грязно выругался.

Леся отвернулась к окну, смотрела, как прибывшие бандиты сгружают с тачаиок узлы, какую-то утварь.

— Отбивалнсь? — слросила она через плечо.

— Какое там... У ннх н оружия не было. Темнота деревенская.

Гундосый помялся: видно, хотел что-то сказать, да не решался.

— Ну что там? — резко спросил Свиннннннков.

— Ребята обижаются... Давно ничего подходящего не брали — все горшки да ухваты. Надо бы зшелончнк лерехватить, а то разбегутся к добычливым...

— Все бы грабить, — вскипел Свиннннннков, — а что великие иден кровью захлебываются, так до этого иикому дела нет.

Последние слова были явно рассчитаны на связную центра. Но она не поддержала атамана.

— Люди рнскуют жизнью, и требование награды за риск вполне справедливо.

Она сказала зто громко, так что услышали бандиты, толтавшиеся в сенях. Оттуда кто-то крикнул:

— Правильно скумекала, хоть н баба. Жалованья иам иебось не платят.

— В борьбе издержек не избежать. И мы обязаны их компенснровать. А вот настраивать лротив себя местное населенне накануне сложной операцин, вызывать озлобленне — неразумно, — тихо убеждала атамана Леся.

— Не понял, — у Свининникова портилось настроение. Не хватало еще, чтобы зта девчонка стакнулась с его головорезами, лоучала его.

— Уничтожили пятерых, восстаиовили против себя сотню...

— Так что же, сндеть сложа руки?

— Я вам уже сказала: собирать силы для главного. У меия очень мало временн, поэтому лрошу торопнться. Я думаю, стоит без промедлення собрать всех... — она замялась, — повстанческих командиров... Да... Посоветоваться, разработать ллан.

— Комаидуете?

— Нет, советую и предлагаю...

— А стоит ли вообще заварнвать зту лохлебку?

— Решайте сами. Риск есть риск, а война есть война. Но если вы колеблетесь, я хотела бы встретнться с вашнми людьми. Их миенне важно и для вас и для нашего дела.

Свининников лоинтересовался, нет ли у Леси личных просьб.

— Разместили меия прилично. Хорошо бы время от времени выйти в степь, погулять, по-

быть одной. А ваши повстанцы, наверное, и за ворота не выпустят?

— Я распоряжусь...

На подворье хутора чубатые, обвешанные оружием бандиты плотным кольцом окружили пулеметную тачанку. Многие, несмотря на жару, были в сапогах и кожушках. Щетинились давно не бритые физиономии. Взлетали над головами кулаки, подтверждая правоту очередного оратора. На тачанке у пулемета стояла Леся. Рядом Свинннников со своим штабом.

Говорила Леся.

— Вы проливаете кровь за то, чтобы жить так, как вам хочется. Окончится эта жестокая война, и каждый из вас вернется домой, к своей земле, которую вы вырвете у голытьбы винтовкой и шашкой. Всей своей крестьянской душой стремитесь, чтобы такой день настал как можно быстрее. А что получается? Неделя за неделей проходят в набегах, не приносящих вам ни победы, ни славы. Что изменится, если вы вырубите еще нескольких большевиков? На их место придут новые, запасутся винтовками и в следующий раз встретят вас пулями. Для Советов эти ваши укусы болезненны, слов нет, но не смертельны. А время уходит. Все больше селян тянутся к большевикам. По нашим сведениям, даже зажиточные мужики становятся на их сторону, потому что по горло сыты гражданской войной, а Советская власть помогает им наладить хозяйство...

Из толпы понеслись улюлюканье и свист:

— Как же, они помогут... Всю землю забрали...

— Продотряды все закрома вылизали...

— Чуть что — реквизиции...

— Землю отобрали не у всех! Многим ее дали. Большевики перешли от продналога к продразверстке. Несмотря на тяжелейшие условия, они помогают крестьянам зерном и машинами...

— Вы что, за Советскую власть агитируете? — закричал Свининников.

— Я излагаю обстановку такой, какой она сложилась на сегодняшний день. Ваши люди должны знать правду. Правильно я говорю? — обратилась Леся к бандитам.

— Правильна-а...

— Валяй излагай про текущий момент...

— Не маленькие, разберемся, что к чему...

— Но нам с Советской властью не по пути! Голытьбе — другое дело. А то что же получается: у тебя отбирают твой пирог, отрезают по ломтю Ивану, Петру да Марье, а остальное возвращают — на, угощайся! Кто держал в зубах весь пирог, не согласится на его шматок.

Леся говорила очень спокойно, почти не повышая голоса. И странное дело, ее слушали довольно внимательно — ведь речь шла об их собственном будущем. Имело значение и то, что эта дивчина прибыла откуда-то очень таинственно и с ней шептался сам Свининников.

— А если Красная Армия разобьет Деникина и возьмется за вас? Выстоите вы против богунцев или против Котовского?

В кольце, окружившем тачанку, прошел легкий гул. Да, против Котовского не выстоять...

— Выход один: пока красные сражаются на фронтах, нанести им удары в тылу. Такой план разработали наши руководители в Киеве. Вам поручается взять город...

Бандитская сходка снова заволновалась.

— Ты дывысь, хоч дурна, так хытра...

— У городи коммунистив багато, так воны його й вiддадуть...

Леся подняла руку, переждала выкрики.

— В городе коммунистов мало, почти все они ушли на фронт. Там есть и наши люди, они нас поддержат. И второе. На железнодорожной станции скопилось огромное количество вагонов с ценными товарами. Их задерживают, потому что в первую очередь пропускают эшелоны с хлебом. Вы хотите возвратиться к мирной жизни не с пустыми руками. Вам нужно будет подправлять разрушенные хозяйства. А чем? Села нынче нищие — в них ничего не возьмешь. Вы же заслужили вознаграждение за свои боевые труды, за то, что жертвуете жизнью, когда другие греются под боком у солдаток... Удачный штурм города вознаградит вас за все.

Леся сказала совсем доверительно:

— Верные люди сообщают, что на станции есть эшелоны с мануфактурой, солью, ценными товарами...

Это сообщение пришлось по душе «борцам против большевизма». Пограбить, пожить вольготной, разгульной жизнью, пустить «красных петухов» над хатами ненавистных бедняков — да, это им любо!

Кто-то первым истошно завопил: «На город!..»

— Знаешь хутор Стригуна? — спросил Петренко у Виктора.

Виктор покачал головой. Чекист и чоновец склонились над картой.

— Смотри — вот он. — Петренко ткнул остро отточенным карандашом в еле приметную точку. — Этот хутор — база Свининникова. И отсюда он совершает набеги по всей округе. Удачно бандит окопался — сил у нас в этом районе никаких. Добраться к хутору большому отряду незамеченным невозможно. По всему пути — кулачье, подкулачники, Свининникову сразу донесут. Он снимется — тогда ищи ветра в поле! А выжидать дальше нельзя — каждый день гибнут люди. Где выход?

У Сторожука сверкнули глаза:

— Поручите нам: подберемся по одному незаметно, забросаем гранатами. Главное — внезапность...

— Не сможете. Это ты не по-комсомольски рассуждаешь: раз — и в дамках. Не обижайся, но дело это посерьезнее, чем кажется. Свининников — бывший офицер, и разведка, охранение у него поставлены отменно. Противника нельзя недооценивать. И кроме того: уничтожим его, остается Бокун, атаманы помельче. Если громить, так всех вместе. Одним ударом — и конец...

-- Ого! — обрадовался Виктор. — Масштабы!

— Были бы у нас силы, вышибли бы их по одному, по очереди, не давая объединяться. Это лучший вариант. Но раз сил у нас нет, приходится рисковать. Сейчас появились кое-какие возможности, не буду о них рассказывать. Рано еще. У нас с тобой задача более конкретная. На хуторе находится наш человек. С ним необходимо встретиться, получить нужные сведения. Ты этого человека знаешь...

— Ваш товарищ? — уважительно спросил Виктор.

— Наш. Ты его еще из комсомола собирался исключить...

— Неужели?..

У Виктора вытянулось лицо. Захлопал ресницами, полез рукой в потылицу — вот так так!
— Да. Она там под видом связной антибольшевистского центра. Когда посылали, учитывали все: настоящую связную мы перехватили, у Ларисы есть образование, соответствующий внешний вид, чтобы произвести впечатление на Свининникова, она умеет держать себя как интеллигентная барышня из «бывших». Мы узнали, что Свининников ищет связь с центром, вот мы и пошли ему «навстречу». Специально для Ларисы никакой легенды не придумывали — так ее труднее будет на чем-либо зацепить. Только имя сменили — Леся. Задача у нее сложная, но пути к ее решению выбраны простейшие. На это вся надежда — не придет Свининникову в голову, что его так запросто купили.
— И Лариса уже там?
— Да. Ни одна душа живая об этом не должна знать. Ни одна — иначе не только сорвется операция — погибнет наш прекрасный товарищ. Я тебе одному рассказываю. Потому что к хутору Стригуна пойдешь ты. Согласен?
— Еще бы! Везде пройду, если нужно.
— Мешочников видел? Сходи на станцию, еще посмотри: как одеты, как разговаривают, что на что меняют. Сойдись с ними, узнай цены, выясни ходкие товары. Ты будешь спекулянтом: не голодным рабочим, который последнюю рубашку на меру зерна меняет, а барыгой, живоглотом. К таким у кулаков больше доверия — свои, ворон ворону глаз не выклюет. Уяснил картину?
Петренко говорил короткими, рублеными фразами. Лишних слов он вообще не любил; а тут чувствовалось — продумал все до мелочей.
— Но это на случай, если столкнешься с подручными Свининникова или других атаманов. У тебя задача иная. Подойдешь к хутору незаметно. Лариса вечером выйдет гулять в степь. Вот тогда ты и объявишься. Но так, чтобы былинка не шевельнулась, чтоб даже ветер шепоток на хутор не принес...
Виктор вскочил, вытянулся:
— Можете не сомневаться, товарищ председатель ЧК. Выполню все в лучшем виде!
— Ну что же, давай обсудим детали.
Проговорили они долго. Петренко попросил чаю, и кто-то из сотрудников притащил им пузатый купеческий самовар.
— Свининниковский, — улыбнулся чекист. — Знал бы сынок, о чем идет разговор у папенькиного самовара...

По городу ползли тревожные слухи. Откуда-то стало известно, что крупные банды собираются совершить на него налет. Обыватели злорадствовали: дождались большевички! Но на всякий случай чинили ворота, вешали пудовые замки, прятали ценное в тайники — «зеленые» выбирают все подчистую. Им дела нет — кто свой, кто чужой.
Ревком принял решение раздать весь наличный запас оружия в надежные руки.
Чоновский патруль задержал подозрительного типа. Парень лет двадцати шатался по базару, крупно выпил и в подпитии похвалялся, что краснопузым крышка. Пытался оказать сопротивление, да зря — молотобоец из мастерских Вася Коробко легонько его пристукнул, а потом смущенно объяснял: «Я не хотел его так, чтоб свалился, кто ж его знал, что такой хлипкий».

Сабля полковника

Петренко сам допрашивал арестованного.
— Значит, крышка? — спросил насмешливо.
— Вроде того, — нагло скалился парень, — так уси говорять.
Тут же при парне Петренко звонил кому-то, сообщал о полученных сведениях, предлагал разработать план эвакуации.
— Осторожнее, товарищ председатель, — кивнул конвойный на задержанного.
— Не опасно, — рассеянно бросил чекист. — Завтра отправим его в губернскую ЧК.
Ночью арестованный сбежал. Оказалось, прогнили доски пола, он сделал подкоп и... Дежурный по ЧК за потерю бдительности был наказан: десять суток ареста, отсидеть после окончания гражданской войны. Так сработало еще одно звено петренковского плана.
Чоновцы каждый день собирались на пустыре. Супрун водил их в «атаки», учил отрывать ячейки. Ребята до одури собирали и разбирали затворы, пронзали штыками соломенные чучела. На одном из них кто-то краской написал: «Свининников — гад и контра».

Сторожук добрался до хутора в три дня. Быстрее не смог: пришлось идти пешком, только дважды попадались попутные подводы. Лямки мешка оттянули плечи. И без того дышавшие на ладан башмаки разлетелись в прах. Дороги серыми лентами пересекали степь, подкатываясь к самому небу. Виктор избегал сел, только один раз зашел, чтобы наменять чего-нибудь из еды. По совету Петренко он держался как нахальный, уверенный в себе мешочник — сам черт ему не брат. В селе напросился на обед к солдатке. Отмерил ситца, а солдатка выставила на стол чугунок борща, разваристую картошку, самогон. Во время обеда в хату вошли двое, поздоровались. По тому, как торопливо поставила хозяйка новые стаканы на стол, как уговаривала выпить, Виктор понял: гости пожаловали не простые.
— Чего меняешь? — спросили.
— Ситец, — Виктор лениво ворочал ложкой в густом, до одури пахнущем борще.
— Слышал, что на станции недавно вагон с мануфактурой исчез. Не оттуда ли ситчик? — задумчиво протянул один.
— Оттуда, — равнодушно подтвердил Виктор.
— Грабишь?
— Да не без того...
— Покажи документ.
Виктор отложил ложку, достал из-за пазухи наган, положил на стол.
— Вот...
Пришельцы захохотали:
— Видно птаху по полету.
— Отмерь им ситцу, — прошептала хозяйка.
Виктор с треском оторвал два куска: берите, мол, девкам на подарки, горячее целовать будут.
— Люблю, когда уважение оказывают, — сказал высокий парень.

Когда они ушли, хозяйка с боязнью проговорила:

— Это сынок Марка Панасовича заходили...

Кто такой Марко Панасович, Виктор не стал уточнять.

К хутору подошел днем. Долго кружил вокруг по степи, оглядывая подступы, запоминая, где можно укрыться. Нашел глубокий овраг, поросший кустарником. В его склонах пастушата вырыли ямы-схованки, там можно было пересидеть непогоду. Виктор залег в рожь неподалеку от хутора. Ему хорошо было видно, как бандиты возятся у лошадей. Потом к хутору проскакали двое верховых, спешились у крыльца, небрежно бросили поводья. «Шишки», — решил Виктор. И из хутора неслись всадники: один, второй, третий...

«Эх, парочку бомб бы туда!» — размышлял Виктор. Он даже ощутил тяжесть бомбы в руке, представил, как он хлебами подползает вплотную к дому, набитому бандюгами. Но у него было другое задание, и Сторожук с сожалением отбросил мысли о внезапном налете.

Время тянулось медленно. Он было вздремнул, когда на дорогу, вливавшуюся из хутора в рожь, вышли двое. Ларису Колосову Виктор узнал сразу: тоненькая, стройная, в той же белой блузке, в которой и на работу ходила. Рядом с нею вышагивал приземистый широкоплечий мужчина лет тридцати.

«Свининников», — догадался Сторожук.

Они шли неторопливо, оживленно переговаривались. Виктор слышал все так отчетливо, будто они стояли с ним рядом.

— Петлюра совершил огромную ошибку, когда сделал ставку на опереточные атрибуты старого украинского казачества. Ему бы надо было прочесать огнем всю Украину... — разглагольствовал Свининников.

— Он и пытался. Не дали, — перебила Лариса, — народ не дал. Вы задумывались, почему его разгромили? Потому что народ...

— Леся, серденько, вы рассуждаете как большевичка.

— При чем тут эти большевики? Наша партия сейчас отметает любые иллюзии: только факты, действительная расстановка сил. Иллюзии — удел слабых. Смотрите: по всей Украине против большевиков действуют вооруженные отряды. Ни в решительности, ни в жестокости им не откажешь. Почему же их постоянно бьют? Даже самых сильных: проходит несколько месяцев, и — как это вы говорите? — крышка! Уж на что хитер был Григорьев... А где он? Батько Нестор пристрелил после того, как разгромили красные. По пьянке, потому что не было уже за Григорьевым силы, а битые атаманы никому не нужны. Так в чем же причина? В том, что крестьяне и рабочие в массе своей поддерживают большевиков и помогают им. И если у нас сейчас нет лозунгов, которые отняли бы народ у большевиков, нам остается одно: покончить с Советами несколькими внезапными, стремительными ударами, поддержанными извне. Только это!

«Ишь ты, — удивился Сторожук, — послушать, так выдающийся борец против большевиков. Ведь вот такие умные, трезво мыслящие враги наиболее опасны...»

Свининников шел рядом с девушкой, небрежно постукивая веточкой по голенищу сапога. «Контра ползучая, — кипел яростью Сторожук, — увивается...»

Атаман и Леся гуляли долго, и Виктор понял, что в этот вечер ему с девушкой не встретиться. Приходилось ждать.

Встреча состоялась на следующий день. Лариса вышла в степь одна. Виктор окликнул ее:

— Скажите, я на этом хуторе телку не выменяю?

— Была, но уже нашелся покупатель.

Это был пароль, и они обменялись им серьезно, хотя узнали друг друга сразу.

— Как там у нас? — спросила Лариса.

— Неспокойно. Еще один бандит объявился, какой-то Сависько. Хлеба в городе нет, а на базар больше не везут, бандитов боятся: уже прошли слухи о налете. Ну, а в остальном все по-старому. Вот только еще несколько ребят ушли на фронт. По мобилизации. Просился и я — не отпустили. Поредела ячейка сильно. Алешу-гармониста схоронили. Был в патруле, перестрелка — погиб парень, одним словом. Да ты о себе расскажи, у нас-то все нормально...

Лариса слабо улыбнулась.

— Ничего себе нормально — патрули, голод, мобилизация... Это у меня жизнь райская: отъедаюсь, отсыпаюсь, веду светские беседы, дипломатические переговоры с атаманами. Ладно, давай о деле, а то еще хватятся меня, пойдут искать. Передай Петренко: на хуторе побывали атаманы почти всех окрестных банд. С планом налета на город согласились — пограбить хочется. Тем более что лазутчики из города подтвердили — крупных сил там нет. Я упорно внушаю Свининникову, что он может стать вождем всех антисоветских сил в этом районе, если их объединить и подкрепить это объединение крупным успехом. Потому и старается.

— Тебе он верит?

— Здорово помог пароль. Пришлось, правда, немного помитинговать. Пока никаких подозрений не высказывал. Наоборот, чересчур внимателен, боюсь, как бы не предложил сыграть бандитскую свадебку. Да, самое главное: к налету банды будут готовы недели через две. За это время вы должны успеть подготовиться к встрече.

— Трудно тебе? — сочувственно спросил Сторожук. И сам ответил: — Конечно, трудно, о чем говорить. Но ты держись, Лариса, боевой ты наш друг. Не думал я, что ты такая смелая. А я-то хорош: белоручка, мол, ты, мамина доця, буржуечка недобитая. А ты прямо герой!

— Будет тебе, Виктор! Что пустое говорить? Сам видишь — так надо!..

Условились, что Виктор через недельку заявится снова — узнать точные сроки и маршрут налета. Попрощались.

Леся уходила к хутору медленно, плечи ее сникли, и даже на расстоянии чувствовалось, как тяжело ей возвращаться в бандитское логово.

А Виктору надо было вновь шагать десятки километров, избегая настороженных, враждебных глаз.

Шло заседание ревкома. Присутствовали не все: кто вместе с рабочими патрулями охранял город, кто с продотрядом ушел в степь. Докладывал Петренко. На город готовится бандитский налет, он возможен в ближайшие дни.

Опасность огромная. И в связи с этим вырастает ответственность каждого коммуниста. Если город будет сдан, бандиты перережут железнодорожную нить, по которой идет хлеб с юга в крупные промышленные центры. А там — голод. Председатель ЧК предлагал сформировать еще один отряд особого назначения, поставить под ружье всех способных держать винтовку.

Петренко умышленно ни словом не упомянул о готовящейся операции. Нельзя было этого делать. Чекист любил повторять: «Тайна, о которой знают трое, уже не тайна».

Кое-кто предлагал приступить к эвакуации советских учреждений: необходимо позаботиться о людях, ценностях, документах.

— Подумаем, — неопределенно отвечал Петренко. — Это крайний выход. Город должен держаться до последнего.

Приняли резолюцию: «Считать важнейшей задачей текущего момента защиту города от налета. Объявить военное положение». Военное положение в городе существовало всю революцию и гражданскую войну, но ревком считал полезным еще раз напомнить об этом коммунистам.

После заседания председатель ревкома и Петренко остались наедине.

— Ты всерьез думаешь об эвакуации, товарищ Петренко? — спросил предревкома.

— Нет. Но полезно сделать вид, что мы не уверены в своих силах, паникуем. Более того, я бы днями вывез из города несколько второстепенных учреждений — об этом сразу станет известно Свинникову. Пусть бандиты смелеют.

— Хорошо. Скажи — ты уверен в успехе?

Петренко свел брови. За последние дни он исхудал, под глазами легли темные круги. Сказывались бессонные ночи, усталость, невероятное нервное напряжение.

— Могут быть случайности. Может не выдержать Колосова. Или бандиты что-нибудь пронюхают об операции. Да мало ли что может стрястись! Но это наш единственный выход. Судьба операции в руках у Колосовой. Только бы продержалась дивчина...

Вот уже который час Лариса доказывала главарям банд: город должен быть взят утром в понедельник.

— Мы по-другому делаем, — упрямился Бокун. — Лучший день — воскресенье. Люди на базар едут еще с вечера. С ними войдет часть наших. А потом паника, переполох — все нам на руку.

— Может, вы и правы. У вас опыт, вам виднее. Но в воскресные дни город охраняется особенно усиленно, разве не так? ЧК к вашей тактике приноровилась. Вот и нужно выбрать такой день, когда нас меньше всего ждут!

— Дивчина мае рацию, — кивали атаманы, и... все начиналось сначала.

Они сидели за столом пятеро, чьи имена наводили страх на всю округу. Но крупными считались только банды Свинникова и Бокуна, остальные помельче — два-три десятка головорезов. Атаманы были одеты кто во что — в пиджаки, френчи. Бокун натянул на себя суконную поддевку. Свинников щеголял в кожаном галифе и такой же куртке, перетянутой офицерскими ремнями.

На столе мутнел в бутылях самогон, но к нему почти не прикасались — дело предстояло серьезное, сначала надо было договориться, а выпить успеется.

Адъютанты атаманов ржали, как стоялые жеребцы, у крыльца.

Леся сидела у края стола — строгая, неприступная, деловитая. Свинников представил ее на совещании как представительницу киевского антибольшевистского центра. Какие именно организации входят в этот центр, уточнять не стал. Атаманам импонировало, что о них знают аж в Киеве и направили оттуда своего представителя.

— Наши люди сообщают, что в городе паника. На вокзал вывозят имущество и архивы, — докладывал Свинников. — Гундосый побывал в лапах ЧК, так председатель при нем договаривался об эвакуации. Винтовки пораздавали рабочим, но это не страшно: застанем врасплох, выбьем поодиночке...

Атаманы кивали головами: так, так, выбьем...

— Ну, так на чем порешим? Навалимся с разных сторон или все вместе, купно, прорвемся в город и уже там их покромсаем? Я — за второе. Так сподручнее: все силы под рукой. А то выйдет — я до тебе в Киив, а ты до мене в Полтаву.

Свинников был горд: наконец-то затевалось дело, достойное его офицерского прошлого.

— Разом воно сподручнее, — поддержал Бокун.

На том и порешили. План был такой. Банды собираются в десяти верстах от города и вместе двигаются по направлению к нему. Неподалеку от городских окраин разворачиваются для атаки — впереди тачанки с пулеметами. Стремительным ударом сбивают реденькие заставы красных, тачанки врываются на центральную площадь, где ревком, ЧК и другие учреждения. Налет поддерживается «изнутри», еще с вечера в город войдет ударная группа с задачей во время нападения усилить панику.

День налета — понедельник.

Атаманы сели на лошадей и ускакали готовить банды.

— Послезавтра ваш день, Михаил, — говорила Леся Свинникову. Они шли по степи, сиреневой от заходящего солнца. Воздух казался настоянным на запахе спелых хлебов, был густым и прозрачным.

Свинников тяжело ступал коваными сапогами, вдавливая в пыль полевые цветы. Он был чисто выбрит, подтянут.

— Вот скоро и расстанемся, Леся, — сказал он. — Когда-то теперь свидимся? Очень вы мне пришлись по сердцу...

Леся смущенно улыбнулась.

— Дорогой Михаил, если вы так же решительно будете брать город, как мое сердце, то победа нам обеспечена.

Она порылась в складках свитки, извлекла откуда-то массивное обручальное кольцо.

— Его мне надел жених. Он полковник, сей-

Сабля полковника

час в Польше. Очевидно, в ближайшее время мы услышим его имя — назревают новые события. Ему я обещала хранить верность. Но... — Леся лукаво улыбнулась глазами, — нынешняя жизнь странная и изменчивая. Все может быть...

Раззадоренный атаман не удержался от бахвальства:

— Мы возьмем этот город, Леся. Мы выпотрошим краснопузую сволочь, как карасей. И тогда я пошлю за вами нарочного с вестью: город ваш, Леся...

— Зачем нарочного? Я буду с вами, рядом...

— Вы останетесь здесь. Нет смысла подвергать вас опасности. Управимся сами. Вы будете находиться на хуторе, ожидать нас. Как только закончим — сразу уйдем в степи, отсидимся. Вдруг большевики подтянут крупные силы...

— Но я не смогу спокойно сидеть на хуторе и ждать...

— Леся, спорить бесполезно. Вы для меня дороже города. Было бы глупо рисковать вашей жизнью.

Он не стал ей объяснять, что им движут не одни нежные чувства. Вчера вечером сбежавший из Чека Гундосый отвел его в сторону и горячо зашептал:

— Не подобаеться мени ця дивка, чуешь, отамане? Хоч бий мене, а чую я, щось воно не те. Ты ии залыш тут, так воно буде вирнише. Колы що — удавлю.

Свининников тогда еще вызверился на него, чуть не ударил: какие могут быть подозрения и у кого? Успокоившись и трезво поразмыслив, все-таки решил последовать совету адъютанта. Лучше бы иметь ее при себе, ну да вдвое прошито — крепче держит.

Леся понимала, что, если начнет настаивать — это может вызвать подозрения у осторожного Свининникова: он хотел иметь заложницу на случай неудачи. Оставалось надеяться, что выручат свои.

Они шли по принарядившейся в сиреневый вечерний убор степи. Свининников говорил о любви, обвенчанной тяжелыми испытаниями. И в этом недоучившийся студент не мог удержаться от слащавой патетики. Леся думала: «Виктор был позавчера. До города ему — три дня. Должен успеть. Не имеет права не успеть».

Степи подступили вплотную к городу. Прямо у околиц окраинных домов начинались разливы ржи. Рожь стояла высокая, в рост человека, тяжелый колос гнулся к земле. Синими искорками вкрапливались в желтизну колокольчики. Скоро уборка, придут мужики с косами, ляжет рожь под косой на горячую, насквозь прогретую землю. А пока стоит, не шелохнется под едва приметным степным ветерком.

В нескольких километрах от города дорога ныряет в глубокий овраг. Овраг ни обойти, ни объехать: крутые склоны, непролазный кустарник. С противоположной городу стороны ползет по пологому склону, а потом круто поднимается вверх дорога.

Здесь — идеальное место для засады. Это знал Петренко, но это же знал и Свининников. Бандиты одолевали овраг небольшими группами под прикрытием пулеметных тачанок. Но не прогремел ни один выстрел, не шевельнулся ни один куст. Банда, наконец, выкатилась из оврага и поползла по дороге струящейся лентой: всадники, повозки, пешие. Миновав опасное место, бандиты и их вожаки на какое-то время забыли об осторожности. Строгий порядок был нарушен, смешались в обычную толпу пулеметные тачанки. После крутого подъема не так просто было развернуть тачанки к бою.

Здесь, в ровной как стол степи, отряд особого назначения, коммунисты и комсомольцы встретили бандитов. Они лежали в хлебах много часов подряд, ожидая непрошеных гостей. Вереница тачанок и конников втянулась в засаду, как змея в бутылку. И тогда ударили взахлеб пулеметы. Они в считанные мгновения размочалили голову и хвост колонны, вышибли бреши в ее боках. Звонко хлопали винтовочные залпы. Бывшему унтер-офицеру Супруну, ныне красному инструктору, удалось все-таки кое-чему научить чоновцев. Захваченный горячкой боя, он лихо командовал: «Прицел — постоянный... залпом...»

Потом чоновцы, городские рабочие, горстка красноармейцев, коммунисты поднялись в атаку. Это была страшная атака: штыки довершили то, что не успели пулеметы.

Виктор Сторожук и ребята из мастерских искали Ларису. Они осмотрели каждого убитого и раненого, обошли пленных. Один из бандитов сумрачно процедил:

— Панночка з Кыева на хутори зосталысь...

Прибежал Петренко.

— Свининникова не видели?

— Нет...

— Ушел, гад! Виктор, на коней и за ним!

Наспех собранная группа — Петренко, Сторожук, чекисты и чоновцы — унеслась в степь. Гулко стонала земля под неистовым карьером. Группа неслась туда, где пламенело солнце.

Не успели...

Неподалеку от хутора Стригуна, на перекрестке степных дорог, Петренко и Сторожук наткнулись на изуродованное бандитскими саблями тело девушки.

Петренко сказал: «Похороним в городе, как бойца революции. Здесь поставим камень с надписью. Чтобы годы прошли, а новые люди шапки снимали перед ее светлой памятью...»

Виктор тер кулаками глаза. Он душил в себе слезы, загонял их в сердце, и стонало сердце от невыносимой боли.

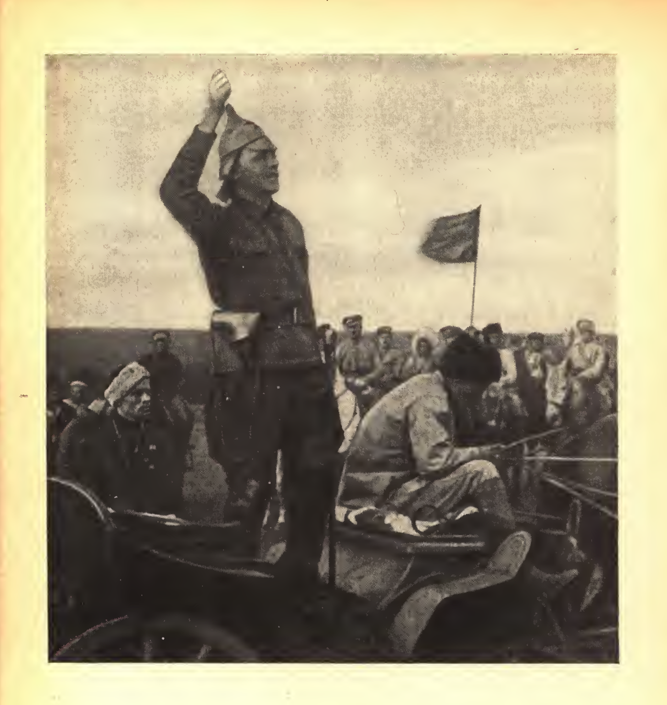
— Я его догоню, — сказал комсомолец председателю ЧК.

— Возьми ребят с собой, патронов побольше, — посоветовал тот. И очень по-штатскому добавил: — Не смею задерживать...

Виктор возвратился в город через несколько дней. Он пришел к Петренко хмурый, отрешенный от всего — глаза лихорадочно блестели, рука на перевязи. Молча положил на стол чекиста саблю атамана. Петренко не стал ни о чем расспрашивать. Он повертел саблю, протянул было Виктору: «Возьми». Потом передумал:

— Пусть у меня пока побудет. Надпись сделаем, чтобы память была...

Прошли десятилетия. Ветер и солнце стерли надпись на боку валуна, что лежит в степи. Но по традиции каждый путник снимает здесь шапку. В память о Ларисе Колосовой, комсомолке.



КОНЕЦ БАНДИТСКОЙ ВОЛЬНИЦЫ

Под Виииицей пылало кольцо зажжеииых баидитамн сел. Ночамн в лесах гремелн выстрелы, ииогда до города доиоснлась пулеметная дробь. Горожаие опасались выезжать за окраину. Носнлнсь слухи, что банды собнраются захватнть город.

В Ввнннцкую ЧК то н дело поступалн донесення о иовых злодеяннях банд. Их прнвозилн покрытые пылью всадннкн — вестовые Особого отдела. Онн бросалн у крыльца потных, нзмученных коней, громыхая по коридору сапогамн, отдавалн пакет секретарю председателя, наспех выпнвалн кружку воды, вскакнвалн в седло н уноснлнсь в тревожную степь.

В Внннцкой ЧК работала прнбывшая нз Харькова по днректнве ЦК КП(б)У группа чекистов Особого отдела Юго-Западного фронта во главе с Е. Евдокнмовым. Обилне сел н хуторов в округе затрудняло розыски бандитов. После налетов шайкн будто растворялнсь: некоторое время отснживалнсь на хуторах, а потом, по сигналу, вновь выступалн.

Особенио лютовалн две крупные баиды. Онн насчнтывалн по семнсот сабель н даже нмелн легкую полевую артнллерню. Атамаи одной нз ннх — Лнхо, бывшнй прапорщнк царской армнн, задумал дерзкнй план захвата Вннницы. Его молодчнкн ннгда объедннялнсь с бандой матерого уголовннка, известного в ЧК под кличкой Артем.

Регулярные частн Красной Армин продвннулнсь далеко иа юг, преследуя уходящих в сторону Крыма белогвардейцев. Покоичнть с бандитнзмом предстояло отрядам чекистов. Фронт ушел, но война продолжалась.

Жаркая иочь накрыла город душным одеялом. Где-то вдалн полыхалн зарнпцы. Окно председательского кабннета открывалось в сад. За столом снделн чекнсты. В центре Евдокнмов. Рядом с ннм женщнна. Кожаная тужурка крест-накрест перехвачена портупеей, сбоку деревянная кобура маузера. Это Эльза Грундман — помощиица и надежиый товарнщ Евдокнмова. Вместе онн начннали работу в Москве, н, когда перевели Ефнма Евдокнмова на Юго-Западный фронт, с ннм на Украину приехала Эльза. Средн чекнстов слыла оиа бесстрашной н неутомнмой. Евдокнмов знал, какую нелегкую жнзнь прожнла эта мужественная женщнна.

Эльза роднлась в 1889 году в семье латвнйского крестьяннна. Семнадцати лет вступнла в партню большевнков. До отъезда нз Латвнн Грундман была под неусыпным наблюденнем полнцнн. Несколько раз снделa в тюрьме. В 1915 году Эльза переехала в Петроград. А когда прншел октябрь 1917 года, вместе с красногвардейцамн ворвалась в Знмннй, сражалась протнв юнкеров, выбивала белых, засевшнх в Пулкове.

В штабе Красной гварднн отметилн ее отвагу, преданность партнн и народу. Эльзу перевелн во Всероссийскую комнссню по органнзацнн Красиой Армнн. С оружнем в руках, рядом с бойцамн Третьей армнн Восточного фронта она участвовала в боях. В нюне 1919 года ЦК РКП(б) направнл Эльзу Грундман в распоряженне Феликса Эдмундовича Дзержннского. Работая в Особом отделе ВЧК Юго-Западного фронта, она сумела раскрыть злостную растрату денег, предназначенных для вооружения армин, в Донбассе арестовала днверсантов, затоплявшнх шахты, а в запасном полку — восемнадцать махновцев, пытавшнхся поднять восстанне.

...Этой жаркой ночью в Винннцкой ЧК немногословные товарнщн, разучнвшиеся удивляться, былн поражены смелостью плана Эльзы Грундман. Последнее слово было за Евдокнмовым. Он задумчиво курнл.

— Ну, а еслн Артем не поверит? — заговорнл, наконец, Евдокнмов. — Понимаешь, Эльза, на что ты идешь?

— Я уверена, что поверит.

Евдокнмов встал нз-за стола, прнхрамывая на простреленную ногу, подошел к раскрытому окну. Потом медленно повернулся, направнлся к

Эльзе. Массивная рука тяжело легла на ее плечо.
— Конечно, риск чрезвычайно велик. Но Артема нужно обезвредить. Придется рисковать. Иди выспись, до утра осталось недолго. Днем поедешь. Кого возьмешь с собой?
— Солодовского. Он хорошо знает местность и несколько раз видел Артема.
Евдокимов посмотрел в сторону темноволосого, крепко сбитого чекиста.
— Ну как, товарищ Солодовский, принимаешь предложение?
Из-под широких кустистых бровей озорно блеснули глаза.
— Мы с Артемом — старые знакомые. Он за мою голову давно шапку червонцев сулит. Стоит поехать, долги сквитать.
— Вот и хорошо! — Евдокимов встал. — Перед отъездом оба зайдете ко мне. А сейчас все свободны.
Загремели стулья, чекисты, поправляя ремни, надевая фуражки, один за другим выходили на улицу.

...Грундман и Солодовский ехали шляхом. Лошади шли мелкой рысью. Всадники свернули со шляха к густой дубраве. В лесу было таинственно и тихо.
— Далеко еще? — спросила Эльза.
— Нет. Сейчас проедем рощу, а там близко.
Копыта лошадей тонули во мху. Всадники двигались почти бесшумно. Сквозь густо переплетенные ветви кое-где пробивался дневной свет. Впереди блеснула опушка.
— Стой! Бросай оружие! — окликнули сзади.
Чекисты остановили лошадей. Из-за кустов и деревьев вышли вооруженные люди. Один из них взял под уздцы лошадь Эльзы.
— Кто вы, откуда едете?
— Из Винницкой ЧК, — спокойно ответила Эльза. — Ведите к Артему.
Ошеломленные бандиты молчали.
— Ну, чего глаза вытаращили! — крикнул Солодовский. — Перед вами начинформа ЧК. А ну, опустите винтовки! Перед ней по стойке «смирно» стоять полагается.
Бандит невольно опустил винтовку и приставил приклад к каблуку. Он переминался с ноги на ногу, не зная, что предпринять. Вперед выдвинулся чернявый парень с нагловатыми глазами.
— Ладно, гражданка начальник, к Артему вас доставим. А вот оружие отдайте.
Эльза расстегнула ремень с кобурой маузера и бросила его на землю.
— И он пусть снимет. — Бандит указал на Солодовского.
Тот нехотя передал шашку и наган. Бандиты, окружив чекистов, гурьбой направились к опушке.
Лес внезапно поредел, открылась поляна, недалеко от нее хутор. У плетня несколько привязанных лошадей. Через плетень переброшены седла, уздечки, подпруги. Бандиты чистили оружие, другие спали под развесистой акацией. Два полуголых парня резались в карты. Когда конвоируемые чекисты въехали во двор хутора, их окружила толпа. В окно выглянул широкоплечий детина, из-под расстегнутого офицерского френча виднелась белоснежная сорочка.
— Артем, — шепнул Солодовский Эльзе.
— Что за шум? Кто эти люди? — спросил атаман.
— К тебе, батька! Говорят, из Винницы. Из Чеки.
Брови Артема сдвинулись.
— Что за дело у вас ко мне, или нагайки захотели попробовать?
— Так гостей не встречают, атаман, — ответила Эльза. — Нас к тебе серьезная забота привела, а не безделица. А нагайкой пугать не надо. Мы ее на каторге не боялись, а теперь и подавно не испугаемся. Так будет разговор или лошадей поворачивать?
Артем криво усмехнулся.
— Уж так и поворачивать! Заходите, потолкуем.
Эльза и Солодовский спешились, привязали лошадей и направились к крыльцу. Артем успел напялить на голову смушковую папаху. Поверх френча он затянул широкий кожаный ремень, на котором висели маузер и выложенная серебром шашка.
— Привет, атаман! — сказал Солодовский. — Узнаешь?
В глазах бандита мелькнуло удивление.
— Залетела-таки птаха в клетку!
— Брось, Артем! — резко сказала Эльза. — Мы приехали не счеты сводить, а решать посерьезному, как дальше поступать будем.
— А кто ты будешь такая, что по-серьезному говорить со мной хочешь?
— К тебе приехал начальник информотдела Особого отдела, помощник Евдокимова.
— Ого, куда хватила! — усмехнулся Артем. — Так уж и будет Евдокимов помощником бабу держать.
В глазах Эльзы замелькали молнии.
— А ну, дай «пушку», атаман! — потребовала она.
— Еще чего захотела! У нас тут с оружием не балуют.
— Что, атаман, боишься? А ведь мы не испугались отдать оружие твоим людям.
— Мне бояться нечего, — усмехнулся Артем и протянул маузер. Эльза вскинула его и, почти не целясь, дважды выстрелила. Со шкафа на пол посыпались осколки бутылок, потек самогон. Эльза бросила маузер на стол.
— Молодец, баба! — одобрил Артем, пряча оружие.
В дверь заглянуло несколько бандитов.
— Закройте! — приказал атаман.
— Ну как, атаман, говорить будем?
— Пожалуй, можно, — согласился Артем. — А этот, — он указал на Солодовского, — пусть тут постоит. — Артем распахнул дверь в следующую комнату.
Эльза кивнула Солодовскому и прошла, низко нагнувшись над притолокой. Артем вошел следом. Он сел на лавку и, пристально, попрежнему чуть насмешливо глядя на Эльзу, сказал:
— Ну, чекистка, говори, что тебя к волку в зубы привело.
— Прислали меня к тебе на переговоры потому, что Советская власть не только наказывает, но и дает возможность тем, кто оступился, исправиться. Товарищ Евдокимов так и велел передать тебе. Одумайся, тогда простят и тебя и твоих людей. А если будешь дальше дурить, расстреляем.
Артем, молча слушавший до сих пор, вскочил и схватился за шашку. Лицо его потемнело от гнева.

КОНЕЦ БАНДИТСКОЙ ВОЛЬНИЦЫ

— Не пугай! — загремел он. — Я и пуганый и стреляный! Видишь?!

Артем расстегнул френч и рубашку. Через грудь его тянулся глубокий сабельный шрам.

— Я и ваших, и зеленых, и махновских к стенке ставил. Ты у меня в руках, а не я у Евдокимова. Стоит мне слово сказать — и не увидишь бела дня.

Эльза спокойно выжидала, пока у собеседника пройдет приступ ярости.

— Я приехала передать, что Евдокимов ждет тебя в Виннице. Для этого он и послал меня сюда.

— Евдокимов в Виннице, не врешь?

Эльза пожала плечами. Артем напряженно думал. Неожиданно ему в голову пришла удачная мысль.

— Вот что, пожалуй, к Евдокимову я поеду. Мне есть о чем с ним потолковать. Но ты с Солодовским останешься здесь. Понимаешь, о чем я говорю? — Он насмешливо посмотрел на Грундман.

Эльза слушала спокойно.

— Ну что ж, я согласна ждать здесь, пока ты не вернешься. А вот Солодовского тебе лучше взять с собой. Он знает дорогу к Евдокимову.

Артем выпрямился.

— Добре, пускай едет. Посиди здесь, я сейчас вернусь.

Эльза осталась в комнате одна. Не менее чем через полчаса вернулся Артем и с ним чернявый наглый парень, которого Эльза видела в лесу.

— Пашка, мой адъютант! — хлопнул Артем парня по плечу. — Он будет хозяином без меня и за гостьей поухаживает. Так, что ли?

— Чем можем, поможем! — засмеялся парень. Он недобро взглянул на Эльзу, и она поняла — этого нужно особо опасаться.

По приказу Артема Эльзу поместили в горнице, Солодовского — в сарае. Ночь прошла тревожно. Эльза прислушивалась к каждому шороху. За окном пьяные бандиты до позднего часа горланили песни. Иногда кто-нибудь из них стрелял в воздух. Эхо от выстрелов разносилось далеко по окрестностям. Рой беспокойных мыслей проносился в голове. Под утро она забылась коротким, тяжелым сном.

В сопровождении Солодовского и трех вооруженных бандитов Артем ехал в Винницу. Перед городом их встретил конный разъезд. Бойцы потребовали документы. Вперед выехал Солодовский и после недолгого разговора с командиром разъезда сделал Артему знак следовать дальше. Конные красноармейцы сопровождали «гостей» до здания ЧК. Евдокимову доложили о прибытии Артема. Он приказал привести его в кабинет. Артем вошел с независимым и даже заносчивым видом. Евдокимов поздоровался с Солодовским, пригласил его сесть и, не обращая внимания на бандита, стал расспрашивать об Эльзе. Узнав, что она жива и невредима, приказал командиру конного разъезда держать под наблюдением попутчиков Артема, оставшихся на площади, и только тогда, повернувшись к Артему, сказал:

— Именем революции предлагаю сложить оружие в двухдневный срок. Это дает возможность всей банде заработать прощение.

— Я это слышал от твоего помощника, Евдокимов, — вскинул злые глаза Артем. — Не боюсь я, мне нечего терять! Я хотел договориться с тобой полюбовно, Евдокимов. Открой мне выход, и я уйду в другую губернию.

— Давай говорить серьезно. Ты ведь сам знаешь, сила за нами достаточная. Но зачем проливать кровь? Отпускать тебя мы не собираемся. Ты зверствовал здесь и будешь это делать в другом месте. Советская власть имеет к тебе большой счет. Подумай, может, примешь мои условия, пока не поздно.

— А что вы сделаете со мной?

— Будем судить. Как решит народный суд. Если сдашься без боя, наверное, простит.

— Дай подумать, Евдокимов. Сразу я ответа не дам.

— Подумай! На раздумье даю день. В лес не вернешься, побудешь здесь у нас. И знай: если хоть один волос упадет с головы нашего представителя, которого ты оставил в банде заложником...

Евдокимов, не договорив, сжал кулак. Атаман понимающе кивнул:

— Зачем волосу падать? У нас игра честная — голова за голову. Разреши человека послать к своим.

Евдокимов кивнул. Он вызвал дежурного и приказал:

— Устройте на ночлег атамана и его попутчиков, накормите их и позаботьтесь о лошадях. Оружие не отбирайте.

Когда дверь за Артемом закрылась, Евдокимов приказал усилить посты, под особую охрану взять постоялый двор, где разместился атаман со свитой. Потом вызвал командира конной сотни и Солодовского и долго с ними совещался.

...Из дома Эльзе не разрешили выходить. Днем несколько раз приходил чернявый Пашка. Когда стемнело, раздалось конское ржание и цокот копыт. Эльза бросилась к двери. В сенях перед ней вырос детина с маузером. Эльза подбежала к окну. Во дворе она увидела нескольких всадников. Один плечистый, осанистый, с военной выправкой. Он бросил поводья услужливо подбежавшему парню. Навстречу спешил подвыпивший Пашка. Плечистый всадник мимоходом о чем-то спросил его, затем направился в дом. Эльза услышала, как под тяжелыми шагами заскрипело крыльцо. Затем в комнату вошел и отдал честь высокий человек.

— Здравствуйте! — сказал он. — Честь имею представиться: прапорщик Лихо.

Эльза рассмотрела его: квадратное жесткое лицо с маленькими узкими щелочками глаз, раздвоенный подбородок, офицерский френч крепко охвачен крест-накрест ремнями.

Лихо громко хлопнул в ладоши, вошел Пашка.

— Собирайте на стол. Разве не видите, люди с дороги устали.

Пашка исчез в дверях. Эльза выжидательно

молчала. В комнату приволокли скамейки и сдвинули столы. Появились бутылки с самогоном, жареный поросенок, мед и сало.

— Так-то оно лучше, — улыбнулся Лихо. — Садитесь, — пригласил он Эльзу, указывая на место рядом с собой.

Эльза села и решительно отодвинула стакан.

— Спасибо, не пью.

— Вот это непонятно. Делом вы вроде мужским занимаетесь, а ведете себя по-женски. — Он осушил стакан, крякнул и, утирая губы тыльной стороной ладони, добавил: — А впрочем, все может быть. Раз чекистов стали набирать из гимназисток — значит, дела ваши дрянь.

Эльза улыбнулась.

— С вашей колокольни наших дел не видно.

Бандиты, подвыпив, шумели. Чернявый Пашка вертелся среди налетчиков, некоторым он что-то шептал на ухо. Лихо поманил его, и Пашка опрометью бросился к атаману.

— Готовь горницу на хозяйской половине. Устал я с дороги, спать хочу.

Эльза чувствовала: затевается неладное. Она незаметно подвинула руку к твердой кобуре сидевшего рядом с ней бородатого бандита, изрядно захмелевшего. Осторожно нащупав кнопку застежки, расстегнула чехол и потихонечку стала вытаскивать наган. Рукоятка обжигала пальцы. Ей почти до конца удалось освободить оружие, когда Лихо неожиданно и сильно сжал кисть другой руки Эльзы.

— Ну что, комиссарша, пора и на покой. Молодежь, — он кивнул на сидевших за столом, — пусть еще повеселится, а нам и отдохнуть не грех.

Эльза постаралась высвободить запястье из лопатообразной лапищи. Но это было нелегко.

— Знаете, Лихо, Артем гарантировал мне безопасность.

— Тю! — засмеялся Лихо. — То ж Артем. Он без моего разрешения шагу ступить не смеет, а тут гарантию дал?

Дело принимало скверный оборот. Действовать надо было решительно. Правой рукой чекистка вытащила наган у одуревшего от самогона бородача и незаметно спрятала его под куртку.

— Ну что ж, атаман, пойдем.

Пораженный легкостью, с какой Эльза приняла его предложение, Лихо удивленно посмотрел на нее, потом встал и нетвердой походкой направился к двери. Из-за стола им вслед полетели сальные шуточки. Лихо открыл дверь в горницу и наигранным жестом пригласил Эльзу войти первой. Окно горницы выходило на двор, поросший бурьяном. Совсем близко от окна торчал плетень. Эльза распахнула створки окна. Лихо, кончив возиться с дверным засовом, покачиваясь, направился к ней.

Эльза выхватила наган и выстрелила. Лихо стал медленно падать на бок. Эльза схватила керосиновую лампу и швырнула ее в дверь. На секунду стало темно, затем по полу побежала огненная дорожка. Уже прыгая в окно, в отблеске горящего керосина Эльза увидела неподвижное огромное тело атамана, распростертое на полу. Упав в бурьян, Эльза поползла к плетню. В доме слышались крики, бандиты ломали дверь в горницу.

Чекистка проползла под плетнем, короткими перебежками устремилась к темной стене леса. Сзади грохнул выстрел. Обернувшись, Эльза увидела отсвет разгорающегося пожара. Перед домом мелькали, будто игрушечные, фигуры бандитов. По шляху зацокали копыта. Эльза прижалась к земле, скрываясь за высоким кустарником. Несколько верховых проскакали к лесу.

Эльза узнала голос Пашки. На опушке леса бандиты спешились. Эльза видела, как они ворошили шашками стог. Она изменила направление и поползла от леса в открытую степь.

Пожар на хуторе полыхал вовсю. Выстрелы участились. Эльза бросилась на землю, силы изменили ей, руки и ноги казались ватными. Только теперь, когда опасность отдалилась, она почувствовала усталость. Не хотелось ни думать, ни шевелиться. Эльза не знала, сколько прошло времени. Неожиданно она увидела группу всадников, силуэты которых отчетливо выделялись на фоне пылавшего хутора. Их странное поведение насторожило Эльзу. Напрягая зрение, пыталась определить, что могло происходить в стороне леса. Пулеметная дробь рассеяла сомнение. На хуторе шел бой.

Тяжелый топот лошадей гулко разнесся по степи. К месту, где находилась чекистка, приближались всадники. Приготовив наган, Эльза спряталась за копну. Недалеко от копны всадники остановили лошадей.

— Товарищ Дубко, поезжайте к курганам, — услышала Эльза. — Бандиты могли скрыться и там. А мы... — И вдруг, оборвав приказание, выхватил маузер и крикнул: — Оружие к бою, кто идет?

Усталой, неровной походкой Эльза подошла к кавалеристам и сказала:

— Я работник Особого отдела. После выполнения задания возвращаюсь в Винницу.

«НАШИ ЗНАНИЯ,
НАШИ МУСКУЛЫ
И НАША ЖИЗНЬ
ПРИНАДЛЕЖАТ
ВЛАСТИ РАБОЧИХ
И КРЕСТЬЯН.
МЫ НЕ ЩАДИЛИ ИХ
В ОГНЕННЫЕ ГОДЫ
ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ, МЫ БЕЗ
ВЗДОХА СОЖАЛЕНИЯ
ОТДАДИМ ИХ В ДНИ
НОВЫХ ИСПЫТАНИЙ
И ПОБЕД.
ЖДЕМ ПРИКАЗА
НАШИХ
КОМАНДИРОВ».

Из клятвы комсомольцев-
чекистов двадцатых годов.

„Я хочу бросить часть моих личных сил, а главное, сил ВЧК, на борьбу с детской беспризорностью. Это же ужасное бедствие. Ведь когда смотришь на детей, так не можешь не думать — все для них. Плоды революции — не нам, а им. А между тем сколько их искалечено борьбой и нуждой. Тут надо прямо-таки броситься на помощь, как если бы мы видели утопающих детей".

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

«Секретарю отдела...

Настоящим, согласно постановлению общего собрания ячейки РКСМ от 5 июля с. г., бюро ячейки РКСМ просит при выдаче жалованья произвести вычет штрафа в пользу голодающих с сотрудника высшего отдела тов. Фролова Л. В. в размере 100 руб. за неявку на собрание ячейки от 16 июня с. г.

16 июня 1922 года. Ответственный секретарь ячейки Е. Галанов».

Из документов комсомольской организации ВЧК — ОГПУ — КГБ.

«Ведь подумайте только, огромное число детей-сирот не имеет ни крова, ни призора. Миллионы детей требуют немедленной реальной помощи. Мы, чекисты, и особенно комсомольцы-чекисты, должны полностью отдать все свои силы этой благородной цели — спасению детей. Иначе мы будем недостойны звания коммунистов и комсомольцев. Ведь это почетное дело поручено нам Владимиром Ильичем».

Из беседы Ф. Э. Дзержинского с партийно-комсомольским активом ВЧК.

«Бюро ячейки РКСМ ВМЧК доводит до сведения всей молодежи, что согласно постановлению общего собрания всей молодежи ВМЧК от 11 января с. г. будет производиться ежемесячное отчисление однодневного пайка хлеба в пользу интерната для голодающих детей Поволжья».

Из постановления общего собрания молодежи ВМЧК. 1922 год.

«Всероссийскому попечителю о детях товарищу Дзержинскому от бывших беспризорных детей улицы... от чистого детского сердца искренний привет. Помните и в будущем о беспризорных детях. Память же о твоих заботах долгие годы будет храниться в наших сердцах. Прими наш детский поцелуй».

«Тов. Дзержинский, будь добр, пришли нам свой увеличенный портрет из новых снимков и, если есть, свою полную биографию, так как та, которую мы изучали, по мнению старых чекистов, не полная, а мы хотели бы знать и изучать твою полную биографию».

Из писем воспитанников детских колоний Ф. Э. Дзержинскому.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Они сидели в уютной комнате с опущенными шторами — сухопарый элегантный джентльмен в светло-зеленом френче и крагах и полный, с багровым, отекшим лицом полковник врангелевской армии.

— Советы заключили мир с Польшей, — промолвил джентльмен, попыхивая сигарой. — Теперь они сосредоточат все силы против вас. Мы высоко ценим качества барона, вашего главнокомандующего, и патриотизм его офицеров. Но если оставить красивые фразы о непобедимости русского дворянства юным прапорщикам, то станет ясно, что Северную Таврию удержать невозможно. А поэтому... необходимо, чтобы борьба с большевиками не прекращалась.

На секретном совещании один из представителей английской военной миссии в Крыму и начальник контрразведки первой армии генерала Кутепова вели разговор уже о практических шагах по созданию контрреволюционного подполья. Основное — выбрать человека, который сумел бы возглавить подпольный центр.

— Господин Туренко. Пожалуй, это самый подходящий человек, — сказал начальник контрразведки. — Два его брата служат в нашей армии. Он ненавидит красных, и на него можно вполне положиться.

Главное, — продолжал полковник, — Туренко состоятельный хозяин, у него паровая мельница, свыше пятисот десятин земли. В помощь ему предлагаю господина Пришляка. Это богатый домовладелец, неплохой контрразведчик, беспощадный в расправе с красными. Оба они будут хорошими организаторами подполья.

...Октябрьской ночью солдаты Кутепова выкопали могилу на кладбище неподалеку от хутора Туренко. Выкопали и ушли. Вскоре к этой яме подошла подвода. Рослый, широкоплечий Пришляк и приземистый Туренко с сыном сняли с подводы ящики и зарыли их в могилу. На холмике водрузили наспех сколоченный крест. Так было спрятано оружие, предназначенное для участников будущего восстания против Советской власти.

А через несколько дней, выбив врангелевцев из Северной Таврии, части Красной Армии ринулись на штурм Перекопа.

Туренко и Пришляку требовалось создать организацию, законспирировать ее и готовиться к активной борьбе, связываясь с помощью курьеров по паролям. Невидимый фронт готовил удар в спину молодой республике.

...Прошли годы. В Приднепровский окружной отдел ГПУ пришло письмо в конверте, сложенном из обложки старой тетради, склеенном вишневым клеем. Вот что узнали чекисты из корявых карандашных строк:

«На нашем поселке Ново-Лозоватка идут интересные дела. Кулаки, у яких отняли землю, тайно собираются ночами, а один недавно приїхав з Крыму і говорить мені, щоб я з ним пішов против Советской власті і поступив до їх партії. Словом, треба приїхать до нас, все расскажу по порядку, тільки щоб ніхто не знав. Комсомолець Пшеничный Павло, 12 вересия 1928 року».

— Срочно отправляйтесь в Ново-Лозоватку, — сказал мне начальник окружного отдела ГПУ. — Сигнал, видимо, серьезный.

Секретарь Береговского райкома партии Бойченко знал в лицо и по фамилии всех сельских активистов. Встретившись со мной, он сказал:

— Советую поехать в Ново-Лозоватку, там председателем комитета бедноты Донец. Толковый человек, он все расскажет.

К вечеру следующего дня я на тачанке добрался до Ново-Лозоватки.

— Кого привез? — спрашивали крестьяне кучера.

— А шут его знает! — ворчал хитрый Петрович. — Якій-то инспектор, чи по налогам, чи по земельным справам.

Долго мы толковали с Донцом. Он рассказал, что ни одна хозяйственно-политическая кампания не обходится без яростного сопротивления кулаков. Особенно старается Яков Конопля, бывший белогвардейский староста. Кулаки во главе с ним пробрались в правление селянского товарищества взаимопомощи и развалили его работу.

Ночью состоялась встреча с Пшеничным. Молодой парень, русый, курносый, горячий, говорил: племянник Якова Конопли Владимир собирает вокруг себя молодежь, устраивает вечеринки, там читает свои антисоветские стихи.

— А у меня дядько был у Петлюры! Коноплю своим посчитал, деньжат предлагает, в организацию тянет.

— Где же он оружие достанет? — спросил я.

— Есть, говорит, винтовки, гранаты, пуле-

ты. Были бы, говорит, хлопцы вроде тебя... Советы полетят скоро!..

Пшеничный узнал, что ночами к Конопле приезжают неизвестные люди, что сам Яков частенько наведывается к другим хуторянам.

— Спасибо, Павло, — сказал я, пожимая ему руку на прощание. — Держи ухо востро.

— Вы за меня не беспокойтесь! Наше дело комсомольское. Они думают: можно купить каждого...

Поездка в Береговое дополнила материалы окружного отдела ГПУ, но ответа на вопрос, чья рука направляет деятельность кулаков, еще не давала. Но вот в комендатуру морского погранотряда прибежал рыбак из Ново-Песчанки. «У нас в селе, — сказал он, — появился подозрительный человек. Его привезли шаландой, но похоже, что он прибыл из-за кордона». Пограничники с помощью рыбака задержали этого человека. Много времени прошло, пока его опознали. Это был Голубович, родственник береговского кулака, белогвардеец, эмигрировавший за границу после разгрома врангелевцев.

Он долго изворачивался, но под давлением улик сознался, что послан для связи с подпольем и должен получить от него отчет о готовности контрреволюционной организации к вооруженному выступлению. Голубович назвал пароли и адреса руководителей организации.

В руках органов госбезопасности оказалась нить, с помощью которой можно было распутать антисоветский клубок. Только как лучше это сделать?..

...Дождь хлестал яростно. В кромешной тьме к дому Пришляка подошли двое. Один из них постучал в окно. Дверь открыл хозяин.

— Принимай гостя, — сказал тот, что стучал в окно, — а я пошел до дому.

Гость вошел в горницу и, пристально глядя в глаза хозяину, сказал негромко:

— Привет вам с хутора Самсоновского передавали...

— Давно оттуда?

— Был там, когда родственника хоронили.

«Свой, долгожданный», — оживился Пришляк. Начался деловой разговор, сперва отрывочный, потом перешедший в осторожную беседу, в ходе которой они прощупывали друг друга. Пришляк в детали не вдавался, однако сообщил гостю, что руководитель организации Туренко живет на одном из хуторов Ново-Спасского района. Гость попросил отвезти его к Туренко. Пришляк внимательно присматривался к собеседнику, взвешивал каждое произнесенное им слово. Оснований не доверять ему не нашел. Его привез в дом один из активных участников организации. Гость держался независимо и производил солидное впечатление.

На рассвете следующего дня Пришляк повез его на хутор. Вцепившись маленькими колючими глазками в лицо приезжего, Туренко, после того как обменялись паролями, спросил:

— Кроме привета, с Самсоновского ничего для меня не передавали?

— Передавали еще кое-что. — Гость снял пиджак, отпорол подкладку и вынул половину фотографии с изображением самого Туренко.

Туренко не торопясь выдвинул из-под кровати небольшой сундучок со слесарным инструментом и извлек старую книгу, в которой находилась вторая половина фотографии. Обе половинки соединили и положили на стол. Туренко сразу повеселел, превратился в гостеприимного хозяина. Серьезный разговор начался после ужина, когда семья улеглась спать. Зашторив окна комнаты и спустив с цепи собак, Туренко, Пришляк и гость просидели почти до утра. Туренко рассказал подробно, как создавалась организация, в которую вошли кулаки, недовольные Советской властью.

— Значит, большинство хуторян состоит в организации? — спросил гость.

— Нет. Многие с нами не согласны, — почесал затылок Пришляк. — Есть и такие, которые оказывают только материальную помощь, а работать в организации не хотят.

— Вы сказали, что имеете контакты за пределами Северной Таврии. Насколько они надежны? — поинтересовался гость.

— Нам удалось привлечь одного богатого немца-колониста, живущего в Крыму, — объяснил Туренко. — Он познакомился с тамошним подпольем. Сколько их там, пока не знаем. Но они обещали, что, если мы выступим против Советов, они поддержат. А еще в Крыму существует организация местных кулаков. Все это удалось узнать Владимиру Конопле.

— Заслуживает доверия ваш Конопля? — спросил гость.

— Вполне! — твердо ответил Пришляк. — Он у нас работает среди молодежи и привлек в организацию немало надежных людей.

— Например?

— Ну, в прошлом году Галкина с Екатерининских хуторов, через него Рубана, который служил у Петлюры и в белой армии. Пулеметчик, офицер.

Этой ночью Туренко и Пришляк несколько раз отлучались в конюшню «посмотреть, что с лошадьми, и задать корму». Гость понимал: это предлог, чтобы на ходу обменяться впечатлениями и посоветоваться. После одной из таких отлучек Туренко предложил:

— Раз вы приехали получить отчет о состоянии организации, мы можем написать его. Если хотите...

— Ни в коем случае! — решительно возразил гость. — Никаких письменных отчетов. Вообще советую никаких следов не оставлять.

— Пожалуй, правильно, — одобрительно сказал Пришляк, не сводивший с гостя глаз.

Туренко еще проверил осведомленность гостя. Задал ему вопрос, знает ли он что-нибудь об оружии для организации.

— А мне говорили, что вы в оружии не нуждаетесь, — ответил гость. — Давайте уточним. Времени с момента ухода наших прошло много. Что-нибудь изменилось?

Тогда Туренко рассказал, что оружие хотели перепрятать в более надежное место, но оказалось, что ящики сгнили и винтовки заржавели. Пришлось раздать их на руки самым надежным.

В полдень на второй день к Туренко приехал Владимир Конопля с неприятной новостью. Его дядя Яков за уклонение от уплаты налогов арестован и осужден народным судом, а вместе с ним еще два хуторянина. Оба из организации.

— Плохо дело! — приуныл Пришляк. — В руках Якова связи с другими районами. И надо ж ему было доводить дело до суда!

— Это все Донец! — кричал Владимир. — Его работа! Убрать его давно пора!

— Не советую делать это сейчас, — вставил свое слово гость.

— Почему?! — вскипел Конопля.

— Подумайте хорошенько, — еще спокойнее ответил гость.

— Правильно! Пока не надо, — кивнул Туренко. — Уберем Донца, тогда можем многих недосчитаться.

Когда пришла пора собираться в обратный путь, гость взял со стола местную газету и сделал из нее вырезку, которую связной должен был предъявить в дополнение к устному паролю. Туренко спрятал газету в тот же сундучок и предусмотрительно заметил:

— Если вырезка затеряется, пусть связной назовет место, где хранится газета...

В Береговом Пришляк по указанию гостя купил билет на пароход, но не до Приднепровска, откуда приехал, а в противоположную сторону. «Осторожный, — подумал Пришляк. — Такой не подведет».

...Когда пароход отошел от пристани, гость вышел на палубу и свободно вздохнул. Здесь можно было, наконец, стать самим собой — Мовчаном, сотрудником Приднепровского отдела ГПУ. Он мог теперь в спокойной обстановке осмыслить полученный материал. Крым, колонисты, кулаки, петлюровцы — кто только не носил за пазухой камня против Советской власти!

Не случайно именно Мовчан был послан в логово зверя. Рабочий Алчевского металлургического завода, он в 1920 году, будучи комсомольцем, ушел в Красную Армию, дрался с белогвардейцами. Был начитан, производил впечатление серьезного, уверенного человека. По выражению его лица нельзя определить внутреннюю реакцию на происходящие вокруг события. В оценке материалов Мовчан успел зарекомендовать себя трезвым и объективным работником. Кроме того, он был сравнительно новым человеком для округа, и его не знали в районах.

Потом, во время следствия, Туренко в порыве откровенности признался мне, что он и Пришляк договорились, когда «наведывались к лошадям»: при малейшем подозрении ликвидировать гостя и подбросить труп куда-нибудь близ переселенческого поселка.

Мовчан впервые выполнял такое сложное и рискованное задание. Этот экзамен на чекистскую зрелость выдержал с честью. О всех мероприятиях по разоблачению антисоветской деятельности кулачества было доложено секретарю окружкома партии товарищу Андрееву. Он порекомендовал осторожней относиться при арестах к людям, случайно попавшим под влияние антисоветской организации.

С помощью партийно-советского актива и работников милиции главари и наиболее деятельные участники контрреволюционной организации были арестованы и доставлены в окружной центр. Вести следствие поручили мне и товарищу Кузьмину, недавно направленному в органы ГПУ окружкомом комсомола. Нам, молодым коммунистам и чекистам, предстояло разоблачить более двадцати активных врагов, искушенных в борьбе с Советской властью. Они готовились к вооруженному восстанию, которое должно было произойти в случае войны. Надежды на это подогревались враждебными выступлениями реакционных деятелей из-за рубежа, а также осложнениями международной обстановки. Пришляк, как человек военный, разрабатывал планы боевых выступлений. В 1927 году он устроил в Береговом двух белогвардейских офицеров. Владимир Конопля готовил флаг и антисоветские листовки. Все это вместе с оружием он запрятал на чердаке молитвенного дома. Эти вещественные доказательства помог найти комсомолец Павло Пшеничный. При обысках было найдено много оружия. У Туренко в кармане обнаружили заряженный пистолет. Воспользоваться им ему не удалось.

Большие и коварные планы были у врага, но осуществить их не удалось.

«Дорогие товарищи! Дзержинский умер.

Нет больше в наших рядах нашего несменяемого, неповторимого Председателя ВЧК — ОГПУ.

Нет больше в наших рядах первого чекиста, друга-товарища, учителя-вождя.

Безмерно велика эта утрата для всей нашей партии, для Советского Союза, для рабоче-крестьянских масс нашей страны.

Но особенно тяжела эта потеря для нашей чекистской семьи.

Парад частей войск ОГПУ на Красной площади.

Бесконечно велика, до физической боли ощутима наша утрата. Но не должно быть места в наших рядах унынию и упадку. Бодрости, вере в дело пролетарской революции, в дело коммунизма учил нас т. Дзержинский... Мы должны чрезвычайно беречь и укреплять тот неисчерпаемый запас доверия, тот громадный авторитет в рабочем классе, которые ВЧК — ОГПУ приобрели в истекшие годы напряженной борьбы. Всемерная непрекращающаяся поддержка трудящихся явится залогом наших дальнейших успехов и побед.

Теснее же сомкнем наши ряды. Единой, непоколебимой чекистской стеной мы отразим все атаки контрреволюции.

Еще больше, чем прежде, проявим свою чекистскую дисциплину, выдержанность и бдительность.

Еще с большим, чем прежде, энтузиазмом будем стоять на защите завоеваний пролетарской революции!»

В. Р. МЕНЖИНСКИЙ

ЗВУЧАТ СТАРЫЕ СКРИПКИ

Меры против расхищения художественных ценностей.

(От Всероссийской Чрезвычайной Комиссии).

Циркулярно № 79.

В целом ряде губерний, уездов, волостей, где помещалось то или иное богатое имение, бывшие господа помещики, имея средства, свободное время и т. д., собрали в свои руки „дворянские гнезда“, колоссальное количество принадлежащих народу ценностей, как то: художественных картин, портретов, гравюр и всякого рода художественной посуды (ваз, серебра), больших и ценных по содержанию библиотек и т. п. Много художественных ценностей во время революции было разграблено и припрятано и т. д.

Все это накопленное добро ныне Советским правительством об'явлено народным достоянием, которое Комиссариат Народного Просвещения собирает, систематизирует и распределяет для общенародного пользования, организуя народные библиотеки, картинные галлереи, музеи и т. п.

Мешают этому целый ряд хищников, мародеров, расхищая, скрывая по домам и, что хуже всего, вывозят за-границу эти нужные для молодой социалистической Республики ценности.

В. Ч. К. предписывает всем губернским, уездным и в особенности пограничным Ч. К. принять решительные меры борьбы против бессовестного хищения народного достояния. Чрезвычайные Комиссии не должны допускать этого, в каждом таком случае необходимо конфисковать и передавать в соответствующие отделы Советов или, если в Советах такого Отдела нет, то сообщать в Центральный Комиссариат Народного Просвещения.

Пограничная Чрезвычайная Комиссия должна принять решительные меры к борьбе с провозом за-границу этих вещей.

Этот приказ отдать по всем уездным Ч. К., пограничным, участковым и пунктовым, всем Отделениям, Комиссарам на жел. дор. для неуклонного исполнения.

Подлинное подписали:

Председатель Комиссии Петерс, Заведующий Иногородним Отделом Ф. Фомин, Секретарь Ксенофонтов.

(Циркуляр опубликован в „Известиях В. Ц. И. К.“ № [illegible] от 5-го ноября 1918 г.).

В Москве, в здании ордена Леннна Государственной консерваторин имени П. И. Чайковского собрана единственная в стране и в мире Государственная коллекция выдающнхся творений итальянских, французских, немецких и русских скрипичных мастеров: Страдивариуса, Маджини, Гварнери, Аматти, Вильома, Батова и др. Это необычная коллекция, где собираются и систематизируются определенные предметы. Ее часто называют музеем без зкспонатов, так как большинство из них не лежит в витринах под стеклом, а находится в работе. Чудесные инструменты предоставляются для выступлений лучшим советским музыкантам, нашей талантливой молодежи и прежде всего тем из них, кто участвует в международных конкурсах.

Любопытна история создания коллекцин музыкальных шедевров.

Сразу же после победы Октябрьской социалистической революции передовые артисты приступили к перестройке исполнительского искусства Большого театра. Началась напряженная работа по созданию оркестрового коллектива театра. Но вот беда, в Большом театре и тем более в других театрах страны совершенно отсутствовали хорошие музыкальные инструменты. Артистам было хорошо известно, что в царской России, в руках богачей в качестве простых раритетов * находились сотни уникальных музыкальных инструментов, творенний великих мастеров.

При Советской власти зто ценнейшее достояние народа стало утаиваться, сплавляться за границу.

* Раритет — от латинсного слова «раритос» — редность, редная вещь, днновинна.

Передовые деятели русского искусства никак не могли с этим мириться.

В адрес народного комиссара просвещения поступила «Докладная записка» об охране уникальных инструментов музыкального искусства. Документ подписали: комиссар государственных театров Е. К. Малиновская и заведующий музыкальной частью Большого театра В. Л. Кубацкий.

Одновременно во Всероссийскую Чрезвычайную комиссию (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией, саботажем, спекуляцией и преступлениями поступили донесения о попытках иностранных дипломатов, коммерсантов, русских белоэмигрантов контрабандным путем провезти за границу редкостные музыкальные инструменты.

Однако сигналы были услышаны. Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский и председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский, несмотря на неотложные государственные дела, нашли время обменяться мнениями и, посоветовавшись с В. И. Лениным, приняли меры по спасению уникальных инструментов.

5 ноября 1918 года в газете «Известия» был опубликован циркуляр ВЧК «О мерах против расхищения художественных ценностей». В циркуляре говорилось, что бывшие господа положения собрали в своих руках колоссальное количество принадлежащих народу ценностей — художественных картин, портретов, гравюр, редких книг и т. д. Ныне все художественные ценности объявлялись Советским правительством народным достоянием.

ВЧК предписывала всем пограничным, губернским, уездным чрезвычайным комиссиям, всем отделениям и комиссарам ЧК на железных дорогах «принять решительные меры борьбы против бессовестного хищения народного достояния». Выявленные принадлежащие народу художественные ценности предлагалось конфисковывать и передавать в соответствующие отделы Советов и сообщать о них в Народный комиссариат просвещения.

А. В. Луначарский на заседании Наркомпроса утвердил комиссию по национализации уникальных музыкальных инструментов.

«Пусть шедевры Страдивари, Аматти, Гварнери и других великих мастеров звучат народу, прославляя вместе с тем имена своих искусных творцов, — сказал Анатолий Васильевич, — необходимо теперь же, не теряя ни одного дня, начать поиски и национализацию в стране уникальных произведений музыкального искусства».

По предложению А. В. Луначарского была создана реквизиционная комиссия по изъятию музыкальных инструментов в составе В. Л. Кубацкого от Наркомпроса и А. Н. Прокофьева от ВЧК.

Кандидатура В. Л. Кубацкого у членов коллегии сомнений не вызывала. Это был известный в то время разносторонне образованный и талантливый виолончелист, хороший знаток музыкальных инструментов. Будучи заведующим музыкальной частью Большого театра, он стал инициатором и энтузиастом создания в Большом театре симфонического оркестра.

Личность А. Н. Прокофьева членам коллегии Наркомпроса была не известна. Не понятны были присутствовавшим на коллегии и причины включения в реквизиционную комиссию сотрудника ВЧК.

В. Л. Кубацкий, присутствовавший в то время на заседании Наркомпроса, вспоминает:

— Заметив наше недоумение, Анатолий Васильевич пояснил:

«Вы, товарищи, не удивляйтесь. Нужные нам музыкальные инструменты на полках не лежат. Их придется искать и выявлять. Комиссии предстоит трудная и кропотливая работа. Без чекистов в таком деле не обойтись. К тому же, по отзывам Феликса Эдмундовича, А. Н. Прокофьев — чудесный человек. Он кадровый рабочий, активный участник революции 1905 года. Во время Октябрьской революции он шел в рядах, штурмовавших Зимний дворец. В органах ВЧК работает с первых дней ее образования. В последнее время является комиссаром по особым поручениям ВЧК. Его хорошо знает В. И. Ленин. Дзержинский считает, что он наилучшим образом выполнит работу по розыску и изъятию ценных музыкальных инструментов».

И действительно, — продолжает Виктор Львович, — мои сомнения о целесообразности привлечения чекистов к сбору музыкальных инструментов рассеялись с самого начала совместной работы с А. Н. Прокофьевым. При первой встрече предо мной предстал стройный, подтянутый, выше среднего роста молодой человек, одетый в кожаную куртку и кожаную фуражку со звездой, с правильным, несколько удлиненным лицом и большими карими глазами, вдохновенно смотревшими из-под густых бровей. Эти пока только внешние черты вызвали у меня симпатию к нему. Когда же мы заговорили с ним о предстоящей работе, я увидел, что это человек бывалый, обладает большим жизненным опытом и умеет располагать к себе людей. Между нами сразу установились приятные деловые отношения, которые как нельзя больше благотворно сказались на результатах. «Однако ж умеет Ф. Э. Дзержинский подбирать людей», — подумал я тогда.

Приступая к исполнению своих обязанностей, члены комиссии натолкнулись на целый ряд трудностей: они не были освобождены от своих прямых служебных обязанностей, новым делом приходилось заниматься урывками, в «свободное» время, не было транспорта и денежных средств. Но главная трудность состояла в розыске ценных музыкальных инструментов.

— Вот тут-то рассеялись мои сомнения в отношении целесообразности привлечения к сбору уникальных музыкальных инструментов чекистов, — рассказывает В. Л. Кубацкий. — Опираясь на Московскую Чрезвычайную комиссию, А. Н. Прокофьев своевременно устанавливал не только лиц, у которых находятся инструменты, но и места их хранения или укрытия, а также, кому они переданы или проданы. Я всегда поражался всесторонней осведомленности Прокофьева о родословной и служебной лестнице держателей музыкальных ценностей. Наличие таких сведений давало нам возможность конкретно и целеустремленно вести разговор с интересующими нас лицами, изобличать злостных укрывателей и расхитителей принадлежащих народу культурных ценностей.

Посещение домов или квартир владельцев уникальных музыкальных инструментов и их реквизицию осуществляли членами комиссии в присутствии понятых из числа соседей или дворников. Хозяевам предъявлялись документы, уполномочивающие изъять музыкальные инструменты. Начинался разговор о целях и задачах Советской власти в области культуры и музыкального искусства, о необходимости собрания высококачественных инструментов в специальном государственном фонде. Иногда при этом узнавались новые, неизвестные комиссии адреса держателей редких музыкальных инструментов.

Изъятые предметы тщательно осматривались, определялось их качество, историческая ценность, делалась подробная опись.

Кубацкий вспоминает знаменательный случай, имевший место при национализации смычковых инструментов у графа Зубова. Когда члены комиссии и понятые явились к нему в особняк, предъявили полномочия и объяснили цель прихода, граф, совершенно седой и дряхлый старик, спросил: а кто и где на этих инструментах будет играть? Ему ответили, что инструменты будут переданы в государственный фонд и ими будут пользоваться талантливые музыканты для выступлений перед народной аудиторией. После этого он удалился в свои покои и долго не возвращался. Казалось, что он больше не вернется. Как вдруг распахнулись двери, и он встал перед нами в парадном мундире со всеми регалиями. На руках, как святую реликвию, он нес скрипку Страдивариуса. Две другие скрипки нес придворный.

— Принимая от старца скрипку, — продолжает Виктор Львович, — я взглянул на комиссара ВЧК и был до крайности сконфужен. У него на глазах блестели слезы. «Да, так может переживать только человек с большой душой и мягким сердцем», — подумал я. Инструменты, переданные графом Зубовым, представляли собой скрипки Гварнери, изготовления 1600 года, Аматти — 1629 года и Страдивариуса — 1707 года. Это были отлично сохранившиеся инструменты гениальных мастеров. Разные коллекционеры и спекулянты предлагали за них феноменальные суммы.

Комиссией были вскрыты вопиющие факты расхищения и варварского обращения с мировыми ценностями. Так, коллекция уникальных инструментов известного московского богача Живаго по завещанию была предназначена для продажи в Америку за несколько миллионов рублей. Из коллекции графа Юсупова из поступивших в Наркомпрос художественных ценностей в 1919 году и была организована Государственная коллекция редких и древних инструментов. Коллекция находилась при Государственном Большом театре. Комиссаром коллекции Наркомпрос назначил одного из инициаторов ее создания, Виктора Львовича Кубацкого, хранителем и мастером стал выдающийся эксперт старинных смычковых инструментов Евгений Францевич Витачек.

Инструменты мастеров-классиков по мере поступления их в коллекцию сразу же использовались по назначению. В 1919 году постановлением правительства на их основе был создан Государственный квартет имени Страдивариуса, который сыграл огромную роль в ознакомлении широких масс трудящихся с серьезной камерной музыкой. Популярность квартета была особенно велика среди тружеников столицы. По мнению А. В. Луначарского, «концерты квартета в превосходном исполнении на совершенных инструментах из Госколлекции были необходимым элементом музыкальной жизни Москвы».

Важным событием в деятельности Квартета имени Страдивариуса явилось участие его в юбилейном концерте в день 50-летия Владимира Ильича Ленина 22 апреля 1920 года. Известно, что в этот день Московский Комитет партии со-

брал партийный актив города и устроил «Коммунистический вечер», на котором с яркими речами о жизни и деятельности В. И. Ленина выступили А. М. Горький, А. В. Луначарский и представители московской организации. Владимир Ильич отказался присутствовать на вечере, потому что он не хотел слушать похвальных речей в свой адрес, а узнав, что будет камерный концерт, приехал к началу концерта, чтобы послушать музыку, которую он страстно любил. Собравшиеся тепло встретили Ильича, устроили ему бурную овацию.

После концерта Владимир Ильич беседовал с артистами квартета и интересовался историей его создания. Он одобрил работу по собиранию культурных ценностей и организации фонда уникальных музыкальных инструментов.

Во время работы по розыску и изъятию музыкальных инструментов в центральной части России выяснилось, что важными пунктами сосредоточения культурных ценностей и переправы их за границу являются Крым и Одесса. Решено было направить реквизиционную комиссию на юг России. Вместе с комиссией был командирован Квартет имени Страдивариуса в составе артистов Могилевского, Пакельмана, Бакалейникова.

Целью поездки квартета было проведение массовых концертов и популяризация классической музыки среди трудящихся. Предполагалось также, что концерты будут способствовать успешной работе комиссии по сбору инструментов.

Для поездки потребовался отдельный железнодорожный вагон. Достать вагон в условиях гражданской войны и разрухи на транспорте было делом нелегким. Комиссар по особым поручениям ВЧК А. Н. Прокофьев, работавший вместе с В. Л. Кубацким по организации поездки, обратился в Совет Народных Комиссаров. Члены комиссии были безмерно рады, когда узнали, что Владимир Ильич распорядился удовлетворить их просьбу. 8 мая 1920 года он написал заместителю народного комиссара путей сообщения В. М. Свердлову следующую записку:

«Тов. Свердлову.
Прошу предоставить т-щу Прокофьеву, подателю настоящей записки, 1 вагон для поездки в Одессу и обратно.
Пр. СНК В. Ульянов (Ленин).

Но в те же дни А. Н. Прокофьев получил другое ответственное поручение: он был направлен в тыл врага со специальным заданием. По предложению Дзержинского вместо Прокофьева в состав комиссии вошел оперативный комиссар МЧК В. П. Дементьев.

Новый представитель чекистов в комиссии оказался достойным преемником Прокофьева. Он отличался исключительной смелостью и находчивостью. Поезда, к которым прицепляли вагон с представителями музыкальной культуры, по пути в Одессу и Крым подвергались бандитским налетам. Безупречно владея пулеметом, гранатами и личным оружием, Дементьев принимал участие в обороне поездов. Не раз он рисковал жизнью, чтобы обеспечить безопасность музыкантов. При этом В. П. Дементьев всегда был необычайно скромен, спокоен и деловит. Как и А. Н. Прокофьев, он с помощью местных органов ЧК обеспечивал розыск и реквизицию музыкальных инструментов.

Перед выездом из Москвы комиссия была снабжена вескими документами. В мандате от 1 декабря 1920 года, скрепленном печатями Наркомпроса и ВЧК и подписанном Луначарским и Дзержинским, было сказано, что органы местных ЧК, ревкомы, военные власти и железнодорожная администрация обязаны оказывать «тт. Кубацкому и Дементьеву всяческое содействие».

Местные органы власти, особенно чекистские, предупрежденные Ф. Э. Дзержинским, делали все возможное, чтобы обеспечить успех комиссии на юге. Об этом наглядно свидетельствует предписание Особого отдела ВЧК на побережье Черного и Каспийского морей, выданное на имя В. Л. Кубацкого от 25 декабря 1920 года. В предписании предлагалось «всем властям Крыма оказывать реальное содействие комиссару тов. Кубацкому в деле национализации научно-художественного достояния народа». В распоряжение комиссии особым отделом были выделены легковой автомобиль «кейс» за № 1608 и грузовая машина ФВД-13876, а также вооруженная охрана «из самых сознательных, дисциплинированных товарищей коммунистов». Комиссия имела право «беспрепятственного проезда» в любой район Крыма.

Помимо повседневной работы по розыску и изъятию уникальных инструментов, артистами почти ежедневно устраивались музыкальные концерты в театрах, народных домах и воинских частях. Перед началом концертов тов. Кубацкому приходилось выступать с речами, рассказывать о состоянии и перспективах развития советского музыкального искусства, призывать слушателей к содействию в работе комиссии. Это помогало в поисках инструментов.

Поездка комиссии в Одессу и Крым закончилась успешно. Это было одно из первых турне советского музыкального коллектива по стране. Концерты проводились в воинских частях, на заводах и фабриках, на железнодорожных вокзалах — везде при переполненных аудиториях.

О значении музыкальных концертов того периода свидетельствует такой случай.

По пути на юг артисты дали концерт на вокзале станции Грязи, где в ожидании поездов скопилась масса пассажиров. Несмотря на вокзальные условия, усталость и изнуренность, люди слушали музыку с большим вниманием.

Эти отзывы простых людей о концерте были лучшей для нас наградой за наш исполнительский труд.

Комиссия, командированная на юг, спасла десятки инструментов от неминуемой «утечки» их за границу и, таким образом, пополнила Государственную коллекцию уникальных музыкальных инструментов, которая стала единственным в мире собранием шедевров музыкального искусства. Наши музыканты играют на уникальных инструментах в Союзе и на международных конкурсах за рубежом. Коллекция способствует развитию советского музыкального искусства и выдвижению советских музыкантов в первые ряды на мировой концертной эстраде.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ИМЯ

Осторожные фиолетовые сумерки ушли вверх, в желто-голубое небо, и на землю опустилась ночь, безлунная, настороженная. Человек, затаившийся в кустарниках, вжался в сырую, пахнущую прелью землю и прислушался: рядом, в двух шагах, бормотала река. Ни один звук больше не нарушал тишину ночи. Когда глаза привыкли к темноте, человек скорее угадал, чем увидел, полосатый пограничный столб. Он вышел точно в договоренное место: здесь, где река Сестра поворачивала к югу, он должен принять человека с той стороны. Его предупредили: придет важный гость. «Будьте особо осторожны, — сказали ему при встрече на ленинградской конспиративной квартире, — это родственник одного из лидеров нашего движения за кордоном».

На той стороне границы выросли расплывчатые силуэты. Человек поднялся с земли, глубоко вздохнул и, войдя по колено в реку, негромко произнес слова пароля.

— У нас сильные дожди, — ответили ему так же негромко.

Все в порядке. Это отзыв. Человек перешел на другой берег и обменялся с людьми в штатском быстрым рукопожатием.

— Это тот, кого вы ждете, — сказал ему высокий господин, закрывавший нижнюю половину лица теплым кашне. — В добрый час!

Человек молча кивнул головой и наклонился. Тот, кого он ждал, вскарабкался ему на спину. Человек двинулся обратно на советский берег. Тот, кто ухватил его за шею, дрожал частой, мелкой дрожью. Эта частая, мелкая дрожь передалась проводнику.

— Возьмите себя в руки, — шепнул он. — Все будет в порядке.

Когда они вышли на дорогу, человек опустился на колени, задыхаясь от усталости.

— Слезайте, — шепнул он, — здесь мы в безопасности.

— Не могу, — ответил ему тот, кого он тащил на спине три километра, — ноги не держат.

Человек хмыкнул и свалил гостя в траву.

— Ничего, — сказал он, — это пройдет.

Через два часа он доложил по адресу, известному одному лишь ему, что гость переправлен в тыл. А еще через час, когда с востока пришел рассвет и верхушки сосен сделались желто-багровыми, человек подошел к полосатому шлагбауму. Это была погранзастава. Навстречу ему шагнул пограничник, выбросил руку к козырьку, четко отрапортовал:

— Товарищ командир, на границе все спокойно, никаких происшествий!

— Хорошо, — ответил человек и пошел к себе.

Его звали Вяха Тойво. Он был начальником погранзаставы. Шел 1925 год. Эмигранты всех мастей, контрреволюционеры, террористы, белые генералы готовили заговор против Республики Советов. С помощью своих людей им удалось завербовать начальника погранзаставы Вяха Тойво.

— Я отдал этой революции семь лет жизни, — говорил он парижским эмиссарам, встретившись с ними на конспиративной квартире в Ленинграде, — я перестал верить в эту революцию.

Он ругал революцию и пил, пил, пил. Он умел пить не пьянея. Он был немногословен и умел считать деньги так, как это делали до революции: быстро и хрустко разбрасывая веером кредитки. Сначала ему поручили перевести через кордон людей второстепенных: ими контрреволюция могла пожертвовать, окажись Тойво Вяха агентом ЧК. Посланцы из Парижа добирались до Москвы и возвращались живыми и здоровыми...

...Через полчаса после того, как Тойво Вяха вернулся на погранзаставу, его разбудили: красноармейцы обнаружили след человека на берегу реки Сестры — нарушение границы.

— Где? — спросил Вяха.

Пограничники показали место на карте. Это был его след.

— Поднимайте людей по тревоге!

И пока пограничники выбегали из казармы строиться, Тойво Вяха сообщил о происшествии и командиру Сестрорецкого погранотряда А. Кольцову и полномочному представителю ОГПУ при Ленинградском военном округе С. Мессингу. А доложив — отправился искать нарушителя. То есть самого себя. Во время поиска он был первым и самым умелым среди пограничников. Он умел читать след, как никто другой, он знал лес, он знал каждую тропку. Он вывел пограничников точно к станции Парголово, к приграничной станции, откуда ранним утром ушел поезд в тыл, увозя парижского гостя.

— Ничего. Не уйдет гад! — сказал Вяха пограничникам.

Не было на границе другого такого командира, которого бы красноармейцы так любили и уважали. Раз командир сказал, что враг попадется, — так и будет.

Не было более ценного агента у парижских контрреволюционеров, чем Тойво Вяха.

...Шульц-Стешинская была, по словам генерала Кутепова, «женщиной огромной храбрости».

На нее была возложена змигрантскнм центром вся организационная работа, связаиная с террором в Советском Союзе. С иапряжеииым виимаиием следили в змигрантском центре за судьбой Шульц, вверениой в руки Вяха Тойво. Он переправил ее через граиицу, н в центре все замерли, ожидая от иее известий. Через иесколько дией пришла шифровка: «Все в порядке, я в Москве у наших людей, иачала работу». Вскоре Тойво Вяха на своей спине перенес ее обратно, на чужой берег. Так было несколько раз.

И Шульц и ее сотрудники докладывали центру: работа по организации контрреволюцнонного заговора в Москве н Лениинграде блнзится к завершению. Центр, в свою очередь, информировал об этом заинтересованиые разведки. И вот брнтанская разведка прнняла решение: отправить в Союз Советов сэра Сиднея Рейлн, опытнейшего зксперта по русским делам, специализировавшегося по вопросам революции еще в 1917 году.

Перед тем как отправить Рейли в Москву, Шульц было поручено в последиий раз проверить Вяха Тойво: что-то уж слишком благополучно он проводит все операцни, не связан ли он с ЧК, не ведет лн двойной игры. И когда Вяха Тойво в который раз переправил Шульц через граиицу, она уже возле самой стаиции похлопала себя по карманам и сказала:

— Я потеряла мой браунинг. Надо возвращаться обратно.

— Я обратно не пойду, — ответил Вяха, — слншком велнк рнск.

— Не важио. Я рнскую иаравне с вами. Вериемся обратно.

— Нет. Я не вернусь обратио. Я не иамерен рнсковать жизиью нз-за вашнх капризов. Я и так, поинмаете лн, хожу по острию бритвы, каждый шаг может быть последним. Я еще пригожусь организации и под пулю из-за вас не полезу.

Вернувшнсь иа заставу, Вяха Тойво вспоминал, как он скандалил с этой бабой, н думал, что на этом его связь с змнгрантами будет кончена н деиег больше ие будет, ио н не будет постояиного рнска.

Он не знал, что зто его непреклонное решеиие не рнсковать зазря лишиий раз убедило парижский центр в его верностн. Вернись ои обратно к границе за оброненным браунингом — можно было задать вопрос: а почему он так спокоен н так безрассудио рискует?

Через некоторое время, раиней осенью 1925 года, его предупредили: тот, кого он будет переправлять на зтот раз, куда как важиее и Савинкова, год иазад арестоваиного ЧК, н зтой истеричной бабы Шульц-Стешинской. «За зтого человека вы отвечаете своей жизнью, — сказали ему. — Ни один волос не должен упасть с его головы».

...Вяха Тойво вышел к границе, когда его окликнули иегромкнм паролем с другого берега. Он перешел реку: воды прибыло, потому что перед этим прошли дожди. Взвалил себе на спину высокого, плотного мужчину. Возвращаться было трудно: ноги скользнли по камням, вода поднималась до пояса.

На иашем берегу иезнакомец — а это был Сидней Рейли — неторопливо слез со спины Вяха Тойво.

— Вернись на пару слов, — попросили Тойво с другого берега.

Ои ие имел права оставлять Рейли без охраны — такой был приказ. «Пристукнут, — думал Вяхо Тойво, — работу выполиил, больше им ие иужен». Его выручил сам Рейли — ои что-то сказал по-английски и первым пошел в наш лес. В кустах стояла двуколка. Вяха Тойво хлестнул коня, н оии быстро покатили по лесной дороге к стаицин Парголово. Возле моста Вяха сказал:

— Обождите, я посмотрю — нет ли секретов.

Когда он вернулся, Рейли на повозке ие было. Вяха Тойво похолодел, потянулся за брауниигом, спрятанным иа груди. Зашуршала листва, он резко обериулся: из кустарников выходил Рейли. Проверял — шел по следу Вяха шаг в шаг.

На станции Вяха Тойво оставнл его в повозке так, чтобы все время видеть из зала, где продавались бнлеты. Но когда он на мгновеиие оторвал взгляд от Рейли, протягивая кассиру деньги, тот снова нсчез. Тойво выскочил из зала; Рейлн стоял поодаль, глубоко засуиув руки в карманы.

Когда Вяха подвел его к четвертому вагону, Рейли сказал: «Через три дня пойдем обратно», — и крепко пожал ему руку. Вяха ощутил в ладони бумаги. Поезд тронулся. Вяха отошел к фонарю и разжал ладонь: Рейлн передал ему трн червоица. Он вннмательно разглядел бумажки: нет ли шнфра? Нет. Это была просто плата за услугу — так сказать, чаевые, помимо установленной ставки.

Через неделю ночью иа границе была перестрелка. Утром местиые жители увидали следы крови. В кустах валялся маузер в деревянной кобуре. Эту деревяиную кобуру здесь знали все: она прннадлежала иачальнику погранзаставы Вяха Тойво. А сам Вяха Тойво валялся в иогах у чекистов, которые привезли его иа заставу, и молил о пощаде, и плакал, и кричал, а пограннчники, собравшиеся в комнате, смотрели на него с ненавистью н гневом.

Назавтра все в округе знали, что Вяха Тойво был врагом и что его арестовали во время перестрелки, а второго, высокого нерусского, кто был с ним, застрелнлн при попытке перейти границу: лужа крови говорила сама за себя. В Лоидоие вздохнули с облегчением: Рейлн убит, н с ним ушла тайна его посещения Москвы.

А в зто время Рейлн, настоящий Рейлн, в ОГПУ давал показаиия.

А Тойво Вяха ехал в Москву получать орден Красного Зиамени, о котором ходатайствовал Фелнкс Эдмундович Дзержинский. Теперь уже можно сказать, что переправлял за кордон через «окно» Вяха Тойво ие только контрреволюцнонеров, но н чекистов, готовивших зту операцию в самом логове врага. И ехал он в Москву не как фнни Тойво Вяха, а как Иван Михайлович Петров. С тех пор чекнст-пограиичнкк сорок два года живет под чужим именем. Ои и сейчас живет под зтим русскнм имеием. Имя, отчество н фамнлия изменнлнсь. Не измеиилнсь только за зти годы сердце и ум финского рабочего, русского командира-пограничиика, полковника в отставке, большевика Вяха Тойво — Ивана Петрова, человека, который полтора года играл свою роль один на один с врагамн и который победил, потому что за ним была правда.

СЕКРЕТНАЯ КОМАНДИРОВКА

В последних числах июля 1927 года Московское телеграфное агентство передало на весь мир важное сообщение: органами ОГПУ в Ленинграде была раскрыта и разоблачена широко разветвленная английская шпионская организация.

Показательный процесс по делу 20 арестованных участников шпионской организации проходил в Ленинграде с 3 по 12 сентября 1927 года. На нем до конца был размотан грязный клубок шпионажа, организованного английской разведкой на территории СССР. В качестве плацдарма для проникновения шпионажа в Советскую республику была выбрана Финляндия, и это не было случайностью. Еще 17 апреля 1919 года влиятельная английская газета «Таймс», выражая определенные взгляды правящих кругов, писала: «Кратчайший и самый легкий путь в Советскую Россию лежит через Финляндию. Именно Финляндия является ключом к Петрограду, а Петроград — ключ к Москве».

Видную роль в ликвидации этой шпионской организации сыграл М. А. Трилиссер. Старого большевика, профессионального революционера, участника гражданской войны в Сибири Михаила Абрамовича в 1921 году, по предложению Ф. Э. Дзержинского, направили на работу в органы госбезопасности. Его назначили начальником одного из важнейших отделов, а позже, в 1926 году, и заместителем Председателя ОГПУ.

Свыше десяти лет жизни Трилиссер отдал тяжелой, но благородной работе, направленной на защиту Советской республики от внешних и внутренних врагов.

1

Среди многочисленных сообщений, поступивших однажды на имя Трилиссера в декабре 1925 года, было одно, которое необычайно заинтересовало старого чекиста. В сообщении говорилось об усилении подрывной деятельности английской разведки против Советской республики на границе с Финляндией. При этом указывалось, что разыскиваемый органами ГПУ бывший белый офицер, один из активных участников таганцевского заговора в 1921 году в Петрограде, Петр Соколов, тесно связан с английской разведкой. Проживает он то в Гельсингфорсе, то в Териоках, иногда нелегально приезжает в Ленинград. Однако к кому? Об этом в сообщении ничего не говорилось. Зато было известно другое — в «гостях» у Соколова нередка появляется известный профессиональный английский разведчик, морской офицер капитан Койс, который координирует всю шпионскую работу в Прибалтийских странах.

Прочитав сообщение, Трилиссер задумался: «Неужели Соколов — английский резидент. А почему бы и нет? Соколов вполне подходящая фигура. Злобный враг Советской власти, хорошо знает Ленинград и окрестности, имеет в городе массу родственников и друзей, хитрый и изворотливый, как угорь».

Трилиссер решил проверить эти предположения. Но каким образом? А что, если?..

2

На след организации напасть удалось не сразу. В январе 1926 года один из чекистов, Иван Вольнов, под видом инженера-судостроителя приехал в Ленинград в «служебную командировку». Накануне отъезда из Москвы его принял Трилиссер и показал ему две фотокарточки. На одной из них был изображен мужчина средних лет в форме гвардейского офицера царского времени. Темные прищуренные глаза его нагло улыбались, тонкие губы были слегка оттопырены. Это был известный чекистам Петр Соколов. На другой фотокарточке — довольно полный мужчина с большим, мясистым носом и с презрительной усмешкой. Из разговора с Трилиссером Вольнов узнал, что этот человек, судя по некоторым сведениям, связан со шпионской организацией и выполняет ее поручения. По национальности он не то швед, не то финн, работает в конторе Совторгфлота в Ленинграде. И вот уже около двух недель Вольнов живет в Ленинграде, но интересующих его людей не встретил. А между тем Москва торопит...

Однажды Вольнов в один из свободных вечеров зашел в Русский музей. До закрытия его оставался еще час. Вольнов до Октябрьской революции учился в Строгановском художественном училище, но закончить его не успел. Революция, гражданская война, работа в ЧК — не до учебы было. Но любовь к живописи молодой чекист сохранил на всю жизнь.

Осматривая залы, он остановился перед картиной Федора Васильева «Мокрый луг». Эта картина всегда поражала его.

— Любите живопись, молодой человек? — раздался позади Вольнова резкий голос.

Перед Вольновым стоял небольшого роста полный пожилой человек, одетый в коричневое пальто и в такого же цвета шляпе.

«Он!» — обожгла Вольнова мысль, но он тут же сказал себе: «Не спеши, Иван. Важно одно — не дать ему уйти».

Вольнов спокойно ответил, что когда-то мечтал стать художником, любит живопись, в особенности Васильева. Но жизнь рассудила по-другому: он стал инженером-судостроителем.

Незнакомец оказался словоохотливым собеседником. Он много рассказывал о себе, о живописи, сказал, что его зовут Арнольдом Христиановичем Ханнером и, узнав, что Вольнов приехал из Москвы в Совторгфлот, любезно согласился сопровождать его по городу в качестве экскурсовода.

3

Перед отъездом из Ленинграда Вольнов дал Ханнеру свой московский адрес, заранее подготовленный на этот случай. Через некоторое время Ханнер проездом в Одессу, куда он ехал в длительную командировку, остановился в Москве и посетил своего нового друга. Встреча вышла искренней и радушной. В прощальный вечер Ханнер пригласил Вольнова в ресторан. Среди звона бокалов, шарканья танцующих пар и шума джазовой музыки он попросил Вольнова оказать ему небольшую услугу.

Из разговора выяснилось, что Ханнер в 1924 году был в заграничной командировке и приобрел там друзей. Однако в настоящее время он боится переписываться с ними, опасаясь чекистов. Поэтому Ханнер просит разрешения воспользоваться адресом Вольнова для переписки со своими заграничными друзьями. Поступающие на имя Ханнера письма Вольнов мог бы пересылать в его адрес.

После некоторого колебания Вольнов дал согласие.

Через полтора месяца после отъезда Ханнера из Москвы на его имя в адрес Вольнова пришло письмо из Гельсингфорса. Оно было написано карандашом и носило характер скорее записки пустого содержания, нежели письма. Было ясно, что это шифр, однако расшифровать его тогда не удалось.

По возвращении Ханнера из Одессы Вольнов при передаче ему письма выразил некоторый испуг, сказав, что не является ли эта переписка чем-то запрещенным.

— Ничего страшного в ней нет, — похлопал его по плечу Ханнер. — Просто я удовлетворяю любопытство наших друзей, сообщая им о том, что делается в СССР. А разве вы забыли о своем желании помочь мне в этом?

— Нашим друзьям? — опешил Вольнов.

— Об этом я вам скажу попозже, — проговорил Ханнер. — А сейчас я вам делаю предложение: не согласитесь ли вы сами посылать некоторые сведения за границу? Платить вам будут хорошо. Я знаю, что вы в деньгах нуждаетесь, да вы и сами мне рассказывали о том, что получаете мало, одеваетесь плохо, а жить хотите красиво.

Все, что угодно, но такого предложения Вольнов от Ханнера не ожидал. Шпион сам шел в раскинутые сети.

«Можно сразу, конечно, согласиться, — подумал Вольнов, — но это может вызвать подозрение у Ханнера. Нет, надо потянуть и заодно посоветоваться с Михаилом Абрамовичем».

— Да, это верно. Красивой, беззаботной жизни хочется, — задумчиво протянул Вольнов, — но не такой ценой, чтобы каждый день дрожать при одной только мысли, что в одно прекрасное время тебя шлепнут, как последнюю сволочь.

— Трусите, молодой человек? А бояться, собственно говоря, нечего. Будем работать с вами так, что комар носа не подточит, — насмешливо сказал Ханнер. — А отступать вам все равно некуда. За то, что вы передали мне письмо секретного характера, чекисты вас уже не помилуют. Подумайте, чем для вас может закончиться знакомство с ОГПУ, — жестко добавил Ханнер.

Вольнов сказал, что подумает.

О своем разговоре с Ханнером Вольнов немедленно сообщил Трилиссеру, от которого последовало указание: «Согласиться».

Через три дня Вольнов, встретившись с Ханнером, принял его предложение. Ханнер объяснил Вольнову, что его «друзья» — это люди из английской разведки и он немедленно сообщит им о его согласии.

В конце разговора Ханнер сказал Вольнову, что через некоторое время к нему придет человек. Тут же они условились о пароле. Незнакомец предварительно позвонит Вольнову по телефону и скажет, что он от Леонида Ивановича по поводу драмкружка. Тот должен спросить: «Какую пьесу вы хотите ставить?» — И в ответ услышать. «Зеленый попугай» Шницлера». При встрече все это повторяется и, кроме того, сверяются часы, стрелки которых должны показывать ровно шесть часов. Через несколько дней Ханнер перевел на имя Вольнова триста рублей, а сам уехал в Ленинград.

4

Время шло. Наконец в начале января 1927 года к Вольнову вечером после предварительного звонка зашел неизвестный человек, высокого роста, блондин, с узким и длинным лицом. Одет он был в теплую меховую куртку. Назвавшись Анатолием Евдокимовичем Михайловым, сообщил пароль и сказал, что он приехал из Ленинграда и у него имеется уже обратный билет на ночной поезд.

Из беседы выяснилось, что Михайлов постоянно живет в Выборге, границу переходит нелегально. Узнав, что подготовленные для него «материалы» находятся у Вольнова на работе, он сказал, что за ними через несколько дней приедет его брат, Георгий.

Паролем его встречи с ними должна служить двадцатипятирублевая керенка, которую Михайлов при Вольнове вынул из бумажника, разорвал наискосок на две части и дал одну половинку Вольнову, а другую оставил у себя, сказав, что ее предъявит его брат, когда придет к Вольнову.

Михайлов предупредил Вольнова о конспирации переписки и обещал прислать с братом для этой цели секретные химические чернила.

По приезде в Ленинград Михайлов с вокзала позвонил кому-то по телефону. Около восьми часов вечера он в сопровождении молодого человека выехал из города в деревню Лахта, недалеко от Ленинграда. Оставив Михайлова в доме

кулака Митягина, молодой человек вернулся в город.

Проверкой было установлено, что молодой человек является Георгием Хлопушиным, сыном бывшего торговца, работающим счетоводом на табачной фабрике имени Урицкого. Выяснилось также, что его брат, Антон Хлопушин, разыскивался органами ОГПУ как контрабандист. Учитывая, что Михайлов при встрече с Вольновым назвал своего брата Георгием, служащим Ленинградского табачного треста, можно было предполагать, что сам он в действительности является не Михайловым, а Антоном Хлопушиным.

5

После отъезда Михайлова из Москвы Вольнов старался из дома не отлучаться. Ждал прихода Георгия. На пятый день он обнаружил в своем почтовом ящике на двери квартиры письмо, опущенное в Москве. В конверте оказалась маленькая записка следующего содержания: «Многоуважаемый! Брат мой заболел. За сметой расходов по драмкружку заедет другой. Условия старые. «Половинка 25» уже недействительна. Уважающий Вас Х».

В этот же день вечером к Вольнову на квартиру зашли двое неизвестных. Один из них остался в прихожей, держа руки в карманах, а второй вслед за Вольновым вошел в комнату. Закрыв за собой дверь, он вынул из кармана часы, стрелки которых показывали ровно шесть, и попросил сверить время с часами Вольнова. Убедившись, что расхождения во времени нет, сказал:

— Леонид Иванович передает вам привет и вот этот маленький подарок... — Неизвестный передал Вольнову пакет и тут же удалился.

В пакете оказалось письмо, два белых порошка и рецепт по тайнописи.

Вольнов немедленно поехал к Трилиссеру, зная, что тот с нетерпением ждет его сообщения.

В письме говорилось про какую-то мебель, но когда его обработали химическим составом при помощи полученного рецепта, проявился следующий текст:

«Многоуважаемый! Через некоторое время мы постараемся выслать Вам, через живую связь, деньги и просим приготовить к этой оказии собранные сведения. Нас интересуют, в частности, такие вопросы:

1. Строились ли за последние два года какие-либо подводные лодки и если да, то какие именно (подробности)?

2. В каком состоянии находятся броненосные крейсера типа «Бородино»? Что с ними делают или уже сделано?

3. Названия действующих и строящихся легких крейсеров флота. (Состояние действующих и примерные сроки окончания строительства новых легких крейсеров.)

4. Имеете ли Вы возможность получать сведения о кораблях и портах северных морей?

5. Имеете ли Вы связи на авиационных заводах и в воинских частях?

Мы согласны выжидать конкретных результатов Вашей работы и рассмотреть Вашу смету расходов. Было бы желательно узнать Ваши условия.

Уважающий Вас Х.».

— Да, вопросы «скромные», — сказал Трилиссер, — но тем лучше, они будут представлены суду, как вещественные доказательства. Вам, товарищ Вольнов, придется еще посидеть дома, пока не явится их «оказия», а встречу мы им приготовим.

— Получены ли какие-либо новые сведения о Михайлове? — поинтересовался Вольнов.

— Теперь уже точно установлено, что Михайлов является Антоном Хлопушиным, связным Соколова, — сказал Трилиссер. — В отсутствие Антона связь с агентурой поддерживает его брат Георгий. В Лахте, в доме кулака Митягина, у них явочная квартира. Соколов им очень доверяет. Совсем недавно, в мае этого года, сопровождая Соколова при переходе границы, когда тот шел обратно с нашей стороны, в вооруженной перестрелке они убили нашего пограничника. Завтра узнаем личности посланцев, которые сегодня были у вас. Плохо только то, что мы, кажется, потеряли Антона Хлопушина. Из деревни сообщили, что его там нет. Не исключено, что он ушел за границу.

— Он не заподозрил что-нибудь? — спросил Вольнов.

— По-моему, нет. Иначе не было бы посыльных. Однако возможно, что со стороны наших товарищей в Лахте была допущена неосторожность, заставившая Антона Хлопушина скрыться. Если это так, он еще не успел сообщить об этом брату, Георгию, по поручению которого, видимо, и приезжали сегодня связные. Надо все это проверить, — закончил Трилиссер и пожелал Вольнову успехов.

6

Вскоре выяснилось, что посетившие Вольнова двое неизвестных прибыли к нему из Ленинграда. Одним из них оказался Груздев Александр Иванович, бывший подпоручик царской армии, проживавший под Ленинградом на станции Песочная, работавший в оптической мастерской. Личность второго установить в то время не представилось возможным.

Несмотря на принятые меры, установить местопребывание Антона Хлопушина чекистам тоже не удалось. Укрепились подозрения о его бегстве в Финляндию. К тому же «оказия» к Вольнову не появилась, а уже известные органам ОГПУ английские агенты Георгий Хлопушин, Хайнер, Груздев, Митягин ничем себя не проявляли.

Создалось такое положение, что медлить с ликвидацией этой шпионской группы было опасно. Ее участники, если до них дошли сведения от Антона Хлопушина о том, что он попал в поле зрения ГПУ, могли перейти на нелегальное положение и скрыться. Учитывая эти обстоятельства, было принято решение о немедленном аресте установленных шпионов.

На допросах арестованные назвали других участников шпионской организации и их адреса. При обысках было обнаружено много оружия, боеприпасов, военно-топографических карт, иностранной валюты, документов секретного содержания, из которых было видно, что арестованные агенты являлись прямыми исполнителями воли английской разведки.

Так была ликвидирована крайне опасная шпионская организация. Ее участники понесли заслуженное наказание.

1

А. МАКАРЕНКО

УКРАШЕННЫЕ БУДНИ

Харьков. Из Харькова бежит шоссе на Белгород. Впереди по шоссе обычный для нашего времени вид: целый новый город — к нему уже суетливо поспешают трамвайные вагончики, а справа и слева — молодой дубняк. Здесь хорошо: и ново все, и строимся, и воздух не харьковский.

Вдруг справа возникает арка, почти триумфальная — два обелиска, наивно скрывающих под серой краской сосновый материал, а на обелисках повешена сетчатая вывеска: «Трудовая коммуна имени Дзержинского»; дело сразу становится понятным: арку строили коммунары.

Коммунары-дзержинцы! Они способны построить именно такую арку — очень скромную, веселую и в то же время почти триумфальную.

Коммунаров-дзержинцев знают не только в Харькове, народ это подвижной и склонный к путешествию. Это, может, и не все знают, но зато каждый видел этих стройных мальчиков и девочек, марширующих по шести в ряд за своим великолепным оркестром с полным стариком дирижером впереди. 1 мая и 7 ноября они всегда открывают марш рабочих организаций и, проходя мимо трибуны, по-детски грациозно подбрасывают вверх руки, салютуют правительству.

А это въезд в их владения. Арка открывает дорогу, проложенную в лесу, дорогу, вымощенную, снабженную телефонными столбами и электрическим освещением.

Через лес идти недолго. За лесом — поле, а в конце его виден целый ряд серых корпусов, отдельным новым миром стоящих впереди темного леса. Два красных флага реют над ними. Скоро рядом с вами начинает мелькать узорчатая ограда, корпуса все ближе и ближе, и вот ваша машина останавливается у кирпичных ворот.

Широкий асфальтовый тротуар ведет к дому, справа и слева от вас протянулись в стороны широкие обильные цветники и дорожки.

Здесь и живут коммунары-дзержинцы.

В дверях вы обязательно столкнетесь с подтянутым, ловким мальчиком, который машинально уступит вам дорогу и немедленно забудет о вашем существовании, улетая куда-то по своим важным коммунарским делам.

В вестибюле часовой с винтовкой только в том случае обратит на вас внимание, если вы не сняли галош. Если же вы человек культурный, не бойтесь часового, и можете даже осведомиться у него, к кому обратиться, чтобы посмотреть коммуну. Он вас направит к начальнику коммуны, или к его помощнику, или к дежурному командиру, или просто передаст на руки первому свободному коммунару. Вы теперь обеспечены любезным чичероне, вас проведут по всем помещениям коммуны, покажут клубы, спальни, завод, школьные кабинеты и ответят на все ваши вопросы, даже самые ехидные и недоверчивые.

Если вы попали в рабочее время, вы почти не увидите коммунаров в коридорах или в спальнях. Только случайно вас может нагнать звонок на переменку, и мимо вас прольется из классов мальчишеский гомон, девичий смех, метнутся резиновые мячики малышей. Зато на заводе вы попадете в среду, щедро наполненную шумом, работой, движением, материалом, запахом серьезного, большого завода и, самое главное — коммунарами.

И на заводе, и в спальнях, и в клубах, и в столовой вас обязательно поразит какая-то совершенно исключительная опрятность и нарядность этого особого мира — мира до конца социалистического. Все здесь блестит и радуется: безукоризненный паркет, зеркала, блестящие никелем и чистотой станки, правильно сложенные детали и полуфабрикаты, портреты, гардины, цветы, солнечные пятна на стенах, сверкающие улыбки молодежи, снова цветы и снова улыбки. Цветов много: в столовой, в спальнях, в клубах; много и радости, но все это каким-то чудесным образом не кажется вам праздником. Нет, это будни. Это вы чувствуете на каждом шагу, так много здесь делового движения, так мало здесь торчащего излишества, так все по-деловому прилажено и скромно. Да, это совершенно новый мир, здесь новая радость и даже цветы кажутся новыми. И это мир рабочий.

Вам непременно захочется проникнуть в самое существо этого мира. Что это за коммунары-дзержинцы?

2

ИДИЛЛИЯ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ?

Вам захочется проникнуть в самое существо этого мира. Вас к тому же немного смущает внешняя идилличность коммуны, и вы не можете связать ее с другими вашими впечатлениями: с серьезной заводской работой, с уверенным и четким ритмом коммунарской жизни. Поэтому и самый завод, и ритм, и настоящий рабфак вам иногда начинают казаться тоже идиллией. Потом вы начинаете догадываться, что идилличны не коммунары, а вы сами. Они вас растрогали и удивили, а пока вы стоите и умиляетесь, они разбежались куда-то по своим делам и забыли о вас — им некогда. Вы начинаете соображать, что они счастливы тем счастьем, за которое и вы, может быть, боролись и истратили не один метр ваших нервов.

И тогда ваша мысль поневоле направляется к источнику этого прекрасного дела: кто это придумал? кто это так разумно, с такой любовью к детям, с таким уверенным знанием создал это детское счастье? кто это смог не испугаться идиллии, советской идиллии, о которой и вы мечтали и которая, как потом оказалось, называется социализмом? Счастье здесь не от папашиного капитала, не от жизни беззаботной, не от паразитического обжорства, не в слое жирка, покрывающего мускулы, а счастье в рабочем усилии, в ощущении своих мускулов, в просторной дороге вперед, по которой идут миллионы трудящихся, в этом слиянии с мировым делом. Счастье в том, что уже не может быть стыдно от паркета, цветов и зеркал, счастье в настоящей человеческой свободе.

И вы начинаете понимать, что это и ваше дело, что это дело нашей революции, что фундаменты его заложены на неизмеримых полях великих и победных классовых битв. А чекисты были последовательны и логичны: увековечить память Дзержинского после его смерти они решили этим уголком социализма, тем более что социализм — это не остановка, это тоже движение, и движение вперед.

Коммуна открыта 29 декабря 1927 года. Чекисты Украины вовсе не были так богаты, чтобы строить дорогой завод, большие корпуса. Все дело в том, что чекисты обладали очень небольшими средствами, собранными путем вычетов из их жалованья. Они вложили в дело другой капитал: силы своего коллектива, свою мысль, свое преклонение перед памятью Дзержинского; они реализовали новые представления о человеке, позволяющие беспризорного поставить в первые ряды общества, в первые ряды не только по характеру прав, но и по характеру обязанностей, по требованию к человеку.

Коммуна 1927 года была совсем маленьким детским коллективом — всего на пятьдесят человек, — который владел только одним домом, небольшой мастерской полукустарного типа, в которой даже эти пятьдесят поместиться не могли. Дети эти не умели работать и не знали, что они должны делать; они были малограмотны и малокультурны: «цветы» интервенции и войны, беспризорные.

Но чекистский коллектив в эту небольшую ячейку вложил большие запасы энергии, большевистской настойчивости и возможности далекого развития, вложил в форме крупной человеческой заботы и мысли о детях. Коммунары пришли в светлые, солнечные комнаты, в уют и тепло; им были сказаны настоящие человеческие слова о работе и жизни, и полдесятка станков и две классные комнаты были поставлены перед ними как отправная точка будущей их работы.

Было это небольшое хозяйство до конца продумано, прилажено, строго проверено до последней мелочи, и в него была уже с первого дня вложена идея того же счастья, о котором мы говорили выше.

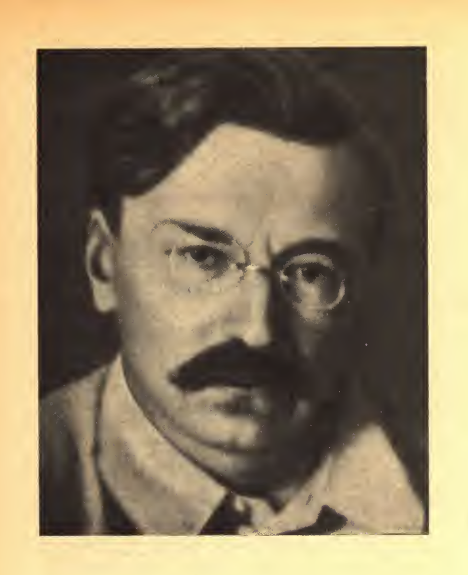
Сейчас, когда прошло пять лет, когда коммуна живет полной жизнью, коммунары вспоминают имена своих первых начинателей с благодарностью и любовью.

Скажите перед коммунарами эти имена — и их лица расцветают улыбками, гремят аплодисменты, и после того еще долго не может замереть щебетанье детских, девичьих, юношеских голосов, взволнованных родными образами, воскрешенными перед ними. Тогда в коммуне ярко вспоминаются и первые детские дни и первые годы, наполненные проблемами и стремлениями, иногда недалекие и от нужды, бороться с которой коммунары были всегда в силах.

Вспоминаются и первые достижения — кустарная мебельная фабрика и арматурный цех, и напряженная борьба за настоящий завод, годами проводившаяся в деревянных дырявых цехах, среди чахоточных, дряхлых станков, борьба с кустарщиной и дешевкой. Вспоминаются и поражения и победы: поражения учили коммунаров работать, победы вели к новым победам, вели вперед.

«ЧЕКИСТОМ МОЖЕТ БЫТЬ ЛИШЬ ЧЕЛОВЕК С ХОЛОДНОЙ ГОЛОВОЙ, ГОРЯЧИМ СЕРДЦЕМ И ЧИСТЫМИ РУКАМИ. ТОТ, КТО СТАЛ ЧЕРСТВЫМ, НЕ ГОДИТСЯ БОЛЬШЕ ДЛЯ РАБОТЫ В ЧК. ЧЕКИСТ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЧИЩЕ И ЧЕСТНЕЕ ЛЮБОГО — ОН ДОЛЖЕН БЫТЬ, КАК КРИСТАЛЛ, ПРОЗРАЧНЫМ».

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ



„МЫ — ВООРУЖЕННАЯ ЧАСТЬ ПАРТИИ"

Он мог бы стать выдающимся ученым нашего времени — запас знаний у него был огромен, а умение распорядиться ими — удивительно.

Он мог бы стать замечательнейшим педагогом — ему были присущи душевная щедрость, талант воспитателя, личное обаяние, умение расположить к себе самых разных людей.

Он мог бы стать прекрасным организатором промышленности, экономики — таким, с именами которых связывают эпохальные реконструкции, блестящие достижения, — он обладал великолепными качествами руководителя.

«Он боролся как ленинец», — сказал о нем В. В. Куйбышев.

Перед вами фотографии этого человека: ученого, педагога, государственного деятеля. Вы его знаете — это Менжинский. По воле партии он стал чекистом, сплавив в своей деятельности все качества, о которых говорилось выше.

В многочисленных шпионских логовах на запад и восток от советских границ, в разведывательных центрах и эмигрантских гнездовьях царило приподнятое настроение.

Страна Советов приспустила знамена — черные ленты легли на алый кумач, тысячи людей шли на суровые траурные митинги.

Умер Дзержинский...

20 июля 1926 года Феликс Эдмундович выступал на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Ярко и страстно бросал он в лицо троцкистам факты, вскрывавшие антисоветскую, антипартийную сущность оппозиции. Его выступлению мешали, сторонники Троцкого орали. Изворачиваясь, Каменев крикнул:

— Вы четыре года нарком! А я только четыре месяца...

Феликс Эдмундович презрительно ответил:

— А вы будете сорок четыре года и никуда не годны, потому что вы занимаетесь политиканством, а не работой. А вы знаете отлично, моя сила заключается в чем? Я не щажу себя никогда... Я никогда не кривлю душой; если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них...

Он не щадил себя никогда — умер на боевом посту.

В эти дни в западных газетах появились сенсационные статьи. «Кто придет вместо Дзержинского в ОГПУ?» — тревожились обер-мастера шпионажа. Это было не праздное любопытство. Последние годы принесли немало огорчений любителям шпионажа и диверсий на территории нашей страны. Как мыльные пузыри, лопались тщательно отработанные планы экономического вредительства.

Советские чекисты обнародовали неопровержимые доказательства того, что германские фирмы «Кестер», «Сименс-Шуккерт», «Всеобщая электрическая компания», английский концессионер Уркварт занимались в СССР далеко не мирными делами.

Точно так же не увенчались успехом попытки немецких террористов проникнуть в СССР под видом делегации «ученых».

Были обезврежены эсер-террорист Борис Савинков и английский шпион Сидней Джордж Рейли.

Список побед советских чекистов был весьма длинным и основательным. Многие из них неизменно связывались с именем заместителя Председателя ОГПУ В. Р. Менжинского.

Руководители западных разведок, как только телеграф принес известие о кончине Дзержинского, срочно запросили у своих информационных служб досье на заместителя Председателя ОГПУ. Это был тот редкий случай, когда они не ошибались. Прошло всего десять дней, и 30 июля 1926 года Президиум Центрального Исполнительного Комитета назначил Вячеслава Рудольфовича Менжинского Председателем Объединенного государственного политического управления Союза ССР. Меч и щит пролетарской диктатуры был вручен человеку, беспредельно преданному партии и народу.

Вячеслав Рудольфович несколько лет был ближайшим помощником Дзержинского. Он очень тяжело переживал боль непоправимой утраты. И уже тогда думал о том, как сберечь, приумножить традиции, созданные «железным Феликсом».

По поручению Коллегии ОГПУ В. Р. Менжинский написал приказ-обращение ко всем чекистам в связи со смертью Феликса Эдмундовича. Литые строки:

«Мы должны чрезвычайно беречь и укреплять тот неисчерпаемый запас доверия, тот громадный авторитет в рабочем классе, которые ВЧК—ОГПУ приобрели в истекшие годы напряженной борьбы. Всемирная непрекращающаяся поддержка трудящихся явится залогом наших дальнейших успехов и побед.

Теснее же сомкнем наши ряды! Единой, непоколебимой чекистской стеной мы отразим все атаки контрреволюции.

Еще больше, чем прежде, проявим свою чекистскую дисциплину, выдержанность и бдительность!

Еще с большим, чем прежде, энтузиазмом будем стоять на защите завоеваний пролетарской революции!

Опора на рабочий класс, руководство партии, верность революции! Три исходных пункта успеха в суровой и напряженной борьбе».

Люди, близко знавшие Вячеслава Рудольфовича, говорят о нем как о необычайно мягком, добром, интеллигентном в самом широком смысле этого слова человеке.

Это был:

стойкий боец и мужественный большевик,

публицист ленинской школы,

неутомимый труженик и необычайно скромный человек,

гроза контрреволюции — его имя наводило трепет на врагов,

скромнейший человек — каждый, кто его знал, на всю жизнь сохранил обаяние его личности,

честный до педантизма, щепетилен даже в мелочах, во второстепенном,

государственный деятель широкого диапазона.

Вячеслав Рудольфович вырос в семье учителя. В восемнадцать лет стал революционером. Он окончил Петербургский университет и стал юристом. Уже с 1902 года — член РСДРП. А дальше — напряженнейшие годы революционной борьбы, классовые бои. Партия поручала Менжинскому трудные и опасные задания. Он был членом Ярославского партийного комитета. В революцию 1905 года вел агитационную работу в армии. Был членом петербургской военной организации большевиков, членом редакции газеты «Казарма». Его арестовали прямо на заседа-

нии комитета. Менжинский бежал из тюрьмы. Начались годы эмигрантских скитаний: Бельгия, Швейцария, Франция. Возвратился в Россию после Февральской революции 1917 года и сразу же включился в подготовку Великой Октябрьской социалистической революции. Он стал членом бюро большевистской военной организации, редактором газеты «Вперед». После Октября Менжинский — нарком финансов, генеральный консул в Германии. С 1919 года — член Президиума ВЧК.

Революция, партия направили его на один из своих самых ответственных и опасных фронтов — на тот, где даже в мирные дни не прекращались боевые действия. И когда был получен такой приказ, Вячеслав Рудольфович посвятил его выполнению всю свою жизнь.

Всмотритесь в эти фотографии, наши дорогие читатели. Всмотритесь в глаза тому, кто для вас, во имя будущего, разрубал сложнейшую паутину заговоров, кто работал по многу часов в сутки, чтобы не проник в наш общий дом враг, кто соединил в себе железную волю и ум мыслителя.

Вот Вячеслав Рудольфович на учениях. Вот ему сдают рапорт. Здесь он беседует с молодыми чекистами и пограничниками.

Рядом с пулеметом, с бойцами чекистских подразделений он кажется немного странным: утомленный человек в солидном «профессорском» пальто, пенсне — очень «штатский», мирный человек. А он таким и был: очень мягким к друзьям, добрым и чутким, но решительным и беспощадным, если дело касалось врагов революции.

Решительность и беспощадность не имела ничего общего с грубостью, унижением достоинства. Это была мягкость сильного человека. Рассказывают, что даже допросы матерых врагов он начинал словами: «Будьте любезны...»

Менжинский не признавал никаких скидок на специфику работы, на особенный род деятельности, коей занималось ОГПУ.

Годы подполья и эмиграции закалили его. Эти же годы стали школой постоянной учебы.

Его девизом были слова, которые встречаются во многих отданных им приказах: «Не тратить времени даром!»

«Не тратить времени даром — укрепляться и физически и духовно. Вооруженная часть партии не может состоять из калек и неучей!»

Товарищи и в шутку и всерьез относили Вячеслава Рудольфовича к энциклопедистам. Действительно, казалось, не было отрасли науки, которая не была бы ему знакома.

В его личной библиотеке книги были в заметках, закладках, выписках.

Каждый день — встречи с учеными, литераторами, общественными деятелями.

К нему шли со множеством проектов и предложений. Если проекты были дельными, Вячеслав Рудольфович немедленно искал пути их осуществления.

У него были рабочие планы на каждый день, на год, на много лет вперед. Вот его запись:

«Что сделать зимой 1925—1926 годов.

...Военное дело. Верховая езда, стрельба, посещение школы и т. д.

...Авиация: полеты, конструкции и пр.».

Еще одна рабочая запись, сделанная уже в последние годы жизни. Она касается изучения китайского, японского, фарсидского и турецкого языков.

Когда Вячеслав Рудольфович успевал все это? Частичным ответом может служить записка его сестры Людмилы:

«Который раз захожу к тебе и не застаю тебя дома. Нельзя так жить — с раннего утра до поздней ночи утомлять себя, плохо есть, плохо спать. Ты опять доведешь себя до полного истощения. Побереги себя...»

Но он не умел да и не хотел беречь себя. Вячеслав Рудольфович считал, что коммунизму надо отдавать без остатка и силы, и энергию, и ум. И не было такого дела, которое он считал бы «чужим» для чекистов.

Продолжая традиции Дзержинского, Вячеслав Рудольфович много сил отдавал трудовым школам-коммунам ОГПУ. Французский писатель-коммунист Анри Барбюс дважды посетил трудкоммуну ОГПУ № 1 — в 1927 и 1932 годах. Вот отрывок из первой его записи в книге посетителей:

«Я счастлив, что посетил эту коммуну, трудовую коммуну ОГПУ. В особенности я восторгался самим принципом этой организации и великой руководящей ее идеей: сделать из молодых людей, которые плохо начали свою жизнь, хороших работников и настоящих граждан...»

А вот запись, сделанная через пять лет:

«Я восторгаюсь тем, как организована ваша трудовая жизнь. Я восторгаюсь тем, как у вас поставлено санитарное дело, организация раз-

Менжинский среди чекистов.

ных обслуживающих учреждений, иоторые удовлетворяют иаи технические, социальные, таи и политические требования сегодняшнего дня. Какая кричащая разница, иаиое отличие от того, что мы видим в других странах в системе обучения, в подходе и несовершеннолетним, иоторые спотиулись и совершили ошибии!..»

Вячеслав Рудольфович много раз бывал в коммунах: подсказывал, советовал, требовал. Ему нелегко было выкроить в своем напряженном рабочем распорядке несиольио часов, но он их находил — речь шла о людях.

Не «чужими» были для Менжинсиого и литература, искусство. Больше того — он не раз высказывал мысль, что чеиисты обязаны охранять для народа сокровища искусства. Однажды в семье Менжинских разгорелся спор о творчестве Маяковсиого. Кто-то процитировал:

Белогвардейца
найдете — и к стенке.
А Рафаэля забыли?
Время
пулям
по стенам музеев тенькать...

Вячеслав Рудольфович тогда сказал:

— Придется нам, видимо, с Феликсом Эдмундовичем в дело вмешаться. Кто же другой Рафаэля защитит? Нариомпрос защитить не хочет...

У него было глубокое убеждение партийца, что нет таиих дел, мимо которых можно пройти равнодушно, если они требуют партийной заботы и внимания.

А теперь попробуйте хотя бы грубыми контурами очертить круг интересов этого человека: от спортобщества до фарсидского языка!

Есть особые люди. Все, к чему прикасаются их руки и ум, оживает. Даже самые будничные дела они умеют выполнять, иаи задачи государственной важности. А Вячеслав Рудольфович работал над решением задач, от которых зависела безопасность государства!

Время было сложное и трудное. Страна вступила на путь индустриализации. Создавались колхозы. От Севера до Юга, от Запада до Востока на необъятных просторах шла социалистическая стройка. Закладывались гиганты индустрии, перепахивались межи на полях. В труде, в ритме созидания закалялся советский характер. Документы, газетные страницы тех лет доносят до нас напряжение, героизм, тревогу решающих битв за будущее. В них — рапорты о победах, сводки с «полей сражений».

Страна шла в новую жизнь. Ей мешали, пытались затормозить это неуклонное движение. Атаки следовали одна за другой и с многих сторон.

Внутри страны — троцкистская оппозиция: она уже перешла к нелегальной антипартийной и антисоветской деятельности, устанавливала контакты с белогвардейщиной, создавала подпольные типографии.

Внутри страны — недобитая контрреволюция, кулачье, вредительство.

За рубежом — всевозможные, самых разных оттенков «центры», «союзы», «общества», при-

«МЫ — ВООРУЖЕННАЯ ЧАСТЬ ПАРТИИ»

стальное «внимание» империалистических разведок, провокации на границах.

Уже несколько десятилетий отделили нас от того времени. О нем мы узнаем из учебников, просматривая старые киноленты. И, как всегда, на первом плане, в первых кинокадрах тех лет — школы, стройки, заводы, новые города в тайге. Героикой наполнены рожденные тогда слова: ударник, стахановец, встречный план, рекорд. И глухо, как отголоски далеких бурь, доносятся до нас рассказы о жестоких классовых битвах, о том, как пулей и диверсией пытались замедлить стремительное движение страны. К сожалению, новые поколения, для которых те годы стали историей, мало знают о людях, прикрывавших собою страну от вражьего удара, от недоброго взгляда. Они называли себя солдатами Дзержинского. Народ назвал многих из них героями.

Многогранная деятельность Менжинского вызывает восхищение и удивление. Но надо помнить, что у него была основная работа — защита завоеваний революции. Слово «работа» здесь употреблено не случайно. Ибо то, что для других становится подвигом, событием месяца, года, для него было повседневностью. Он жил в постоянной схватке, на переднем плане, в гуще борьбы много лет подряд.

Наверное, невозможно перечислить все заговоры, которые были разоблачены при его участии и под его руководством. Вот очень краткий перечень некоторых из них. Пусть он даст хотя бы небольшое представление о грозовой атмосфере тех лет, о том труде, который выполняли для нас чекисты.

Разоблачена группа белогвардейских офицеров, которая была связана с иностранной разведкой и по ее заданию готовила взрыв в Кремле.

Задержана при попытке перейти границу группа террористов-монархистов, осуществивших взрыв в Деловом клубе в Ленинграде.

Обезврежены диверсанты, готовившие диверсии на различных предприятиях.

Ликвидированы шпионско-вредительские организации, окопавшиеся на транспорте, в угольной, золото-платиновой и других отраслях промышленности.

Раскрыта крупная контрреволюционная организация, известная под названием «Промпартия».

Разоблачено меньшевистское «Союзное бюро РСДРП», члены которого занимали различные посты в жизненно важных для экономики страны плановых и финансовых органах.

Вскрыта и разгромлена большая шпионская организация, созданная английской разведкой под прикрытием фирмы «Метро-Виккерс».

Ликвидировано басмачество в Средней Азии, разгромлен в жестоких схватках Ибрагим-бек, прорвавшийся сквозь границу с многочисленными вооруженными бандами.

Сколько их было, крупных и мелких банд, террористических групп, шпионских организаций, пытавшихся вредить социалистическому строительству! Нет, в связи со смертью Дзержинского меч пролетарской диктатуры не стал менее острым и разящим для врагов!

Надо отметить, что в эти годы контрреволюция избирала самые различные формы и методы борьбы с Советской властью: террор и диверсии, шпионаж в пользу империалистических разведок, заговоры, кулацкий террор, разжигание буржуазно-националистического угара, саботаж и вредительство в экономике и промышленности, клевета на советский строй. Наверное, можно утверждать, что именно тогда подрывная деятельность империалистических разведок против Страны Советов стала как бы одной из заранее планируемых отраслей империалистической политики. Стратеги провокаций, убедившиеся в безусловной крепости СССР, меняли тактику.

Надо было не только вовремя заметить эти изменения, но и противопоставить им мощный заслон. Ведь речь шла об охране мирного труда миллионов людей, о судьбах новой жизни.

В. Р. Менжинский заботится о надежной охране границ. Он завершил начатую еще Ф. Э. Дзержинским реорганизацию погранвойск. Вячеславу Рудольфовичу принадлежат слова: «Пусть пограничная полоса будет неприступной для агентов классового врага!»

В эти годы Менжинский много сил отдает совершенствованию методов работы органов государственной безопасности, укреплению их связей с народом, с рабочим классом.

Сохранился набросок статьи Менжинского для «Правды». В нем он анализирует обстановку, сложившуюся в начале тридцатых годов. Врагам приходится плохо. Они понимают, что взрывами предприятий и поджогами строек пятилетку не сорвать. Враг нервничает, прибегает к террору. И чем мы становимся сильнее, тем больше нервничают враги... Вячеслав Рудольфович призывает:

«Не дайте себя околпачить... не будьте самодовольными.

Проверяйте себя, свою организацию, используйте передышку для усовершенствования чекистской работы.

Всякий упрек принимайте к сердцу...»

Немного раньше Менжинский напоминал: «Черствый чекист не годится больше для работы в ЧК».

Смысл этих слов великолепен и мудр: только человек, живущий одной жизнью с народом, может горячо и самоотверженно защищать его интересы.

«Дзержинский сумел в чекистской работе, — отмечал В. Р. Менжинский, — опереться на рабочий класс, и контрреволюция, несмотря на технику, старые связи, деньги и помощь иностранных государств, оказалась разбитой наголову. И как бы она ни пыталась поднять голову на деньги англичан или других заграничных давальцев, она будет снова побеждена, пока в ЧК—ГПУ живы заветы Дзержинского, сделавшие ее вооруженной частью партии».

12 июля 1928 года был издан приказ ОГПУ № 141, в котором объявлялась благодарность группе рабочих и крестьян. Наверное, это был первый в мировой практике случай, когда такое учреждение, как ОГПУ, официально благодарило рабочих и крестьян за помощь. История этого приказа такова. 6 июля 1928 года два монархиста бросили бомбу в бюро пропусков ОГПУ. После взрыва террористы бежали в направлении Серпуховского шоссе, стремясь уйти как можно дальше от Москвы, затеряться в глуши и выйти к границе.

«10 лет ВЧК — ОГПУ шла от победы к победе над врагами Советской власти и во время гражданской войны и в условиях нэпа: кто бы ни стоял на пути пролетарской диктатуры — спекулянт, саботажник, бандит, белогвардеец, шпион, иностранец, вчерашний товарищ, сегодня злейший предатель и враг, какую бы задачу ни ставила Коммунистическая партия чекистам, они беззаветно бросались в бой, очищая СССР от меньшевиков и эсеров, анархистов и бандитов, раскрывали хитрейшие заговоры иностранных шпионов, уничтожали белогвардейцев и террористов, пуская в ход все средства — от террора до силы коммунистических идей, и побеждали.

Не мудрено.

Ленин — создатель, Дзержинский — организатор, ЦК ВКП(б) — вождь, а рабочий класс — опора ВЧК — ОГПУ.

...Расчищая поле для строительства социализма, 10 лет без перерыва, днем и ночью, без отдыха и срока работает ЧК, не щадя ни врага, ни себя.

Не перечесть наших жертв. Первым от пули из-за угла пал незабвенный Урицкий; истинно чекистской смертью, сгорев на работе, кончил Дзержинский... прерванный смертью на полуслове, когда он разил оппозицию.

Тяжелы наши потери, но школа Дзержинского и бесчисленные примеры героической верности партии и коммунизму рядовых бойцов ВЧК — ОГПУ сделали ее несокрушимым органом диктатуры пролетариата.

Перед новыми боями с контрреволюцией, подстрекаемой иностранными империалистами, коллегия ОГПУ выражает уверенность, что товарищи-чекисты и впредь сумеют охранить от всех врагов рабочего класса его диктатуру по примеру бойцов-чекистов, павших за коммунизм».

В. Р. МЕНЖИНСКИЙ

Менжинский приказал оповестить крестьян Подольского и Серпуховского уездов о приметах преступников, предполагаемом направлении бегства. Кое-кто возражал: стоит ли разглашать эти сведения, не будет ли это на руку врагам? Менжинский был непреклонен. Он твердо верил, что крестьяне и рабочие окажут необходимую помощь чекистам, поскольку речь идет не о ведомственном престиже, а о классовом враге.

И действительно, крестьяне Серпуховской и Домодедовской волостей приняли массовое участие в облавах, вместе с чекистами перекрыли все дороги и тропинки, немедленно сообщали о каждом подозрительном человеке. Уже через сутки террористы были пойманы.

Чуть раньше Менжинский приказал привлечь крестьян к поимке террористов-шпионов Захарченко-Шульц и Вознесенского. Об этом сообщила «Правда».

Так в классовых боях укреплялся нерушимый союз чекистов и трудящихся масс, завоевания которых они оберегали.

И в то же время Вячеслав Рудольфович резко выступал против любой попытки насадить шпиономанию, психоз, всеобщую подозрительность. Как государственный деятель, он всегда трезво оценивал соотношение сил.

Вячеслав Рудольфович не уставал напоминать, что источник побед советских чекистов — в руководстве партии:

«Ленин — создатель, Дзержинский — организатор, ЦК ВКП(б) — вождь, а рабочий класс — опора ВЧК — ОГПУ».

Октябрь подрубил под корень помещика и капиталиста, а ЧК рука об руку с Красной Армией принялись только корчевать и выжигать их дотла вместе с буреломом мелкобуржуазных социал-предательских партий.

«Расчищая поле для строительства социализма, без перерыва, днем и ночью, без отдыха и срока, работает ЧК, не щадя ни врага, ни себя...»

Председатель ОГПУ постоянно подчеркивал, что чекисты — это вооруженная часть партии, что главное для чекиста — выполнение партийных директив, участие в осуществлении политики партии:

«Помнить, что у ЧК один хозяин — партия... а не отдельные товарищи, как бы они ни были влиятельны и заслуженны...»

Это было не просто напоминание, столь необходимое в сложное время. Менжинский решительно восставал против любых проявлений приспособленчества, угодничества. Он и в этом продолжал традиции Феликса Эдмундовича.

В невероятном напряжении шли дни. Наш народ строил, учился, расширял и умножал завоевания революции. «Последние известия», газетные страницы сообщали о триумфальных победах в труде, науке, культуре. Страна шла от одной вершины к другой. Молодежь распевала «Песню о встречном», «Марш энтузиастов», песню из кинофильма «Путевка в жизнь». Чкалов, челюскинцы, Папанин, астронавты... Штурм шел на земле и в небе, покорялись расстояния, время, природа.

Каждый день на стол Председателя ОГПУ ложились сводки, отражающие жизнь страны, ее достижения и планы. И часто рядом с ними соседствовали материалы о тех, кто незваным гостем вторгался в эту жизнь. Красное и черное оказывались рядом. Кто-то из старых чекистов заметил, что очень важно для работника ВЧК видеть реальные пропорции, соотношение добра и зла. Как бы ни были коварны и хитроумны вражеские вылазки, Вячеслав Рудольфович умел оценить их по существу, не преувеличивал опасность, предостерегал против паникеров и против авантюристов.

В личной жизни он был необычайно скромным. Редкие свободные часы любил проводить в кругу близких и друзей. У него была удивительно добрая улыбка человека, много повидавшего в жизни и от этого еще более увлеченного ею. Это была улыбка для друзей. А враги... враги сталкивались с железной выдержкой, волей, непреклонностью.

Вячеслав Рудольфович был тяжело болен. Сказывались годы ссылки, эмиграции, не прошли бесследно бессонные ночи, огромный объем работы. И все-таки даже болезнь не могла изменить ритм его жизни. Мягко, но настойчиво отклонял он попытки друзей оградить от тревог, снять с его плеч часть тяжелой ноши. Потому что не нужна была ему другая жизнь: только такая — в едином ритме с народом. И, принимая высокую награду — орден Красного Знамени, Вячеслав Рудольфович был весьма смущен: он считал, что просто выполняет свой партийный долг, служа революции.

Коллегия ВЧК, а затем Коллегия ОГПУ наградили его двумя нагрудными знаками «Почетный чекист». Эти профессиональные награды были не просто данью уважения старшему товарищу — они отмечали заслуги выдающегося чекиста, талантливого тактика невидимого фронта, руководителя многих сложных операций по пресечению шпионажа и диверсий.

До последнего дня он работал. На дальневосточных границах зашевелились злобствующие эмигранты, участились провокационные вылазки белокитайских банд, и было не до отдыха. «Потом», — отмахивался Вячеслав Рудольфович на предложения отдохнуть и подлечиться. Это «потом» так никогда и не наступило...

Вячеслав Рудольфович Менжинский прожил жизнь яркую, беспокойную, полную тревог и побед. «Правда» после его смерти писала:

«Капиталистический мир сплетал тончайшую сеть для Советской страны. Он подкупал отборнейших людей из старой буржуазной интеллигенции и устраивал дьявольские заговоры. Они разбивались один за другим о непреклонную бдительность чекистов, прошедших суровую школу политической борьбы за дело пролетарского государства.

Эту школу чекистов создавал подлинный, в лучшем смысле слова, рыцарь пролетарской диктатуры Феликс Дзержинский. Традиции этой школы хранил другой рыцарь — Менжинский.

Имя самоотверженного чекиста носят заводы, школы, колхозы и совхозы.

Шагают по просторам Родины — той Родины, которую он охранял, — пионерские отряды имени Менжинского.

Годы идут — остается в строю мужественный чекист.

КОЛЛЕКЦИЯ ПАНА КОБЕЦКОГО

В Мвдриде, Барселоне и Валенсии нагло действовали крупные шпионские шайки во главе с немецкими и итальянскими резидентами. Не подлежало сомнению, что резиденты и их агентурв — люди весьма опытные, ловкие и глубоко законслирированные — орудуют в войсках и министерствах, в промышленности и в штабах; однако обнаружить их не удвввлось. Республиканская контрразведка своими силами спрввиться с ними не моглв. Нвдо было ликвидировать шпионские гнезда. Одно из твких поручений выпало на долю товарища Альфреда — чекиста Ствнислввв Ввупшасова.

...Стало нзвестно, что в Мадриде действует шпион-резндент Отто Кирхнер, прибывший из гитлеровской Германии. Прожнвает он в небольшом отеле «Севилья» на одной из главных улиц под личиной шведского коммерсанта Кобарда. Живет не один, а с помощницей Элеонорой, которую выдает за жену.

Вместе с отделом республиканской контрразведки за дело взялся товарищ Альфред.

Однажды кельнер нз отеля «Севилья» сообщил сеньору Кобарду, что некий Казимир Кобецкнй намерен выгодно продать коллекцню старинных картин фламандской школы.

Высокий, импозантный блондин в клетчатом костюме, сеньор Кобард, внимательно, чуть прищурив глаза, слушал пожилого кельнера. Он словно что-то лркидывал. Потом твердо пронзнес:

— Хорошо, я посмотрю ваши фламандские шедевры. Когда и где я могу видеть поляка?

— Когда н где угодно, сеньор. Вы смогли бы встретиться с ним завтра утром у себя в номере. Или приехать к нему на квартиру, он живет на улице Гранада, семнадцать...

— Пусть ждет меня в десять утра в левом холле внизу. И захватит с собой две-три картины из лучших.

— Слушаю, сеньор. Сегодня же передам ему.

В сумерки того же дня в маленьком сквере неподалеку от дачного вокзала встретились двое: высокнй пожилой господин в сером плаще и дымчатых очках и молодой мужчина среднего роста в спортивном костюме, с портфелем в руках. Они молча присели на край скамьн под старым платаном и, убедившись, что поблизости нет ни души, заговорили. Вернее, говорил пожилой, а молодой слушал, изредка вставляя два-три слова.

— Все идет хорошо, товарищ Альфред, — говорил пожилой, — кажется, его заинтересовали картнны.

— Он ннчего не заподозрил?

— По-моему, ничего. Но разве его раскусишь! Глаза настороженные и сверлят, будто хотят вывернуть наизнанку.

— Да... Спасибо, товарнщ Педро. Теперь разойдемся. До свидания!

— До завтра, товарищ Альфред!

Без пяти десять к подъезду отеля «Севилья» не спеша подошел сеньор Кобецкий. Выглядел он скромным, несколько смущенным обывателем, каких много на окраинах Мадрида. Сеньор прислонил принесенную с собой картину к стене и осторожно присел на краешек плюшевого дивана. В углу холла дремал пожилой испанец в белом костюме с газетой на коленях.

Появился кельнер Педро в кремовом кителе, с салфеткой в руке, бесшумно приблизился к Кобецкому.

— Доброе утро, сеньор! — пронзнес кельнер. — Давно пожаловали?

— Две минуты назад.

— Отлично. Сейчас позвоню сеньору Кобарду.

Кельнер исчез. Кобецкнй заметил, что спящий господин приоткрыл один глаз и вновь закрыл его. Через несколько минут в холл солидной походкой вошел Кобард-Кирхнер с сигарой во рту и, бросив испытующий взгляд на «поляка», подошел к нему.

— Сеньор Кобецкий, если не ошибаюсь?

— Да, это я. Здравствуйте!

Кобард с минуту сверлнл Кобецкого глазами, стараясь составить о нем впечатленне, а тот глядел на него так спокойно, так подобострастно улыбался, что Кобард, видимо, отбросил все сомнения.

— Вы намерены всучить мне какую-ннбудь грошовую дрянь или у вас действительно нечто порядочное? — жуя сигарету, спросил он. — Говорнте прямо!

Кобецкий усмехнулся смущенно и даже чуть виновато.

— То, что я предлагаю, сеньор, — произнес Кобецкий, — может украсить любую коллекцию. Если б не война, эта картина была бы продана в Америке за двадцать тысяч долларов, не меньше. Вам она достанется за четверть цены.

Кобецкий поднес картину к окну. Кобард долго смотрел на морской пейзаж старинной работы, затем перевел взгляд на подпись художника, тщательно осмотрел багет, холст с изнанки.

— Сколько же у вас картин и где можно их осмотреть?

— Всего их тридцать шесть, но продам я только семь-восемь, не больше. Видеть их вы сможете у меня дома, на улице Гранада. Хоть сегодня.

— Как вы намерены поступить с остальными?

— Хочу наиболее ценные взять с собой в Южную Америку.

Последние слова, очевидно, заинтересовали Кобарда. Он вскинул глаза на собеседника и тихо, как бы между прочим, спросил:

— Когда вы намерены выехать?

— Как только выручу немного денег. Виза и паспорт готовы... Но, может быть, вам и не стоит идти ко мне, вы можете познакомиться с полотнами по фотографиям.

С этими словами Кобецкий достал из кармана пачку фотографий.

Рассеянно рассматривая фотографии, коммерсант спросил:

— Вы сказали, что у вас есть виза и паспорт на отъезд. Так я вас понял?

— Именно так.

— Они при вас? Разрешите взглянуть?

— Пожалуйста! А почему это вас заинтересовало?

— Да так просто... Должен же я знать, у кого приобретаю столь дорогие картины!

— Понимаю вас, сеньор... Кому хочется покупать краденые вещи!

Кобецкий достал из бумажника заграничный паспорт и официальный документ, удостоверяющий, что Казимир Кобецкий, уроженец Варшавы, тридцати семи лет от роду, покидает Испанию, избрав новое местожительство в Буэнос-Айресе.

Кобард-Кирхнер внимательно прочел написанное в обоих документах, вернул владельцу и сказал:

— Мне хотелось бы показать эту картину жене — она больше меня смыслит в тонкой живописи. К тому же она аргентинка, и ей будет приятно увидеть человека, едущего на ее родину.

Кобецкий охотно согласился подняться в номер к коммерсанту. Покидая холл, он заметил, что дремавший в кресле господин переглянулся с Кобардом и едва кивнул головой.

В дорогом двухкомнатном номере было множество книг, альбомов, безделушек и чемоданов. Их встретила высокая изящная брюнетка в пестром домашнем платье и сразу же пригласила к кофейному столу. Целый час пили кофе и зеленые, необычайно крепкие ликеры, грызли ароматные сухарики. О картинах забыли, разговор вертелся главным образом вокруг испанских событий, вокруг предстоящей поездки пана Кобецкого в Аргентину. Постепенно гость стал откровенничать, хвастаться своим будущим и ругать на чем свет стоит «испанские порядки». Слушая его, Кобард согласно кивал головой, потом сказал:

— Я охотно куплю у вас эту картину и выдам чек на нью-йоркский банк Моргана. Но услуга за услугу — вы вручите картину моему шурину в Буэнос-Айресе. Он встретит вас на аэродроме. Это не затруднит вас, господин Кобецкий?

— Меня это нисколько не затруднит, — с энтузиазмом воскликнул поляк. — Но почему чек? Я предпочел бы... наличными. Хоть половину!

Кобард сощурил глаза, помолчал и медленно произнес:

— Вы получите двадцать процентов стоимости картины. Буду с вами откровенен: я несколько стеснен в средствах... — И, рассмеявшись, добавил: — Если в ближайшие два месяца мы не покинем эти лазурные края, придется и мне продавать картины, чтобы выручить на два билета в Скандинавию. Я не шучу!

Договорились так: завтра утром вместе поедут в банк и возьмут тысячу долларов. К тому времени Кобард упакует картину и приготовит письмо шурину. Попрощавшись с четой Кобард, Кобецкий покинул отель.

Рано утром служитель отеля привез на квартиру Казимира Кобецкого тщательно упакованную картину с запиской от Кобарда: «Жду вас в банке на улице Альбасете в двенадцать. Посылаю картину в упакованном виде. Письмо шурину вручу в день отъезда. Ваш К.».

Вечером того же дня картина и тысяча долларов были в республиканской контрразведке. В подрамнике были найдены пакеты с шифрованным письмом и почти сто метров микропленки. С помощью Альфреда было установлено, что Кобард-Кирхнер объединяет группу активных шпионов — немцев и испанцев-франкистов.

Эта шайка была связана с «поумовцами», снабжала мятежников информацией военного и дипломатического характера.

Элеонора оказалась немкой из Берлина — Эльзой Тумм, правой рукой своего шефа и любовника Отто Кирхнера. Стало также известно, что «шурин из Буэнос-Айреса», которому была адресована картина, — южноамериканский резидент троцкистского центра, помогавшего генералу Франко и его сподвижникам.

Коллекция пана Кобецкого

Фашистская организация ПОУМ, которая была тесно связана со своим идеологом Троцким и финансировалась Гитлером, Муссолини и Франко, под видом какой-то «наблюдательной организации» почти легально обосновалась в Мадриде. Были у нее филиалы и в других городах.

Товарищ Альфред получил задание познакомиться с деятельностью ПОУМа и установить, чем же занимается эта организация, в чем заключаются ее наблюдательные функции. Немало труда пришлось приложить ему, прежде чем состоялась его встреча с одним из видных деятелей ПОУМа, неким Родригесом. На этот раз Ваупшасов выступал в роли журналиста из буржуазной Литвы.

— Очень рад беседовать с корреспондентом

из далекой Прибалтики. Вашим читателям будет интересно узнать, что происходит в Испании.

Сеньор Родригес был словоохотлив. Чувствовалось, что он симпатизирует мятежникам. Он говорил, говорил...

— Спасибо, вы рассказали мне много интересного, — осторожно вставил слово «литовский журналист», когда Родригес ввел его в курс дел, которыми занимались испанские троцкисты. — А нельзя ли познакомиться с вашим шефом?

Сеньор Родригес насторожился:

— Видите ли, сеньор Фернандо не любит давать интервью, а фотографироваться для прессы просто терпеть не может. Он не тщеславен.

— Понимаю вас. И все же увидеть его, хотя бы издалека, как важно это для журналиста.

Родригес почесал подбородок, подумал и ответил:

— Схитрим. Посидите, вот вам журналы. Сеньор Фернандо иногда выходит из кабинета. Вопросов ему не задавать! Согласны?

— Вполне, сеньор Родригес. Очень признателен за услугу.

Альфред остался один. Перелистывая журналы, он незаметно наблюдал за входом в кабинет. Туда и обратно сновали люди с пачками бумаг и портфелями, но они мало интересовали его. Пробежала одна из сотрудниц. Она держала ворох фотографий, свежих, еще влажных, и уронила несколько. Альфред любезно помог поднять. Это были портреты вожаков-мятежников. С какой целью здесь копировали эти портреты?

Вскоре из кабинета вышел долговязый молодой человек в военной форме и очках и с увесистым портфелем. На боку висел пистолет в черной кобуре, и вообще он имел весьма воинственный вид. «Неужто Фернандо?» — подумал Альфред и приподнялся. За долговязым шел Родригес и что-то угодливо нашептывал. Проводив молодого человека, Родригес вернулся к Альфреду.

— Это сеньор Дик, наш первый секретарь. Правая рука шефа!

Имя сеньора Дика было хорошо знакомо Альфреду. Сей деловой и воинственный Дик не так давно был личным секретарем Троцкого и теперь оказался в аппарате ПОУМа.

Станиславу Алексеевичу стало совершенно ясно, что в кабинетах этой завуалированной организации совершаются неприглядные дела, идущие вразрез с интересами Испанской республики; что здесь орудует не один только господин Дик, выполняющий волю Троцкого, тоже было ясно.

В то же время в правительстве демократической Испании и военных штабах находились люди, доказывающие, что ПОУМ — пустопорожняя организация, никому не мешающая и ничего не решающая...

Нужны были факты, а где их взять?

В полночь на квартиру Фернандо, главаря ПОУМа, постучался долговязый испанец со шрамом на лице, в измятой гимнастерке, с военной сумкой в руке. Вид у него был истомленный, он тяжело дышал, иногда боязливо вздрагивал. В общем производил впечатление фронтовика, которому крепко досталось в окопах и блиндажах. Солдат-охранник, стоявший на вахте у парадной двери лидера ПОУМа, преградил ему путь:

— Куда?

— Погоди, парень, не тычь карабином! У меня срочное дело к сеньору Фернандо.

Охранник недоверчиво покосился на толстый синий конверт, на усталое лицо со шрамом и проворчал:

— Пакеты, пакеты! Важные, срочные, секретные! А человеку поспать надо, а?

— Надо. Вручу пакет, и пусть спит хоть сутки.

— Постой. Дай-ка пакет, я сам передам, а ты жди. Или утром приходи на улицу Гойя, семнадцать.

— Ну, нет! Мое дело до утра не ждет! Живо беги да возвращайся.

Через несколько минут парень со шрамом был вежливо приглашен в дом. Там еще не спали. В кабинете сидели Фернандо, Дик и еще трое. Было полутемно, душно и накурено. Грузный, оплывший жиром Фернандо выглядел бодро, говорил визгливо и очень быстро. Все они вслух обсуждали только что полученное письмо.

— Здравствуйте! — радостно и с интересом встретил хозяин человека со шрамом. — Так это вы и есть майор Ласта? Отлично! Превосходно! Как вам удалось пробиться? Вы — герой!

Человек со шрамом долго и подробно рассказывал, как он добровольно взялся выполнить опасное поручение генерала Франко.

Мог ли заподозрить Фернандо, что настоящий майор Ласта третий день сидит за решеткой, а пакет с письмом Франко и газетными вырезками вручил ему коммунист Санчес Ортис, детально проинструктированный товарищем Альфредом?

— Знакомьтесь, Ласта, — представил его друзьям Фернандо, — эти люди близко и хорошо знают генерала... Вы сможете отдохнуть у нас денек-другой? А мы тем временем приготовим ответ.

— Благодарю, сеньор, но это невозможно. Я и так задержался... Хотелось бы на рассвете отбыть. Если все обойдется, то с помощью всевышнего вечером вручу ваш ответ лично генералу. Пожалуйста, поторопитесь!

Рано утром майор Ласта, он же лейтенант Ортис, покинул квартиру лидера ПОУМа и двинулся в сторону фронта. На самом же деле, миновав несколько площадей и улиц, он вошел в здание Особого отдела по борьбе со шпионажем. Его уже ждал товарищ Альфред.

Пакет, который он взял из рук Фернандо и должен был вручить генералу Франко, представлял большой интерес для республиканского правительства: он полностью изобличал в предательстве и шпионаже всю организацию ПОУМ, его филиалы и руководителей.

Так лопнула еще одна организация «пятой колонны»...

ПОРТУГАЛЬСКОЕ КАПРИЧЧИО

Автор этого повествования был одним из главных участников описываемых событий. Можно сказать, что как литератору ему не пришлось ничего выдумывать: достаточно было лишь кое-что вспомнить. Так и родилось «Португальское каприччио» — очерк, хотя и беллетризованный, но документальный в своей основе.

Ноябрьской ночью 1936 года в Лиссабонском порту раздался мощный взрыв. Огромный немецкий пароход «Кап-Анкония» пошел ко дну. Тревожно взвыли сирены, забегали полицейские. А вскоре в дверь маленького домика на окраине города постучал человек. Дверь бесшумно открылась. К домику быстро подошли еще пятеро, вошли внутрь.

На следующее утро мальчишки-газетчики кричали на всех углах: «Полиция расследует дело о взрыве немецкого парохода!» Газеты нарасхват. Купил один номер и молодой человек среднего роста, с большим портфелем в руках. Он входит в большое здание, увешанное множеством вывесок, и поднимается в лифте на пятый этаж.

Молодой человек толкает дверь, на которой прибиты медная дощечка «Мануэль Оливейра и компания» и эмблема фирмы — сардинка на блюде, — и, войдя в свой кабинет, вынимает из портфеля газету и углубляется в чтение.

Входит его секретарь, красивая молодая девушка.

— Как дела, Клара? Груз прибыл на место?

— Да, и он в полной сохранности, сеньор Оливейра. Кроме того, сегодня прекрасная погода.

— А у вас отличное настроение?

— Вы отгадали, сеньор! Ведь сегодня день моего рождения!

— О, мы обязательно отпразднуем его!

Звонит телефон.

— Здравствуйте, сеньор Росси, — отвечает Оливейра. — Как погода в Милане? Туман? Обидно! Так вы хотите, чтобы мы продали вам еще одну партию сардин? Пожалуйста, сеньор Росси. Могу вам предложить также партию тунца и кальмаров по сходной цене, но при одном условии: в обмен продайте мне грузовики. Вы спрашиваете сколько? Сможете раздобыть пятнадцать-двадцать штук? Трудно? Ну-ну, сеньор Росси... А, вот и договорились! Я котирую вам телеграфные цены на сардины ФОБ-Лиссабон и СИФ-Генуя и жду вашего предложения относительно грузовиков. Арриведерчи!

Оливейра кладет трубку. Вид у него сосредоточенный. Он вынимает из лежащей на столе коробки сигарету и закуривает.

К зданию немецкого посольства в Бургосе, «столице» франкистской Испании в период гражданской войны, на большой скорости подъезжает запыленная машина. Из нее выходят два немца в полувоенной форме. В дверях кабинета их встречает высокий человек со шрамом на лице.

— Я жду вас с утра. Вчера пришла почта из Берлина. Установлено, что взрыв «Кап-Анконии» организован красными. Броневики, грузовые машины, амуниция, в которых так нуждается Франко, — все пошло прахом. Фюрер взбешен. Испанцы смеются над нами. Берлин требует схватить преступников и доставить рейхсфюреру СС, в противном случае наказанию подвергнутся те, кто не выполнит этого приказа.

— Но, Фридрих, — замечает один из прибывших, — мы-то здесь при чем? Взрыв произошел в Лиссабоне, и за него несет ответственность наша резидентура в Португалии. Пусть они и расхлебывают это дело.

— Удивляюсь твоему неведению. Во-первых, резидент в Лиссабоне, полковник Гофман, снят со своего поста и отозван в Берлин. Я ему не завидую. А во-вторых, на его место назначен ты, Отто!

— Я?!

— Да. Ты должен сегодня выехать в Лиссабон и заняться этим делом. В результате взрыва «Кап-Анконии», — продолжает Фридрих, — погибло двадцать четыре человека экипажа, специалистов-техников и шоферов, сопровождавших груз. Обнаружено шестнадцать трупов. Восемь человек пропали бесследно. Из них четверо находились в этот день на берегу. Возможно, они не вернулись на корабль, возможно, вернулись и погибли. Какова участь остальной четверки — неизвестно.

Гестапо стало проверять прошлое и родственные связи пропавших без вести и обнаружило, что шофер Ганс Рихтер, 1902 года рождения, — сын члена Коммунистической партии Германии Петера Рихтера, скончавшегося в прошлом году в Дахау. — Фридрих достает из конверта пачку фотографий. — Вот познакомьтесь.

Эсэсовцы внимательно всматриваются в улыбающееся лицо молодого человека.

— А этот — Зигфрид Баш. Двадцати четырех лет. Шофер. В день взрыва, как и Рихтер, находился на берегу. Его дядя был членом социал-демократической партии. — Фридрих передает остальные фотографии: — Рудольф Замер, двадцати восьми лет, электротехник, бывший член Коммунистического союза молодежи Германии, папа — учитель, тоже из красных. Он тоже был на берегу. Его ровесник, твой тезка Отто Шлифер, матрос, был на берегу, его тетка замужем за евреем Губертом Глаубе, двадцати четырех лет, матрос, должен был находиться на корабле, отец принимал участие в Гамбургском восстании, сейчас «отдыхает» в Дахау. Хорст Заславский, матрос, двадцати шести лет, был на паро-

ходе, полуполяк, полунемец. Петер Пробст, тридцатичетырехлетний шофер из Дрездена, был на борту — единственный, о котором ничего предосудительного не обнаружено. Итак, восьмерка отъявленных негодяев. У них наверняка была подпольная коммунистическая организация, гибель «Кап-Анконии» — дело их рук. Все ясно? Да, четверо исчезнувших шоферов должны были сопровождать грузовики в Испанию.

— Я все-таки не понимаю, — говорит Отто. — Зачем мы направили «Кап-Анконию» в Лиссабон? Неужели нельзя было сбросить груз в одном из испанских портов?

— Видишь ли, пока мы официально отрицаем наше вмешательство в испанские дела. Если бы мы выгрузили этот груз в испанском порту, красные получили бы еще один аргумент в свою пользу. Кроме того, пароход вез оружие не только фалангистам, но и Салазару.

— Хорошо, допустим, все так. Но на что рассчитывает красная восьмерка? Они даже не знают языка! И это под носом у разведки Салазара, в Лиссабоне, где каждый второй — осведомитель полиции? Полно, существуют ли на самом деле эти красные?

Молчавший все это время спутник Отто сказал, заикаясь:

— Если даже красных нет, мы должны их выдумать. Иначе быть нам безработными.

Гестаповцы засмеялись.

— Молодец, Конрад! Ты редко открываешь рот, но зато всегда с толком. Что значит английское воспитание! Конрад окончил колледж в Оксфорде. Он хорошо знает повадки «Интеллидженс сервис», агенты которого хозяйничают в Лиссабоне. Он поедет с тобой, Отто, в столицу прекрасной Лузитании.

Отто Краузе хмурится.

— Удалось ли нашей португальской агентуре напасть на след красной восьмерки? — спрашивает он.

— Пока нет. Видимо, они где-то отсиживаются. Но долго сидеть взаперти они не станут. Немного переждут, а потом попытаются покинуть Португалию.

Фридрих Кох подходит к большой карте Пиренейского полуострова, на которой заштрихована часть испанской территории, занятая фалангистами.

— Выход у них только один: бежать из Португалии морем. Пробираться к красным через территорию генерала Франко было бы безумием. Но и здесь на всякий случай мы будем их ждать. Итак, господа, желаю успеха!

...Раннее утро. По шоссе к португало-испанской границе мчится открытая машина, нагруженная какими-то свертками. За рулем сидит Оливейра. У заставы пограничники вежливо здороваются с ним — он здесь частый гость — и без формальностей пропускают через границу. Оливейра дарит им дешевые сигары, а сержанту — бутылку мадеры. Прощаясь, говорит:

— В горах все в порядке? Красные не нападут на меня?

ПОРТУГАЛЬСКОЕ КАПРИЧЧИО

Пограничники машут руками, смеются.

В Севилье, заехав ненадолго в контору испанского филиала своей фирмы, чтобы оставить свертки, Оливейра отправляется прямо к губернатору, у дворца караульный требует документы, но с балкона Оливейру уже увидел Рикардо, адъютант генерала.

— Мигель! — кричит он. — Наконец-то ты приехал! Пропустите его, это сеньор Оливейра, друг генерала.

Адъютант встречает Оливейру на пороге дворца.

— Что нового в Лиссабоне? Слышал о гибели «Кап-Анконии»?

— Да, неприятная история. В Лиссабоне все только об этом и толкуют. Между прочим, я привез тебе кое-что: несколько бутылок виски и разной снеди.

— Спасибо, амиго. Вечером забегу за тобой, пойдем куда-нибудь повеселиться.

Рикардо проводит Оливейру в кабинет генерала. Старик Кейпо де Льяно, нервный, суетливый, поднимается навстречу и громко говорит:

— Здравствуй, Оливейра. Ты мне очень нужен. Только не предлагай кайенский перец и сардины. Нам нужно оружие.

— Разве немцы и итальянцы не поставляют его вам в достаточном количестве?

— Сразу видно, что ты не военный человек. На войне постоянно не хватает оружия. И оно не всегда поступает в срок. Ты слыхал об этом взрыве в Лиссабоне? Ко дну пошло снаряжение двух дивизий, а платить за этот воздух все равно обязаны мы. Если ты хочешь иметь с нами дело, доставай броневики, танки, пулеметы, на худой конец, грузовики.

— Попытаюсь, генерал, но я не Крупп. Оружия у меня нет, хотя партию грузовиков я мог бы доставить вам на границу. Но как вы ими воспользуетесь? Ваша полиция перестреляла всех шоферов в Севилье.

— Все наши шоферы — анархисты и коммунисты. Но если ты можешь найти в Лиссабоне грузовики, ты найдешь там и шоферов. Я выдам для них пропуск на переход границы. Сколько ты можешь дать нам машин и когда?

— Десять «фиатов»-двухтонок, по две тысячи долларов за штуку, сто долларов каждому шоферу, за двадцать тысяч банок сардин — десять тысяч долларов и пять тысяч долларов мне за услуги. Итого тридцать шесть тысяч долларов. Через десять дней грузовики будут в Толедо.

— Оливейра, ты разбойник, как и все португальцы. Если ты еще раз попытаешься всучить мне свои вонючие сардины, я прикажу тебя расстрелять. Сардины жри сам, а мне давай грузовики. За грузовики заплатим по тысяче пятьсот, шоферам — по пятидесяти долларов, а тебе за услуги — две тысячи. Итого семнадцать с половиной тысяч долларов. И не торгуйся со мной.

— Двадцать тысяч долларов — и грузовики будут в Толедо через десять дней. Вам же разрешите привезти новенький «фиат седан».

— Ладно. Мой адъютант будет ждать тебя на границе с человеком и пропусками. Да, окажи мне услугу. Рикардо даст тебе бочонок мансанильи, отвези его в Лиссабон в подарок моему другу Отто Краузе, атташе немецкого посольства. Он там ловит красных, которые взорвали «Кап-Анконию».

Вечером в погребке, где помещается кабаре «Ла Триана», полно посетителей. За столиком у стены сидят Рикардо и Оливейра.

— Я тебе завидую, Мнгель! — говорит Рнкардо. — Ты живешь в сонном Лиссабоне, где ннкогда ннчего не происходнт.

— Ты забываешь, Рикардо, что в этом сонном Лиссабоне взрывают пароходы.

— Этот взрыв, о котором столько шумят немцы, вндимо, результат несчастного случая, какой-ннбудь технической иеполадки. Немцы упрямы, они иикогда не прнзнаются, что катастрофа произошла по нх же оплошности. Теперь онн ищут саботажников, которых ие существует. Зато у иас красные — не призраки, а трагическая действительность. Здесь, в Севилье, хотя мы перестреляли нх несколько тысяч, они нам портят кровь ежедневно...

— Скажи, Рикардо, — спрашивает Олнвейра, — как долго вы будете топтаться у стен Мадрида?

— Теперь уже иедолго. Наши войска готовятся к решительному штурму, мы только ждем прибытня итальянских дивизий, которымн будет командовать генерал Бергонцоли. Надеюсь, что он покажет себя. Кроме того, у нас «пятая колоина» в столице. Ты зиаешь, где помещается ее генштаб? В посольстве Гондураса! Мы поддерживаем с ними ежедневную радиосвязь. Сегодня получилн сообщение, что красные готовят наступление в районе Бриуэги в канун Нового года. А мы их там будем ждать с хорошими гостинцами.

Но знаешь, Мигель, — продолжает Рикардо, — даже еслн мы выиграем войну, мы не изменим наш народ. Он был, есть и будет красным. Им можно управлять только прн помощи жандармов, тюрем и виселиц.

— А еслн красные победят?

— Тогда я пущу себе пулю в лоб.

— Не будь дураком, лучше купи себе на всякий случай какой-нибудь латиноамернканский паспорт.

— А деньгн? Где нх взять?

— Об этом не беспокойся, мы ведь друзья.

— И потом, кто мне продаст иностранный паспорт?

— Разве у тебя иет знакомых в посольствах?

— Коисул Ннкарагуа в Севнлье — хороший друг.

— Прекрасно, Рикардо. Ты знаешь, мне пришла в голову блестящая идея. Еслн твой друг никарагуанец продаст тебе однн паспорт, он тебе сможет продать и несколько. Скажн ему, что остальные паспорта для генерала н его родственников. Купи у него сразу десять паспортов, пусть он один оформит на тебя, а девять выдаст чистыми. Деньги я на эту покупку дам. А ты мне дашь на хранение паспорта. В случае, еслн дела генерала Франко примут не тот оборот, мы эти паспорта продадим на вес золота, а заработок поделим. Если же вы победнте, то паспорта мы продаднм вашнм противникам, которые тоже не поскупятся в цене. В том и другом случае ты станешь богачом, не затратив нн копейки на весь этот бизнес. Ну как?

— Мигель, ты из воздуха способен делать капитал! — восхищается Рикардо.

...В Москве у руководителя советской разведки Савицкого собрались, кроме хозяина кабинета, его заместнтель Ганин и работник Бодров.

— Я собрал вас, товарнщи, — говорнт Савицкий, — для консультации по необычному для нас делу. Речь идет о взрыве парохода «Кап-Анкона». Группа немецких антифашистов нз состава команды парохода, которая осуществила эту операцию, была намерена сразу же переправиться в нейтральную страну. Однако сделать это не удалось, и онн оказались в крайне тяжелом положении. Гестапо и полиция Салазара напали на нх след. Сведения об этом получил Овод. Он же оказал помощь антифашистам, которых возглавляет Ганс Рихтер. Сейчас группа Ганса скрывается на одном из складов компании Овода в Лиссабоне. Овод нашел для них документы — никарагуанские паспорта, но все же выводить их через Лиссабон или Опорто крайне опасно, так как за портами установлено строгое наблюдение. Овод мог бы перебросить группу на рыболовецкой шхуне в Сунчал, столицу острова Мадейра, куда заходят океанские пароходы. Но это тоже опасно во многих отношениях. Он предлагает другой вариант, по его мнению, более подходящий: провезти группу Ганса через франкистскую зону в район фронта на грузовиках, которые он запродал Кейпо де Льяно. А там, через линию фронта, пусть перебираются своими средствами. Предложение оригинальное, смелое. Во всяком случае, гестапо, несомненно, не ожидает появления группы Ганса во франкистской зоне. Нужно выбрать лучший план, разработать его и дать окончательные директивы Оводу. Каково ваше мнение, товарищи?

— Я лично, — говорнт Ганин, — сторонник переброски группы через франкистскую зону. Правда, Гансу и его товарищам придется действовать в непривычной обстановке, не зная языка. Помощь в переходе линии фронта мы можем им оказать. Но задача заключается также в том, чтобы не провалить Овода. Исчезновение группы Ганса не должно связываться с его деятельностью.

— А если устроить прорыв на этом участке фронта, — говорнт Бодров, — и, так сказать, взять группу Ганса в плен?

— Но ведь прорыв может н не удаться.

— Следует узнать более точно об обстановке в районе Толедо.

Чекисты задумались. Наконец Савицкий снял телефонную трубку.

— Дмитрий Иванович? Какие у вас данные о положении в районе Толедо? Да, да. Понял, спасибо. Товарищ Ганин, вам придется выехать на место, чтобы быть ближе к Оводу. Я думаю, что Оводу придется действовать так...

В Лиссабоне на террасе маленького кафе с унылым видом сидят Отто Краузе и Конрад. Отто часто оглядывается по сторонам, словно ищет кого-то.

— Сегодня утром, Конрад, пришла новая телеграмма от Гиммлера: «Если вы в ближайшее время не разыщете группу Ганса, вам придется держать ответ перед судом чести нашей партии». Это значит Дахау и для меня и для тебя. Ганса мы должны найти во что бы то ни стало.

— Ты неплохо придумал с объявлением в газетах о том, что тебе нужны шоферы. Может быть, эти прохвосты клюнут на твою удочку и сами явятся к нам в лапы. Но шоферов ищет и Оливейра: ему они нужны для отправки грузовиков в Толедо.

— Этот Оливейра мне не нравится, Конрад. У меня такое впечатление, что он работает на английскую разведку. Ты заметил, что ему нравится виски? Советую заняться им. У него хорошенькая секретарша. Приударь за ней, и она раскроет тебе не только свою душу, но и душу Оливейры. Не мешает присмотреться к его шоферам. Ты обратил внимание, какой у него цвет лица? Говорят, что в его жилах течет негритянская кровь. Он родился в Бразилии, и мать его была мулаткой. Говорят, он обобрал своего компаньона Сильвейру и завладел его фирмой.

— Я вижу, ты все о нем знаешь.

— От начальника лиссабонской полиции. Должен же я знать, кто мне возит вино от генерала Кейпо де Льяно.

А на пустынном пляже поблизости от Лиссабона в это время лежат на песке Клара и Оливейра и тихо беседуют.

— О чем ты думаешь?

— Ты знаешь, мне хочется квашеной капусты и черного хлеба. Надоели португальские сардины.

— Ты устал?

— Да. А ты молодец, я восхищаюсь тобой.

— Потому что беру пример с тебя, Миша.

— Перестань молоть чепуху. Просто ты чудесная советская девчонка.

— Нет, я обыкновенная. А вот ты необыкновенный советский парень.

— Перестань, Нина... Нина! Ты вышла бы за меня замуж?

Она вскакивает, смеясь, забрасывает его песком и бежит к морю, а он вытягивается на песке и, закрыв глаза, о чем-то думает.

«Как я попал на этот пляж в далекий, фантастический Лиссабон и что будет со мной, с Ниной, Гансом через неделю? Два года назад я и она мечтали совсем о другом. Все началось тогда, в июньский солнечный день 1932 года. Как хорошо было оставаться Михаилом Снеговым! Не то что Оливейра — хоть и красивое имя, но не родное... И было мне двадцать шесть. Только что блестяще окончил филологический факультет МГУ. А Нина, Нина Крючкова, которая мне уже тогда нравилась, обещала вечером того дня пойти со мной в кино. В первый раз! Я сильно удивился, когда меня попросил зайти к себе декан. У декана сидел незнакомый человек. Потом то я отлично узнал его, товарища Ганина. Он предложил мне работать в разведке. Я думал целую ночь — после того, как мы ходили в кино с Ниной. И дал согласие. Хотя язык я знал в совершенстве, пришлось учить португальские песни, познавать другие вещи! Наконец меня послали сюда. Товарищ Савицкий сказал, что я «прирожденный разведчик». Я не жалел ни о чем, только... о разлуке с Ниной. И надо же было так случиться, что человеком, которого мне прислали в помощь, оказалась именно Нина. Моя Ника! Это просто удивительная история: она стала секретарем сеньора Оливейры, и мы теперь с ней вместе. Вместе!..»

— Клара! — кричит он в море. — Нам пора! Ты слышишь меня?

— Да! Я иду! — отвечает она.

Ночью к воротам дома, в котором скрываются Ганс и его товарищи, подъезжает крытый грузовик. За рулем — Оливейра. У ворот его ждут Клара и Ганс.

— Через полчаса мы выедем, — сообщает Оливейра. — Когда я сяду за руль, вы выходите с товарищами во двор и садитесь в грузовик. За городом нас ждут остальные девять грузовиков. Четыре из них поведут испанские антифашисты. Я поеду на «седане». Если пограничники или испанцы начнут с вами говорить, на все отвечайте: «Да, сеньор!» — «Си, сеньор!» Ясно?

— Ясно!

— Проверьте, у всех ли документы на руках, знают ли товарищи свои новые имена и фамилии. Отъезд через двадцать пять минут.

— Дорогой товарищ! — говорит Ганс. — Мы благодарим тебя за помощь, за солидарность. Мы не знаем твоего имени, но мы знаем, что ты коммунист, и этого для нас достаточно. Немецкий народ под властью фашистов. Но коммунистическая партия продолжает бороться за свободу. И она победит. Рот фронт, геноссе!

— Спасибо, Ганс!

Грузовики Оливейры едут по шоссе. Первую и последнюю машину ведут испанцы. На второй — Ганс Рихтер. Впереди колонны в «седане» — Оливейра и Клара.

— Я тебя оставлю около вокзала Бейры, — говорит Оливейра Кларе, — оттуда ты первым поездом вернешься в Лиссабон и сегодня же вылетишь в Париж. Если операция пройдет благополучно, я телеграфирую тебе, и ты сможешь вернуться. Если нет — не поминай лихом... Мне кажется, что гестапо излишне интересуется нашей поездкой.

— Я никуда не поеду из Лиссабона.

— Нина, приказ необходимо выполнить. Будь благоразумной.

— Миша, ты любишь меня?

— Очень! Я часто вспоминаю наши студенческие годы...

— Я поеду в Париж. Я буду тебя ждать. И если нужно...

Оливейра обнимает ее одной рукой и крепко прижимает к себе. В Бейре Клара прощается с ним.

Колонна подъезжает к границе. Оливейра здоровается с пограничной охраной и, как всегда, раздает подарки. А на испанской стороне ее встречает радостный Рикардо. Он торопит начальника поста. Наконец тот дает знак: можно трогаться. Оливейра и Рикардо садятся в «седан». Грузовики трогаются с места, но одна из машин стоит. Пробст, который сидит за рулем, не может ее завести. К нему бежит офицер.

— Что там у тебя?

— Си, сеньор! — отвечает Пробст.

Оливейра останавливает «седан» и быстро направляется к ним.

— В чем дело, амиго?

— Эти лиссабонские шоферы — кретины! — возмущается офицер. — Им управлять телегой, а не грузовиком.

— Заело, наверно, мотор.

С помощью Оливейры Пробст заводит машину. Колонна вновь в путн...

В кабинете у Кейпо де Льяно Олнвейра застал резндента гестапо Фрндрнха.

— Олнвейра, мой мальчнк, грузовнкн с тобой? — восклнкнул генерал.

— Так точно, генерал! И «седан» тоже.

— Прекрасно! — все так же восторженно хрнпнт генерал. — А вы сомневались, — укорнзненно бросает он Фрндрнху.

Фрндрнх подходнт к Оливейре.

— Я вас поздравляю с удачной сделкой, сеньор Оливейра. Каковы вашн дальнейшие планы?

— Сейчас мы направляемся в Толедо.

— Я тоже еду в Толедо, — говорнт Фрндрнх. — Нам по дороге, и я вас подвезу на своей машине.

Оливейра секунду прнстально смотрнт на немца, потом, улыбаясь, говорнт:

— Рад вашему любезному прнглашенню. С вамн я буду чувствовать себя надежнее.

— Вот нменно! — не моргнув глазом, отвечает Фрндрнх.

— Очень хорошо. Рнкардо останется здесь. Не теряйте же времени, — напутствует их генерал.

Машина Фридрнха — многоместная, заднне сndенья отгорожены от шофера стекламн. Она трогается бесшумно, на хорошей скорости.

— Меня поражает ваша деловитость, сеньор Оливейра, — говорит Фридрих. — Но мне кажется, вы растрачнваете свои снлы понапрасну.

— Почему?

— Заннмаетесь мелочами, продаете грузовнкн, сарднны, кайенскнй перец.

— Разве это плохо?

— При вашем таланте вы моглн бы преуспеть значительно больше.

— Одного таланта мало, нужны капиталы.

— Умные люди всегда их могут найти.

— Ограбив банк?

— Не притворяйтесь дурачком, Оливейра. Вы знаете, что я нмею в внду.

— Вы ставите не на ту карту, полковник, — смеется Оливейра. — Я, конечно, не откажусь от вашнх денег, но учтнте: я трус.

— Что-то не заметнл за вами трусости. Мы сейчас во фронтовой зоне, а вы отнюдь не щелкаете зубамн со страху.

Олнвейра усмехается...

Все ближе слышен гул орудий.

Вдруг машнна Фрндриха попадает одним колесом в яму и останавливается. Грузовикн едут мнмо. Фридрнх вглядывается в лнца шоферов. Однн, другой, третий... Ого! Физнономия этого парня кого-то удивительно напоминает. Ганс Рихтер!

Фридрих быстро оборачивается, выхватывает «вальтер» и наводнт его на Олнвейру.

— Сеньор Оливейра, я уложу вас на месте, еслн вы сделаете хоть одно неосторожное движенне! Вы сохраннте жизнь, только выполняя мои прнказання. Ваша игра кончилась. Интересно знать, на что вы рассчнтывали? Перейтн к красным? И вообще, на кого вы работаете, Оливейра?

— На фнрму «Мануэль Олнвейра и компания».

— Не валяйте дурака!

Неожиданно на дороге появляются немецкие танкн н броневнкн. Это трофеи испанской Республиканской армнн, н онн прнбыли сюда по решению генштаба армнн, сражающейся за свободу Испании. Из броневика выходит немецкнй офицер и останавливается возле машнны Фридриха.

— Вашн документы, господа, — говорнт он по-немецкн.

Оливейра узнает в нем Ганина.

Ннчего не подозревающнй Фридрих торопится объяснить:

— Я полковник Менделе нз германского посольства в Бургосе. Задержал красного шпнона. Шоферы — тоже красные днверсанты.

Ганин обращается к Оливейре:

— А что скажете вы?

— Только то, что полковннк Менделе — опасный преступннк н его необходимо обезвреднть.

— Ваше оружне, полковннк Менделе!

...После радостной встречн Ганнн говорит Олнвейре н Гансу:

— Соберните всех товарнщей в два грузовика. Будем пробнваться обратно. Остальные грузовики сожжем.

— Разрешите доложить, — говорит Оливейра. — Менделе заподозрил меня только сейчас, в дороге, поэтому я могу возвратнться и продолжать работать в тылу врага.

— Нет, рисковать нельзя. Ты попадешь к нам в «плен», а потом республиканцы «вышлют» тебя как португальского торговца в Парнж. Там ты встретишься с Крючковой, н если проверка покажет, что не осталось ннкакнх следов, то вы вернетесь в Лнссабон. Кроме того, из Парижа мы сможем перебросить тебя н Крючкову в Москву, хотя бы на месяц.

Оливейра счастливо улыбается...

Вскоре танкн н грузовики достнгли республиканской территории.

„СТАРИК“

Он бежал из Якутии, куда был сослан на вечное поселение. Пробрался в Ригу, пришел домой. Мать припала к нему — повзрослевшему, возмужавшему:

— Петрик! Вернулся!

— Мама, не называй меня так... Петер Кюзис больше не существует.

Она зарыдала.

— Так нужно, мама. Запомни: теперь я не твой сын, я — Берзин, Ян Карлович...

С этим именем он и вошел в революцию. С этим именем он встал в первую шеренгу бойцов Октября. У него была еще одна партийная кличка: Павел Иванович. А для самых близких он был «Стариком». Потому что с пятнадцати лет, с того дня, как был порот казачьими шомполами и в первый раз приговорен к расстрелу, седина уже густо посолила его темноволосую голову. А может, еще и потому, что в подполье, в тюремных казематах, в ВЧК и военной разведке прошел он такую закалку огнем, накопил такой опыт классовой борьбы, овладел такой политической зрелостью и революционной широтой мышления, мера которых — не долгие годы жизни человека, а стремительные годы революции.

Перед нами — папки с документами Яна Карловича. Четвертушки бумаги с лаконичными распоряжениями Председателя ВЧК, с размашистой, красным карандашом, подписью Феликса Дзержинского. Тут же — доклады Берзина правительству и наркому обороны, письма Блюхера, резолюции Гамарника... И среди этих деловых бумаг — несколько страниц со строчками, отпечатанными фиолетовыми буквами. На первой странице заголовок: «Мои воспоминания о 1905—1907 гг.».

«...Ночью мы сделали нападение на замок помещика, в котором засели казаки, но никакого успеха не добились. На другой день к казакам со станции Зегевольд пришла помощь — целый эскадрон. Распорядительный комитет заблаговременно успел выслать засаду человек в сорок на дорогу, по которой должны были прой-

ти казаки. В числе этих сорока милиционеров был и я. Завязалась частая перестрелка с обеих сторон...»

Эти листки — начатый, но так и не завершенный рассказ Берзина о собственной его жизни.

Зачем Ян Карлович обратился к воспоминаниям? Мемуары, которыми человек венчает свою жизнь в старости? Нет, он не чувствовал себя старым, хотя все товарищи называли его «Стариком» да и сам он так подписывал личные письма. Нет, наверное, он просто хотел, чтобы опыт его молодости пригодился будущим молодым. Хотя, конечно, каждый должен сам пройти по всем ступеням жизни. Да и не все надежно хранится в кладовой памяти: что-то развеивается в прах, что-то усыхает, искажается. Вот и появилась среди многих бумаг его сейфа эта синяя папка с коричневыми завязками, как шнурки на ботинках, личная, та, которую Берзин доставал во внеслужебное время.

Воспоминания относятся к периоду первой русской революции. Что было до этого? Босоногое детство, беспросветная нужда в семье, окрики и побои хозяев. Единственное окно в длинном, как коровник, доме, куда по вечерам приходили обессиленные батраки, чтобы с рассветом снова склониться над чужой неподатливой землей.

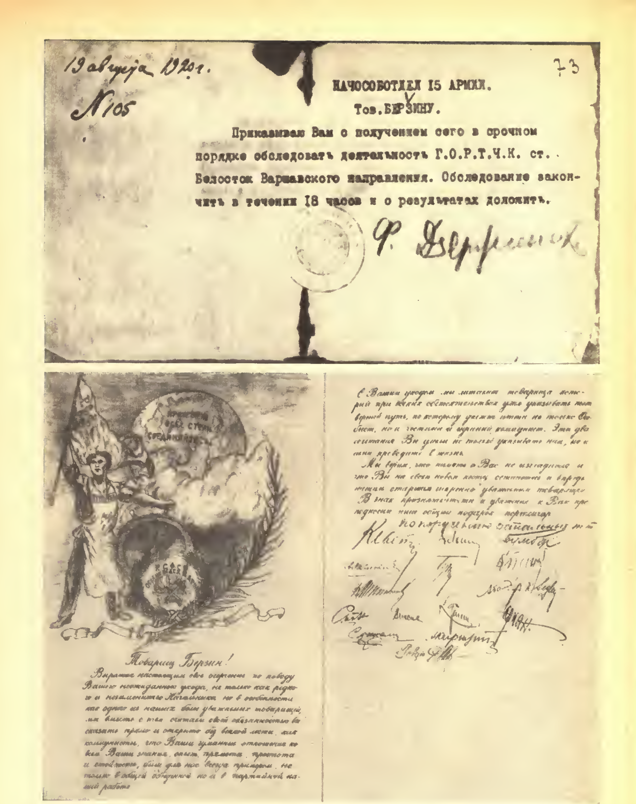
Была еще сельская школа. Но находилась она за много верст от батрацкого дома, и каждый день ходить туда и обратно не хватало сил. Петер оставался там на целую неделю. Брал из дому краюху хлеба, сухой горох и очень редко — кусок вареного мяса.

Он рос вдумчивым, учился хорошо. А на лето уходил в подпаски, в котомке всегда уносил с собой в луга книги. Он успешно выдержал вступительные экзамены в семинарии. Но семинария оказалась не храмом знаний, а тюрьмой для малолеток, созданной по образу и подобию военной казармы: муштра, побои, лицемерие, ложь. Семинария превратилась для него в школу ненависти.

Когда начались революционные события, семинарию закрыли. Петер вернулся к родителям. По всей округе шло брожение. Горели помещичьи усадьбы. Выбирались первые Советы из бедноты. Мальчик пристально вглядывался в возбужденные лица людей. Те, кто гнул спину перед помещиками, радовались грядущим переменам. Петер был с ними. И когда узнал, что к чему, без колебаний вступил в ряды Российской социал-демократической партии.

Первые партийные поручения. Партизанский отряд «Лесных братьев». Нападение на замок помещика. Шомпола карателей...

Еще одна страница с рядами фиолетовых букв: «В мае 1906 года во время перестрелки с отрядом казаков я был тяжело ранен в левое плечо, голову и ногу навылет и арестован. Меня на месте хотели расстрелять рассвирепевшие стражники, но у стражников меня отобрал отряд казаков. Казаки увезли в Старо-Петальг, где я предстал перед полевым судом. Так как у меня были обнаружены некоторые документы, свидетельствовавшие о том, что я прибыл из Риги, то «в целях раскрытия организации» меня не расстреляли на месте, а отправили в жандармское отделение в Вендене. Возможно и то, что меня не расстреляли без суда ввиду малолетства — к тому времени я еще не достиг семнадцати лет. Это же обстоятельство



13 августа 1920 г.

№ 105

73

НАЧОСОБОТДЕЛ 15 АРМИИ.

Тов. БЕРЗИНУ.

Приказываю Вам с получением сего в срочном порядке обследовать деятельность Г.О.Р.Т.Ч.К. ст. Белосток Варшавского направления. Обследование закончить в течении 18 часов и о результатах доложить.

Ф. Дзержинский

Товарищ Берзин!

Выражая настоящим свое огорчение по поводу Вашего неожиданного ухода, не только как редкого и незаменимого Начальника, но в особенности как одного из наших самых уважаемых товарищей, мы вместе с тем считаем своей обязанностью высказать прямо и открыто от всей души, как коммунисты, что Ваши гуманные отношения ко всем, Ваши знания, опыт, прямота, простота и стойкость, были для нас всегда примером, не только в общей обыденной, но и в партийной нашей работе.

С Вашим уходом мы лишаемся товарища, который при таких обстоятельствах умел указывать тот верный путь, по которому должен идти не только Особист, но и честный и верный коммунист. Эти два качества Вы умели не только указывать нам, но и сами проводить в жизнь.

Мы верим, что память о Вас не изгладится и что Вы на своем новом посту сохраните о верных старых искренно уважающих товарищах.

В знак признательности и уважения к Вам преподносим наш общий подарок портсигар.

По поручению остальных и т...

Этот адрес был преподнесен чекистами Яну Карловичу Берзину в связи с переходом на другую работу. Рисунок сделан не художником-профессионалом — каждый из чекистов рисовал что-нибудь «от себя».

ЦКРКП
Статистический отдел
Бланк „А"
№ 156

ВСЕРОССИЙСКАЯ ПЕРЕПИСЬ
ЧЛЕНОВ РОССИЙСКОЙ КОММУН. ПАРТИИ (б-ов)
1922 года.

76/1727

Фамилия: Берзин
Имя и отчество: Ян Карлович

Таблица. Образовательный ценз.

спасло меня от расстрела в 1907 году, когда мое дело разбирали в военном суде в Ревеле...»

Расстрел был заменен ему тюрьмой. Вышел из тюрьмы — и снова партийная работа. И снова арест и суд. На этот раз приговор гласил: пожизненная ссылка в Якутию. Вот тогда, совершив побег, он и сменил свое имя, стал «Яном Карловичем Берзиным».

Октябрьские дни застали его на переднем крае революции. Он был членом партийного комитета Выборгской стороны, активистом петроградской организации. После Октября — борьба с контрреволюцией и разрухой, затем работа вместе с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским в ВЧК.

В начале восемнадцатого года при поддержке Антанты, в контрреволюционном подполье была создана белогвардейско-эсеровская организация, так называемый «Союз защиты родины и свободы». Во главе ее был поставлен злобный противник нового строя, террорист Борис Савинков. Английский посол Локкарт и французский Нуланс отвалили Савинкову огромные средства для подготовки убийств руководителей партии и Советской республики, для организации мятежей. Интервенты рассчитывали скоординировать свои действия с заговорщиками. Предполагалось, что одновременно с высадкой вражеского десанта в Архангельске Савинков поднимет мятежи в тылу республики, в Поволжье. Нуланс через французского консула в Москве Гренара передал Савинкову срок начала выступления: первые числа июля. В это же время должен был вспыхнуть левоэсеровский мятеж в Москве.

В Ярославль, центр намечаемого мятежа в Поволжье, стали тайно стекаться враги республики — меньшевики, эсеры, белогвардейцы. Ше-

Пропуск №2535
В КРЕМЛЬ
и здание Рабоче-Крестьянского
Правительства.
Тов. Берзин
Павел Иванович
3 ЭТАЖ

стого июля контрреволюционное восстание началось. Заговорщикам удалось захватить почту, телеграф, арсенал... Первыми жертвами мятежа пали коммунисты и работники советских учреждений. Ярославские рабочие выступили против контрреволюционеров. В городе развернулись уличные бои, появились баррикады. На подавление мятежа были направлены части Красной Армии. В составе одной из частей был Берзин.

Один из учеников его, седой мужчина с большими звездами на погонах, рассказывает:

— Наш «Старик»... Впервые я увидел его, когда был еще босоногим мальчишкой, в Ярославле, во время подавления мятежа. Контрреволюционеры грабили и разрушали город. В Ярославль, в слободу Коровники, стали подходить части Красной Армии. Мы, коровницкие мальчишки, таскали воду для красноармейских пулеметов, ящики с лентами, водили на водопой коней. И там, среди бойцов, мы приметили рослого, широкоплечего комиссара, совсем молодого, но уже седого. Он любил разговаривать с нами, трепал за вихры, когда расшалимся. Помню, однажды на наших глазах один боец, не умевший плавать, соскользнул с лошади в реку и начал тонуть. Комиссар бросился в воду прямо в одежде и вытащил парня. Стал выжимать воду из одежды, вытряхнул карманы. «Эх, — говорит со смехом, — пайка сахару на месяц пропала!..» Растворились те два куска сахара в воде... Потом, через много лет, когда я уже сам стал красным командиром, и был направлен на работу в разведку, и увидел Берзина, сразу вспомнил того комиссара, который повел полки на штурм Ярославля. Спросил у него. «Был там в восемнадцатом», — подтвердил Ян Карлович.

После подавления мятежников в Ярославле и Москве партия направила Яна Карловича на фронт гражданской войны. В боях под Оренбургом весной 1919 года Берзин был комиссаром Псковского полка ВЦИК. Затем, когда Латвия провозгласила себя советской, «Старик» получил назначение на должность заместителя наркома внутренних дел молодой республики. Белогвардейцам удалось утопить в крови народную власть в Прибалтике. С последними отрядами красноармейцев и рабочих Берзин оставил Ригу... Летом того же года — бои под Псковом. «Старик», в ту пору начальник политотдела 11 дивизии, пошел в наступление с первым батальоном в первой шеренге атакующих. И позже, будучи начальником Особого отдела ВЧК 15-й армии, он под Нарвой с передовым отрядом вброд переправился через реку навстречу полкам Юденича. В том бою от передового отряда осталось только тринадцать человек...

В синей папке с коричневыми завязками «Старик» хранил лист на разворот с бесхитростным рисунком художника-самоучки: рабочий держит в руках Красное знамя и штурвал революции, а позади него изображен земной шар, объятый клубами пожара. Это прощальное письмо от товарищей по работе, чекистов 15-й армии, написанное в ноябре 1920 года, когда Дзержинский переводил Берзина на новый участок — организовать разведуправление Штаба РККА. Не очень сильные в эпистолярном жанре, друзья писали:

«Товарищ Берзин! Выражая настоящим свое огорчение по поводу Вашего неожиданного ухода, не только как редкого и незаменимого

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

VI-ой КОНГРЕСС
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

МАНДАТ № 128

Берзину

ПРАВОМ совещательного голоса

Секретарь ИККИ:

Москва, июль, 1928

начальника, но в особенности как одного из наших более уважаемых товарищей, мы вместе с тем считаем своей обязанностью высказать прямо и открыто, без всякой лести, как коммунисты, что Ваши знания, опыт, прямота, простота и стойкость были для нас всегда примером не только в общей обыденной, но и в партийной нашей работе.

С Вашим уходом мы лишаемся товарища, который при всяких обстоятельствах умел указывать тот верный путь, по которому должен идти не только особист, но честный, идейный коммунист. Эти два сочетания Вы умели не только указывать нам, но и сами проводить в жизнь.

Мы верим, что память о Вас не изгладится и что Вы на своем новом посту останетесь и впредь нашим старшим, искренно уважаемым товарищем. В знак признательности и уважения к Вам преподносим наш общий подарок — портсигар». И пол-листа подписей...

С портсигаром, простым, из нержавеющей стали, он не расставался с той поры. И этот лист с неуклюжим рисунком ценил выше официальных наград.

Еще один документ — бланк «Всероссийской переписи членов Российской Коммунистической партии (большевиков) 1922 года». В графе «образовательный ценз» Ян Карлович записал: «Учительская семинария, учился три года. На последнем курсе арестован. Посещал Пролетарский университет и Социалистическую академию общественных наук в Москве — один год. Слушал курс политэкономии в Риге — два года». А на вопрос: «Если имеете желание учиться, то чему именно (грамоте, наукам, искусствам, ремеслам — каким именно)», он ответил: «Хочу получить техническое образование». В графе «Тюремный стаж» Берзин проставил: «Пять лет. Просидел в смертной камере две недели». Число совершенных побегов — один. «Семь ран в два раза». «В семье нас, детей, было четверо. В настоящее время — все партийцы». Да, на шесть лет обучения — пять лет тюрем и вечная ссылка, семь ран. Такие анкеты и так заполняли коммунисты первого поколения...

Он был послан партией в разведку для того, чтобы Советские Вооруженные Силы знали, откуда и какая опасность грозит республике, чтобы могла мирно жить и трудиться Родина. Он готовил и направлял за рубежи своих учеников, бойцов невидимого фронта. Мы знаем, что к нему первому пришел Рихард Зорге. Знаем, что Ян Карлович обучал его мастерству разведчика. В подвиге Зорге — отражение таланта Берзина:

„СТАРИК“

так достойный ученик всегда повторяет в себе своего учителя. И сам Берзин, сменив гимнастерку, до неузнаваемости преобразив внешность, отправлялся «за кордон», чтобы лицом к лицу встретить врага.

Весной 1935 года Берзин был назначен помощником, а вскоре заместителем Василия Константиновича Блюхера, командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армией. В приказе народного комиссара обороны К. Ворошилова говорилось:

«Преданный большевик-ленинец, на редкость скромный, глубоко уважаемый и любимый и своими подчиненными и всеми, кто с ним соприкасался по работе, тов. Берзин все свое время, все свои силы и весь свой богатый революционный опыт отдавал труднейшему и ответственнейшему делу, ему порученному. За долголетнюю упорную работу, давшую очень много ценного делу укрепления Рабоче-Крестьянской Красной Армии и обороны Советского Союза, объявляю тов. Берзину Яну Карловичу благодарность. Уверен, что и в будущей своей работе тов. Берзин вполне оправдает свой заслуженный авторитет одного из лучших людей Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

В полночь 18 июля 1936 года радиостанция порта Сеуты, расположенного у Гибралтарского пролива в Испанском Марокко, передала в эфир условную фразу: «Над всей Испанией безоблачное небо» — сигнал к военно-фашистскому мятежу против молодой Испанской республики. Мятеж был подготовлен международной реакцией после того, как в феврале тридцать шестого года на выборах в кортесы одержал победу Народный фронт и у власти стали левые республиканцы, поддерживаемые коммунистами и социалистами. Заговорщики рассчитали, что по их сигналу восстание реакционных групп вспыхнет по всей стране и максимум через двое суток республика будет свергнута. Но в Мадриде и Барселоне, в других крупных городах путчисты были сразу же разгромлены. Им удалось захватить лишь несколько разрозненных районов. Поражение мятежников, на борьбу с которыми поднялся весь испанский народ, было неминуемо. Тогда на сцену выступили истинные вдохновители заговора — фашисты Германии и Италии. В Берлине был создан специальный штаб для оказания помощи главарю мятежников генералу Франко, и для подготовки интервенции к испанским берегам устремились корабли с солдатами, оружием, военной техникой. В портах республики бросили якоря гитлеровские крейсеры и эсминцы, в испанские воды вошел линкор «Дейчланд». Началась открытая интервенция. Германия и Италия оценивали события в Испании как прелюдию к мировой войне и на полях сражений за Пиренеями стремились отработать свою военную стратегию и тактику, испытать новую боевую технику. Уже в ноябре 1936 года на помощь франкистам прибыл первый эшелон гитлеровского легиона «Кондор» в составе пяти тысяч солдат, усиленных танковыми подразделениями и авиаэскадрильями. Всего же за три года войны Гитлер послал в Испанию 50 тысяч своих солдат, а Муссолини — 250 тысяч.

Республиканское правительство призвало на помощь все демократические страны. Но капиталистические государства — Англия, Франция, США — предпочли не услышать этого призыва, тем более что они исподтишка сами участвовали в подготовке мятежа. Западные «демократические» правительства не только поспешили заявить о своем «невмешательстве», но, по существу, развязали руки агрессорам, сделали все, чтобы помешать справедливой борьбе испанского народа.

Однако передовые люди во многих странах мира — коммунисты, социалисты, рабочие, интеллигенты, после победы Народного фронта с надеждой смотревшие на молодую республику, утверждавшую себя в центре империалистической Европы, и теперь понявшие, что франкистский мятеж — это первый удар ножом в спину мира, — поспешили в Мадрид и Барселону, чтобы вступить в интернациональные бригады республиканской армии.

Верный долгу пролетарского интернационализма, протянул руку помощи республиканской Испании советский народ. Через несколько дней после начала фашистского мятежа на Красной площади у Московского Кремля состоялся гневный митинг протеста. Его участники приняли обращение к испанскому народу:

«Трудящиеся столицы Советского Союза, города Москвы, собравшиеся на митинге в количестве ста двадцати тысяч человек, выражают свою братскую солидарность с испанским народом, героически защищающим демократическую республику и независимость своей родины против мятежа фашистских генералов, злейших врагов испанского народа, агентов итальянского и немецкого фашизма. Трудящиеся Москвы выражают твердую уверенность, что при прочности единого Народного фронта испанский народ выйдет победителем в своей благородной, героической борьбе против фашистских извергов и их иностранных покровителей.

Трудящиеся Москвы обращаются к трудящимся Советского Союза с призывом организовать сбор средств в фонд помощи бойцам Испании, с оружием в руках защищающим Испанскую Демократическую Республику. Да здравствует свобода и независимость Испании! Да здравствует Демократическая Республика Испании! Долой кровавый фашизм!»

Советские люди повторяли грозные и мужественные слова, впервые прозвучавшие у стен Мадрида: «Но пасаран!» («Они не пройдут!») — и с волнением следили за событиями в далекой стране. К октябрю они собрали в фонд помощи Испании более 50 миллионов рублей. Правительство СССР предоставило республике кредит в 85 миллионов долларов и начало поставлять ей оружие. Советские морские транспорты с танками, самолетами, орудиями и винтовками отважно шли сквозь заслоны фашистских подводных лодок и авиации.

16 октября Центральный Комитет ВКП(б) направил секретарю ЦК Коммунистической партии Испании телеграмму:

«Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело

испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества. Братский привет!»

Советское правительство одновременно с поставками оружия и боевой техники разрешило выехать в Испанию добровольцам — кадровым военным: танкистам, летчикам, артиллеристам, инженерам, опытным командирам. В числе первых добровольцев подал рапорт наркому обороны заместитель командарма Особой Дальневосточной Ян Карлович Берзин.

В Мадриде «Старик» был назначен главным военным советником республиканского правительства, он возглавил группу наших инструкторов и всю работу по военной помощи, оказываемой Страной Советов сражающейся Испании.

Берзин пробыл в Испании до середины 1937 года. Он не только руководил работой советских добровольцев, но и сам участвовал во многих боях. Военный Совет страны высоко оценил его деятельность. Когда Берзин вернулся, его ждало назначение — снова на должность начальника Разведывательного управления РККА. Это было в июне 1937 года.

С новой энергией, обогащенный недавним боевым опытом, взялся «Старик» за организацию стратегических операций в глубоком вражеском тылу. Он с удовлетворением отмечал, что его ученики и друзья успешно несут свою неусыпную и опасную вахту на всех направлениях тайного фронта.

Отягченный тысячами забот, «Старик» находил время и интерес к делам, не имевшим никакого отношения к его службе. Никакого отношения? Да, если рассматривать их с сугубо профессиональной, военной точки зрения. И имевших самое прямое отношение, если вспомнить, что Берзин был учеником и соратником Феликса Дзержинского, который не только громил очаги контрреволюции, но и с бесконечной сердечностью опекал беспризорных детей в первые послереволюционные годы. Вот документ, свидетельствующий об этой высокогуманной преемственности:

«Народному Комиссару обороны Союза ССР Маршалу Советского Союза
К. Е. Ворошилову

От начальника Разведывательного управления НКО СССР, армейского комиссара 2-го ранга
Я. К. Берзина

Рапорт

В конце марта 1937 года принята группа испанских детей в количестве 72 человек и 6 взрослых испанцев (четыре педагога и две медицинские сестры). Дети для отдыха были помещены во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек», где они находятся по настоящее время... Для указанной группы детей совместно с московскими организациями мы приступили к оборудованию специального детского дома. Московским Советом для этой цели был передан дом на Большой Пироговской, 13, занимаемый ранее различными школами.

...Учиться дети будут в 39-й школе Фрунзенского района (Большой Трубецкой пер., 6/8), где распоряжением Московского гороно выделен первый этаж в качестве отделения начальной школы. Сейчас школа ремонтируется. Школа расположена от детского дома в 10 минутах ходьбы, причем дети никаких трамвайных линий не переходят...»

Ответственность за повороты истории, забота о безопасности страны — и забота о судьбе испанских ребятишек и даже о том, чтобы по дороге в школу им не приходилось переходить трамвайные пути... Что важнее для рассказа о «Старике»?..

— Я работал под его руководством много лет, — вспоминает один из соратников Берзина, ныне заслуженный генерал. — Но меньше всего могу вспомнить о нем как о начальнике. Он был для нас старшим товарищем, открытым к нам всей душой. Не соблюдая табели о рангах, мы шли побеседовать с ним, поделиться сокровенным, получить от него заряд бодрости, революционной энергии. Он был потрясающе скромен и прост в обращении. И в то же время, если он говорил — всегда спокойно, ровным голосом: «Нужно сделать», — каждый понимал: «Это должно быть сделано». «Берзин сказал» — и мы были готовы, «Берзин сказал» — и мы шли на любые опасности. Авторитет его был непреклонным.

Он говорил, что советский разведчик — это прежде всего коммунист, беззаветно преданный партии и Советской Родине. Советский разведчик должен иметь горячее сердце патриота, холодный ум и стальные нервы. Именно таким был сам «Старик». Он учил нас всегда быть начеку, видеть в противнике не глупого и ограниченного, а изощренного и умного врага — и побеждать его превосходством своего ума, своим мужеством, дерзостью и находчивостью. И так действовал всегда сам комиссар Берзин.

Блестяще разработанные Берзиным планы во многом способствовали нашей победе над фашизмом. В канун нападения гитлеровской Германии на Советский Союз и в годы Великой Отечественной войны воспитанные им отважные разведчики с честью выполнили свой долг перед Родиной. Более 120 из них удостоены звания Героя Советского Союза. Ныне несут службу его ученики, чекисты и военные разведчики. Они бдительно охраняют безопасность Советского государства.

КОНЕЦ «ПОЛЯРНОЙ НОЧИ»

На одной из тихих улиц старого Таллина летом 1940 года разместилось небольшое учреждение. На его вывеске было написано: «Германская комиссия по репатриации немцев из Эстонии». Действовала комиссия в соответствии с межправительственным соглашением, работали в ней немцы и советские граждане.

Время от времени в Таллин наезжали и различные чиновники третьего рейха. Один из них, Матизен, худощавый, всегда выбритый, надушенный, отлично одетый, задерживался в командировке дольше всех. А однажды остался совсем.

Матизен был вежлив и учтив. Он мог без устали говорить с женщинами о модах и оперетте, с грустью распространялся о болезнях своей любимой матушки. Играл по вечерам с мужчинами в шахматы...

Однажды Матизен предложил новому сотруднику комиссии Тийту вечером встретиться. Юрист по образованию, Тийт был до этого заместителем управляющего одной из таллинских контор легкой промышленности. Хорошо знал город, людей.

— Дорогой коллега, — сказал ему по-немецки Матизен, — отправимся вечером в парк. На воздух. Отдохнем, подышим...

Матерый гитлеровский разведчик знал, кого приглашать. Резидентура фашистской разведки, свившая гнездо под прикрытием сугубо цивильной и внешне неприметной комиссии, давно изучала Тийта, человека тщеславного, заносчивого, ярого националиста, ненавидевшего советский строй. Матизену стали известны и некоторые дружки Тийта, выходцы из богатых семей помещиков, заводчиков, бывшие офицерские чины старой эстонской армии.

Однн из них, некнй капитан Хуго Сиим, уже перебрался на Запад, а до этого без устали внушал Тийту мысль о «неизбежном крахе большевиков», рассуждал о «свободном мире».

Немного времени потребовалось Матизену, чтобы полностью выяснить политические взгляды Тийта. Юрист подавал надежды. Он охотно называл своих единомышленников-националистов, давал им характеристику.

— Надо действовать, дорогой Тийт, — подсказал однажды Матизен. — Иначе потеряем время.

В тот пасмурный зимний вечер Матизен, наконец, раскрыл карты. Вермахт готовился к броску на СССР. В советском тылу нужно создать «пятую колонну». А для этого нужны такие же люди, которые, как прямо н цинично заявил Матизен Тийту, «обеспечили фюреру успешный блицкриг во Франции».

Первым заданием было срочно собрать сведения о воинских частях, дислоцировавшихся в пригороде Таллина, аэродромах, транспортных узлах. Матизен особенно настаивал, чтобы агент и его сообщники запоминали знаки отличия, эмблемы, цвет формы советских военнослужащих.

Вскоре в руках Тийта оказался портативный радиопередатчик типа «Эри», таблицы шифра н кода, позывные гитлеровских радиостанций, установленных на территории Швеции и Финляндии. Работать агент на указанных ему вол-

нах должен был по утрам — в 6 часов 35 минут, в 6 часов 45 и 6 часов 55 минут. Пароль для связи с агентом устанавливался по названию шпионской группы «Полярная ночь». Он должен был произноситься на немецком и эстонском языках.

Наступила весна сорок первого. На связь с группой Тийта вышел новый резидент. Это был Бирк — низкорослый рыжеватый немец. Во время первой же встречи он передал Тийту несколько десятков револьверов, много патронов, портативную рацию, средства тайнописи.

— Зачем это? — шепотом спросил Тийт, пугливо озирая груду оружия.

— Пришло время переходить к боевым действиям. Вас хорошо знают и ценят в Берлине. Скоро получите награду. А когда мы придем сюда, о скромном юристе заговорят все.

Бирк ходил по комнате с зашторенными окнами на улице Юле, где жил Тийт, и все больше распалялся. Обнаглевший фашист и впрямь чувствовал себя хозяином на советской земле. Он небрежно сунул Тийту очередную пачку денег, объяснил, как пользоваться желтоватыми таблетками для тайнописи, передал затем аппарат с сухими батареями для подслушивания телефонных разговоров и два миниатюрных ножа для зачистки проводов. Агенты по ночам должны были выезжать в сельскую местность и подключаться к телефонным каналам.

Бирк предложил выпить вина из привезенного им тонкого металлического стаканчика. Агенту было невдомек, что у него берут отпечатки пальцев. Сфотографировал же его Бирк открыто — для личного дела, которое, по его словам, заводят на лучших людей фюрера.

Так по крайней мере думал самоуверенный Бирк. И когда напуганный Тийт, не выдержав, спросил шефа, когда можно ожидать начала военных действий, услышал ответ: «Терпите, друг, скоро! После первого июня — в любой из дней...»

Виделись агенты еще несколько раз. Бирк передал Тийту и его группе сугубо секретную инструкцию, разработанную военной разведкой. Но гитлеровцу, прикрывающемуся личиной гражданского чиновника, было невдомек, что он и его помощники давно попали в поле зрения чекистов. Честные люди помогли советским контрразведчикам напасть на след шпионской группы, самоотверженно боролись с агентурой врага. Группа «Полярная ночь» была обезврежена и ликвидирована буквально в течение нескольких дней.

Листаем протоколы допросов тех лет, очных ставок, акты специальных экспертиз, вглядываемся в фотографии вещественных доказательств. Суровый сорок первый вновь встал перед глазами.

— Как только по рации мы получим сигнал о начале выступления вермахта, — сказал на одном из допросов изобличенный и припертый к стенке неопровержимыми доказательствами шпион, — мы должны немедленно стянуть своих вооруженных людей к заранее подобранным площадкам для высадки фашистского десанта. Парашютисты будут приземляться в лесных районах, близких к железнодорожному полотну, шоссе, водным путям, около мостов и переправ. Эти площадки выбраны с таким расчетом, чтобы поблизости не было постоянно расквартированных подразделений Красной Армии. Бирк особо предупредил меня, чтобы наши люди оказывали вооруженное сопротивление тем, кто попытается помешать рассредоточению десанта.

Следователь. Вас информировали о составе и назначении десантов?

Тийт. Да. В каждом из них примерно сто человек. Вооружение — автоматы, гранаты, ручные пулеметы. Во главе каждого десанта — офицер. Эти люди должны сразу перекрывать дороги, уничтожать бойцов и командиров Красной Армии, расстреливать партийных и советских активистов.

Следователь. Какие средства сигнализации предусматривались для пилотов вражеских самолетов?

Тийт. Бирк передал нам ракеты, специальные осветители.

Шаг за шагом советские чекисты разматывали преступный клубок. Выяснилось, что Тийт и его подручные обязаны были в самый канун войны регулярно информировать шпионский центр в Берлине о передвижениях советских воинских подразделений, передавать номера частей, следить и сообщать о всех переходах наших военных кораблей в Финском заливе. На случай, если выйдет из строя рация, предусматривался прямой переход агентов через линию государственной границы.

Явки агентов были установлены также в Германии, Финляндии, Швеции. Для этого Тийту было поручено провести вербовку среди моряков и контрабандистов. В Швеции они должны были бросать открытки с адресом: «Стокгольм, главная почтовая контора, до востребования, г-ну Гунару Олафссону». На территории Германии шпионские донесения должен был получать некий Густав Шлехрат.

Но ни Олафссон, ни Шлехрат, ни другие подставные лица не получили в СССР ни одного послания. Не получили фашисты фотоснимков укрепленных районов, которые их интересовали, описания нового военного самолета, который базировался в пограничных районах.

Не успели воспользоваться гитлеровские прихвостни и нарукавными повязками. Тийт и его свора должны были надеть их в момент высадки парашютных десантов. Все эти шпионские атрибуты вместе с оружием, радиоаппаратурой, средствами тайнописи легли на стол следствия в качестве вещественных доказательств.

Гитлеровская разведка рекомендовала Тийту начиная с первых чисел июня обедать только в ресторане гостиницы «Золотой лев». Там, как его предупредили, к нему время от времени будут подходить люди и спрашивать: «Вы Ральф?» На утвердительный ответ должно следовать: «Привет от Иидре». Это означало, что в СССР для подрывной работы прибыл еще один фашистский агент. Ему нужно было срочно помогать в легализации и устройстве на советской земле.

Действительно, в гостинице «Золотой лев» впоследствии бывали такие встречи с обменом паролями. Но только настоящий Ральф давно уже обедал в тюремной камере. А «гостей» от Матизена и Бирка встречали люди, которые недавно отметили пятидесятилетие своей боевой деятельности.

ВОЗМЕЗДИЕ

В один из февральских вечеров 1940 года в окно дома Местковских тихо, но настойчиво постучали. Хозяин дома, худощавый, длинный, с сухим, угловатым лицом и густой шевелюрой, сидел за столом и при свете керосиновой лампы что-то писал. Местковский поднялся из-за стола, подошел к окну. Прижавшись лицом к стеклу, внимательно всмотрелся в темноту.

— Кто там?

— Выйди на минутку, Семен. Дело есть.

Местковский узнал голос односельчанина Лапинского.

Накинув пальто, вышел во двор. К нему подошел Лапинский.

— Тут, около дома, нельзя говорить, не ровен час, могут услышать, — прошептал он. — Пойдем к лесу.

Местковского насторожил подозрительный шепот Лапинского, его бегающие глазки. Что делать: отказаться? Назовут трусом. Пожав плечами, молча зашагал к темнеющему лесу.

Пройдя сотню метров, Местковский увидел три темные фигуры, неподвижно стоявшие на дороге. Он остановился, взглянул на Лапинского, как бы спрашивая: «Кто такие», но тот сделал вид, что не заметил его взгляда.

Фигуры молча двинулись навстречу. Когда они подошли поближе, Местковский узнал их. Это были кулаки: Станислав Дворaковский, Павел Гоицовский и Александр Войно.

Семен Местковский понял: это конец. Как глупо погибать из-за доверчивости!

— Ты можешь идти, — приказал Гоицовский Лапинскому. — Только держи язык за зубами.

По его голосу чувствовалось, что он здесь старший.

— Ну что, большевичок, доигрался? Наделил землей голодранцев? — грозно подступил к Семену Гоицовский. — Уже за одно это тебя следует отправить в преисподнюю. Но это не главный твой грех. Ты что же, падло, выслеживать меня взялся? Откуда узнал, что у меня люди собираются? Ты, конечно, уже чекистам донес?

Семен Местковский, молчавший до сих пор под градом вопросов, тут разжал губы.

— Счастье твое, гадина, что я не успел сообщить... — проговорил он с презрением. — Но ты ненамного переживешь меня. Народ выведет тебя на чистую воду.

Словно сломанная сухая ветка, треснул выстрел. Местковский, широко взмахнув руками, повалился лицом в снег.

Спрятав труп под пушистой елкой невдалеке от дороги, убийцы разошлись. Ночью пошел сильный снег и скрыл следы.

Труп Местковского был найден утром жителями деревни, направлявшимися на базар в районный центр. Из Гродно приехали работники милиции. Началось следствие. Но никаких доказательств, которые могли бы кого-нибудь уличить в преступлении, найдено не было. Начатое письмо Местковского, в котором говорилось о том, что в деревне Ходышево происходят странные явления, обрывалось как раз там, где Местковский, видимо, собирался рассказать о конкретных лицах.

Через неделю в соседнем селе Музылы было совершено новое преступление. В сапожной мастерской Врублевского выстрелами из револьверов в упор были убиты два оперативных работника милиции — Келбаса и Андрейчук. Сам Врублевский исчез. Через некоторое время из деревни Ходышево поступили сведения о подрывной деятельности бывшего старосты этой деревни Павла Гоицовского, который тоже скрылся. Стало ясно: это звенья одной цепи, в районе Гродно действует подпольная антисоветская организация.

Следствием по обоим фактам убийства занялись чекисты. Для раскрытия шпионско-террористической организации была создана специальная группа во главе с майором Овчинниковым. В руки чекистов попали документы, которые говорили о том, что кулаки пограничных сел Западной Белоруссии — последние отпрыски панской шляхты, еще недавно тиранившие население, — вступили в сговор с фашистской разведкой. Лютые враги Советской власти стали врагами своей Родины.

Прошел месяц с того дня, когда был убит Местковский. За это время капитан Паиков, непосредственно занимавшийся следствием, объездил окрестные села. У него собиралось все больше сведений об активном участнике шпионско-террористической организации Павле Гоицовском. Однако напасть на его след долго не удавалось.

В то время когда Паиков ломал голову над тем, где скрываются Гоицовский и Врублевский, в его кабинете раздался звонок. Из пограничного отряда сообщали, что при переходе советско-германской границы в районе местечка Цехановец был задержан человек с фальшивыми документами на имя Онуфрия Галась. Судя по приметам — это был Врублевский. Доставленный в Гродно, он сначала отрицал свою причастность к убийству милиционеров, но, поняв, что его запирательство может привести к более суровому наказанию, все рассказал...

Перед самым закрытием мастерской к нему пришли трое. Одного из них, Гоицовского Павла, кулака из деревни Ходышево, он хорошо знал, остальных двоих видел впервые.

Обращаясь к хозяину, Гоицовский спросил,

часто ходят к нему милиционеры Келбаса и Андрейчук и собираются ли они прийти сегодня за обувью? Получив утвердительный ответ, он сказал, что эти работники милиции повинны в арестах многих честных поляков и поэтому их нужно убрать. Он, Врублевский, предоставит им помещение для мести, а сам, получив большую сумму денег и документы на имя другого человека, скроется в Германию. В случае доноса — пуля в лоб. Врублевский согласился.

Больше он ничего не сказал Панкову.

После того как задержанного увели, Панков некоторое время сидел в задумчивости, перебирая в уме допрос Врублевского. Затем, убрав все со стола в сейф, направился к майору Овчинникову.

— Вы, лейтенант, не обольщайте себя, — сказал майор, выслушав Панкова. — Поимка Врублевского — это только начало той большой работы, которую нам предстоит сделать. Он — первая ниточка, которая приведет нас к раскрытию подпольной националистической организации. Я подчеркиваю: организации. А в том, что она существует, я не сомневаюсь. Нужно продолжать работу, искать нити, ведущие к ней.

Нити, нити... Как бы долго пришлось чекистам искать их, если бы они работали одни, не опираясь на помощь населения. Но народ всегда помогает чекистам. Так было и на этот раз. Именно от местных жителей чекисты узнали об антисоветской деятельности некоего Фальковского. За ним установили наблюдение.

В лесу, на берегу замерзшего ручья, затерялась небольшая бревенчатая избушка. От старости она стала ветхой, покосилась набок, словно собираясь отдохнуть от долгой и трудной жизни. Окна избушки подслеповато смотрели на скованный льдом ручей. Казалось, она, отслужив свое, давно брошена хозяевами. Но легкий синеватый дымок, поднимающийся из трубы, говорил о том, что избушка обитаема. Здесь в полном одиночестве, словно медведь в берлоге, скрывался от расплаты за преступление Гонцовский. В избушке он устроил целый склад оружия — станковый пулемет с пятью коробками лент, три винтовки, три сабли и десяток ручных гранат. «Пусть только большевички сунутся сюда, — злорадно думал Гонцовский. — Я их встречу достойно». Здесь он чувствовал себя в безопасности. Только самые преданные люди знали о его местонахождении.

Через несколько дней под вечер к Гонцовскому пришел Фальковский — курьер от руководства подпольной организации. Он принес новости, которые мало обрадовали Гонцовского. Оказывается, руководство недовольно его действиями. От него требовали шпионажа: всеми средствами добывать сведения о расположении, численности и передвижении частей Красной Армии, о настроениях местного населения и т. д. И еще сообщил Фальковский: в Гродно недавно побывал представитель из Мюнхена. Он выразил неудовольствие тем, что организация мало поставляет сведений секретного характера, и дал понять, что фашистская разведка со временем может прекратить финансирование организации.

Передав Гонцовскому указание руководства и задание по усилению шпионажа, Фальковский на другой день рано утром ушел в Гродно. На окраине города его неожиданно арестовали чекисты. Но результаты допроса его были для Панкова малоутешительными. Старый шпион и провокатор Фальковский чувствовал, что чекистам вряд ли что известно о его шпионской деятельности, что он взят только по подозрению, и поэтому все отвергал.

Запирательство Фальковского поставило Панкова в трудное положение. Надежда на то, что с арестом Фальковского удастся найти Гонцовского, рушилась.

И опять помогло местное население. В управление пришел житель деревни Лусня-Зыски Станислав Рудницкий. Из разговора с ним Панков узнал, что тот накануне ездил с сыном в лес за дровами. Нагрузив дровами сани, они решили немного отдохнуть. Рудницкий вспомнил, что где-то здесь поблизости находилась избушка, в которой никто не живет. Подойдя к избушке, они увидели, как из трубы ее вился легкий дымок. Рудницкому это показалось подозрительным, и он решил понаблюдать за избушкой.

— И кого же, вы думаете, пан начальник, я увидел? Бывшего старосту деревни Ходышево Гонцовского!

Бандит был схвачен на рассвете, когда сон человека особенно крепок. Спросонок Гонцовский не сразу сообразил, в чем дело. Он настолько чувствовал себя в безопасности, что даже револьвер держал не под подушкой, а в ботинке, который висел у двери.

Гонцовского допросили сразу, как только привезли в управление. Когда его, сутулого, длиннорукого, с квадратным лицом, ввели в кабинет следователя, он невольно зажмурился от яркого солнечного света, которым была пронизана комната.

Панков не сразу начал допрос, несколько минут он наблюдал за Гонцовским. Прошедшая ночь сильно изменила предателя. Он как-то сразу постарел, осунулся. Лицо густо заросло щетиной. Только глаза лихорадочно блестели.

В свою очередь, Гонцовский тоже смотрел на Панкова, стараясь угадать, что известно о нем чекистам. Временами на его лице появлялось подобие жалкой улыбки. Не выдержав взгляда Панкова, Гонцовский опустил голову.

«Нервничает», — определил Панков и сказал:

— Расскажите, сколько ваша организация совершила террористических актов? Рассказывайте все, ничего не скрывайте, полное признание смягчит вашу вину.

Но Гонцовский молчал. Крепким орешком он оказался. Молчал он и на втором допросе и на третьем. На четвертом, когда терпение Панкова лопнуло и он уже собирался вызвать конвоира, чтобы отвести Гонцовского в камеру, тот вдруг заговорил:

— Я, пан начальник, не лыком шит и понимаю: отказываться отвечать не имеет смысла. Но помните, я ни в чем не виноват. Зачем я буду брать на себя вину понапрасну?

— И в зверском убийстве Местковского, Келбасы, Андрейчука, в хранении оружия, значит, не признаете себя виновным? — жестко сказал Панков, постучав пальцами по столу.

— Истинная правда, не убивал я их. И откуда оружие в избушке появилось, не понимаю. Может, раньше кто-нибудь принес? — с ехидцей ответил Гонцовский.

— Не стройте из себя без вины виноватого, Гонцовский. А зачем приходил к вам Фальковский?

Панков не знал о том, что Фальковский был у Гонцовского, и задал этот вопрос просто для проверки. Но результат был совершенно неожиданным. Гонцовский вздрогнул, на его лице появилась растерянность. Видимо, он думал в ту минуту: «Так, значит, они захватили Фальковского и все знают, а со мной играют в жмурки».

— Хорошо, я все расскажу, — глухо произнес Гонцовский. — Я ничего не буду скрывать. Только пообещайте, что меня не расстреляют.

— Я вам обещать ничего не могу — это дело суда. Вы ответите по законам Советской власти.

— Понятно, — мрачно проговорил Гонцовский и неторопливо, четко отделяя каждое слово от другого, повел свой рассказ:

— В подпольную организацию меня вовлек в декабре 1939 года бывший поручик польской армии Пешхава. До поражения Польши мы вместе были в фашистской организации «Стронництво Народове». Где он сейчас, я не знаю.

— Как называлась ваша организация, какие у нее были задачи и кто из руководителей вам известен? — перебил Гонцовского Панков.

— Организация носила название «Батальон крестовых стрелков смерти». Она готовила свержение Советской власти и намеревалась создать польское буржуазное государство. Кто руководитель организации — не знаю. Я получал задания от его заместителя Яна Липки. Адрес его вы, наверно, знаете?

— Да, знаем. Улица Пиратского, тридцать три, — спокойно ответил Панков и, взглянув на Гонцовского, понял, что угадал.

— Когда я вступил в организацию, мне дали задание: вербовать новых членов и собирать оружие в нашем районе, — продолжал Гонцовский.

— Какие сведения шпионского характера вы собрали и передавали в центр?

— Вот чего не знаю, того не знаю. Я лично этим не занимался, но знаю, что есть в организации люди, которые собрали сведения о расположении частей Красной Армии.

— Сколько у вас оружия и где вы его храните?

— У нас имеются станковые и ручные пулеметы, винтовки, карабины, сабли, револьверы, гранаты, взрывчатые вещества. Оружие хранится в разных местах, о некоторых из них я могу рассказать...

— Как выглядит Липка?

Гонцовский закрыл глаза: он старался как можно лучше вспомнить внешность своего шефа.

— Среднего роста, коренастый, волосы черные, поседевшие в висках. На правой щеке шрам, по-видимому, след ножевого ранения. На вид ему тридцать пять — тридцать семь лет.

— Что вы можете добавить к своим показаниям?

— Ничего. Я сказал все.

Доложив майору Овчинникову о результатах допроса Гонцовского, Панков пошел домой.

Он шагал по улицам города под лучами апрельского солнца и обдумывал слова майора, сказанные ему на прощанье: «Завтра, лейтенант, проводим операцию по аресту Липки. Руководить ею будете вы. Боюсь, как бы нам не опоздать. У Липки могут появиться подозрения, если уже не появились, насчет долгого отсутствия курьера...»

Панков отогнал мысли о завтрашнем дне, улыбнулся и огляделся вокруг. Весна была в разгаре. Безоблачное, словно вымытое талым снегом, нежно голубело небо. Многие ходили уже без головного убора, весело щурились от солнца. Мальчишки пускали по огромным лужам кораблики...

Последние дни Липка нервничал. Он чувствовал, что в его организации стало неблагополучно. Пропал Фальковский, нет вестей от Гонцовского. До сих пор не налажена связь с крупной подпольной организацией «Союз вооруженной борьбы», действующей также в Гродненском воеводстве. А тут еще среди членов группы на Гродненской телефонно-телеграфной станции пошли слухи о том, что организация работает в тесном контакте с немецкой разведкой и та платит ему, Липке, вознаграждение марками. Об этом вчера Липке сообщила его старая подруга жизни Ванда Вильчинская, работающая на станции. Несмотря на свое некоторое легкомыслие, Ванда несколько раз приносила ему ценные сведения о дислокации частей Красной Армии и об экономике Белоруссии. Через нее Липка получал копии шифрованных телеграмм из НКВД. Одним словом, Ванда была ценным разведчиком.

Вдобавок ко всему Липка заметил, что за ним следят. Почему? Он пришел к мысли, что ему нужно бежать, и как можно быстрее.

Липка взглянул на часы. Было пять часов. «В шесть должна была прийти Ванда. Ждать ее или нет? А ну ее к дьяволу! И организацию тоже, — решил вдруг Липка. — Сейчас дорога каждая минута. Он устал засыпать каждую ночь с пистолетом под подушкой».

Он выпил для храбрости коньяку, тщательно оделся, достал из тайника маленькую записную книжку с фамилиями участников организации, взял из ящика пачку немецких марок и вышел. Закрывая за собой дверь квартиры, Липка за спиной услышал тихий, но властный голос:

— Руки вверх! Не двигаться!

Липка, вздрогнув, обернулся. На него глядело дуло пистолета. Не давая ему опомниться, лейтенант Панков настойчиво повторил приказание, и Липке ничего не оставалось делать, как повиноваться. За спиной Панкова он увидел еще двоих.

Чекисты обыскали задержанного. Из его карманов они вынули деньги, пистолет, пачку сигарет и маленькую записную книжку. Обыск в квартире Липки ничего не дал. Минут через десять у дверей раздался звонок.

— Пойду узнаю, кто звонит. Может быть, какая-нибудь тоже важная персона? — Панков вынул пистолет и открыл дверь.

Лейтенант не ошибся. На пороге стояла молодая, стройная женщина с тонкими чертами лица. Это была Ванда.

— Быстро проходите вперед, — сказал Панков и тут же спросил: — Вам знаком этот человек?

Ванда, не успевшая еще ничего сообразить, молча кивнула. Липка бросил на нее злой взгляд. Он понял, что ему придется во всем сознаться.

Товарищ ЗОРГЕ

Документы, воспоминания, интервью о подвиге советского разведчика

Номер партбилета — 0049927.
Время вступления в партию — март 1925 года.
Наименование организации, выдавшей билет, — Хамовнический район, Московская организация.
Личная подпись получившего на руки партбилет — .....

(Из партийной карточки Рихарда Зорге.)

План «Барбаросса» — план войны с Советским Союзом — был одной из важнейшнх тайн гитлеровской Германии. О нем знали считанные люди. Этим планом определялась и точная дата начала войны. Дата — тайна в тайне. И все-таки (теперь зто известно) один нз сообщавших, человек, на осведомленность которого можно было положиться, за трн месяца до нападення фашистов на СССР раскрыл планы гитлеровского генштаба и назвал дату: 20—22 июня.

Этим человеком был Рихард Зорге.

Осенью сорок первого года под Москвой и зимой сорок второго в битве на Волге были остановлены и разгромлены отборные фашистские войска. В победном исходе грандиозных сражений, определившнх дальнейший ход второй мировой войны, существенную роль сыграли свежие, отлично оснащенные сибирские дивизии. Онн были переброшены с Дальнего Востока после того, как удалось установить, что в тот момент Советскому Союзу не угрожало нападение со стороны Японии. Серьезным основанием для этого послужнло сообщение из Токио от человека, на осведомленность которого можно было положиться.

Этим человеком был советский разведчик Рихард Зорге.

О нем писали —

Начальннк штаба разведки Макартура генерал Уиллоуби в документальном изданни «Шанхайскнй заговор»:

«Перед самым нападеннем Японии на Пирл-Харбор в Токио было обнаружено и обезврежено мощное кольцо советских разведчиков. Группа, руководимая блестящим, изобретательным Рихардом Зорге, совершала поистине чудеса. В течение восьмн лет она действовала смело, решительно и успешно, работая на свою духовную роднну — Советский Союз.

Начав буквально на пустом месте, в стране, о которой он имел самое смутное представление, Зорге сумел создать самую блистательную организацию, которую когда-либо знала нстория японской контрразведки.

В течение всех лет своей деятельностн Рихард Зорге передавал в Москву бесчисленное множество важных сообщений, каждое из которых подвергалось с его стороны скрупулезному аналнзу н тщательной проверке. Руководителн советской разведки и Красной Армии всегда былн в курсе всех планов японскнх н германских вооруженных сил.

Можно только поражаться тому, что, несмотря на постоянное недоверие, которое японцы питали ко всем иностранцам, несмотря на строжайшую слежку, установленную за ннми, и меры предосторожностн, предпринимаемые японской контрразведкой, нн гражданская полиция, нн жандармерия, ни другие органы государственной безопасности Японии не имели ни малейшего подозрения по отношению к Зорге или кому-нибудь из его довольно многочисленной группы.

...Все члены группы Зорге, как зто ни покажется необычным, работали ради идеи, ради общего дела, а не радн денег. Те средства, которые они получали из Центра (по нашим понятиям весьма скромные), шли на оплату конспиративных квартир и переезды».

Бывший шеф Центрального разведывательного управлення США Аллен Даллес в книге «Искусство разведки»:

«Основным достижением группы Зорге было предоставление Сталину в середине 1941 года определенных доказательств, что японцы не имели намерений нападать на Советский Союз и концентрировали свои усилия против Юго-Восточной Азии и района Тихого океана, то есть затевали тактику Пирл-Харбора. Эта информация была равноценна многим дивизиям...»

Английский лнтератор Чарлз Уайтон в книге «Величайшие разведчики мира»:

Товарищ ЗОРГЕ

«Рихарда Зорге с полным на то основанием называют крупнейшим разведчиком периода второй мировой войны. Советский Союз и косвенно весь коммунистический лагерь многим обязаны этому русскому агенту, сумевшему на протяжении нескольких лет аккуратно информировать Москву едва ли не о всех тайных замыслах стран оси. Сведения, которые Зорге сообщал Советам в критическом 1941 году, помогли им удержать столицу и, вероятно, сыграли первостепенную роль в победе Красной Армии на берегах Волги восемнадцать месяцев спустя».

Военное министерство США в документе «Меморандум для печати. Прилагается доклад штаба Дальневосточного командования. Разведывательная организация Рихарда Зорге»:

«Вероятно, никогда в истории не существовало столь смелой и успешной разведывательной организации. Начав с ничего в стране, в которой Зорге до этого никогда не бывал, он сумел развернуть самую всеобъемлющую и успешную разведывательную деятельность».

Немецкий писатель Г. Кирст:

«Разведчику необходимы знания, знания хозяйственной и политической жизни страны, которой он занимается. Зорге шел много дальше. Он был разведчик и исследователь одновременно. Он сам собирал, отбирал и оценивал факты. Он не составлял «мозаики», а давал анализ...»

Мы прочли книги зарубежных авторов. И все-таки еще слишком мало знали о нем, а сами сведения были разрозненны и не очень правдоподобны, когда в одном из московских архивов в ответ на телефонный запрос сказали: «Приезжайте!» Скромная служащая в сером халате, откуда-то из глубин хранилища возникшая на пороге с папкой в руках, легко помогла нам преодолеть расстояние от легенды до повседневности. На стол заведующего легли учрежденческая фотокарточка лобастого молодого человека в вельветовой куртке и широком галстуке, заполненная его рукой анкета:

«Профессия — интеллигент.

Призвание — партийный работник.

Профсоюз — работников просвещения...»

То, что казалось вымыслом, становилось реальностью. Легенда отступала. Жизнь во всей простоте, обыденности предъявляла на героя свои права. Это были прекрасные минуты! Ведь «земная» природа подвига едва ли не самое удивительное в подвиге.

Прослеживая шаг за шагом необыкновенную судьбу этого человека, не раз испытываешь чувство, близкое к потрясению. Но те первые мгновения, когда заведующий архивом развязал матерчатые папки с надписью: «Зорге», определили главную особенность нашего подхода к теме: документальность.

Факты, приведенные в очерке, подтверждены документами, диалоги заверены живыми людьми, нашими собеседниками.

Так кто же такой Рихард Зорге? Почему сейчас, через двадцать лет после гибели, его имя не сходит с печатных страниц? Чем притягательна эта личность?

Есть человеческие судьбы, наиболее полно отразившие свое время. Такой была судьба Рихарда Зорге, потому что в ней слились воедино и героика, и трагизм многотрудной революционной эпохи, потому что в этой судьбе мы находим ответы на многие вопросы, волнующие людей и сегодня. Биография Зорге — биография сына своего времени. Человек неотделим от эпохи. Творя ее, он сам создается ею. Из способностей она формирует ум, из темперамента — характер. Так возникает личность.

Предоставим слово Зорге и его эпохе.

Сохранилось немало его фотографий. Но друзья утверждают, что ни на одном из снимков Рихард не похож по-настоящему на того человека, которого они знали.

...В ту зиму они собирались на Нижне-Кисловском у Кати Максимовой. Вина не пили, тогда это было не принято, пили чай с желтым сахаром, пели песни, спорили о спектаклях Мейерхольда и Станиславского, о театре «Семперанте», о Бетховене и Скрябине, о живописи.

Один из гостей, широкоплечий парень в синем свитере, больше молчал, улыбался. Никто не удивлялся его молчаливости: он немец, хозяйка комнаты давала ему уроки русского языка. В те годы в Москве было много иностранных коммунистов, все сочувствовали их борьбе, и никто не расспрашивал о деталях. Здесь, на Нижне-Кисловском, Рихард был своим среди своих. Потому и по сей день друзья сохранили в памяти спокойное, доброе, открытое выражение его лица, выражение, не схваченное фотообъективом.

Он был несколько старше всех остальных. Четыре года назад он переехал в Советский Союз из Германии. Четыре года назад его приняли в ВКП(б), а до этого — целая жизнь...

Своим московским друзьям Рихард как-то шутливо заметил: «Вообще-то я могу вполне считать себя азербайджанцем. Только вот беда — ни слова по-азербайджански не знаю...»

Да, он действительно родился в Азербайджане, в селении Аджикенд, в семье инженера нефтяной компании.

Позже, в токийской тюрьме Сугамо, Рихард будет писать:

«Мое детство прошло безмятежно, так же как у многих моих сверстников из обеспеченных немецких семей... Единственное, что отличало его от детства других ребят, — это сознание того факта, что я родился на Кавказе в России».

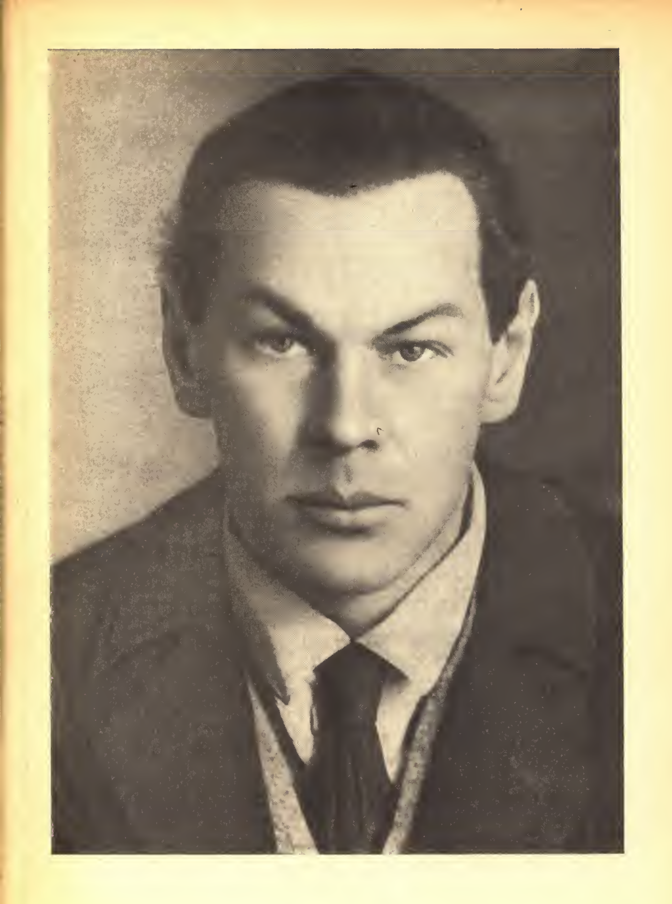
И еще одна особенность семьи Зорге была известна юноше:

«Я знал, что сделал для рабочего движения мой дед...»

Действительно, фамилию Зорге мы встречали. В Полное собрание сочинений Маркса и Энгельса включена их обширная переписка с другом и соратником по борьбе — Фридрихом Альбертом Зорге.

«В школе я почти не выделялся среди своих одноклассников», — вспоминал Рихард.

В первые же дни империалистической войны он добровольно уходит в армию и со школьной скамьи сразу попадает в окопы. А приняв участие в нескольких кровопролитных сражениях, пережив гибель фронтового товарища, полу-



ТЕЛЕГРАММА вх.№ 164331

Из Токио подана II час 37 мин 29 декабря 1940 г.
получена I5 час 20 мин 29 декабря 1940 г.

Токио, 28 декабря 1940 г.

В настоящее время немцы на своих восточных границах, включая Румынию, имеют 80 дивизий с целью воздействия на политику СССР.

Как говорят военные, прибывающие из Германии в Японию, немцы смогут оккупировать территорию СССР по линии Харьков–Москва–Ленинград.

РАМЗАЙ

чив первое ранение, Рихард начинает понимать бессмысленность и преступность развязанной капиталистами бойни.

Неузнаваемо повзрослевший, приехал он домой на лечение. Не слишком внимательный прежде к материальной стороне жизни, новыми глазами вглядывался в безрадостный быт военной Германии. Нехватка продуктов. Чудовищно возросшие цены. Спекуляция... Вглядывался не только Рихард. Целое поколение переоценивало ценности. Во время короткой побывки он сдает экзамены в школе и поступает на медицинский факультет. Но его снова ждут окопные «университеты». На этот раз Рихард попадает на Восточный фронт.

Еще одно ранение. И снова окопы. Вот что говорил сам Рихард Зорге об этих днях:

«На Восточном фронте я познакомился с двумя солдатами, один из которых знал Розу Люксембург и Карла Либкнехта. Часами напролет мы спорили о том, где же выход для нашей страны. В это время меня ранило в третий раз, и очень серьезно. В госпитале, где я пролежал несколько месяцев, мне посчастливилось познакомиться с весьма образованной, интеллигентной сестрой милосердия и ее отцом, врачом госпиталя. Несколько позже мне стало известно, что они оба тесно связаны с радикальной фракцией социал-демократической партии Германии. От них я узнал о революционном движении в нашей стране, впервые услышал имя Ленина. Так был сделан мой выбор. Я решил связать свою жизнь и судьбу с революционным рабочим движением».

Знавшая в те годы семью Зорге Доротея фон Дюринг характеризует Рихарда как «волевого, открытого, целеустремленного юношу». «Мы все любили Ику, — вспоминает она, — и хотя не разделяли тех убеждений, с которыми он связал себя позже, неизменно оставались в дружеских отношениях с ним... Он всегда был немного романтиком. У меня где-то хранится стихотворение, написанное рукой Рихарда. В нем есть строки: «Вечный странник, обрекающий себя на то, чтобы никогда не знать покоя...»

Демобилизовавшись, Зорге продолжает образование в Кильском университете. К медицине его сердце уже не лежит. Он поступает на факультет социологии и политэкономии. Вступает в ряды независимой социал-демократической партии. Создает социал-демократическую организацию среди студентов и становится ее руководителем. Его часто видели на рабочих собраниях. Он выступал с лекциями перед военными моряками. В Киле он узнает о революции в России.

ТЕЛЕГРАММА вх.№ 89084

В/часть

Из Токио II 40 I июня 41
I7 45 I июня 41

Токио, 30 мая I94I г.

Берлин информировал своего посла в Японии ОТТ, что немецкое наступление против СССР начнется во второй половине июня.

Наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии.

ОТТ совершенно уверен, что война скоро начнется, поэтому он потребовал от военного атташе не посылать никаких важных сообщений через территорию СССР.

Технический департамент германских воздушных сил в Токио получил указание возвратиться в Германию.

РАМЗАЙ

Десять дней пролетарской революции в России потрясли весь мир. Все человечество с сочувствием, ненавистью, тревогой, опаской, восхищением вглядывалось в то, что происходит в стране, свергнувшей капитализм. Удивлялись всему. Парламентариям с пулеметными лентами на груди. Красногвардейцам в лаптях, противоборствующим броневикам Антанты. Ленину, «кремлевскому мечтателю», чьим сердцем и волей жила вся эта огромная, полудикая, непонятная страна. Но уже миллионы людей во всех концах Земли сказали себе — «моя революция», уже подрастала в мире молодежь, которая с верой и надеждой ловила каждое слово Москвы.

Париж. Молодой сорбоннский студент — серб Бранко Вукелич просиживает ночи над работами Маркса и Ленина. Дня ему не хватает. Бранко немногим более двадцати, а за плечами демонстрации, забастовки, югославская тюрьма... Он уже успел выполнить несколько партийных поручений в Праге. Французская полиция не оставляет его в покое. Вукелич выступает в коммунистической печати, участвует в организации стачек. С братом и друзьями он часто бывает в маленьком парижском кинотеатре на Монмартре, где идут советские фильмы, а ночами наряду с марксистской литературой читает все, что удается достать о Советском Союзе.

Токио. Те же книги изучает ровесник Вукелича японский студент Ходзуми Одзаки. Сын корреспондента газеты «Ници-ници симбун», еще в юности он стал убежденным пацифистом. Знакомство с революционной литературой в Токийском университете углубило взгляды Одзаки. Как и Вукелич, после окончания университета он становится журналистом, не скрывающим своих прогрессивных взглядов, своих симпатий к Советской России.

Лос-Анджелес. Судьба забросила сюда одного из соотечественников Одзаки — Нотоку Мияги. В Америке он закончил художественное

Товарищ ЗОРГЕ

училище и сблизился с левыми кругами. Выполняет различные партийные поручения... «Я не хочу сказать, — говорил он позже об этом периоде своей жизни, — что влияние моих друзей или чтение правдивой литературы для меня ничего не значили. Но особенно я был поражен действительными фактами, внутренними противоречиями американского капитализма, тиранией правящих классов и сверх всего — бесчеловечностью общественной дискриминации, жертвой которой являлись азиатские народы. Я заключил, что лекарство от всех этих зол — коммунизм».

Однажды в советском порту пришвартовалось германское судно «Нептун». В числе других моряков на нашу землю ступил коренастый, немного неуклюжий матрос. Он смотрел вокруг сначала с недоверием, потом с откровенным любопытством. В отличие от Вукелича, Одзаки и Мияги Максу Клаузену не пришлось много читать. Он не был интеллигентом. Юношей угодил в окопы, служил в войсках связи. После войны большую часть времени тратил на поиски работы, пока, наконец, в Гамбурге не нанялся на «Нептун». Нелегкая молодость заставила и Макса задуматься над тем, правильно ли устроен мир, нельзя ли его переделать. Ответ он получил, ступив на советский берег. «Я увидел бурный рост промышленности, колоссальные достижения русских и еще больше убедился в том, что только коммунизм может обеспечить людям счастье», — вспоминал он позже о тех днях, когда все четверо они еще не знали друг друга. Но уже тогда их объединяла общая ненависть к войне.

Нищая, разоренная войной и разрухой, осаждаемая кольцом врагов, Страна Советов находила в себе силы братски помогать тем, кто в этом нуждался. 14 ноября 1918 года от Белорусского вокзала столицы отправился первый эшелон с хлебом, который голодающая Россия посылала бастующим рабочим Германии. Хлеба не хватило, два вагона пришлось наполнить черными сухарями.

А на другой день рабочие, красногвардейцы, крестьяне внимали словам своего вождя:

«Всем совдепам, всем, всем! Сегодня ночью получены известия из Германии о победе революции в Германии... Киль сообщил по радио, что власть там в руках Совета рабочих и матросов...

Предсовнаркома Ленин».

«Правда» выходит под броскими шапками:

«Корона Вильгельма упала в грязь. Это — четвертая по счету!»

«Вся Северная Германия в руках восставших рабочих, матросов и солдат...»

Хроника фиксирует каждый шаг германской революции:

«Восстание в Киле имеет продолжение в Гамбурге...»

Среди откликов — приветствие рабочим Киля и Гамбурга от пролетарских организаций Нижнего Новгорода. Красноармейские митинги на фронтах.

В событиях, за которыми следили Советский Союз и весь мир, участвовал Рихард Зорге.

Во время демонстрации революционных матросов Киля его можно видеть в центре колонны; он выступает на импровизированных митингах перед моряками и портовыми рабочими, руководит уличными боями с полицией.

После убийства в Берлине Карла Либкнехта и Розы Люксембург, после подавления кильского восстания центр революционного движения перемещается в Гамбург. Сюда переезжает и Зорге, отчасти для того, чтобы в здешнем университете завершить научную работу и защитить докторскую степень, а главным образом — чтобы получить новое ответственное задание. В Гамбурге после слияния спартаковцев с независимой социал-демократической партией Германии активный революционер Рихард Зорге становится коммунистом. Отныне вся его партийная работа в Германии будет связана с деятельностью секретаря Гамбургской организации, а позже секретаря КПГ Эрнста Тельмана. Это были для него годы политического созревания.

В 1925 году по совету руководителей КПГ Зорге едет в Советский Союз.

Для зарубежных коммунистов родина Ленина стала духовной родиной. Это были люди особого склада. Их жизнь строилась по законам сурового времени, и каждый в любой момент готов был встать по тревоге. Но если и значили что-то в их походном быту радость привала, тепло домашнего очага, то этим привалом и очагом для многих была наша булыжная, не очень уютная, не очень сытая Москва.

Во время Первомайских и Октябрьских праздников они стояли на трибунах и приветствовали граждан первой в мире социалистической республики скупым жестом согнутой в локте и сжатой в кулак руки: «Рот фронт!» Они гордились нами. А демонстранты пели о Димитрове, о Тельмане, о товарищах, томящихся в холодных застенках, о пролетарской солидарности. Это Москва чествовала ветеранов подполья, партийных делегатов, героев баррикадных боев. Впрочем, они не считали себя героями. Это был их долг, повседневный труд.

Среди них были люди разных национальностей. Многие успели кончить на родине учебное заведение, давшее им ту или иную специальность. Многие имели семьи. Неповторимость частностей, естественно, придавала их биографиям индивидуальную окраску, но ничего не меняла в главном — так крепка была непоколебимая сила идей, вызвавших к жизни это удивительное поколение интернационалистов! Солдаты и генералы революции, они в первую очередь были ее тружениками. И вот уже полстолетия на самых важных стратегических картах времени за многими обозначениями событий мы читаем их имена. Руководители компартий и вожди национально-освободительного движения, комиссары интернациональных бригад и участники движения Сопротивления, министры стран народной демократии и докеры-антифашисты... Мы слышим их голоса в знаменитой речи Димитрова на процессе в Лейпциге, в слове Фучика перед казнью, в памятной записке Тольятти. К таким людям принадлежал и Рихард Зорге.

Ему легко дышалось, хорошо работалось в Москве. Работоспособность его была неистовой, иначе не назовешь. Утром товарищи встречали Рихарда в дверях Института марксизма-ленинизма.

«Куда спешишь? Чем сейчас занимаешься?» — спрашивали его.

«Фридрих Энгельс, — отвечал он. — Война. Энгельс о войне. Я должен успеть, понять...»

Днем он диктовал машинистке и только под вечер замечал, что та буквально валится от усталости. Спохватывался, извинялся — пора отдыхать и... спешил в библиотеку, чтобы сесть за японские и китайские книги: его интересовал Дальний Восток.

Рихард нередко чуть-чуть иронизировал над своей немецкой размеренностью, пунктуальностью, даже над своим извечным «ich mub» — «я должен». Но с утра опять вставал как по команде, делал зарядку, обливался холодной водой.

Всегда бодрый, подтянутый, серьезный, он заражал окружающих своим трудолюбием и упорством. Впрочем, в полной мере свойственны ему были и чувство юмора, и широта натуры, и непосредственность, и способность увлекаться, загораться.

«Как ты все успеваешь? — спрашивали друзья. — Как выдерживаешь такую нагрузку?» — «Я отдыхаю», — отвечал он совершенно искренне.

Он уже бывал в заграничных поездках, уже готовился к новому делу, и то, из чего складывалась жизнь москвича, аспиранта-вузовца, научного работника, казалось ему отдыхом.

Ум и воля, которыми были отмечены черты тридцатилетнего Зорге, делали этого человека значительным. Он был высокого роста, крепко скроенный, светловолосый. Резко, круто очерченные брови, взгляд прямой, может быть, несколько суровый, решительная складка губ. Однако он не казался ни угрюмым, ни углубленным в себя, совсем нет.

Он умел слушать других — свойство, не присущее людям замкнутым, внутренне равнодушным. В эти минуты на его лице отражались все оттенки «сопереживания». Когда он улыбался, его светлые глаза становились чуть-чуть раскосыми. Это было неожиданно, и иногда собеседник удивлялся вслух. А он, посмеиваясь, говорил что-то насчет «русско-татарского» происхождения матери. Но вообще-то в своем грубошерстном свитере или желтоватой вельветовой куртке он все-таки выглядел иностранцем.

В компании на Нижне-Кисловском он скоро совсем освоился. Ему нравились Катины друзья, молодая советская интеллигенция. Теперь он живо участвовал в общем разговоре, и все смогли убедиться, что молчаливый Ика сведущ в живописи и скульптуре, любит поэзию, по-немецки знает наизусть Гейне, а по-русски — многие стихи Блока.

Он говорил все еще с сильным акцентом, и над ним добродушно посмеивались. Рихард был интересным рассказчиком, много знал, много видел, но иногда застывал среди фразы и беспомощно махал у виска рукой, подыскивая слово поточнее, и, не найдя его, обращался к Верочке Избицкой, знавшей французский, по-французски. Но чаще он обращался к Кате.

Катя Максимова, хозяйка комнаты, казалась спокойной, сдержанной. Но друзья знали, что она способна на неожиданные решения. Выпускница Ленинградского института сценического искусства, которую ее педагог Л. А. Вивьен помнит как способную актрису, в двадцать девятом году вдруг заявила, что хочет пойти на завод, «в рабочую гущу». И пошла. Работала сначала аппаратчицей, потом — бригадиром, мастером, начальником цеха завода «Точизмеритель». С Рихардом ее связывала больше чем дружба, и в 1933 году она станет его женой. Комната на Нижне-Кисловском — первый его московский дом. Здесь в углу и после отъезда стояли его лыжи, сюда он свез книги.

Но, не забегая вперед, стараясь охватить взглядом всю калейдоскопическую сложность московской жизни тех лет, проследить московские маршруты и московские связи Рихарда Зорге, расскажем сразу же о самом важном. В Москве в конце двадцатых годов Зорге встретил Яна Берзина.

...Легендарный Берзин! Большевик-подпольщик, политкаторжанин, комиссар дивизии латышских стрелков в годы гражданской войны, человек, лично знавший Ленина и не раз упомянутый в ленинских статьях и письмах. Это был тот самый Берзин, которого партия не колеблясь посылала на самую трудную работу.

Знакомство с Берзином и открыло новую страницу жизни Рихарда Зорге, которая стала предметом внимания политиков, писателей, кинематографистов.

1929 год. Эта дата еще стоит на документах, связывающих его с Москвой. На читательском билете, членской книжке Немецкого клуба, письмах из Германии.

Отныне подавляющая часть его документов и снимков будет воспроизводить облик корреспондента «Франкфуртер цайтунг» Зорге, основателя кафедры немецкой философии в Токийском университете доктора Рихарда Зорге, пресс-атташе германского посольства в Японии, главы нацистов немецкой колонии в Токио герра Зорге.

Позже, когда его не станет, когда разведка Макартура опубликует обнаруженные в японских секретных архивах документы о казненном в тюрьме Сугамо советском разведчике Рихарде Зорге, пресса всего мира единодушно восхитится искусством, с каким он сыграл свою труднейшую роль. Его назовут человеком с тремя лицами. Его возведут в ранг величайших разведчиков мира только лишь для того, чтобы низвести до ранга якобы себе подобных. Для него не пожалеют самых превосходных степеней, чтобы сделать всего лишь правофланговым в ряду уже известных истории героев тайной войны.

При этом не забудут восхититься подготовкой высококвалифицированных разведчиков, организованной русскими. Пять лет в Москве его «обучали» — чему? Секретам шифровки? Приемам джиу-джитсу? Не знаем. Не знаем, владел ли Зорге приемами джиу-джитсу, умел ли стрелять из любого кармана. А вот то, что он отлично владел другим оружием, не вызывает сомнений.

С 1925 по 1927 год только в одном из издававшихся в Москве теоретических журналов опубликовано семнадцать серьезных статей Р. Зорге, или Р. Зонтера (псевдоним), не считая двух книг, изданных примерно в то же время. В два месяца — статья! И каждая содержит громадный фактический материал, свидетельствуя об обширной эрудиции автора, глубоком

знакомстве с марксистской литературой, умении анализировать сложнейшие проблемы современности.

В Москве на партийном собрании среди вопросов, заданных Рихарду Зорге товарищами, был и такой:

«Ваше образование?»

«Доктор социологии».

Он получил эту степень в Гамбургском университете еще в 1919 году.

Через два года молодой ученый издал книгу «Роза Люксембург и накопление капитала». В московских библиотеках сегодня можно получить и брошюру «План Дауэса и его последствия», написанную Рихардом Зорге в 1925 году. Эту работу и следующую — о германском империализме — сам автор расценивает как серьезное исследование.

Он был прозорливым политиком, некоторые его суждения и по сей день поражают точностью и дальновидностью. Иногда трудно поверить, что та или иная его статья написана не вчера, а почти сорок лет назад.

Начиная с 1927 года среди теоретических работ Зорге все чаще встречаются статьи о политическом и экономическом положении дальневосточных стран. Написаны они с той же основательностью, точностью и глубоким знанием, которые всегда отличали работы Зорге. Его внимание к Дальнему Востоку отнюдь не случайно. Многие острые противоречия империалистических держав сосредоточились на Дальнем Востоке, оттуда исходила и непосредственная угроза Советскому Союзу. «В настоящее время должен быть решен вопрос о гегемонии американского, английского и японского империализма», — пишет Зорге. И вывод, который он делает в статье 1927 года, определил, может быть, его судьбу революционера, его личную судьбу:

«...Как раз на почве взаимоотношений в Азии обострились противоречия между тремя сильнейшими империалистическими державами, и война должна неизбежно наступить».

В хоре похвал советскому разведчику приходилось слышать и скептические голоса: революционер, ученый — и вдруг разведка... Что определило такой «странный» переход?

«С какой бы меркой мы к нему ни подходили, — признает автор книги «Величайшие разведчики мира» Чарлз Уайтон, — нельзя не согласиться с тем, что человек он был выдающийся: доктор философии, наделенный недюжинным умом, в совершенстве знающий немецкий, английский, французский, русский, японский и китайский языки... Можно не сомневаться, что Зорге добился бы огромных успехов в любой области, какую бы он ни выбрал».

Молодая республика давала огромный простор для применения разнообразных способностей Рихарда.

Но он сам выбирает свой путь. Он берет на себя задание трудное, опасное, требующее повседневного героизма, задание, для выполнения которого придется мобилизовать весь свой опыт, все свои знания и способности. Складывающиеся исторические обстоятельства подсказывают ему выбор. Страна, ставшая ему родным домом, была окружена кольцом врагов. Они устраивали провокацию за провокацией, угрожали ее границам, стреляли в ее послов и дипкурьеров, злобно клеветали на нее в печати.

Да, ему нравилась тишина библиотек, он чувствовал вкус к путешествиям по каталогам, его влекла научная работа. Но письменный стол казался тогда укрытием. «Революция в России указала мне курс, которым должно было следовать международное рабочее движение. Я решил не только поддержать это движение теоретически и идеологически, но и стать активной частью его, — напишет Зорге в автобиографии. — Все, что я сделал позже, что определило весь мой последующий образ жизни, вытекало из этого решения».

Кабинет генерала. На столе папки документов, атлас мира. Генерал достает бумаги, читает их, задумывается, надолго замолкает. Он вспоминает о товарище.

Генерал и Зорге почти сверстники. Они примерно в одни годы познакомились с Берзином. Теперешний генерал командовал тогда полком. Он выступал на совещании в Главном политическом управлении Красной Армии, и Берзин захотел узнать его поближе. Пригласил к себе, долго беседовал. Потом стал известен отзыв Берзина: хороший получился командир.

«Мы были с Рихардом в одной партийной организации. — сказал генерал. — Часто встречались с ним, беседовали, советовались. Ему первому из нас предстояла серьезная поездка за рубеж...»

И генерал подробно рассказал, что это была за поездка.

В Китай Зорге прибыл как специальный корреспондент немецкого журнала «Дас социологише магазин» и представитель некоторых американских газет.

Там деятельностью Зорге ряд лет непосредственно руководил мужественный и опытный человек. В иностранной литературе о советской разведке его называют обычно Алекс, поясняя, что его подлинную личность установить не удалось. Ну что ж, теперь мы можем не скрывать его фамилию. Это пламенный коммунист-ленинец, комиссар гражданской войны Лев Александрович Борович.

Центр ждал от Рихарда Зорге точной информации о происках Японии в Китае. Армия Страны Восходящего Солнца уже открыто вторглась на территорию Маньчжурии, и можно было с уверенностью сказать, что на этом она не остановится...

Вот где неистовая работоспособность Рихарда нашла себе применение! Чтобы держать руководство в курсе событий, нужно наладить сбор и передачу сведений. Зорге ездит из конца в конец огромного Китая — из Ханькоу в Нанкин, из Нанкина в Мукден, из Мукдена в Кантон и снова в Шанхай. В поездках его часто сопровождает коренастый немногословный человек, новый шанхайский знакомый Макс Клаузен. Он работает простым механиком в гараже, а на досуге занимается радиолюбительством. В скромном любителе Зорге обнаружил специалиста

Товарищ ЗОРГЕ

	ика Рихардович Зорге
	Рамзай
	Зорге, Рихард
Национальность.	немец
Партийность (стаж).	1925 В.К.П 1919 К.П. Герм.
Знание языков.	немец. английск, скандинавск, немного по франц. и порусски.
Краткие биографические сведения.	4.10.1895. учился в Герм в гимназии, поступил в университет. работал: ...

Анкета Р. Зорге.

Р. Зорге в Японии.

высокого класса. Собранный его руками мощный коротковолновый передатчик казался по тем временам чудом техники. Макс легко наладил связь с советской радиостанцией, находящейся в районе Владивостока. Сравнительно небольшие по габаритам, его передатчики обеспечивали надежную связь на 2,5 — 3 тысячи километров.

Шанхай — Токио, недолгий рейс океанского лайнера; если море спокойное, поездка займет не более суток. Для Рихарда этот путь оказался длинным, тяжелым и полным риска: из Шанхая в Токио решено было добираться... через Берлин. Ему предстояло побывать в логове пришедших к власти фашистов.

Дерзкая миссия! Но риск был оправдан. Руководители Зорге сознавали это, потому что в случае удачи... Нет, даже они не могли тогда предполагать, какие плоды принесет в будущем кругосветный вояж с заездом в Берлин.

А пока Зорге приходится нелегко. Об этом свидетельствуют его берлинские донесения Центру:

9 июня: «Положение мое здесь не очень привлекательно, и я буду рад, когда смогу отсюда исчезнуть».

3 июля: «Интерес к моей личности становится чересчур интенсивным».

Человек свободной профессии, журналист, испытывающий интерес к Дальнему Востоку, имеющий определенные познания в этой области и предлагающий свои услуги немецким газетам, — фигура, сама по себе подлежащая тщательной проверке. А если за плечами активная деятельность в Германской компартии, знакомство с Тельманом, если не забыты книги Зорге, а их автор живет в Берлине и Франкфурте под своей фамилией...

Да, Рихард Зорге поехал в Берлин, а затем на нелегальную работу в Японию под своей фамилией, к тому же — столь известной в Германии. Но Берзин исходил из реального положения вещей, не преувеличивая силы немецкой контрразведки. Фашисты только что пришли к власти, и им в опьянении успехом некогда было заниматься изучением биографии каждого. Расчет оказался верным, а конспираторские способности Зорге превзошли все ожидания.

Первой крупной удачей было заключение договора с «Франкфуртер цайтунг». Эта весьма авторитетная либерально-буржуазная газета пользовалась большим влиянием среди интеллигенции, хорошо читалась за границей. Она и при нацистах долго сохраняла свой солидно-благонамеренный облик, избегая крайностей крикливой гитлеровской пропаганды. Видимо, Геббельс надеялся использовать традиционную популярность «Франкфуртер цайтунг» в своих целях. Стать собственным корреспондентом газеты, в которой охотно сотрудничали видные журналисты, известные писатели, экономисты, было, разумеется, непросто. Помогли образованность Зорге, его культура и эрудиция.

И вот 30 июля из Берлина пришло известие от Зорге: «Я не могу утверждать, что поставленная мной цель достигнута на все сто процентов, но большего просто невозможно было сделать, а оставаться здесь дальше для того, чтобы добиться еще других газетных представительств, было бы бессмысленно. Так или иначе надо попробовать, надо взяться за дело... Пока что могу лишь сказать, что предпосылки для будущей работы более или менее созданы».

Этими предпосылками, помимо письменно заверенного договора с «Франкфуртер цайтунг», были соглашения с журналом «Техише рундшау» и голландской «Амстердам хандельсблатт». Они и составляли самое ценное достояние пассажира, который 6 сентября 1933 года сошел с борта парохода на набережную Йокогамы.

«Тот, кто в эти новогодние дни впервые попал на улицы Токио, мог вернуться домой, обрадованный великолепием красок, приведенный в восторг трогательно веселым, праздничным настроением японцев и слегка напуганный азиатским шумом Гиндзы — главной торговой улицы Токио». Такой предстала перед журналистом японская столица, такой он однажды отобразил ее на страницах «Франкфуртер цайтунг».

Его встречали на пресс-конференциях и в редакциях, в телеграфных агентствах и на официальных дипломатических приемах. Его видели на спектаклях театра «Кабуки» и в картинных галереях. Вскоре читатели «Франкфуртер цайтунг» отметили, что статьи корреспондента по Японии отличаются глубоким знанием экономики, политики и культуры. Он оказался большим эрудитом и глубоким журналистом, этот доктор Зорге...

В короткий срок Зорге стал одним из лучших заграничных корреспондентов «Франкфуртер цайтунг», и это нас не удивляет. Еще в Германии, а особенно в Москве, он приобрел достаточно высокую журналистскую квалификацию.

Да, к газетной работе Зорге относился вполне серьезно, и материалы, опубликованные, как правило, на первой и второй полосах, а зачастую и на месте передовой статьи под инициалом «S», содержат глубокий экономический и политический анализ событий.

Его формальная принадлежность к нацистской партии не наложила сильного отпечатка на статьи и репортажи во «Франкфуртер цайтунг». О нем говорят: блестящий журналист. Да, если иметь в виду не чисто словесную, литературную орнаментацию его статей, а их сущность. Статьи Зорге — это статьи ученого, исследователя, бесстрастного на первый взгляд аналитика. Они суховаты, очень содержательны, но сама эта суховатость, обоснованность, удачно выбранный факт, точно найденное выражение говорят о своеобразном почерке журналиста Зорге.

Может показаться странным, но в статьях во «Франкфуртер цайтунг» мы не нашли мест, где бы Рихарду Зорге приходилось совершать насилие над собой. Он, естественно, многого не договаривал, но то, что он говорил, было результатом объективного анализа и соответствовало истинному положению дел. Ему, видимо, вообще претили газетная трескотня и способность некоторых газетчиков легко принимать желаемое за действительное. В той же «Франкфуртер цайтунг» он вышучивал своих японских кол-

Товарищ ЗОРГЕ

лег, «постоянно воюющих друг с другом за «лучшую историю».

Но, разумеется, в своих статьях, зачастую очень полемических, он воевал не с журналистами. Эти статьи дают довольно ясную картину тех противоречий, которые существовали в японском обществе, противоречий между интересами японского народа, для которого война чужда и пагубна, и официальным внешнеполитическим курсом на милитаризацию. Можно только удивляться, что одна из крупнейших газет третьего рейха предоставляла свои страницы для таких смелых по тем временам высказываний!

Марка «Франкфуртер цайтунг» обеспечивала ему твердое положение в обществе, но не избавляла от многих неприятностей, с которыми, впрочем, сталкивался любой иностранец, попавший в Токио.

Условия, в которых пришлось работать в Японии, Зорге описал в одном из своих донесений: «Трудность обстановки здесь состоит в том, что вообще не существует безопасности. Ни в какое время дня и ночи вы не гарантированы от полицейского вмешательства. В этом чрезвычайная трудность работы в данной стране, в этом причина того, что эта работа так напрягает и изнуряет».

Перед Рихардом Зорге стояла задача — «глубокое врастание в немецкие круги». Этими «кругами» было прежде всего германское посольство в Токио. Спустя какое-то время его сотрудники стали считать за честь принимать у себя известного журналиста. Из многочисленных знакомств, завязанных Зорге, наиболее перспективным оказалось знакомство с Эйгеном Оттом.

Полковник Отт приехал в Токио осенью 1933 года военным наблюдателем. Он должен был изучить политическую обстановку и к весне 1934 года подготовить доклад о результатах работы. Весьма осведомленный, имеющий широкие связи, корреспондент «Франкфуртер цайтунг» заинтересовал полковника.

Уехав в Германию с докладом, Отт вернулся оттуда военным атташе. О том, как сложились его дальнейшие отношения с журналистом, можно судить по одному из донесений группы:

«Когда Отт получает интересный материал или собирается сам что-нибудь написать, он приглашает Зорге, знакомит его с материалами. Менее важные материалы он по просьбе Зорге передает ему на дом для ознакомления, более важные секретные материалы Зорге читает у него в кабинете».

29 апреля 1938 года «Франкфуртер цайтунг» сообщила своим читателям, что «новый посол в Токио генерал-майор Отт вручил императору свои верительные грамоты». Это было, пожалуй, самым крупным успехом в выполнении Зорге операции «врастания». Он получил неограниченный доступ к информации из первых рук. .

С тех пор они встречались ежедневно. Вместе просматривали по утрам дипломатическую почту, обсуждали текущие проблемы.

Иногда Зорге оставался в посольстве на ночь, чтобы писать за Отта доклады его берлинскому начальству, а утром вновь, стараясь скрыть смертельную усталость, входил к послу в кабинет...

А между тем, если поверить многочисленным писателям, очевидцам и не очевидцам, жизнь его в Токио протекала так:

Из бара «Рейнгольд», где висели полотнища со свастикой, он в обнимку с глубоко декольтированными женщинами перекочевывал в ресторан «Фледермаус», где не было полотнищ со свастикой, но была знаменитая шотландская виски. Приемы, гейши, прогулки на белоснежных яхтах и фотопленки в букетах роз, легкие победы и крепкое вино. неуловимый, вездесущий, таинственный — таким обычно выглядит Зорге под пером зарубежных «популяризаторов».

Это ложь. Никогда не существовало Рихарда Зорге—супермена и супершпиона. Рихард Зорге был другим и в мелочах и в главном. Вот, скажем, как он сам объясняет секрет своего успеха в Токио:

«Главными причинами, создавшими мое положение в посольстве, были мой большой запас общей информации, мои обширные знания Китая и детальное изучение Японии. Без этого, несомненно, никто из работников посольства не стал бы обсуждать со мной политические вопросы или просить у меня совета по секретным проблемам...»

Или:

«Я очень подробно изучал аграрную проблему, потом переходил к мелкой промышленности, средней и, наконец, тяжелой индустрии. Я, конечно, изучал также общественно-социальное положение японского крестьянина, рабочего и мелкого буржуа».

«Я интересовался также развитием японской культуры с древних времен... Вдобавок к своей библиотеке я пользовался библиотекой посольства, личной библиотекой посла, библиотекой Восточноазиатского германского общества...»

К середине тридцатых годов в Токио сложилась и начала действовать группа Рихарда Зорге. В нее входили японский журналист и общественный деятель Ходзуми Одзаки, прибывший в Токио незадолго до Зорге, корреспондент французского еженедельника «Ви» и белградской «Политики» Бранко Вукелич, немецкий коммерсант Макс Клаузен и художник Мияги. С Клаузеном и Одзаки Рихард познакомился и подружился еще в Шанхае. С Вукеличем они быстро сошлись, как люди похожей судьбы. Мияги сразу понравился Зорге своей сдержанностью и требовательностью к себе. «Прекрасный парень, — сообщал Зорге в Москву, — самоотверженный коммунист, не задумываясь, отдаст жизнь, если потребуется. Болен чахоткой. Посланный на месяц лечиться, удрал...»

Это были идейно зрелые люди, интернационалисты, видевшие смысл своей жизни в борьбе за мир, предотвращение кровопролития. И думается, не случайно в тридцатые годы судьба свела их в Токио.

Тот же Уиллоуби и другие, кто писал о группе Зорге, не могли скрыть удивления: на протяжении восьми лет группа не имела ни одного провала по вине ее членов! И объясняли это подавляющим авторитетом Зорге в глазах помощников, его волевым превосходством, умением подчинить себе людей, заставить работать на себя.

Действительно, его авторитет был велик. Действительно, Зорге во многом превосходил своих более молодых сподвижников. Но это были авторитет и превосходство особого рода. Будучи идейным единомышленником Одзаки, Вукелича, Клаузена и Мияги, доктор социологии превосходил их образованностью, знаниями, способностью к анализу, теоретической зрелостью. Каж-

дый из них самостоятельно пробовал изучать марксистскую теорию, и Одзаки и Вукелич добились значительных успехов в том, в чем Зорге великолепно разбирался. Все они ненавидели войну, но никто из них не мог так глубоко обосновать свою ненависть, как Зорге. Все они симпатизировали Советской России, но никто так, как Зорге, не умел столь неопровержимо раскрыть роль СССР в борьбе трудового человечества за справедливое общественное устройство. Все они посвятили себя разведке, но только Зорге умел так верно, так глубоко определить высокий смысл их труднейшей, нечеловечески тяжелой работы. Зорге был для них источником мужества, и их рискованный труд приносил им огромное удовлетворение.

Позже, на допросе в тюрьме, Мияги скажет, какую значительную роль в его личной судьбе сыграла встреча с немецким революционером Зорге. «Рихард Зорге был настоящим коммунистом, — подтвердил и Клаузен, — и ничто никогда не могло заставить его изменить своим убеждениям, своему долгу...» «Для меня это было высокой честью, — скажет Макс Клаузен через двадцать лет после гибели своего руководителя, — общаться с этим выдающимся человеком и коммунистом. Рихард был чудесным парнем. Ради победы социализма он шел в логово зверя. Его верность интернациональному рабочему движению была неизмерима».

Но, пожалуй, еще больше значил Зорге для Одзаки. Этот вдумчивый, серьезный человек, человек удивительной идейной и нравственной чистоты и взыскательности, обрел в «шпионе» Рихарде Зорге друга. Он больше, чем другие, был подвержен сомнениям. Ему казалось, что убеждения интернационалиста и тем более совместная работа с Зорге противоречат его глубокой любви к Японии, он мучился в поисках цельного мировоззрения. Зорге помог ему в этом. Вечно занятый Зорге не жалел времени для Одзаки. Их беседам, спорам, встречам не было конца. В итоге Зорге сумел убедить Одзаки в том, что преданность социалистическим идеям не исключает патриотизма, если речь идет о патриотизме подлинном, а не мнимом. Возможно, он прибегал к тем же доводам, которые потом приводил и на процессе: «Советский Союз не желает политических и военных столкновений с другими странами. Нет у него также намерений совер-

шать агрессию против Японии... Именно эта идеологическая основа отличает нас от тех, кого обычно называют шпионами».

Возможно, опираясь на свои московские статьи, утверждал, что социализм и мир, Советский Союз и мир неделимы. Так или иначе утонченный Одзаки, чьи письма к жене, изданные под названием «Любовь — падающая звезда», и по сей день считаются в Японии образцом эпистолярной лирики, стал убежденным коммунистом, самым полезным, самым стойким соратником Зорге.

Восемь лет слаженной безукоризненной работы без единого провала — это объясняется единственно тем, что вся токийская пятерка была связана между собой отношениями рабочей дисциплины, партийного товарищества, взаимной критики и взаимного уважения, связана единой целью.

Еще со времени оккупации Маньчжурии милитаристские круги Японии вынашивали планы вооруженного нападения на нашу страну. Один из таких планов японского генерального штаба назывался «План Оцу».

Лихорадочно вооружается и Германия. По улицам Берлина, Гамбурга, Франкфурта, Аахена маршируют головорезы со свастикой. Едкая гарь рейхстага мешается с дымом книжных костров. Тельман брошен в тюрьму... Немецкие хозяйки перешли на маргарин, львиная доля государственного бюджета идет на пушки и самолеты.

Два мира: тот — с кострами из книг, и наш — с огнями Днепрогэса, с добрым пламенем новых домен — еще существовали бок о бок, но было ясно, что коммунизм и фашизм вот-вот сойдутся в смертельной схватке. В Испании они уже сошлись.

Обстановка в Японии, международная обстановка определили задачи группы Зорге, которая должна была способствовать предотвращению войны Японии с Советским Союзом и выяснить характер отношений между Японией и Германией после того, как к власти там пришел Гитлер.

С этим важным заданием группа, руководимая Рихардом Зорге, справилась блестяще. Его помощники распределили «сферы влияния».

Особенно большими возможностями пользовался Одзаки. По воспоминаниям людей, близко его знавших, Одзаки отличал тонкий аналитический ум, высокая культура и образованность. Все эти качества в июле 1938 года обеспечили ему пост неофициального советника при тогдашнем премьер-министре принце Коноэ.

Бранко Вукелич был близок к французскому посольству, много времени проводил в англо-американских кругах Токио. В 1938 году ему тоже удалось получить «повышение». Он становится представителем французского телеграфного агентства «Гавас». В его квартире на улице Сапай-те была оборудована фотолаборатория, откуда велись передачи на Москву.

Известный к тому времени «официальный» художник Мияги широко использовал свои связи в кругах японского генералитета.

Клаузен по предложению Зорге возглавил фирму «Макс Клаузен и К°» с оборотным капиталом в сто тысяч иен. К услугам этой фирмы, выполнявшей фотокопии чертежей и документов, прибегали представители крупнейших в Японии концернов, государственные учреждения и армия. Все это не снимало с Клаузена главных обязанностей радиста.

Первой боевой проверкой группы стал Халхин-Гол. Эта провокация японской военщины была своеобразной разведкой боем с целью проверить прочность наших пограничных рубежей, боеспособность Красной Армии.

На основании точной информации Рихард Зорге пришел к выводу, что генеральный штаб японских вооруженных сил готовит против Монгольской Народной Республики внезапный удар силами танков и пехоты. Он заблаговременно поставил в известность свое руководство о готовящемся вторжении, в результате чего Красная Армия смогла помочь монгольскому народу подготовиться к ответному удару. Авантюра обернулась для японцев катастрофой. Были разгромлены отборные части, захвачены богатые трофеи. Победа на Халхин-Голе надолго отбила охоту у милитаристов Японии воевать с Советским Союзом.

К 1939 году положение Зорге в германском посольстве особенно упрочилось. Эйген Отт предложил ему пост пресс-атташе.

Это назначение лишало Зорге права сотрудничать в газетах. Но на помощь ему пришел полковник Мейзингер, который добился через министерство внутренних дел Германии, чтобы Зорге, помимо работы в посольстве, разрешили продолжать журналистскую деятельность.

7 октября 1938 года Зорге сообщал своему руководителю:

«Дорогой товарищ! О нас вы не беспокойтесь. И хотя мы страшно все устали и изнервничались, тем не менее мы дисциплинированные, послушные и решительные, преданные парни, готовые выполнить задачи нашего великого дела. Сердечно приветствуем вас и ваших друзей. Прошу передать прилагаемое письмо и приветы моей жене. Пожалуйста, иногда заботьтесь о ней...»

...Мы не знаем, слышал ли Зорге советскую песню, которая как раз в тот год разошлась по всему миру. Можно предположить, что и в Японии пели «Катюшу» и что он эту песню слышал. И наверное, вспоминал о жене, которая ждала, берегла его письма. Они приходили окольными путями, иногда на папиросной бумаге, и хотя были коротки и деловиты, но всегда полны заботы.

«Моя любимая Катюша!

Наконец-то представилась возможность дать о себе знать. У меня все хорошо, дело движется. Посылаю свою фотокарточку. Полагаю, что это мой лучший снимок. Хочется надеяться, что он тебе понравится. Я выгляжу на нем, кажется, не слишком старым и усталым, скорее задумчивым. Очень тяжело, что я давно не знаю, как ты живешь. Договоренность о деньгах для тебя должна быть отрегулирована. Пытаюсь послать тебе некоторые вещи. Серьезно, я купил тебе, по-моему, очень красивые вещи. Буду счастлив,

если ты их получишь, потому что другой радости я, к сожалению, не могу тебе доставить, в лучшем случае — заботы и раздумья. В этом смысле мы с тобой бедняги».

Екатерина Александровна, женщина сдержанная, спокойная, ничем не выдавала тревоги. Работала, училась. Когда на заводе ее спрашивали о муже, отвечала: «Работает на оборону». Ее мать, приезжавшая погостить, качала головой: «Несчастливая ты, Катя». Дочь улыбалась: «Ничего, мама, все устроится».

«Не печалься, — писал муж, — когда-нибудь я вернусь, и мы нагоним все, что упустили. Это будет так хорошо, что трудно себе представить. Будь здорова, любимая!»

И только наедине с подругой — Верой Избицкой Екатерина Александровна сокрушалась:

«Уж и не знаю, замужем я или нет. Встречи считаешь на дни, а не видимся годы».

И вдруг он вернулся. Вера Избицкая работала тогда в «Интуристе». Они пришли к ней на второй этаж «Метрополя», Рихард и Катя, оба сияющие, возбужденные, и потащили ошеломленную Веру с собой. Рихард и слышать ничего не хотел:

«Нет, девочки, мой приезд нужно отметить!»

Они все вместе спустились в кафе. Рихард был весел, говорил, что по дороге избежал серьезной опасности. Ему показалось, что на пароходе какой-то нацист, знавший Зорге коммунистом, опознал его. Рассказывал он увлекательно, с юмором, и слушательницы не знали, где в этом рассказе правда, а где вымысел. Зато последующие слова его прозвучали вполне серьезно и были, как когда-то на Нижне-Кисловском, обращены только к Кате:

«Теперь-то я никуда не уеду, Катюша, больше мы не расстанемся. Мне обещают работу в Москве, в Институте марксизма-ленинизма. Я ведь, знаешь, люблю свое дело. — И было неясно, говорит он о той работе, которую оставил, или о той, которая ему предстояла. — А пока мы с тобой поедем на юг. Я давно мечтал побывать на Черном море...»

Катя взяла на заводе отпуск и стала укладывать вещи. Друзья забегали только на минуту, понимая, что им хочется побыть вдвоем, вместе побродить по московским улицам.

Столица жила недавним подвигом челюскинцев, стройкой метрополитена, рекордом донецкого шахтера Никиты Изотова. По ее улицам ходили новенькие, только что с завода, двадцатиместные автобусы, в магазинах уже не требовали карточек и висели объявления о снижении цен. Мальчишки засматривались на летчиков — шла пора воздушных рекордов и перелетов... Но рядом с информацией о строительстве шлюза на будущем канале Москва — Волга, таблицами займа второй пятилетки газеты печатали тревожные вести: съезд фашистов в Нюрнберге, сообщение ТАСС об антисоветских замыслах Японии...

Через две недели Екатерина Александровна сама позвонила Вере:

«Приходи. Рихард уезжает. Я остаюсь».

Это был его последний приезд в Москву. Он еще не знал, что никогда больше не вернется. Он не знал, что никогда не увидит Катю, Берзина, Боровича. Он снова отправлял письма, коротенькие записочки, посылки.

Письма на редкость простые, «домашние», написанные не для постороннего глаза. В них нежность, заботливость, мужская ответственность за судьбу близкого человека — это все тот же Зорге с его мужеством, высоким чувством долга, душевной взыскательностью и суровой требовательностью к себе.

Октябрь 1936 года:

«Моя милая К.!

Пользуюсь возможностью черкнуть тебе несколько строк. Я живу хорошо, и дела мои, дорогая, в порядке.

Если бы не одиночество, то все было бы совсем хорошо.

Теперь там у вас начинается зима, а я знаю, что ты зиму так не любишь, и у тебя, верно, плохое настроение. Но у вас зима по крайней мере внешне красива, а здесь она выражается в дожде и влажном холоде, против чего плохо защищают и квартиры, ведь здесь живут почти под открытым небом.

Когда я печатаю на своей машинке, это слышат почти все соседи. Если это происходит ночью, то собаки начинают лаять, а детишки — плакать. Поэтому я достал себе бесшумную машинку, чтобы не тревожить все увеличивающееся с каждым месяцем детское население по соседству.

Как видишь, обстановка довольно своеобразная. И вообще тут много своеобразия, я с удовольствием рассказал бы тебе. Над некоторыми вещами мы вместе бы посмеялись, ведь когда это переживаешь вдвоем, все выглядит совершенно иначе, а особенно при воспоминаниях.

Надеюсь, что у тебя будет скоро возможность порадоваться за меня и даже погордиться и убедиться, что «твой» является вполне полезным парнем. А если ты мне чаще и больше будешь писать, я смогу представить, что я к тому же еще и «милый» парень.

Итак, дорогая, пиши, твои письма меня радуют. Всего хорошего.

Люблю и шлю сердечный привет — твой Ика».

1938 год:

«Дорогая Катя!

Когда я писал тебе последнее письмо в начале этого года, то был настолько уверен, что мы вместе летом проведем отпуск, что даже начал строить планы, где нам лучше провести его.

Однако я до сих пор здесь. Я так часто подводил тебя моими сроками, что не удивлюсь, если ты отказалась от вечного ожидания и сделала отсюда соответствующие выводы. Мне не остается ничего более, как только молча надеяться, что ты меня еще не совсем забыла и что все-таки есть перспектива осуществить нашу пятилетней давности мечту, наконец, получить возможность вместе жить дома. Эту надежду я еще не теряю даже в том случае, если ее неосуществимость является полностью моей виной или, вернее, виной обстоятельств, среди которых мы живем и которые ставят перед нами определенные задачи.

Между тем уже миновали короткая весна и жаркое, изнуряющее лето, которое очень тяжело переносится, особенно при постоянно напряженной работе. Да еще при такой неудаче, которая у меня была.

Со мной произошел несчастный случай, несколько месяцев после которого я лежал в больнице. Однако теперь уже все в порядке, и я снова работаю по-прежнему.

Правда, красивее я не стал. Прибавилось несколько шрамов, и значительно уменьшилось количество зубов. На смену придут вставные зубы. Все это результат падения с мотоцикла. Так что когда я вернусь домой, то большой красоты ты не увидишь. Я сейчас скорее похожу на ободранного рыцаря-разбойника. Кроме пяти ран от времен войны, у меня куча поломанных костей и шрамов.

Бедная Катя, подумай обо всем этом получше. Хорошо, что я вновь могу над этим шутить, несколько месяцев тому назад я не мог и этого.

Ты ни разу не писала, получила ли мои подарки. Вообще уже скоро год, как я от тебя ничего не слыхал.

Что ты делаешь? Где теперь работаешь?

Возможно, ты теперь уже крупный директор, который наймет меня к себе на фабрику в крайнем случае мальчиком-рассыльным? Ну ладно, уж там посмотрим.

Будь здорова, дорогая Катя, самые наилучшие сердечные пожелания.

Не забывай меня, мне ведь и без того достаточно грустно.

Целую крепко и жму руку — твой И.».

Вскоре после отъезда мужа Екатерина Александровна переехала из подвальчика на Нижне-Кисловском в просторную комнату на четвертом этаже большого дома. Она перевезла туда вещи Рихарда, его книги. Книг было много, только немецкие издания заняли целый шкаф. Зорге не знал, что никогда не увидит своей новой московской квартиры.

«Очень часто я стараюсь представить ее себе, — писал он из своего далека, — но у меня это плохо получается».

Он мечтал о доме и по-прежнему ободрял жену надеждой на скорую встречу. К маленькой посылке, переданной Екатерине Александровне однажды, была приложена записка от людей, которые привезли вещи, но не могли с ней встретиться: «Товарищ Катя!.. Автоматический карандаш сохраните для мужа».

Он не приехал, не приезжал больше.

«Нам не довелось лично познакомиться с мужем старшей сестры, — вспоминает Мария Александровна Максимова, работающая в Госплане Карельской АССР, — но мне всегда казалось, что мы хорошо его знаем. Катя говорила, что он ученый, специалист по Востоку. Она считала мужа настоящим человеком, выдающимся революционером. Мы знали и о том, что он находится на трудной и опасной работе. Между прочим, однажды Рихард рассказал ей о неприятных минутах: проснувшись как-то в гостинице в чужом городе, он вдруг забыл, на каком языке должен говорить. Тут же, конечно, вспомнил, но осталась досада на себя: нервы сдают. Вообще-то, по словам сестры, он был очень спокойным, собранным, уравновешенным человеком. Перед отъездом Катя зашивала ему под подкладку большую пачку денег. «Вот какие большие деньги тебе доверяют», — заметила она. «Мне доверяют гораздо больше, чем деньги», — улыбнувшись не без гордости, сказал Рихард. Катя никогда не сетовала на одиночество и ни на что не жаловалась...

Что еще сказать о Катюше? Жил человек и, казалось бы, не оставил по себе громкой памяти. Ее жизнь как будто не была так тесно, так значимо сплетена с эпохой, как жизнь Рихарда Зорге. Но и ее судьба, ее радости, печали несли на себе печать времени. Тяжело рассказывать грустную историю этих двух хороших людей. Тяжело говорить о женщине, что и в самые мирные дни жила солдаткой. Она писала мужу и оставляла письма у себя, потому что Рихарду можно было передать о ней лишь самые короткие весточки.

«Милый Ика! Я так давно не получала от тебя никаких известий, что я не знаю, что и думать. Я потеряла надежду, что ты вообще существуешь.

Все это время для меня было очень тяжелым, трудным. Очень трудно и тяжело еще потому, что, повторяю, не знаю, что с тобой и как тебе. Я прихожу к мысли, что вряд ли мы встретимся еще с тобой в жизни. Я не верю больше в это, и я устала от одиночества. Если можешь, ответь мне.

Что тебе сказать о себе. Я здорова. Старею потихоньку. Много работаю и теряю надежду тебя когда-либо увидеть.

Обнимаю тебя крепко, твоя К.».

Это последнее письмо, которое написала мужу Екатерина Александровна. Она зачеркивала фразы, одни слова заменяла другими и не знала, что Рихард уже заключен в одиночную камеру Токийской тюрьмы.

Екатерина Александровна Максимова умерла 4 августа 1943 года в деревне под Красноярском. Она так и не узнала о величии подвига, совершенного Рихардом.

Спустя год и три месяца был казнен Зорге. Он не знал, что Катюши уже нет в живых.

Да, трудно об этом писать, хотя люди, о которых идет речь, не склонны были жаловаться на судьбу. И все-таки сказать об этом надо хотя бы для того, чтобы еще раз воздать должное их мужеству и мужеству многих других семей, живших в те годы по самым трудным законам эпохи. И еще для того, чтобы снова противопоставить жизнь вымыслу: в жизни все суровее, проще, но ведь это и есть подлинный героизм...

В сороковом году исполнилось пять лет с тех пор, как Зорге последний раз приезжал в Москву... У нас он был известен как Рамзай. Этим именем Зорге подписывал свои донесения. Теперь это документы архива, а всего четверть века назад каждый листок содержал сведения чрезвычайной важности, играл неоценимую роль в определении внешней политики первого в мире социалистического государства.

Рихард Зорге не был разведчиком в обычном понимании этого слова. Он действовал как исследователь, как политик, как дипломат. Анализ событий, оценка происходящего, которые он проводил на месте, сделали бы честь государственному деятелю.

Но для меня главное даже не в этом. Человек пишет, коммунист лишет...

Январь 1940 года.

«Дорогой мой товарищ, — сообщает Зорге руководителю. — Получив ваше указание остаться еще на год, как бы мы ни стремились домой, мы вылолним его полностью и будем продолжать здесь свою тяжелую работу. С благодарностью лринимаю ваши приветы и ложелания в отиошении отдыха. Одиако, если я лойду в отлуск, это сразу сократит информацию».

Май 1940 года.

«Само собой разумеется, что в связи с совремеиным воеиным лоложением мы отодвигаем свои сроки возвращения домой. Еще раз заверяем вас, что сейчас не время ставить вопрос об этом».

12 июля 1940 года.

«Клаузеи болен сердцем. Лежа в постели, он работает на рации».

Между тем приближалось самое трагическое для Зорге и его товарищей время. Ялоиская полиция усиливала слежку. Работа усложнилась. Каждый шаг требовал огромных усилий и изобретательности.

И однажды в его письме, по-прежиему деловом, содержащем строго отобраиные факты и их аиализ, прогляиула усталость, грусть...

«Макс, к сожалеиию, страдает столь серьезной болезиью, что нельзя рассчитывать на возвращение прежией работослособиости. Он работает здесь пять лет, а здешние условия могут подорвать здоровье самого крепкого человека. Сейчас я овладеваю его делом и беру работу на себя.

Волрос обо мие. Я уже сообщал вам, что до тех лор, пока продолжается евролейская война, остаиусь иа посту. Поскольку здешние немцы говорят, что война лродлится иедолго, я должен зиать, какова будет моя дальнейшая судьба. Могу ли я рассчитывать, что по окоичаиии войны смогу вернуться домой? Мне между делом стукнуло 45 лет, и уже 11 лет я на зтой работе. Пора мие осесть, локоичить с кочевым образом жизни и использовать тот огромный опыт, который наколлен. Прошу вас ие забывать, что живу здесь безвыездно и в отличие от других «лорядочиых иностраицев» не отлравляюсь каждые три-четыре года отдыхать. Этот факт может локазаться лодозрительным.

Остаемся, правда, иесколько ослабленные здоровьем, тем не меиее всегда ваши вериые товарищи и сотрудники».

Но великое дело, которому он посвятил себя, имеино сейчас требовало от Рихарда всей его воли и знергии. Зорге лродолжал действовать. Он работал, работал, и никогда еще его донесеиия не были так значительны!

Главари третьего рейха закончили разработку плаиа «Барбаросса». Рихард Зорге предупреждает:

Март 1941 года.

«Воениый атташе Германии в Токио заявил, что сразу лосле окончания войны в Европе начиется войиа против Советского Союза».

Май 1941 года.

«Ряд германских представителей возвращается в Берлин. Они полагают, что война с СССР начнется в конце мая».

19 мая 1941 года.

«Против СССР будет сосредоточено 9 армий из 150 дивизий».

1 июня 1941 года.

«Следует ожидать со стороны немцев фланговых и обходных маневров и стремления окружить и изолировать отдельные группы».

15 июня 1941 года.

«Война будет иачата 22 июня».

Сообщения из Токио, как и многие другие предупреждения о предстоящей фашистской агрессии, не были лрииняты во виимание Сталиным.

22 июня гитлеровская Германия налала иа нашу страиу. Фашистские войска рвутся к Москве...

Что думал, что чувствовал ои в те дни?.. Документы ие дают ответа.

Верно, еще сильнее тосковал по Москве, где оставались жеиа, друзья, наверное, тревожился за них. Наш собеседник геиерал в зто время руководит борьбой лартизан в тылу врага иа нашей территории. Зорге сражается в тылу врага на его территории. И Зорге настулал! Вот об этом документы говорят с полной достоверностью. Теперь главной задачей Рихарда Зорге стало определить позицию Ялонии на Дальнем Востоке.

У него были на этот счет свои соображения. Он знал, какую телеграмму лолучил Отт от Риббентрола. «Предпримите все, — говорилось в ней, — чтобы побудить ялоицев как можно быстрее начать войну лротив России... Чем быстрее это произойдет, тем лучше. Наша цель, как

и прежде, пожать руку японцев на Транссибирской магистрали и еще до начала зимы».

Под председательством императора Хирохито 2 июля состоялось секретное заседание тронного совета. Докладывали главнокомандующие армии и флота. Двумя днями позже Зорге узнал о принятых решениях: нападение на Индокитай, сохранение пакта о нейтралитете с СССР, но приведение в готовность достаточного количества войск, чтобы при удобном случае все-таки осуществить нападение. В августе после беседы с германским военно-морским атташе Венеккером Зорге выяснил, что военно-морские силы Японии имеют двухгодичный запас горючего, а войска и промышленность — только на шесть месяцев. О больших сухопутных операциях в данный момент нечего и думать...

И опять поражаешься способности Зорге анализировать факты. Значительная их часть могла быть доступна и другому влиятельному корреспонденту, Зорге добывал их вполне легальными методами. Это позволило ему во время процесса над его группой с полным основанием говорить: «Информация предоставлялась мне добровольно».

И опять удивляешься не только прозорливости, но и неслыханной работоспособности этого человека! Непонятно, когда он отдыхает: когда садится за стол, чтобы отправить обязательную статью в газету, когда составляет донесения, когда думает, анализирует? Судя по его же информации во «Франкфуртер цайтунг», он проводит дни на дипломатических раутах.

В сентябре 1941 года в Токио праздновалась годовщина антикоминтерновского пакта. Накануне вечером японское правительство устроило праздничный прием. Пресс-атташе германского посольства доктор Зорге присутствовал на этом приеме. На следующий день после обеда он был в числе трех тысяч гостей, собравшихся в самом большом зале Токио «Сибия». Во «Франкфуртер цайтунг» появилась очередная информация о торжествах, а в Москву было направлено тщательно проверенное донесение:

«Японское правительство решило не выступать против СССР».

Конец сентября 1941 года.

«Советский Дальний Восток можно считать гарантированным от нападения Японии».

В понедельник, 6 октября 1941 года, на страницах «Франкфуртер цайтунг» в последний раз появляется инициал «S».

Осталась неотправленной телеграмма в Москву:

«Наша миссия в Японии выполнена. Войны между Японией и СССР удалось избежать. Верните нас в Москву или направьте в Германию».

Его арестовали 18 октября 1941 года в доме на Нагасаки-мати, 30. Полицейские не могли не поразиться обилию книг — тысяча томов! — которые они увидели в квартире Зорге. На столике у кровати лежал томик стихов японского поэта XVI века Ранрана.

Арест Зорге и его помощников расценивался японской контрразведкой как самая большая удача. Тридцать два сотрудника тайной полиции получили высшие ордена.

В германском посольстве это событие произвело эффект разорвавшейся бомбы. Эйген Отт и полковник Мейзингер постарались преуменьшить свою роль в отношениях с советским разведчиком. Чтобы как-то объяснить неслыханный просчет всех, кто был в ответе за это, принялись сочинять о Рихарде Зорге разные небылицы. Так появились легенды о Зорге-сверхчеловеке...

Следствие затянулось на несколько лет. Не так-то просто было осудить этих людей! Все совершилось бы гораздо скорее, если бы речь шла об обыкновенном «шпионе» и обычном «шпионаже». А обвиняемый, стоящий перед судьями, спокойно утверждал, что в его действиях не было ничего, что противоречило бы человеческой этике и человеческим законам. Вот что он говорил:

«Я не применял никаких действий, которые могли бы быть наказуемы. Я никогда не прибегал к угрозам или насилию.

Я и моя группа прибыли в Японию вовсе не как враги Японии. К нам никак не относится тот смысл, который вкладывается в обычное понятие «шпион». Лица, ставшие шпионами таких стран, как Англия или Соединенные Штаты, выискивают слабые места Японии с точки зрения политики, экономики или военного дела и направляют против них удары. Мы же, собирая информацию в Японии, исходили отнюдь не из таких замыслов... Центр инструктировал нас в том смысле, что мы своей деятельностью должны отвести возможность войны между Японией и СССР. И я, находясь в Японии и посвятив себя разведывательной деятельности, с начала и до конца твердо придерживался этого указания.

Конечно, я вовсе не думаю, что мирные отношения между Японией и СССР были сохранены на долгие годы только благодаря деятельности нашей группы, но остается фактом, что она способствовала этому».

Он продолжал утверждать это и после того, как суд приговорил Рихарда Зорге и Ходзуми Одзаки к смертной казни. Остальные члены группы были осуждены на разные сроки тюремного заключения.

Однако выйти на волю удалось только Клаузену. После поражения Японии его освободили американские оккупационные власти.

Когда был вынесен приговор, дни Мияги были уже сочтены: в тюрьме он предпринял попытку самоубийства, остальное довершили палачи, особенно рьяно пытавшие раненого...

Ненамного пережил товарища Бранко Вукелич. Его бросили в один из самых страшных японских концлагерей на острове Кокандо. Впоследствии сотрудники разведывательного отделения штаба Макартура, изучавшие японские архивы, писали, что Вукелич «проявил в заключении наибольшую храбрость, потому что, как явствует из заметок прокурора, последний не мог добиться от этого разведчика никакой информации... Он был тверд и потому подвергся страшным мучениям...» Скончался Вукелич в том же концентрационном лагере. Когда он умер, он весил тридцать два килограмма.

Одзаки, как и Зорге, был заключен в камеру смертников. Его последние письма из тюрьмы

Сугамо — один из самых замечательных человеческих документов нашего века.

«Ведь если вдуматься, — писал Одзаки незадолго до казни, — я счастливый человек. Всегда и повсюду я сталкивался с проявлениями людской любви. Оглядываясь на прожитую жизнь, я думаю: ее освещала любовь, которая была, как звезды, что сияют сейчас над землей, и дружба, сверкавшая среди них звездой первой величины».

Как прекрасно выражено здесь мироощущение людей, сохранивших в условиях жестокого подполья нравственное здоровье и духовную высоту, людей, испытавших личное счастье, способных и перед казнью думать о звездах, людей, чья дружба подобна звезде первой величины!

Второй приговоренный к смерти тоже потребовал в камеру бумагу. Все, кто писал о Зорге, цитировали его «мемуары». В них не было ни намека на покаяние, автор не выдавал никаких секретов, неизвестных тайной полиции Японии; зато в суховатой манере, последовательно и беспристрастно рассказывал свою жизнь. Все — и враги и в первую очередь друзья — должны были знать, что Рихард Зорге умер коммунистом.

...7 ноября 1944 года. В этот день Советская страна отмечала 27-ю годовщину Октября. Первая с начала войны годовщина, которую вместе с Москвой встречали освобожденные Киев и Минск, Кишинев, Таллин и Рига. «Свершилось! — писала «Правда». — Война шагнула за границы Советского Союза, на территорию фашистской Германии». «Вражеская оборона прорвана, на дорогах таблички — «Разминировано», — сообщал военный корреспондент из Восточной Пруссии. «Спокойно стоят в сумраке осеннего вечера московские дома, полосками светятся щели в окнах, а за окнами угадывается мирный быт, озаренный сегодняшним мирным торжеством», — писал московский публицист.

В праздничных номерах газет публиковался Указ о присвоении званий Героев Советского Союза группе советских разведчиков. В Указе по праву могла быть и фамилия Рихарда Зорге.

В час, когда с ротаций сходили свежие газетные листы с сообщением о предстоящем салюте, в Токио уже было утро. В этот час в камеру смертников вошел Исидзимо — начальник токийской тюрьмы Сугамо. Согласно японскому ритуалу, поклонившись, он спросил у заключенного его имя.

«Рихард Зорге».

«Ваш возраст?»

«Сорок девять лет».

Исидзимо объявил узнику, что сегодня смертный приговор будет приведен в исполнение. Осужденный, знавший японские обычаи, слегка поклонился в ответ. Хочет ли он что-нибудь добавить? Нет, ему нечего добавить.

Ему нечего было добавить, он сделал все, что мог, даже больше, чем мог!

Судя по тем документам, которые сохранились и были опубликованы американцами в годы оккупации, Рихард Зорге был казнен в той же камере, где незадолго до этого оборвалась жизнь Ходзуми Одзаки.

Как свидетельствуют очевидцы, Зорге твердым шагом миновал тюремный двор и вошел в небольшую камеру. Там не было ни помоста, ни каких-либо ступенек. Лишь в голый каменный пол вделан люк. Зорге спокойно встал на него, спокойно позволил накинуть петлю. В 10 часов 20 минут по токийскому времени Зорге не стало. Он встретил смерть мужественно, как человек, выполнивший свой долг.

Зорге похоронили в общей тюремной могиле. Но японским друзьям после долгих хлопот разрешили предать его тело огню.

В Токио на кладбище Тама над могилой Рихарда Зорге возвышается гранитный камень. На нем высечены слова:

«Здесь покоится тот, кто всю свою жизнь отдал борьбе за мир».

...Он любил наши праздники. Поздравляя московских товарищей и сотрудников, он писал из Токио: «Мысленно я прохожу с вами по Красной площади». «Поздравляю с великой годовщиной Октябрьской революции, — телеграфировал он 7 ноября 1940 года. — Желаю всем нашим людям самых больших успехов в великом деле».

Во всемирных победах социализма есть частица и его подвига. Он работал на будущее. Нашей мирной жизнью, нашими сегодняшними трудами и радостями мы тоже во многом обязаны ему. Вот почему люди с благодарностью называют имена Рихарда Зорге и его товарищей. В Москве ребятишки идут в школу по улице Зорге, моряки Каспия ходатайствуют о присвоении передовому кораблю имени Зорге, народный поэт Азербайджана Сулейман Рустам посвящает ему стихи. У могилы в Токио собираются японские антифашисты.

20 января 1965 года газеты публикуют Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Бранко Вукелича, Макса и Анны Клаузен орденами Советского Союза. Все эти почести заслужены, таким — многогранным — и должен войти Рихард Зорге в наш день.

Пытаясь ответить на поставленный не нами вопрос «Кто вы, доктор Зорге?», мы не претендовали на создание всеобъемлющего портрета. Нам хотелось выявить лишь некоторые черты облика героя, которые, между тем, считаем главными.

Повествуя о Рихарде Зорге, мы старались придерживаться мнения, высказанного однажды Юлиусом Фучиком:

«Герои пролетариата очень просты и обычны. Их героизм заключается лишь в том, что они делают все, что нужно делать в решительный момент».

Они не думали о славе, но вполне заслуживают того, чтобы сегодня о них сказали словами их пролетарского марша:

Вы с нами, вы с нами,
Хоть нет вас в колоннах...

РОДИНА-МАТЬ
ЗОВЕТ!
ВОЕННАЯ ПРИСЯГА

«...УХОДЯ НА ВЫПОЛНЕНИЕ БОЕВОГО ЗАДАНИЯ В ТЫЛУ ПРОТИВНИКА, КЛЯНЕМСЯ, ЧТО НЕ ПОЖАЛЕЕМ НИ СИЛ, НИ ЖИЗНИ ДЛЯ ЕГО ВЫПОЛНЕНИЯ. МЫ ЗНАЕМ, ЧТО НАМ ПРЕДСТОИТ ТЯЖЕЛЫЙ ПУТЬ, НО НИЧТО НЕ СЛОМИТ НАШУ ВОЛЮ К БОРЬБЕ С НЕНАВИСТНЫМ ВРАГОМ. КАКИЕ БЫ ТРУДНОСТИ И НЕВЗГОДЫ НАМ НИ ПРИШЛОСЬ ПЕРЕЖИВАТЬ, МЫ ВСЕГДА БУДЕМ ПОМНИТЬ, ЧТО БОРЕМСЯ ЗА ЧЕСТЬ И СВОБОДУ, ЗА СЧАСТЬЕ НАШЕЙ РОДИНЫ, СОВЕТСКОГО НАРОДА. МЫ ЗНАЕМ, ЧТО РОДИНА, СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, НАРОД НАС НИКОГДА НЕ ЗАБУДУТ».

Из письма-клятвы группы комсомольцев-чекистов, направленных в тыл противника.

1941

МЫ — СОВЕТСКИЕ

На вид зтой девушке можио дать лет девятиадцать. Была она тонеиькая н легкая. Смуглое лнцо ие потеряло еще детской припухлостн, а глаза, шнроко раскрытые, большне, ясиые, опушениые длиниымн ресннцамн, смотрелн так весело и удивленно, как будто спрашнвали: нет, в самом деле, товарнщн, кругом действнтельио так хорошо? Илн мне зто только кажется?

И только мудреная высокая прнческа, в которую былн забраны густые темио-каштановые волосы, как-то портила зтот светлый облик, точио фальшнвая нота — чистую, хорошую песию.

Одета она была в легкое цветастое платье; тоикая золотая цепочка обинмала ее высокую загорелую шею, иа которой гордо снդела мнлая юная головка.

Должио быть, сама поняв, что очеиь уж выделяется средн людей в походных, выгоревших на солнце, добела застнраиных гнмнастерках, она набросила на плечи чью-то большую шнель н, иесмотря иа жару тнхого н душиого августовского вечера, так и сидела в ией на завалинке чистеиькой, белеиой украннской хаткн.

Ее глаза с иеобыкновенной жадностью следили за жизиью штабной, иичем не примечательиой деревеиьки. С однаково ласковым вннманием остаиавлнвались онн н на ржавых, промаслеиных комбннезоиах шоферов, возвншнхся под тенью вишен в моторе опрокинутого вездеходнка; н иа воеииом почтаре в сбнтой иа ухо пнлотке, с пузатой сумкой через плечо, что прошел мимо нее с тем торжествеиио-значнтельным вндом, с каким ходят только воеииые почтари, неся большую порцню свежей корреспонденцнн; и иа начальиике разведки, тучиом, ио туго перетяиутом походиымн ремнямн полковннке, который, заложнв рукн за спнну, скрипя сверкающнмн сапогамн, расхажнвал взад и вперед за плетием садика, весь поглощенный своими думами; и иа бойцах штабной охраиы, сидевших за хаткой в пыльиой мураве н по очередн читавшнх друг другу только что полученные пнсьма нз дому.

— Я, как изголодавшаяся, гляжу, гляжу — и ие могу иаглядеться. Нет, вам зтого чувства ие поиять! Это понятио только тем, кому прнходнтся надолго отрываться от своих, от всего, что прнвычно, дорого, мнло, н с головой окуиаться в зтот чужой, паучий, злой мир! — сказала она ннзкнм грудным голосом.

Выражение детскостн, только что освещавшее ее лнцо, сразу точио ветром сдуло, н мне показалось, что оиа гадлнво передериула плечамн, прикрытымн грубой шнелью.

Как-то ие верилось, что зта девушка, такая юиая н беспечиая с внду, нмела самую опасную н ответствениую нз всех воинских профессий, что зто та самая безымянная героння, которая, жнвя за лннней фронта, ежемннутно рискуя жизнью, снабжала иаш штаб сведеннямн, помогавшнмн командованню своевременно разгадывать иамерения протнвнnка.

Разведчнкн — иарод замкиутый, иесловоохотлнвый. Но для зтой девушкн они ие жалелн восторжениых похвал.

У иее было условное имя: Береза. Я ие знаю, как оно появнлось, но трудно было подобрать лучше. Она действнтельно походнла иа молодую белую, стройную, гнбкую березку, нз тех, что трепещут всемн своимн листочками при малейшем порыве ветра. Ничто в ее облнке ие выдавало хладиокровного мужества, волн, уверенной, расчетливой хитростн — зтнх иеобходнмых качеств человека ее профессин. Вероятио, зто-то и обеспечнвало иеизмеиный успех, сопутствовавший Березе при выполиеинн ею самых сложиых задаинй.

Взяв с меня слово, что я иикогда не иазову ее иастоящего именн, полковннк, иачальиик разведкн, рассказал мне ее военную бнографию.

Единствениая дочь крупного ученого, она выросла в патриархальной семье, получнла отлнчное воспнтанне, научнлась музыке, пенню, с детства однаково хорошо говорнла на украннском, русском, французском и иемецком языках. Когда разразнлась войиа, она оканчивала уннверснтет. Оиа увлекалась фнлологией западной лнтературы времен Ренессанса н даже опублнковала под псевдоннмом в одном нз академическнх нзданий работу о драматургии Раснна, работу, обратнвшую иа себя вннмание в иаучиых кругах.

Вопреки воле роднтелей в иачале войиы оиа отложнла подготовку к государственным зкзамеиам н пошла иа курсы медицннскнх сестер. Она решнла ехать на фронт. Но кончнть курсы не удалось: враг подошел к ее городу, н окраины его стали фронтом. Некоторое время она вместе с подругамн по курсам выносила раиеных с поля боя, работала в звакопрнемннках. Враг окружал город. Был дан прнказ об звакуацнн. Роднтелн иастанвалн, чтобы она обязательно ехала с инми.

— Есть старая нстнна: кому много даио, с того много н спрашнвается, — убеждал ее отец. — Собирать раиеиых может каждая девушка, а на твое обучеине государство затратнло огромные деньгн. Ты знаешь языкн, как знают немногне. Ты обязана прннестн государству гораздо большую пользу там, в тылу.

ЛЮДИ

Ей не хотелось на прощанье обижать стариков, и она мягко сказала:

— Папа, я слышала, что сейчас даже каркас Дома Советов переплавляют на снаряды и танковую броню. Мы должны победить любой ценой. Сейчас не до мелочной расчетливости.

В эвакуацию она не поехала. Но слова отца заставили ее задуматься. Ну да! Она знает языки, она, наверное, может принести Родине на войне большую пользу, чем ухаживать за ранеными. С этой мыслью она пошла в районный комитет партии.

Это были последние часы перед оставлением города. Усталые, досмерти измученные, подавленные горем люди жгли в печах бумаги. Сухой пепел летал по комнатам и шуршал под ногами. Входили и выходили вооруженные дружинники рабочих батальонов. Сердито звонили телефоны.

Было не до нее. Никто не хотел слушать эту тоненькую, красивую, хорошо одетую девушку. Но тут в ней, обычно робкой и деликатной среди чужих, впервые проявился ее характер. Кого-то обманув, от кого-то отшутившись, кого-то попросту оттолкнув с дороги, она пробилась в кабинет секретаря райкома, назвала свою довольно известную в городе фамилию и заявила, что отлично знает языки и просит дать ей какое-нибудь военное задание.

— Что, что? Вы дочь профессора Н.? Почему не уехали? — сказал секретарь райкома, с трудом отрываясь от эвакуационных забот, и внимательно посмотрел ее документы. Вдруг что-то вспомнив, он спросил ее: — Вы знаете немецкий?

— Как свой, украинский.

Секретарь райкома еще раз с сомнением осмотрел тоненькую юную фигурку, ее лицо, в котором было так много детского.

— Задание может быть очень сложным и, прямо скажу, опасным.

— Я согласна...

Он попросил выйти всех, взял трубку полевого телефона, лежащую у него на столе, и назвал какой-то номер.

— Вы слушаете? Это я, да. У меня нашлась подходящая кандидатура, — сказал он кому-то. — Да, немецкий, отлично. Вполне подходит, я знаю ее родителей. Замечательные, преданные люди. Сейчас ее к вам пришлю. Предупреждал и предупрежу еще... — Он положил трубку и опять, теперь уже с ласковым вниманием, посмотрел ей прямо в глаза: — Вы, может быть, не представляете, что вас ждет? Вам все время придется рисковать жизнью.

— Я прошу вас: не теряйте попусту времени, я вам уже ответила, — сказала девушка.

И вот дочь известного ученого осталась в родном городе, оккупированном немцами.

Она была не единственная, оставленная в городе для подпольной работы, но из всех своих товарищей она получила самое сложное, самое ответственное задание. Иные должны были следить за немцами и предателями, иные получили задание взрывать склады, портить паровозы, иные охотились за фашистскими чиновниками. Береза, знающая отлично немецкий язык, по заданию подпольного комитета должна была изображать кисейную барышню, дочь знаменитых родителей, увлекающуюся западной культурой и не пожелавшую расстаться во имя каких-то идей с комфортом, бросить все и ехать в неизвестность, на восток. В огромной квартире профессора поселился немецкий полковник. Ему сразу приглянулась молодая хозяйка квартиры. По вечерам она играла на рояле Вагнера, читала по-немецки стихи Гёте. Полковник ввел ее в круг своих друзей, крупных штабных офицеров, собиравшихся у него, познакомил со своим начальником — генералом.

Украинская фрейлейн имела успех. Друзья завидовали полковнику. Дочь профессора, и, как намекал полковник, потомок каких-то древних украинских магнатов выгодно отличалась от вульгарных, крикливых, жирных и вздорных нацистских дам их круга. Офицеры всячески старались ей угождать, и никому из них не приходило в голову, куда ходит эта прелестная девушка, «потомок магнатов», дважды в неделю, забрав с собой пестрый зонтик, сумку и книжку фюрера «Майн кампф», подаренную ей полковником с собственноручной надписью.

А она шла в окраинную слободку, входила в квартиру сапожника, помещающуюся в беленой хатке, вынимала из сумки изящные туфельки со стоптанными каблуками и, убедившись, что никого нет, выплакивалась на груди огромного старика чеботаря слезами гнева, злости и омерзения. Тут, в этой чистенькой, незатейливой хатке, стоявшей на огородах, ее нервы, все время находившиеся в предельном напряжении, не выдерживали. Кокетливая, глупенькая барышня, изящная безделушка, умевшая беззаботно развлекать грубых, самодовольных солдафонов, становилась сама собой — советской девушкой, гражданкой своего плененного, но не покорившегося города, искренней, честной, тоскующей и ненавидящей.

— Как мне тошно! Если бы вы знали, дядько Левко, как мне омерзительно жить среди них, слышать их хвастовство, улыбаться тем, кому хочется перегрызть горло, жать руку тому, кого следует расстрелять... нет, не расстрелять — повесить!

«Сапожник», старый большевик, работавший в подполье еще в гражданскую войну, как умел, успокаивал ее. Потом в задней каморке они составляли донесение обо всем, что она видела и слышала. Пили чай из липового цвета с сахарином, ели холодец, соленые помидоры, простоквашу. В родной обстановке немножко отходила больная, истосковавшаяся душа. А потом

изящная девушка с пестрым зонтиком вновь поднималась в город, беззаботно напевая любимую немецкую песенку «Лили Марлен», сопровождаемая ненавидящими взглядами голодных жителей. Эти ненавидящие взгляды, необходимость молча сносить оскорбления, всегда молчать, не смея даже намеком открыть всем этим людям, кто она, почему она здесь, за что она борется, было самым тяжелым в ее профессии.

У нее были крепкие нервы. Она отлично играла свою роль и приносила большую пользу. Но в конце концов нервы стали шалить. Все труднее становилось маневрировать, скрывать свои чувства. На явках она умоляла «сапожника» отозвать ее, дать ей отдохнуть, поручить ей любое другое задание.

Как об отдыхе, она мечтала о боевой деятельности, о налетах на вражеские транспорты, поджогах складов, взрывах железнодорожных составов, о борьбе с оружием в руках, какую вели иные подпольщики. Но в эти дни в городе остановился штаб военной группы, ее сведения были нужнее, чем раньше, и «сапожник» строго и твердо направлял ее обратно.

Наконец штаб выехал. «Сапожник» сказал, что еще несколько дней — и она сможет исчезнуть. Но тут пришла беда. Ее квартирант полковник был произведен в генералы. Напившись по этому поводу, он вломился к ней ночью в комнату с бутылкой шампанского. Он предлагал ей руку и сердце.

Девушка пришла в ужас, ее трясло от омерзения. Генерал ползал за ней на коленях. Она попыталась убежать от него в другую комнату. Он вломился и туда. Он хрипел, что Советская власть агонизирует, что бои идут уже в Москве, что всем им здесь, на плодородной Украине, дадут богатые поместья и она будет его женой — хо-хо! — женой немецкого помещика! И все эти крестьяне, которые мнили себя господами жизни и что-то там такое болтали о социализме, будут их холопами, рабочим скотом на их земле. Пьяный фашист оскорбил ее народ — и девушка не выдержала. Воля изменила ей. Она выхватила у него из ножен серебряный генеральский кортик с фашистским орлом, распластанным на эфесе, и по самую рукоятку вогнала его в горло генералу. Вся городская военная и штабная полиция, вся жандармерия и приехавшие в город специальные войска СС в течение месяца искали ее, перерыли каждую улицу, каждый дом, устраивали налеты, облавы. Но девушка скрылась: она благополучно перешла фронт.

Очутившись среди своих, она стала учиться всему тому, что могло ей помочь в ее сложной и опасной работе для Родины. След дочери известного профессора, убившей новоиспеченного немецкого генерала, затерялся в большом украинском городе. А через некоторое время военный комендант взял в переводчицы красивую девушку Эрну Вейнер. Судьба фрейлейн Вейнер вызывала живое сочувствие коменданта, последнего потомка захудалой ветви прибалтийских баронов, у которого, помимо общефашистских поводов, были и свои личные мотивы ненавидеть советский народ. Эрна Вейнер рассказала шефу, что она дочь крупного немецкого колониста, жившего на Одесщине. Отец ее владел садами, виноградниками, бахчами, держал летом сотни батраков, скупал через свою контору хлеб, имел мельницу. Но все это было у него безжалостно отобрано большевиками. Потом он был арестован за свои симпатии к новой Германии, которые он, как человек прямой, не умел и не хотел скрывать...

Фрейлейн Эрна, потерпевшая от большевиков, скоро стала главной переводчицей в комендатуре, а затем ее перевели к самому начальнику гарнизона.

Новый шеф, бригаденфюрер войск СС, тоже сочувствовал бедной фрейлейн. Безукоризненный немецкий язык, умение петь старые баварские песенки, особенно нравившиеся сентиментальным палачам, игра на рояле привлекали к ней поклонников. «Да, старый Иоганн Вейнер даже в этой непонятной стране сумел дать детям великолепное образование!» — удивлялись они. И когда немцы обнаруживали вдруг пропажу важных документов или им становилось ясно, что советское командование знает слишком много об их тайных намерениях, даже тень подозрения не ложилась на Эрну Вейнер.

Но какой ценой девушка вырывала для Родины эти фашистские тайны! Она присутствовала теперь на самых секретных допросах. При ней палачи терзали осужденных на смерть советских людей, и она должна была переводить их предсмертные вопли, их проклятия, слушать от них оскорбления. Только любовь к Родине, любовь всеобъемлющая, безмерная, давала ей силы для этой работы. Но лишь связной, суровый воин, безвыходно сидевший со своей рацией в подвале разрушенного дома, человек совершенно разбитый ревматизмом, кому она приносила свои сведения, слышал от нее жалобы. Бледный, как месяц в холодную ночь, еле передвигающийся, около года просидевший без солнца и воздуха, человек этот как мог утешал ее неуклюжим, грубоватым солдатским словом и сам служил ей примером преданности великому делу. Его спокойное мужество поддерживало девушку.

И вот за несколько недель до взятия Харькова Березу ждало последнее, самое тяжелое испытание. О нем она рассказала сама, сидя на завалинке хатки в погожий августовский вечер:

«Вы знаете, конечно, как они нервничали, когда войска Конева, прорвавшись у Белгорода, подходили к Харькову с востока. Боже, что там было! Муравейник, в который сунули головешку! Солдаты ничего — это машины. Но посмотрели бы вы на их заправил! Они, забыв даже о соблюдении внешних приличий, судорожно упаковывали картины, музейные вещи, редкости, мебель — все, что они награбили и натащили. Все это посылалось в тыл на глазах у солдат. А слухи! Это был не штаб, а какой-то базар, на котором передавались слухи — один невероятнее другого. Особенно много ходило легенд о советской авиации. Говорили, что с Дальнего Востока перелетели какие-то новые огромные авиационные части. Десятки тысяч машин! Невиданные марки! Какое-то чудовищное вооружение! Все офицеры бегали ночевать в подвалы. Даже мне было удивительно, какими в трудную минуту они оказались тщедушными, трусливыми, мелкими. И я ликовала. Утром, приходя на работу, я говорила шефу плаксивым голосом: «Господин начальник, неужели все погибло? Ведь они меня убьют!..» Я видела, как он бледнел. Но он еще петушился: «Что вы, фрейлейн, в Германии столько сил! Может быть, даже слишком много! Болезнь полнокровия». Кончал же он тем, что

принимался меня уверять, что при всех условиях я успею удрать в его автомобиле.

И вот однажды ночью меня будят, вызывают к нему в кабинет. Он взволнован, сияет. Поясняет: будет важный допрос, от которого зависит его карьера. Ах, если бы вы знали, как все они там думают о своей карьере! У меня похолодело сердце: кого же поймали? Я знала, что харьковские подпольщики, все время державшие немцев в постоянном страхе и напряжении, в эти дни особенно активизировались, и боялась, что попался кто-нибудь из них. Шеф носился из угла в угол. В кабинете шла необычная подготовка: стол накрывался скатертью, расставляли на нем вино, фрукты, сласти.

Мне становилось все тоскливее. Кто же, кто? Что значат такие необычные приготовления? Чему они так радуются?

— Приехал какой-нибудь господин из армии? — спросила я как можно небрежнее, усаживаясь в углу, где я всегда сидела во время допросов:

— А, чепуха! Стал бы я тратиться на этих чинодралов из армии! — ответил шеф. — Гораздо важнее, гораздо интереснее! Наши сети принесли богатый улов. Сегодня прекратится проклятая неизвестность. Мы узнаем, какой сюрприз приготовили нам. Ого-го, это может спутать им все карты!

Я решила, что захвачен какой-то наш большой военный. Но, к моему удивлению, за стол сел не шеф, а его помощник, майор. Потом под конвоем часовых в комнату внесли носилки. Их поставили у накрытого стола, солдаты с автоматами стали было у двери, но майор выпроводил их. Того, кто лежал на носилках, мне не было видно. Между тем майор, изобразив на своем лице одну из самых сладких своих улыбок, попросил меня перевести «гостю», что он сам летчик по специальности и рад приветствовать здесь своего доблестного коллегу, судя по отличиям, знаменитого русского аса. Когда было нужно, он мог притворяться приветливым, даже простодушным, этот майор. Одна из самых омерзительных гадин, каких я только там видела. А я-то уж их повидала!

И тут я разглядела, что на носилках лежит молодой, совсем молодой человек в такой вот, как у вас, выгоревшей гимнастерке, к которой привинчены три ордена боевого Красного Знамени и еще какие-то отличия. У него были авиационные погоны старшего лейтенанта. А его взгляд... Простите, минуточку...

Девушка побледнела так, что лицо ее стало белее стены хаты. Она тяжело дышала, кусала губу, точно перебарывая в себе острую физическую боль. Потом тряхнула головой и пояснила:

— Нервы... Ноги у него были в гипсе, голова забинтована, но из этого марлевого тюрбана на меня вопросительно смотрели большие серые, такие правдивые и такие затравленные глаза.

— Фрейлейн, переведите, пожалуйста, коллеге, что безоружный противник для нас уже не враг, что в новой Германии понятия мужества и воинской чести интернациональны. Переведите, что в качестве... з-з-з... помощника начальника гарнизона и как летчик по профессии я буду рад выпить с ним бокал... з-з-з, нет, это будет не по-русски... чашу доброго вина.

Когда я переводила, серые глаза летчика остановились на моем лице. И столько в них было... не ненависти, нет, не ненависти, а бесконечного презрения, гадливости, что слезы обиды чуть против воли не выступили у меня на глазах.

— Пусть даст папиросу!

Майор засиял, вскочил и протянул ему свой портсигар. Летчик приподнялся на локте, взял папиросу и жадно закурил. Они оба молчали; я слышала, как потрескивает табак. Потом майор встал, щелкнул каблуками, назвал свое имя и учтиво заявил, что желал бы знать, с кем имеет честь...

— Ничего я ему не скажу, — ответил летчик и отвернулся.

И сколько майор ни бился с ним, он лежал лицом к стене и молчал. Я видела, как майор нервничает, кусает губы, как он играет желваками на лице. Я боялась, что он вот-вот сорвется, и тогда... Я-то знала, на что способен этот человек. Но сведения о нашей авиации, должно быть, были нужны им до зарезу, и он сдержался. Он приказал унести пленного и даже пожелал ему приятного пути. Но как только закрылась дверь, он разразился страшными ругательствами, хватил стакан коньяку и с совершенно измученным видом и блуждающими глазами бессильно бросился на диван. Вошел шеф; меня отпустили и отвезли домой.

В эту ночь я не сомкнула глаз, хотя чувствовала себя совершенно разбитой. Этот летчик... его глаза смотрели на меня, и в ушах звучал его звонкий, молодой и твердый голос. Утром я хотела отправиться на явку, чтобы предупредить, что захвачен сбитый над городом советский ас, но не успела: к подъезду подкатила машина. Сам майор сидел в ней. «Нам приказано во что бы то ни стало выудить у него все об авиации. Есть данные, что он из этих новых частей, только что прилетевших сюда. Фрейлейн Эрна, вы должны поговорить с этим проклятым большевиком. Говорите ему что хотите, только вытащите из него, что сумеете. Вас озолотят! Слово чести, вы заслужите Железный крест!»

Я никогда еще не видела этого спокойного, хладнокровного карьериста-палача в таком волнении. Он так волновался, что тут же проболтался о том, что в Харьков из ставки прилетел их авиационный генерал, которому эти сведения нужны до зарезу. У меня не было выбора. Поговорить с летчиком один на один было даже полезно для дела. Можно было предупредить его. Но я вспомнила его взгляд, и мне, привыкшей все время жить под угрозой смерти, было страшно — именно страшно! — войти в его камеру. Вы представляете, кем я была в его глазах!

Но я заставила себя войти и, когда дверь захлопнулась за мной, даже подошла к нему. Со вчерашнего дня он еще больше осунулся, похудел, глаза его раскрылись шире. Встретил он меня тем же презрительным взглядом. Мне показалось, что он даже как-то передернулся, когда я приблизилась к нему.

— Как вы себя чувствуете? Был ли у вас врач? — спросила я, чтобы завязать разговор.

— У них ничего не вышло, теперь они натрав-

ливают на меня свою немецкую овчарку, — недобро усмехнулся он.

Я вспыхнула. Я не смогла сдержаться: слезы, должно быть, выступили у меня на глазах. Голос у него был тихий, он, видимо, очень ослаб за эту ночь, но он продолжал так же твердо и жестко:

— Чего же краснеешь? Продажные шкуры не должны краснеть! Вот погоди, попадешься ты к нам, там тебе пропишут!

Я едва сдержалась, чтобы не грохнуться тут перед ним на колени и не рассказать ему всего, так тяжело звучали в его устах эти оскорбления. А он продолжал, все повышая голос:

— Думаешь, отступишь с немцами, убежишь от нас? Догоним! В самом Берлине сыщем! Никуда от нас не уйдешь, не скроешься!

И он захохотал. Нет, не нервно, у него, должно быть, вовсе не было нервов, — он захохотал злорадно, торжествующе, как будто он не лежал весь забинтованный, умирающий во вражеском застенке, а победителем стоял в Берлине, верша суд и расправу. И тогда я бросилась к нему и зашептала, позабыв осторожность:

— Они ничего не знают! Они хотят узнать от вас о каких-то новых авиационных частях. Здесь страшная паника. Они боятся, смертельно боятся! Не говорите им ничего, ни слова! Особенно опасайтесь этого вчерашнего рыжего майора. Это ужасный человек.

Отпрянув от меня, он с удивлением слушал.

— Так, — сказал он и еще повторил: — Та-а-ак! — Глаза у него немного подобрели, но смотрели зорко и изучающе. — Та-ак! Бывает... — Он усмехнулся, но уже не зло, и вдруг, подмигнув мне, закричал во весь голос: — Прочь, продажная шкура! Ничего я тебе не скажу! Ни тебе и ни твоим хозяевам! Не добьетесь от меня ни слова!

Он долго кричал на всю тюрьму. Потом спросил тихо:

— Так вы?..

Я кивнула. Я вся дрожала, зубы мои выбивали дробь.

— Ну успокойтесь, — сказал он, — и говорите только честно: мне конец?

— Если ничего не скажете, расстреляют, — сказала я, и мы опять испытующе посмотрели друг на друга.

— Жаль, очень жаль! Мало я пожил... А как хочется жить!.. Ну ступайте, ступайте отсюда...

— Не надо ли что передать туда? — спросила я.

— У вас очень измученные глаза, я вам почти верю, — ответил он. — Почти... И все-таки не надо, ничего я вам не скажу — так лучше и вам и мне... И прощайте, вы, девушка... — Он вздохнул и опять принялся ругать меня на всю тюрьму.

Меня душили слезы. Такой человек! Такой человек!.. И ничем ему не поможешь... Я выбежала из камеры. Майор нетерпеливо шагал по коридору; он, вероятно, подслушивал нас, но по его лицу я увидела, что он ничего не понял, кроме этих ругательных слов. Я еле держалась на ногах. Мне было все равно. Майор, бледный от злости, играл скулами.

— Не плачьте, фрейлейн. Вы на службе. Как только он перестанет быть нам нужным... — Он не договорил.

Я не помню, как вышла из тюрьмы...»

Девушка вздохнула и замолчала. Должно быть, нервы ее были совсем расшатаны. Ее бил озноб, лицо передергивал нервный тик. Она долго молчала.

— Мне очень трудно рассказывать, но мне хочется, чтобы вся страна узнала, как ведут себя там советские люди. Об этом вы только догадываетесь... Я обязана досказать. Это мой долг. Ведь никто, кроме меня, не знает о последних часах этого человека.

После нашего разговора в тюрьме весь день я ходила в каком-то тумане. Я призывала всю свою волю, тренировку, все, что во мне было лучшего, чтобы сдержаться, не распуститься при них, при этих, и все-таки я не смогла и, когда заговорили о нем, разревелась. К счастью, майор уже рассказал шефу о нашем визите в тюрьму; они поняли это по-своему и принялись меня утешать. А я слушала их и закрывалась руками, чтобы на них не смотреть. Я боялась, что не стерплю и сделаю какую-нибудь глупость.

Но самое страшное ждало меня впереди. Вы, наверное, знаете о нашей работе? И обо мне? Я не новичок. Но это было для меня самое тяжелое испытание. Этот генерал авиации, какой-то их национальный герой, любимец Геринга — они там перед ним на задних лапках ходили, — решил сам допросить летчика. Это был высокий, красивый, самоуверенный детина с румяным, фарфоровым лицом и бесцветными, поросячьими ресницами. Он сам пошел в тюрьму. Его сопровождали мой шеф, майор и я. Он самоуверенно подошел к летчику, назвал ему свою довольно громкую фамилию и протянул ему руку. Тот отвернулся и ничего не ответил.

— Вы плохо ведете себя, молодой человек! Я генерал. Герой двух войн. Закон чести повелевает военному отвечать на воинское приветствие старших.

Я перевела эту фразу. Вероятно, генерал был хороший актер. Все они там, кто трется на фашистской верхушке, умелые комедианты. Но он говорил с такой подкупающей доброжелательностью!

— Что вы понимаете о чести! — усмехнулся летчик.

Я перевела. Генерала это не смутило. Он только на минуту нахмурился, но сейчас же спросил:

— Может быть, с вами дурно обращались? Почему вы так озлоблены? Вы недовольны уходом, медицинской помощью? Заявите мне, я сейчас же прикажу все сделать. Герой остается героем в любых обстоятельствах.

— Спросите, что ему от меня нужно, — устало ответил летчик.

Он, видимо, очень страдал от ран, но не желал, чтобы враги заметили его страдания, и только пот, покрывший его лоб и лившийся струйками в бинты, показывал, каково ему.

Генерал начал терять терпение:

— Скажите ему, черт побери, что у него хороший выбор! Маленькая информация об авиационных частях, о которой все равно никто из его соотечественников не узнает, и тихая, спокойная жизнь до конца войны на одном из луч-

ших европейских курортов — Ницца, Баден-Баден, Бадвильдунген, Карлсбад... Об упрямстве его тоже никто не узнает: могильные черви с одинаковым аппетитом жрут трупы героев и трусов.

Я перевела. Летчик захохотал:

— Скажите генералу, что он, по-видимому, достойный выкормыш своего фюрера.

Не найдя в немецком языке слова «выкормыш», я перевела его как «ученик», и, к моему удивлению, самодовольный тупица неожиданно просиял. Он налился важностью и сказал: это так, лейтенант правильно заметил, он действительно старается подражать своему фюреру. Он сказал, что теперь они, несомненно, найдут общий язык — два героя, два солдата. И он спросил: пусть господин лейтенант, который только что показал, что он куда разумнее других своих соотечественников, пусть он скажет, почему так безнадежно упрямы советские русские, почему, отступая, они жгут свои дома, почему за линией фронта не желают покоряться и продолжают борьбу, навлекая на себя репрессии и кары, почему предпочитают умирать, не раскрывая карт, хотя и дураку ясно, что война ими проиграна? Почему? Этот самодовольный болван, услышав от летчика, что он достойный ученик Гитлера, решил, что тот сказал ему комплимент и идет на все условия. Генерал расфилософствовался. Он явно рисовался перед моим шефом, перед майором, которых считал посрамленными. Я сейчас же перевела летчику вопрос.

— Болван! — отчеканил он. — Потому, что мы, советские люди, — не им чета.

Если бы вы его видели в эту минуту! Он приподнялся на локте, его брови, особенно черные оттого, что они смотрели из рамки бинтов, нахмурились, глаза сверкали. Генерал взбесился. Он вскочил, скверно выругался и произнес поговорку, соответствующую примерно нашей: «Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит». Он сказал, что лейтенант глупое, тупое животное, что он черной неблагодарностью платит за такое рыцарское обращение, за такой уход.

— Я думал, что этот уход полагается по международному соглашению об уходе за ранеными, — ответил лейтенант.

— Соглашение! Ха-ха! Станем мы тратить немецкие бинты на русских свиней, от которых не имеем ничего, кроме вони!

Генерал кричал, топал ногами. Мой шеф, понимая, что это лишает их последней надежды хоть что-нибудь выудить, почтительно и настойчиво пытался его удерживать. Но где тут! Когда я перевела фразу генерала, раненый летчик вскочил на носилках, кулаками разбил гипс на ногах и стал срывать с головы, с шеи марлевые повязки. На лицо ему хлынула кровь.

— Не надо мне фашистского милосердия! — бормотал он.

— Грязные фанатики! Варвары! Страна северных папуасов! — кричал генерал.

И вдруг — это было мгновение — он отшатнулся, зажимая лицо: лейтенант плюнул ему в лицо кровавой слюной. Они все трое набросились на него и стали пинать ногами. Раненый, рыча, отбивался; он был еще крепок — ярость удесятеряла силы. Сидя на носилках, весь залитый кровью, он бил их по чем попало, и они никак не смогли схватить его. Вы понимаете — я видела, как эти звери терзают этого светлого, гордого человека, самого лучшего из людей, каких я встречала за всю жизнь! Все существо мое рвалось броситься ему на помощь и если не помочь, то хоть умереть вместе с ним! Я не боялась смерти. Нет! Но я была на посту. Я знала: теперь, накануне нашего наступления, моя работа здесь особенно нужна и я не имею права выдать себя. Выдать себя, погибнуть, защищая его, было бы для меня изменой Родине, ударом по нашему делу. Что бы ни произошло, нужно, чтобы информация поступала, чтобы вы тут, в армии, знали, что готовят против нас, что замышляют немцы.

И я совершила в этот день свой единственный настоящий подвиг. Я даже не крикнула, я сидела, вцепившись в кресло так, что ногти у меня потом посинели, и старалась запомнить все. На моих глазах они забили его до смерти. Этот незнакомый мне чудесный человек погиб отбиваясь. Вся камера была забрызгана его кровью. Но и я в этот час, быть может, оказалась достойной его — я не выдала себя... И как мне потом ни было трудно, я продолжала свое дело до того дня и часа, пока вы не взяли Харьков. И поверьте мне: это было не легче, чем честно умереть на поле брани смертью солдата...

Она вся тряслась, эта тонкая девушка, с нежной внешностью, с нервами закаленного борца, с волей старого солдата.

— Я даже не знаю его имени... И теперь не знаю, хотя никогда не забуду его. Он всегда будет передо мной, такой сильный, мужественный, прекрасный!..

И вдруг, закрыв лицо руками, она зарыдала, вся сотрясаясь и трепеща, как молодая березка в яростных порывах осеннего ветра. Высокая прическа ее рассыпалась, шпильки попадали на землю, каштановые волнистые кудри разметались по грубому сукну шинели, и среди них стала видна одна широкая седая прядь.

Потом, как-то сразу, девушка успокоилась. Лицо ее, мокрое от слез, стало твердым, даже жестким. Вытерла глаза, собрала и заколола волосы и усмехнулась:

— Нервы... Ничего не поделаешь, придется отдыхать... Мне дают отпуск.

— А потом?

— Опять туда, к ним. Ведь война не кончилась.

Тонкое лицо ее сделалось суровым, замкнутым и сразу как-то состарилось лет на десять.

— Туда? После таких испытаний?

— Он сказал тогда: «Мы — советские люди». В этой фразе весь он. Я запомнила это на всю жизнь.

Неуловимые действуют

Теперь мы там пошуруем! — сказал Павел Алексеевич, потирая руки от удовольствия. — Понимаете, что это значит: иметь своего человека в полиции!

Начальник разведки нашей партизанской бригады, действовавшей в оккупированной немецко-фашистскими войсками Белоруссии под названием «Неуловимые», Павел Алексеевич Корабельников приложил много усилий, чтобы проникнуть в полоцкую полицию. И наконец пришло сообщение от одной из наших подпольщиц: «Задание выполнено».

Заброшенный домик лесника близ Полоцка был удобным местом для конспиративных встреч. Летней ночью 1942 года мы с Корабельниковым и Николаем Щенниковым, заместителем начальника штаба бригады, тихо подошли к своим партизанам, которые тайно присматривали за домиком. Они доложили, что туда только что вошли две женщины. В комнате нас ожидала разведчица Анна Наумовна Смирнова. С ней была та смелая женщина, которой удалось проникнуть в полицию. Увидев нас, увешанных оружием, бородатых, учительница поднялась, несколько смущенно подала маленькую руку.

— Лиля Костецкая, учительница.

— Рады вас видеть. Давно хотел познакомиться, — сказал я.

Лиля во всех деталях описала внешность и манеры своего шефа — немецкого офицера Мюллера, вспомнила некоторые брошенные им вскользь замечания. Все говорило о том, что Мюллер, очевидно, антифашист, однако тщательно это скрывает и ведет себя очень осмотрительно.

Мы посоветовали Костецкой проверить ее впечатления о Мюллере и как-нибудь осторожно испытать его.

— Среди немцев могут быть и противники Гитлера, — сказала Лиля. — Ведь среди них есть антифашисты.

— Вы правы, — согласился Корабельников. — И коммунисты есть и подпольщики-антифашисты. Но Мюллер — полицейский офицер. Не попадитесь на крючок.

Было решено в переписке называть Мюллера «Инициатором».

Дальнейшие отношения Лили Костецкой с «Инициатором» развивались сложно. Подробности передавала в бригаду Смирнова. Постепенно у нас росла уверенность в том, что в лице Мюллера мы приобретаем человека, готового помогать партизанам и Красной Армии.

Ни жены, ни детей у Мюллера не было, но он любил своих сестер, показывал Лиле их фотографии и был возмущен одной мыслью о том, что их могли бы угнать куда-нибудь в Голландию или во Францию.

— Каждый человек должен любить свою отчизну, — как-то в минуту откровенности сказал он Лиле, — поэтому мне понятна ваша ненависть к нам, пришедшим на вашу землю. Но не все немцы одинаковы. Есть убежденные фашисты, есть бездумные автоматы — исполнители чужой преступной воли. Но есть и такие, которые настроены против этой войны, против зверств, против Гитлера.

С каждой беседой Лиля становилась смелее и однажды спросила круто: есть ли в Германии коммунисты?

— Конечно, есть. За ними охотится гестапо. Вот и вы можете пойти в гестапо и рассказать о наших беседах. Тогда мне конец.

— Разве вы коммунист?

— На мне, фрейлейн Лиля, офицерский мундир. Мое положение сложнее, чем вы думаете. — Улыбнувшись, он добавил: — Считайте меня своим другом, а я постараюсь доказать это.

По нашему совету Лиля попросила Мюллера помочь «одной своей знакомой». Ей нужно было поставить на паспорте штамп с указанием роста, цвета глаз, волос и других особых примет. Мюллер выполнил просьбу. Тогда Лиля попросила у Мюллера справку на имя одного из наших разведчиков. Офицер такую справку выдал. Не спрашивая ни о чем, он сделал отметку о прописке, поставил штамп и круглую печать.

Со второй половины 1942 года оккупанты ввели так называемые «аусвайсы» — удостоверения личности. На листе плотной желтоватой бумаги указывались имя, фамилия, возраст и место рождения. На другой странице записывались особые приметы. «Инициатор» по просьбе Лили выдал ей несколько бланков аусвайсов, которые очень пригодились нам в разведывательной работе. Гитлеровские патрули к таким документам относились с полным доверием.

Через некоторое время мы посоветовали Костецкой более открыто поговорить с Мюллером. Однажды вечером, когда все служащие

уже разошлись, Лиля зашла в кабинет к Мюллеру и после нескольких малозначащих фраз как бы между прочим сказала:

— Выходит, герр гауптман, что мы делаем с вами одно дело.

— Да, фрейлейн Лиля, это так.

— А вы не боитесь, что помогаете русским партизанам?

— Боюсь, — откровенно признался он, — но, если говорить прямо, я хочу и буду делать то, что велит мне совесть настоящего немца, не зараженного фашизмом.

— Значит, мы поняли друг друга?

— Уже давно. Только у меня есть к вам просьба. Передайте товарищам, что мне не стоит открыто переходить на вашу сторону. Здесь я буду полезнее.

Мы сообщили в Москву, что в полоцкой полиции теперь работают два наших разведчика — учительница Лиля Костецкая и немецкий офицер Карл Мюллер. В ответ последовало указание: «Неуловимому. Поручите вашим людям добыть возможное количество чистых бланков паспортов и аусвайсов».

Как выполнить это задание? Полицейские, несомненно, ведут строгий учет всех документов. Исчезновение такого количества бланков легко обнаружить, Костецкая и Мюллер попадут под удар. Несколько дней я, комиссар Борис Львович Глезин и Корабельников думали, как без особого риска добыть документы. Советовались с секретарями Полоцкого подпольного райкома партии Николаем Акимовичем Новиковым, Георгием Сергеевичем Петровым и, конечно, с Анной Смирновой, а через нее с Лилей и Мюллером. Выход нашла сама Лиля.

— Устроим в помещении паспортного стола небольшой взрыв и этим прикроем недостачу документов. Я сделаю все сама. Дайте мне что нужно и научите, как действовать.

Мы передали Лиле две гранаты с капсюлями, бикфордов шнур, толовую шашку и немецкие солдатские сапоги. Заложив гранаты, Лиля должна была надеть сапоги, незаметно выйти из здания и направиться в сторону солдатских казарм. Таким приемом мы рассчитывали сбить с толку гестаповцев, которые примчатся к месту взрыва с собаками.

Паспортный отдел полоцкой полиции размещался на улице Карла Маркса в двухэтажном доме. Специальной охраны не было, только ночью патрули каждые полчаса ходили вокруг дома, освещая его фонарями.

У Лили был ночной пропуск. Пользуясь темнотой, она подошла к зданию паспортного отдела и проникла в помещение, где стояли шкафы с документами. Взяла из разных папок несколько десятков чистых бланков, спокойно подложила тол, гранаты, вставила запалы, подожгла бикфордов штур. Надев сапоги, Лиля выбежала на улицу и пошла к немецким казармам.

Взрыв произвел настоящий переполох. Гитлеровцы оцепили улицу. Собаки взяли след в сторону казарм и там закружились. Несколько месяцев гестапо тщетно искало диверсантов. А «неуловимые» тем временем вовсю пользовались добытыми паспортами и аусвайсами: тридцать комплектов мы отправили в Москву, а несколько штук, прихваченных Лилей сверх задания, заполнили фамилиями и приметами наших людей.

Герой Советского Союза М. Прудников. 1942 г.

Мюллер оформил их прописку, и это дало возможность разведчикам беспрепятственно разъезжать по оккупированной территории.

У Мюллера скапливались паспорта и аусвайсы умерших граждан. Теперь они попадали в наши руки. Все штампы и пометки о прописке уже были сделаны давно, и оставалось только менять фотографии и аккуратно подчищать год рождения. Такие документы брали с собой, уходя на задание.

Лиля и Мюллер обеспечивали документами не только разведчиков, но и бежавших военнопленных, местных жителей и многих советских людей, которым угрожала опасность.

С начала войны в Полоцке застряла группа наших медсестер. Со дня на день их могли угнать в Германию. Анна Смирнова попросила Лилю помочь им. Через несколько дней Лиля вручила Смирновой документы, оформленные в полиции, и девушки благополучно выбрались из Полоцка, а потом перешли линию фронта.

Костецкая и Мюллер доставляли важные секретные сведения о намерениях гитлеровского командования, выявляли предателей, работавших на гестапо. Особо ценным было сообщение об операции «Нюрнберг».

Узнав от Мюллера об этой операции, Лиля решила немедленно известить нас. Но как это сделать? Анны Смирновой в городе не было.

Лиля решила прибегнуть к помощи связной — зубного врача Ксении Смирновой. Она расковыряла себе десну и с кровоточащей раной пришла на прием. В ожидании очереди Лиля заметила, что за ней пристально следит один из пациентов. Она сразу же шепнула об этом Ксении, как только села в кресло.

— Ничего, успокойся. Справимся, — сказала Ксения. — Я знаю этого подлеца, он здесь не впервой.

Лиля держала во рту, прижав языком, записку на папиросной бумаге. В ней она просила врача сообщить партизанам о готовящейся немцами карательной экспедиции. Прочитав записку, Ксения снова положила бумажку на язык и молча кивнула: она передаст сообщение «неуловимым».

Через несколько дней Лиля опять явилась на прием к врачу. Ксения передала ей записку, как в первый раз. В ней она сообщала, что все передала «неуловимым».

Мы беспокоились за Лилю Костецкую. Ее жизнь каждую минуту была в опасности. И хотя она была нам очень необходима в аппарате полиции, мы предложили Лиле покинуть полицию. Но она отказалась, пренебрегая опасностью. Вместе с Костецкой в паспортном столе служила некая Ефременко. Ее завербовало гестапо для слежки за служащими городской управы и полиции. Ефременко пыталась заводить с Лилей провокационные разговоры, но Лиля была настороже.

И все-таки предательница выследила Лилю. Девушка сочиняла стихи и частушки, в которых обличала зверства гитлеровцев, и записывала «для души» стихи советских поэтов. Ефременко нашла однажды в кармане ее пальто листок с ее стихотворением:

Тот, кто ныне неизвестен,
Но бесстрашен, смел и честен,
Тот, кто любит свой народ,
Тот, кто что-то делать может,
Тот, конечно, нам поможет
В том краю, где он живет...

Школы новые откроем,
Все почистим и помоем,
Сорвем Гитлера портрет!..

Ефременко передала листок начальнику полоцкой полиции Альберту Обуховичу, а тот, минуя Мюллера, отправился в гестапо. 3 марта 1943 года разведчицу арестовали.

Позже нам стало известно, что первые два дня гестаповцы допрашивали Лилю Павловну сдержанно, внешне корректно, старались уговорить ее выдать свои связи с партизанами. Для психологического воздействия даже разрешили свидание с сестрой Ефросиньей Павловной. Но Лиля молчала, и это взбесило гитлеровцев. Лилю пытали долго и изощренно, но отважная разведчица вынесла все пытки и ни словом не обмолвилась ни о партизанах, ни о капитане Мюллере. А он уже ничего не мог сделать для ее спасения. 8 марта 1943 года, когда Лилю вели на очередной допрос в гестапо, она неожиданно для конвоиров бросилась в прорубь. Западная Двина унесла с собой тайну разведчицы «неуловимых» Лили Костецкой.

А что сталось с гауптманом Карлом Мюллером? Связь с ним оборвалась. Мюллер вместе с немецкими учреждениями эвакуировался. Жив ли он? Удалось ли ему избежать кровавых рук гестапо? Если он подаст о себе весть, мы от всей души скажем ему большое русское спасибо.

ОХОТА НА „ИНДЮКОВ“

На восьмом километре на север от Винницы, вдоль шоссе Винница — Киев, на берегу Южного Буга, раскинулось село Коло-Михайловка. На картах этого района любознательный турист найдет названия и других окрестных сел: Стрыжавка, Якушинцы, Калиновка, Павловка, Корделевка, Черепашинцы, Полевая Лисовка. Обычные украинские колхозные села.

Необычное путешественник заметит, углубившись в Коло-Михайловский лес. Сначала увидит растрескавшиеся остатки асфальтированных дорог, по которым уже давным-давно никто не ездил. Потом натолкнется на огромные глыбы железобетона, разбитые, обвалившиеся бункеры и подземные переходы, уже поросшие молодым лесом.

...Хмурый и холодный декабрь 1942 года. Резкий, порывистый ветер гнал по полям и перелескам колючий, сухой снег. Низко нависало бледное зимнее небо.

В такой вот безрадостный день из лесу, что возле большого села Рудни-Бобровской, сразу после полудня выехали пять подвод. Подпрыгивая и громыхая на ухабах, они направлялись кружным путем в сторону шоссе Киев — Львов.

На передней подводе, кутаясь в офицерскую шинель, сидел обер-лейтенант.

Прошло полчаса — и вдруг где-то вдалеке по-комариному высоко и надсадно запищал мотор, заскакали, приближаясь с каждой секундой, желтые огни подфарников еще невидимого автомобиля. Насторожился ранее спокойный обер-лейтенант, опустил поднятый воротник шинели, поправил автомат на груди. Каждому известно было: желтые фары — принадлежность автомобилей высокому командованию.

Машина вылетела из-за поворота, не снижая скорости. И тут случилось неожиданное. Раздался пистолетный выстрел, а в следующую секунду один из «полицаев» выхватил из мешка, висевшего сбоку, тяжелую противотанковую гранату и точным взмахом руки, не спеша, как на ученье, бросил ее под заднее колесо. Словно наткнувшись на стену, тяжелый «оппель» стал.

Первым с парабеллумом в руке к дымящейся куче металла подбежал обер-лейтенант. Одного взгляда в кабину бывшего «оппеля» было достаточно, чтобы понять: живых здесь нет. Повернувшись к подоспевшим «полицаям», офицер приказал:

— Забрать все бумаги, документы, оружие!

Команда была отдана на чистом русском языке.

---

* Воспоминания печатаются с сокращениями.

Как только партизаны выполнили распоряжение своего командира, из-за поворота вырвалась никем не замеченная еще одна автомашина. Ее пассажиры, как видно, успели понять, что на шоссе засада, так как автомобиль — длинный, многоместный, полубронированный — мчался на полной скорости вперед.

Гулко забарабанили по броне бессильные пули из автоматов и винтовок, и полуброневик прошел бы... Прошел бы, если бы не кинулся к подводе невысокий плечистый партизан. За какую-то секунду он успел сменить диск своего ручного пулемета и выпустил вдогонку машине длинную очередь. Вихляя из стороны в сторону, словно пьяный на ночной улице, автомобиль прокатил еще метров сто и, въехав одним боком в кювет, замер: запасной диск был снаряжен бронебойными патронами.

Из машины прозвучали два растерянных выстрела, и установилась тишина. Подбежавшие партизаны обнаружили во второй машине убитого шофера и еще несколько трупов. Два офицера, прикрытые, кроме стенки, еще и бронеспинкой, хоть и потеряли сознание, ткнувшись при внезапной остановке головами во что-то твердое, однако остались живыми. Один из них — с подполковничьими погонами — продолжал судорожно сжимать в руках большой желтый портфель. Этот портфель и интересовал прежде всего партизана в форме обер-лейтенанта.

И тут снова запищал вдали автомобильный мотор! Но пассажиров третьей машины судьба в этот раз сберегла. Автомобиль успел развернуться и уйти назад, в сторону Киева.

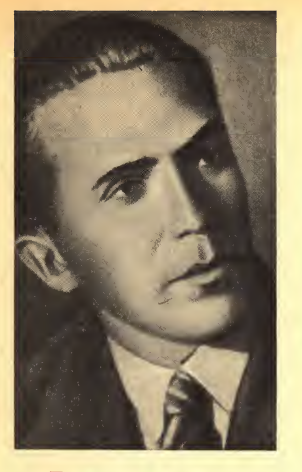
И опять тишина. Обоих пленных офицеров (второй оказался майором), которые так и не пришли в сознание, уложили на переднюю подводу, аккуратно прикрыли сеном, чтобы не замерзли на двадцатиградусном морозе. Через две минуты на шоссе было пусто. Снегопад заносил следы партизанских телег, которые вели к темным лесным чащам...

А теперь я должен вернуться на несколько недель назад от описанных событий.

В штаб специального партизанского разведывательного отряда под командованием Д. Н. Медведева поступила радиограмма из Москвы. Командование доводило до нашего сведения, что по некоторым, пока еще не проверенным данным где-то на Украине сейчас находится ставка Адольфа Гитлера. Нам приказывалось установить точно местонахождение ставки.

Украина большая, в каком из ее уголков спрятался от людских глаз, закопался в землю злейший враг советского народа, главарь немецкого фашизма?

Вряд ли ставка находилась вблизи границы. Трудно было допустить, что Гитлер решится



«25 августа 1942 года в 24 часа 05 минут я опустился с неба на парашюте, чтобы мстить беспощадно за кровь и слезы наших матерей и братьев, стонущих под ярмом германских оккупантов.

Одиннадцать месяцев я изучал врага, пользуясь мундиром германского офицера, пробирался в самое логово сатрапа — германского тирана на Украине Эриха Коха.

Теперь я перехожу к действиям.

Я люблю жизнь, я еще очень молод, но если для Родины, которую я люблю, как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью, я сделаю это. Пусть знают фашисты, на что способен русский патриот и большевик. Пусть знают, что невозможно покорить наш народ, как невозможно погасить солнце.

Пусть я умру, но в памяти моего народа патриоты бессмертны.

«Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!..»

Это мое любимое произведение Горького. Пусть чаще его читает наша молодежь... Ваш Кузнецов».

Из письма Николая Кузнецова, вложенного в конверт с пометкой: «Вскрыть после моей смерти».

Письмо Николая Кузнецова брату Виктору.

«Витя! Ты мой любимый брат и боевой товарищ, поэтому я хочу быть с тобой откровенным перед отправкой на выполнение боевого задания. Война за освобождение нашей Родины от фашистской нечисти требует жертв. Неизбежно приходится пролить много своей крови, чтобы наша любимая Отчизна цвела и развивалась и чтобы наш народ жил свободно. Для победы над врагом наш народ не жалеет самого дорогого — своей жизни. Жертвы неизбежны. И я хочу откровенно сказать тебе, что очень мало шансов на то, чтобы я вернулся живым. Почти сто процентов за то, что придется пойти на самопожертвование. Я совершенно спокойно и сознательно иду на это, так как глубоко сознаю, что отдаю жизнь за святое, правое дело, за настоящее и цветущее будущее нашей Родины. Мы уничтожим фашизм, мы спасем Отечество. Нас вечно будет помнить Россия, счастливые дети будут петь о нас песни, и матери с благодарностью и благословением будут рассказывать детям о том, как в 1942 году мы отдали жизнь за счастье нашей горячо любимой Отчизны».

Из письма Николая Кузнецова брату.

поселнться в опасном соседстве с фронтом. Весьма сомннтельно было бы рассчнтывать н на то, что ставка окажется в одном нз районов, охваченных особенно актнвной партнзанской войной. Так по разным соображенням отпадал то один, то другой город.

В конце концов круг нашнх поисков решено было на первых порах огранн чнть четырьмя географнческнмн точкамн: Ровно, Луцк, Кнев н Вннннца. Понятно, мы не былн такнмн нанвными, чтобы думать, будто ставка Гнтлера расположена в особняке на центральной улнце одного нз четырех городов. Ставку надо было нскать на околнцах. Безусловно, она должна была быть тщательно замаскнрована н охраняться всемн нмеющнмнся в фашнстской нмпернн средствамн.

Довольно скоро нз четверкн было вычеркнуто Ровно. Нашн разведчнкн в то время уже хорошо изучнлн этот город, раскрылн в нем не одну тайну фашнстов, но нн в самом Ровно, нн в округе не обнаружнлн ннчего похожего на ставку.

Вслед за Ровно отпалн н Луцк н Кнев.

Осталась Вннннца. Проверить ее было трудно. Прежде всего нас отделялн от Вннннцы 450 кнлометров оккупнрованной террнторнн. Засылка разведчнков в такую даль, где у нас в то время не было баз, связана с большим риском н требовала немало временн.

Как определнть грань, на которой ннтунция разведчнка переходнт в нечеткую догадку, догадка — в серьезное предположенне, а предположенне — в уверенность? Мне трудно сказать точно, на каком нз этнх этапов мне попал в рукн номер газеты «Волннь», которая нздавалась в Ровно на украннском языке на деньгн гестапо.

Тщательное нзученне вражескнх газет может многое подсказать разведчнку. Самое невинное на первый взгляд сообщенне может дать больше ценной ннформацнн, чем даже захваченный «язык». Пресловутая «Волннь» оказала нам уже не одну услугу. Не подвела старая знакомая н в этот раз: на вндном месте на первой странице газета опублнковала сообщенне, что на днях в Вннннце состоялся концерт артистов Берлннской оперы, который почтнл своим прнсутствием сам рейхсмаршал Герман Гернug.

Дмитрию Нколаевнчу Медведеву заметка тоже показалась чрезвычайно ннтересной. Действительно, что забыл в скромной маленькой Вннннце рейхсмаршал? Однако делать далеко ндущне выводы было пока преждевременно. Гернпг мог оказаться в Вннннце н случайно, проездом.

Прошло еще некоторое время. В рукн к нам попала другая газета, уже немецкая, «Дойче украннише цайтунг», которая выходнла в Луцке. И снова в разделе хроннкн сообщенне нз Вннннцы! В этот раз на постановке оперы Вагнера «Тангейзер» в ложе театра находнлся однн нз высшнх гнтлеровскнх военачальннков — фельдмаршал Кейтель.

Неужелн снова совпаденне?

ОХОТА НА „ИНДЮКОВ"

Мы вспомннлн, как еще летом вырвавшнеся нз фашнстского плена красноармейцы рассказывалн, что где-то под Вннннцей немцы велн большое стронтельство. Что там стронлн, ннкому не было известно, даже охране. Зналн твердо только одно: нз многнх тысяч советскнх военнопленных, отправленных под Вннницу, назад в лагерь не вернулся нн однн. Ходнлн страшные слухи, что всех нх расстрелялн.

Нашн предположення перешлн почтн в полную уверенность после очередного доклада Нnколая Ивановнча Кузнецова, возвратнвшегося нз Ровно. Обер-лейтенант Пауль Зиберт, под нменем которого работал наш замечательный разведчнк, уже давно охотнлся за блнзкнм другом Гнтлера рейхскомнссаром Украины Эрнхом Кохом, чья резнденцня была в Ровно. Для этого Кузнецов завязал широкий круг знакомств сре-

ди сотрудников рейхскомиссариата Украины (РКУ). Один из них сказал как-то, что Кох на несколько дней срочно выехал в Винницу и Киев.

Наконец, как нам стало известно, отложив все дела, уехал на несколько дней в Винницу и Житомир также знакомый Кузнецова, сотрудник СД майор фон Ортель. Этот, как догадывался Кузнецов, матерый шпион перед отъездом в Винницу сказал что-то о «рейхсфюрере». Тем самым он проговорился о многом: петлицы с шитьем рейсхфюрера СС в гитлеровской Германии носил только один человек — самая зловещая фигура немецкого фашизма — Генрих Гиммлер, который мог быть в Виннице только в одном случае: если там находился Гитлер.

Собственно говоря, цепочка умозаключений уже была связана. О простом стечении обстоятельств теперь не могло быть и речи. Никто из нас, чекистов, уже не сомневался, что ставка фюрера в Виннице или поблизости от нее. Оставалось только определить ее точное местонахождение, выяснить, что она собой представляет, как охраняется, можно ли в нее проникнуть и т. п.

Для решения этих задач обходные пути уже не годились. Нужно было «зацепить» человека, имеющего доступ к ставке, иными словами, взять «длинный язык» — хорошо информированного фашиста, имеющего нужные нам сведения.

Задание обдумывали долго и старательно. К решению его пришли коллективно. Так возникла идея подвижной засады, или, как ее образно называл Николай Иванович Кузнецов, охоты на «индюков».

Группа партизан, переодетых полицаями, должна была ехать на нескольких подводах по участку шоссе Киев — Львов под видом заготовителей продовольствия по окрестным селам. Командовать колонной, конечно, должен был фашистский офицер. Эта роль отводилась Николаю Кузнецову. Подвижная засада должна перехватить на шоссе штабной автомобиль, взорвать его, захватить пассажиров и документы. Налет обставлялся так, чтобы убедить гестапо, что это дело рук одного из местных партизанских отрядов.

В начале декабря Кузнецов побывал в Ровно с очередным визитом, встретился с разными лицами из числа сотрудников фашистской администрации, узнал, что некое важное лицо должно из Киева приехать в Ровно.

Подвижная засада была блестяще осуществлена. Чуть помятые, но не поврежденные, оба «индюка» оказались в наших руках. Как это было, вы уже знаете. Добавлю только, что первый сигнальный выстрел из пистолета произвел Николай Гнидюк, а метким гранатометателем, перевернувшим машину с сопровождением, был Петр Дорофеев. Полуброневик, в котором ехали сами «индюки» — майор граф Гаан и имперский советник связи подполковник фон Райс, подбил пулеметной очередью партизан Жорж Струтинский.

Несколько часов, петляя по лесу, партизаны добирались до хутора Вацлава Жигала. Приказав разместить пленных в разных комнатах дома и выставив вокруг хутора надежную стражу, Николай Кузнецов разрешил всем участникам подвижной засады отдыхать до утра. Наскоро перекусив, лег спать и сам.

Утром он приступил к допросу. Николай Иванович решил предстать перед пленными в фашистской форме. Во-первых, чтобы заставить их совершенно растеряться; во-вторых, чтобы лишний раз проверить, насколько удается ему роль гитлеровского офицера.

Первым в гостиную ввели графа Гаана. Кузнецов немедленно встал, вытянулся, как это положено по уставу в присутствии старшего по званию, и, звонко щелкнув каблуками, представился:

— Обер-лейтенант германской армии Пауль Зиберт.

Пораженный граф, не веря собственным глазам, уставился на тщательно выбритого, подтянутого «соотечественника».

— Что все это значит? Где я и кто вы такой? — истерически заорал он.

— Вы в плену у советских партизан, господин майор, — разъяснил Николай Иванович. — А я такой же пленный, как и вы. Вынужден выполнять здесь функции переводчика.

— Вы предатель! Вы предали фюрера! — завопил Гаан.

Кузнецов пожал плечами.

— Будьте рассудительны, господин майор. Я пришел к выводу, что война проиграна и Гитлер ведет Германию к неминуемой гибели. Как разумный человек, вы должны это знать не хуже меня. Я решил служить русским и советую вам, как коллеге и соотечественнику, быть с ними откровенным.

Гаан все больше свирепел. По распоряжению Кузнецова его увели. Наступила очередь имперского советника связи подполковника Райса. Этот рыжий верзила тоже ни секунды не сомневался, что имеет дело с настоящим фашистским офицером, и упрекал Кузнецова в государственной измене.

Допросы продолжались. Кузнецов был терпеливым. С каждым днем Гаан и Райс становились все более разговорчивыми и, наконец, начали давать ценные сведения.

Среди целой пачки секретных документов, оказавшихся в заветном желтом портфеле, внимание Кузнецова привлекла топографическая карта, на которой были нанесены все пути сообщения и средства связи фашистов на территории Польши, Украины, Германии. Эта карта представляла большой интерес и ценность для советского командования. В ходе допросов Гаан и Райс постепенно дали к ней подробные объяснения. Упрямо молчали только об одном: что означает красная линия, которая начинается между селами Якушинцы и Стрыжавка, вблизи Винницы, и заканчивается в Берлине.

— Государственная тайна, — упрямо твердили оба офицера.

Наконец Райс нехотя сказал:

— Это секретный подземный бронированный многожильный кабель.

— Для чего его проложили? — спросил Кузнецов.

— Для прямой связи Берлина с Якушинцами.

— Когда?

— Летом нынешнего года.

— Кто прокладывал?

— Русские пленные.

— Где они теперь?

Райс отвел глаза...

— Отвечайте на вопрос! — Кузнецов резко повысил голос.

Давясь словами, Райс чуть слышно пробормотал:

— Их ликвидировали... Был строгий секретный приказ... Это гестапо....

— Сколько их было?

— Около тридцати тысяч, может, меньше...

Кузнецов отвернулся к окну. Его душила ненависть. С трудом взяв себя в руки, он продолжал допрос:

— Значит, проложили специальный кабель, чтобы фюрер в Берлине мог в любой момент поговорить по прямому проводу с этой деревушкой. Как ее... Якушинцы?

— Наоборот, — мрачно пробормотал Райс. — Чтобы фюрер из Якушинцев мог говорить с Берлином.

— Это значит... — размеренно начал Кузнецов.

Безнадежно, как человек, которому уже нечего терять, Райс закончил фразу:

— ...что в Якушинцах находится ставка фюрера.

— Расскажите о ней подробнее, — потребовал Кузнецов.

— Подробностей я не знаю. Мое дело — только связь. Об остальном спрашивайте у Гаана. Это ему известно лучше, чем мне.

За время пребывания в плену у партизан с графа слетела вся спесь. Он рассказал все, чего не знал Райс.

— Ставка расположена в двух километрах от села Коло-Михайловка, в роще, в двухстах метрах от шоссе Винница — Киев. На север от ставки большой стратегический аэродром для прикрытия. Но пролетать над ним строго запрещено даже нашим самолетам.

— Что она представляет собой?

— Последнее слово инженерно-фортификационной техники. Условное кодовое название «Объект «Вервольф» («Оборотень»). Раньше назывался «Дубовым домом».

Бункер главной квартиры, бомбохранилища, службы находятся глубоко под землей. Стены и потолки из железобетона толщиной в три-пять метров... Все сооружения обнесены густой стальной сеткой в два метра высотой. На метр сетка уходит в землю. Кроме сетки, несколько

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР указом от „5" ноября 1944 г. за образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника и проявленные при этом отвагу и геройство присвоил Кузнецову Николаю Ивановичу звание ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Москва — Кремль 15 апреля 1961 г

рядов колючей проволоки, через которую пропускается электрический ток... Заборы оборудованы электросигнализацией...

Гаан говорил долго. Кузнецов быстро записывал в блокнот каждое его слово.

— Около леса с северной стороны — электростанция. Построены две радиостанции, водокачка, водопровод. Для фюрера поставили одноэтажный кирпичный дом. Снаружи для маскировки он обложен сосновыми бревнами. Из дома — ход в подземное железобетонное бомбоубежище. Перед домом оборудован специальный бетонный бассейн и разбит цветник...

Все строения покрашены в темно-зеленый цвет. Над сооружениями посажены деревья — сосна, граб, дуб... Деревья привезли из Черного леса и Винницкого городского парка. На территории построены также три мощных железобетонных дота. Рядом со ставкой посадочная площадка для связных самолетов...

Вблизи аэродрома, в Калиновке, — штаб-квартира Геринга. Кроме Берлина, «Вервольф» связан подземными кабелями с Киевом, Ростовом, Харьковом, Днепропетровском и Житомиром, где расположена полевая ставка рейхсфюрера Гиммлера... Вокруг леса тридцать шесть наблюдательных башен. В пяти километрах от леса с трех сторон замаскированы батареи противотанковых орудий, с четвертой стороны — батареи в лесу: кроме того, по линии железной дороги Калиновка — Винница постоянно курсирует бронепоезд. В лесу и вокруг него в бараках расположены войска СС — внутренней охраны ставки. Через каждые двести метров — специальные заставы. Установлен строжайший режим. Расстрелу подлежат все посторонние лица, кто только услышит о ставке... Всех местных жителей проверяет и фильтрует специальная группа СД — Даннера... Вся стража подчинена начальнику имперской службы безопасности при ставке оберфюреру СС полковнику войск СС Раттенгуберу, который подчинен непосредственно рейхсфюреру Гиммлеру.

Тайна объекта «Вервольф» перестала существовать. Подробная информация о местонахождении ставки Гитлера была передана в Москву.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
о присвоении звания Героя Советского Союза полковнику Маневичу Л. Е.

За доблесть и мужество, проявленные при выполнении специальных заданий Советского правительства перед второй мировой войной и в борьбе с фашизмом, присвоить полковнику Маневичу Льву Ефимовичу звание Героя Советского Союза (посмертно).

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
А. МИКОЯН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль, 20 февраля 1965 г.

ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

...По тревоге военнопленных выгнали из бараков. Истощенные, едва державшиеся на ногах, оборванные люди выстроились на плацу. Комендант, окруженный офицерами и автоматчиками, объявил: всех военнопленных решено перевести из лагеря в шахту, чтобы уберечь их от возможных бомбардировок авиации.

Тихий ропот пронесся в толпе узников.

До конца войны оставалось несколько дней. Вот-вот к концлагерю «Эбензее», созданному по приказу гестапо в одном из красивейших уголков Австрии, должны были подойти американские войска. И даже мысль оказаться сейчас глубоко под землей и не видеть неба над головой, не видеть солнца в канун своего освобождения из гитлеровской неволи показалась узникам чудовищной. Но лишь один из них знал в этот момент о коварном плане гитлеровцев. Лагерный переводчик успел сообщить ему, что, как только пленные опустятся в заброшенную шахту, она будет взорвана.

Худой, с запавшими щеками, этот узник, полковник Старостин, мало чем отличался от других военнопленных. Быть может, лишь чуть лихорадочнее блестели его глаза да жестче обозначалась складка в уголках крепко сжатого рта. Но не только товарищи по лагерю, даже комендант знал несгибаемую силу воли этого медленно умирающего от туберкулеза человека. Знал, что прошел он через все муки Маутхаузена и других фашистских концлагерей, видел, как замучили гитлеровские палачи его соотечественника — генерала Дмитрия Карбышева. А некоторые знали и другое. Для них, коммунистов, этот человек был здесь, в гитлеровском концлагере, секретарем подпольной партийной организации. Вот почему многие ждали сейчас, что скажет он, их комиссар.

Тяжело переставляя ноги, Старостин сделал несколько шагов вперед, глубоко вдохнул воз-

дух, и на плацу спокойно прозвучал его громкий голос:

— Мы все, как один, умрем здесь, но не пойдем в шахту!

Он дважды сказал эти слова по-русски. Затем так же громко и спокойно произнес их на немецком, французском, итальянском и английском языках...

И столько было убежденности в страстной короткой речи советского полковника, что все военнопленные поняли: «Палачи готовят провокацию. Спускаться в шахту нельзя!» И все они, как один, заявили: «В шахту не пойдем!» И не пошли...

Спустя несколько дней, 6 мая 1945 года, узники «Эбензее» были освобождены американскими войсками. Их разместили в гостинице «Штайнкогель» на берегу реки Зее. Здесь они встретили День Победы, здесь написали первые письма на Родину и впервые за многие годы мучений смогли по-человечески поесть, уснуть...

А полковнику Старостину становилось все хуже и хуже... Сказалось огромное нервное напряжение последних дней. В самые тяжкие минуты он всегда находил в себе силы, чтобы ободрить и поддержать других. Но теперь, когда все страшное осталось позади, силы начали покидать его, он медленно угасал... Однажды вечером у него хлынула горлом кровь. Его товарищ по лагерному бараку бакинец Грант Айрапетов, бывший на фронте офицером штаба 23-й танковой армии, а теперь живший с ним в одной комнате, бросился на помощь другу.

Старостин слабо улыбнулся, покачал головой:

— Теперь, кажется, мне ничто не поможет... Слушай, товарищ! Я долго присматривался к тебе. Я верю тебе... Слушай и запоминай: «Я не Старостин. Я — «Этьен»... Будешь в Москве, доложи... Ну-ка нагнись поближе и запоминай... Одно прошу: все расскажи в Москве...»

...Капиталистический мир вступил в четвертое десятилетие нашего века, потрясенный невиданным экономическим кризисом. Миллионы людей труда теряли работу, превращались в нищих. Росло революционное настроение...

Буржуазия металась, ища спасения. Реакция видела выход из кризиса в войне, в захвате чужих земель, в фашизме. И фашизм пошел в широкое наступление. В мире стало тревожно, мир стоял накануне новой империалистической войны.

...В крупный промышленный центр одного из европейских государств прибыл состоятельный иностранец. Это был деловой и, видимо, весьма образованный человек. Он держался солидно, с достоинством, но не чуждался знакомств и умел внушить уважение окружающим.

Но была у него и другая, совсем иная жизнь. Жизнь, на которую способны только люди огромного мужества, воли и железной выдержки. Люди, до конца преданные большой идее, ради которой они всякую минуту сознательно идут на риск. И та работа, которую он выполнял тайно и о которой знала лишь незначительная группа помощников, составила существо всей его жизни.

Советский разведчик видел, что реакционное правительство страны, в которой он находился, лихорадочно готовится к захватнической войне. И он делал все для того, чтобы наиболее подробно информировать свое командование.

Эти сведения поступали от «Этьена» в Москву. Они были особенно ценны для безопасности нашего государства в предгрозовой обстановке назревавшей второй мировой войны.

Работал «Этьен» много и напряженно; он рисковал жизнью ради того, чтобы знать, с каким оружием может пойти враг в наступление, если вспыхнет военный пожар, работал ради спасения жизни миллионов мирных людей.

Действовать советскому военному разведчику становилось все труднее. Один из помощников «Этьена» попал в поле зрения контрразведки и был арестован. Не выдержав жестоких пыток, он согласился выполнить предложенный контрразведкой план: встретиться с «Этьеном» в условленном месте и передать ему «документы».

Во время этой встречи «Этьен» был арестован...

Начались бесконечные допросы. По нескольку дней «Этьена» держали в сыром подземелье в полной темноте, морили голодом, не давали спать... Но добиться ничего так и не смогли. Он упорно молчал, не выдал ни себя, ни своих товарищей. Офицеры, проводившие следствие, вынуждены были записать в деле «Этьена», что их подследственный «иностранной национальности», но, к какой стране он принадлежит, не было возможности выяснить. Предпринятое по этому поводу расследование позволяет считать, что данные им о себе сведения неверны, что конфискованный у него паспорт ненастоящий. Расследование продолжается... Почти все обвиняемые, имевшие с ним непосредственный контакт, говорят, что он русский... Он, однако, не пожелал дать никаких объяснений по предъявленному ему обвинению и отрицал, что знает лиц, доставлявших ему документы...

Так же стойко и мужественно держался «Этьен» на суде.

В Москву доходили сведения о мужестве разведчика: «...Э. в тюрьме ведет себя геройски. Его боится директор тюрьмы, его уважают все другие заключенные. По сообщению адвоката, был случай, когда заключенные объявили голодовку и за это получили по 15 суток карцера. Э. обратился к директору тюрьмы и потребовал в знак солидарности с другими заключенными, чтобы ему тоже дали карцер...»

Политзаключенные, находящиеся в тюрьме, с огромным уважением говорили о товарище-коммунисте.

В тюрьме «Этьен» тяжко заболел. У него открылся туберкулез. Но и болезнь не сломила его духа. Вся его жизнь, с юных лет наполненная борьбой, служила ему источником стойкости.

Мы получили возможность познакомиться с некоторыми документами. «Этьен» — это советский полковник Лев Ефимович Маневич, коммунист с 1918 года. В том памятном огневом году он, двадцатилетний юноша, добровольцем пошел служить в Красную Армию. В составе Интернационального полка Бакинского Совета участвовал в боях против мусаватистов. Весной 1919 года сражался с бандами Колчака; был военкомом бронепоезда, вел активную партийную работу в Самаре, Баку, Уфе.

Рассказывая о тех годах, его боевой товарищ по гражданской войне Я. Н. Старостин, именем которого советский разведчик назвался в 1944 году в лагере смерти Маутхаузен, вспоминает:

«В 1920 году я был назначен председателем райполитотдела станции Самара. Зимой в районе Сызрань, Батраки, Сургут, Подбельская мень-

шевикн подняли крестьянское восстанне башкнр нескольких селенні. Мне было поручено мобилизовать членов партни.

Маневнч сам пришел ко мие первым... Я назначил его командиром отряда. Когда отряд коммунистов прибыл на место, Маиевич однн пошел к восставшим н силой своего слова, силой большевнстской правды убедил их сложить оружне. Ночью башкнры проводнлн Маневнча к составу, где коммунары ждали своего комаидира».

Окончилась гражданская война. Поля битвы превратнлись в нивы. Страна Советов начала стронть мириую жизнь. Маневич закаичнвает Академню именн Фрунзе. Через иесколько лет он снова саднтся за учебу, на этот раз в Военно-воздушной академии нмеин Жуковского.

«Вынослив, зачастую работает с перегрузкой... Может командовать эскадрильей... Обещает быть хорошим комаидиром отдельной авиачасти и не менее хорошнм руководнтелем штаба» — так аттестуют его в это время командиры. Никто из них не знает, что Родииа пошлет его на другую, еще более сложную н опасную работу...

Обо всем этом — о своей боевой жнзни, об оставленной на Родине семье, — видимо, не раз думал в долгие дни н ночи тюремного заключения полковиик Маневич. Миого думал о дочерн Татьяне, о жеие...

Листая пожелтевшие от временн документы, мы находим коротенькое пнсьмо, переслаииое верными людьми на свободу: «Тусенька, податель сего... был со мной в заключеинн иесколько лет. Он парень верный... Кроме этой запискн, я дал ему пароль, который ты, несомнено, поймешь.

Целую тебя, моя родная дочурка.

Твой папа Л.».

Убежденность коммунncта в правоте своего дела, вера в свою родную страну, в советскнй народ, в его иемнниуемую победу над фашизмом помоглн полковиику Маневичу выстоять, пройти через многочисленные концентрационные лагеря, в которые бросало его гестапо.

Тяжелобольной, измученный тюрьмамн н лагерямн, он сумел благодаря своей железной воле дожнть до Дия Победы. Полковинк Маневич умер, так и не увидев больше иеба Родииы, ио он умер свободиым, непобежденным, несломленным, твердо веря, что прожил жизнь на пользу людям, оставаясь до конца своих дней пламенным патрнотом социалистической Отчизны, несгибаемым коммунистом.

Полковник Маневнч был похоронен на берегу реки Зее. Товарищи по коицлагерю «Эбеизее» во главе с генерал-майором Мнтрофановым возложили на могилу большой венок живых цветов. Склонив головы, стояли над свежей могилой бывшие узникн фашистского лагеря смертн.

В середине 1948 года прах полковника Маневнча был перезахоронен на кладбище Санкт-Мартин-Зюд. Это тихое кладбище находнтся иа западной окраине австрийского города Линца. На могиле установлен обелиск с надписью: «Здесь покоится прах советского офицера полковника Старостина Якова Никитича. Умер 12.5.1945 г.».

И вот в «Правде» опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза полковнику Льву Ефимовичу Маневичу...

ВСТРЕЧИ

На работу в органы государственной безопасности Николай Барсунов пришел по путевке ЦК комсомола. Молодому матросу-балтийцу поначалу было трудно. Он скучал по морю, по Ленинграду, городу, который он любил жадной, непреходящей любовью. Долгие часы кабинетной работы тяжко давались вчерашнему моряку, но огромная воля, военная дисциплина, а главное — острый глаз и врожденное чувство наблюдательности сделали свое дело — Николай стал профессионалом-контрразведчиком.

В 1941 году, уступая настойчивым просьбам Барсунова, Московское управление государственной безопасности направило его в Третью коммунистическую дивизию московских ополченцев, где вскоре он стал командиром первого батальона. Трудными боевыми путями шла дивизия. В боях под Павловом Николай был тяжело ранен, но выжил, продолжал воевать, а позднее работал «на гражданке». В 1964 году, когда прихватило сердце и фронтовые раны ускорили приближение конца, Николай Васильевич подал мне раскиданные по многим тетрадям и блокнотам короткие записи, случайные заметки и попросил:

— Найдешь что интересное — пиши!

Воспоминания Барсунова обрывисты и немногословны. В настоящем очерке я хочу рассказать о двух эпизодах в его богатой событиями жизни, о двух встречах с людьми, сражавшимися по разные стороны баррикад.

Москва. Октябрь 1941 года

...За время работы в органах государственной безопасности у меня были трудные поединки, были победы и неудачи. Бугорки воспоминаний! Многие из них сглажены временем. Но вот прошло уже двадцать три года, а в памяти свежо и явственно то, что случилось со мной в октябрьскую ночь 1941 года.

Первая военная осень. Тяжелое время. Сейчас даже трудно представить, а ведь в ту пору Москва была самым что ни на есть прифронтовым городом. Фашистские армии почти вплотную подошли к столице, заняли Гжатск, Малоярославец...

Бомбардировщики врага наведывались почти ежедневно. Москвичи быстро научились бороться с зажигалками, и по районам уже стали известны первые чемпионы в этом нелегком и опасном поединке.

А по вечерам по улицам Москвы шли «слоны»: огромные серые аэростаты воздушного заграждения. Их вели люди в униформах. Каждую ночь «слоны» поднимались высоко в небо, вставали на стражу Бульварного и Садового кольца столицы.

Оставленная в городе оперативная группа комиссара Петрова напряженно работала. Многие из состава группы неделями не уходили домой, спали на диванах, столах, кто как успевал.

По совести, домой даже не тянуло. Страшило одиночество. Семьи эвакуировались, и каждая забытая вещь, тетрадь, кукла, тапочки, колечко будили воспоминания, вызывали тревогу за будущее.

В одиннадцать часов ночи мне в отдел позвонил сосед по дому капитан Сергей Туранов и сказал, что в почтовом ящике моей квартиры он «узрел» письмо. «Наверняка от твоих, приходи». Сережа знал, что я тревожусь, не получая вестей из Челябинска.

...До чего же безлюдно и темно в городе! Словно мор прошел. Где-то рядом на мостовой, приглушенно фырча, прошла машина с погашенными фарами. Мигнул в отдалении фонарик комендантского патруля. Мигнул, погас, и снова тишина, мрак.

Переулок, которым я шел, был под стать всему городу, притихший, безлюдный. Кое-где в узкую щель плохо замаскированного окна пробивалась слабая полоска света. Здесь не спали. Кто знает: может, ждали близкого человека, может, плакали над письмом, полученным с фронта. Рядом проходила чужая, незнакомая жизнь.

Тишина, мрак! Почему-то в эти секунды особенно остро почувствовалась усталость. Видимо, сказалось напряжение последних двух месяцев. Я брел, опустив руки, понурившись, по-стариковски шаркая ногами. Спать, спать! Поскорее добраться до дому, прочесть письмо — и в постель. И чтобы без снов, крепко, до утра.

Я шел и подсчитывал... Сейчас серый двухэтажный дом, за ним кирпичный. Сколько в нем этажей, пять или шесть? Неважно, тоже прошел. Ворота. Внутри во дворе овощная лавка. Через два дома конец переулку, сверну налево, четвертый подъезд мой. Наконец-то! И в это мгновение на углу я ощутил кого-то рядом с собой. Именно ощутил, а не увидел. Кромешная, непроглядная тьма. Откровенно скажу, в эти считанные доли секунды я почувствовал себя неважно. Тревога? Страх? Возможно. Обычно так бывает, когда переходишь мостовую, о чем-то крепко задумаешься — и вдруг под боком сердитый гудок и черная громада машины. Я остановился, прислушался. Да, конечно. Прерывистое, приглушенное человеческое дыхание.

— А ну выходи! Чего прячешься? — пожалуй, чересчур громко крикнул я и шагнул к дому.

Из темноты прошелестел испуганный женский голос:

— Товарищ, не задерживайте меня. Прошу... Я живу вот в том доме. (Как будто можно было что-то увидеть.) У меня умирает отец... Сердце... вот...

Я зажег фонарик. Нацеленная полоска света вырвала из темноты прижавшуюся к стене фигуру. Женщина, словно защищаясь, держала перед собой какой-то странный вздутый предмет. Только потом понял — кислородную подушку.

— ...Я нарушила, понимаю. Но не могла иначе. Отец... — торопливо лепетала женщина.

Я погасил фонарик, поспешил укрыться за спасительной темнотой. До чего же неловко стало за свой грубый окрик.

— Зачем же вы так, по углам прячетесь, людей боитесь? Фашисты мы, что ли? Без сердца,

без сочувствия... Конечно, режим, комендантский час — серьезное дело. Но человеческая жизнь... — Да, в этот момент красноречия мне явно не хватало.

Женщина отделилась от стены и подошла ближе. У нее была удивительно легкая, почти неслышная походка.

— Боялась я очень, — доверчиво проговорила она.

Я снова зажег фонарик. Отчетливо проступило лицо незнакомки.

Немолодая, бледная, тонкие черты. Одета во все черное. В глазах еще не погасли искорки страха.

Что мне оставалось делать? И я решил:

— Идемте, провожу... А то чего доброго...

Женщина, благодарно кивнув, повернулась и пошла обратно в тот самый злополучный переулок, который я только что с трудом одолел.

Идти пришлось недолго. Мы остановились у маленького старинного особняка.

— Здесь! — Незнакомка вынула из кармана ключ, поднялась на ступеньку и, сняв перчатку, протянула мне тонкую руку. — Спасибо вам. Душевный вы человек...

Видимо, волнение ушло. Женщина говорила спокойно, чуть нараспев. Сладковато, не то лечебным снадобьем, не то духами пахла ее рука.

Захлопнулась дверь, я остался один. Из дому слышался легкий скрип половиц. Женщина поднималась наверх.

...Сергей не ошибся, письмо действительно было от семьи. Смешливое, благополучное письмо. Ни слова о трудностях. Чертенята, я отлично понимал, что письмо писалось для того, чтобы меня успокоить. Что ж! И на том спасибо, родные.

Утро следующего дня началось с огорчений. Комиссар Петров пригласил меня и молча вернул заявление с просьбой об отправке на фронт. В левом углу бумажного треугольника я прочел размашистую резолюцию: «Пока нельзя. Нужен здесь!»

— Здесь! А там? — не утерпев, зло спросил я. — Значит, там я не нужен?

— Здесь, там... — Комиссар покосился на меня. — Вы что, бойкот газетам и радио объявили? Негоже. Вы же коммунист, политический работник. Здесь и там. Где и какое вы сейчас нашли различие между фронтом там и фронтом здесь? Читайте! — Комиссар рывком открыл ящик стола, вытащил смятые бумажки и протянул мне: — Постигайте, если невдомек.

Он был рассержен и не пытался скрывать этого. Бумажонки оказались «обычными» фашистскими листовками, вероятнее всего сброшенными с самолета. Так мне, во всяком случае, казалось. В них хвастливо утверждалось, что большевистской России пришел капут, что не сегодня-завтра доблестные армии фюрера войдут в Москву. Расписывались прелести будущей жизни под господством арийской расы. В заключение предлагалось саботировать большевистские законы и приказы, вносить свой вклад в дело победы цивилизованной Германии и обязательно хранить листовку, чтобы передать ее немецкому коменданту Москвы.

Прочтя несколько раз, я вопросительно уставился на комиссара: «Ну и что же? К чему мне эта листовка? Что он имел в виду?»

— Это не самолетные «презенты», — сказал комиссар. — Такие «сочинения» стали появляться на стенах московских домов, их находят в почтовых ящиках квартир. Вражье повылезало из подполья.

— Неужели у нас в Москве «пятая колонна»? — тревожно спросил я.

— Откуда она у нас возьмется? — досадливо отмахнулся комиссар. — Просто отдельные вражеские выступления, а может, кое-кого с этой целью перебросить сюда удалось. Проглядели. Мы ведь заняты. Заявления товарищей разбираем. Во всяком случае, товарищ контрразведчик, бой идет не только на передовой. В такой войне, как нынешняя, он везде: и там и здесь. И забывать этого нельзя.

Комиссар говорил еще что-то, но, признаться, я уже не слышал его. Пытаясь разобрать какое-то расплывшееся слово на листовке, я наклонился к столу и сразу же ощутил знакомый запах. Да, да! Тот самый! Именно так пахла рука женщины, протянутая мне на прощанье вчерашней ночью. Женщины с кислородной подушкой. Сразу взмокли спина, лоб. Наверное, я переменился в лице, потому что комиссар смолк на полуслове и озабоченно спросил:

— Что с вами? Нездоровится?

Я подробно рассказал о случившемся.

Весь день мы уточняли детали, или, профессионально выражаясь, проводили подробную установку. Выяснились любопытные подробности. У моей незнакомки, оказывается, уже давно умер отец, в прошлом офицер, белогвардеец, погребенный где-то в маньчжурских сопках. Сама она до начала войны работала в одном из модных косметических кабинетов, жила вдвоем с мужем — шестидесятилетним юрисконсультом артели промысловой кооперации.

Кстати, кабинет красоты, где женщина занималась массажами, до войны часто навещался сотрудниками иностранных посольств, в том числе и немецкого. Обзорное донесение кончалось стандартной фразой: «Занимают отдельную квартиру. Живут замкнуто. Компрометирующих данных по дому нет...»

Товарищи из установочной группы не утомляли себя разнообразием литературных приемов.

Снова наступила ночь, ветреная, холодная, как вчера. Спасские куранты пробили двенадцать раз, когда машина с притушенными фарами медленно прошла мимо знакомого мне дома и остановилась неподалеку, за углом.

Нас было трое, не считая человека, обеспечившего всю нехитрую технику ночной операции. Человек ждал возле подъезда. Он бесшумно отворил входную дверь и показал наверх. Тут, мол!

Мы медленно шли по краям лестницы. Я помнил о скрипе половиц и предупредил товарищей.

Без звонка вошли в захламленный коридор квартиры. Чего здесь только не было! По углам стояли свернутые, похожие на пароходные трубы ковры. Картины и чьи-то портреты навалом лежали возле стен. Кучей тряпье громоздилось слева от входа. В конце коридора из дверной щели пробивалась тоненькая полоска света.

Мы шли гуськом один за другим. Так позднее, на фронте, мы ходили в разведку во вражеские тылы.

Я первым перешагнул вороватый клинышек света и открыл дверь в комнату.

Над круглым столом низко свисала мощная электрическая лампа, закрытая с боков газетами.

Лампа бросала яркий, собранный свет на середину стола.

В комнате находились двое — он и она. Мужчина с крутыми, тяжелыми плечами сидел и писал. Увидев нас, он вскочил, хотел что-то крикнуть, но не мог — перехватило дыхание. Секунду-другую стоял, смотрел не мигая, потом как-то сразу обмяк и грузно опустился на стул. Женщина работала на стеклографе. Да, та самая! Женщина узнала меня, и нечто похожее на улыбку скользнуло по ее лицу. Она положила валик, неторопливым, не лишенным грации движением руки убрала растрепавшиеся волосы. На редкость спокойной была эта фашистская стервятница, вылетавшая ночью сеять ложь, провокацию, панику.

Умирающий отец! Неотложная помощь! Холодный, точный расчет на сочувствие и жалость советских людей. Каюсь, я ведь тоже поверил.

В комнате стоял терпкий запах краски. На широкой незастеленной кровати лежало скомканное белье. В углу валялась кислородная подушка.

Москва. Июнь 1964 года

Вечерело. Я возвращался с работы. Сегодня был суматошный день, и к концу его я очень устал. К тому же с утра зарядил дождь, и, как всегда, на непогоду ноющей болью отозвался перебитый, запеленатый в корсет позвоночник — мой точный, индивидуального пользования барометр. Не дай бог никому! Я медленно спускался по одному из самых длинных эскалаторов метро «Красные ворота».

— Николай Васильевич! — донеслось слева.

Оглянулся. Худощавый, седой мужчина в черных очках плыл мне навстречу. Поравнявшись, он поднял руку с сжатым кулаком, отсалютовал и сказал негромко, но отчетливо: «А вьюга звездам стихи поет! Помните?» И я вспомнил... Вспомнил... декабрь 1941 года. Штаб Первого коммунистического батальона московских ополченцев расположился на аэродроме Главсевморпути. Первая рота, уже прошедшая боевое крещение, находилась в деревне Черные Грязи, вторая — в районе деревни Петрово, третья — в Захаркине. К тому времени батальон был усилен отдельным пульбатом, огнеметной ротой и зенитной батареей.

В ночь на 3 декабря меня вызвал начальник штаба полка старший лейтенант Дудченко. (Сейчас Илларион Иванович Дудченко — генерал-майор, заместитель начальника высших командных курсов «Выстрел».)

— Здравствуй, Николай. Проходи. Знакомься, — Дудченко показал на сидевшего в отдалении в углу комнаты капитана. — Товарищ из Смерша *. — Я молча пожал капитану руку, сел, снял шапку. — Ты вчерашний чекист, — продолжал Дудченко, — контрразведчик. Тебе, как говорится, все карты в руки. Поэтому командование дивизии поручает тебе подготовить и обеспечить выполнение важного задания.

Илларион Иванович присел рядом и попросил капитана изложить суть дела.

С первых же слов я понял, что требуется перебросить нашего человека в фашистский тыл. Командование рекомендовало осуществить эту переброску во время одного из частых в ту пору столкновений с немецкими разведывательными патрулями.

— Справитесь? — улыбнувшись, спросил капитан.

— Будет сделано. Где ваш человек?

— Обожди. Не торопись, — остановил меня Дудченко. — Ты понимаешь, дело деликатное. Знать о нем должен ты, я и командир группы разведчиков, которая завяжет бой. Кто пойдет командиром?

— Сам пойду.

— Отпадает, — отрезал начштаба. — Давай другого подходящего товарища.

«Каждый из командиров и политработников батальона годится», — подумал я. И тут же решил: пошлю кого-нибудь из бывших чекистов.

— Федор Решетников. Вполне подходит. Я его лично знаю. Не один год вместе проработали.

— Лады. Пусть будет Решетников. Тебе виднее, — согласился Дудченко.

Обратно в батальон возвращались поздней ночью. Мой спутник, имени его я так и не узнал, оказался невысоким, слегка сутуловатым мужчиной лет тридцати с мечтательными глазами и маленьким, резко очерченным ртом. У незнакомца были худые руки с длинными, как у пианиста, пальцами, и вообще весь он казался хрупким и женственным.

В дороге молчали. Только один раз, когда налетел колючий северный ветер и снежинки ударили в лицо, незнакомец неожиданно — медленно и певуче — продекламировал, глядя в сторону:

И ртуть сожмется,
И дрогнет Цельсий.
На крыльях, вьюга,
Мороз неси.
Хрустят от стужи
Седые рельсы.
— Двенадцать!
Полночь! —
Хрипят часы.
...Лежат сугробы —
Большие мыши,
Крадется ветер —
Сибирский кот.
И ночь как будто
Поэмы пишет,
А вьюга звездам
Стихи поет.

— Нравятся? — спросил он.

— Очень. Чьи?

— Гусева.

Я подумал: «Удивительно! Ночь, фронт, впереди чертовски опасное дело, а он стихи. Чудной».

В ту же ночь неизвестный покидал батальон. Федор Решетников вел в разведку небольшую группу бойцов, среди которых шагал и вновь прибывший. Прощаясь, незнакомец пожал мне руку, и я даже поморщился от боли. Силен!

Разведка возвратилась под утро. Федор доложил, что была небольшая перестрелка с фашистским патрулем. Раненых и убитых с нашей стороны нет. Вернулись все... кроме одного.

Задание было выполнено!

И вот спустя двадцать три года — встреча в центре Москвы, в метро. Действительно, мал мир. Поднявшись на эскалаторе, я некоторое время подождал — думал, вернется. Нет, не подошел. Ну что же. Значит, так надо. Главное — жив!

---

* Смерш («смерть шпионам») — так были переименованы особые отделы армии.

НАПРАВЛЕН НА ПРОРЫВ...

Два эпизода из биографии капитана госбезопасности

Об этом человеке до сих пор знают очень немногие, хотя у него была удивительная жизнь.

Любимец пионеров, комсомольский вожак подмосковного поселка Кратово, шахтер-тридцатитысячник, чекист, организатор разведывательно-диверсионного подполья в оккупированной Одессе...

Всмотритесь в эту фотографию.

Он был настоящим человеком, настоящим чекистом: таким, каким и хотел видеть своих соратников Дзержинский. Коммунистом до мозга костей, до последней капли крови.

Он был человеком своего времени — времени великого строительства и ожесточенной классовой борьбы.

...Он появился в Одессе незадолго до того, как город был оставлен нашими войсками. Владимир Молодцов, известный в подполье как Павел Бадаев.

Многоопытную сигуранцу поражали размах и масштабность диверсий, совершаемых людьми Молодцова. В порту, на железной дороге, на аэродроме, в рыбачьем поселке, на Большом Фонтане, даже в рядах самих оккупантов — всюду имелись у него добровольные помощники. Его группа была источником ценнейшей военно-политической информации для нашего командования.

Каждый день, утром и вечером, люди Молодцова выходили на задание. Все они объединялись в партизанские отряды, действовавшие как в городе, так и в одесских катакомбах. Оккупанты травили их газом, замуровывали входы — партизаны оставались неуловимыми и неуязвимыми. В течение месяца они отвлекали на себя тысячи вражеских солдат и офицеров.

Была взорвана военная комендатура оккупантов в то время, когда там шло совещание офицеров. Под обломками погибло 140 человек, среди них два генерала. Взлетел на воздух «люкс»-эшелон, в котором находилось более двухсот гражданских и военных чинов.

О героизме подпольщиков ходили легенды. О шестнадцатилетнем Яше Гордиенко, связном и руководителе молодежной десятки, об отважной разведчице Елене Гаре, о рыбачке Ксении Булавиной, матери двоих детей, хранившей в своем дворе склад продовольствия и оружия...

Молодцова пытали. Он молчал. Тогда ему предложили написать прошение о помиловании. Он ответил: «Мы на своей земле, и у врагов пощады просить не будем».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года В. А. Молодцову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Публикуемые материалы знакомят нас с двумя эпизодами из жизни Владимира Молодцова. Первый относится к 1930 году, когда Владимир по комсомольской путевке приезжает на шахту в Бобрик-Донской. Второй — к 1942 году, когда Молодцов (Бадаев) был одним из руководителей Одесского подполья.

ЛИЦО ВРАГА

осковский городской комитет комсомола был похож на перевалочный пункт. К окошечку, где выдают путевки, не подступиться.

Молодцов и Почаев, работая локтями, выбирались из толпы, глянули — путевки не в Донбасс, в Подмосковный бассейн, какой-то Бобрик-Донской. Взялись за руки, пробили толпу, сунулись в окошко опять.

— Веселей шагай, молодежь! — поторапливает ребят старый шахтер. Вот, наконец, нарядная. В отгороженной каморке, за узким оконцем — десятник. Шахтеры берут у него какие-то бумаги, карандаш, расписываются; разбирают за каморкой лопаты, кайла и расходятся по боковым штрекам.

Дошла очередь и до Владимира с Михаилом.

— Новенькие? — поднял глаза десятник. Крикнул через плечо: — Губачев! Забирай к себе!

— У меня что, ликбез? — огрызнулся парень с выбившимся из-под шахтерской шляпы всклокоченным чубом.

— Бери, бери! — строго повторил десятник. — Самого-то учили?

Забой... Нависшие над головой глыбы, беспорядочно сваленные стойки, съехавшая с рельсов вагонетка. Чубатый сунул в руки парням большие совковые лопаты, ткнул пальцем в вагонетку.

— Чудо техники видели? Каждому по одной. Впрягайтесь и вкалывайте. Вся наука.

Но наука оказалась куда трудней.

В первый же день пришлось работать не только вагонщиками, но и крепильщиками и путепрокладчиками. Дело у чубатого действительно спорилось, уголь из-под отбойного молотка тек непрерывно. Давно уже скинули ребята рубахи. От струек пота и угольной пыли тело стало как терка. Пыль ела глаза, скрипела на зубах.

Старались ребята как могли.

29 октября 1930 года

Начинаю писать с того, что за последние дни нормы на работе перевыполняем. Давали до 38 вагонов вместо 26.

Сегодня почти не устал, хотя один гонял вагоны. В отношении жилья — пока хорошо. Постель — в чистоте. В чистоте и белье. Сегодня получил из стирки первый раз кальсоны, рубашку, носки, платки.

До сего времени осаждали только блохи. Теперь начинают появляться и вши. Плохо и то, что некоторые ребята совершенно не соблюдают минимальных правил гигиены: спят в верхнем белье.

Приучился курить. Но в этом себя урезываю. В шахте не курю. Думаю не курить и перед работой.

Хорошо было бы получить к Октябрьским дням комсомольский костюм. Который есть у меня костюм, в этом бы я стал работать.

Сейчас предложил Мишке все заработанные деньги класть в общий котел — на одну сберкнижку. Деньги — наши общие. Все покупаем сообща. Буквально все. После, когда поедем домой, накопленные деньги — пополам. Мишка с этим согласился. Все, что писал прежде, простил ему. Надо же жить по-коммунистически, по-большевистски.

Вчера была конференция по перевыборам шахткома шахты № 7. Нашей шахты. Мы оба были на этой конференции. Перед этим, в читальне, Мишка в «Рабочей газете» прочел письмо старого забойщика, рабочего Донбасса, в котором он предлагает Октябрьские дни превратить в дни борьбы с прорывом на угле. Он предлагает 7.XI использовать для ремонта механизмов, чтобы 8.XI выйти на работу и дать тысячи тонн угля за счет ликвидации прорыва. Он дал мне прочитать.

Когда началась конференция и была зачитана повестка дня, лично у меня мелькнула мысль: поставить на повестку дня вопрос, выдвинутый забойщиком Степаном Кагурой. Сходил за газетой (ребята эту мысль одобрили), но смелости не набрался, чтобы выступить. Думал, вдруг не сумею по-должному мобилизовать массы, а не то чтобы я сам в себе не чувствовал достаточно силы. Ведь человек я новый, авторитета не имею пока. Поэтому газету передал в президиум. Налицо результаты. Единогласно приняли: 8-го работать, а 7-го ремонтировать все механизмы. (После я жалел, что сам не выступил.)

Сколько мы здесь живем, и каждый вечер систематически тушится электричество. Это ненормально. Надо выяснить причины. Завтра подаем заявление в производственную коммуну. На наши письма в Кратово ячейке, бюро ячейки, отдельным товарищам, струнному кружку, родителям еще не получили ни одного ответа. Завтра надо будет писать укоряющее, обличающее письмо.

Личные мои чувства сейчас находятся в приподнятом состоянии. Энтузиазм берет свое. Борьба — вот основа жизни. Как хорошо бороться и побеждать! Это что-то высокое...

В общежитии было душно. В углу на койке, накрывшись с головой, спал вагонщик из бригады. Остальные койки пустовали.

Володя и Михаил сбросили у дверей ботинки с налипшей пудовой грязью, сумрачно присели к столу.

Под койкой у Михаила — корзина со здоровенным замком. В ней — носки, белье, пачка печенья. Сунулся к печенью — полпачки нет. Другой раз махнул бы рукой, а тут взорвало:

— Слямзили, сволочи! Замок гвоздем открыли!

На полу, рядом со спящим, — крошки. Михаил сдернул одеяло.

— Печенье брал?

— Где? Чего? — заелозил парень. Глаза не сонные, ясные.

— А это? — Михаил совал ему в нос искореженный замок. — Это как называется?

Приоткрылась дверь, из коридора стали заглядывать потревоженные шумом обитатели соседних комнат.

— Не брал, ничего не брал, — жался на кровати вагонщик.

— Оставь ты его. — Молодцов отстранил расходившегося Мишку.

— Значит, пусть тащит? — не унимался тот.

— Ну, это ты брось! — Вагонщик вскочил. — Взял, верно... Жрать хотелось... Я заплачу... — достал из кармана рублевку.

Молодцов аккуратно снял с Мишкиной корзины замок, открыл форточку и швырнул на улицу. Под окном звонко чавкнуло. Володя взял из рук обалдевшего парня рублевку, положил на стол.

— Что за шум, а драки нет? — послышался голос.

В комнату протиснулись остальные жильцы. Безолубый черноглазый Маркелов хмыкнул:

— На выпивку соображаете?

— Вроде, — объявил Молодцов, и непонятно было, то ли всерьез говорит, то ли шутит. — Первый пай он внес, я второй...

— Непохоже у вас что-то на гулянку...

— Правильно. Новую жизнь обдумываем. Мысль первая: замки с корзин, сундуков, тумбочек — долой. Деньги, продукты — в общий котел, закупки из общей кассы по мере надобности... Да вы проходите, садитесь!

В коридоре гудели.

— Коммуна, значит, — протянул Маркелов.

— А ты что? Против?

— Да чего ж... Дело хорошее. На других шахтах, слышь, коммуны эти давно имеются. Одно непонятно. Вот я, скажем, сотню в месяц огребу, а он (кивнул на вагонщика) десятку. Квалихвикации разные. Как тогда?

— Надо помочь, — тихо сказал Володя. — Про рабочее шефство слышал? А это разве порядок — ты расстегаи будешь трескать, а у него на хлеб не наберется? Так, Миша?

— Так, — подтвердил Михаил. — Тебя как звать? — повернулся он к вагонщику.

— Николай.

— Садись-ка чай пить. — Михаил вытряхнул на тарелку остатки печенья. — И вы, хлопцы. Разговор у нас, видать, длинный.

Владимир Молодцов — шахтер-комсомолец — с товарищами.

Говорили до рассвета. Так началась первая на шахте № 7 молодежная коммуна.

4 ноября 1930 года

Приходится, к сожалению, делать запись карандашом: чернила в нашем бараке — товар дефицитный.

Нынче первый раз поднялся на-гора не только не уставший, но и веселый. По руднику плывет едкий каменноугольный дымок. Кругом сквозь завесу смеются веселые электрические фонарики, а над всем этим тихим и спокойным величественно раскинулась лазурная, прозрачная голубень неба. Месяц, как сторож и распорядитель, воссел на престоле мелких кучевых облаков и наблюдает их мерное, чуть заметное движение. Сердце вот так и рвется куда-то далеко, далеко ввысь, туда — к звездам и месяцу, чтобы вместе с ними слиться, чтоб вместе с ними из синей голубизны наблюдать и увидеть эту грандиозную ширь Союза Советских Республик, охваченных невиданным энтузиазмом борьбы за социализм.

На производстве масса неполадок. Сегодняшнюю смену — половину вразброд просидели из-за нехватки порожняка. Задержка происходила из-за несовершенства путей. То расширение, то рельс валится. Вагоны бурятся... Но и то план превысили на один вагон, процентов на 5. Дали 23 вагона при норме 22.

Надо скорей организовать «легкую кавалерию», чтоб системой бороться с неполадками.

Писем из дому все нет. Жду с большим нетерпением.

8 ноября 1930 года

Октябрьские дни. Великие дни Октябрьской революции. Вчера и сегодня проходят субботники. Вчера я принимал активное участие в погрузке угля для Каширы. В начале дня спустился в шахту, поработали там. Пришел в нарядную. «Ребята, кто не отметился, отмечать больше не будем, довольно, лезьте на-гора».

15 ноября 1930 года

Несколько минут тому назад приходил представитель «Комсомольской правды», и мы читали «Комсомольскую правду от 13/XI, статью «Разрешите уехать». Мобилизованный на прорыв в Донбасс просится, чтобы ЦК его отпустил, разрешил ему уехать обратно домой. Он, проработавший 7 упряжек, уже бежит домой от трудностей, преступно врет и искажает настоящее положение дел. Он не может носить звание комсомольца, он своим дезертирством клеймит комсомол. Таких надо заставить работать, чтобы смыть с себя грязное пятно.

К шахте привык и сроднился с ней, прежде угрюмой, пугающей и угнетающей. В ней как дома. А насчет трудностей — что ж, ведь и на земле, на поверхности, работа литейщика, прокатчика ничуть не легче. Всякое дело трудно без привычки. Но ведь привыкнуть надо. А раз надо — так привыкнем и ликвидируем прорыв.

Улица шамкает грязью. Дорог не разберешь, хищно цапают и сосут подошвы. Растут болота и блестят во мраке ночи от электрических фонарей. А дождик все льет. Да, наши треть жизни клали за революцию, и мы сумеем ее отстоять.

29 ноября 1930 года

Самое высокое чувство, которое я мог испытать за свою короткую жизнь, — это чувство сознания того, что я являюсь частицей горняцкого коллектива. Какое великое дело — не замечать, не считать часы рабочего времени, не ждать конца смены, а стремиться ее продлить, бегом бежать за вагонеткой, обливаться потом и выходить после смены победителем в выполнении плана. Как радостно видеть себя впереди других и давать стимул соревнованию за первенство! Так мы выполним и перевыполним план пятилетки в три года. Это сделаем обязательно, безоговорочно, без плаксивых рож, большевистскими темпами.

Немного неправильно я записывал о противоречиях волн и «сердца». Это противоречие бывает или чувствуется только на-гора, когда в голове «хлеб», «обеды», «вставать», «ложиться»; внизу нет противоречий, внизу — единство, внизу — цельность, тут одна мысль: производство, уголь, превышение плана, дать больше вагонов.

21 декабря 1930 года

Сегодняшний день увенчался невиданными успехами для меня. Вывез из забоя 24 вагона, т. е. дал 12 тонн угля!

17 января 1931 года

На шахте № 10 — атака. В нарядной одиннадцатой плакаты зовут к наступлению на уголь, в бой за промфинплан. При нарядной работает передвижка библиотеки. Организованы беседы. Теперь это надо закрепить навсегда.

25 апреля 1931 года

Промфинплан нашей шахты двигается вверх, т. е. задание все ближе к выполнению. Теперь вместо прежних 170 вагонов за смену выкатываем 325 вагонов.

Я теперь уже забойщик, уже две смены работаю в забое. Вчера работал в «26/7 сев». Работал вручную, дал 6 вагонов — очень низко. Надо было дать больше — вагонов 10. Дело в том, что давать подбой надо было не по низнике, а верхом — по углю.

Сегодня работал в «28/30 зап.» с одним гонцом, при далекой подкидке, при незакрепленном забое. Я дал 18 вагонов, это ничего!

Хочется побывать дома. Хорошо бы получить отпуск с 1 июня!

Самое главное: теперь я кандидат ВКП(б). На днях получу билет.

Это были годы, когда труд по всей нашей стране стал делом чести, славы, доблести и геройства.

Это были годы открытий. Люди открывали заново мир и прежде всего самих себя...

Маленькая коммуна на шахте № 7 жила по тем же законам, что и вся страна. Шли на работу с песней:

Гудит, ломая скалы,
Ударный труд...

НАПРАВЛЕН НА ПРОРЫВ...

НАПРАВЛЕН НА ПРОРЫВ...

Но вскоре началось непонятное.

Почему-то коммуну стали ущемлять. Незаконно увеличивали нормы, срезали ставки, задерживали зарплату...

Коммунары долго терпели: «Перебьемся!» Потом возмутились, пошли к главному инженеру. Старый «спец» держался высокомерно, но, кажется, порядком перетрусил.

Финал разговора оказался неожиданным: зарплату выдали в тот же день, а с работы сняли... десятника Курапова.

«Стрелочник всегда виноват», — хмуро пошутил кто-то. Курапова на шахте уважали, хоть и крутой был старик. Почему именно на него свалили все грехи начальства, до поры до времени осталось непонятным. Шахтеры ругались, сочувствовали, но... приказ есть приказ.

Остался десятник один у пустых, холодных клетей. Сорок лет катали его визгливые клети вверх-вниз, и вот «захлопнулась» для него решетка проходной. Легко и просто... Сорок лет! От мальчика на побегушках до распорядителя смены.

Как тень, вкрадчиво, тихо подошел к десятнику спившийся завшивевший Чаша. Был шахтер — грудь навыкате, черный в синеву чуб, бурачного соку щеки. Съела «горькая»: шкалики, полуштофы... Пришлось Курапову уволить парня. Чем тот жил — неизвестно. Но вот что странно: пил беспробудно, а деньги водились. Еще и других угощал. Не раз Курапов спрашивал его — откуда? Да разве у пьяного дознаешься?

Думал Курапов — станет Чаша издеваться. Но тот покрутил головой, вынул из-под ватника литровку самогону. Треть уже отпита, пожаром пылают щеки.

— Пей, Федосеич, слегчает!

Сунул бутыль.

Припал Курапов к горлышку, пил залпом.

Чаша огляиулся. Неожиданно трезво сказал:

— Пойдем где потише...

Пили за поселком, на пустыре. Откуда-то появилась вторая бутыль. Лил Чаша в замызганный стакан.

— Пей! Потому и горькой зовут, что горе заливает!

Кривил озлобленно рот.

— За что старого человека? Спрашиваю, за что?!

Сузил вдруг блуждающие глаза, наклонился к самому уху.

— Хочешь, мы... как сусликов их! — Хряпнул противно ногтями, оскалил в ухмылке прокуренные грязные зубы. — Помойная над седьмой... полная камера воды. Помпа не успевает откачивать... Чикнуть рукав — и поплывут!

Покачивается в клубах сизого дыма вышка копра. Дышит с хрипом в ухо Чаша:

— За меня, за тебя, за всех! Будут помнить!

...Уголь тек с уступов, с боков. Работали рядом бригадир Суворов, Губачев, Маркелов — лучшие забойщики смены. Уголь давил, шел сам... Легко впивались в расслоившиеся пласты кайла, скрежетали лопаты, повизгивали вагонетки. Работали молча, сосредоточенно. На лицах блестели только зубы.

Уголь давил, уголь шел сам... И вдруг!

— Во-о-да!

Страшное слово прокатилось по штреку как залп в спину. Зашипели, поползли по уступам мутные потоки прорвавшихся сточных вод. Плавилась, текла грязью глина; трещали, ломались, размолачивались крепи. Подпер накренившуюся стойку медвежьим плечом Суворов.

— Тикайте!

— А ты?

— Не впервой, выберусь!

Выбрался из заплывшего уже наполовину грязью забоя Губачев. В глазах мечется страх. Рванул Суворов друга за рукав:

— Ты-то что? Новенький, что ль? Подмогни, покуда ребята выберутся!

Взялся трясущимися руками за стойку Губачев, ухнула где-то кровля — метнулся в заходку.

— Дура, одного припечатает скорей! — только и успел крикнуть вслед Губачеву Суворов.

Рвануло болью сердце. Выгнулась стойка, притиснула к уступу локоть на излом. Попробовал высвободиться. Крепок «капкан»... Не оттянуть одной рукой стойку.

Повисла, судорожно вздрагивая, посиневшая и как будто уже чужая кисть руки. Рванулся, скрипя зубами, еще. Нет... Приковало намертво. Набухает, дышит, наваливается глинистая кровля; трещат, ломаются верхняки. У ног — брошенная кем-то саперная лопата.

Схватил лопату, нацелил острием на болтавшуюся кисть. Только бы сразу.

Стиснул зубы, закрыл глаза, отвел лопату подальше...

Вцепился кто-то в черенок.

— Не смей!

Голос Молодцова. Вот кто пришел на помощь в беде!

— Рвани, Володь, стойку на себя! — Рванул. Качнулся. Суворов ухватился здоровой рукой за Молодцова.

— Наваливайся! — крикнул тот, перекрывая грохот лавы. — Не дойдешь!

— Дойду!

Взвалил товарища на спину, потащил.

Ноша нелегка. Засасывает ноги грязь. Надсадно клокочет что-то в груди. Не хватает воздуху. Скользкими, будто намыленными, стали руки. Трудно удерживать на спине истекающего кровью человека, но останавливаться нельзя. Еще шаг, еще, еще... Ухнул впереди обвал, шибануло затхлой сыростью... Страшным эхом отозвался грохот сзади. Неужели и там?! Похоронены заживо.

Окно. Под черно-багряной тучей — раскаленный диск солнца. У постели стул. На спинке стула — мокрое полотенце. Осунувшееся, посеревшее лицо жены.

Встала торопливо:

— Зараз у Михеевны рассольчику огуречного спрошу.

Шлепая рваными галошами, ушла.

Разламывается голова; дрожит, расплывается за окном огненное пятно солнца. Шумит что-то в ушах... Скинул полотенце, открыл глаза. Воет сирена... Что случилось?! Бегут люди... Скачут во весь опор пожарники, сигналят машины «Скорой помощи»...

Вбежала жена.

— На вашей шахте!

Вход в катакомбы, в которых скрывался Молодцов со своими товарищами.

База чекистской группы в катакомбах.

Прнподнялся на локтях: «Что иа шахте?» Теперь уж не иа «его шахте»?

«Будут помнить!» Чей это голос? Где? Когда слышал его десятиик?.. Чаша! «...чикиуть только рукав...»

Как урагаиом смело старого угольщика с кровати. Кииулся к проходной в чем был: босиком, без рубахи.

Толпится, давится у клетей народ, закрыта уже решетка. Махиул, не помня себя, через нее, втисиулся... Браиь, крики, плач. Вздрогиула, наконец, клеть, сиизу ударило сыростью и грохотом обвалов.

«Помойиая... водоотборные шланги». Сомиеиий нет, там! Штрек под помойиой, что это — ошибка проектировщиков?! Но Чаша о ией знал. Откуда?»

Грохочут раскатами обвалы, трещат крепи. Бегут все к седьмому. Зря! Нужио вызволять через восьмой, там должио быть пока сухо. Туда!

Напрямую выхода из седьмого штрека к корениому уже не было. Володя вспомиил про обход, подтащил Суворова к лазу. Понял забойщик товарища, попытался втнснуться в узкий, заплывший грязью лаз. Не смог, стиснул до хруста челюстн.

— Выгребайся, парень, один, пока не поздно.

— А ты?

— Пожил... буду!

— Выйдем!

Лег Володя, прииялся разгребать грязь руками. Но что это? Трудно, очеиь трудно дышать, в ушах гул, темиеет в глазах. Газ! Кисло во рту. Такая коицеитрация смертельиа. Вот уже и нет сил встать. Отвалился в стороиу, приподнял голову — выше дышится легче. Неужели коиец? Надо как-то выбраться.

Вспомиил, неподалеку должеи быть сточный колодец. За иеиадобностью закрылн горбылями... Найтн и открыть. Газ стечет в колодец, как вода.

Стоиет Суворов, валнтся, будто засыпает. Внизу, в углекислом газе ослабевает совсем.

— Встань! — кричит Володя, тормошит, бьет друга по щекам — только бы не уснул, не впал в беспамятство.

Где же колодец? Был где-то здесь. Ударилась, наконец, нога обо что-то гулкое... Горбыли! Расшвырял — люк.

...Какие солеиые губы! Искусал, иавериое, в кровь. Кружится голова. Каково же Суворову? Ну, ннчего. Еще немиого подождать, пока утечет газ. Все явствеииее слышится шум. Кто-то скребет, скрежещет, блнже, ближе... Высуиулась из лаза лопата. Нашли! Значит, жизнь. Жизнь!

Хочется крнкиуть, ио не получается. Булькает в горле что-то соленое. Кровь. Черно, совсем черио в глазах...

Очиулся Володя наверху. Глаза резаиул ослепнтельиый свет. Шум, крики, плач... Он иа иосилках у машииы с красным крестом. Рядом еще иоснлки. Их много, целый ряд. Кого-то кладут на подводу, уже мертв. Кто? Крепильщик Суворов. А это? Полыхнуло сердце. Маркелов! Обезображеииая, расплющеиная голова, а все будто улыбается.

Толпа расступилась. Двое милициоиеров вели парня. Сизое от пьяиства, отечное лицо, глаза — шалые, бешеиые. Звериные глаза...

«Этот!» — зашумелн вокруг. И толпа вдруг колыхнулась к иему. Тонко заверещал милицейский свисток, пареиь рваиулся, как заяц, кинулся было к машиие, ио увидел лицо Володи — и застыл.

Уже давно увели Чашу, а Молодцов неподвижио глядел вслед.

Так ои впервые увидел лицо врага...

Все складывалось так, что Молодцову нужно было выйти в город самому. Москва разрешала это лишь в ситуации крайией необходнмости. Ситуация назрела.

На рассвете, взяв с собой связных, Владимнр вышел в город.

С эвакуацней советских войск Одесса сразу же оказалась в глубоком тылу. Не доиосились даже звуки каноиады. Война шла уже «где-то за морем». В город, веками слывший «сокровищницей Черноморья», мутным потоком хлынулн ростовщнки, спекулянты, жулики всех мастей.

Слетелось, как воронье, старорежимное отребье — белоэмнгранты, улизиувшне в годы революцнн в Румынию, фабрикаиты, купцы, кабатчикн. Вся эта иечисть кишела иа Привозе — зиаменитом одесском рынке.

Владимир медлеиио шел по Привозу, слушал, смотрел.

Тощий трясущийся старик, стуча зубами, бормочет: «Виды панорамы Одессы-мамы.» Солдатам и франтам подсовывает порнографию.

— Фунты, доллары, швейцарские франки, — деловнто бубнит валютчик-меняла.

Воровато шныряют улизнувшие нз лазарета перебинтоваииые горе-вояки — вымеиивают иа съестное табак, награбленные часы, браслеты и даже сорваиные с заборов лнстовкн со сводками Совииформбюро. Листовки хоть н пугают, ио идут ходко: ннкто не увереи в завтрашнем дне.

А вообще весь этот огромный, кншевший людьмн рынок смахивал иа палату буйнопомешаниых — только без решеток и смирительных рубах.

Владнмир пересек Привоз. Ладио сидевшая на нем офицерская форма, выправка, уверенность — все говорнло о прннадлежностн «эсэсовца» к высшей командиой сфере; «мертвоголовики» вытягнвались перед иим во фронт.

В коице базара офицер свернул к букинистической палатке.

— Иест новый антнкварный нздаиий? — спросил ои книготорговца на ломаном русском языке.

Тот, гляиув поверх очков на офицера, порылся под прилавком и извлек потрепаиную кннжоику, иапомннающую молитвениик.

— Вот довольно иитересный экземпляр.

Офицер просмотрел бегло несколько страннц: замусолеииые, зачитаиные, на полях и среди строк масса пометок ногтем и карандашом.

На семнадцатой страиице поставлен ииветаризацноиный номер. Ои н являлся ключом для расшифровкн пометок.

— Сколько? — спросил офицер.

— Экземпляр редкнй. Десять марок, ио господам иемецким офнцерам скидка.

Офицер бросил на прилавок деиьгн.

Неподалеку от букнниста в прнлепившейся к серому дому прнстройке ютнлся комнссионный

Предсмертные письма Владимира Молодцова.

магазин с длинной вывеской «Электромонтажточприбор». На самом деле это был обычный скупочный пункт и своеобразный ломбард для мелких электробытовых и хозяйственных товаров. За невинной вывеской скрывался опытный инженер-коротковолновик, инструктор радиоклуба. Скупка электроприборов была удобным прикрытием для подпольной рации. Сюда и зашел после букиниста «офицер-эсэсовец», протянул продавцу-приемщику через головы торчавших у прилавка зевак товарный чек.

— На прошлый неделя купил у вас красивый бра. У кого перекупил вы? Нет ли у тот человек к нему пара?

Хозяин перекупочного пункта глянул на чек, бросил так же, как и букинист, беглый взгляд на офицера и велел своему помощнику принести какой-то «журнал». Кутаясь в меховушку, долго водил пальцем по регистрационным записям, наконец нашел указанную в чеке серию.

— Приобретено у одесситки. Выписать адрес?

— Да!

С Привоза «эсэсовец» заглянул по пути на биржу.

— А, мон шер, — игриво встретил его какой-то биржевой делец. — Интересуемся курсом марки, доллара, леи? Презентую свежайший бюллетень! — И Молодцов, он же Бадаев, получил еще одну шифровку.

Среди однообразных цифровых колонок важнейшей для него была выписанная от руки. Кто-то сложил столбик цифр. Но результат сложения не исчерпывался означенной под чертой суммой. Свои коррективы должна была внести еще и бомбардировочная авиация.

У поворота на Нежинскую офицер зашел в табачный ларек.

— Мой папирос?!

— Начинить пану офицеру фильтрами?

— Да.

— Трошки почекайте, — хозяин ларька указал на кресло и столик. — Там газеты, пан офицер может почитать.

Офицер посмотрел на часы.

— У кого мало времья... Нужно еще... как это по-русски? — он вынул ключик от французского замка.

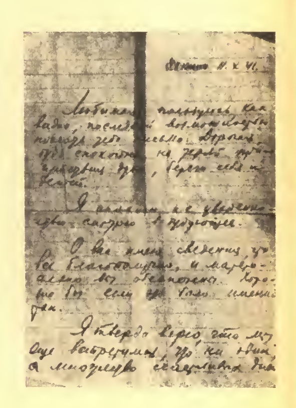
— Ключ, — подсказал папиросник.

— Д-да... дубель... Понимай? Недалеко здесь. Ваш мальчик сбегай в мастерскую.

— Будь ласка, пан официр.

Владимир сел в кресло. В газетах его заинтересовали объявления. Одно он перечитал несколько раз: «Оптический магазин открывает господин Марцинковский». Еще один явочный пункт. Группа «Зоркий глаз» — десять человек. А сколько их, таких групп, уже создано в городе...

Одного канала связи с Москвой становилось



НАПРАВЛЕН НА ПРОРЫВ...

Через несколько минут их расстреляют фашисты. Владимир Молодцов и чекистски Тамара Межигурская и Тамара Шестакова во дворе Одесской тюрьмы перед расстрелом. Снимок сделан палачами.

недостаточно. Сделать рацию кочующей в условиях катакомб трудно. Нужен второй передатчик с широким фронтом перемещений. Нужен как воздух!

Пока Владимир просматривал газеты, папиросник начинил противоникотиновыми фильтрами пачку «Тройки». Под фильтрами была, разумеется, и начинка посущественнее.

Вернулся паренек из мастерской, принес два совершенно одинаковых ключа с одинаковым числом царапинок. Это означало, что вызов принят. Яшуня — Яша Гордиенко, шестнадцатилетний парнишка, любимец подпольщиков — будет ждать, как всегда, на Приморском бульваре у пушки с фрегата «Тигр». Но еще нужно было свести все полученные сведения в шифровку для Москвы, чтоб ее передали сегодня же. Пришлось зайти на одну из конспиративных квартир.

Дом оказался полуразрушенным — стены растрескались, осели, но спрятанный в одной из отдушин флакончик специальных бесцветных чернил, к счастью, уцелел. Шифровку Молодцов разместил в междустрочьях газетной передовицы.

На Приморский бульвар отправился уже под вечер. Еще издали услышал зазывной мальчишеский голос: «Чистим — блистим! Лакируем!»

— Сидайте, пан офицер, сидайте! — паренек смахнул кубанкой с каменного парапета пыль.

Офицер застелил парапет четвертушкой газеты, нагнувшись, шепнул:

— Газету возьмешь, спустишь в колодец Помялуковского. Над передовицей напишешь: «Проявить!» Заранее не пиши, газету сложи книжечкой под цигарки. На военном спуске зайдешь к сапожнику, передашь эту марку.

Как бы расплачиваясь с чистильщиком, офицер протянул пареньку купюру с оторванным уголком.

— Добавишь только: «Вечером в «Черной кошке».

Сапоги и впрямь уже блестели как зеркало. Офицер встал:

— Газетку, пан офицер, подаруйте на цигарки! — громко попросил паренек.

— Куришь?!

— Ни, батя курит. Дюже старый батя у мене.

— Фосьми! — махнул перчаткой офицер.

И мальчуган сунул газету в ящик с гуталином и щетками.

Нелегко пробраться к колодцу Помялуковского даже бродячему чистильщику сапог. Все село оцеплено жандармами, но не впервой пареньку их морочить. В Яше Гордиенко Молодцов уверен. Полетят в эфир точки и тире. О многом расскажут они сегодня Центру.

«Ша нуар» *. На круглой, подвешенной, как медальон, вывеске — взгорбившаяся, сверкающая глазами черная кошка.

Владимир сел за угловой столик, огляделся.

С первых же дней оккупации открытый предприимчивым буфетчиком Милашевичем полуподвальчик стал любимым местом пьяных офицерских оргий.

> ...Взвей-ся, взвейся, чубчик кучерявый,
> Эх, разве-вайся, чубчик, по ветру.
> Раньше чу-у-бчик, я тебя любила,
> А-а теперь забыть я не могу...

* Черный кот (франц.).

Не верилось, что всего несколько недель назад в этом полуподвальчике говорили с портовиками о паролях, явках, подпольных кличках...

— Господин капитан?!

Занятый своими мыслями, Молодцов даже не понял сразу, что обращение относится к нему. Откуда взялся этот лейтенант? В зале не было ни одного немецкого офицера. В Одессе их вообще мало. Поэтому и избрал Владимир форму эсэсовца: к арийцу в чине капитана да еще с эмблемой войск Гиммлера не осмелится придраться никто из румын. Встреча же с немцем, даже с низшим по званию, была совсем некстати.

— Господин капитан, очевидно, приезжий? — подвыпивший лейтенант присел на краешек свободного стула.

— Как осенила вас такая догадка? — с благосклонной усмешкой спросил «приезжий».

— «Перышки», господин капитан... У нас они, как у кур, в пыли; у вас — как из ателье самого рейхсфюрера... И только приезжий может не знать, что для арийцев, — хмельные глаза лейтенанта сверкнули заносчиво, — предусмотрены отдельные кабины. Подальше от этих... — он брезгливо кивнул на сидевших за соседними столиками румын, встал. — Господин капитан, просим оказать честь!

Несмотря на низший офицерский чин и действительно невзрачную потрепанную форму, лейтенант был, по-видимому, из молодчиков, которых сами нацисты окрестили «неистовыми». Пренебречь приглашением такого субъекта было опасно. Пришлось перебраться в кабину.

Там, за столиком, сидели еще два немецких обер-лейтенанта. «Гость» отрекомендовался сухо и сдержанно: «Прибыл по делам службы из Берлина». Выпили за фюрера, за тысячелетний рейх, за победу, а разговор все не клеился.

— Ох, уж эта Одесса! — сетовал один из обер-лейтенантов, в летах, с искривленными подагрой пальцами. — Ссылка! Надолго к нам, капитан?

— Неизвестно...

— Плыли, летели, ехали?

— Всего понемногу...

— Быстро добрались?

— По мере возможности... — Молодцов любезно улыбнулся, однако тот явно ожидал чего-то еще.

Молча, не сводя с гостя глаз, обер-лейтенант поднялся, плотно прикрыл дверь, снял вспотевшие очки, тщательно протер белоснежным платком и снова бесцеремонно уставился на Молодцова. Уронил вполголоса:

— Со мной приехал оберштурмфюрер. Где-то в зале... Найдите!

Подагрик тоже сверлил исподтишка Владимира настороженным взглядом. Приняли они все за чистую монету или хотят передать прибывшего в надлежащие руки — понять было невозможно. Непонятно было и другое: о каком оберштурмфюрере шла речь? Неужели о Курте? О том самом Курте, на встречу с которым он и пришел сюда?

Секунды тянулись бесконечно. На всякий случай Владимир нащупал шнур от спрятанного в пройме рукава запасного браунинга. Прикинул, сколько прыжков до окна на улицу...

Подагрик не унимался:

— Давно здесь?

— Не очень.

Обоих явно что-то настораживало, видимо, акцент. Надо было выкручиваться. С эстрады донеслись вдруг залихватски-блатные куплеты:

Губернский розыск рассылает телеграммы,
Что вся Одесса переполнена ворами,
Что наступил критический момент
И заедает вредный элемент!

— Любопытная песенка, — заметил «приезжий».

— Знаете русский? — уже ловил, что называется, на слове подагрик.

— Лучше немецкого.

— О?!

— Мой отец консул. Я его московский отпрыск.

«Уж не играю ли в поддавки? — усомнился на миг и сам Молодцов. — Нет, так, только так!»

— Язык врага — наше оружие, любезнейший обер-лейтенант. Врага надо знать в совершенстве. Вы вот сидите, слушаете и не подозреваете, чем вас развлекают... Хотите, переведу?

— Прошу!

— Одесса-мама переполнена ворами. Наступил критический момент, и заедает вредный элемент! Понятно?

Подагрик повернулся к соседу.

— Что это значит?

— Ку-пле-ты вре-мен англо-французской интервен-ции, насколь-ко мне из-вест-но, — чуть заикаясь, ответил тот.

— Но сейчас здесь мы!

И, не дождаясь ответа, выскочил в зал, гаркнув «генуг!» (довольно!).

Вернулся, наконец, лейтенант с оберштурмфюрером. Молодцов перевел дух. Да, это был Курт.

Они обменялись быстрым взглядом.

Как и всякий подпольщик, Молодцов привык ходить по краю пропасти. Он, русский, делал это во имя своей страны, победы своего народа, но его всегда трогал Курт, немец, сумевший подняться до глубинного понимания правды, бесстрашно боровшийся в рядах фашистов против фашизма.

Пока опешившему куплетисту отвешивали за кулисами пощечины, Молодцов мельком взглянул на часы и щелкнул каблуками.

— К сожалению, я вынужден покинуть приятное общество...

Подагрик вопросительно взглянул на Курта; тот безмятежно улыбнулся.

— Желаю удачи, капитан.

Через полчаса Курт присоединился к нетерпеливо расхаживавшему под деревьями Владимиру.

— Рад тебя видеть, — тихо сказал он, и Молодцов уловил в его голосе знакомую теплую нотку. Курт наклонился к нему, как бы прикуривая, заговорил быстро и четко: — После наступления русских под Москвой «московский тайфун» бушует в Берлине. Летят перья даже с фельдмаршалов. Происходит ротальная замена командующих. Группы «Центр» и «Север» деморализованы. Коммуникации растянуты. Взятие Москвы можно считать «замороженным». Остается юг. Воскрешается операция «ф» через Кавказ — в Турцию и Иран. Передай о дислокации войск неприятеля к Северному Донцу. Все! — Он сжал руку Молодцова и, лихо козырнув, направился к кабачку.

Молодцов мгновение смотрел ему вслед, потом неторопливо зашагал по улице.

...Им еще много раз приходилось встречаться — верным товарищам, отважным разведчикам. И каждая их встреча сулила фашистам новые беды.

Говорят, есть в судьбе разведчиков суровая необходимость: подвиги их остаются неизвестными.

Но проходит время — и спадает завеса молчания. Страна свято чтит своих героев.

НАПРАВЛЕН НА ПРОРЫВ...

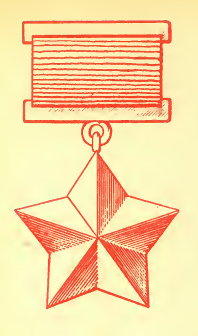
Портрет Якова Гордиенко выполнен в катакомбах художником, имя которого для нас осталось неизвестным.

«Мой срок истекает, помилования не жду. Эти турки отлично знают, что я из себя представляю. Три раза меня водили и били на протяжении четырех с половиной часов. За это время я три раза терял сознание... Никакие пытки не вырвали фамилий... Я водил ребят на дело, я собирал сведения, я готовился взорвать дом, где были немцы, но мне помешали. Жаль, что я не успел развернуться...

Достаньте мои документы. Они закопаны в земле, в сарае. Там лежат мой комсомольский билет, фотографии друзей и подруг... Есть там наши клятвы в вечной дружбе и солидарности друг другу. Эх, славные были ребята!.. Я не боюсь смерти... Прошу только не забывать нас и отомстить провокаторам. Победа будет за нами!»

Из предсмертного письма к родным Яши Гордиенко.

ЯКОВ ГОРДИЕНКО



Многим воспитанникам Ленинского комсомола, боровшимся с фашизмом в составе оперативных чекистских отрядов в тылу врага, присвоено звание Героя Советского Союза. Вот имена шести из них:

Борис Галушкин,

Федор Озмитель,

Лазарь Паперник,

Михаил Петров,

Надежда Троян,

Александр Шихов.

МАРИЯ, МАЙОР РАЗВЕДКИ

Девять страниц из биографии трудной и яркой жизни Марии Александровны Фортус — отважного человека, прославленной разведчицы, ветерана-коммуниста ленинской закалки. Но и десятая страница ее биографии, не менее содержательная и интересная, — в сотнях конвертов, что ложатся на ее рабочий стол:

«Мы, пионеры херсонской средней школы № 31, хотим больше знать о людях, боровшихся за установление Советской власти в нашем городе. Мы знаем, что вы были активной участницей революционных событий. Просим вас прислать нам свои воспоминания, фотографии, может быть, сохранившиеся документы и газеты того времени...»

«Примите сердечный привет от красных следопытов Ставрополья! Мы, пионеры средней школы № 20, создали у себя Музей боевой славы. Важное место в экспозиции занимает тема борьбы испанского народа с фашизмом.

Вы, Мария Александровна, вместе с испанскими патриотами сражались с фашистами, и мы очень хотим, чтобы все в нашем крае узнали о Вас...»

«Комсомольцы Челябинска просят Вас, уважаемая Мария Александровна, рассказать об отважном советском разведчике Николае Кузнецове, боевым товарищем которого вы были...»

Мария Александровна — активная участница похода молодежи по дорогам народной славы, одна из организаторов клуба интернациональной дружбы Московского дворца пионеров. Она сама — неустанный следопыт революционного и ратного поиска.

СТРАНИЦА I

«В тринадцать лет Мария начала трудовую жизнь, шестнадцатилетней вступила на путь революционерки».

(«Дочь революции», «Болгаро - советская дружба», София, 1964, № 11.)

Херсон, год 1916-й. Маше Фортус шестнадцать лет: маленькая, круглолицая, в застиранном ситцевом платьице, совсем девчонка. И вот первое задание руководителя революционного кружка — проникнуть в каторжную тюрьму на форштадте, установить связь с политзаключенным по кличке Матвеич — Александром Матвеевичем Минаевым, приободрить его, сказать, что товарищи надеются на скорую встречу на воле.

Маша нанялась работницей в тюремную оранжерею — жандармы, используя труд арестантов, выращивали хризантемы и розы на продажу. Вскоре она отыскала Минаева. Подпольщики стали готовить ему побег. Но до этого не дошло: в феврале семнадцатого года боевые группы революционеров взяли штурмом все пять тюрем Херсона. В этой операции участвовала и Маша. Она одной из первых обняла Минаева у ворот тюрьмы. А потом на соборной площади запылал смрадный костер из арестантских халатов и курток. Летели в огонь также и портреты царя, и кандалы, и дела из тюремных архивов...

СТРАНИЦА

«Однажды, в 1919 году, она получила задание войти в доверие к офицерам французских судов «Мирабо» и «Жюс-

В 1919 году несколько черноморских портов Советской республики были оккупированы французскими военными кораблями. Близ Херсона стояли на якоре крейсеры «Мирабо», «Жюстис» и другие. Контрразведка оккупантов свирепствовала на берегу, вылавливая подпольщиков-коммунистов, которые говорили французским морякам правду о революции. Но контрразведка не могла помешать офицерам и матросам заводить знакомства с симпатичными горожанками. И вот галантные кавалеры приглашают на крейсер нескольких девушек. Танцы в кают-компании, шампанское... В разгар

тис», бросивших якорь в Херсоне, с тем чтобы проникнуть на борт и распространить листовки среди французских моряков, находящихся на Черном море».

(Жан Казальбу, Некто Иванов. «Иностранная литература», 1967, № 5.)

веселья Маше сделалось плохо: встревоженный гардемарин показывает славной мадемуазель, где расположен туалет.

А вечером, когда паровой катер свез девушек на берег, всюду на крейсере обнаружили большевистские прокламации. Листовки сочиняли сами молодые подпольщики, сами печатали на машинке.

СТРАНИЦА III

Генкин Я. М., сотрудник ОГПУ, член партии с 1917 года, партбилет № 0075225: «В 1919 году тов. Фортус, работавшая в то время в ГубЧК, вместе с тов. Багненко (умер) спасли с опасностью для жизни ценности и дела, вывезенные из ГубЧК».

Это произошло в дни, когда большевики Херсона вынуждены были временно оставить город. Незадолго до этого чекисты изъяли у буржуазии и контрреволюционеров много золота и драгоценностей. И вот восстание эсеров в городе. Силы неравны. Надо уходить...

Маша набила золотом и бриллиантами портфель, подвязала его под платьем. Со стороны — беременная женщина. В сопровождении председателя ГубЧК Багненко она больше недели шла по степям, избегая дорог, обходя хутора и села. У путников почти не было пищи, сутками они не могли напиться. Их не раз останавливали бандиты. Но Маше удавалось избежать обыска. Тяжелый портфель в кровь растер кожу. Так они добрели до Крыма. И еще четверо суток ехали в набитых мешочниками и шпаной эшелонах.

Киев. Двое, мужчина и женщина, шатаясь от слабости, медленно идут через огромный город. У них нет денег, чтобы купить фунт хлеба или нанять извозчика, хотя они буквально валятся с ног под тяжестью золота и бриллиантов. Кабинет председателя Всеукраинской ЧК. Наконец-то избавилась Маша от трижды проклятого портфеля, отодрала его от тела, вывалила на стол груду сокровищ и рухнула, потеряв сознание.

Два года спустя она в первый раз была расстреляна. В первый, потому что расстреливали ее дважды... Но расскажем по порядку.

Елизаветград. В местной ЧК готовится операция по ликвидации окрестных банд. С группой сотрудников Маша идет в разведку. И в первом же селе — махновцы! Она успела передать связным все, что узнала. Вскоре ее схватили вместе с другими разведчиками и расстреляли. Очнулась Маша спустя три дня в больнице. Ее спасла случайность: пуля пробила металлическую пуговицу на груди и застряла у сердца.

А через год две пули в грудь ей всадил пробравшийся в ЧК белогвардейский офицер. Маша выследила его. Но он выстрелил первый...

СТРАНИЦА IV

Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский: «На одном участке фронта республиканцы дрогнули и начали отступать... Находившаяся здесь же Мария Фортус решает остановить бойцов, поддавшихся панике...»

(«Гневные вихри Испании», 1965, № 6, 7, 8.)

Генерал-полковник А. И. Родимцев: «Она бросилась навстречу анархистам: «Стой!» Такой и запомнилась на всю жизнь Мария — стремительная, решительная, непоколебимая».

(«На берегах Мансанареса и Волги». Карельское книжное издательство, Петрозаводск, 1966.)

Да, Испания... Маша побывала в этой стране в самом начале тридцатых годов. Вернулась туда, когда начался мятеж генерала Франко и итало-германская интервенция... А эпизод, о котором вспомнили Р. Я. Малиновский и А. И. Родимцев, произошел так: большой группе республиканцев, оборонявших участок фронта под Мадридом, почудилось, что идут фашистские танки. Бойцы были необстрелянные. Началась паника. И на пути в тыл была лишь одна преграда — Маша. Она никогда не ругалась — ни раньше, ни после. Но в те секунды она такое выкрикнула в лицо паникерам, что те оцепенели. Маша заставила их повернуть назад. С ними вместе добежала до окопов. С одним из них отправила записку командованию. И вот уже спешат на грузовиках подкрепление. Его привел генерал Петрович — К. А. Мерецков, Маршал Советского Союза.

СТРАНИЦА V

Игнасио Идальго де Сиснерос: «На следующий день в половине шестого вечера в моем номере в гостинице появился полковник в сопровождении переводчицы Марии Юлии Фортус — замечательного человека, — которая работает со мной на протяжении почти двух лет в Испании и с которой меня связывала большая дружба. Полковник сказал, что ему поручено сопровождать меня... Войдя в комнату, я увидел И. В. Сталина...»

(«Меняю курс». Издательство политической литературы, Москва, 1967.)

Беседу председателя правительственной делегации республиканской Испании с руководителями Советского государства переводила Мария Фортус. Были внимательно выслушаны и удовлетворены все просьбы посланцев испанского народа. Показывая на переводчицу, Сиснерос попросил, чтобы «камарада русса» вернулась с ними в Испанию.

И Маша в третий раз поехала в эту страну. Она покинула Испанию в последние месяцы республики... Там, на испанской земле, она оставила две дорогие могилы — могилу мужа, члена Политбюро ЦК Компартии Испании и генерального секретаря Компартии Каталонии Рамона Касанеляса-Люк, и могилу сына, единственного своего ребенка, Рамона-младшего, юноши восемнадцати лет, летчика, сбитого в бою фашистами.

СТРАНИЦА

«Товарищу Фортус Марии Александровне в память о 45-й годовщине со дня основания Военной академии имени М. В. Фрунзе. Начальник академии генерал армии П. А. Курочкин. 7 декабря 1963 г.».

Это дарственная надпись на книге, изданной Военной ордена Ленина, Краснознаменной ордена Суворова академией имени М. В. Фрунзе. Называется книга «Рассказы о фрунзенцах» и состоит из очерков, посвященных двадцати воспитанникам академии. В книге такие имена: Гай, Малиновский, Гречко, Конев, Бирюзов, Покрышкин... Тринадцатый очерк под названием «Всегда в строю» — о Марии Фортус, единственной женщине, которой посчастливилось попасть в эту поистине золотую книгу.

Она стала слушательницей академии тотчас по возвращении из Испании и окончила ее в сорок первом году, получив диплом с отличием.

Великая Отечественная война. Маша под руководством полковника Медведева формировала ядро его знаменитого партизанского отряда, вместе со всеми спустилась на парашюте в глубоком тылу противника, около года была партийным руководителем медведевцев.

СТРАНИЦА

Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов: «Наш фронт славился своими разведчиками, действовавшими нередко в глубоком тылу врага. Среди них были женщины. Мне до сих пор помнятся некоторые из этих бесстрашных патриоток — Мария Фортус, Лина Абрамсон, Мария Коренная, Наталья Быстрова».

(«Советский солдат на Балканах». Воениздат, Москва, 1963.)

Фронт готовился к наступлению. Это горячая пора для разведки: командование должно знать, что делается в тылу противника.

Самолет. В грузовом отсеке лишь один пассажир — капитан Мария Фортус.

Замигала сигнальная лампа. Маша стоит у раскрытого люка. Ветер хлещет в лицо. Видимости никакой: плотная облачность. Прыжок!

Она медленно спускается в морозной мгле. Вот стало светлее, под ногами возникла неясная панорама. Лес. Но что за ряды белых палаток? Партизаны не ставят демаскирующих палаток. Значит?..

До земли сотня метров. Уже слышны голоса, лай овчарок. Ее заметили!

Пятьдесят метров осталось. Двадцать. Десять... Пора! Пальцы разжаты. Парашют вырвался, взмыл. Ветер подхватил его, понес в сторону. Туда же кинулись немцы.

Маша упала. Вскочила на ноги. Мчится в противоположном направлении. Еще с воздуха заметила ручей. Скорее в воду, чтобы сбить след!

...Сутки спустя она благополучно пересекла линию фронта.

СТРАНИЦА VIII

Генерал И. Т. Замерцев, комендант советского гарнизона в Будапеште: «И лишь немногие знали, какой трудный путь прошла эта умная, высокообразованная, мужественная женщина, сколько подвигов совершила за свою жизнь. Фортус не любила говорить о себе».

(«Через годы и расстояния». Воениздат, Москва, 1965.)

Наши войска вышли к Дунаю, овладели половиной Будапешта. Что там, на другом берегу реки, в тылах сильной группировки врага?

«Прошу разрешить мне провести разведку в расположении гитлеровских войск!» Это заявил перешедший на нашу сторону венгерский офицер.

Советское командование приняло предложение венгерского патриота. Однако разведчику необходимы документы. Пока их нет.

Еще один перебежчик. На допросе выясняется: нужные документы могут найтись на той стороне Дуная, в бункере под королевским дворцом в Буде.

Этой же ночью Маша переправляется через реку, проникает в бункер дворца.

И тут — воздушный налет. Прямым попаданием бомбы повреждена часть дворца. Рухнуло перекрытие у выхода из подвала, наглухо замуровав подземелье.

Только через день выбралась Маша из западни. Но она не сразу вернулась к своим. Сперва разыскала в Буде жену венгра, передала ей записку супруга, получила ответ.

Еще через день она вручила будущему разведчику ответ жены, показала добытые для него бумаги.

Венгр был потрясен.

— Кто это смог? — воскликнул он. — Человек, совершивший такое, сто раз рисковал жизнью.

Маша пожала плечами.

— Надо, чтобы вы работали спокойно.

...Венгерский патриот отлично справился с поручением. Он жив, этот человек. Фортус, потерявшая его след в горячке последних недель войны, двадцать лет вела поиски. Недавно нашла...

СТРАНИЦА IX

«Дорогому старому другу и товарищу Марии Фортус, всегда молодой, боевой и активной. Твой друг Долорес Ибаррури».

Это авторская надпись на книге «Единственный путь». Мария Александровна бережно хранит драгоценный подарок. Для нее славная дочь испанского народа всегда была идеалом женщины, бойца, революционерки.

Вот и сама Фортус, такая же горячая, неукротимая. В ее крохотную квартирку почтальон доставляет пачки писем — от советских людей, от французов, венгров, испанцев, болгар, бельгийцев... Друзья этой удивительной женщины — граждане многих стран. Она член правления обществ «СССР — Франция» и «СССР — Венгрия», активная деятельница Советского комитета ветеранов войны.

Прочтите отличную повесть «Поединок с гестапо» — Мария Александровна одна из авторов книги. Хватает энергии и на многое другое, даром что до сих пор сидят под сердцем две пули махновцев.

Поздним вечером, когда закончена работа, умолк телефон и можно остаться наедине с собой, она раскладывает на столе карту Испании.

Тихо вокруг. Дом, улица, Москва спят. А маленькая седая женщина все глядит на крохотные крестики, отмечающие на военной карте места, где навечно остались лежать два Рамона — младший и старший.

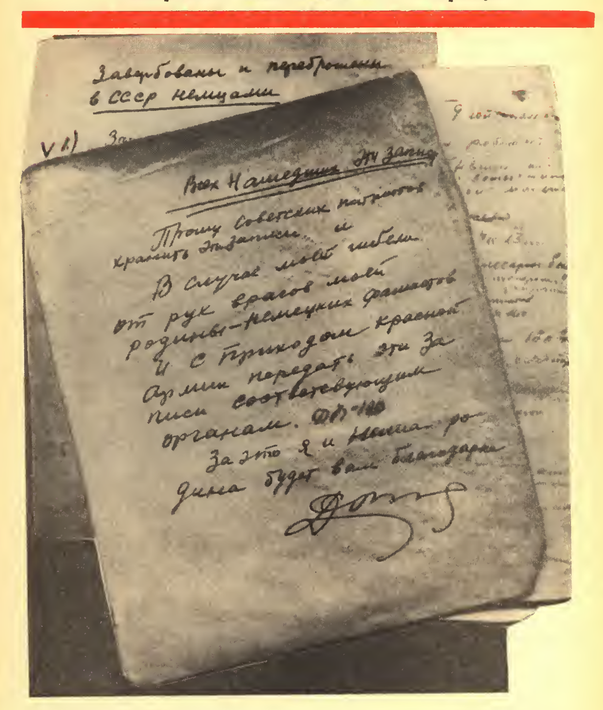
Герой Советского Союза разведчица Надежда Троян.

Прославленная разведчица из отряда Д. Н. Медведева Мария Микота.

Прославленная разведчица из отряда Д. Н. Медведева Лидия Лисовская.

ДВА ГОДА НАД ПРОПАСТЬЮ

Репортаж о Максиме и его товарищах


Завербованы и переброшены
в СССР немцами

Прошу советских патриотов
хранить эти записки и
в случае моей гибели
от рук врагов моей
родины — немецких фашистов
и с приходом красной
Армии передать эти за
писи соответствующим
органам.
За это я и наша ро
дина будет вам благодарны

Знаменитая тетрадь Максима, та самая, в которую внесены имена восьмидесяти семи фашистских шпионов и предателей.

Это была обычная школьная тетрадь в линейку в серо-голубой обложке. Для человека постороннего в ней было мало интересного, но для нас ее страницы были ключом к одной необычной истории, разыгравшейся в Киеве в годы Отечественной войны. И когда, листая «Дело Максима», мы наткнулись на нее, загадки личности Ивана Кудри, без вести пропавшего во время оккупации столицы Украины, больше не существовало. Все становилось на свое место.

— Тетрадь Максима! — обрадованно воскликнул один из нас. — Смотри, вот его рука!

Очень твердым, очень спокойным и очень аккуратным почерком, как будто речь шла о составлении списка на зарплату, на ее третьей странице было написано:

«Шпионы и предатели. Некоторые сейчас действуют на территории СССР».

И дальше перечислялись фамилии — целый список из восьмидесяти семи фамилий, имен, отчеств и адресов. Если бы Максим сделал только это, то и тогда он мог бы считать свое задание выполненным.

Мы перелистали тетрадь и на тыльной стороне ее обложки увидели почерк Мити Соболева — боевого друга и помощника Максима. Предусмотрительно, словно предвосхищая то, что случилось потом, он обращался:

«К о в с е м н а ш е д ш и м э т и з а п и с и. Прошу советских патриотов хранить эти записи и в случае моей гибели от рук врагов моей Родины — немецких фашистов, с приходом Красной Армии передать их соответствующим органам. За что я и наша Родина будут вам благодарны».

И ниже — подпись: М. С о б о л е в.

Эту историю мы решили назвать «Два года над пропастью». Такое название в какой-то степени отражает и те трудности и опасности, которые пришлось перенести группе советских разведчиков, действовавших в глубоком тылу врага, и ту смелость, отвагу, мужество и презрение к смерти, которые выказали эти простые советские люди.

Появление Максима

С чего начинается рассказ о разведчике? С его детства? У Максима оно прошло где-то под Борисполем. Рос без отца. Батрачил, учился в школе, работал слесарем в МТС и никогда не помышлял о работе разведчика.

А может быть, рассказ о Максиме следует вести с той минуты, когда вступил он в первое соприкосновение с врагом? Но это было бы не совсем правильно, потому что ее предваряли месяцы и годы пограничной службы и учебы, смысл которой и заключался в том, чтобы первые минуты в тылу врага не отличались от всех других. Чтобы и тут разведчик чувствовал себя ну пусть не совсем как дома, но все же более или менее спокойно. Вот почему мы бы начали с того дня, когда Иван Кудря стал Максимом.

Произошло это в первых числах августа 1941 года в Киеве. Немцы находились уже близко от столицы Украины. Кудрю вызвал полковник Савченко, один из руководителей НКВД Украины.

— Как вы отнесетесь к тому, Иван Данилович, если мы оставим вас в Киеве? — спросил он и посмотрел внимательно ему в глаза.

— Я согласен, — без колебаний ответил Кудря, помолчал немного и добавил: — В Киеве я работаю недавно, и меня здесь мало кто знает.

— Мы хотим перед вами поставить сложные задачи разведывательно-диверсионного характера. Справитесь?

— Я коммунист. Сделаю все от меня зависящее, — сказал Кудря.

— Другого ответа не ожидал от вас, товарищ Максим.

Так Иван Кудря получил новое имя, под которым он станет известен только узкому кругу лиц, посвященных в тайну предстоящей операции. С того дня он перестал посещать наркомат, снял форму, стал носить украинскую сорочку и шляпу, отпустил усы — словом, изменил свою внешность.

...Как-то в беседе с Савченко — теперь он генерал-лейтенант и уже давно не работает на Украине — мы спросили: почему выбор пал именно на Кудрю?

— Это был прирожденный разведчик, — ответил он, — хладнокровный, не терявший головы даже в самой сложной ситуации, отважный, терпеливый, великолепно знавший украинский язык. Кроме того, Иван отлично умел уживаться с людьми, быстро завоевывал симпатии. Не знаю человека, который не был бы дружественно настроен к этому обаятельному, жизнерадостному, всегда улыбавшемуся парню.

Мария Ильинична собирается замуж

Незадолго до оставления Киева в доме № 16 по Институтской улице появился Иван Даниилович Кондратюк. Хозяйка квартиры Мария Ильинична, у которой он остановился, объяснила соседям, что он преподаватель украинского языка и литературы из Харьковской области, с которым она познакомилась в Сочи еще в 1939 году во время отпуска. Два года вела с ним переписку и вот теперь собирается выйти за него замуж. Он холостяк, а у нее, как знали соседи, муж был расстрелян в 1937 году.

Кондратюк был, что называется, парень хоть куда: чернобровый, с вьющимися волосами, блестящими черными глазами, стройный — настоящий украинский хлопец! Правда, небольшие усики чуть старили его, но это не мешало девушкам поглядывать в его сторону. Словом, за такого парня надо было не идти, а бежать замуж.

Кондратюк боялся, что его могли призвать в армию, поэтому в Киеве почти не бывал, а прятался где-то у знакомых. Отец его — священник — был репрессирован несколько лет назад. Жил он без прописки и только после того, как из города эвакуировались соседи этой женщины, смог находиться у нее.

И Кондратюк и его невеста не торопились уезжать из Киева. Больше того, могло даже показаться, что они ждут прихода немцев.

Жил в этом доме еще один человек, который тоже не очень скрывал свое нетерпение и радовался каждому продвижению немцев, — Яков Данилович Лантух, шеф-повар по профессии, предатель по призванию. Это был единственный сосед, с которым Кондратюки водили дружбу.

— Эх, Ваня, — говорил иногда Лантух, — и заживем же мы с тобой, когда «советчики» уйдут отсюда!

Этот тип был благодарен Марии Ильиничне за то, что она помогла ему увильнуть от призыва в армию, уговорив знакомого из райвоенкомата отсрочить явку на призывной пункт.

Кондратюки запасались продуктами, скупали муку, консервы, сахар, крупу и по ночам прятали в кладовке на антресолях. Лантух тоже принимал в этом участие. Кто-кто, а он-то умел припрятать съестное. Недаром потаскивал из столовой продукты.

— Теперь достать бы литров десять подсолнечного масла, — говорил он, развалившись вечером на диване Кондратюков. — Я бы спрятал его в баке для воды.

Хитер был Лантух, изворотлив, но он и не подозревал, что под дерматиновой обшивкой того самого дивана, на котором восседал, лежат завернутые в газету чистые бланки разных документов, а между пружинами устроен тайник и в нем — пистолет «ТТ»; что рядом, в книжном шкафу, хранится том «Истории Украины» с зашифрованными явками разведчиков, коды и шифры для связи с радиоцентром. И уж конечно, в голову ему не могло прийти, что сын священника, расстрелянного большевиками, так нетерпеливо дожидающийся прихода фашистов, — разведчик-чекист Иван Кудря, по прозванию Максим.

У каждого разведчика есть своя вторая биография, та, под которой он живет. Мы бы сказали, что от подлинной она отличается главным образом тем, что знать ее разведчик обязан лучше. Можно запамятовать имя своей троюродной тети или, скажем, дату получения диплома. Но если это связано с биографией разведчика, то ни одного факта, ни одной детали, ни одного события или даты забыть он не имеет права. И паспорт на имя Ивана Данииловича Кондратюка, и толстая пачка писем — его переписка с Марией Ильиничной, из которой было видно, как стремительно росло их чувство друг к другу, и даже повестка из райвоенкомата, призывавшая в армию их неприятного соседа и закрепившая их дружбу с ним, — все это были детали созданной Максимом второй биографии, без которой его работа на оккупированной территории была бы затруднена.

Что касается Марии Ильиничны, то она действительно была Марией Ильиничной Груздовой. Ей тогда было 28 лет, она работала учительницей и жила с матерью мужа и шестилетним сыном в огромном многоэтажном доме по Институтской, который был известен среди киевлян как «дом Гинзбурга».

Итак, Кудря стал Кондратюком и перешел на нелегальное положение, Мария Ильинична привыкала к своей новой роли. Лантух считал дни до прихода немцев. А в это время специальная группа чекистов быстро и незаметно подбирала Максиму помощников по подполью, готовила этим людям документы, продовольствие, деньги, оружие, шифры. И хотя Киев еще оставался советским, это была работа, требовавшая очень большой осторожности и тайны, — одно лишнее слово могло провалить всю операцию.

Особенно трудно было спрятать радиоаппаратуру. Для нее нашли место на одной из окраин Киева, в малоприметном ветхом домике, в котором жил старик пенсионер Евгений Михайлович Линкевич. Чтобы не привлекать внимания соседей, было решено, что все должен проделать сам хозяин.

Вечером, когда в соседнем доме укладывались спать, он копал в кладовой под полом яму, землю накладывал в ведро и тихонько высыпал через окно в палисадник. Через шесть ночей хранилище для рации было готово.

Сложнее было завезти громоздкую радиоаппаратуру, особенно электробатареи, которые весили около пяти пудов. Старик предложил план. У него было разрешение на покупку кубометра дров и полутонны каменного угля. Ящик с батареями можно было установить в машине, засыпать углем, закидать дровами и перевезти в свой дом. Так и сделали.

Все было сделано настолько аккуратно, так был продуман каждый шаг, что немцы потом даже и не подозревали, что в этом доме чекистами оставлена мощная радиостанция.

Как-то оккупанты устроили обыск в доме Линкевича. Офицер и два солдата заглянули в кладовую, где помещались замаскированная радиостанция и оружие. Старик стоял сзади ни жив ни мертв. Но, увидев на полу и столе, на котором обычно устанавливалась для работы рация, куриный помет, трех белых породистых клуш и разный хлам, лежавший там для отвода глаз, немцы молча переглянулись и ушли. «Ку-

Иван Кудря — молодой офицер-чекист.

ДВА ГОДА НАД ПРОПАСТЬЮ

риная маскировка», придуманная стариком, победила. Правда, в последнюю минуту один из фашистов вернулся — заметил торчащий в щелке у двери кончик провода. Взялся за него рукой. Старик обмер. Но не растерялся, сказал как можно спокойнее:

— То, прошу пана, электрический звонок был. Сын проводил.

Понял немец, нет ли, но вышел во двор, ничего не сказав. В действительности же кончик провода, за который он держался, был вводом антенны радиостанции: пятьдесят метров ее были проложены под плинтусом.

Персональному пенсионеру Евгению Михайловичу Линкевичу сейчас уже 86 лет. Он еще крепок, бодр. И память его верно хранит события не только тех дней, о которых мы ведем рассказ, но и революции 1905 года, в которой ему довелось участвовать!

Этот мужественный помощник наших разведчиков два года рисковал головой, охраняя рацию и оружие Кудри, и в полной сохранности передал их Советской власти сразу же после освобождения Киева. Мы были счастливы пожать ему руку.

Первый подарок

19 сентября 1941 года наши войска оставили Киев и перешли на левый берег Днепра.

В городе наступило безвластие. И тогда вся нечисть, все, что таилось, прозябало и лелеяло надежду на возвращение старого, все, что двадцать лет вынашивало звериную злобу к Советам, ненавидело и боялось, выплеснулось на улицы. В городе начались грабежи. Враг номер два, подлый, безжалостный и трусливый, привыкший хитро маскироваться под советского человека и потому опасный вдвойне, впервые показывал себя во всей красе. Это из таких немцы набирали полицаев и карателей, управдомов, следователей, провокаторов.

Вернувшись домой на Институтскую, Кудря еще раз осмотрел квартиру. Все было в порядке. Документы, оружие, деньги были надежно спрятаны. Вечером он передал радисту текст первой радиограммы, сообщающей об обстановке в Киеве.

Максим и его группа начали действовать.

На следующий день был объявлен первый приказ немецкого военного коменданта:

«Всем гражданам города Киева и его окрестностей немедленно, в течение 24 часов, сдать в комендатуру огнестрельное оружие, приемники и противогазы. За невыполнение — расстрел!»

Но принять радиоприемники в течение суток для немцев оказалось невозможным — так их было много. Легенда о том, что в России нет радио, была опрокинута тем фактом, что даже пять дней спустя люди еще стояли, прислонившись к фасадам домов, и терпеливо ожидали очереди сдать приемники.

24 сентября, когда приспособленный под склад магазин «Детский мир» уже был заполнен, в очередь встал плечистый коренастый мужчина лет сорока в простой рабочей одежде. Одним из последних вошел он в глубь магазина, аккуратно поставил свой приемник подальше от входа. А когда наступил комендантский час и все жители Киева находились уже дома, в складе радиоприемников раздался взрыв. И тотчас же второй, еще более мощный удар потряс воздух. Это сдетонировала взрывчатка, хранившаяся в соседнем здании, где располагалась немецкая военная комендатура. Здание взлетело на воздух. Под обломками погибло много гитлеровских офицеров, работников комендатуры и гестапо.

Первый подарок Максима и его товарищей фашистским захватчикам был преподнесен.

Вслед за комендатурой на воздух взлетел кинотеатр, в котором немецким солдатам демонстрировали фильм о взятии гитлеровцами городов на востоке Франции. Мы еще не знаем, кто совершил этот акт возмездия и справедливости — может быть, Максим, может быть, какая-нибудь иная группа, действовавшая в киевском подполье. Но главное было сделано — все, кто находился в Киеве, почувствовали: немцы здесь только хозяйничают. Подлинным же хозяином был и будет советский народ.

Гитлеровцы поняли, что Киев еще не покорился, и стали вести войну с гражданским населением. Якобы для борьбы с пожарами, они начали уничтожать самые лучшие здания в городе. К смерти был приговорен и «дом Гинзбурга», в котором жили Кудря и Мария Ильинична. Его оцепили солдаты, жителей выгнали на улицу. «Дом заминирован большевиками, немцы будут искать мины», — объявлял дворник, обходивший квартиру за квартирой.

Был поздний вечер. Крещатик горел. Под взрывы, при свете зарева измученные и объятые ужасом люди до рассвета таскали свои вещи и детей на откосы и обрывы Днепра. Кудря и Мария Ильинична шли по улице, толкая перед собой детскую коляску, в которой лежал чемодан и кое-что из одежды, — все, что они успели взять с собой. Они рассчитывали через час-другой вернуться на Институтскую, чтобы захватить еще кое-что необходимое. Но когда подошли к зданию филармонии, раздался взрыв. Пламя взметнулось в небо. «Дома Гинзбурга» больше не существовало.

Не существовало больше и оружия, шифров, паспортов, денег, адресов, продуктов — почти всего того, что с таким трудом подбирал себе Кудря для подпольной работы.

Все надо было начинать сначала. И прежде всего искать ночлег. И тут ему помог Лаитух. Расчет, который делал Кудря на то, что люди подобного типа при немцах пойдут в гору, оправдался. Лаитух познакомил Максима с управляющим домом № 37 по Пушкинской улице, и вскоре Кудря получил небольшую отдельную квартиру из двух комнат с кухней и кладовкой.

— И чего вы выбрали эту? — искренне недоумевал управдом. — Брали бы внизу: и просторнее, и теплее, и мебель богатая...

Он не догадывался, что внизу не было второго выхода на черную лестницу.

Слепая судьба разведчика готовила Максиму еще одно испытание. Оно пришло к нему на Пушкинской улице, в двух шагах от дома, где он поселился. Они возвращались к себе, когда Мария Ильинична увидела, как он вдруг помрачнел.

— Что с тобой? — спросила она.

— Ничего, — ответил Максим, глядя куда-то

в сторону. Она посмотрела туда и увидела, что к ним быстро шагает одетый в полувоенный костюм коренастый мужчина лет сорока пяти с длинными украинскими усами.

— Иван Даниилович, — осклабился мужчина. — Остались, значит! Как живете-можете?

— Остался, Тарас Семенович, — негромко сказал Кудря, пристально глядя ему в глаза. — А живу ничего. Не жалуюсь.

— Вот и свиделись, — хихикнул Усатый и достал из кармана повязку гестаповца.

— Подожди нас на углу, Мария, — попросил Кудря, — я сейчас приду.

Случилось то, чего он опасался больше всего: его опознал враг. Он наткнулся на человека, по делу которого вел следствие и, больше того, освобождения которого, когда выяснилось, что улик против него мало, сам же и добился. Конечно, этот петлюровец-эмигрант знал, что своей свободой обязан Максиму. Но у Максима совсем не было уверенности, что тот отплатит ему добром. Он стоял перед гестаповцем и лихорадочно думал: какое же принять решение?

— Ну что ж, — сказал Усатый, — раньше вы меня допрашивали, теперь я буду допрашивать вас. — И он поиграл повязкой. — Я из гестапо, могу вас арестовать, могу повесить. Вы тут остались работать?

— Конечно, работать, — рассмеялся Кудря, — а не чай распивать.

Неожиданный помощник

Они молча смотрели друг другу в глаза. Максиму показалось, что гестаповец чуть иронически улыбается. Он как можно спокойнее и рассудительнее сказал:

— Не пугайте меня гестапо, Тарас Семенович. Это не в ваших интересах. Вы понимаете, что допрашивал вас я не зря и мне тоже есть кое о чем сообщить гестапо.

Усатый насторожился.

— Что именно?

— Ну, вы достаточно рассказали нам в свое время...

Главное для разведчика — самообладание. Это единственное оружие, которое у него всегда в руках. Кудря не потерял над собой контроля. Он дал гестаповцу понять, что даже здесь, на территории, занятой врагом, он сильнее.

— Вас повесят, — сказал он спокойно, — лишь только СД получит документы, которыми я располагаю. А что это будет именно так — не сомневайтесь! Наши люди работают и в гестапо.

В глазах Усатого промелькнула растерянность.

— Вы не сделаете этого, — тихо сказал он. — Я служу у немцев не потому, что предан им, а ради украинского народа.

— Вы что, очень верите в победу немецкого оружия? — с усмешкой спросил Кудря.

— Не очень, но верю, — откровенно сказал Усатый.

— Не хитрите, Тарас Семенович. Я вас хорошо знаю. Вы должны понять, что армия, которая не щадит даже детей, которая грабит

и угоняет народ в рабство, плохо кончит. Вы, конечно, знаете о Бабьем Яре?

Усатый кивнул. Уже весь Киев говорил о том, как шевелилась земля над рвами, в которых штабелями лежали десятки тысяч расстрелянных ни в чем не повинных советских людей.

— Я был там, — сказал Усатый. — Такое же творилось и в Виннице. — Он прикрыл глаза руками, словно стараясь отделаться от чего-то очень тяжелого.

— Ну так вот, — сказал Кудря. — То же ждет и украинцев. Попомните когда-нибудь мои слова.

— Пугаете? — усмехнулся Усатый.

— Нет, хочу, чтобы вы поняли. Если украинец действительно любит свой народ, ему с немцами не по пути. Украинская земля будет гореть под ногами оккупантов еще жарче, чем в гражданскую войну. Взрыв военной комендатуры — это только цветочки.

Они помолчали. Усатый задумался, потом осторожно сказал:

— Ладно, не бойтесь. Я вас не выдам.

— А я этого и не боюсь, — дружелюбно отозвался Кудря. — Больше того, я рад встрече с вами и рассчитываю, что вы поможете нам.

— Вряд ли, — отрицательно покачал головой Усатый.

— Подумайте, — посоветовал Максим.

— Хорошо, подумаю.

— Тогда давайте встретимся завтра.

И они договорились о встрече.

Работа разведчика всегда связана с риском. Без риска, умного, оправданного, разведчик успеха добиться не может. Да, гестаповец мог выдать Кудрю в любую минуту, но он шел на вторую встречу с ним потому, что Тарас был ему нужен, наверняка знал такое, что интересовало нашу разведку.

И Кудря поступил правильно, приняв решение пойти на встречу. Но он был достаточно осторожен и, когда на следующий день направлялся к Тарасу, сказал Марии:

— Понаблюдай, не следит ли кто за нами. Увидишь что-нибудь подозрительное, выдь носовой платок.

Тарас ждал на бульваре в том месте, где договорились. Поздоровались, сели на скамейку. Мимо прошла Мария Ильинична, в руках — ничего.

— Ну что ж, погуляем, — предложил Кудря.

Они пошли к центру города...

Навстречу им шагал длинный седой немец. Поравнявшись, окинул их холодным взглядом. Тарас подтянулся и подобострастно поклонился ему.

— Хайль! — каркнул немец.

— Кто это? — спросил Максим.

— Гауптман Клейман из городской полиции. Прибыл в Киев прямо из Гамбурга. Вся охранная полиция и жандармерия для Киева формировалась по указанию Гиммлера за счет гамбургской полиции. Эти ищейки имеют большой опыт.

ДВА ГОДА НАД ПРОПАСТЬЮ

Раиса Окипная — прима Киевского оперного театра, бесстрашная разведчица.

— Ну вот, видите, вы уже помогаете нам, — улыбнулся Максим. — Спасибо за первое донесение.

— Я думал над вашими словами, — сказал Усатый. — Вы что, всерьез верите в победу Советов?

— Конечно, всерьез.

— Но ведь немцы уже подошли к Москве.

— Подошли, но не взяли.

— Возьмут, — заметил Усатый. — Скоро возьмут!

— Этого не будет, — покачал головой Кудря. — Никогда!

И Кудря сумел своей верой посеять сомнения в душе Усатого. Прошло несколько дней, и тот, наконец, решился помогать Максиму.

— Мы сейчас зайдем в подъезд, — как-то сказал Усатый, — я передам некоторые заметки об агентуре, которую готовят по заданию шефа для заброски в тыл Советской Армии. Это главным образом предатели, оставшиеся на оккупированной территории. Учтите, что сейчас немецкую разведку очень интересуют потенциальные возможности Советской Армии. Поэтому основная агентура получает задания проникать поглубже — на Урал, в промышленные районы Сибири. Много шпионов засылается в Москву, Подмосковье, Поволжье. Для этого в специальных школах готовят шпионов из числа бывших военнопленных. Самая крупная школа в Варшаве, она проходит под шифром «Штаб Валли». В ней готовятся группы по три-пять человек. Их засылают на территорию Советского Союза почти ежедневно. — Он подумал и добавил: — Может быть, я ошибаюсь, но, по моим наблюдениям, какая-то часть людей идет в эти школы с одной целью — вернуться на Родину. Учтите и это. Немцы, кстати, это тоже понимают и делают ставку далеко не на всех шпионов. «Если хотя бы один из десяти будет работать на нас, и то хорошо», — говорил при мне один деятель нацистской разведки.

Они вошли в подъезд.

— Мне сюда, — сказал Тарас. — Тут живет моя знакомая. Третий этаж, квартира семь. Ганна Григорьевна. При утере связи обратитесь к ней. Она наша, полтавчанка.

Потом он вынул из кармана пачку сигарет.

— Курите, — предложил он, передал ее Кудре и тихо добавил: — По этим фамилиям и надо разыскивать их.

Когда Максим пришел домой и внимательно осмотрел пачку, оказалось, что по краям коробки с внутренней стороны были сделаны надписи. Он достал лупу и прочитал имена руководителей двух крупных разведывательных групп, переброшенных на территорию Советского Союза. Против одной фамилии было написано «Мск», против другой — «Члб». Кудря понял — речь шла о Москве и Челябинске.

Дмитрий Соболев.

Максим тут же закодировал текст для передачи в радиоцентр. Потом записал на папиросной бумаге только ему понятными знаками эти фамилии и спрятал бумагу в тайник. Впоследствии переписанные им в серую школьную тетрадь эти фамилии и открыли тот самый список шпионов и предателей, о котором шла речь вначале.

На следующий день они увиделись снова, и Тарас сообщил о том, что в Борисполе находится военный аэродром, забитый самолетами, а в районе Дарницы — еще пятьдесят бомбардировщиков и что немцы усиленно восстанавливают аэродром в Броварах. Но самое интересное, о чем он сообщил Максиму, — это то, что вокруг Винницы в районе сел Стрижавки, Михалевки и других населенных пунктов, расположенных неподалеку от шоссе Винница — Житомир, ведется строительство особо секретных подземных сооружений.

— Почему вы считаете эти сооружения секретными? — спросил Кудря.

— Потому что ни один из военнопленных, работающих на этом строительстве, больше не вернется в свой лагерь, — лаконично пояснил Тарас.

Кудря только зубами скрипнул.

— Вам, наверное, деньги нужны? — спросил Тарас после паузы.

— Нет, — отказался Кудря. Он не хотел показывать Тарасу, что советский разведчик нуждается в деньгах.

Они попрощались.

— Будьте осторожны, — предупредил его Тарас. — Каждый день к нам поступают заявления на коммунистов и работников НКВД. Я по возможности стараюсь уничтожать их, но, поймите, все заявления я порвать не могу. Поэтому какая-то часть людей гибнет по доносам.

„Их бин балда“

С первых же дней немецкой оккупации Киев был наводнен шпиками и провокаторами. Парки, скверы, базары, частные столовые, погребки и вообще все места, куда могли заходить киевляне, находились под постоянным наблюдением. В городе действовали гестапо, немецкая полиция, украинская полиция, немецкая военная комендатура. Хождение по городу разрешалось с семи утра и до шести вечера. Каждый день производились облавы, осмотр чердаков и подвалов. Особенно усилилось это после взрыва комендатуры.

Добавьте к этому, что в руках гестапо были фотографии некоторых украинских чекистов: случалось, что агенты, заброшенные на нашу

территорию, фотографировали людей, выходивших из здания НКВД Украины. Быть может, располагали они и фотографией Кудри. И хотя он изменил внешность, все равно каждый шаг его был сопряжен с опасностью быть опознанным.

Но день за днем рано утром Кудря выходил из дому. Не спеша шел на базар, узнавал там последние городские новости. Оттуда — в киоск за газетами (он вел подшивку всех выходящих в Киеве газет, собирал журналы, брошюры), в парк Шевченко, на Подол, в рабочие районы, столовые.

Максим искал. Ему надо было установить адреса оставшихся в городе преданных нам людей. Не надо забывать, что при взрыве «дома Гинзбурга» погибли не только оружие, деньги и паспорта, но и «ключи», с помощью которых он имел доступ к другим разведчикам, — их адреса и пароли.

Но искал не только Максим. Десятки и сотни советских людей, горевших ненавистью к врагу, тоже искали его. Ему стоило только позвать, и люди шли к нему. И вот однажды, когда он направлялся на очередную встречу с Тарасом, на Прорезной увидел плечистую, чуть сутулую фигуру Алексея Елизарова — знакомого львовского чекиста. Они расцеловались.

— Как хорошо, что мы встретились! — сказал Елизаров. — У меня есть люди для тебя, Иван. Великолепные люди...

Если вы смотрели документальный фильм «Атом помогает нам», то уже немного знакомы с Елизаровым — он один из создателей этой картины. Елизаров кинoработник, а тогда, в 1941 году, это был молодой способный лейтенант, с успехом выполнивший несколько сложных заданий. Уходил Елизаров из города одним из последних. Маленький отряд его был окружен, разбит, и он попал в Дарницкий лагерь для военнопленных. Здесь он вспомнил об артистке Киевского оперного театра Раисе Окипной. В дни обороны города она помогала чекистам ловить диверсантов, сигналивших по ночам гитлеровским летчикам. Елизаров нашел возможность переслать ей записку и на следующий же день увидел Окипную у ворот лагеря. Вечером Елизаров и двое его товарищей-чекистов были на свободе.

Они спрятались на квартире у подруги Раисы Окипной — тридцатисемилетней золотоволосой красавицы Евгении Бремер, немки по происхождению. Немцы знали, что муж Бремер репрессирован, и считали ее своей — «фольксдойч».

Представьте себе вечер в киевской квартире в дни оккупации. Темно — взорвана электростанция, ток получают только дома, где живут гитлеровские офицеры. С сумерками город погружается в тишину. Слышны только шаги патруля. Вдруг крик, выстрелы. Какой-то несчастный застигнут на улице в комендантский час.

В комнате Бремер за столом сидят трое чекистов. Разговаривают шепотом, прислушиваясь к шагам на лестнице. Вот все замерли: кто-то подошел к двери, щелкнул замок. Входит высокий офицер в форме железнодорожных войск.

— Заходите, Георг, — говорит по-немецки Евгения, — не стесняйтесь.

Лица ее гостей вытягиваются.

— Не робейте, ребята, — подбадривает их хозяйка, — он ни бельмеса по-русски не понимает. А ну, Георг, скажи: «Их бин балда».

Георг, старательно выговаривая незнакомое слово, повторяет: «Их бин балда».

— Видите, я вас не обманываю, — усмехается Евгения. — Занимайтесь своим делом, ведите себя как можно естественнее.

И она, посадив немца рядом с собой, рассказывает ему, импровизируя на ходу, что это ее племянник и двое его товарищей, которые работают на новый порядок. Пришли навестить, но из-за комендантского часа задержались.

— А ты ведь не собирался так рано вернуться? — спрашивает она. — Что-нибудь случилось?

— Партизаны подорвали колею, — угрюмо отвечает немец.

Хозяйка шутит по этому поводу, а Елизаров укоризненно говорит:

— С огнем играешь, Женя.

— Надо быть смелее, — отвечает она. — Смерти глядеть прямо в глаза. Если скиснешь — будут подозревать, сразу погибнешь.

Вот какой она была — Евгения Бремер, советская разведчица, работавшая в группе Кудри. Это она вместе с Раей Окипной переодела, обеспечила документами и вывела из Киева девятнадцать советских офицеров! С поразительным хладнокровием пронесла она через Дарницкий мост, мимо часовых, охранявших его, мешок с хворостом, в котором был спрятан радиоприемник. И при этом кокетливо улыбалась немецким солдатам, приветствуя их на родном языке.

Вечерами, окруженная высокопоставленными друзьями из числа гитлеровских офицеров, руководивших железнодорожной службой, она вела остроумную светскую беседу, осторожно вытягивая сведения о военных перевозках, графике поездов, о военных грузах и специальных эшелонах. Благодаря Евгении работа крупнейшего железнодорожного узла Украины находилась под контролем советских разведчиков.

Под стать Евгении была и Раиса Окипная. Черноокая красавица украинка с роскошной косой, уложенной вокруг головы, смуглолицая, чем-то похожая на испанку, — такой ее увидел впервые Максим.

— Вы не из Андалузии? — пошутил он.

— Почти, — улыбнулась она. — Я уже дважды была Кармен.

Эта обаятельная женщина с успехом выступала в Киевском оперном театре. Подношения, цветы, аплодисменты. Многие видные гитлеровские офицеры и генералы старались быть в ее обществе, не стесняясь, беседовали в ее присутствии о своих делах. И никто, включая и гестаповских агентов, не догадывался, что она разведчица.

— Ты говоришь, Окипная работает в театре? — переспросил Максим Елизарова.

— Да, причем немцы к ней явно благоволят.

— У меня есть сведения, что на днях в оперном театре украинские националисты собираются провозгласить какую-то декларацию. Сможет она провести нашего человека в театр?

Это было за несколько дней до 24-й годовщины Октября, и Максим решил, что хороший взрыв, который прогремел бы в зале, когда там соберутся украинско-немецкие подонки, напомнит оккупантам и их прислужникам, кто действительный хозяин на украинской земле.

Окипная достала Елизарову документы о том, что он бухгалтер оперного театра, и обещала провести подрывника. Требовалось много взрывчатки, ее собирали по всему Киеву. Максим подобрал боевиков, было подготовлено место для

заряда. В связи с этой операцией Кудря отложил день ухода Елизарова и его группы через линию фронта.

— Задержись на несколько дней. Посмотришь, как соберутся в театре и что из этого выйдет. Потом расскажешь нашим.

А вышло из этого самое неожиданное.

За несколько дней до взрыва немцы сняли националистические желто-блакитные флаги, оставив только флаги с черной свастикой. Они решили дать понять своим холуям, чтобы те не зарывались, и в последний момент запретили намеченное сборище в театре.

В тот же день Кудря узнал от Тараса, что в ночь на 7 ноября в Киеве готовится большая облава на коммунистов. Эту новость он передал Елизарову.

— Вам придется уходить, — сказал Максим.

— Хорошо, — ответил Елизаров.

— Теперь слушай внимательно. Передай Центру, что «Терпелиху» я не смог найти: сгорел адрес. Материальная помощь нужна, но я ее не прошу. Если люди придут, я их обеспечу. Места встречи и пароли те же, кроме «дома Гинзбурга». Никаких личных просьб у меня нет, кроме одной. Сообщи жене и сыновьям, что жив, здоров, работаю там, куда меня послала партия. Никогда их не забываю.

Охота началась

Максим легализовался. Чтобы не вызывать подозрений, он поступил в медицинский институт и утром с учебниками в руках шагал на лекции.

— Так я и врачом незаметно стану, — говорил он шутя Марии Ильиничне.

Дела его шли хорошо. Он устроил одного из преданных людей заместителем головы районной управы, другого — в транспортный отдел городской управы. Его человек работал в гестапо. И даже на случай отхода немцев у него была возможность послать с ними хоть до Берлина надежного разведчика. Его люди работали в железнодорожных мастерских, в гараже генерального комиссариата, где они готовили уничтожение легковых автомашин, обслуживавших гитлеровских чиновников и офицеров.

Рая Окипная завоевала доверие начальника полиции юга России полковника Гриббса. Она и Женя Бремер имели связи со штабом венгерского командования и сблизились с шефом украинской полиции в Киеве майором Штунде. К заместителю генерального комиссара Киевской области фон Вольхаузену была устроена экономкой наша разведчица. Через нее поступала очень интересная информация.

Друг и ближайший помощник Кудри замечательный чекист Митя Соболев по заданию Максима выезжал на разведку в Ровно, где находилась резиденция палача украинского народа Эриха Коха.

Но самое главное было то, что людям Максима удалось наладить связь с товарищами из партийного подполья. Это дало возможность создать в Киеве и пригороде семь диверсионных групп. Через работавшего в городской полиции преданного нам человека по фамилии Черный все люди были обеспечены оружием.

Как-то, заглянув к своей знакомой, пожилой украинке, Максим застал ее в слезах.

— Что с вами? — спросил Кудря.

— От радости, — ответила женщина. — Первый раз в этом аду плачу от радости. Взгляните, Иван Данилович. — И она протянула ему небольшой листок, отпечатанный на тонкой бумаге.

— Как будто весточку от сына получила, — сказала женщина, вытирая слезы.

Кудря решил перепечатать и распространить эту листовку. Так он и сделал. И хотя это не предусматривалось заданием, он стал заниматься и листовками.

Эта работа была не менее опасной, чем работа разведчика. Прежде всего надо было получить материал. А для этого необходимо было наладить регулярную запись московских радиопередач, что жестоко преследовалось. И все же, несмотря на это, каждый день, лишь только немецкий офицер-железнодорожник Георг выходил из дома, Женя Бремер включала его приемник, слушала Москву, записывала сводку и передавала Кудре. Максим писал текст листовки, а Женя печатала ее на машинке «тиражом» в 300 экземпляров. Это было опасное занятие. Соседи могли обратить внимание на стук машинки, донести в гестапо. И они переносили машинку с одной квартиры на другую.

Однажды, направляясь печатать листовки, Женя и боевик-разведчик Жорж Дудкин попали в облаву; шла массовая проверка документов, арестовывались все подозрительные и работоспособные. Женя предъявила документы и благополучно прошла с материалами вперед, а Жорж возвратился назад. Вслед кинулась погоня, раздалась стрельба. Пользуясь сумерками, он скрылся и по огородам все-таки пришел домой. Наутро как ни в чем не бывало Жорж и Женя шагали в центр с пачкой листовок.

Через связных и разведчиков Кудря распространял листовки в Киеве и ближайших селах. Город был разбит на квадраты, в каждом распространял листовки один из членов группы.

Не обошел Максим и базар. Здесь, в одном из центров городской жизни, где киевляне быстро узнавали последние новости, тоже работал его распространитель. И как работал! Один из украинских партизан как-то рассказывал нам, что даже до его отряда докатился слух о том, что в Киеве на базаре «вместе с пончиком листовку дают». Это было делом рук группы Максима.

Листовок постоянно не хватало, поэтому каждая находилась на учете, каждая должна была «выстрелить». Слово, напечатанное на маленьком листке бумаги товарищами из группы Максима, несло заряд огромной силы. К нему приникали, как к источнику живой воды, его ждали, его жадно ловили, как струю чистого воздуха. Интересно, что листовки были для Максима и своеобразной лакмусовой бумажкой, с по-

Иван Кудря в то время, когда он остался для опасной разведывательной работы в оккупированном фашистами Киеве.

мощью которой быстро устанавливали, свой или ие свой человек.

Но были у Максима и серьезиые неудачи. Одиа из них — Тарас погиб во время бомбежки.

...Как-то, возвращаясь домой, Кудря почувствовал, что за иим следят. Он огляиулся, вблизи — никого. Улица казалась пустынной — дватри человека иа весь квартал. Старуха катит тележку с тряпьем, пожилой украинец с казацкими усами тащит корзину. Тихо, спокойио.

«Нервы», — подумал Максим. И все же шагнул в ближайший подъезд. По-прежнему на улице было тихо. Старуха прокатила тележку. Украинец прошагал мимо. Максим вышел из подъезда. У входа стоял невысокий красивый парень и разглядывал номер дома.

— Владик! — удивился Максим. — Ты что здесь делаешь?

— За тобой гонюсь, — усмехнулся парень.

Максим знал его — Владик Корецкий был футболистом одной из львовских команд. От Елизарова ему было известно, что в первые дни оккупации Киева Владик помогал доставать взрывчатку, прятал на квартире двух чекистов, бежавших из Дариицкого лагеря.

— Что же ты здесь делаешь? — настойчиво переспросил Максим.

— То же, что и ты, — оглянувшись по сторонам, негромко ответил Владик, — оставлен для работы.

Максим с удивлением посмотрел на Владика и сказал:

— Я попал в окружение и был в плену, откуда удалось освободиться.

— Зиаешь, Иваи, — укоризиеичо посмотрел ему в глаза Владик, — я тебе ие верю. Во всяком случае, считаю необходимым помочь хотя бы деньгами. Я их много получил в НКВД для работы, и будет правильно, если ты воспользуешься частью. Могу помочь и людьми — имею хорошего радиста.

Да, радист был нужеи Максиму. Дело в том, что радиосвязь с Цеитром была нарушеиа. Весь запас сухих батарей, с таким трудом спрятаиный у Линкевича, уходил на вызовы главрации, а ответа не было. Вдобавок оба радиста попали по доносу управдома в поле зрения полиции. Максим решил переправить их через лииию фронта, передав с ними иакопившиеся у иего сведеиия.

— Радист? — переспросил Максим. — Откуда он у тебя?

— Из партизанского отряда. Боевой парень, награжден ордеиом Красного Знамени.

Оии договорились встретиться на Крещатике в погребке, куда Владик обещал привести радиста.

Кудря знал от Усатого, что такой коварный и опытный враг, как немецкая контрразведка, широко создает с помощью своей агентуры различные лжепартизанские группы. Делалось это для того, чтобы выявлять побольше советских патриотов и уничтожать их.

Поэтому на встречу он шел с опаской. Мария Ильинична закуталась в платок, накинула старое пальтишко и на всякий случай следовала за ним как тень. Вот и место встречи — погребок на Крещатике, который держали «два кавказца» — Шато и Вассо. Кудре было известно, что немецкая контрразведка устраивала там встречи со своей агентурой, там бывали всякого рода сомнительные личности.

Максим осмотрелся. У входа стояли высокий мужчина в сером пальто и девушка в белом берете. Мужчина держал ее под руку и что-то нашептывал на ухо. Девушка посмеивалась. Мужчина чуть посторонился и пропустил Кудрю.

В накуренном помещении сидело несколько посетителей. В углу за небольшим столиком беспечно курил Корецкий. Увидев Максима, он както оживился, засуетился и предложил сесть.

— Где же твой радист? — тихо спросил Максим.

— Еще не пришел, — смущенно ответил Владик и кинул взгляд в сторону.

«Тут что-то неладно», — подумал Максим.

— Я принес тебе деньги, пятнадцать тысяч. На, возьми их.

Максим взял пакет с деньгами и, сунув в карман, направился к выходу.

— Куда же ты? — бросился за ним Владик.

— Обрати внимание на серое пальто, — шепнул Максим, проходя мимо Марии Ильиничны.

И тут она увидела, как девушка в белом берете отошла от своего партнера, как поспешила она за Максимом в сторону Бессарабского рынка. Мужчина остался у входа. Заметил это и Максим. Он проворно нырнул в базарную толпу и стал зигзагами пробираться на другой конец рынка. Берет заметался из стороны в сторону.

— Так я и предполагал, — сказал Кудря вечером. — Владик стал предателем, а мужчина, что стоял у входа в погребок, и есть тот самый радист, которого он хотел мне подставить. Чтобы решить, что с ним делать дальше, обязательно нужно узнать, на кого работает этот тип, кто его хозяин.

Украинским чекистам после освобождения Киева пришлось встретиться с женщиной в белом берете. Это была Ядвига Квасневская, которая на допросах показала, что Корецкий жил у нее на квартире, выдавал себя за сотрудника НКВД, оставленного для подпольной работы. Кудрю же он охарактеризовал как подозрительного человека,

Кармен — последняя оперная партия Раи. Снимок сделан весной 1942 года.

якобы завербованного гестапо, за которым надо последить.

Случайность еще раз столкнула Кудрю с Корецким. Вечером они повстречались на бульваре имени Шевченко. Корецкий гулял с двумя гестаповцами. Выхватив пистолеты, они бросились за Кудрей. Не теряя ни секунды, Максим нырнул в первый же проходной двор.

Появляться на улицах ему стало еще опаснее. Через несколько дней Корецкого повстречала и Мария Ильинична. Рядом с ним шагал элегантно одетый мужчина. Незаметно следуя за ними, она пришла во двор многоэтажного серого дома на Кузнечной улице. Здесь жила знакомая Марии Ильиничны — немка Заузр.

— Кто тот, элегантный? — спросила ее Мария Ильинична.

— Русецкий, — ответила Заузр. — Следователь полиции.

Мимо нее проходили хорошо одетые, откормленные люди, звучала немецкая, украинская, русская речь. Подъехала военная автомашина, из нее вышли два гестаповских офицера и с ними седоватый красивый старик в солдатской немецкой шинели. И по тому, как вытянулись офицеры, пропуская старика, как сразу затих двор, Мария Ильинична поняла, что это крупный гитлеровский чиновник.

Она еще не знала тогда, что случай привел ее в один из центров немецкой разведки на Украине, работавший в тесном контакте со штабами, зашифрованными как «Валли» и «Орион», и что старик в солдатской шинели — руководитель центра майор Миллер, он же Антон Иванович Мильчевский — крупный немецкий шпион, много лет проживший в нашей стране.

Что касается Владика, то в тетради Максима появилась такая строка: «Владик Корецкий, он же Заремба, агент гестапо».

Опять Кузнечная!

Немецкая военная разведка — абвер — была очень опытным, коварным и предусмотрительным противником. Абвер мог заслать своего человека в чужую страну и только через много лет, когда положение шпиона становилось достаточно надежным и прочным и никому уже в голову не приходило подозревать его в чем-либо, дать ему задание активно включиться в работу. И когда немцы оккупировали советскую территорию, естественно, что мы столкнулись со многими неожиданностями. Люди, которые, казалось бы, ничего общего не могли иметь с нашими врагами, оказывались в их рядах. Таких было немного, но они были очень опасны.

Представляем, как удивились некоторые советские граждане Умани и Киева, когда вслед за передовыми немецкими частями в городе появился их давний знакомый — солидный, уважаемый инженер-мукомол Антон Иванович Мильчевский, к которому гитлеровские офицеры теперь почтительно обращались: «Майор Миллер». Этот человек был разоблачен чекистами еще в 1936 году как немецкий шпион. Но полностью вся деятельность его выявлена не была. После нескольких лет, проведенных в лагере под Воркутой, в ноябре 1940 года в числе других германских подданных он был передан в Бресте немецким пограничникам. Так кончилась биография Мильчевского и началась биография Миллера. У себя на родине Миллер во время второй мировой войны возглавил один из разведывательных пунктов генерального штаба гитлеровской армии. С ним-то и предстояло Максиму вести невидимую дуэль.

Не надо думать, что на оккупированной территории немецкая разведка афишировала свою работу, что, скажем, у входа в ее учреждения висели вывески или, на худой конец, стояли вооруженные часовые. Нет, гитлеровские шпионы даже у себя дома зачастую использовали для своей черной работы всякого рода прикрытия — всевозможные фирмы, магазины и квартиры.

...На очередной встрече с Максимом Евгения Бремер предупредила его:

— В Киеве работает некий Миллер, крупный руководитель военной разведки.

— Откуда это известно?

— Сушко передает.

Мария Васильевна Сушко — пенсионерка, старая коммунистка, из-за болезни не могла эвакуироваться. Бремер привлекла ее для работы в группе Максима. Это была рассудительная, трезво оценивавшая события, не боявшаяся никаких трудностей и опасностей подпольной работы женщина.

— Очень интересно, — сказал Кудря, — пусть Мария Васильевна опишет внешность этого Миллера, достанет адрес.

Через несколько дней Максим знал, что Миллер высокого роста, седоватый, лет пятидесяти, одевается в солдатскую шинель, по-русски говорит без акцента. Адрес? У него было сразу три адреса, и один из них — Кузнечная, 4/6.

Опять Кузнечная!

Максим отправился туда. Вечером он сказал Марии Ильиничне:

— Помните тот серый дом, куда привел вас Корецкий? Вы должны поселиться в нем.

Задание было сложным.

Конечно, Мария Ильинична могла пойти в городскую жилищную управу, где работал ее знакомый, некий Скортынский... Но Максим решил начать с другого конца.

Утром Мария Ильинична пошла на Кузнечную к знакомой — немке Заузр и сообщила ей, что хотела бы поселиться в их доме. Повод был веским: дом на Кузнечной 4/6 был одним из немногих, освещавшихся электричеством. Вместе с Марией Ильиничной Заузр пошла к управдому.

— Я вас очень прошу, — обратилась она к нему, — помогите моей приятельнице устроиться. Ведь в доме есть свободные квартиры.

— Не могу, — покачал головой управдом. — И не просите.

— Я вас отблагодарю, — шепнула ему Мария Ильинична и положила на стол конверт с деньгами.

Прикинув на глаз толщину пакета, управдом обещал подумать.

Вскоре он начал хлопотать, чтобы Марии Ильиничне дали квартиру в этом доме. Первый шаг был сделан. Второй шаг Мария Ильинична сделала сама, когда зашла в просторный кабинет начальника жилищной управы Киева Скортынского. Он встал из-за стола и, церемонно поклонившись, поцеловал ее руку.

— Рад, что мы снова встретились. Чем могу служить?

Они поговорили о знакомых, о последних го-

родских новостях, о том, что с работой трудно и с квартнрой тоже нелегко. И тут Мария Ильиничиа дала поиять, что за взятку все же можно достать квартиру в одном приличном доме.

— Как? — заинтересовался Скортынскнй. — Где?

И он заставил ее рассказать все.

— У честной украиики вымогают деньгн! — шумел Скортынский. — Я не позволю этого! — он хотел показать свою власть.

— Управляющего домом 4/6 по Кузиечной, — распорядился ои по телефону, — иемедленно снять с работы. Да, я уже подобрал кандидатуру...

И в тот же деиь немец, шеф управления, подписал бумагу, которой Мария Ильиничиа Груздова иазиачалась управляющей домом № 4/6 по Кузнечной улице с местом жительства в квартире теперь уже бывшего управдома.

Не успела еще Мария Ильииичиа как следует обосноваться иа новом месте, как там уже появился радиоприемиик, оружие, пишущая машинка, лнстовки. Стесняться особенно было нечего — оии получили в свое распоряжение безопасную квартиру. Во всяком случае, так оии считали.

Каждый день Максим приходил сюда и, устроившись поудобнее у окна, наблюдал за всем, что происходнло во дворе. А интересного для разведчика здесь было много.

Приезжали с фроита крытые автомашины с людьми в гражданской одежде. Быстро поднявшись по лестннце, они проходили в квартнру Миллера. Это были его агенты. Уходили онн обычно с иаступлением темноты. Но не все: Миллер круто обращался со своимн агентами и порой, заподозрив их, зверски пытал. Трупы закапывали ночью здесь же, во дворе.

В квартире Миллера шпионы получали последние инструкции, тут их снаряжали в дорогу, одевали, отсюда в тех же крытых машинах вывозили на аэродром, расположенный в 40 кнлометрах от Киева. Аэродром настолько секретиый, что даже ие все генералы немецкой армии имели туда доступ.

Максим видел, как с истиино немецким педантизмом составлялись н вручались шоферу списки его пассажнров, как потом какая-то молодая миловидная женщина садилась возле иего и только после этого машииа трогалась. Он уже зиал многих людей Миллера в лицо, и ие только знал, но зафиксировал иа плеику. Теперь оставалось выяснить их нмена.

Помочь в этом могла Аина Пиман, ближайшая сотрудница Миллера, та самая миловидная женщина, которая сопровождала шпионов. Это была не просто сотрудиица, а близкий Миллеру человек. Близкий иастолько, что была посвящеиа во многие стороны не только его служебной, но и нитимной жизни.

Это был очень рискованный шаг, действовать Максим иачал осторожно. В этом деле ему очень помогла Мария Васильевиа Сушко — дальняя родственница Пимаи.

От нее Максим узиал, что Пиман падка на вещи и деиьгн, ей безразлично, кому служнть — немцам или Советам. Но есть у нее одиа слабость — сын.

Да, Аиие Пнман был небезразлнчен лишь один человек на свете — ее семилетний Адольф. В изголодавшемся Киеве, где люди тысячами умирали от истощения, этого сыиа буквально

ДВА ГОДА НАД ПРОПАСТЬЮ

распирало от разных яств. За кусочек эрзацхлеба в сто граммов надо было работать несколько дней, а этот ребенок нмел мясо, колбасу, масло, сало, шоколад, апельсииы, орехи н обжирался до расстройства желудка.

Конечно же, Пнмаи волновало будущее Адольфа. За эту ниточку стоило потяиуть.

Рискованный шаг удался.

Это был серьезный успех.

Забегая вперед, скажем, что Пнман неплохо помогала нашим разведчикам. Но до поры до времеии. Людн такого типа, лишь повеет опасностью, прячутся в кусты, дрожа за свою шкуру.

Вскоре Максим узнал от Пнман, что в Житомире, в здаиии, расположенном рядом с госпиталем, находится ряд учреждений германского генерального штаба, что в Фастове, за мостом, иемцы устроили крупное бензохранилище и что мост там охраняют чешскне солдаты, настроенные аитифашистски. И самое главное — теперь ему были известны имеиа тех, кого Мнллер переправлял в иаш тыл. Больше того, у Максима возник смелый план переброскн своих людей на автомашине иемецкой воеиной разведки на левый берег Днепра, поближе к линии фроита.

Теперь иадо было заглянуть и в квартиру Миллера. Там постояино находилась некая Виктория Гутовская, тридцатилетняя полная брюнетка, у которой майор жил еще в бытность мукомолом в Умани. Оиа могла многое рассказать о Миллере и его подчнненных. Мария Ильиничиа решила познакомиться и с ией. Несколько раз заводила она с Гутовской разговор и, наконец, узиала, что та мечтает о собствеииом пианино. Мария Ильииична вспомиила, что на складе домоуправления, где иемцы храиили награбленную мебель, было пиаиино.

— Хотите, — предложила Мария Ильиинчна, — я выдам со склада?

Гутовская не удержалась от соблазна, поделилась разговором с Миллером, и тот вызвал к себе Марию Ильнничну.

У двери с табличкой «Вход запрещен» ее встретил рослый рыжеватый унтер.

— Подождите здесь, — указал он на обтянутый кожей днваи. — Шеф сейчас выйдет.

Оиа н не спешила. Сѐла, осмотрелась. Журнальный столик, несколько стульев, вешалка, кресло. Обычиая обстаиовка обычной квартиры. Из-за двери доносился голос Миллера:

— В последний раз предупреждаю: если не улучшите работу, я приму свои меры.

Шеф распекал агеита.

Наконец Мнллер вышел и любезно поздоровался с Марией Ильииичной.

— Правда, что вы могли бы дать Викторин пианнно?

— Да. Хоть сейчас.

— Что я должен для этого сделать?

Мария Ильинична объясиила, какие формальности следует выполнить.

Мнллер постарался подчеркнуть свое расположеиие.

— Заходнте. Буду рад вас видеть.

Потом оиа ие раз бывала в квартире Мнллера — в его кабинете, в комнате Гутовской и в

других комнатах, но ни разу ей не удалось заглянуть в помещение, расположенное рядом с кухней: там помещалась секретная радиостанция.

Как домоуправ она имела свободный доступ во все квартиры и не раз «случайно» попадала на встречи их хозяев со своей агентурой. Жители дома обязаны были сдавать ей свои фотокарточки, одну из которых она отдавала Максиму, а тот вместе с Митей Соболевым ее переснимал.

Она сумела настолько войти в доверие к Миллеру, что тот, следуя ее советам, даже распорядился арестовать за «распространение листовок» преданного немецкого пса следователя Русецкого — того самого, к которому приходил Владик Корецкий.

Однажды Миллер пригласил к себе Марию Ильиничну, долго расспрашивал о родственниках и друзьях, живущих в советском тылу, о Москве, интересовался названиями улиц столицы, на которых ей приходилось бывать, знакомыми москвичами. Прощаясь, спросил, не хотела бы она поехать на пару месяцев в Варшаву.

— А что там делать? — наивно осведомилась Мария Ильинична.

— О, там очень интересно, — ответил Миллер.

О своей беседе Груздова рассказала Максиму.

— Он вербует тебя в шпионскую школу, — засмеявшись, сказал Максим. — Готовься к поездке в Москву. Соглашайся. Это нам очень нужно.

Главное — не терять головы

Квартира, в которой Мария Ильинична поселилась по заданию Максима, нужна была им только для работы. Жить в ней Максиму было опасно. Да и Мария Ильинична должна была скрывать, что имеет еще один дом, и делать вид, что находится тут постоянно, а значит, хотя бы иногда ночевать.

Это были самые тяжелые для нее ночи в Киеве. Одна в пустых комнатах, в доме, набитом гестаповцами. Чьи-то шаги на лестнице. Где-то стреляют, кто-то кричит, прощаясь с жизнью. В такие часы она особенно остро ощущала никогда не покидавшее ее чувство тревоги. Тревоги не за себя, а за Максима, за жизнь которого она отвечала перед своим народом. Ей иногда казалось, что сейчас вот, пока она тут одна, в безопасной пустой квартире на Кузнечной, за ним пришли гестаповцы. Или возле дома уже устроена засада и некому его предупредить. И часто в такие ночи ей хотелось крикнуть ему: «Максим, хватит! Передохни!»

Но приходило утро, она бежала домой, а его там уже не было. Как всегда спокойный, тщательно выбритый, элегантно одетый, он в это время уже шагал на очередную встречу с одним из разведчиков. Потом шел на Подол инструктировать подпольщиков, а спустя немного времени его видели на конспиративной квартире, где он слушал передачу московского радио и редактировал листовки. Кому-то он помогал деньгами, кому-то советом, кому-то оружием. С одними обсуждал, как лучше организовать диверсию в железнодорожном деле, с другими — как устроить своего парня в городскую комендатуру. А после этого, под вечер, с видом человека, решившего основательно развлечься, направлялся к театру и ожидал там с букетом цветов приму киевской оперы Раису Окипную. И никому не приходило в голову, что в те несколько минут, что они весело беседовали у входа в театр, Раиса сообщила ему важные сведения, почерпнутые из бесед с высшими гитлеровскими чиновниками.

И так день за днем.

И все это в городе, где жизнь человека не стоила ничего, где убивали прямо на улице, без суда и следствия только потому, что кому-то твоя внешность показалась подозрительной.

Каким же мужеством, какой дерзостью должен был обладать этот человек, чтобы спокойно, час за часом вести свою опасную работу!

Как-то Максим попал в облаву, его потащили в полицейский участок. По дороге удалось бежать. Две недели потом он скрывался на квартире у Евгении Бремер.

Они постоянно ходили над пропастью. Однажды и Мария Ильинична чуть не сорвалась в нее и не потащила за собой Максима...

Только они установили в квартире на Кузнечной второй радиоприемник — первый работал плохо, — как немцы учинили там обыск. Осматривался весь дом, квартира за квартирой, начиная с верхнего этажа. Груздова была на улице, когда увидела, что дом оцепили солдаты.

Обыск шел на третьем этаже. Черный ход, к счастью, был только в том блоке, где находилась ее квартира. Открыв «черную» дверь, она сняла туфли и в одних чулках кинулась к дивану, где были спрятаны оба приемника. Стащила их в подвал и засыпала опилками. Побежала опять наверх. Голоса, шум уже рядом — обыск идет в соседней квартире. Схватила в охапку листовки, документы и опять побежала в одних чулках вниз по лестнице. Возвратилась — немцы уже ломились в ее дверь Что делать? Открыть? Вызовет подозрение. Она надела туфли и вышла черным ходом во двор. Зубы у нее стучали, когда она поднималась по парадной лестнице. Тех, кто ломился в ее квартиру, она постаралась как можно спокойнее спросить:

— В чем дело?

— Прошу открыть дверь! — резко ответил офицер, руководивший обыском.

Дверь была на трех замках. И сейчас, когда опасаться уже было нечего, она неторопливо открыла один за другим замки и провела гестаповцев в квартиру. Обыскали. Ничего не нашли.

Фирма „Коваленко и К°“

Максим сумел поставить дело так, что получил полное представление о всех укреплениях в районе Киева, о минных полях и заграждениях, военных штабах и частях, о настроении и внутренней борьбе отдельных группировок среди гитлеровцев и их прихвостней. Он знал, где и какие находятся шпионские школы и кто ими руко-

водит, на руках у него были фотографии агентов, засланных Миллером в наш тыл, а в тетради появлялись новые и новые их имена. Но вот беда: хорошо организовав разведку, он не мог передавать в Центр донесения — рация не работала. Правда, у Максима еще оставался один канал связи, но пользоваться часто им он не мог. Это была рация его друга Мити Соболева. Пожалуй, сейчас можно о ней рассказать.

...Во второй половине октября 1941 года в Киеве, на улице Ленина, в доме № 32, открылся крупный комиссионный магазин. Реклама, которая широко публиковалась в газетах, выходивших в то время в городе, извещала жителей, что «Киевский торговый дом О. О. Коваленко» всегда имеет в большом выборе золотые вещи, бриллианты, часы, антикварные изделия, букинистические книги, одежду, меха, ковры, картины.

Торговые дела Коваленко шли успешно. В городе, где грабеж населения был узаконен властями, его заведение процветало и в некотором роде было «биржей ценностей» Киева. Скоро начали циркулировать слухи, что Коваленко вовсе не Коваленко, а барон Мантейфель, тщательно скрывавший до оккупации свое подлинное имя, что все его родственники проживали в Германии, были богатыми людьми и он остался их единственным наследником.

Слухи оказались верными. Коваленко получил разрешение властей на поездку в Берлин и, когда вернулся оттуда, дал распоряжение своим двенадцати служащим называть его только бароном фон Мантейфелем. Новый «фон» жил на широкую ногу, со вкусом одевался, носил бриллиантовые кольца, задавал лукулловы пиры. Он получил в центре города дорогую квартиру, обставил ее роскошной мебелью, коврами, старинными картинами, фарфором. В гостях у него часто бывали офицеры гестапо и жандармерии, видные украинские националисты. Нередко навещала его и прима киевской оперы Раиса Окипная, к которой он явно благоволил. Если она заходила в магазин, он подчеркнуто приветливо принимал ее в кабинете, угощал дорогим вином и шоколадом. Прощаясь, сам подходил вместе с ней к прилавку, отбирал для нее чулки, перчатки или какие-либо безделушки. Иногда их видели вместе гуляющими по городу. Мягкие, интеллигентные манеры барона, его происхождение, заверенное печатью с орлом и свастикой, ни у кого не вызывали подозрений. Что же касается Максима и Марии Ильиничны, то для них барон фон Мантейфель был просто Алексеем — человеком, работавшим на нашу разведку.

Алексей был такой же «крышей», как Мария Ильинична. Только более эффектной. И прикрывал он не Кудрю, а Митю Соболева, и не только прикрывал — обеспечивал его деньгами, оружием, связью и документами.

Коваленко был связан с руководителем «Национал-социалистише крафте корпс» на Украине Крюгером и его начальником штаба Зеером. Это гитлеровское нацистское учреждение имело большое влияние на деятельность фашистских учреждений и было в курсе всех планов и намерений, осуществлявшихся на оккупированной территории. Степень жадности и алчности этих людей соответствовала их постам. Алексей знал это и умело с ними ладил. Дело доходило до того, что фашистское начальство предупреждало Коваленко о намечавшихся против него операциях. Как-то в мае 1942 года Зеер прибежал в магазин, когда его уже окружили для обыска жандармы из генерального комиссариата. На глазах у жандармов Зеер быстро погрузил в чемодан золото и драгоценности, принадлежавшие Коваленко (торговать ими официально не разрешалось), и унес их. На другой день после обыска ценности снова вернулись к Коваленко, а Зеер был соответствующим образом отблагодарен.

А сам начальник НСКК Крюгер поступил еще чище. Он предоставил в распоряжение Коваленко автомашину и двух солдат из своей охраны, которые «ограбили» опечатанный вместе с другими комиссионный магазин Коваленко. Разумеется, цель такого «ограбления» была одна — избежать конфискации валютных ценностей, часть которых затем перешла в руки алчного Крюгера.

Но весной 1942 года неожиданно для всех барон был арестован гестапо. Арестовали его якобы за незаконную продажу золота. Правда, спустя десять дней он был освобожден. И все же Максим держался такого правила: если человек побывал в гестапо, дел с ним больше не иметь. И это было верно, потому что за «бароном», как оказалось потом, вели непрерывное наблюдение пять агентов гестапо и абвера. Вдобавок выяснилось, что радист «барона» также вызывался в гестапо. Пользоваться его рацией Кудре было нельзя.

Последняя ниточка, связывавшая его с Центром, порвалась. И Максим решил идти в Москву. В попутчики он выбрал себе боевика Жоржа Дудкина — бывшего работника Киевского уголовного розыска, парня атлетического телосложения и отчаянной храбрости. Руководство группой на время отсутствия Кудря передавал своему помощнику Мите Соболеву — чекисту, работавшему в органах госбезопасности еще с 1920 года.

„Я задержан. Выручай!“

Он был готов ко всему и придумал хороший предлог на тот случай, если по дороге его схватят гестаповцы. Иван Кондратюк, сын священника из Мерефы, расстрелянного Советской властью, идет в Харьков, чтобы восстановить свои права на наследство. На базаре Мария Сушко накупила ему всякой мелочи: камешков для зажигалок, крестиков, карандашей, чтобы кормиться, продавая их селянам. На всякий случай в подкладку он зашил золотые монеты.

Была весна, но в полях еще лежал снег, и Днепр стоял скованный льдом. Зима в тот год была на редкость долгой и холодной. Вдвоем с Дудкиным они медленно шагали вдоль берега Днепра и ночью тайно перешли на его левую сторону.

И надо же так случиться, что через несколько дней в дом Марии Ильиничны постучались и, назвав условный пароль: «Чи здесь живе Иван Данилович?», вошли двое наших разведчиков.

Это украинские чекисты позаботились о Максиме и прислали ему денег. А когда они попрощались, в дверь снова кто-то тихонько постучал. Мария Ильинична открыла. На пороге стоял грязный, оборванный мальчик и держал в руке клочок бумаги.

— Ты что?

— Вам записка от Ивана Даниловича.

Ноги подкосились у нее, когда она прочитала несколько слов, наспех написанных карандашом: «Я задержан. Ты как жена еще можешь меня выручить». Она отогрела и накормила мальчика, и он рассказал, что Иван Данилович был схвачен жандармами где-то в 80 километрах от Киева, избит и брошен в Дарницкий лагерь.

Живыми оттуда, как правило, не выходили. Максим повис над пропастью. Надо было выручать его.

Иного мнения был Соболев: нельзя идти на явную смерть. И обвинять его в чем-то не приходится. Риск был огромный. Мария Ильинична сама отдавала себя в руки гестапо, могла быть провалена вся организация.

Она еще раз обдумала все и рассудила так: я отвечаю за жизнь Ивана, раз он просит, значит надо идти; видимо, у него есть какая-то надежда.

Рассказ Груздовой о том, как она выручила Максима, мы воспроизводим с ее слов.

«Лишь рассвело, я бросилась к Лантуху, соседу по «дому Гинзбурга», который так нетерпеливо дожидался немцев: «С Иваном несчастье, выручайте!» И рассказала ему, что немцы забрали много студентов мединститута, в том числе и его, бросили в Дарницкий лагерь и должны вывезти в Германию. И что якобы я уже была в лагере и мне посоветовали подать заявление на имя коменданта, подписанное людьми, знавшими Кудрю с положительной стороны.

— Ай-ай-ай! — развел руками Лантух. — Такого щирого украинца забрали. Нет, Ивана Даниловича мы не отдадим.

И он побежал к соседям, сочинил бумагу, сходил в домоуправление, и скоро с листом, в котором свидетельствовалась полная благонадежность Ивана Даниловича Кондратюка, я летела домой.

Идти в лагерь — это недалеко от Киева — я решила не одна, а со свекровью Прасковьей Яковлевной: пусть товарищи узнают, если со мной что случится. Она была смелая женщина и всей душой ненавидела гитлеровцев. Добрались до Дарницы, подошли к охране. Бабушка осталась на улице. По правде сказать, руки и ноги дрожат, но иду. Прошу полицаев:

— Пустите к коменданту.

— Не велено.

Даю пятьсот рублей.

— Проходи.

Так я оказалась на территории Дарницкого лагеря. То, что увидела там, было ужасно: колючая проволока, на вышке эсэсовцы с пулеметами. Заключенным не давали ни пищи, ни воды. Даже к луже было нельзя подойти — стреляли. Я шла мимо пожарной бочки с зеленой гнилой водой, возле нее лежал застреленный человек: видно, не выдержал, подполз напиться, и его скосила пулеметная очередь. А ведь это была та часть лагеря, где содержались военнопленные. Иван же находился в еще более страшном отделении — для задержанных гестапо.

Вхожу в кабинет коменданта. Чувствую, внутри все похолодело. Но ничего. Беру себя в руки. Рассказываю: мужа разыскиваю, Ивана Кондратюка. Он шел на родину в Мерефу и, как мне известно, попал сюда.

— Можете говорить по-русски, — усмехается немец. — Я долго жил в вашей стране. Расскажите, как он был одет.

— Одет в теплое полупальто, зимнюю шапку, в карманах камушки для зажигалок, зажигалки, крестики. Брал, чтобы поменять на хлеб.

— А часы у него были?

— Да, золотые, наручные.

— А еще что было у него?

Я мучительно припоминаю — кажется, все сказала. Что еще? И тут вспомнила:

— Еще были золотые монеты.

— Где вы их взяли?

— Достались от его отца, расстрелянного большевиками. Это и все его сбережения и память об отце. Все, что у нас есть.

И только тогда, когда я сказала про эти золотые рубли, я почувствовала, что комендант начинает верить мне.

— Какое белье было у вашего мужа?

— Голубое, на правом рукаве, ниже локтя, штопка.

— Хорошо! — неожиданно говорит немец. — Свидание я разрешу, но отпустить не могу.

И он распорядился, чтобы привели Ивана.

Я содрогнулась, когда увидела его. Он был страшно грязный, оборванный, в чужих рваных ботинках. И тут словно какая-то сила подняла меня и толкнула ему навстречу. Кинулась ему на шею, начала целовать, плакать.

— Боже, почему ты здесь?! — реву я в голос. — За что нас преследуют всю жизнь?! — А сама тихонько спрашиваю: — Что делать дальше?

Он шепчет:

— Проси.

Увели Ивана. Бросил он на меня взгляд — долгий, понимающий, словно бы прощался со мной, с товарищами. И я опять кинулась к немцу. Сую ему в руки характеристику, подписанную Лантухом.

— Прочтите, герр комендант, и вы увидите, какой это замечательный человек.

— Вижу, вижу, — говорит комендант. — Вы хорошие люди. Но есть среди украинцев и плохие, коммунисты, партизаны, потому и к вашему Ивану такое отношение.

Тут вошел пожилой офицер в форме СС, видно, начальник коменданта. Они поговорили тихо по-немецки, я поняла, что речь идет обо мне и эсэсовец соглашается с комендантом.

— Мы бы отдали вам Ивана, — сказал мне комендант, когда эсэсовец вышел, — но документы на него уже отправлены в пересыльный пункт.

Это значило, что завтра Ивана повезут в киевское гестапо. Тогда дело будет плохо.

Я взмолилась:

— Разрешите мне самой пойти за ним. Я думаю, что там тоже есть благородные люди, которые отнесутся ко мне так же внимательно, как вы, герр комендант.

И комендант разрешил. Больше того, на портативной машинке он собственноручно отстучал письмо, заклеил пакет и передал его мне:

— Торопитесь!

Все складывалось так удачно, что я не верила своему счастью. Мы со свекровью переночевали у какой-то женщины и утром направились в пересыльный пункт. Немец-офицер распечатал пакет, удивленно покачал головой. Потом достал пачку документов, и, пока листал их, я успела прочитать на одном фамилию Дудкина. Немец предупредил меня:

— Сейчас в лагерь идет машина, с ней я отправляю пакет, могут подвезти и вас.

Вышел ко мне Иван. Вернули ему одежду.

— А золото вы должны оставить, — предупредил комендант. — Приказ фюрера.

Я расхрабрилась, говорю:

— Нет такого приказа, герр комендант. Если бы был, то я, как управляющая домом, знала бы об этом.

— Возможно, и так, — пожал плечами немец. — Но если будет, вы золото сдадите.

— Обязательно!

Гляжу, Максим усмехается, достает золотую монету и кладет на стол перед ним. Немец взял:

— Пусть это останется у меня на память о такой хорошей украинской семье, как ваша.

Иван, как только мы отошли от лагеря, сказал:

— Надо скорее освобождать Жоржа Дудкина. Пропадет.

Максим в тот же вечер разработал план освобождения Жоржа. Идти за ним должна была Женя Бремер. Она получила пропуск и явилась в лагерную комендатуру. Женя была «фольксдойч», и разговор с ней был иным. Ее приветливо встретили, особенно когда узнали, что она пришла сюда в поисках сына — «бедного немецкого мальчика Адольфа, мобилизованного большевиками, который сейчас томится в лагере вместе с этими украинцами».

План Максима удался. «Бедного Адольфа» искали офицеры, фельдфебели, солдаты и, конечно, не нашли. Женя плакала и, уже прощаясь, как-то вскользь, словно бы вспомнив что-то не очень важное, обронила, что здесь сидит еще один украинец, невинный человек, муж ее подруги-немки, и назвала фамилию Жоржа.

Снова канцелярия комендатуры стала искать. Нашли. Привели Дудкина. Выпустили его из лагеря. Еще один выкарабкался из пропасти. Выкарабкался, чтобы назавтра опять шагать над бездной.

Снова оперный театр

В Центре узнали, что Кудря сидит без рации, и подготовили ему радиста и двух связников. Они везли деньги и важные инструкции. В пути самолет, встреченный сильным зенитным огнем, вынужден был выбросить разведчиков далеко от Киева, под Могилевом-Подольским.

Один из трех, Анатолий Трусов, приземлился на окраине села Политанок. Тут же ему пришлось уходить, так как вид его мог вызвать подозрение: городское пальто и каракулевая шапка выдавали горожанина. Кроме того, его борода... Немцы издали приказ, запрещающий носить бороду, и в каждом небритом подозревали партизана.

Почти три недели продолжался рейд отважного разведчика. Он пробирался лесами, обходя населенные пункты, ловко избегая полицейских кордонов. Несколько раз ускользал от облавы и, наконец, больной и измученный, добрался до Киева.

Еще тяжелее пришлось Лидии Росновской. Простуженная, в лихорадке, с вывихнутой распухшей ногой, она упорно шла к цели. Через несколько дней после прихода Анатолия, преодолев 650 километров пешком, Лидия прибыла в Киев.

Третий до места не дошел...

У Кудри был большой праздник — связь с Москвой была установлена.

...Максим получил сведения о том, что в Киев прибывает крупный руководитель нацистской партии, министр оккупированных областей Розенберг. Оккупантам надо было усилить вывоз в Германию рабочей силы, продовольствия, металла, ценностей и всего, в чем нуждалась истощенная войной Германия. Прилетел также гауляйтер Украины Эрих Кох. На совещание были вызваны все гебитскомиссары, штадткомиссары и другие высшие административные чиновники Украины. Труппа оперного театра готовилась к большому концерту, на котором должны были присутствовать Розенберг и Кох. Получалось так, что вся гитлеровская головка, бесчинствовавшая на Украине, сама шла в руки к Максиму. Он поручил Рае Окипной достать побольше билетов в партер и на балконы для того, чтобы расставить боевиков с гранатами. Вместе со своими помощниками Митей и Жоржем разработал подробности покушения.

Все было готово. Но незначительное обстоятельство изменило ход событий: накануне концерта все проданные билеты были отменены, войти в театр можно было только по специальным пропускам, выданным Генеральным комиссариатом и СД.

Раиса Окипная в тот вечер пела особенно хорошо. Напыщенные холеные офицеры и чиновники подобострастно посматривали в ложу, где восседали их главари, стараясь угадать, понравилась ли их «выдвиженка». А она расточала улыбки в сторону высоких гостей.

Через несколько дней Максим узнал о том, что в Виннице заканчивается строительство каких-то очень важных военных сооружений, дорог и аэродромов. Ему стало известно, что по обе стороны шоссе Винница — Киев очищена от жителей большая зона. В селах Стрижавка и Михалевка уничтожены все ненадежные, по мнению гитлеровцев, люди, а остальные жители выселены из своих домов. Неподалеку от Стрижавки строятся какие-то подземные сооружения. От станции Винница к лесу, что около этого села, подведены железнодорожная ветка и шоссейная дорога. Вокруг усиленно патрулируют немецкие конные жандармы. Построена мощная радиостанция. Резко усилены средства противовоздушной обороны. Установлены зенитные орудия большой мощности, мелкие автоматические пушки. На зданиях — крупнокалиберные пулеметы.

В самой Виннице расположились части отборной дивизии СС «Германия» и бронетанковое соединение «Зигфрид». Введены особые пропуска для прохода в эту тщательно охраняемую зону.

В городе почему-то появилось очень много гестаповцев, полицейских, жандармов.

Максим вспомнил разговор с Тарасом. Надо было, наконец, выяснить, чем там занимаются немцы. «Пожалуй, придется поручить это Рае», — решил он. Когда-то она пела в винницком театре, у нее было там много знакомых, и если учесть ее связи с высшими гитлеровскими кругами Украины, то лучше Рансы для такого задания никто не подходил.

— Найдите предлог для поездки в Винницу, — попросил ее Максим на очередной встрече.

— Завтра же начну хлопотать, — коротко ответила она.

Максим тогда еще не знал, что посылал ее в логово Гитлера, в секретную штаб-квартиру фюрера, которая была построена неподалеку от Винницы, и что одно лишь слово «Винница» вызовет повышенный интерес гестаповцев к его разведчице.

Через несколько часов после того, как Рая осторожно намекнула шефу оперного театра, что хотела бы дать концерт в своем родном городе, один из руководителей службы СД Киева вызвал к себе в кабинет особо секретного агента Нанетту:

— Постарайтесь сблизиться с Окипной, — сказал он. — Нам нужно знать, кто ее окружает, с какой целью она едет в Винницу, что она думает о нас.

— Окипная? — переспросила Нанетта. — Прима оперы? Кармен?

— Именно она, — кивнул гестаповец. — Очень нас интересует. И особенно ее окружение.

Офицер порылся в бумагах, достал анкету Окипной.

— Она из Винницы. Отец — священник Копшученко. Был репрессирован советскими властями. Сейчас живет вместе с ней, Чкалова, 32...

Где живет студент?

В израненный город пришла весна. Люди с надеждой смотрели на голубое небо, на покрытые зеленым пухом деревья. Рая медленно шла по улице Короленко к театру. Кто-то тихонько тронул ее за руку. Она остановилась. Невысокая, коренастая, черноглазая, довольно миловидная женщина с интересом разглядывала ее.

— Кто вы? — спросила с удивлением Рая.

— Здравствуйте, — улыбнулась женщина. — Не узнаете?

— Нет. Не узнаю.

— А я вас узнала, — продолжала улыбаться женщина. — Вы Рая Окипная, наша винничанка, дочь священника Копшученко. Теперь вы знаменитость, от вас в восторге киевляне. А ведь когда-то мы были знакомы!

Рая попыталась вспомнить, видела ли она прежде это лицо. Нет, не видела.

— Простите, — сказала она. — Не припоминаю...

— Мы с вами виделись в семье... — И она назвала фамилию человека, жившего в Виннице по соседству с Окипной. — Что поделаешь — война, — вздохнула женщина. — В каждом доме горе, люди даже о близких забывают.

И они заговорили о том, о чем говорили в те дни все женщины Киева, — о своих бедах и заботах, о том, как трудно с продуктами и работой.

Когда Рая рассказала Максиму о враче Наташе, своей новой знакомой, он заинтересовался:

— Говоришь, заведует лабораторией городской поликлиники? Узнай, что за человек. Нам бы она очень пригодилась.

Люди Кудри доставали в полиции новые паспорта, пропуска, справки. Нужны были химикаты, чтобы изменить в документах фамилии.

Через несколько дней у входа в театр Рая снова повстречалась со своей новой знакомой.

— Буду сегодня вас слушать, — сказала Ната. — С трудом достала билет у знакомого врача-немца.

— Заходите ко мне после спектакля за кулисы, — пригласила ее Рая. — Пойдем вместе домой.

Такого изысканного общества, какое собралось в тот вечер у Окипной, Ната еще не видела. За столом — а он был накрыт по тем временам роскошно — сидели штандартенфюрер СС, оберштурмбаннфюрер, он же личный адъютант шефа СС Киева, мадьярский генерал Франц Карлович, еще несколько офицеров, директор оперного театра и красивая блондинка, великолепно говорившая по-немецки. Гости поднимали бокалы за великую Германию, за новый порядок, за фюрера. А когда встали из-за стола, багровый от вина генерал, весь вечер сидевший рука об руку с Раей, открыл крышку фортепьяно и просил что-нибудь спеть. Ходили слухи, что он уже сделал Рае предложение и она якобы не ответила отказом...

На другой день к Нанетте в лабораторию пришел длинный бесцветный, с большим шрамом на левой щеке немец — переводчик СД.

— Шеф интересуется, как идут дела.

Через час Нанетта докладывала гауптману Грюсту:

— Окипная исключительно дружески расположена к немецким властям. По-моему, не имеет смысла терять время на ее разработку.

И она подробно рассказала о вечеринке у Раи.

— И все же продолжайте наблюдать, — выслушав ее, сказал немец.

Третьего мая Рая пела «Кармен».

— Хочешь пойти? — спросила она Нату.

— Конечно!

В ложе Ната сразу обратила внимание на красивого молодого человека с букетом роз. В антракте он встал первым и, извинившись, вышел. Ната поднялась за ним, прошла за кулисы и в роскошной уборной Окипной увидела своего соседа.

— Знакомьтесь, — сказала Рая. — Ваня, поклонник моего таланта и будущее светило медицины.

— Великовозрастный студент, — пошутил Ваня.

«Пожалуй, действительно великовозрастный», — подумала Ната.

— Медицина — новая профессия Вани. Раньше он был учителем, кажется, под Харьковом. Так, Ваня? — вставила Окипная.

«Для провинциального учителя ты недостаточно прост», — отметила Ната и в тон ему сказала:

— Сейчас мы меняем специальности. Я врач, мое дело лечить. А работаю в лаборатории...

В следующем антракте они гуляли по фойе. Ната рассказывала о себе: вся жизнь в детях —

их у нее трое — и в работе. Нигде не бывает. С немцами старается не встречаться.

— Вы единственная моя знакомая, — сказал Иван, — которая избегает немцев. — И, засмеявшись, добавил: — А вот Рая — та без них просто жить не может...

— Среди знакомых Окипной лишь один украинец — некий студент медицинского института Иван, — докладывала шефу Нанетта.

— Продолжайте наблюдать, — снова распорядился Грюст. — Всячески укрепляйте дружбу. Установите фамилию студента.

День за днем втиралась Нанетта в доверие к Раисе. Стала чаще бывать у нее дома. Вместе ходили к портнихе и по магазинам. По просьбе Раи Ната принесла ей химикаты, раздобыла медицинскую справку об освобождении ее друга-студента от занятий. Однажды даже предложила ключи от своей пятикомнатной квартиры:

— Я вижу, тебе нравится мой коллега — медик. Встречайтесь у меня.

Рая улыбнулась, ничего не сказала, но ключи взяла.

Уже были затрачены немалые усилия, но все, что удалось узнать Нанетте за это время, — фамилию студента: Кондратюк.

— Обязательно выясните адрес, — коротко распорядился Грюст на очередной встрече. — Это основное, что вы должны сделать в ближайшее время. Доложите результаты через два дня.

Иван и Рая обычно приходили к Нанетте днем, когда та была на работе, и через час-другой уходили. Тонкими уловками, хитрыми вопросами старалась Нанетта вытянуть адрес Ивана. Но это ей не удавалось.

А Иван продолжал свою опасную работу. Вместе с Митей он разработал план диверсий и следил, чтобы план выполнялся с точностью.

От Пиман Кудря получал интересные сведения об агентуре Миллера и о нем самом. Шеф местного абвера оказался не только крупным шпионом, но и жуликом, спекулировавшим автомашинами. Отремонтировав их частным путем, он перепродавал машины своему же генеральному штабу, выколачивая немалые деньги.

Миллер продолжал обрабатывать Марию Ильиничну, и она уже дала согласие поехать на шестимесячные курсы по подготовке шпионов. Окипная получила разрешение на поездку в Винницу, кроме того, ей официально предлагали гастроли в Германии.

У товарищей из партийного подполья Иван достал номер «Правды». Он решил выпустить листовку, изложив в ней содержание передовой статьи, обращенной к населению оккупированных территорий. Несколько дней вместе с Раей они печатали листовку на квартире Наты.

Когда под вечер она пришла домой, Иван все еще был в ее квартире. Посидели немного, поговорили, и он решил осторожно ввести ее в курс дела.

— Ты говорила как-то, что хотела бы помогать партизанам, — сказал он. — Так вот, мы здесь, у тебя, печатали листовку. Воззвание к людям, которых отправляют в Германию. Мы написали, что все обещания немцев — обман, что в Германии их ждет каторга. Что Коммунистическая партия обращается к людям с призывом уходить в подполье, в леса, к партизанам.

И он показал ей номер «Правды».

Последний день свободы

Есть страницы, которые нелегко писать. Например, эти. Перед нами сидит пожилая, расплывшаяся женщина в строгом черном платье. Поправляя рукой в старческих жилках седые пряди, она начинает свой рассказ. Мы знаем, что будет в конце его. И все же еще верим, надеемся на какое-то «а вдруг»...

Женщина эта — Нанетта, платный агент СД, член нацистской партии, предательница, изменница Родины, погубившая Кудрю и его товарищей.

Мы разыскали ее 2 апреля 1963 года в глухом селе Поволжья. Она работает заведующей аптекой. Очень постарела. Помнит ли Раю Окипную? «Еще бы! Мы так дружили...» А Ивана, студента-медика? «Как же, как же! Он мне был дорог как товарищ. Я всегда хорошо относилась к нему». При этом глаза ее глядят на нас так доверчиво, лучатся такой добротой, а улыбка так искренне грустна, что становится ясно: раскусить эту гадину было очень трудно.

Она и сейчас играет перед нами. Трет виски, подносит к глазам платок. Слезы у нее, правда, настоящие, но текут они и высыхают как по заказу.

Медленно, осторожно, чуть запинаясь, ведет она свой рассказ. Вот его запись, очищенная от фальши.

...В воскресенье пятого июля 1942 года к Нанетте пришла Рая. Она принесла пишущую машинку, завернутую в бумагу.

— Ты поможешь нам ее отремонтировать?

— Обязательно, — ответила Нанетта.

Потом подошел Иван. Нанетта постаралась как можно лучше принять их. Смеялась, шутила, угощала.

Н а н е т т а. Но я знала, что судьба их решена, что через несколько часов они будут арестованы, и немного нервничала.

К о р р е с п о н д е н т. Почему же вы нервничали?

Н а н е т т а. Мне было неприятно, что вся эта история произойдет у меня на квартире.

К о р р е с п о н д е н т. Вы имели возможность без особых для себя последствий предупредить Окипную и Ваню об опасности?

Н а н е т т а. Безусловно, имела.

К о р р е с п о н д е н т. Почему же вы этого не сделали?

Н а н е т т а. Их судьба меня не интересовала. — Она улыбнулась своей мягкой улыбкой и тем же тихим добрым голосом добавила: — Заметив, что я взволнована, Окипная и Иван стали спрашивать, что случилось, почему я волнуюсь и скрываю от них свои переживания. Я должна была как-то объяснить мое волнение, иначе у них могли возникнуть подозрения. «Какое же у меня может быть настроение, Раечка, — всхлипывала я, — если в гестапо истязают моего мужа!»

Я рассказала им, что кто-то предал моего

мужа-подпольщика и он попал в руки СД. На глазах у Окипной появились слезы. А Иван сказал:

«У нас есть знакомые в гестапо. Мы сделаем все, чтобы вернуть тебе мужа. Ты зря скрывала от нас, что он арестован...»

«Мы поможем тебе деньгами, — добавила Рая. — Но больше видеться, вероятно, не удастся. За твоей квартирой наверняка следят. Будем встречаться в театре».

В пять часов дня в дверь постучали. Это были гестаповцы. Через отверстие в почтовом ящике я увидела Шарма и Ганса.

«Ко мне пришли следователи СД, которые ведут дело мужа», — объяснила я Ивану.

Окипная встревожилась и заявила, что им придется сейчас уйти. Они перешли в другую комнату, а я открыла дверь и провела гестаповцев в столовую. Рая и Иван надели пальто и вышли.

Шарм и Ганс с балкона смотрели, в какую сторону пошли Окипная и Иван, и подали условные знаки своим людям.

...Через полчаса после того, как Максим и Рая ушли от Нанетты, в квартиру священника Копшученко вбежала женщина.

— Только что на Сенном базаре арестовали Раю!.. — сказала она, задыхаясь.

Это была пианистка оперного театра, случайно оказавшаяся поблизости. Почувствовав за собой слежку, Рая подошла к ней и шепотом сказала:

— Идите к Жене и передайте, что за мной следят.

Тут же к Рае подошел молодой человек в коричневом костюме и приказал следовать за ним.

Заметив слежку, Иван метнулся в сторону и ускорил шаг. Где-то здесь дом, в котором жил Лантух. Ваня шагнул в подъезд, вышел через ворота в другой двор, оттуда — в соседний переулок. Сзади никого не было. «Оторвался», — с облегчением подумал он и направился к дому Лантуха. Поднялся на третий этаж. Открыл дверь. Сделал несколько шагов.

— Стой! — крикнули ему. — Не шевелись!

Он обернулся. Два гестаповца направили на него пистолеты. Из комнаты вышел перепуганный Лантух.

— Зачем вы сюда пришли? — спросил фашист.

— К знакомому, — пожал плечами Иван.

— Вы знаете этого человека? — повернулся немец к Лантуху.

Тот кивнул.

— Обыскать!

Максима обыскали. Нашли под рубашкой два десятка листовок. Тех, что они печатали с Раей. Его увели.

Вечером во время первого же допроса Максима и Раю зверски избили.

— Я им устроил «концерт»! — похвалялся Грюст перед Нанеттой, когда она прибежала в СД узнать, как закончилась «операция». — Займись остальными.

Теперь над пропастью оказались Женя Бремер и Жорж Дудкин.

Корреспондент. Их арест был проведен также при вашем участии?

Нанетта. Конечно.

Шестого июля ко мне пришел молодой человек в темных очках. Это был Жорж.

«С Раей беда, — сказал он. — У Владимирского собора вас ждет Женя. Идемте...»

Они вместе вышли на улицу и отправились к собору — Жорж по одной стороне, Нанетта по другой. По дороге она на некоторое время исчезла, для того чтобы забежать в СД, и подошла к Жене с четырьмя гестаповцами.

— Руки вверх! — скомандовал Грюст.

Женя грустно покачала головой и спросила:

— Когда же ты успела привести их, Ната?

Нанетта не отвечала и только загадочно улыбалась. Гестаповцы повели арестованных на улицу Короленко. Около Прорезной улицы Жорж выхватил из кармана нож и бросился на одного из немцев. Тот отшатнулся.

— Девчата, бегите! — крикнул Жорж, отвлекая на себя гестаповцев. Немцы открыли стрельбу. Им бросились на помощь проходившие по улице солдаты. Жорж бежал, лавируя, чтобы не задели пули. Потом вскарабкался на водосточную трубу, полез на крышу. Грюст бросился за ним, но напоролся на нож.

А Женя? Силы оставили ее, у нее начался сердечный приступ. Она упала на тротуар и, когда пришла в себя, все спрашивала: «Ушел? Ушел?» Прохожие говорили ей: «Беги скорее, никого нет». Но Женя лежала не двигаясь и все смотрела вверх, пока Жорж не скрылся.

Потом она встала и, шатаясь как пьяная, побрела по улице. Тут подоспели два немца и повели ее в гестапо, откуда она уже больше не вышла.

— Жаль, что упустили этого длинного, — сказал Нанетте гауптман. — Но, я уверен, он еще придет к тебе.

Жорж больше у нее не появлялся. Чудом удалось ему уйти от смерти.

Что было дальше с Максимом, Раей и Женей? Может быть, Нанетта скажет нам что-нибудь об их судьбе?

Нанетта. Как-то в конце августа ко мне пришел Шарм. Был он очень злой и усталый. «Что с тобой?» — спросила я. «Сегодня четыре часа всеми способами допрашивал твоего студента. Молчит».

Помню, меня вызвали в СД и приказали сделать модную немецкую прическу. Меня сфотографировали с цветами в руках среди гестаповских офицеров, рядом с одним из шефов СД...

Фотографию показали Ивану. Он покачал головой.

— Нет, этой женщины я никогда не видел.

Он оберегал Нанетту!

Лесть, провокации, шантаж, пытки — все было пущено в ход, чтобы заставить Максима говорить. Его бросили в камеру к предателю. Но и там он молчал.

— Это был камень, — сообщил потом на свободе этот человек. Тело его было черным от побоев. Первые три дня он вообще не говорил. Потом он назвал себя: Иван Кондратюк, студент. Это было единственное, что удалось вытянуть из него.

В течение трех месяцев день за днем Максима, Женю и Раю истязали на допросах. Жизнь для них стала непрерывной пыткой. Едва они приходили в себя, их уже ждали гестаповцы.

Нанетта. Однажды мне устроили очную ставку с Раей. Я должна была подтвердить, что Окипная привлекала меня к работе в подпольной группе.

Корреспондент. А она вас действительно привлекала?

Нанетта. Нет, конечно. Но когда Шарм в ее присутствии спросил меня об этом, я ответила: «Да, привлекала».

Рая отвернулась и сказала:

«Я думала, ты мне друг».

Я заплакала. Шарм отвел меня в соседнюю комнату и спросил:

«Ты на самом деле так переживаешь?»

«Как человека мне ее жаль. Как политического противника — нет», — ответила я.

Она и тут солгала: ей было жаль совсем другого, и мы поняли это, когда задали следующий вопрос.

Корреспондент. Как выглядела Окипная?

Нанетта. Она была истерзана, избита. Волосы ее, обычно заплетенные в косы и уложенные вокруг головы, теперь лежали комом на плече. Одежда разорвана... Она была в старом коричневом пальто. На ногах у нее были мои туфли. — И Нанетта поспешила уточнить: — Она взяла их у меня перед арестом, а денег так и не отдала...

Мужественно вела себя в тюрьме и Женя Бремер. Ей удалось передать на волю записку, в которой сообщалось имя той, что отдала их в руки гестапо. Люди видели, как 7 ноября 1942 года Женю вместе с другими заключенными посадили в автомашину, выехавшую по направлению к Бабьему Яру.

Вот, пожалуй, и все, что нам достоверно известно о последних днях Максима, Раи и Жени. Живых свидетелей нет, документы — протоколы допроса, приговор — еще не найдены, а стены камеры, где провели они свои последние дни, равнодушно молчат.

Единственный документ, который пока удалось обнаружить, — сообщение начальника службы СД Киева о том, что ведется следствие по делу «Ивана Кондратюка». Документ этот датирован сентябрем 1942 года. Значит, в то время Максим был еще жив. Известно нам, что Максим умер молча, так ничего и не сказав гестаповцам. Не раскрыв ни одного имени, ни одного эпизода из работы группы. Организация сохранилась и под руководством Мити Соболева продолжала героическую работу.

Тетрадь Максима

А Мария Ильинична Груздова, удалось ли ей ускользнуть от лап гестапо?

Ей удалось обмануть охрану и бежать. В Киеве оставаться было опасно. Она ушла из города. Ушла, чтобы выполнить последнее поручение Максима: добраться до Москвы и рассказать о работе организации. Так было уговорено на случай его ареста.

Несколько месяцев пробиралась она к партизанам отряда Попудренко, имевшим авиасвязь с Большой землей.

— С первым же самолетом отправьте Груздову в Москву, — передали по радио из Центра.

В Москве ее уже ждали в штабе партизанского движения. Рассказ о делах группы Максима продолжался семь часов.

Пришла пора вспомнить и о серо-голубой школьной тетради, той самой, что положила начало нашему рассказу.

Летом 1942 года предусмотрительный Максим передал пакет, в котором лежали тетрадь и документы, своей разведчице М. В. Сушко.

— Берегите ее наравне с шифром, — предупредил он.

Когда Максим был схвачен, Мария Васильевна отнесла пакет к Соболеву. Митя дополнил записи Максима новыми именами, на одной из страниц вкратце изложил обстоятельства его гибели и назвал имя предательницы.

После гибели Мити тетрадь попала в гестапо. Как же она снова оказалась в наших руках?

По планам своего верховного командования немецкие войска намечали оставить Киев 15 ноября. Город должен был быть взорван. В течение десяти дней с истинно немецкой педантичностью гитлеровцы завозили в Киев взрывчатку. Но их злому плану не суждено было осуществиться. Войска 1-го Украинского фронта 6 ноября освободили столицу Украины. Киев был взят с ходу. Немцы не успели даже вывезти архивы гестапо. Так сохранилась и тетрадь, завалявшаяся в одном из ящиков стола в комнате номер 127 в доме 33 по улице Короленко. Она о многом поведала украинским чекистам, помогла им разоблачить не одного шпиона.

Вот и вся история Максима. Впрочем, почему вся? Мы не рассказали и малой толики того, что сделали Максим и его товарищи по подполью. Рассказ наш будет продолжен.

А сейчас еще несколько слов в дополнение к рассказанному.

О том, что Нанетта, та самая, которая вероломно предала группу Максима, жива, здорова и даже ходит на свободе, мы узнали из писем читателей.

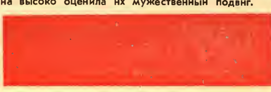
Установить ее адрес было делом не очень сложным, хотя она старательно путала свои следы, постоянно переезжая с одного места на другое и меняя фамилии. Как видно из репортажа, мы разыскали ее, имели с ней беседу и полностью разделили справедливое негодование читателей по поводу того, что предательница свободно ходит по советской земле. Мы обратились к Генеральному прокурору СССР с просьбой пересмотреть решение суда о досрочном освобождении Нанетты.

Как лицо, совершившее особо опасное государственное преступление, Боякович-Севастьянова должна полностью отбыть тот срок наказания, к которому была приговорена в 1947 году. Севастьянова уже водворена в место лишения свободы для отбытия оставшейся части срока наказания — 16 лет.

И еще одно сообщение:

10 мая 1965 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги в создании и руководстве подпольной разведывательной организации в г. Киеве, мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., КУДРЕ ИВАНУ ДАНИЛОВИЧУ присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Верные его соратники по героической борьбе награждены орденами и медалями СССР. Родина высоко оценила их мужественный подвиг.



ЧЕКИСТЫ — ГЕРОИ

Дмитрий Николаевич Медведев.

Кирилл Прокофьевич Орловский. За доблестный труд в сельском хозяйстве ему впоследствии было присвоено также звание Героя Социалистического Труда.

Станислав Алексеевич Ваупшасов.

Владимир Александрович Молодцов.

Виктор Александрович Лягин

Николай Иванович Кузнецов.

СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Николай Архипович Прокопюк.

Михаил Сидорович Прудников.

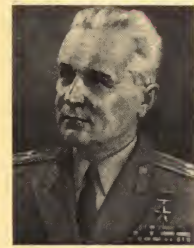
Виктор Александрович Карасев.

Иван Данилович Кудря.

Николай Афанасьевич Михайлашев.

Федор Федорович Озмитель.

ЧЕКИСТЫ — ГЕРОИ



Александр Маркович Рабцевич.

Дмитрий Дионисьевич Карицкий.

Дмитрий Васильевич Емлютин.

Сергей Иванович Солнцев.

Борис Лаврентьевич Галушкин.

Александр Никитович Шихов.

СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Евгений Иванович Мирковский.

Валентин Леонидович Неклюдов.

Олег Сергеевич Бычок.

Михаил Иванович Петров.

ПРОТИВ АБВЕРА И «ЦЕППЕЛИНА»

Еще не наступило лето 1941 года, еще не приведен в действие план «Барбаросса» и небывалая в истории армия из 170 фашистских дивизий не подошла к нашим границам, а война уже идет. Невидимая, тайная, но не менее ожесточенная.

Работают на полный ход шпионско-диверсионные школы. Фашистские вербовщики рыщут по Европе, выискивая «благонадежных», белогвардейских эмигрантов. В лабораториях абвера, в технологическом институте под Берлином, который находится в его ведении, ученые и инженеры испытывают мощную взрывчатку и яды, конструируют новую диверсионную технику, оружие, экипировку, документы прикрытия. В диверсионно-разведывательных формированиях (в полку, а потом дивизии «Бранденбург-800», в учебном полку «Курфюрст», в батальонах «Бергман») отрабатываются новые приемы диверсионных операций.

И вот наступает май 1941 года. На западе нашей страны то там, то здесь вспыхивают пожары, горят склады, торфоразработки, леса. Только в Таурагском и Тракайском приграничных уездах Литовской ССР выгорает 600 гектаров леса. На тушение пожаров брошены пограничники, воинские части, население. Среди местных жителей все чаще возникают отравления.

Это действует план «Барбаросса». Сигнал дан. Гитлеровская разведка начала агентурное наступление в приграничные районы Советского Союза. Возле Белостока задержаны диверсанты с таблетками, содержащими сильный концентрат сибирской язвы.

Органы государственной безопасности приведены в боевую готовность. Начинается массовое вылавливание немецких диверсантов. Именно массовое: за четыре дня июня — с 18 по 22 — лишь на одном Минском направлении чекисты задерживают и обезвреживают несколько десятков диверсионных групп.

Наступает 22 июня. Война. Враг развертывает массовые диверсионные операции. Под Варшавой действует специальный орган, который руководит только диверсиями во фронтовой полосе, — «Валли II». Гитлеровцы торопятся. На отдельных направлениях им удается добиться успеха. Где-то разрушена связь, нарушено управление советскими войсками, в другом месте пущен под откос эшелон с военной техникой, точно обозначены цели для гитлеровской авиации. В районе Каунаса взорваны железнодорожные пути, закупорены туннели. В Прибалтике диверсантам удается сколотить бандитские группы из буржуазных националистов.

Но даже в это трудное для нас время немецкая разведка не смогла выполнить свои диверсионные планы.

Противник собирался поднять вооруженное выступление во Львове буржуазных националистов.

Это ему не удалось. Диверсанты были выловлены и обезврежены.

В Москву и ее пригороды заброшено несколько групп агентов. Их задача — устроить массовые диверсии, взорвать высоковольтную линию Углич — Москва. Но и здесь осечка. Четко действуют особые отделы, территориальные органы госбезопасности, войска по охране тыла. Неудача постигает и немецкую армию, наступление захлебывается.

Итак, расчет на молниеносную войну терпит провал. Перед гитлеровской разведкой возникают непредвиденные трудности. Все источники пополнения диверсионной агентуры исчерпаны, а война только разгорается. Где взять людей для диверсий? Один из руководителей абвера II, Эрвин Штольце, предлагает Канарису вербовать их среди военнопленных Красной Армии. Расчет при этом делается на лиц, враждебных Советской власти. Но таких оказывается чрезвычайно мало. Гитлер раздражен. В директиве от 18 декабря 1941 года он указывает: «Пленные, в особенности молодое поколение, беззаветно преданы большевикам. Они способны на всякую низость...»

Но других источников агентуры нет, и машина приводится в действие. В ход идут испытанные приемы — обман, провокации. Военнопленных одной национальности натравливают на другую, создаются националистические, религиозные союзы, комитеты. Немцы стараются поставить пленных перед выбором: или умереть под пулями, от голода, болезней, или пойти работать на фашистскую разведку. Согласившихся служить тщательно проверяют.

Диверсионной деятельностью занимается и вотчина Гиммлера — главное управление имперской безопасности. В начале 1942 года здесь создается специальный орган «Цеппелин». Его задача — забрасывать агентуру не в прифронтовую полосу, этим занимается «Валли II», а в глубокий тыл Советского Союза. Тут агенты «Цеппелина» должны заниматься шпионажем, антисоветской агитацией, совершать диверсии.

Все продумано, все взвешено. Созданы специальные «зондеркоманды» и подчиненные им диверсионные школы и лагеря. Причем количество школ все время увеличивается. По данным отчета, подписанного начальником «Цеппелина», только по одной из его команд «зюд» и в трех лагерях 12 августа 1942 года одновременно проходило проверку и подготовку свыше 2000 агентов-диверсантов. Всего же к концу 1942 года одновременно проходило подготовку в различных диверсионных школах более 10 тысяч человек!

Разработаны планы операций. Одна из них носит выразительное название «Волжский вал». Руководитель диверсионной группы «Цеппелин-норд» расскажет потом на допросе советским контрразведчикам о существе этой операции:

«Дело в том, что заброска мелких групп диверсантов в глубокий тыл не давала должного эффекта. Поэтому ставилась задача организовать на советской территории крупные диверсионные формирования.

В первую очередь было намечено нанести удар по советским коммуникациям, связывающим Урал с фронтом, и по оборонной уральско-сибирской промышленности. Это предполагалось осуществить, организовав одновременный взрыв нескольких мостов через Волгу, причем коммуникации должны были выйти из строя на продолжительное время. Результат диверсии незамедлительно сказался бы на положении советского фронта.

Кроме того, по мнению руководителей «Цеппелин-норд», подобные диверсии могли убедить население в наличии внутри государства сил, враждебных Советской власти.

Мы рассчитывали, что для ликвидации диверсионных групп крупного масштаба потребуется помощь действующих частей Красной Армии — местные органы не в состоянии оказать должное сопротивление диверсионным формированиям. Крупные, хорошо вооруженные группы сумеют привлечь на свою сторону немецких военнопленных, освобожденных ими из лагерей. Растущие диверсионные группы будут останавливать поезда с оружием и вооружать лиц, присоединившихся к ним».

Частичной реализацией этого плана была заброска в 1943 году в Пермскую область большой агентурной группы. Руководил ею белоэмигрант Семенов. Группа должна была совершать диверсионные акты на железных дорогах, заводах и электростанциях Урала и Сибири. Агенты были переловлены, так и не успев развернуть своих действий. Фашистская разведка забрасывает диверсионные группы в район Архангельска, на Северный Кавказ, под Сталинград, на Урал. Гитлеровцам удается совершить ряд диверсий. Но борьбу опять выигрывает наша контрразведка: важные объекты оборонной промышленности надежно защищены, каналы проникновения к ним умело перекрыты.

И все же жизнь, условия борьбы требуют от нашей контрразведки новой тактики, новой стратегии. В дуэли двух разведок и контрразведок — советской и фашистской — может победить только профессионально более сильный и опытный боец. Чтобы успешно бороться с вражеской разведкой, нужно знать ее планы.

А как их узнать?

Перед нашей контрразведкой встает задача: парализовать работу абвера и «Цеппелина», отобрать у них инициативу, использовать их агентуру в своих целях.

Этого удается добиться в 1943 году.

К этому времени органы государственной безопасности уже не только знают структуру разведки противника, приемы и методы ее работы, но и осведомлены о важнейших планах и операциях гитлеровской диверсионной службы. Чекистское искусство находится на такой высоте, что позволяет внедриться в руководящие органы вражеской разведки, в ее школы.

Не надо думать, что войти в доверие абверовцев было делом несложным. Каждый, кто вступает в контакт с абвером, тщательно проверяется и перепроверяется. Вот как это было с советским контрразведчиком Овчинниковым, когда он возвратился в немецкий разведывательно-диверсионный орган после якобы выполненного в нашем тылу задания.

Первый вопрос, который задают ему абверовцы, — не связан ли Овчинников с НКВД? Затем зондерфюрер Зингер два дня беседует с ним. Овчинников подробно рассказывает о пребывании в советском тылу. Зондерфюрер делает письменные заметки, несколько раз уточняет детали, расспрашивает о мелочах. Потом Овчинникову приказывают составить подробный отчет. Через несколько дней его вызывает к себе на квартиру сотрудник абвера Себастьян. Он ста-

рается напоить Овчинникова водкой и выспрашивает то же, что и Зингер.

В комнату, где содержится советский контрразведчик, заходят немецкие агенты Антон и Дмитрий. Они щедро угощают его водкой и под видом того, что и им скоро лететь на задание, также заводят разговор о пребывании в тылу. Это уже четвертый этап проверки.

Тем временем Овчинникова производят в лейтенанты и вручают ему две медали «За храбрость». Но проверка продолжается.

Однажды контрразведчика вызвал Зингер. Он спросил прямо:

— Почему вы не женитесь?

Овчинникова этот вопрос не смутил:

— Я провожу время с Таней — она работает у вас в мастерской. Но о женитьбе пока не думал.

Но зондерфюрер не отстает и каждый раз при встрече спрашивает о женитьбе. И Овчинников соглашается.

Свадьбу организовали быстро. Отпустили 750 марок, ящик водки и 25 пайков.

Вскоре Овчинников заметил, что жена ведет себя неискренне, задает провокационные вопросы, спрашивает: «Почему ты работаешь против своих?» Таня специально подослана к нему, чтобы выведать его истинное настроение.

Но и это еще не все. За неделю до отправки на задание Зингер, вручив ему документы, просит их тщательно осмотреть. Документы оформлены неправильно. И просьба Зингера и ошибки в документах наводят на подозрение, что это тоже проверка с целью определить, насколько Овчинникова беспокоит собственная безопасность. Он возвращает документы Зингеру: с такими появляться в тылу нельзя. Замените.

Наши разведчики проникают в полтавскую, смоленскую, минскую и многие другие диверсионные школы. Сегодня уже можно сказать, что советская контрразведка, как правило, располагала информацией о гитлеровской агентуре еще до того, как начиналась ее заброска.

В отличие от абвера «Цеппелин» метит дальше — за сотни и тысячи километров от линии фронта. В июне 1943 года он забрасывает диверсионную группу на территорию Туркменской ССР. Задание — совершать диверсионные акты на железной дороге Красноводск — Ташкент и на Чирчикском комбинате. Двое из диверсантов погибают в песках Каракумов, остальные задержаны чекистами. У них изымается оружие, взрывчатые вещества, рация, миллион рублей. Та же участь постигает диверсантов «Цеппелина», засланных в Гурьевскую область.

В этом же месяце в устье Печоры высаживаются 11 агентов во главе с бывшим офицером колчаковской армии Николаевым. Основная задача — вывести из строя Северо-Печорскую железную дорогу, сорвать перевозки угля и нефти из Воркуты и Ухты в центр. Но группа, состоявшая из советских военнопленных, не совершает ни одной диверсии. Сразу же после приземления агенты убивают Николаева и добровольно приходят в органы госбезопасности.

Немецкие руководители просчитались в ставке на советских военнопленных. Им не помогли ни угрозы, ни обработка в антисоветском духе. Более половины диверсантов, завербованных из советских военнопленных, после переброски в тыл Красной Армии являлись с повинной. Руководители фашистской разведки с раздражением отмечают: «Коммунистическая идеология оказалась слишком живучей среди военнопленных».

Приходится перестраиваться на ходу. Не получается с военнопленными — значит надо шире вербовать агентуру среди населения временно оккупированных районов. В основном среди уголовников, к услугам которых гитлеровцы прибегали и раньше. «Бывших и настоящих», — подсказывает начальник Аушвицкого учебного лагеря «Цеппелина» оберштурмбанфюрер СС Гиртс. Он выражает общее мнение руководителей диверсионных операций: «Если я хочу ввести агента в дело, то он может быть всем, чем угодно, только не с коммунистическими задатками, не маменькиным сынком и не тепличным цветком. Было бы гораздо ценнее, если бы он имел определенную склонность к преступлению».

И гитлеровцы вербуют уголовников. Но и тут осечка: воры и бандиты вовсе не торопятся отдавать жизнь за фюрера.

Тогда возникает чудовищный план: использовать в качестве диверсантов детей. Гитлеровцы рассчитывают, что подростки-диверсанты не привлекут внимания советской контрразведки. Да и население будет снисходительно к ним. Ну кому придет в голову, что мальчишка, который играет на железнодорожной насыпи, на самом деле закладывает мину под рельсы.

В Гемфурте, в районе города Касселя, создается детская диверсионная школа. Специальные команды СД рыщут по концлагерям, селам, деревням на оккупированной советской земле. Детей отбирают силой у родителей. Основную массу поставляют детские дома, которые не успели эвакуироваться. Истощенных и больных уничтожают, крепеньких увозят. Будущим диверсантам вдалбливают, что они дети великой Германии, что Советской России уже нет и никогда не будет. Их опекают «заботливые» инструкторы, которые разрешают делать все, что когда-то запрещали папы и мамы. Инструкторы поощряют драки, проповедуют культ силы, учат детей быть жестокими. Их везут на экскурсию по городам Германии, их водят по зоологическим садам, показывают стадионы, школы.

В ночь с 28 на 29 августа и 1 сентября 1943 года большую группу детей на парашютах сбрасывают в тыл Красной Армии от Калинина до Харькова. Каждый одет в поношенную одежду, в торбах — продукты и мины, замаскированные под куски каменного угля. Они должны подбрасывать их в тендеры паровозов или склады угля.

Но и эта операция проваливается.

Перед нами написанный в те дни чекистами документ.

Сообщение о явке двух диверсантов-подростков.

1 сентября 1943 года в штаб воинской части города Плавска Тульской области явились два подростка: Михаил, 15 лет, и Петр, 13 лет. Они заявили, что заброшены вместе с другими диверсантами-подростками для подбрасывания взрывчатки в тендеры паровозов. Обучались на даче под городом Касселем. Миша рассказывает:

«...Почти все бывшие детдомовцы, зная, что им надо будет совершать диверсии, договорились втихомолку не выполнять задания немцев, не вредить своим, а сразу явиться в любой штаб Красной Армии и все рассказать...»

Все дети вместе с парашютами и взрывчаткой

сами идут в воинские части, милицию, органы государственной безопасности и рассказывают все о себе, о товарищах и школе, где они учились.

Советская контрразведка принимает решение ликвидировать школу, которая к тому времени передислоцировалась в Польшу. Туда посылается наш разведчик, который склоняет заместителя начальника школы на свою сторону и выводит всех детей в расположение войск Красной Армии.

Снова провал.

Гиммлер взбешен. «Основная задача — провести диверсионную и иную подрывную деятельность выполнена плохо», — заявляет он в директиве, адресованной своим сотрудникам. Начинается поиск причин массовых провалов диверсионных операций. Гитлеровцы видят их прежде всего в недоброкачественном подборе агентуры.

Поэтому с 1944 года все службы разведки начинают тщательно готовить и проверять своих агентов. Прежде чем использовать в диверсионных операциях, их заставляют пройти «стажировку» в карательных командах и отрядах. Основную ставку делают на буржуазных националистов Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики. Из этой агентуры создают диверсионно-разведывательные формирования и вооруженное подполье, которое должно действовать на территории, освобождаемой Красной Армией. Вместе с агентурой остаются инструкторы, оружие, боеприпасы. Немецкая разведка руководит националистическими бандами до конца войны. Нашим оперативным группам приходится прилагать немало сил, чтобы обезвредить диверсионные банды. Завязываются бои, в которых гибнет много чекистов.

Наступает 1944 год. Приближается крах рейха. «Цеппелин» готовит операцию, цель которой — уничтожение руководителей партии и Советского правительства. На операцию расходуют более 7 миллионов марок. Конструируют специальный портативный фаустпатрон «панцернакке», магнитные мины, взрывающиеся по радиосигналу с расстояния нескольких километров... Подобраны агенты — муж и жена. В Берлине и Риге их тщательно готовят Скорцени и другие специалисты «мокрого дела».

В кругах «Цеппелина» эту операцию считают «крупным номером», который должен обеспечить «Цеппелину» почести и славу. 5 сентября 1944 года на самолете «арадо-332», оснащенном «вездеходным» двадцатиколесным шасси, агентов перебрасывают в район Карманово Смоленской области. Из самолета на мотоцикле с коляской выезжает майор, Герой Советского Союза, с женой-радисткой. Она тоже военнослужащая. Они едут по Минскому шоссе в Москву. В коляске, кроме рации, семь пистолетов, заряженных отравленными разрывными пулями.

Но колхозники видели посадку самолета. Они сообщают чекистам. Те останавливают мотоцикл и задерживают агентов.

От их имени чекисты связываются с «Цеппелином». Игра ведется до самой капитуляции фашистской Германии. До мая 1945 года гитлеровская разведка не сомневалась, что агенты работают на нее и готовят выполнение задания в Москве, и поэтому не предпринимала мер к заброске другой группы с аналогичным заданием.

Советская Армия победно шествует по землям Польши, Чехословакии, Румынии, Германии. Теперь для немецкой разведки шпионские операции в глубоком тылу теряют смысл. Разведка ведется в ближайшем тылу наших войск. Основной упор делается на диверсии. Характер агентуры меняется. Сейчас она состоит преимущественно из немцев, говорящих по-польски, по-румынски, по-словацки... Таким легче затеряться в колоннах беженцев и иностранных граждан. С этой же целью привлекаются немцы, получившие различные увечья, ранения. Техническая оснащенность агентов совершенствуется. В лабораториях и институтах разведки создаются новые портативные мины-сюрпризы, бесшумное оружие, более мощные взрывчатые вещества — часто их маскируют под подошву для обуви или маргарин, который диверсант в случае опасности может съесть без вреда для здоровья.

Происходят изменения и в структуре немецкой разведки. Абвер лишен самостоятельности и теперь подчиняется Гиммлеру. Тот создает новый диверсионный орган «Ягдсфербанд». Его возглавляет Скорцени — организатор похищения Муссолини в июле 1943 года. В пяти школах нового диверсионного центра учатся сразу по 600—700 агентов, которые набраны в подразделениях СС, СД, СА.

И хотя это лучшее, что может себе позволить гитлеровская разведка, диверсионные группы «Ягдсфербанд» проваливаются так же, как и их предшественники. Несмотря на несколько удачных операций, таких, как взрыв переправы через Одер, «Ягдсфербанд» прекращает свое существование. Наступление Советской Армии подобно ледоходу, его уже нельзя остановить.

Тогда в недрах германской разведки рождается план малой войны — «Клайн криг». На территории Германии создается обширная подпольная организация. Это «Вервольф» и «Корпус Гитлера» — глубоко законспирированное нацистское подполье. Его руководителями назначаются Борман, Гиммлер, Кальтенбруннер и Лей. Советская военная контрразведка ликвидирует и это подполье. Некоторые его главари укрываются в американской зоне.

Дуэль, продолжавшаяся несколько лет, оканчивается победой чекистов.

Давно отгремели бои. Но тайная война продолжается. Она и сейчас ведется империалистическими разведками США, Англии, Западной Германии, взявшими на вооружение многое из арсеналов немецко-фашистской разведки. Американские стратеги возвели диверсию на уровень официальной политики, закрепили в уставах специально созданных диверсионных формирований и широко применяют ее против стран социалистического лагеря и национально-освободительного движения.

ЗАГОВОР ПРОТИВ

В 1943 году, когда решался вопрос о встрече глав правительств трех держав, местом конференции был избран Иран.

Несмотря на то, что переписка об этом велась в строго секретном порядке, сведения о проектирующейся встрече просочились к фашистам, которые решили организовать покушение на жизнь Большой тройки. Однако их планы были сорваны.

Возвратившись после тегеранской встречи в Вашингтон, Рузвельт сообщил на пресс-конференции, что он остановился в русском посольстве в Тегеране, а не в американском, чтобы избежать разъездов по городу, потому что Сталину стало известно о германском заговоре.

(Газета «Правда» от 19 декабря 1943 г.)

О неудавшемся заговоре нацистов много писалось в зарубежной прессе, в различных мемуарах, воспоминаниях. В Советском Союзе об этом факте упоминалось в произведениях Д. Н. Медведева и А. А. Лукина. Однако о том, как заговор был предотвращен, никаких данных опубликовано до сих пор не было.

В 1964 году проживающий в Мадриде бывший начальник секретной службы СС Отто Скорцени в беседе с корреспондентом парижского «Экспресса» заявил, в частности, следующее: «Из всех забавных (!) историй, которые рассказывают обо мне, самые забавные — это те, что написаны историками. Они утверждают, что я должен был со своей командой похитить Рузвельта во время Ялтинской конференции. Это глупость: никогда мне Гитлер не приказывал этого. Сейчас я вам скажу правду по поводу этой истории: в действительности Гитлер приказал мне похитить Рузвельта во время п р е д ы д у щ е й конференции — той, что проходила в Тегеране... Но бац! (смеется)... из-за различных причин это дело не удалось обделать с достаточным успехом...»

(Газета «Правда» от 18 ноября 1964 г.)

1

В тишине одного из кабинетов абвера прожужжал телефон.

— Майор Шульц, — ответил хозяин кабинета, разбиравший до этого кипу персидских газет.

— Вас хочет видеть бригаденфюрер Шелленберг. Он ждет в Главном управлении имперской безопасности.

Шульц сразу узнал голос непосредственного шефа, говорившего глухо, с хрипотцой.

— Надо взять с собой какие-нибудь документы?

— Нет, это что-то касающееся лично вас.

Положив трубку, Шульц встал из-за стола и несколько раз прошелся по комнате. Зачем он, незаметный офицер абвера, понадобился Шелленбергу — корифею разведки?

— Принц-Альбрехтштрассе! — бросил он шоферу, снял фуражку и, приглаживая свою густую русую шевелюру, задумался: с чем мог быть связан этот вызов?

Шульцу недавно исполнилось тридцать три года. На вид ему можно было дать значительно меньше. С чуть вздернутым носом, темно-голубыми глазами, он не был похож на немца, его скорее можно было принять за русского, но немецкое происхождение Шульца никогда и ни у кого не вызывало сомнений. Все знали, что он племянник Ганса Шульца — видного деятеля нацистской партии, ушедшего незадолго до войны на покой.

...Кивнув представившемуся Шульцу, Шелленберг указал глазами на кресло у стола.

— Остались ли у вас какие-либо доверенные связи в Иране? — без всяких предисловий начал он.

У Шульца сразу отлегло от души. Вот, оказывается, зачем он понадобился. Ему пришлось несколько лет находиться по линии абвера в командировке в Иране.

— Вам, поскольку занимаетесь Ираном, должно быть известно, — продолжал Шелленберг, — что обстановка сейчас там сложная. Мы многих потеряли после вторжения туда войск большевиков и англичан. Наша агентура, оставшаяся в Иране, ничего не в состоянии сделать, занята лишь заботами, как лучше укрыться. А у нас возникла необходимость провести в Тегеране очень серьезную операцию. Для этого там нужен надежный человек, способный укрыть нескольких наших офицеров, которых мы туда перебросим. Необходимо также доверенное лицо на границе Ирана с Турцией.

Шелленберг вопросительно смотрел на Шульца и не сводил с него глаз, пока тот перебирал в уме иранские связи.

— В Тегеране у меня есть человек, которому можно верить вполне. Он немец, переброшен туда недавно, уже после прихода красных. Обосновался под видом польского эмигранта Анджея Глушека. Хорошо привился и находится вне подозрений.

— Это в Тегеране, — Шелленберг взял блокнот и записал туда данные о Глушеке. — А что у вас есть на границе?

— В Иранском Курдистане, недалеко от турецкой границы, кочует курдское племя шейха Асо Каземи. Шейх учился в Германии, я был с ним знаком еще по университету. Он полюбил Германию и всецело на нашей стороне. В бытность мою в Иране я продолжал дружбу с ним. Он помогал мне в довольно рискованных делах.

Шелленберг опять обратился к блокноту.

— О нашем разговоре и о людях, названных здесь, должны знать только я и вы.

Он поднял глаза, и они так сверкнули, что не было нужды разъяснять, какая кара ожидает нарушившего это условие.

— Жду вас завтра в это же время, — сказал Шелленберг и отодвинул блокнот в сторону.

Шульц долго обдумывал, что сказать своему шефу о вызове к Шелленбергу, но ничего вразумительного придумать не мог. К счастью, его никто об этом не спрашивал, все понимали: расспрашивать не следует. Шеф был доволен, что сотрудник возвратился, а не канул в вечность, как многие.

На следующий день Шелленберг был значительно любезнее. Приглашая сесть, он даже попытался улыбнуться.

— Мы включили вас в операцию. Поэтому буду откровенен. В ближайшее время в Тегеране должны собраться Рузвельт, Черчилль и Сталин. Наша задача — сорвать эту встречу. Удачный исход задуманного может благоприятно для нас сказаться на ходе войны. Операцией интересуется сам фюрер. — И Шелленберг с благоговением закатил глаза. — Основную роль в операции сыграют несколько боевых офицеров. Мы сбросим их на парашютах в расположение племени вашего шейха, а поляк должен укрыть их в Тегеране, когда вы от шейха доставите туда наших храбрецов.

Помолчав несколько минут, Шелленберг осведомился:

— По каким документам вы были ранее в Иране?

— По паспорту швейцарского подданного Самуэля Зульцера, коммерсанта.

— Завтра же по дипломатическим документам, которые я вам вручу, нужно выехать в Швейцарию, получить там у чиновника нашего посольства Лиденблатта необходимые документы на имя Самуэля Зульцера и оттуда, не задерживаясь, в Иран. Необходимая сумма денег вам будет передана в Швейцарии.

Шелленберг поднялся из-за стола.

— По указанию фюрера в целях сохранения тайны все участники этой операции с завтрашнего дня переходят на казарменное положение, без общения с внешним миром. На свободе остаетесь вы один, и если слухи об операции разойдутся, то будет ясно, откуда они исходят. Возвращаться в абвер не надо, так же как и звонить туда по телефону или писать. Пусть думают, что вы попали от нас в каменный мешок.

2

Вниз по Театральному проезду, искусно лавируя между военными грузовиками и автобусами, неслась юркая «эмка».

В машине чекист в форме полковника то и дело просил шофера:

— Нельзя ли быстрее?

Тот, не отвечая, жал на акселератор.

На Манежной площади автомобиль развернулся и остановился у кремлевских ворот.

Полковник выскочил из машины, предъявил пропуск и прошел в Кремль, к зданию Совнаркома.

В приемной на втором этаже было пусто, рядом в кабинете шло совещание, на котором находился ответственный работник органов государственной безопасности генерал-майор Василий Иванович Панков, который был нужен полковнику.

Дежурный, выслушав просьбу полковника, скрылся за тяжелой дубовой дверью и через несколько минут появился вместе с Панковым.

Высокий, худой, немного сутулый генерал с тревогой посмотрел на своего помощника. Он знал, что полковник Авдеев не стал бы вызывать его с очень серьезного совещания по пустякам.

— Что стряслось, Николай Федорович? — спросил он и, показав в угол, где стояли у столика два кресла, сказал: — Пойдемте туда.

— Получены данные, что гитлеровцы готовят покушение на Большую тройку во время Тегеранской конференции.

— Из каких источников?

— Из Берлина, от Ильи Светлова. Редко пишет, но уж если пришлет весточку, то обязательно о чем-то важном, — ответил Авдеев, передавая генералу расшифрованное донесение.

Прочтя его, Панков задумался.

— Вы не захватили досье на Светлова?

Авдеев вынул из портфеля папку.

Перелистав дело, Панков долго всматривался в застывшее на фотографии изображение Ганса Венцеля.

— Помните, как он помог нам в разгроме нацистской агентуры в Иране после вступления туда наших войск? — напомнил полковник.

Но Панков словно не слышал этих слов.

— Что мы делали бы сейчас, если бы наше правительство согласилось на встречу Большой тройки под Каиром или где-то поблизости от Багдада, как предлагал президент Рузвельт? — сказал он. — Там немцам было бы легко осуществить свой замысел. В Иране все-таки стоят наши и английские войска.

— А чем мотивировал президент, предлагая другие места?

— Предложение о созыве Большой тройки поступило от Рузвельта и Черчилля в августе 1943 года, но место, которое предложили они, не устроило Сталина из-за отдаленности от Москвы. В письме Рузвельту от 8 сентября 1943 года он предложил Иран. Рузвельт долго не соглашался, ссылаясь на то, что в районе Тегерана часто бывает нелетная погода и ему трудно будет сноситься с конгрессом, поскольку радио и телеграф для этого не подходят. Лишь через два месяца, 8 ноября, Рузвельт дал согласие встретиться в Тегеране и предложил назначить конференцию на последние числа ноября 1943 года. Наше и английское правительства не возражали против этого. Условились в дальнейшей переписке держать все в строгой тайне. Тегеран теперь называют в переписке «Каир-Три», а встречу — «Эврикой».

— Откуда все же к немцам просочились сведения о встрече? Жаль, что Светлов не имеет сейчас возможности выяснить это. Впрочем, на этом пока закончим, — сказал, поднимаясь, Панков. — Надо доложить о полученных сведениях на совещании.

3

Прямо с вокзала в Берне Шульц пошел на встречу с Линденблаттом, о котором говорил Шелленберг. Линденблатт встретил его любезно и вручил необходимые документы.

Из посольства Шульц вышел швейцарским гражданином Самуэлем Зульцером с паспортом, дающим право выезда в Иран.

«Последнее официальное лицо нацистской Германии, с которым мне пришлось столкнуться, — подумал он о Линденблатте. — Неужели я избавлен на долгое время от необходимости восторгаться победами нацистов?»

Сейчас с швейцарским паспортом в кармане Илья Светлов чувствовал себя почти счастливым. Он зашел в кафе, сел за столик и, развернув перед собой газеты, погрузился в размышления.

Ему казалось, что он приближается к возвращению на Родину, ко всему, что оставил около десяти лет назад, чтобы выполнить задание. Вспомнились красивые чистые домики немецкой колонии Еленендорф, в которой он родился и вырос. Отец Ильи Светлова — Афанасий Кириллович был единственным русским в колонии и работал виноделом в местном винодельческом кооперативе. Илья рос среди немецкой детворы, владел немецким языком не хуже родного, учился в местной школе. Он очень дружил с Вальтером Шульцем, сыном бухгалтера кооператива, с которым жил в одном доме. Оба они потеряли родителей, и это их сблизило еще больше. По окончании средней школы Илья был послан комсомолом на работу в органы ГПУ. За год службы там он словно прошел немалый жизненный путь.

Встречаясь с Вальтером, он нередко поражался его наивности, но это не мешало им дружить. Как-то Вальтер поделился с ним, что получил письмо от брата отца, Ганса Шульца, проживающего в Германии. У него умерла жена, детей не было, и поэтому он просил дорогого племянника, которого никогда не видел, скрасить его одиночество. Дядя обещал помочь Вальтеру получить высшее образование. Но Вальтер не хотел ехать, у него была невеста, русская девушка, и он не мог ее оставить.

Когда Илья рассказал об этом на службе, было решено использовать нежелание Вальтера ехать к дяде. Вместо него поехал Илья с заданием проникнуть на работу в германские разведывательные органы...

Вспоминая все это, Илья особенно сильно почувствовал тоску по Родине. Бросив газету, он вышел из кафе, не зная, как скоротать несколько часов, оставшихся до отхода поезда.

Пассажирский самолет приближался к Баку. Здесь он должен был приземлиться на несколько часов, а потом лететь дальше, в Тегеран. В числе пассажиров были генерал Панков и полковник Авдеев.

На аэродроме их встретил сотрудник местного аппарата органов государственной безопасности и, проводив в служебное помещение, вручил сообщение из Москвы, посланное им вдогонку. Это было донесение командира партизанского отряда Медведева, который сообщал о подготовке террористического акта против Большой тройки, о вербовке для участия в этом советского разведчика Николая Кузнецова, действовавшего в тылу у немцев под видом гитлеровского офицера. В донесении указывалось, что вербовавший разведчик фон Ортель, не доведя дела до конца, внезапно исчез.

— Видимо, его вызвали в Берлин и перевели на казарменное положение, как и других участников заговора, — заметил Панков. — Думаю, необходимо перебросить в Тегеран для усиления охраны конференции полк наших пограничников и решить, кому конкретно можно сейчас поручить в Тегеране обнаружить немецкого агента.

— Самым подходящим для этого будет Олег Смирнов. Прекрасно говорит по-персидски, знает страну, литературу, имеет там обширные связи, а главное — внешне ничем не отличается от окружающих. Ну чистый перс! Вот только любит щегольнуть персидскими пословицами, — улыбнулся Авдеев.

...Через три часа Панков и Авдеев ехали на машине с тегеранского аэродрома в город, в советское посольство.

Представившись советнику посольства, они направились в одно из военных учреждений, в помещении которого им предстояло работать.

Смирнов был предупрежден о том, что он понадобится, и поэтому явился туда буквально через несколько минут.

Он радостно пожал руки Панкову и Авдееву. Панков пригласил его сесть.

— Давайте сразу же перейдем к делу, — сказал Панков. — Нам надо срочно установить в Тегеране немецкого агента, легализировавшегося под видом польского эмигранта Анджея Глушека. Что вы можете предпринять, не прибегая к расспросам людей?

Смирнов, помедлив, сказал:

— Самый быстрый и удобный случай — попытаться установить поляка по книге местной полиции, в которой учитываются эмигранты, проживающие в Тегеране, указаны род занятий, адрес и другие сведения. В полиции знают меня как представителя советских военных властей и дают эту книгу беспрекословно.

В тот же день Смирнов доложил результаты поисков Панкову и Авдееву.

— Анджей Глушек, пятидесяти лет, проживает в Хиабане Казвин в собственном доме, прибыл в Иран в 1943 году как эмигрант из Польши. Установленное за ним наблюдение даст возможность получить более подробные данные.

Вскоре Смирновым было выяснено, что Глушек почти нигде не бывает, целые дни проводит на работе в строительной фирме. Выглядит он старше своих пятидесяти лет. Внешне неопрятен, вообще производит впечатление безобидного старого болтуна.

— Скорее всего это маскировка. Неплохой способ поставить себя вне подозрений, — заметил Авдеев.

— Вечером он встретился в конспиративной обстановке с каким-то русским, — продолжал Смирнов, — видимо, белоэмигрантом. Этого мы пока не выяснили.

— Это не русский, а немец, — улыбнулся Панков, когда Смирнов описал внешность Светлова. — Он нам известен, и наблюдать за ним не следует.

На следующий день Илья Светлов дал знать о себе. Поздно вечером на одной из немноголюдных улиц он сел в автомобиль, управляемый Авдеевым. Когда они приехали на квартиру, где ждал их Панков, радости Ильи не было предела. Он долго рассказывал о себе, о своих переживаниях, о тоске по Родине, прежде чем перейти к делу.

Изложив подробно разговор с Шелленбергом, Илья рассказал затем о встрече с Глушеком и о том, что тот наметил поместить террористов, когда они прибудут от шейха, в ночной притон Гусейн-хана, профашистски настроенного человека, который открыл свое заведение на деньги немцев, но потерял связь с благодетелями, бежавшими из Ирана.

Описывая Глушека, Илья подчеркнул, что этот очень дельный и собранный человек старается казаться старше своих лет, болтливым и неопрятным, чтобы лучше законспирироваться.

Было решено, что Светлов выедет в Курдистан и встретится с шейхом.

5

Поздно ночью Олег Смирнов вышел из машины в одном из переулков на окраине Тегерана.

Он свернул за угол и попал на небольшую площадь, где на одном из домов виднелась выцветшая от солнца и дождей вывеска чайной. Дверь была не заперта. Узкий проход, напоминающий туннель, привел в полукруглый зал, из которого несколько проемов без дверей, прикрытых дырявыми занавесками, вели в смежные комнаты.

Смирнов прошел мимо, на него не обратили никакого внимания.

Посетители чайной сидели группами на полу, застеленном соломенными цыновками.

Олег заглянул в одну нз смежных комнат с отдернутой заиавеской. На топчане, покрытом обрывками старого ковра, лежал худой, как скелет, мужчнна с землистым лицом и остеклеиевшнмн глазами. Неискушеииый мог подумать, что он умер. На втором топчаие сидел, согнувшнсь, такой же похожий иа мертвеца тнп. Ои держал длнннуюЮ трубку с небольшим фарфоровым шаром иа конце и тяиул нз нее опиум.

Смириов сел около одной нз компаиий, заказал водку, закуску. Отпив глоток н пожевав лаваша, ои обратнлся к своему ближайшему соседу, кряжистому малому с молодым лицом, заросшим густой бородой:

— Как выйтн во двор?

— Пойдем, я как раз иду туда, — сказал тот н подиялся с пола.

В большом дворе прнтоиа стояла мазаика, окна ее были ярко освещены, в них виднелись суетившнеся фигуры. «Вндно, оборудуют помещение», — подумал Олег.

И, словно поймав его мысль, бородатый сказал:

— Гостей ждут. Наверно, какие-ибудь поставщики опнума нли кокаииа.

Увиденного было достаточно, чтобы подтвердить уже имеющиеся сведеиия. Олег покииул прнтон.

6

Светлов пошел в гараж, зиакомый по прежнему пребываиию в Тегеране, и договорнлся о поездке в Курдистан. В тот же вечер Светлов выехал к шейху Асо Каземи.

На следующий день к вечеру он оставнл машииу в небольшом селе, состоявшем из нескольких глииобитиых хижин, теснившихся у мечети.

Владелец единственного здесь каравaн-сарая Ибрагнм-ага был своеобразным полпредом шейха Асо. Он сразу узнал Самузля Зульцера н засуетнлся.

Несмотря иа иепомериую полиоту, Ибрагнм-ага был подвнжеи н быстр. За иесколько минут накрыл для Светлова столик в углу комнаты, провонявшей табаком и перегаром бараньего сала, и встал рядом. Он пытался пуститься в расспросы, нитересуясь, отчего так долго отсутствовал ага Самузль, но Светлов отделывался односложнымн ответами.

Сидевшие поодаль на кошме посетители чайной — курды в широченных шароварах, собранных у щиколоткн, н выцветшнх куртках шепталн друг другу, поглядывая иа Светлова:

— Посланец Гейдара.

Это заключение было основано нсключительно на том, что раз европеец направляется, как оии успели узнать, к шейху Асо, следовательио, он иемец н близок к Гитлеру. О связях шейха Асо с Берлином было широко известно.

Наскоро поев, Светлов верхом в сопровождениии двух вооруженных курдов поехал в кочевье племеин шейха Асо.

Ехали долго. Наконец в долиие, окаймленной громадой горных кряжей, показалнсь палаткн кочевинков.

Уже смеркалось, когда Светлов добрался до палатки шейха.

Приезд ага Самузля застал шейха врасплох: он вскочил с подушек, разбросанных на ковре, и, выкннув руку, крнкнул во весь голос:

— Хайль Гитлер!

Светлов чуть не рассмеялся, до того комичен был шейх в этой позе. Шнрокие голубые шаровары, зеленая вышитая куртка н огромиая чалма нз цветных платков, обвязанных вокруг войлочной шапки, делали его похожнм иа какого-то диковинного восточного божка.

Все зиалн, что шейх, еще будучи студентом в Берлиие, увлекся фашистской пропагандой. Больше всего ему импонировали свойствеиные нацизму солдафоиство н муштра.

В палатке сидели также несколько седобородых курдов в просторных буриусах, вндимо, старейшины племенн. После того как Светлов поздоровался с ннмн, бородачн вышли нз палаткн.

Оставшись иаедние с шейхом, Светлов рассказал о цели своего прнезда. Шейх был очень горд оказаиным ему доверием и сейчас же повел гостя показывать площадки, иа которые можно приземлиться парашютистам.

Светлов передал ему солндную сумму на расходы, связанные с прнемом парашютнстов. Шейх расплылся от удовольствия.

Раио утром Светлов решил, ссылаясь на заиятость, выехать в Тегеран.

...По возвращенин из Курднстана Светлов связался с Берлнном и сообщнл точные коордннаты места приземлеиия парашютнстов н о готовиости шейха прнiнять нх.

...Через иесколько дней состоялась еще одиа встреча Панкова и Авдеева с Ильей Светловым. Он рассказал, что в ответ на его сообщеиие в Берлнн последовала радиограмма, в которой назывался день прибытня немецкнх парашютнстов и указывалось, что в расположенне племенн шейха Асо их доставнт транспортный самолет со стороны Турции. Светлову предлагалось выехать к шейху н ждать там парашютистов, а затем доставнть их в Тегеран в подготовленное укрытне. В заключение требовалось об их прибытин иемедлеино сообщить.

— Допускать прнземление парашютистов в расположеиии курдского племеии нельзя. Оии могут уйти из-под нашего контроля, а это перед иачалом конфереицни очеиь опасио, — сказал Панков.

— Необходимо, чтобы иедалеко от расположеиия племенн находилась иа всякнй случай наша часть, — предложнл Авдеев.

7

Советскнй аэродром недалеко от турецкой н нранской граннц. В небольшом деревянном доме собралась группа чекистов во главе с генералом Паиковым и полковником Авдеевым.

Около каждого из них лежал на полу парашют, наготове был и транспортный самолет.

В комнате, несмотря на присутствие большого количества людей, было тихо. Все с напряжением следили за переговорами Панкова с головным звена истребителей, поднявшихся навстречу самолету, который появился над Ираном с территории Турции. Летчик сообщил, что самолет без опознавательных знаков на предложение приземлиться пошел было за истребителями на советскую территорию, а затем неожиданно изменил курс и полетел в сторону Турции.

Все присутствующие впились взглядами в Панкова.

— Открыть предупредительный огонь, — передал он команду радисту.

Летчик сообщил, что самолет продолжает уходить в сторону Турции.

— Огонь по самолету, — приказал Панков.

Приказание прозвучало спокойно и внятно, хотя все понимали, что генерал очень волнуется.

— Самолет загорелся и, падая, взорвался, — доложили с головного истребителя.

— Передайте, что мы вылетаем к месту падения. Пусть дает нам координаты, — сказал Панков радисту и, обернувшись к присутствующим в комнате, скомандовал: — В самолет!

Выходя из комнаты, сказал радисту:

— Пусть начальник отряда вышлет к месту падения самолета машины и санитарную тоже.

В самолете все сидели молча. Когда внизу на равнине показались еще дымившиеся остатки сбитого самолета, первым прыгнул Панков. Следуя за ним, Авдеев вспомнил о своем больном сердце, но лишь махнул рукой.

Приземлились они благополучно. Взрыв был настолько силен, что от самолета остались лишь обломки, разметанные в радиусе километра. Сравнительно целым оказался мотор немецкого производства, врезавшийся глубоко в землю. Никаких документов, даже простого обрывка бумаги обнаружить не удалось. Но по собранным частям пистолетов, автоматов, миномета, стреляющего снарядами большой разрушительной силы, от взрыва которых, вероятно, все и разлетелось на мелкие частицы, было совершенно очевидно, что на сбитом самолете летела группа террористов, которую поджидал курдский шейх.

Появились машины, посланные из отряда. На месте взрыва уже нечего было делать, и Панков дал команду уезжать.

В ту же ночь группа чекистов отправилась арестовывать Анджея Глушека.

...Многие в Тегеране удивлялись, почему Глушек, будучи материально обеспеченным, не живет там, где все иностранцы, а уединился с одним слугой-иранцем в какой-то лачуге на окраине. Когда его спрашивали об этом, Глушек обычно отвечал, что он бежал туда от городского шума.

Шли по переулкам, сплошь состоявшим из глухих глинобитных заборов. Ожесточенный лай собак преследовал с обеих сторон.

Подошли к дому Глушека, окружили его. Смирнов постучал в калитку. Никакого ответа. Пришлось постучать еще несколько раз. С каждым стуком усиливался лай.

Наконец во дворе заскрипела дверь. Звякнула щеколда, и калитку открыл иранец с фонарем в руках. Поднимаясь с постели, он, видимо, не нашел одежды и накинул на себя одеяло. Встречая гостей, он низко кланялся и гостеприимно разводил руками.

— Не знаю, за что наградил нас аллах, послав столь приятных гостей, — рассыпался он в любезностях, бросая настороженные взгляды в темноту, где виднелась группа советских офицеров.

Неизвестно, сколько времени он продолжал бы изощряться в восточной учтивости, если бы Смирнов не отстранил его и не вошел в дом.

В комнате у кровати стоял Глушек. Стоило ему увидеть советского офицера, как он метнулся к тумбочке, но Смирнов схватил его за руку.

Глушек весь поник, бессильно опустился на кровать.

...Илья Светлов, ездивший к шейху на случай, если немецким парашютистам удастся приземлиться там, возвратился в Тегеран.

8

Олегу Смирнову было поручено выехать в Курдистан, разыскать шейха Асо и, арестовав его, привезти в город Казвин, где расположен штаб наших войск.

Когда Смирнов ушел, генерал Панков сказал Авдееву:

— Николай Федорович, президент Рузвельт будет жить в нашем посольстве. Ему и премьеру Черчиллю сказали о заговоре немцев, о том, что они готовят покушение на Большую тройку. На нас ложится колоссальная ответственность. Надо до максимума усилить охрану конференции, личную охрану глав государств. Не исключено, что у немцев есть второй вариант организации террористического акта, который они попытаются использовать в связи с провалом первого.

...Конференция уже закончилась, и главы трех государств вылетели на родину, когда Смирнов вернулся из Курдистана. Он доложил, что шейх Асо, видимо почувствовав провал террористов, оставил племя на своего брата, а сам бежал. Выслушав доклад, Панков сказал:

— Вот неудача. Но далеко, я думаю, не убежит. — И, подмигнув Авдееву, спросил: — А что сказали бы по этому поводу иранцы?

— «Когда счастье отвернулось, и от киселя ломаются зубы», товарищ генерал, — ответил Смирнов.

И все присутствующие, довольные, что завершено тяжелое и ответственное дело, рассмеялись.

ЭТО БЫЛО В НОВОСОКОЛЬНИКАХ

Там, где скрещиваются железнодорожные пути Москва — Рига, Ленинград — Одесса, расположена станция и город Новосокольники. Почти вся жизнь населения этого городка связана с работой железнодорожного узла.

Сама станция небольшая и даже тихая. Тихая, может быть, оттого, что грохот поездов здесь заглушается зелеными волнами холмов, уходящими в сиреневую даль горизонта.

Много людей проехало через Новосокольники, внешне неприметную и чем-то похожую на другие станцию. Проезжали и по присущей пассажирам обостренной любознательности, наверное, выводили ее название из московских Сокольников.

Может, и здесь когда-то была соколиная охота и жили сокольничьи? А может быть, царские чиновники, не напрягая воображения, просто назвали станцию Новыми Сокольниками?

Но сейчас правильнее было бы назвать ее станцией имени Борзенкова, восстановив малоизвестную историю о людях, которые боролись с врагом на этой станции.

И тогда пассажир прочитал бы о том, как здесь в течение 1941—1942 годов сражались с оккупантами подпольщики-разведчики во главе с коммунистом Николаем Сергеевичем Борзенковым.

Началось это так. Во второй половине июля 1941 года стальная клешня танкового клина немецко-фашистской армии захватила Новосокольники и вонзилась в Великие Луки. Но сибирские полки обрубили ее, освободили город и отбросили врага к Новосокольникам. В течение почти месяца они сдерживали рвавшегося к Москве противника, перемалывая его технику и живую силу. В течение месяца население Новосокольников слушало грохот сражения, надеясь на освобождение. Но силы были неравны, пришлось временно отступать.

Для Новосокольников начались тяжелые дни оккупации. В многоэтажном доме у вокзала запестрели вывески: «ГФП» — тайная полевая полиция — 3-й этаж, полевая жандармерия — 2-й этаж, ортскомендатура — 1-й этаж; здесь же русская полиция, карательный полевой отряд и другие учреждения оккупационной администрации.

«Новый порядок» начался с расстрела коммунистов, лиц еврейской национальности и неблагонадежных людей. Всего в Новосокольниках и прилегающих селах было расстреляно, сожжено и повешено 1172 человека.

Особой заботой оккупантов стал железнодорожный узел — центр пересечения их фронтовых стратегических коммуникаций. Депо, пути, электростанция были разрушены или повреждены, многое оборудование вывезено на восток. Нужно было восстанавливать сложное хозяйство станции, чтобы быстрее пропускать воинские эшелоны.

Большинство населения эвакуировалось, некоторые жители вместе с партийным активом и работниками НКВД ушли в районный партизанский отряд.

Начальник электросилового хозяйства Новосокольнического отделения Калининской железной дороги Борзенков Николай Сергеевич вместе с оборудованием выехал на восток. Но под Торопцом эшелон разбомбили немецкие самолеты, а сам Борзенков оказался в окружении. И Борзенков решил вернуться в Новосокольники. Он намерен был уйти в районный партизанский отряд. Но потом, по прибытии домой, узнал, что отряд в сентябре 1941 года лесами вышел из тыла врага на переформирование.

Скрываясь у знакомых, Борзенков выяснил, что на станции поезда подолгу простаивают, так как связь, депо, поворотный круг, водокачка не работают — нет электроэнергии. Полицейские и агенты ГФП, бургомистры волостей и старосты окрестных деревень ищут специалистов-железнодорожников, знающих станционное хозяйство. Из лагерей Идрицы, Куньи, Великих Лук привозят военнопленных для восстановления прежде всего электростанции.

И тогда Борзенков идет на риск — остается в городе. Он рассчитывает, что его как специалиста и начальника электросилового хозяйства (в его ведении и была электростанция) немцы непременно попытаются использовать на работе. А тогда — тогда можно будет драться! Можно будет организовать надежных людей и схватить оккупантов за горло в самом уязвимом месте — на электростанции.

Борзенков перебрался к себе домой, на Шос-

сейиую, дом 22. Через иесколько дией в дом ворвались полицейские во главе с комеидаитом ортскомеидатуры капитаиом Печем. С ими переводчик Карл Миллер.

— Ты Борзеиков? — уткиув палец в грудь, проговорил переводчик.

— Да, я Борзеиков.

— Правильио говорят, что вы были иачальииком электростаиции? — спросил Печ.

— Совершеиио верио.

— Почему вы ие уехали иа восток?

— Куда же мие, господии комеидаит, с четырьмя детьми, жеиой и матерью-старухой?

— Вы иазиачаетесь иачальииком электростаиции. Придете завтра иа работу в семь часов.

— Простите, господии комеидаит, ио что я могу сделать одии?

— Там уже работают плеииые.

— Но ведь оии ие специалисты.

— Мы иайдем специалистов. Обязываю и вас искать их. Но предупреждаю: работать по 15 часов — и иикакого саботажа!

И Борзеиков иачал работать.

Каждый деиь ои приходил иа работу и, виешие создавая видимость делового человека, обремеиеииого заботами, присматривался к людям.

К иему был приставлеи и иаблюдал за его работой иацист Клемперт, числившийся главиым иачальииком электростаиции и депо. Поэтому Борзеикову приходилось ие только коиспирировать свои действия, скрывать мысли, ио и перевоплощаться, меияя выражеиие лица в разговорах с иемцами и с рабочими. Но имеиио среди рабочих иадо было иайти иадежиых.

Николай Сергеевич Борзеиков еще до войны хорошо зиал моитера Москалева Коистаитииа Коистаитииовича как честиого и предаииого Советской власти человека. По состояиию здоровья ои был освобождеи от службы в Красиой Армии, эвакуироваться ие успел и остался проживать в Новосокольииках в своем доме — Свободиая, 7.

Москалева тоже мобилизовали для работы иа электростаиции. Он имел постоянный пропуск во все учреждеиия иемецкой адмииистрации, так как следил за исправиостью электропроводки.

Приход Борзеикова иа электростаицию Коистаитии Коистаитииович встретил с радостью. Ои поиял, что Борзеиков появился здесь ие случайио, и в одиом из разговоров прямо сказал ему об этом.

— ...Я зиаю и готов помогать. Иначе я все равио уйду к партизаиам. Я ие сиесу позора: батька-то мой, старый дурак, в старосты к иемцам определился, земелька его прельщает: «Надел, говорят, дадут!» В общем, разошлись иаши стежки с иим.

Борзеиков виачале отиесся к Москалеву с сомиеиием, ио, проверив его иа коикретиых поручеииях, привлек к работе в подпольиой оргаиизации.

— Нам иадо воспользоваться тем, — говорил Борзеиков, — что ты сыи старосты. Это хорошее прикрытие. Используй свой пропуск, изучай, что за люди работают в иемецких учреждеииях, какие разговоры ведут. Обрати виимаиие, кто усердствует перед гитлеровцами, кто из иих тайный агеит. Таких бери иа заметку — будем проверять. Второе твое задаиие, Коистаитии Коистаитииович, — продолжал Борзеиков, — периодически обследовать весь город и иаблюдать, где у иемцев огиевые точки, зеиитиые устаиовки и прожекторы. Все сведеиия будешь передавать мие. Кличка твоя будет «Богдаи». В разговоре с другими подпольщиками будешь иазывать Беляеву Марию «Вера», ее мужа — «дядя Коля», меия — «дядя Миша». Остальиых пока тебе зиать иет иадобиости.

Москалев расхаживал по городу с когтями за плечами. Нередко ои подходил прямо к огиевым позициям зеиитчиков, залезал иа столб и, проверяя электропроводку, считал сверху орудия, прожекторы, запомиил, где сложеиы боеприпасы.

Кроме Москалева, Борзеиков обратил виимаиие иа других рабочих. Например, ои заметил, что токарь Шиюкат работает вяло, его стаиок часто простаивает из-за иеисправиостей, а когда «запорол» кольца для дизеля, поиял: Шиюкат делает это предиамереиио.

Этим случаем заиялся Клемперт. Ои кричал иа Шиюката, грозил отправить в гестапо. Но его выручил Борзеиков.

— Господии Клемперт, Шиюкат ие виноват. Вы посмотрите, каким иструмеитом ои мерил диаметр колец! Это же грубый кроициркуль. Им, коиечио, точиости ие добьешься. И вы, очевидио, у себя в Германии ие будете мерить детали таким иструмеитом! А более точиых у иас иет. Закажите, пусть пришлют иам из Гермаиии штаигеициркули, микрометры — вот тогда мы вправе потребовать точиости.

Клемперт обругал Шиюката волосатым чертом и ушел.

А Борзеиков сказал Шиюкату:

— Ты, пареиь, впредь все делай по-умиому и советуйся со мной. Поиял?

Шиюкат, вытирая руки паклей, расплылся в широчеииой улыбке.

— Все поиял, Николай Сергеевич.

Поздиее, когда Шиюкат стал активиым подпольщиком и выполиял задаиия Борзеикова, вытачиваемые детали ие вызывали сомиеиия у Клемперта. Но вот остаиовился поворотиый круг — лопиули стопориые пальцы. «Плохой металл», — объясиял Клемперту Борзеиков. Вышел из строя иасос водокачки — токарь ии при чем: масло иекоидициоииое.

Примерио таким же путем вошли в состав подпольиой оргаиизации и другие рабочие электростаиции, водокачки и депо: Беляев Иваи Дмитриевич, Михаил Завьялов, Егор Белоздыия, Николай Бобров, Аидрей Рудаков, Аиатолий Цикуиов и другие патриоты.

Оии методичио совершали акты диверсии и вредительства, которые иа первый взгляд ие были броскими и даже казались иезаметиыми: сломали резец, иеправильио притерли клапаиы — и дизель (иасос) вышел из строя, ие закрыли краи — и масло вытекло иа пол; залили беизии в колеичатые валы — и поплавили подшипиики и т. д. и т. д. Но в итоге из этих мелких диверсий и вредительства складывался большой и ощутимый для оккупаитов ущерб. В результате поворотиый круг часто иаходился в ремоите, водокачка ие тяиула иа полиую мощиость, депо работало с перебоями — ие хватало электроэиергии. Простаивали поезда с воеииыми грузами, техникой, солдатами.

Интересеи иа этот счет архивиый докумеит особого отдела Калииииского фроита, оцеиивающий работу подпольиой оргаиизации, большии-

ство членов которой к маю — июню 1942 года уже стали разведчиками.

«Резидентура, действующая на Новосокольнической электростанции под руководством Борзенкова Николая Сергеевича, наряду со сбором интересующих нас данных методически ведет вредительскую работу по выведению из строя станции. В результате этой работы мощность станции снижена на 50%, выведены из строя некоторые агрегаты и водокачка».

Борзенков, сумев создать сплоченную и довольно законспирированную подпольную организацию на электростанции, решил, что пора установить связь и с людьми из других предприятий города и железнодорожного узла.

Имея постоянный пропуск на право прохода по городу, он под видом подбора инструмента, необходимого для электростанции, отправился в МТС, где ремонтировали немецкую технику. Он узнал, что директором МТС назначен его старый знакомый Савельев Иван Гаврилович, член партии, занимавший этот пост еще до войны. Так же как и Борзенков, Савельев был депутатом горсовета.

Но Борзенкову не были известны взгляды и настроения Савельева теперь. Неужели он переметнулся к фашистам? Нет, не верилось, не такой это человек.

И Иван Гаврилович не обманул надежд Борзенкова. Он оказался преданным и стойким коммунистом. Они быстро договорились о совместной работе. Савельев создаст из рабочих МТС подпольную группу и будет вредить немцам, а связь держать непосредственно с Борзенковым через Москалева и Марию Беляеву. Так был установлен контакт с «дедушкой Лукой» — кличка, под которой действовал один из руководителей подполья, разведчик Савельев И. Г.

Проходя как-то по улице Ленина, Борзенков случайно встретился с Фаиной Федоровной Гайдук. Живая, энергичная, она и теперь выглядела моложе своих 36 лет. Раньше она работала в торговой сети, эвакуироваться не успела, сначала скрывалась в деревне Лопушино и сейчас проживала с сыном Владимиром и дочерью Катей в своем доме по улице Ленина, 67. Гайдук пригласила Борзенкова зайти. Они разговорились.

— Как вы живете, Фаина?

— Как все, — с грустью ответила та.

— Значит, не очень хорошо.

— Чего уж хорошего. А вы?

— Вот заставили работать на электростанции.

— И вы согласились?

— Что ж делать, надо как-то жить...

— Вы же коммунистом были?

— И вы тоже, Фаина, не в пассивных ходили.

— Все мы активничали при Советской власти.

— Это правда, Фаина. Все мы активничали. А почему? Власть-то своя была. Магазин — твой и мой, электростанция — моя и твоя. А теперь все чужое. Ну, а как дальше-то думаете?

— Никак! Гнуть спину не намерена.

— Это, знаете, называется саботажем.

— А как хотите называйте! На эту зеленую саранчу работать не буду.

— И вы не боитесь мне это говорить?

— А чего мне бояться? Если всего бояться, то и будешь жить как мышь.

— Правильно. Мы на своей земле. Только я вам советую: не со всяким будьте так откровенны.

— Что, я не вижу, с кем говорю? Сейчас всю дрянь, которая всплыла, по лицу видно.

— Да, да, это вы правильно подметили. У всех прихвостней лица раболепные, угодливые. Это я на электростанции заметил за некоторыми. Ну, а нам спину гнуть перед чужеземцами не полагается, Фаина. Продукты-то есть?

— Пока есть. Картошку, если не отберут, выкопаем. А там, может, наши вернутся.

— Обязательно вернутся! Но и мы должны не только картошку копать.

Гайдук вопросительно посмотрела на Борзенкова, но тот ничего не сказал больше, встал и начал прощаться. Уже в коридоре он почти шепотом сказал:

— Я к вам еще загляну, товарищ Гайдук.

— Милости прошу.

Борзенков шел в приподнятом настроении. Он думал о том, что вот и Фаина не склонила головы и, судя по разговору, готова бороться. Во время второй встречи с ней Борзенков уже говорил более откровенно и привлек ее к работе, дав ей псевдоним «Овод».

— По-моему, сейчас, пока фронт ушел не очень далеко, кроме работы на станции, надо наладить переправу окруженцев и пленных через линию фронта. Если им не помочь, то фашисты их будут ловить как кроликов.

Фаина согласилась с ним. И сейчас уже просто невозможно перечислить всех тех советских воинов, которые пробирались на восток и которым подпольщики оказали помощь одеждой, продуктами питания, указывали безопасный путь и подбадривали добрым словом советского человека.

В конце ноября 1941 года Фаина Федоровна по совету Борзенкова пошла в ортскомендатуру устраиваться на работу. Оттуда ее направили в столовую кухонной работницей.

Работая в столовой, она получила задание от Борзенкова подобрать надежных людей, чтобы после проверки их можно было привлечь к работе в подполье.

— Только, Фаина, будь осторожней, тщательно перепроверяй людей, — напутствовал Борзенков. — Сразу никого не вербуй. Каждую кандидатуру будем обсуждать вместе и только после этого будем решать вопрос...

Фаина общалась по работе с Черновой Александрой Ивановной, Шеклуновой Анастасией, которая работала на кухне в одной из немецких воинских частей. После проверки и обсуждения с Борзенковым эти женщины вошли в состав организации. Шеклунова оказалась бесстрашной разведчицей и активно помогала Фаине обходить все засады немецких войск. Более четырех раз они вместе переходили линию фронта и передавали чекистам 3-й ударной армии пакеты с разведданными от Борзенкова, переводили бежавших из плена красноармейцев и лиц, которым угрожал арест.

Иногда они доходили до деревни Шугурово, где пакеты передавали семье Белуевых, а та через своего сына — чекистам.

Получив инструктаж, они несли обратно листовки и новые задания для Борзенкова, Савельева и других руководителей подполья.

Кроме этих лиц, Гайдук привлекла к работе в подпольной организации Судомоеву Надежду, Федорову Марию Александровну — табельщи-

цу электростанцнн, Москалькову Зинаиду — наборщицу типографии, которая вместе с Марией Беляевой во время своего дежурства помогала Борзенкову печатать советскне листовки, военнопленного Кадыкова Ннколая Николаевича из Алтайского края. Кадыков Н. Н. в августе 1941 года под Куньей раненным был взят в плен, содержался в Идрицком лагере военнопленных, а затем был направлен немцамн в рабочую команду по восстановлению Новосокольннческого железнодорожного узла.

Эти лица, впоследствии закрепленные организационно за Гайдук, под ее руководством распространяли в кругу людей, среди которых они общалнсь, советские листовкн, сводки Информбюро, выявлялн немецкую агентуру, которая направлялась в тыл Красной Армин.

Непосредственную связь с Борзенковым держала Фанна Гайдук. Кроме того, связь дублировалась н через Федорову Марию, которая могла общаться с Борзенковым на электростанции как Шура.

Комсомолке Судомоевой Надежде Романовне было всего 17 лет, когда Фаина Гайдук стала давать ей поручення, а затем с согласия Борзенкова привлекла к работе подпольной органнзацни. Фаина Гайдук посоветовала Наде устроиться уборщицей в горуправу. Из горуправы Надю часто направляли убирать служебные помещения ГФП, комендатуры, общежнтня офнцеров. Это была хорошая маскировка. Именно в этих местах удавалось собрать информацию, иужную для подпольщиков, партизан и для Красной Армии. Именно полученные Надей в ГФП сведення помогли потом Беляевой н ее семье нзбежать повторного ареста.

Проработав несколько месяцев, она не выдержала приставания солдат и полицейских н вместе с подругой Ежовой Лелей решнла перейти фронт, к своим.

За линней фронта ее встретили чекнсты н посоветовали вернуться в Новосокольникн, чтобы продолжать работу н собирать разведывательные сведения для Красной Армии. Для этого ей было поручено подобрать себе в помощь человек 5—8 надежных советских людей.

Наутро Надя уже снова была в Новосокольниках и продолжала работать под именем «Ася». С ней держала связь Елена Енсова, работавшая касснром в товарной конторе станции, которая передавала сведения о движенни эшелонов и чнслнлась у подпольщиков «Кольцовой».

Комсомольцу Канюку (подпольная кличка «Серж») Владимиру Тимофеевичу исполнилось 18 лет, когда он вошел в состав подполья. Он обращал на себя внимание своими знаниями и разносторонними интересами.

По совету Борзенкова Владимир пошел работать слесарем в депо, на оборотный круг. Именно в результате скрытных действнй Владимира круг выходил из строя тогда, когда нужны были паровозы для отправки воинских эшелонов иа фронт.

Вместе со своей сестрой Марией и Головацкой Татьяной (кличка «Ксения») он по заданию Борзенкова занимался аналнзом н обобщением разведывательных сведений, собранных всемн членами организации. Ночами они вычерчивали план города н наносили иа них оборонительные сооружения немецких войск, их огневые точки и жнвую силу. Эти планы затем через семью Беляевых и по другим каналам связн переправляли чекистам.

Увлекаясь фотоделом, Владимир по заданию Борзенкова и чекистов под видом любительских снимков перефотографировал всех полицейских н предателей и негативы через Лелю Тнтову переправил в особый отдел. Впоследствин эти иегативы помогли чекистам в понмке н разоблачении этих лиц.

Его сестра комсомолка Мария Тнмофеевна Канюк, студентка третьего курса Псковского педнннстнтута, была старше Владнмира на четыре года. Она работала учительницей, а под кличкой «Вероника» осуществляла руководство молодежной группой. По ночам она помогала брату обобщать полученные сведения н переносить их на вычерчиваемые планы города.

Непосредственную связь с Борзенковым Владнмир н Марня держалн через свою мать Антоннну Михайловну. Ей было 56 лет, но выглядела она старше, и эта старость помогала скрывать нстинные посещення дома Борзенкова, жена которого Анна была хорошо знакома с Антонниой Мнхайловной. Зная, что ее сын н дочь входят в подпольную органнзацию, а затем вошлн в состав разведчнков 3-й ударной армнн, Антонина Михайловна носила Борзенкову разведывательиые сведения, получаемые от детей от Головацкой Татьяны, Кудинова Владимира работавшего ремонтным рабочим на шоссе, по которому передвигалнсь немецкне войска, н другнх патрнотов.

Организация крепла. Борзенков старался придерживаться правила: прннимать только проверенных штабом и после того, как другие подпольщики собнрали о нужном человеке исчерпывающую ннформацию.

Кроме актов саботажа, вредительства и диверсий, подпольщикн заннмались разложеннем воннских частей и команд, в которых находилнсь военнопленные и насильно мобилнзованные украинцы, белорусы, латыши н др. Основным средством здесь была устная агитацня и пропаганда. Пропаганда оказывала хорошее воздействие н на население: вселяла уверенность в победе Красной Армни, поднимала на борьбу с оккупантами.

Борзенков понимал, что устную пропаганду необходимо дополнить письменной: листовками, сводками Информбюро, отпечатанными в типографни. Поэтому его вннмание было сосредоточено на городской типографни. Он дал задание собрать все сведення о людях, работающнх там.

Москалев, проверяя электропроводку, выяснил порядок работы и охрану типографин. Беляев Иван Дмитриевич и другне подпольщики узнали, что там работают Федоров Петр Ефимовнч, старый печатннк, Гусакова Анисья и еще две женщнны. Но требуются еще люди, так как типография загружена заказами. При обслуживании плана внедрения в типографию своего человека было решено: попросить старика Федорова устроить туда Беляеву Марню Фроловну, которая работала в типографин еще до войны. Но

устроить ее так, чтобы не вызвать у немцев подозрений. Федоров П. Е., который пользовался у оккупантов авторитетом, но ненавидел их в душе, согласился с предложением подпольщиков: под видом приема людей, знающих типографское дело, он зарегистрировал в горуправе Беляеву. И ее вызвали на работу повесткой. Так Беляева стала работать в типографии.

Почему выбор пал на Беляеву? Семья Беляевых и даже некоторые ее родственники состояли в подпольной организации и были активными разведчиками. Самого Беляева Алексея Дмитриевича (ему была дана кличка «дядя Коля») Борзенков знал давно. В 1940 году на станции Новосокольники он случайно попал под поезд, и ему отрезало ногу. Он ходил на протезе, но продолжал работать.

Перед захватом немцами Новосокольников Беляевы вместе с тремя детьми ушли в деревню Шугурово, что в семи километрах от станции, к брату Беляева Ивану Дмитриевичу, который работал на электростанции.

Семья Беляевых до осени работала в поле, староста выделял им за это продукты. Но закончилась уборка, есть было нечего, и они перешли жить в Новосокольники, в свой домик по улице Советская, 6. Жили тем, что меняли одежду на хлеб да подрабатывали на временных работах.

Брата Беляева, Ивана, немцы мобилизовали работать на электростанцию, где он и встретился с Борзенковым. От него и от племянника Марии Фроловны Чаенкова Владимира Афанасьевича, работавшего в МТС и связанного по подполью с Савельевым, Борзенков и узнал, где сейчас Беляевы. Так они попали в подпольную организацию.

Мария Фроловна изучила работу типографии и уже стала печатать небольшие листовки, призывающие народ не падать духом и бороться с оккупантами. Она предлагала привлечь к работе и старика Федорова. Но тот был слаб, болел и вскоре умер.

Постепенно освоившись, Беляева выбирала ночную смену так, чтобы печатать для подпольщиков и партизан листовки и сводки Информбюро вместе с Москальковой Зинаидой, а когда та ушла к партизанам, то с Гусаковой Анисьей. К ним часто заходил Борзенков или присылал Слепченко Юрия, иногда Москалева, которые забирали напечатанные материалы и передавали своим.

Иногда к концу смены засветло в типографию приносили обед дети Беляевой — дочь Вера или сын Виктор, которые, возвращаясь домой, брали листовки и сводки и по пути незаметно подбрасывали их жителям Новосокольников.

В январе 1942 года на электростанцию немцами был направлен инженер Попов Владимир Павлович. Члены подпольной организации встретили Попова настороженно. За ним стали присматривать, временами пытались «прощупать» его взгляды и настроения. Вначале Попов тоже вел себя осторожно, был «поглощен только работой». Но при разговорах Борзенков скорее почувствовал, чем понял, что Попову можно доверять. Впоследствии, когда Борзенков проверил инженера на деле, состоялся откровенный разговор, он облегчался тем, что оба были старые партийцы (Попов с 1928 года), имели одну цель, одни мысли — бороться с врагом.

— Как же ты оказался в Новосокольниках? — спросил Борзенков.

— Как и многие. До июля работал директором строительства Порховской гидростанции. Стали эвакуироваться. Я посадил жену и детей на подводу, кое-какие вещички взяли и тронулись на восток. По дороге нас перехватили немцы. Отправили сюда, сначала в ортскомендатуру, где допрашивали несколько раз, потом в гестапо — тоже допрашивали. Я им рассказал, где работал и кем работал. Ну, а затем, узнав, что я энергетик, меня послали на электростанцию — им специалисты нужны.

— А билет где?

— Билет пришлось уничтожить, когда сидел в комендатуре. Жена свою кандидатскую карточку тоже уничтожила. Вот так и оказался здесь.

— Ну, и как же дальше думаешь жить?

— Чадить не буду.

— Гореть будешь?

— Стоит ли иначе жить?

— Гореть по-умному надо. Видишь, сколько полиции у них? И у каждой своя агентура — осведомители.

— Я это понимаю. Конспирация должна быть надежная — тогда выдержим.

Так Попов включился в работу подпольной организации.

Семья Слепченко имела двоих детей: Юрия и Лену, которая училась вместе с Головацкой Татьяной и Канюк Марией. Кроме того, они жили недалеко друг от друга и часто встречались. Лена работала секретарем-делопроизводителем районного бургомистра Захарова, Юрий Слепченко, серьезный и вдумчивый юноша, дружил с Катей Гайдук — дочерью Фаины Федоровны. Фаина Федоровна обратила внимание на Юрия и как-то попросила его достать через сестру Лену пропуск из райуправы, чтобы сходить в деревню и выменять на одежду немного ржи. Юрий выполнил эту просьбу. Потом выполнил еще несколько поручений. Впоследствии он был привлечен к работе в организации и через сестру доставал бланки пропусков с печатью и подписью бургомистра.

Получая эти бланки, Фаина Федоровна передавала их Борзенкову, Савельеву, Беляевой и другим подпольщикам. А те заполняли их, указывая необходимую фамилию, срок действия, число и деревни, которые разрешалось посещать.

Подобными пропусками подпольщики снабжали партизанских разведчиков, военнопленных, которые беспрепятственно уходили в партизаны или через линию фронта.

Но Юрий Слепченко имел и другие поручения. В его функции входило снабжение подпольщиков листовками и другой пропагандистской литературой, которую он получал из типографии от Беляевой Марии, Москальковой Зинаиды и Гусаковой Анисьи. Имея постоянный пропуск и пользуясь велосипедом отца, он развозил листовки не только по городу, но и по селам, районам, где у него имелись на связи надежные люди.

Подполье работало успешно. Между тем и события на Калининском фронте развивались в пользу подпольщиков. В январе — феврале 1942 года, после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, Красная Армия, ведя тяжелые бои, упорно продвигалась вперед, к Великим Лукам и Новосокольникам.

Отдельные лыжные отряды Северо-Западного и Калининского фронтов вышли к среднему течению реки Ловати и городу Великие Луки. Весной 1942 года бои поутихли и фронт остановился около Великих Лук. На север от города вдоль реки Ловати условия местности (болота) не позволяли организовать сплошной линии обороны. И здесь, на значительном пространстве, войск не имелось, и местность — нейтральная зона — контролировалась партизанским отрядом и разведывательными подразделениями 257-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии. Немецкая оборона состояла из отдельных узлов сопротивления, полоса которых проходила вдоль шоссе и железной дороги Новосокольники — Насва.

Для подпольщиков создалась благоприятная возможность — установить прямую связь с Красной Армией.

Подпольщики нуждались в такой связи для передачи разведывательной информации и получения указаний о ходе дальнейшей борьбы. Связь была крайне необходима, так как подпольная организация разрослась и имела свое разветвление на станциях Невель, Насва и других населенных пунктах.

О работе подпольщиков в Насве и Невеле, к сожалению, пока не удалось собрать сведений. Известно, что на этих станциях имелись подпольные группы численностью до 50 человек. Их образование началось с того, что на одном из совещаний Борзенков предложил две кандидатуры из рабочих Новосокольнического железнодорожного узла для посылки их на электростанции Невеля и Насвы. Эти люди были посланы и руководили там подпольной работой, а связь держали через курьеров с Борзенковым.

С целью возможного установления связи с Красной Армией Борзенков несколько раз посылал подпольщиков на разведку. Те возвращались и докладывали, что на северо-восток от дороги Насва — Новосокольники до деревень Низовичи — Гороховое — Сидоровщина — Белый камень простирается нейтральная зона. В зону небольшими группами иногда заходят и немцы. В целом же в зоне хозяйничают партизаны и войсковые разведчики дивизии Героя Советского Союза генерала А. А. Дьяконова. Штаб партизан находится в деревне Сидоровщина. Оборону немецких войск можно пройти.

Для установления непосредственной связи с нашей армией в феврале 1942 года был послан Чаенков, племянник Марии Беляевой. Он дошел до партизан, а те переправили его к чекистам 257-й дивизии, где он и доложил о существовании подпольной организации.

Затем по заданию чекистов он приходил в деревню Шугурово и останавливался в семье Беляевых, которая в это время переселилась в эту деревню.

Все сведения по Новосокольникам, которые он должен был добыть, собрали подпольщики и через Беляеву передали скрывавшемуся у нее Чаенкову (появляться в Новосокольниках ему было опасно). Чаенков эти сведения отнес через линию фронта чекистам.

Но связь эта оборвалась, Чаенков больше у Беляевых не появлялся.

Начавшееся половодье затрудняло проход через нейтральную зону (все болота были залиты водой).

Наконец, когда спала вода, Борзенков послал в партизанский отряд электромонтера Беляева Ивана, Цикунова Анатолия и Боброва Николая, хорошо знавших местность. Они должны были связаться с чекистами, сообщить необходимые сведения и принести указания о дальнейшей работе.

К маю 1942 года на электростанции сложилась неблагоприятная обстановка для Попова Владимира Павловича. Его дважды вызывали в ГФП и грозили расстрелом за плохую работу. Поэтому было принято решение: Попову во избежание ареста уйти к нашим. Ему выделили проводника, и он с семьей 17 мая 1942 года благополучно добрался до чекистов. Впоследствии он под кличкой «Борисов» находился у переднего края нашей обороны и в нейтральной зоне принимал почту и курьеров-разведчиков из Новосокольников, передавая затем все сведения в штаб Красной Армии.

Через неделю был послан Беляев Виктор, боевой шестнадцатилетний парнишка, сын Марии Беляевой. Она сама проводила Виктора через немецкие посты до деревни Гвоздово, где их встретил Чаенков, который уже работал разведчиком.

Вскоре Бобров и другие через Чаенкова принесли ночью Беляевым записку для Борзенкова, в которой они сообщали о том, что связь со штабом установили.

Беляева Мария тут же отправилась на квартиру к Борзенкову и с радостью передала ему эту весть.

Борзенков быстро написал ответ, который Беляева передала Чаенкову. А тот до рассвета отправился обратно.

Наконец-то регулярная связь с чекистами 257-й дивизии была установлена. На всем пути от Новосокольников до Белого камня, где у переднего края наших войск находился выдвинутый вперед пункт связи, в селах имелись передаточные почтовые ящики: в селе Шугурово — Беляевы, в деревне Курово — Горюнова Матрена и т. д.

От чекистов курьеры-связники несли почту до Курова и передавали Горюновой Матрене. Дальше она несла пакеты до Шугурова сама или отправляла их через своих сыновей Федю (ему было 13 лет) и Колю (15 лет). Получив почту, Беляева Мария или ее муж Алексей Дмитриевич несли ее Борзенкову или Савельеву. На случай провала имелись запасные каналы связи. Умелыми связниками-разведчиками, которые преодолевали все заслоны немцев, были Виктор Беляев, Михаил Завьялов, Фаина Гайдук, Шеклунова Анастасия, Москалев Константин и другие.

В июне 1942 года на кладбище города Новосокольников Борзенков созвал руководящее ядро подпольной организации: Гайдук Фаину, Канюк Марию, Головацкую Татьяну, Слепченко Юрия; Савельев, Беляев и Канюк Владимир прибыть на совещание не смогли — находились на задании.

Борзенков объяснил собравшимся, что организация стала большой и руководить ею стало

трудно. Тем более в нее входят рабочие электростанций Насвы и Невеля.

Поэтому для улучшения работы и усиления эффективности помощи Красной Армии необходимо перестроиться. Это поможет избежать и провала.

По совету чекистов целесообразно разбиться на группы по 5—7 человек; во главе каждой группы будет стоять старший. Он будет связан со мной. Старшие будут получать задания и выполнение их поручать членам группы. Для связи с чекистами будут выделены специальные курьеры Титова Елена, Ионан Мария, Андрюша Янский и другие. Не исключено, что с почтой придется ходить и не курьерам, а другим членам групп.

Организация была разбита на 7 групп и стала работать более целеустремленно, и теперь занималась не только вредительством и диверсиями, но и активно собирала разведывательные сведения о войсках противника, о количестве проходящих через Новосокольники эшелонов, направлений их движения.

Достаточно сказать, что подпольщики, большинство которых к июню 1942 года стали называться зафронтовыми разведчиками, периодически составляли подробные планы укреплений противника с точным указанием всех его огневых точек в городе и в прилегающей к нему местности.

...Вот только одна из разведсводок № 9 о тыле противника, составленная на имя командующего 3-й ударной армии генерал-лейтенанта Пуркаева...

«По последним данным, — говорится в ней, — полученным от наших зафронтовых разведчиков из города Новосокольники, в сторону Невеля вывезена большая часть зенитной артиллерии. В городе размещены следующие войска:

Пехоты — 380 человек, артиллеристов — 25, связистов — 20. По национальному составу: 20 — немцы, остальные — других национальностей. Вооружены винтовками и двумя гранатами на человека, имеются пулеметы.

Строительно-восстановительный батальон — 200 человек, вооружен на 50%.

Железнодорожно-эксплуатационный батальон — 79 человек. Вооружен винтовками, имеются 2 ручных пулемета.

Русских полицейских осталось — 150 человек. Вооружение: 2 ручных пулемета, 7 автоматических винтовок, у остальных — обычные винтовки, у каждого полицейского — по 2 гранаты. Начальник полиции и его заместитель — немцы, вооружены автоматами и пистолетами.

Жандармов — 25, переводчиков — 4, конюхов — 6.

В комендатуре — 41 человек. Из них — 15 немцев. Немцы вооружены автоматами, остальные — винтовками.

На перекрестках двух шоссе закопаны 2 танка, снятые с бронепоезда, но исправность их не проверена.

От Новосокольников до Великих Лук поезда идут только до разъезда Воробецкое. Железнодорожные мосты и пути все взорваны, и их не ремонтируют, используются объезды по второму пути.

Из Новосокольников к Великим Лукам перебрасывают строительный материал для укреплений.

Поезда идут только днем, ночью боятся наших мин. Рано утром железнодорожный путь проверяют путевые обходчики с патрулями и собаками. За каждую найденную мину путевые обходчики получают премию.

Немецкие военные власти дали указание: все близлежащие к городу и станции Новосокольники населенные пункты выжечь.

В первую очередь намечено сжечь деревни: Боровинку, Енкино, Захарьино, Патреево, Шугурово, Русаново и другие. Деревни: Заречье, Титово и другие уже сожжены.

Перед комендатурой и ГФП поставлена задача: за несколько дней выловить по городу и району всех шпионов и диверсантов. На эту операцию брошены все силы.

Хлеба в Новосокольниках населению не дают. Недовольство населения против оккупантов возрастает».

Из этого обобщающего документа видна большая и опасная работа зафронтовых разведчиков, возглавляемых Борзенковым, Савельевым, Москалевым, Гайдук и другими.

А ведь это одна только сводка, и в ней не указываются другие формы деятельности: диверсии, вредительство, распространение листовок, разложение немецких войск.

Об одной из операций архивные документы свидетельствуют следующее:

Москалев, Гайдук, Головацкая и другие установили контакт с военнопленными железнодорожного батальона. Некоторые из них, как, например, Кадыков Н. Н. под кличкой «Павлов», входил в состав подпольной организации. Об этом было сообщено в партизанский отряд и в особый отдел 257-й дивизии. В начале июля из особого отдела через Попова было передано указание: вместе с партизанами и войсками Красной Армии совершить налет на Новосокольники и при возможности захватить их. Военнопленные из немецкого железнодорожного батальона во главе с Москалевым должны были поддержать нападающих с тыла. Это указание получили Борзенков и Москалев. А план захвата от Попова, который находился в нейтральной зоне, переправила в Новосокольники Мария Беляева. Она сразу же отправилась к Москалеву и вручила ему этот письменный план. В это время у Москалева находился служивший в батальоне Стоянов Н. П., который вместе с Кадыковым Н. Н., Кадяевым Я. А. и другими под руководством Москалева должны были захватить склад боеприпасов и оружия в Новосокольниках и обеспечить захват Новосокольников.

Москалев, Стоянов и Беляева обсудили план операции и договорились о сроках ее проведения. Для согласования срока (а срок был намечен в ночь со 2 на 3 июля) и деталей операции Стоянов и Беляева должны были встретиться с чекистами и партизанами. Но Стоянову из Новосокольников выйти в назначенное время не удалось. Пошли Беляева и Москалева, которые в деревне Курово встретились с чекистами и партизанами. Там они узнали, что операция по разгрому немецких войск в Новосокольниках откладывается, так как подразделения 257-й дивизии ведут бои с противником на других участках.

Москалев и Беляева возвратились в Новосокольники ночью. Им не удалось сразу связаться с Кадыковым и Стояновым и предупредить их об изменении сроков налета. А в это время военнопленные железнодорожного батальона со-

гласно плану захватили склад с оружием и боеприпасами, обесточили два прожектора, бесшумно сняли расчеты двух пулеметных гнезд в направлении Насвинского и Великолукского шоссе и стали занимать позиции с целью не допустить немецких артиллеристов к орудиям.

И тут только Беляевой и Москалеву удалось разыскать Кадыкова и Стоянова и сообщить им, что операция откладывается.

Но так как склад был вскрыт, оружие роздано, расчеты пулеметов уничтожены, то Кадыков и другие военнопленные решили переходить фронт к своим. Москалев вывел их за город, а дальше через немецкие посты их проводила Беляева. Утром они были уже в расположении Красной Армии. На следующий день в Новосокольниках среди немцев поднялась паника. Они сновали по городу с собаками, разыскивая военнопленных. Одна из групп жандармов подошла к дому Москалева: их по следу бежавших привела собака. Но следы шли дальше, в сторону войск Красной Армии. И жандармы поняли, что военнопленные скрылись.

Тогда жандармы ворвались в дом Москалевых.

— Где хозяин?

— На работе, — отвечала жена Москалева.

Жандармы бросились на электростанцию, схватили Москалева и привели в ГФП.

Москалева допрашивал офицер через переводчика Миллера.

— Ты переправил пленных в русскую армию?

— Никаких пленных я не знаю, — отвечал Москалев.

Стоявший у стола фельдфебель ударил Москалева резиновой палкой по лицу. Второй удар пришелся по виску. Москалев закрылся руками, теперь удары сыпались по рукам, по спине. Фельдфебелю, очевидно, хотелось, чтобы Москалев упал. Но тот держался, пошатываясь. Только однажды он, на миг потеряв сознание, упал на одно колено, но тут же встал. От взмаха его руки капли крови упали на стол и на мундир офицера.

Фельдфебель бросился вытирать их.

Наступила пауза.

— Так кто же отправил пленных? — снова спросил офицер.

— Не знаю. Первый раз слышу о них.

— Розыскная собака по их следу привела к твоему дому. Значит, ты помог им бежать.

— Господин офицер, собака могла привести к любому дому.

— Но почему она выбрала именно твой?

— Потому что мой дом стоит на краю города, над речкой. Дальше начинаются кусты. Военнопленные могли выбрать именно этот путь и тогда, конечно, должны были пройти мимо моего дома.

Офицера убедила логичность доводов Москалева, и он приказал отвести его в камеру.

Фельдфебель еще раз ударил Москалева палкой и отвел в камеру. Весь день тайная полевая полиция наводила справки о Москалеве, но ничего компрометирующего установить не удалось. Вечером его вызвал Миллер и предупредил: «Если мы тебя заметим в чем-нибудь — повесим».

Об этом происшествии Москалев доложил Борзенкову. Борзенков предупредил: «Надо действовать осторожнее, тем более что из особого отдела получено новое задание о выявлении всех предателей, о сборе разведывательных данных, о движении эшелонов».

Борзенков серьезно задумался над тем, как усилить конспирацию и предотвратить возможные провалы.

«Вчера схватили Москалева, завтра могут схватить и других, — размышлял он. — Вот и Судомоева с Головацкой сообщают, что ГФП интересуется Савельевым, так как им стало известно, что Савельев раскулачивал кулаков и организовывал колхозы. Ему, пожалуй, лучше уйти к нашим. Да и на меня они зуб точат».

И тут Борзенков вспомнил, как в присутствии Клемперта и других немцев на него кричала соседка Ирина Баранова: «Ты коммунист! При Советской власти съедал людей и теперь забрался во власть!» Вспомнил, как его после этого вызвали в ГФП и целый день допрашивали, а он объяснял, что Баранова на него наговаривает за то, что ее муж Михаил, ранее работавший на электростанции, неоднократно получал выговор от Борзенкова за плохую работу.

«...Может быть, прав Москалев, что Баранова следит за моим домом и фиксирует, кто пришел, кто ушел. И Татьяна Головацкая сообщает, что полиция в чем-то подозревает Беляеву Марию и хочет ее проверить».

Тревожные, неспокойные мысли одолевали Николая Сергеевича.

На очередной явке Борзенков предупредил Гайдук Фаину о том, чтобы она пока не ходила к нему на квартиру, при необходимости он будет посылать к ней сына Юрия. «А пока, — говорил Борзенков, — сведения от своих разведчиков будешь передавать табельщице Федоровой. Иногда будешь брать у нее пакеты и носить их чекистам сама. В случае задержания, если будут спрашивать, говори конкретно, зачем приходила. Например, ходила к Борзенкову шить у его матери-старухи платьице для малышки. А больше никаких связей не имела».

Беляеву Борзенков проинструктировал так: она приходила к ним за протезом мужа.

Инструктаж о строгой конспирации и конкретной обусловленности встречи был дан еще и еще раз всем разведчикам.

И все-таки беда пришла.

В первых числах августа 1942 года арестовали Борзенкова Николая Сергеевича, Головацкую Татьяну и Гайдук Фаину, ее дочь Катю и сына Владимира, Беляеву Марию, Слепченко Лену и Юрия, Канюк Марию и Владимира и других. Всего 25 человек.

Вот как арестовали Канюк Марию и Владимира.

В 9 часов вечера в дом Канюков, Кирова, 7, куда они были переселены немцами, вошли три жандарма. Дома были Мария, Владимир и мать. Один из жандармов на ломаном русском языке, обращаясь к Марии, спросил: «Вы будете Канюк Мария?» Та ответила утвердительно. Жандармы, потребовав паспорта, начали сличать фотографии. Убедившись, что перед ними брат и сестра

ЭТО БЫЛО В НОВОСОКОЛЬНИКАХ

Канюки, поставили их лицом к стенке, приказали не двигаться.

Начался обыск. Особенно рылись в бумагах, в тетрадях и книгах Марии. Вырвав несколько листов из одной тетради, жандармы сочли их подозрительными и забрали с собой. Но при обыске им не удалось обнаружить чего-либо компрометирующего.

Вернув Антонине Михайловне паспорт, жандармы ушли и увели с собой детей: Владимира и Марию.

Из 25 арестованных в подпольной организации состояло 14 человек, остальные 11 были арестованы в ходе общей «охоты за шпионами» и подпольщиками не являлись. После первых ночных допросов 11 человек немцы отпустили. Выпустили и 4 членов подпольной организации, так как против них не было никаких улик. В частности была освобождена прибывшая из города Невеля женщина-связная. Она даже сумела спрятать имевшийся при ней пакет. После освобождения она ушла в деревню Фелистово.

Наутро всех подпольщиков-разведчиков из районной полиции перевели в ГФП — тайную полевую полицию.

О переводе арестованных в ГФП Антонине Михайловне Канюк (матери Марии и Владимира) сообщила соседка. Антонина Михайловна бросилась к зданию тайной полевой полиции. Было жарко, через открытое окно она увидела дочь. Ее допрашивали, но кто — не видно. Она только видела, как переводчик Карл Миллер, расхаживая по комнате, подскакивал к дочери и бил ее по лицу стеком.

Антонина Михайловна, сжав губы, плакала. Часовой не разрешил ей больше задерживаться у окна и прогнал. Она долго смотрела издали: вот Мария упала, раздался ее крик, окно закрыли, задернули занавески...

Это было последнее «свидание» с дочерью.

Допросы продолжались. Фаину Гайдук допрашивали 9 раз.

— Когда и кому давала подписку помогать Красной Армии?

— Никакой подписки я никому не давала, и ее от меня никто не требовал.

— Вы состояли в подпольной организации?

— Нет.

— А если ваши соучастники изобличат вас?

— У меня нет никаких соучастников.

— А группа взрослых?

— Нет!

— А молодежи?

— Не знаю таких!

— Говорите, с кем вы работали?

— Ни с кем!

Начались побои, били недолго, больше кричали и угрожали. И снова вопросы.

— Знаете Канюк Марию?

— Нет!

— Она приходила к вам?

— К дочери, когда та болела. Я же ее не знаю.

— Слепченко Юрий приходил к вам?

— Да.

— Зачем?

— Приносил дочери книги. Он дружил с ней.

На второй допрос вызвали ночью. За столом — начальник ГФП и еще один офицер, рядом — переводчик Миллер, поодаль сидит жандарм.

— Знаете Беляеву Марию?

— Я знаю в Новосокольниках три Марии Беляевых.

— Ту, что работала в типографии?

— Да, знаю. Встречалась до войны.

— А во время войны?

— Встречалась на улице, но не разговаривала.

— С Борзенковым часто встречались?

— Я с ним не встречалась.

— А ходили к нему?

— Не к нему, а к его матери.

— Зачем?

— Шила платьице для девочки.

Вопросы задавал все время Миллер. Но здесь, решив поймать Фаину, вмешался начальник ГФП.

— Какого цвета платье?

— Голубого.

Впоследствии мать Борзенкова на допросе подтвердила, что платье шилось действительно голубое.

Здесь, как и в процессе всего следствия, положительную роль сыграл тот принцип работы, которого придерживался Борзенков. Принцип этот сводился к тому, что каждая встреча подпольщиков или каждое посещение квартиры прикрывалось какой-либо безобидной необходимостью.

— Почему вы отрицаете связь с Борзенковым?

— Я говорю правду.

— А он, значит, лжет?

— Я не знаю, что Борзенков говорит.

— Он говорит, что знает вас хорошо и что неоднократно встречался с вами.

— Я его знаю как начальника электростанции, не больше. До войны обращалась к нему за помощью — провести в квартире свет.

На третьем допросе меньше спрашивали и больше били. Жандарм, желая показать свое рвение, избивал Фаину после каждого «нет».

В четвертый раз:

— Куда вы уходили из города?

— В деревню.

— В какую?

— В Енкино.

— Зачем?

— Купить молока для грудной дочери.

— У кого покупали молоко?

— У гражданки Яскиной.

— Еще куда ходили?

— В деревню Лапушино.

— Зачем?

— Обменивать одежду на хлеб.

— У кого вы обменивали?

— У гражданки Ефимовой.

— Что на что меняли?

— Платье на три пуда ржи.

— Вам выдавались пропуска?

— Да, выдавались в управе.

— С партизанами встречались?

— Нет.

Чтобы проверить эти факты, ГФП направила в указанные села своего сотрудника Слепченко Ивана. Факты все подтвердились.

Фаниа Гайдук поияла, что подпольщики молчат, а ГФП против иее доказательствами ие располагает. Это приободрило ее. И в этом оиа убедилась иа последующих допросах в жаидармерии.

Вызвали сиачала Беляеву. Оиа вериулась избитая, в кровоподтеках, из рассечеиной губы сочилась кровь.

Потом мимо камеры провели Борзеикова. Его охраияли особеиио строго: по бокам шли два жаидарма с виитовками, руки в иаручииках.

Затем вызвали Фаииу Гайдук.

— Итак, вы показали, что с Борзеиковым не встречались.

— Да, ие встречалась.

— А Борзеиков заявляет, что вы были связаиы с иим, получали от иего пакеты и иосили их через линию фроита. Что вы скажете иа это?

— Это иеправда, связи я с Борзеиковым ие имела, пакетов и поручеиий от иего ие получала.

— Вы пакет ие взяли, ио Борзеиков все-таки предлагал вам его взять? — шел иа уловку Миллер.

— Нет.

— А кому ои передавал пакеты?

— Не зиаю!

— А листовки?

— Не зиаю!

Начальиик ГФП кивиул головой жаидарму. И тот прииялся за свое дело. Ему помогал переводчик.

Окровавлеииую Фаииу Федоровиу вытащили из кабииета и втолкиули в камеру. До ее созиаиия дошли обрывки фраз переводчика: «Ей дадут очиую ставку с Борзеиковым...»

Очиувшись, Фаииа вспомиила о предстоящей очиой ставке. «Неужели Николай Сергеевич ие выдержал? — думала оиа. — И как вести себя? Нет! Буду все отрицать! Как-то там дочурка?»

Но очиая ставка ие состоялась. И Фаииа поияла, что Борзеиков молчит, а иачальиик ГФП ее провоцирует. Это подтвердилось через два дия. Их всех перевели в ГФП, построили, сфотографировали, рассадили по камерам и стали вызывать иа допросы.

При фотографироваиии оиа встретилась взглядом с Борзеиковым и увидела его бодрым, хотя заросшим, с царапииами и сииякамн иа лице. Ои даже улыбиулся и подмигиул. Это говорило о миогом...

Допрос происходил в присутствии полковиика. Ои сидел в кресле и курил трубку. По тому, как подобострастио обращались к иему, Фаииа поияла, что это большой иачальиик.

Вопросы касались связей с чекистами, с Борзеиковым и в осиовиом повторялись. На этот раз ее ие били, хотя жаидарм иаходился тут же.

Вечером, после допросов арестоваииые получили передачи, так как в ГФП ие кормили. А иочью перед рассветом иачался переполох: по коридорам бегали жаидармы с оружием, оии заглядывали в камеры. На улице урчали машииы. Вскоре все выясиилось: бежал Борзенков.

Произошло это так.

Передачи Борзеикову приносили жеиа или его сын Юрий.

Через сыиа Николаю Сергеевичу удалось передать записку, в которой ои писал: «Держать как прежде. У меия все в порядке, мешают только зубы — иечем подпилить». Юрий записку передал Москалеву Коистаитииу Коистаитииовичу. Тот поиял, что Борзеикову иадо перепилить решетку.

Москалев отправился в депо к иашему разведчику Троицкому, работавшему под кличкой «Жорж», и дал ему задаиие сделать тоикую и узкую пилку для резки металла.

Пилка получилась тоикая и сталистая, оиа плотио прилегала к стеикам жбаиа, в котором Юрий иосил отцу суп.

Москалев заложил пилку в жбаи, иалил воды и стал проверять — пилка ие обиаруживалась. Тогда только Юрий поиес передачу. Жаидарм ткиул шомполом в жбаи, поболтал суп и, ие устаиовив иичего подозрительиого, отиес передачу в камеру.

Борзеиков иочью, перепилив решетку окна, бежал из камеры.

«Домой иельзя, прежде всего иадо своих предупредить», — решил Борзеиков и пробрался к разведчице Федоровой Марии.

На условлеииый стук дверь открыла сама Мария.

— Не удивляйся, Маруся, — сказал Борзеиков. — Мие удалось бежать.

— А остальиые?

— Сидят. Все пока держатся. А вы тут как?

— Миогие связи оборвались, ио работу продолжаем. Сведеиия к чекистам иосит Москалев, Беляев, Алексей, Судомоева Надя и другие.

— Правильио, работу ие ослабляйте и особеиио иа электростаиции, депо и водокачке. Иначе это будет дополиительиая улика против арестоваииых. Передай по цепочке, что все разведчики остаются иа своих местах, оии у иемцев пока вие подозреиий, так как арестоваииые их ие выдали. Москалеву передай, что ои здесь теперь старший. Пусть особеиио бережет связь с чекистами. Сейчас в штабе армии особеиио иужиы разведывательиые сведеиия.

— Хорошо. Все сделаю.

— Мие пора! У тебя оставаться опасио. Вдруг облава? Аиие передай: пусть ие беспокоится обо мие, пусть бережет детей. Посоветуйся с Москалевым, может, удастся семью переправить к иашим, а то иемцы их могут взять как заложииков.

— Вы хотя бы умылись.

Борзеиков умылся, взял иа дорогу кое-что из продуктов и ушел.

До рассвета оставалось иемиого времеии. И Борзеиков поиял, что далеко от города ие уйдет. А дием при той большой иасыщеииости войск пройти иезаметио к иашим будет иевозможио. Да и розыск иачнется.

Поэтому ои пробрался за город и деиь решил переждать в глухом месте — в зарослях крапивы и кустариика, иедалеко от электростаиции. Долгое и иапряжеииое ожидаиие тяиулось до вечера. Казалось, все коичится благополучио.

Но вот ои услышал шаги: кто-то шел прямо иа иего. Расстегивая поясиой ремеиь, к его убежищу приближался иемецкий офицер.

Борзеиков притаился, ио иет, офицер идет. И тут Борзеиков вскочил и побежал по иаправлеиию к деревие Демидово.

Офицер выхватил парабеллум и открыл стрельбу. На выстрелы стали сбегаться полицейские, солдаты. Оии палили по убегающему человеку, а тот все бежал. Борзеиков был уже довольио далеко. И тут прибежал один солдат. Ои прицелился из виитовки с оптическим прицелом, вы-

стрелил, и Борзенков упал. Встал, пытался бежать, но снова упал. Делая по нескольку пробежек, падал. Немцы поняли, что он ранен, и бросились к нему.

В ГФП Николая Сергеевича внесли на носилках. Раненного, его продолжали истязать и допрашивать.

Били, допрашивали и других.

Гайдук повторяла все свои показания, которые она давала на предыдущих допросах. Она все отрицала.

Мария Беляева тоже все отрицала.

— Как часто вы ходили к Борзенкову?

— Несколько раз.

— Зачем?

— Ремонтировать протез ноги для мужа.

— Еще зачем?

— Больше не было необходимости.

— А листовки вы печатали?

— Нет.

— Пакеты за линию фронта вы носили?

— О пакетах мне ничего не известно.

Во второй половине августа арестованных вывели из ГФП и под усиленным конвоем повели на станцию. Борзенкова, избитого и раненного в ногу, несли на носилках. Погрузили в вагон и повезли в Невель.

Фаина Гайдук осталась в ГФП. На другой день ее снова вызвали на допрос и спросили, чем она может дополнить свои показания.

Фаина ответила, что добавить к тому, что она говорила раньше, ей нечего.

Ее заставили подписать обязательство, по которому она могла ходить по городу с 9 до 16 часов и без разрешения жандармерии не имела права отлучаться из дома. После этого Фаину Федоровну освободили.

Остальные арестованные тряслись в товарном вагоне на пути в Невель. За ними наблюдали автоматчики. И все-таки Марии Беляевой удалось поговорить с Борзенковым. Он лежал на носилках в углу вагона, тихо стонал и просил пить. Сначала часовые не позволяли приближаться к нему, но потом, когда им надоели стоны, разрешили.

Напившись из бутылки, он открыл глаза. Узнав Беляеву, спросил:

— Ты зачем здесь?

— Наверное, ты выдал.

— Нет, Мария, я никого не выдал. А ты созналась?

— Нет.

— Молодец! Говори, что приходила ко мне ремонтировать протез.

— Я так и делаю.

После безуспешных допросов из Невеля арестованных привезли на станцию Опухлики. Женщин посадили вместе, мужчин — отдельно. Первым вызвали Каиюк Марию и Головацкую Татьяну. Они ни в чем не сознались. Не созналась Беляева и другие.

Вывели всех во двор, на носилках вынесли Борзенкова.

Началась очная ставка.

— Кто из стоящих перед вами входил в вашу организацию?

Борзенков оглядел всех и ответил:

— Здесь нет таких.

В конце августа освободили Беляеву Марию и Слепченко Елену. Остальных: Борзенкова Николая Сергеевича, Кудинова Владимира, Головацкую Татьяну, Каиюк Владимира и Марию, Слепченко Юрия немцы отвезли в Витебск и после бесплодных допросов, истязаний и пыток расстреляли.

Гитлеровская контрразведка вырвала часть мужественных и смелых разведчиков. Но ей не удалось разгромить организацию в Новосокольниках и прилегающих селах.

Успешно продолжали работу Москалев, Беляев, Судомоева, Федорова, Андрей Козырев, бывший начальник станции Шубино, Енсова Елена и другие.

О результатах их работы мы читаем разведсводку № 16, адресованную чекистами в Москву, а также командующему и Военному совету 3-й ударной армии.

«Сообщениями наших зафронтовых разведчиков дополнительно подтверждаются ваши сведения (см. разведсводку № 15) о передвижении войск противника со стороны станции Дно в города Новосокольники, Невель, Пустошку, Себеж.

Эшелоны войск противника, следующие в г. Новосокольники, большей частью разгружаются на станции и далее следуют по большакам своим ходом в сторону Невеля. Меньшая часть направляется в Пустошку и Себеж. Проследить выгрузку войск в Пустошке — Себеже пока не удалось.

Наряду с перегруппировкой войск противника перед фронтом 3-й ударной армии по распоряжению немецкого командования из прифронтовой полосы Новосокольнического района силами войск и полиции проводится поголовное выселение жителей в тыл. Лица, которые оказывали содействие частям Красной Армии и партизанским отрядам, арестовываются при малейшем подозрении, расстреливают и вешают преимущественно женщин, как это сделали в деревне Авиново, где повесили 10 человек.

Одновременно проводится усиленная вербовка мужчин призывного возраста в полицию и карательные отряды. Вербовка производится под угрозой отправки в концлагеря, если кто отказывается идти на службу в полицию. Полицейских немцы обмундировали в форму зеленого цвета и немецкие пилотки с белым треугольником. Дословный текст приказа гласит: «Лица, встречаемые еще на эвакуированной территории после 20 октября 1942 года, этим докажут, что они или сами бандиты, или имеют связь с бандитами. Немецкие войска будут обращаться с ними как с бандитами».

Условия работы в Новосокольниках для разведчиков усложнились. Гайдук Фаину снова арестовали, но после двух дней допросов ей удалось вырваться и уйти из города в район.

После освобождения Мария Беляева с мужем продолжали работать, но во второй половине сентября ночью неожиданно прибежал Борис Гусаков, дочь которого была разведчицей, и сообщил полученные сведения от Судомоевой.

«Немедленно уходите, иначе всех вас утром арестуют».

ЭТО БЫЛО В НОВОСОКОЛЬНИКАХ

Беляевы в ту же ночь, забрав двоих детей, удачно вышли к нашим войскам.

Надя Судомоева вела себя строго и старалась добросовестно выполнять все, что касалось уборки помещений. В горуправу о ней поступали хорошие отзывы. Арестованные подпольщики не выдали ее, и она, оставаясь вне подозрений, продолжала собирать разведывательные и контрразведывательные сведения. Но после ареста подпольщиков каналы связи с чекистами нарушились, а сведений скопилось много. К ней на связь была послана жительница деревни Горки комсомолка-разведчица Федотова Антонина Яковлевна. Но, придя к Судомоевой в Новосокольники, Тоня Судомоеву не нашла, так как Судомоева решила сама перейти все немецкие заграждения и линию фронта и передать сведения в особый отдел. Ей это удалось в районе деревни Низовчи. Затем она снова вернулась в Новосокольники и после ареста Борзенкова и других возглавила группу оставшихся на свободе разведчиков.

В одном из архивных документов говорится о Наде Судомоевой: «Активно руководит 7-й городской группой из 8 человек. На 1 октября 1942 года умело провела разложение роты немецких военнослужащих украинской национальности. Из них 10 человек с оружием перешли через линию фронта в расположение Красной Армии».

В это время Наде шел 18-й год.

Чтобы отомстить переводчику Карлу Миллеру за истязания своих товарищей, разведчики разработали план его уничтожения. Поручили это сделать Москалеву К. К. Тот начал следить за Миллером и уже готов был исполнить приговор, но Миллера накрыла и разнесла в клочья бомба, сброшенная с советского самолета.

Работать становилось все труднее. Многие разведчики гибли, связь прерывалась.

Иванову Нину Владимировну из деревни Андрюково, которая собирала разведывательные данные и была связующим звеном между Новосокольниками и чекистами, немцы схватили и сожгли вместе с жителями деревни. Через разведчицу Чубарову Екатерину Семеновну, которая проживала в деревне Болванкино, тоже проходила связь с чекистами. Немцы ворвались в деревню неожиданно. Перед этим у Чубаровой побывали разведчики 257-й стрелковой дивизии, оставили у нее пачки листовок для передачи в Новосокольники. Листовки Чубарова спрятала в яме.

Когда немцы вошли в дом, то обнаружили в сенцах диск от автомата, забытый разведчиками.

Начался обыск, и листовки были найдены.

Чубарову Екатерину схватили и по дороге в Новосокольники в одной из деревень повесили. У нее осталось двое детей, муж находился в Красной Армии.

Когда об этом стало известно чекистам Калининского фронта, их начальник тов. Ханников написал на донесении:

«Примите меры через командование и местные органы о материальном обеспечении детей. Если ж дети проживают на временно оккупированной территории, подумайте о возможности вывода их к нам и обеспечении...»

За линию фронта, в деревню Болванкино, были посланы чекисты, чтобы разыскать детей и вывести их в наш тыл.

К сожалению, детей Екатерины Семеновны найти не удалось, так как население было частично вывезено в немецкий тыл, а деревня и часть жителей сожжены.

С окружением Красной Армией города Великих Лук фронт продвинулся ближе к Новосокольникам. Все гражданское население было отселено в тыл немецких войск. Москалев, Судомоева и другие разведчики связь с чекистами потеряли. Но сведения к чекистам продолжали поступать. Их с большим риском переправляли другие разведчики.

В январе 1943 года начались бои за Великие Луки. Длительным штурмом город был взят. А через некоторое время Красная Армия освободила и Новосокольники.

Так закончилась борьба советских патриотов на одном из участков подпольного фронта. Многие из подпольщиков-разведчиков погибли. Но их помнит народ. Они не будут забыты и в летописи подвигов бойцов незримого фронта.

И, может быть, их именами назовут города, станции, села, улицы, где сражались они.

Как же сложилась судьба оставшихся в живых?

Друг и помощник Борзенкова Николая Сергеевича жена Анна Станиславовна испытала много горя. Чудом сохранив пятерых детей в трудные годы войны, она в нелегких послевоенных условиях воспитала их достойными людьми. Сейчас она и сын Юрий, помогавший отцу, проживают в Новосокольниках. Сын, так же как и отец, работает на железной дороге. Дочь Лидия — заведующая учебной частью Маевской средней школы, сын Владимир — бригадир завода «Реостат» в Великих Луках, дочь Елена — учительница в г. Мариуполе, сын Александр — моряк.

В Новосокольниках живет и Гайдук Фаина Федоровна.

Москалев Константин Константинович постарел, но свою профессию электромонтера не забывает. Он живет и работает в деревне Пески, вблизи от Новосокольников. В Лудзе, недалеко от Новосокольников, живет и работает Федорова Мария. Она теперь Федорова-Собкова. Семья Беляевых проживает в Ленинграде.

Попов Владимир Павлович и Завьялов Михаил Александрович до 1944 года действовали в тылу врага и закончили войну в Латвии. Сейчас они в Риге. Там же трудится и Савельев Иван Гаврилович.

К сожалению, дальнейшая судьба многих подпольщиков-разведчиков нам неизвестна. Но мы надеемся, что они откликнутся.

17*

1

Помимо разведывательной работы, которую проводил «Виддер» против частей Красной Армии, находившихся на Брянском и Западном фронтах, немаловажное значение придавалось и контрразведывательной работе. «Виддер» вел борьбу с партизанскими отрядами, действующими в Орловской области. При помощи забрасываемых в партизанские отряды агентов он должен был выявлять оперативные планы партизанского командования, парализовывать деятельность партизан на основных коммуникациях к фронту и осуществлять убийства партизанских командиров.

Всеми этими вопросами и занимался Гринбаум — начальник Локотского отделения «Абвергруппа-107» — «Виддер».

В СЕРДЦЕ

Короткая летняя ночь подходила к концу, но Гринбауму не спалось. Он то вставал, закуривал, принимался читать, то вновь ложился. В голове роились беспокойные мысли о трех завербованных им русских агентах. Две недели назад он послал их с заданием проникнуть в партизанский отряд, находившийся недалеко от городка, но они как в воду канули. Нет ни людей, ни сведений. Что делать? За это не похвалят.

Гринбаум с горечью думал о предстоящем разговоре в главном штабе немецкой разведки «Виддер». Чем он может объяснить провалы в своей работе? Разве он виноват в том, что его агенты бесследно исчезают, либо их ловят партизаны, либо они сами являются к ним с повинной?

От напряженных дум у зондерфюрера нестерпимо заболели виски, во рту от непрерывного курения был неприятный осадок.

В отличие от многих своих коллег Гринбаум не полагался только на свои личные способности. Он охотно выслушивал мнения и советы своих подчиненных. И, если они оказывались дельными, он выдавал их за свои. Но это было так редко! Приходилось большей частью обдумывать все самому.

Гринбаум считал себя неудачником. Ему скоро сорок, а он всего лишь зондерфюрер — капитан. А ведь за его спиной большая трудная школа: Чехословакия, Польша, Франция. Но, несмотря на все это, он так и не сделал блестящей карьеры. А ведь в «Абвергруппе-107» Гринбаум давно, с момента ее организации в Варшаве, перед самым началом войны с русскими. Абвергруппа, или, как она условно называлась по позывному радиостанции, «Виддер», была придана штабу 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Гудериана.

Сейчас абвергруппа действовала на территории Орловской области. Главный штаб ее находился в Орле.

Мысли его перенеслись к недавнему выступлению немецких войск против партизан, которое закончилось провалом. Во время одного из боев в плен попала группа партизан. Одного из партизан в течение нескольких дней допрашивали, но, несмотря на побои и пытки, раненый партизан не дал никаких сведений о своем отряде.

«Дурак! — подумал Гринбаум о следователе. — Неужели он не понимает, что пряник иной раз может принести большую пользу, чем плетка». Нужно применять самые разнообразные методы. А отсюда вывод: поручать допросы следователям, которые понимают все тонкости следствия. Так Гринбаум и сделал. Два последних допроса партизана вел другой следователь, из русских.

Невеселые думы Гринбаума были прерваны телефонным звонком.

— Прошу прощения, господин зондерфюрер, но у меня к вам важное, не терпящее отлагательств дело. Разрешите зайти... — сказал следователь, которому был передан допрос партизана.

2

«...С тяжелыми боями мы выходили из вражеского окружения. Я шел впереди роты, и вдруг тряхнуло, скорее бросило куда-то в сторону. Потерял сознание. Сколько пролежал, не знаю. Приподнялся на локтях. Голова тяжелая, в ушах звон — контузило меня. Огляделся. Наших нет никого, кругом пусто. Недалеко воронка от снаряда. А в голове одно: «Быстрее уходить отсюда надо, отлежаться до вечера где-нибудь в укромном месте, а там своих разыскивать». Не успел десять метров проползти, слышу: сзади из тяжелого пулемета бьют

длинными очередями. Оглянулся и обомлел — по просеке, переваливаясь с боку на бок, бронетранспортер немецкий ползет. Немцы меня заметили. На ходу с машины выпрыгивают и навстречу бегут, а мне и деваться некуда. «Ну, — думаю, — пропал ты теперь, Андрей Елисеев». Схватили меня фашисты, посадили в бронетранспортер. Гляжу, а там четверо партизан из нашей бригады сидят. Привезли нас в поселок Усух. До войны здесь колхоз «Путь» был. Утром чуть свет под конвоем в Суземки погнали.

Жара. Солнце печет. По большаку непрерывным потоком колонны машин, танков движутся. Пылища — дышать нечем. Пить хочется, язык как рашпиль шершавый, еле во рту ворочается, в горле саднит.

Сразу же на допрос потащили. Еще раньше улыбается, встречает меня как старого знакомого.

— Крепкий ты, однако, парень.

— Уж какой есть, — отвечаю я.

— На, поешь, а потом разговаривать будем,— и протягивает мне кусок колбасы с краюхой хлеба.

— Бери, бери, не отказывайся! Сам раненый, в плену был. Знаю, что здесь не мед.

Гляжу на него: на шее ожоги, шрам от пули.

Начал про партизан расспрашивать. Странное дело — ничего не добился от меня, а сам вроде обрадовался.

— А ты, Елисеев, в победу крепко веришь, — и смотрит на меня хитро. — Немцы вон как вас обложили, дыхнуть не дают.

Тут я вместо ответа взял да рассказал, как партизаны нашей бригады крупную немецкую

„ВИДДЕРА“

решил — лучше умру, но ничего гадам не скажу. Такая злость у меня на немцев была, что трудно сказать даже. Откуда силы взялись. Допрашивал первый раз какой-то русский капитан из РОНА. Ну, фамилию, имя свое я ему сказал, отряд назвал, в котором служил. Про него немцы и без меня знали. Потом начал расспрашивать о дислокации партизанских отрядов, их численности, вооружении, планах командования, потерях, понесенных партизанами во время последних боев. На все вопросы отвечаю, что человек я, дескать, маленький — рядовой боец, поэтому ничего не знаю. Вижу, начинает мой следователь злиться. Лицо цвета говядины сделалось.

— Врешь, партизанская сволочь! Ты у меня сейчас не так запоешь! — орет. Крикнул помощника своего. Стали меня резиновыми шлангами избивать. Губу до крови прикусил, но держусь. Видят, я уже сознание начинаю терять — перестали стегать. Кружку воды на голову вылили. Опять те же вопросы стали задавать.

Продолжаю стоять на своем: ничего, мол, не знаю, и все тут.

Наверное, еще раз избили бы меня, если б в комнату не зашел фельдфебель в немецкой форме: ладный такой, среднего роста, подбородок крепкий, упрямый. Обращало внимание некоторое несоответствие в его форме — вместо пистолета на боку тяжелый маузер в деревянной колодке. Такие матросы в гражданскую войну носили. Посмотрел он на меня — взгляд внимательный, твердый, потом на следователя. Тот хотя и офицер РОНА, а встает и докладывает фельдфебелю о результатах следствия. Пробежал он протокол допроса и говорит по-русски:

— Этого парня не трогайте. Я сам с ним займусь.

На другой день снова на допрос вызвали. За столом сидит вчерашний фельдфебель. Думаю: этот зверь почище вчерашних будет. А он

часть в районе Красной слободы потрепали. Следователь улыбается и говорит:

— Знаю. Крепко дали прикурить немцам.

Дал протокол подписать, а там из всей нашей беседы только мои автобиографические данные записаны, и больше ничего».

В глубоком тылу у фашистов работает передатчик чекистов.

3

Пришел я с допроса, а следователь из головы не выходит. Странно он вел себя. А может, это провокация? Не сломили меня на первых допросах, теперь хотят хитростью взять. Кто же этот следователь — друг или враг?

Утром меня и других пленных партизан выстроили во дворе. Связали всем руки, посадили в машину и повезли куда-то. Думаю: «Все. Конец! Отъедем подальше от Суземок, и расстреляют нас где-нибудь в овраге». Когда к станции Брасово свернули, у меня на душе отлегло. Так оно и есть: в концлагерь направляют, что рядом со станцией.

О Брасовском лагере я еще в отряде наслышался. Одно можно сказать, — гиблое это место. От побоев, голода, пуль охранников каждый день в лагере гибли десятки людей.

Заперли нас в сарай, разделенный на небольшие камеры — клетушки. Окон нет, вместо дверей колючая проволока. Ни пить, ни есть не дают, на допросы не вызывают. Будто забыли про нас.

Как-то проснулся я от скрипа двери. Вижу: на пороге фельдфебель стоит, который меня допрашивал.

— Рад тебя видеть живым, Елисеев, — говорит.

— А что со мной должно случиться?

— Наивный вопрос. Может, этому веришь? — и протягивает мне какой-то листок.

Читаю. На одной стороне листовки обращение к партизанам: сдавайтесь, сохраним жизнь, всем обеспечим, а на обороте жирным шрифтом набрано: «Является пропуском для перехода на сторону германской армии».

Я и раньше подобные бумажки видел. Пожал плечами и говорю:

— Не знаю, вам виднее, у них служите.

Следователь с горечью говорит:

— Да, у всех, кто сидит здесь, одна дорога — на тот свет. Повезу на расстрел — попытайся бежать.

— Рад бы последовать совету. Не хочется погибать в двадцать лет. Да разве от вас вырвешься, — отвечаю я.

Прошло несколько дней.

Вызывают меня в лагерную комендатуру опять к тому же следователю. Остались мы с ним с глазу на глаз.

Взглянул он на меня пристально и тихо говорит:

— Разговор есть к тебе, Андрей, серьезный, начистоту. Но учти — это не для бумаги. — И указывает в сторону лежащего на столе бланка протокола. — Знаю, что ты комсомолец, командиром роты в отряде был, сражался геройски — зря к правительственной награде не представляют. Правильно я говорю?

Оторопел я после этих слов, не нахожу, что сказать.

«Если ему все про меня известно, почему раньше на допросах ни разу об этом не спросил? Другой на его месте так не поступил бы. Постарался бы меня к стенке прижать. Очную ставку устроил бы с пленными партизанами, избил бы до полусмерти».

Заметил он мою растерянность.

— Ты не думай, что здесь одни предатели. Мундир немецкий ношу — это еще не значит, что фашистам верой и правдой служу. Вижу, что парень ты надежный, поэтому и говорю откровенно. Дело, конечно, твое — поверить мне или нет.

Вижу, взволнован он сильно, побледнел даже. Взгляд прямой, открытый: не может такой человек лгать.

— Что нужно делать? — спрашиваю.

— Для начала не так уж много — стать немецким агентом, — засмеялся следователь. — Да ты не пугайся! Сейчас все объясню. Слышал про немецкий разведорган «Виддер»?

Я кивнул головой.

— Так вот, это только условное его название, которое в переводе на русский означает «баран». Официальное наименование органа «Абвергруппа-107». Я являюсь следователем и вербовщиком оперативной группы «Виддера» в Локоте. Как раз теперь немцы комплектуют группу агентов, в основном, из девушек, для заброски в партизанские отряды. Буду стараться, чтобы ты тоже туда попал. Как только направят тебя в лес, явишься в объединенный штаб партизанского движения и передашь от меня пакет.

— Согласен, — говорю.

— Добро! Ты не знаешь, как для меня важно установить связь с партизанами. Я давно пытаюсь это сделать, но все никак не могу найти подходящего человека. Учти, все трудности впереди. Будь осторожен, следи за своими действиями, поступками. Запомни — зовут меня Борис.

4

Гринбаум едва успел привести себя в порядок после бессонной ночи, как в дверях появилась невысокая фигура человека в хорошо сшитом мундире фельдфебеля немецкой армии.

— Проходите и присаживайтесь.

Он кивком указал на кресло, стоявшее недалеко от письменного стола.

Некоторое время молчали. Гринбаум размышлял над тем, что привело следователя к нему в такой ранний час. А тот, в свою очередь, о том, как начать разговор, чтобы не вызвать подозрения Гринбаума.

— Я вас слушаю, господин Андриевский, — произнес капитан, закуривая сигарету.

— Господин зондерфюрер, — не спеша начал Андриевский, — я вам уже докладывал о том, что мной ведется допрос пленного партизана.

— Да, помню. Каковы результаты?

— Партизан согласился работать на нас и дал сведения о себе и о партизанском отряде, в котором он был, — ответил следователь. — Я прошу вашего разрешения на его вербовку.

При последних словах он взглянул на Гринбаума, стараясь понять, какое впечатление на него произвели его слова. Однако лицо капитана оставалось равнодушным, хотя сообщение следователя и вызвало у него удовлетворение.

Гринбаум просто не любил сразу принимать какие-либо решения. Долголетняя служба в военной разведке научила его осторожности и подозрительности.

Он заговорил тогда, когда Андриевский решил уже о провале своего плана:

— Расскажите мне о нем поподробнее. Что он из себя представляет? Почему согласился работать на нас? Как вам этого удалось добиться?

Андриевский подробно сообщил шефу о Елисееве. Сказал он еще и то, что старался расположить к себе партизана дружескими беседами, на которые тот и клюнул. В этих беседах он всячески подчеркивал, что самое дорогое у человека — это жизнь и что умереть в двадцать лет, по крайней мере, глупо. А так Елисеев, выполнив всего лишь одно задание, получит свободу и поступит на службу в доблестную «русскую освободительную армию». После окончания войны ему дадут землю, денег, и будет жить он припеваючи.

Андриевский кончил. На этот раз Гринбаум не молчал и живо спросил:

— А вы уверены, что партизан, получив свободу, не скроется от нас?

— Вряд ли, господин капитан. Слишком много он нам рассказал, — после некоторого раздумья ответил следователь.

— Попробовать, конечно, можно, — нерешительно сказал Гринбаум. — Только экспериментов хватит! Пора с ними кончать. Мне нужны преданные разведчики, которые приносили бы сведения, представляющие интерес для нашей разведки, и не пожалели бы сил для победы германского оружия.

В кабинете было жарко. Гринбаум то и дело вытирал платком струившийся со лба пот. Не выдержав духоты, он встал из-за стола, подошел к окну и открыл его. В кабинет сразу же ворвалась утренняя свежесть, стало легче дышать.

Возвращаясь на свое место, Гринбаум вдруг резко сказал:

— Хорошо! Я согласен, но при условии тщательной проверки его. Отправьте Елисеева обратно в лагерь, хотя нет. — Он на какое-то мгновенье задумался, а потом продолжал: — Пусть он лучше посидит недельку в нашей тюрьме, в ней он поймет разницу между жизнью и смертью. И когда он решит, что жить лучше, сам придет к нам.

После этих слов Андриевский понял, что разговор окончен, и попросил разрешения уйти. Выйдя за дверь, он облегченно вздохнул. Этот разговор стоил ему огромного напряжения. Теперь главное — это сказать Елисееву, чтобы он через несколько дней вызвал его в тюрьму.

«А кстати, какое сегодня число? — подумал Андриевский. — 10 июля. Значит, это должно произойти примерно 16 июля. Если Елисеева не предупредить, он может просидеть в тюрьме неизвестно сколько, это в лучшем случае, а в худшем его могут и расстрелять».

Не теряя времени, он поехал в лагерь. Вызвав Елисеева, коротко рассказал ему о разговоре с Гринбаумом. Елисеев был немного встревожен таким сообщением. Он думал, что немцы с радостью ухватятся за него, а оказывается, это далеко не так. Они еще несколько дней собираются проверять его, подсматривать за ним в глазок тюремной камеры... Андриевский, поняв состояние Елисеева, сказал улыбаясь:

— Ничего, брат, не унывай. Страшное не в этом, а в том, что если Гринбаум откажется от вербовки тебя. Хотя думаю, что все обойдется благополучно.

Андриевский вызвал начальника лагеря, невысокого однорукого немца, и передал распоряжение Гринбаума.

Через несколько минут Андриевский остался в комнате один. В окно он видел, как Елисеева сажали в закрытую машину, затем через некоторое время она выехала из ворот в сторону Локотя, оставляя за собой шлейф сероватой пыли.

5

«...Наступило 16 июля. В этот день я по уговору с Борисом после обеда постучал в дверь камеры. Через несколько минут дверь открылась. На пороге стоял с большой связкой ключей полицай с повязкой на рукаве и в немецкой пилотке. Он не спеша подошел ко мне, смерил презрительным взглядом и спросил:

— Чего тебе?

Придав голосу покорность, я попросил его вызвать через начальника тюрьмы следователя, так как у меня к нему есть важное дело насчет партизан.

— Важное дело, говоришь? — прищурившись, сказал тюремщик. — А этого вот не хочешь? — И он поднес к моему лицу здоровенный кулак.

— Господин полицай, у меня действительно есть разговор к следователю, — жалобно проговорил я.

— Не врешь? — он недоверчиво поглядел на меня. — А ну, перекрестись!

Что мне оставалось делать? Сроду не был верующим, а тут стал им.

— Вот те истинный крест! — И я размашисто перекрестился.

— Вот теперь верю, — и довольный полицай вышел из камеры.

Те полчаса, в течение которых я ждал Бориса, показались мне вечностью. А что, если он не доложил обо мне начальнику тюрьмы? Какой тогда искать выход? Если то, что предлагал мне Борис, не провокация, то нужно спешить поскорее добраться до наших и сообщить им, что в немецкой разведке появился советский человек.

Наконец заскрипел засов, и дверь камеры открылась. На пороге стоял Борис. Он незаметно подмигнул мне, словно говоря: «Все в порядке».

Пройдя по длинному коридору, мы спустились по лестнице вниз, во внутренний двор тюрьмы, где нас ждала легковая машина.

В сердце „Виддера“

Пока мы ехали, я глядел на мелькавшие за окном машины улицы городка. Каким он был до войны веселым, приветливым, красивым! А теперь не узнать его. Разбитые окна, разрушенные, обгорелые стены... На перекрестках улиц фашисты повесили написанные указатели дорог, названия ближайших населенных пунктов. По улицам двигались тупорылые машины с военными грузами и солдатами.

На площади перед Домом Советов увидел я наспех сколоченную виселицу. На шее у повешенного висела дощечка с лаконичной надписью: «Партизан».

Через пятнадцать минут мы подъехали к большому двухэтажному кирпичному дому с палисадником. У ворот дома прохаживался автоматчик. Меня поселили в маленькой комнатке, в которой, кроме железной кровати, стола и стула, ничего не было, даже окон. В ней целые сутки горел электрический свет. Выходить не разрешали никуда. Одним словом, тюрьма. Разница лишь в том, что здесь было чисто, сухо, да и питание неплохое. Сколько мне предстояло жить тут, я не знал.

Сидя в машине, Борис сказал мне, что вызов к Гринбауму, вероятно, состоится через несколько дней, поскольку он сейчас в Орле. Еще он сообщил мне, что жить я буду в доме, где размещается «Виддер».

Подробно рассказав, как надо держаться у Гринбаума, и обменявшись крепким рукопожатием, Андриевский ушел. После его ухода я подумал: «Какой мужественный человек! Поразительный человек!»

6

— Господин Андриевский? Говорит Гринбаум. Ваш партизан еще жив?

— Да, господин зондерфюрер.

— Немедленно поезжайте в тюрьму и привезите его.

— А он здесь.

— Как здесь? Я вас не понимаю, — голос Гринбаума повысился.

— Господин зондерфюрер, Елисеев позавчера меня вызвал в тюрьму и сказал, что ему надоело сидеть в ней. Он готов выполнить любое наше задание.

— Отлично! В таком случае сегодня в два часа дня он должен быть у меня.

Не дождавшись ответа, Гринбаум опустил трубку. Он был в хорошем настроении. Всего лишь три часа назад капитан вернулся из Орла, где с ним обошлись милостиво, хотя он и приготовился к разносу. По его мнению, тут сыграл план проникновения в партизанский отряд, предложенный им начальству.

Гринбаум закурил сигарету, откинулся на спинку кресла и задумался. Пожалуй, нужно на эту беседу пригласить и обер-лейтенанта Шестакова.

В сердце „Виддера“

7

«На второй день моего пребывания в немецкой разведке днем пришел солдат.

Пройдя примерно сотню шагов, мы вошли в большую светлую комнату. В ней я увидел троих сидящих за столом в немецкой форме. Я поздоровался с ними и неподвижно встал у двери. В центре стола сидел чернявый немец. Это был Гринбаум. Я его сразу узнал по описанию Бориса. Слева от него — коренастый бритоголовый человек в форме обер-лейтенанта. Во время разговора он не сводил с меня маленьких колючих глаз. Справа от Гринбаума сидел Борис. За все время он не сказал ни слова.

Некоторое время они меня внимательно разглядывали. Наконец Гринбаум спросил:

— Согласны вы сотрудничать с нами для пользы германской армии и будете ли преданы делу фюрера?

— Да! — ответил я, не задумываясь, и взглянул на портрет Гитлера, висевший сзади Гринбаума.

— А как вы отнесетесь к заданию проникнуть к партизанам и собрать о них сведения, представляющие интерес для германской армии и разведки?

Вспомнив наставление Бориса отвечать кратко и четко, я сказал:

— Готов выполнить любое ваше задание!

— Хорошо, — одобрительно кивнул головой Гринбаум. — Теперь слушайте внимательно и запоминайте. Завтра вы с нашей помощью будете переправлены в партизанскую зону, где должны вступить в какой-нибудь отряд. После того как вы освоитесь в нем, приступайте к работе. Нас интересуют следующие сведения. В первую очередь месторасположение партизанских бригад и маршруты их следования, в особенности таких бригад, как «За власть Советов» и командира Дука; во-вторых, необходимо установить фамилии командиров и политработников; в-третьих, собрать данные о вооружении партизан и как они его достают; в-четвертых, узнать, как обстоит дело с продовольствием; в-пятых, постараться выведать планы партизанского командования, — в этом месте Гринбаум многозначительно поднял большой палец кверху, подчеркивая этим самым важность этого задания, — и, наконец, собрать сведения о забрасываемых к нам советских разведчиках. Вот и все!

Обер-лейтенант обратился к Гринбауму с вопросом:

— Господин Гринбаум, а что, если Елисееву поручить убийство чекиста из чапаевской бригады? Его давно пора отправить на тот свет. Вот только забыл его фамилию, черт возьми! — И он со злостью уставился на меня.

— Зачем? — брезгливо ответил немец. — Он на этом деле засыплется и провалит всю операцию. Да, вот что еще, — обратился ко мне Гринбаум. — Если вам удастся, установите, где находится бригада имени Чапаева. По нашим данным, она действует в Ромассухинских лесах. На выполнение задания даем вам срок две недели.

«Что это они так часто вспоминают чапаевскую бригаду? — подумал я. — Видимо, она им крепко насолила...»

— Только не вздумай с нами шутить! — угрожающе прошипел Шестаков. — С того света достанем!

Гринбаум кивнул головой, затем вытащил из большого резного буфета бутылку коньяка с рюмками и наполнил их.

— За славную германскую армию, нашего фюрера и за ваш успех, господин Елисеев! — сказал немец, чокаясь со всеми.

Все выпили. Так я стал агентом немецкой разведки «Виддер».

8

Под вечер прошел сильный дождь, второй за день. Угасли краски заката. В лесу быстро стемнело. В разных концах партизанского лагеря зажглись огни костров. Партизаны готовили ужин, разговаривали, шутили...

Майор Засухин, начальник особого отдела при объединенном штабе партизанских отрядов в Брянских лесах, сидел в своей землянке за бревенчатым столом и при свете керосиновой лампы с лопнувшим стеклом читал очередные донесения о боевых действиях партизан.

Василий Алексеевич — так звали Засухина — был доволен. День не прошел даром для партизан. В одном из донесений он прочитал: «На перегоне Брасово — Комаричи произведено крушение военного эшелона, идущего в сторону Льгова. В результате крушения разбито 15 вагонов с немецкими солдатами и офицерами и 9 платформ с боевой техникой». А вот другое: «В деревни Аркино, Туличево и Радогощь прибыли немецкие саперные части, которые спешно строят укрепления». А это что за донесение? Засухин внимательно прочитал и его. В нем говорилось, что немцы в Комаричском и Брасовском районах проводят поголовную мобилизацию населения в возрасте от 18 до 50 лет и из них формируют подразделения, которые проходят обучение под командованием немецких офицеров.

«Да, фрицам туго приходится на фронте, раз они мобилизуют наших русских для несения тыловой службы, а свои части перебрасывают на фронт», — с удовольствием подумал Засухин.

От чтения донесений майора оторвал голос одного из партизан:

— Товарищ командир, задержали парня. На вопросы отвечать отказался. Просит, чтобы доставили в штаб. Я подумал и решил направить к вам.

— Какой парень? — недоуменно спросил Засухин.

— Фамилию не сказал.

— Давай его.

Через несколько минут порог землянки переступил Андрей Елисеев. Засухин посильнее выкрутил фитиль в лампе и посмотрел на Елисеева. Рост средний, лицо обыкновенное, простое, какое бывает у многих людей, но лицо вроде знакомое.

Где и когда он видел этого парня? Майор взглянул на волосы Елисеева — они были с рыжеватым оттенком. И вдруг вспомнил: он видел парня в отряде, которым командует Булкин Алексей Павлович...

Этой весной Засухину показали в отряде этого парня и рассказали о его находчивости и смелости. При разгроме штаба одной немецкой части в деревне Шиленка в марте 1943 года он одним из первых ворвался в нее, овладел пушкой и открыл огонь по бегущим немцам.

Засухину тогда еще сказали, что за этот подвиг партизана хотели представить к правительственной награде, но во время последнего наступления немцев он исчез. В отряде сочли его погибшим, а он, оказывается, живой. Вот он стоит перед ним.

И все же Засухин решил допросить задержанного.

— Как фамилия? — быстро спросил он.

— Елисеев Андрей, бывший командир роты партизанского отряда.

Такой быстрый и четкий ответ понравился Засухину.

— Откуда ты прибыл и как очутился в расположении штаба?

Вместо ответа Андрей попросил у Засухина ножницы, не спеша отпорол пояс у брюк, вытащил какой-то листок бумаги и молча протянул его Засухину. В нем говорилось: «Предъявителя данного удостоверения при появлении его в одной из немецких или народных частей необходимо незамедлительно отправить в «Виддер».

Майор прочитал и с интересом посмотрел на Елисеева. Тот как ни в чем не бывало спокойно стоял и смотрел на Засухина. Наконец майор спросил:

— Что это все значит? Откуда ты его взял?

Елисеев ответил, волнуясь:

— Я немецкий агент. Прибыл к вам в штаб из Локотя, из немецкой разведки «Виддер».

Удивлению майора не было границ. Он что, серьезно говорит или дурака валяет? Внутренним чутьем Засухин чувствовал, что парень не может быть немецким агентом. Уж слишком он уверенно и спокойно держится.

— Как немецкий агент? — спросил Засухин и строго приказал: — А ну рассказывай, парень, всю правду, и нечего со мной шутить! Здесь тебе не цирк, а партизанский отряд.

Елисеев поправил сбившиеся на лоб непокорные волосы и неторопливо стал рассказывать о том, что с ним случилось.

Засухин слушал Андрея молча, терпеливо, не перебивая, не пропуская ни слова.

— Расскажи об Андриевском подробнее, — попросил Андрея. — Да ты садись!

— Андриевский, — сказал Елисеев, присаживаясь к столу, — следователь Локотского отделения главного штаба немецкой разведки «Виддер» и командир группы агентурной разведки. На вид ему лет двадцать шесть — двадцать восемь. Родился на Украине. До призыва в армию работал на каком-то заводе в городе Изюме. В 1940 году сражался с белофиннами. Войну начал в Балтийском флоте, в морской авиации. В сентябре 1942 года попал раненым в плен, некоторое время работал на железной дороге, а затем немцы взяли его в «Виддер». Он допрашивает арестованных и, кроме того, используется курьером связи со штабом «Виддера» в Орле. В разведку пошел служить, потому что надеялся связаться с партизанами и работать на них. Но вы, товарищ командир, не

сомневайтесь в нем. Андриевский — наш человек, советский. Если бы вы знали, как он ненавидит фрицев! — При этих словах в глазах Елисеева блеснули злые огоньки.

— Так-то оно так, — вздохнул Засухин. — Продолжай.

— А дальше было вот что. Вчера утром меня в сопровождении Андриевского отправили в партизанскую зону. В полдень мы доехали до станции Холмичи, где Борис представил меня коменданту гарнизона этой станции майору Петерсону. Он устроил нас на отдых. До шести часов вечера мы пробыли на станции, а потом отправились дальше в путь, но уже пешком. Пройдя около километра по лесу, мы расположились на опушке. Здесь Андриевский снял с левой ноги сапог, размотал портянку и вытащил пакет. Вот он. — Елисеев достал из бокового кармана пиджака пакет, перевязанный бечевкой, и протянул майору.

Засухин взял пакет и положил его на стол. Заметив, что Елисеев замолчал, Засухин попросил продолжать свой рассказ.

— После того как Борис отдал мне пакет, мы с ним разошлись. Он пошел в обратную сторону, а я разыскивать вас. Искал долго, по лесу ходил несколько часов. Потом присел на пенек отдохнуть и тут был схвачен партизанами. Вот и все, — закончил Андрей.

Некоторое время в землянке стояла тишина. Слышно было, как за дощатой перегородкой осыпалась подсохшая земля.

— Скажи, а он там, в «Виддере», действует один? — нарушил молчание Засухин.

— Нет, не один. Но он мне назвал фамилию лишь радиста Жени Присекина.

— Это хорошо. Даже очень хорошо! — проговорил довольный майор. — Ладно, на сегодня хватит. Ты иди отдыхать, а я еще посижу.

Он вызвал одного из партизан и приказал ему устроить Елисеева на отдых.

Когда Елисеев ушел, Засухин принялся разбирать пакет. В нем оказались конверт, чистые бланки удостоверений сотрудников разведки «Виддер», пропуска на право передвижения по железным и шоссейным дорогам, фотокарточки немцев в военной форме.

Он разорвал конверт и вытащил из него два маленьких листка бумаги, написанные карандашом. Почерк был крупный, неровный, чувствовалось, что автор писал их волнуясь.

Засухин быстро пробежал глазами первый листок. В нем говорилось: «Вас, безусловно, будет мучить сомнение. Но не сомневайтесь. С вами имеют дело истинно русские люди, воспитанные Советской властью. При любых обстоятельствах оружия не сложу. Я раньше действовал самостоятельно в штабе врага. Я уже шесть лет подряд не выпускаю оружия из рук. А отдыхом пользовался только в госпиталях и немецкой тюрьме. Давайте действовать так, чтобы враги и изменники получили свою награду».

Внизу приписка: «Товарищ подполковник! — Засухин усмехнулся. — Откуда он взял, что я подполковник? — Если вас не затруднит, напишите пару слов моей мамаше — Лесовской С. И. Адрес: Новосибирская область, г. Томск, Лесовской С. И. Я ее сын».

«Этот адрес нужно срочно проверить. Завтра же радирую в Москву», — решил майор.

Другой листок бумаги оказался боевым донесением. Содержание его было следующим:

«На станции Холмичи (юго-запад Локотя) расположен русско-германский батальон, имеющий на вооружении 10 пулеметов (станковых и ручных), одно орудие, 2 ротных миномета. Штаб в помещении быв. детских яслей».

«Верно, — подумал Засухин. — Наши данные совпадают с его донесением. А теперь посмотрим хозяев «нового порядка».

С фотографий на него смотрели самодовольные лица немецких офицеров. Он взял наудачу первую карточку. На ней был изображен красивый немец с удлиненным лицом, тяжелым подбородком и тонкими, резко очерченными губами. Весь его вид говорил о воли и решительности. Кто он?

Засухин перевернул карточку и на обороте с удивлением прочитал: «Гринбаум, зондерфюрер, «наш покровитель».

Майору хорошо была знакома фамилия этого немецкого разведчика. Теперь он знал его в лицо.

«Так вот ты какой! — размышлял он. — Красивый, ничего не скажешь, да, по-видимому, и умный...»

На других снимках также были изображены сотрудники разведки «Виддер».

Василий Алексеевич отложил карточки, встал и быстро заходил по землянке.

«Да, материал ценный, не говоря о фотокарточках. Одни бланки удостоверений чего стоят! А почему бы не затеять игру, если то, что рассказал Елисеев, не провокация? Что мы теряем? А что выигрываем? Много, ой как много! Мы проникаем в самый центр «Виддера», будем получать сведения о вражеской агентуре, о планах командования 2-й немецкой танковой армии и бригады Каминского. Надо только все тщательно продумать».

Партизанский лагерь давно спал, когда Засухин вышел из душной землянки, чтобы подышать свежим воздухом. Ночь была теплая, тихая, полная очарования. Небо усеяно звездами. Казалось, кто-то взял пригоршню жемчужин и разбросал их по небу.

Василий Алексеевич прислонился к дереву, закурил.

Локоть... Майору знаком был этот городок. До войны ему несколько раз приходилось бывать в нем. Расположенный в стороне от главных магистралей, неприметный, живописный, он был похож на тысячи других городков, рассеянных по необъятной России. Кроме небольшого механического, спиртового заводов, сельскохозяйственного техникума, коневодческого завода, здесь не имелось никаких других промышленных предприятий и учебных заведений. Тот факт, что в Локоте нашла пристанище немецкая разведка «Абвергруппа-107 Виддер», был вполне закономерен. Засухин в тылу врага не первый раз, он по опыту знал, что гитлеровцы свои разведывательные органы размещали вдали от крупных населенных пунктов, подальше от человеческих глаз.

В этом городе свила «осиное гнездо» кучка предателей советского народа. С помощью нем-

цев она создала так называемую «Народную социалистическую партию всей России». Гитлеровцы рассчитывали с помощью этой партии разгромить партизанское движение на Орловщине и тем укрепить оккупационный режим. Охранял этот сброд гарнизон немцев и полицейская бригада численностью в 200 человек.

В ноябре 1941 года главарь этой шайки бывший белогвардейский офицер Воскобойников выпустил свой «Манифест» с призывом к населению вступать в партию. Локоть превратился в очаг фашистского зловония, распространявшийся на все окрестности.

Партизаны решили ликвидировать этот гнойник. 7 января 1942 года они под командованием Героя Советского Союза Емлютина совершили смелый налет на городок. Майор, правда, не участвовал в этой операции, но он в числе других готовил ее. В результате нападения партизаны нанесли фашистам и их пособникам сильный удар, а Воскобойников и его ближайший подручный Ворона были убиты.

После смерти Воскобойникова немцы назначили хозяином Локотя Каминского. Этот скромный сорокалетний инженер спиртового завода решил оправдать свое столь высокое назначение. Он из полицейских, военнопленных и насильно мобилизованных жителей создал карательную бригаду, которая носила название «Русская освободительная народная армия». Эта пресловутая армия участвовала в боях с партизанами, творила насилия и бесчинства над мирным населением. Каминский из кожи лез, чтобы угодить командованию. Немцы оценили его заслуги: присвоили чин генерала и наградили двумя Железными крестами. Забегая вперед, скажем несколько слов о судьбе Каминского. В сентябре 1944 года его бригада участвовала в подавлении варшавского восстания. К этому времени она из воинской части превратилась в банду головорезов, для которых был один девиз: «Убивать и грабить». Немцы в нем больше не нуждались, он им стал мешать. Они решили убрать его, инсценировав автомобильную катастрофу. Так закончил свой бесславный путь обер-палач советского народа Каминский.

...Засухин пососал папироску и зябко поежился. Мысли опять перенеслись к сегодняшнему дню.

«А что, если это тонкая игра немецкой разведки? — в который раз задавал он себе этот вопрос и тут же отвечал: — Непохоже! За один пакет, который нам передал Андриевский, немцы могут расстрелять его. Какой ему смысл рисковать жизнью? Может, с помощью Андриевского удастся проникнуть не только в «Виддер», но и в бригаду Каминского. До недавнего времени в ней был наш человек, Крикунов, но он погиб. А вести работу по разложению бригады нужно...»

Засухин не спеша направился к землянке.

10

Прошла неделя. За это время многое стало известно Засухину. Во-первых, Большая земля подтвердила правильность данного Андриевским адреса своей матери; во-вторых, Елисеев, по словам Булкина, геройски вел себя в последнем бою и в плен попал тяжело раненным; в-третьих, доложенный Засухиным штабу объединенных партизанских отрядов план проникновения в немецкую разведку «Виддер» получил одобрение, и майору поручили его выполнение.

Засухин ликовал. Когда его выбрасывали в тыл противника, перед ним поставили задачу — проникнуть в Локотское отделение разведки «Виддер» с целью выявления вражеской агентуры и изучения методов деятельности немецкой разведки.

Чекисты долго ломали головы над тем, как решить эту сложную задачу. И вот помог счастливый случай.

Ранним росистым утром Засухин в сопровождении двух партизан выехал на лошадях из лагеря в отряд Булкина, где находился Елисеев.

Всю дорогу, пока они ехали, майор с удовольствием всей грудью вдыхал свежий воздух.

Засухин любил свой край, эти дремучие леса. Он был страстным охотником и жизнь без леса не представлял себе.

В отряд приехали, когда солнце поднялось высоко и его лучи узкими полосами пробивались через пушистые кроны деревьев.

Поинтересовавшись обстановкой и настроением партизан, Засухин попросил Булкина вызвать к нему Елисеева.

Пока за ним ходили, он стоял у окна землянки и вглядывался в лица партизан, расположившихся на поляне.

Замечательные ребята! О подвигах любого из них можно сложить песни и легенды. Да взять, например, Елисеева. Смелый, находчивый партизан! Сколько еще ему предстоит пережить, когда он будет выполнять специальное задание!

Дверь землянки тихонько скрипнула. Пришел Елисеев.

— Скучаешь? Как тебя встретили в отряде? — спросил Засухин.

— Встретили хорошо. Только чувствую, что не очень доверяют. Как-никак из немецкого плена. Все ребята ходят на операции, а меня не пускают, — огорченно признался Елисеев.

— Ничего, брат, потерпи, — майор положил руку на плечо Елисеева. — Завтра ты тоже пойдешь в бой. Только в невидимый.

Андрей выжидательно посмотрел на Засухина.

— Что ты уставился на меня, словно я писаная красавица? — рассмеялся майор. — Ты вот что мне скажи: никому в отряде не говорил об Андриевском?

— Так вы ж меня предупредили.

— А как отнесется Гринбаум к тому, что ты вернешься раньше срока, ведь он тебе дал две недели?

— Да только как же я к нему приду с пустыми руками? Дело не во мне, а в Борисе, — быстро ответил Андрей, приподнимаясь с табуретки и пройдясь по землянке.

— Это верно! — подтвердил Засухин. — С пустыми руками тебе появляться в «Виддере» нельзя. Нужно укреплять авторитет Андриевского у немцев. Для Гринбаума мы подобрали сведения, которыми он будет доволен. Но нужно спе-

шить. Обстановка на фронте и у нас, в тылу, складывается так, что дорог каждый час. Красная Армия в ближайшее время на нашем участке фронта начнет решительное наступление, и командование должно знать, что происходит в Локоте, какие у немцев и у Каминского планы. Любые донесения, доставленные оттуда, будут важны. И еще одна причина. — Голос майора стал твердым. Брови сдвинулись, и между ними залегла упрямая складка. — Последнее время мы стали получать от немцев отпор. Идет партизанская группа на какую-нибудь операцию, а немцы тут как тут. Не иначе как в наших отрядах завелась нечисть. Ее нужно выловить. А теперь внимательно слушай и запоминай...

11

Майор Петерсон, начальник гарнизона на станции Холмичи, ужинал. Он был в прекрасном настроении. Целую неделю партизаны не беспокоили его. Правда, среди солдат русского батальона идут нежелательные разговоры, но ничего, ими скоро займется тайная полевая полиция, и тогда будет полнейшее спокойствие.

Петерсон с удовольствием ел яичницу, запивая ее яблочным вином. Он так увлекся едой, что в первое мгновенье не понял, в чем дело. Выстрелы! Откуда они?

«Черт возьми, так хорошо было все эти дни!» — Майор со злостью швырнул вилку на стол и резко нажал кнопку.

В дверях появилась фигура адъютанта.

— Что происходит?

— Не знаю, господин майор.

— А кто будет знать? Стреляют ведь, идиот! — заорал Петерсон. — Выясните, в чем дело.

Прошло несколько минут, и в комнату втолкнули человека. Это был Елисеев. Одежда на нем была порвана, лицо исцарапано. Он еле стоял.

Майор размашистыми шагами подошел к Елисееву, взял его за подбородок и, глядя в упор, отрывисто спросил:

— Партизан?

— Пауль цво, — тихо ответил Елисеев.

Майор знал этот пароль. С ним приходили из партизанских отрядов немецкие агенты. Узнал он и этого парня. Неделю назад его переправил в партизанскую зону один из работников разведки «Виддер».

Петерсон любезно пригласил Елисеева сесть. Налил ему стакан водки, но Андрей отказался. Майор не стал настаивать и поинтересовался, как удалось Елисееву убежать из партизанского отряда.

— Про это я могу рассказать только господину Гринбауму. Прошу вас срочно дать мне машину. Есть очень важные известия.

— Да вы сначала отдохните.

Елисеев покачал головой. Правда, очень хотелось спать, веки закрывались, но приказ Засухина гласил: добраться до Локотя как можно скорее.

Майор предложил Елисееву следовать за ним. Перед домом стоял испятнанный маскировкой «опель».

Петерсон усадил Елисеева в машину и приказал шоферу без промедления доставить его в Локоть.

За окном замелькали могучие дубы, стройные березки, высокие сосны. Андрей сидел молча. Он думал о том, что, может быть, там, в Локоте, произошло что-то неожиданное и они с Андриевским разоблачены. От этих мыслей защемило сердце, он усилием воли отогнал от себя мрачные предположения и стал с любовью рассматривать проносившийся мимо лес... Кажется, только теперь он по-настоящему понял его красоту... И опять ему стало тяжело.

12

Была глубокая ночь. Андриевский, заложив руки за спину, в задумчивости ходил по комнате и изредка посматривал на молчаливо сидевшего за столом высокого худощавого паренька лет семнадцати. Это был Женя Присекин, радист, один из помощников Андриевского. На коленях у него лежал немецкий автомат, который он придерживал руками. Голова Жени то и дело свисала вниз, он поминутно зевал, ему очень хотелось спать.

В комнате царила напряженная тишина. Чувствовалось, что Андриевский и Присекин чем-то встревожены. Однако что же произошло?

Поздно вечером Андриевский вернулся из Орла, куда ездил по поручению Гринбаума. Задание своего шефа он выполнил успешно. Но самое главное заключалось в том, что ему удалось достать сведения о выброске из Орла в тыл Красной Армии двух разведывательных групп из шести человек. Нужно было как можно скорее передать эту ценную информацию партизанскому командованию.

Доложив Гринбауму о поездке, Роман Андриевский вернулся к себе. Он уже собирался лечь спать, когда к нему вошел Шестаков. Расспросив Андриевского, как тот съездил, он сказал, что звонил Елисеев, но так как Андриевский отсутствовал, то к телефону подошел он, Шестаков. Елисеев попросил его передать Андриевскому, что задание он выполнил успешно, направляется в Локоть, но в пути машина испортилась и он вынужден переночевать на хуторе Холмецком в доме старосты.

Услышав новость, Андриевский встревожился. Он прекрасно знал этого фашистского пособника, выдавшего гитлеровцам не одного советского патриота. В его доме немцы устроили нечто вроде пропускного пункта, где проверяли своих агентов, возвращавшихся из партизанской зоны. На пункте агента обычно спаивали водкой, стараясь таким способом выяснить истинное его лицо.

Выдержит Елисеев проверку? Почему он вернулся так рано?

Роман подошел к телефону и попросил соединить его с хутором Холмецким. Телефонист-

ка ответила, что связь с хутором нарушена и будет восстановлена утром.

«Что делать?» — спрашивал Андриевский себя. Неужели его замысел будет раскрыт? Может, поехать на хутор и привезти Елисеева? Но такая поспешность может вызвать у Гринбаума подозрение.

Роман и Присекин решили дожидаться утра, а там действовать по обстановке. Если что произойдет, выход один — сражаться до последнего вздоха, живыми не сдаваться.

Часы на столе ритмично отстукивали время, в комнате посветлело, начинался рассвет. Женя уснул, положив руку под щеку. Андриевский не спал.

Процокал по мостовой конный патруль; откуда-то донесся громкий крик, затем — одинокий выстрел. Кто-то пробежал по улице...

Когда в комнате совсем стало светло, Андриевский тронул Присекина за плечо.

— Женя, проснись.

Присекин испуганно встрепенулся и открыл глаза.

— Женя, хватит нам ждать неизвестности. Бери машину и поезжай за Елисеевым, — сказал Роман. — Я уверен, если бы немцам что-нибудь стало про нас известно, они давно бы пришли за нами. Времени у них для этого было достаточно. А если почувствуешь что-то неладное, скажешь, что приехал за старостой, которого Гринбаум срочно вызывает. Да, вот еще что, возьми автомат, в дороге всякое может случиться.

Андриевский ободряюще улыбнулся, привлек к себе Женю и крепко обнял. Затем легонько подтолкнул его к двери.

Утреннюю тишину нарушил мерный рокот мотора, и все стихло.

«Уехал, — с облегчением вздохнул Роман. — А теперь можно немного и поспать». Он вытащил пистолет, поставил его на предохранитель, сунул под подушку и лег на кровать. Через несколько секунд Роман забылся тяжелым сном...

— Роман Антонович, вставайте!

— А? — кто-то тряс его за плечо.

— Проснитесь! Елисеев приехал. Елисеев!

Сон как рукой сняло. Действительно, рядом с Присекиным стоял Елисеев.

— Ты?

— Я, — улыбнулся Елисеев.

Андриевский крепко пожал ему руку и спросил волнуясь:

— Рассказывай! Что с тобой случилось? Мы так тут за тебя переживали...

Елисеев в двух словах рассказал Андриевскому о своем пребывании в партизанском отряде и о ночевке на хуторе Холмецком. Староста вызвал у него подозрение. Он целый вечер предлагал выпить, но Андрей согласился только на один стаканчик. Свой отказ от выпивки объяснил так: к господину Гринбауму должен явиться со свежей головой, не хочет дышать на него винным перегаром.

— Ты не ошибся, Андрей. Немцы решили устроить тебе проверку. Но ты ее выдержал. Молодец! — Роман похлопал Елисеева по плечу. — А теперь иди к Гринбауму. Я буду ждать тебя здесь.

13

Входя в кабинет шефа Локотского отделения «Виддера», Елисеев был готов к любым самым каверзным вопросам. Он знал, что от исхода предстоящего разговора зависит не только его судьба, но и успех начатой операции. И все же начало разговора застало его врасплох.

— Скажите, Елисеев, вы не были связаны с НКВД? — медленно выговаривая каждое слово, спросил Гринбаум.

Стараясь не выдать своего волнения, Елисеев с неподдельной обидой в голосе воскликнул:

— Господин зондерфюрер, вы меня обижаете! Я рисковал жизнью, честно выполнял задание германского командования и вдруг такое недоверие.

Гринбаум, пристально глядя на расстроенного Елисеева, вкрадчиво произнес:

— В работе агента могут возникнуть любые ситуации. Не так давно один из наших разведчиков, вернувшихся из русского тыла, честно рассказал, что был завербован НКВД. Мы высоко оценили его искренность. Но мы жестоки с теми, кто пытается нас обмануть.

— Может быть, я чего не понимаю... Но как же так могло случиться? НКВД, поймав шпиона, не расстреливает его, а направляет к вам? Партизаны так не поступают...

Ответы Елисеева Гринбауму понравились. Пока что у него не было оснований не доверять агенту. Наоборот, сам факт возвращения Елисеева от партизан уже радовал Гринбаума. Маленькая психологическая атака в начале разговора была предпринята просто для проверки. Лишняя осторожность никогда не повредит — считал Гринбаум золотым правилом. Тем более что все инструкции абвера по разведке предусматривали такие вопросы любому, даже самому преданному агенту, возвратившемуся с задания.

Гринбауму не терпелось узнать подробности пребывания Елисеева у партизан, поэтому он не стал больше задавать провокационных вопросов и сказал:

— Расскажите по порядку, как вы выполнили наше задание.

Елисеев обстоятельно, не торопясь поведал Гринбауму о том, как он, расставшись с Андриевским, через несколько часов был схвачен партизанами. Слушать его объяснения они не стали — сразу же привели в штаб. На допросах он держался строго, в соответствии с инструкциями, полученными от господина зондерфюрера, и это, наверное, его спасло. Потом его отправили в свой отряд. Здесь снова стали допрашивать, обвинили в дезертирстве, грозили передать суду. С большим трудом удалось выкрутиться. Из-под ареста освободили только тогда, когда поклялся любой ценой искупить свою вину. Командир отряда предложил ему взорвать с группой партизан германский эшелон. Пришлось согласиться. И все же он находился под подозрением. Об этом свидетельствует то, что оружия ему не выдали. Поэтому телефонистом устроиться не удалось. Вообще работать было трудно и опасно, но все же ему удалось собрать интересные данные. Елисеев, как было условлено с майором Засухиным, рассказал о

днслокацнн отдельиых партнзанскнх соединеиий, назвал фамилии некоторых комаидиров бригад.

Эти сведения уже не составлялн секрета, так как партнзан в этих местах уже не было, а фамнлин комаидиров немцы зиалн.

Зоидерфюрер внимательно слушал Елисеева, делая пометкн в блокиоте. Часто он перебивал его вопросамн, уточияя детали. Особенно его заинтересовало сообщеиие о самолетах, прилетавшнх в районы базирования партнзанскнх бригад.

— Вы самн нх вндели?

— Нет, господин зоидерфюрер. Я тогда находился еще под арестом, сидел в землянке, но слышал иочью 22 июля шум моторов кружнвших иад лесом самолетов. По отдельным выкрикам я понял, что нщут грузы, сброшенные на парашютах. В дальнейшем мои догадки подтвердилн рассказы партизан:

— Какнм образом вам удалось вырваться от партизан?

— Тут целая нсторня, господнн зондерфюрер. Елнсеев рассказал, что на задание диверсионная группа партнзаи, в которой он находился, вышла раио утром. Партнзаны заставили иести его сумку с толом. Когда проходнлн недалеко от станцин Холмнчи, ои решил бежать. Остановнлся под предлогом поправить сбнвшуюся иа ноге портянку. Выждав момеит, когда партизаны удалились от него примерио метров иа пятнадцать, побежал по иаправлению к станцин. Партизаны организовали за ннм погоню, стали стрелять из автоматов, мешала бежать тяжелая сумка. Поэтому он забросил ее в густые кусты. Патрульные посты, охранявшие железную дорогу, открылн ответный огонь. Только после зтого партизаны прекратили преследование. Так он спасся.

Грнибаум, посмотрев на исцарапанное лнцо агента, сказал:

— Вы правнльно действовалн.

Расспросив еще Елисеева о разных деталях, Гринбаум торжественно объявнл ему, что он иаграждается 800 маркамн н недельным пайком.

14

Снзые облака как бы нехотя собиралнсь в огромную, медлеино навнсавшую над городком грозовую тучу. Неожиданный порыв ветра, озорно пролетев по улице, закрутил валявшуюся на дороге солому, обрывки бумаги... Створкн оконной рамы с треском захлопнулнсь, тонко задребезжав стеклами. Начинался дождь.

Чувство тревоги нн на секунду ие оставляло Андрнеавского. Вот уже полтора часа Елнсеев находился у Гринбаума. Связь, долгождаиная связь, ради чего он шел на риск, предпрннял столько усилнй, была установлена. Сейчас все зависело от Елнсеева. Однн неосторожный шаг Андрея, малейшая неточность в его словах — н все рухнет.

Выглянув в окно, Роман увидел бежавшего под дождем Елнсеева.

— Кажется, все в порядке! — выпалнл Андрей, вбегая. Переводя дыхание, добавнл: — Гринбаум велел передать, чтобы ты срочно шел к нему.

— Ну, Андрей, видно, наши дела не так уж плохи, раз Гринбаум прислал тебя за миой, — повеселел Андриевский.

Грннбаум насвистывал какой-то веселый мотивчнк. Роман давно ие видел шефа в таком приподнятом настроении.

Милостиво улыбнувшись Андрневскому, Гринбаум сказал:

— Рад поздравить вас, фельдфебель, с успехом. Агеит доставил иам заслуживавшие внимания сведения. Я лнший раз убеждаюсь, что вы умеете разбираться в людях. Это качество особенно ценно для разведчика.

— Рад стараться, господин зоидерфюрер!

— Майор Петерсои сообщил мне об обстоятельствах возвращения Елисеева, — продолжал Гринбаум. — Но мне хотелось, чтобы вы выехали на место и уточнили некоторые моменты. Он сказал, что, убегая, бросил сумку с толом. Постарайтесь иайти ее.

...В Локоть Андриевский возвратился под вечер, усталый н промокшнй. Но настроение у него было хорошее: сумка с толом нашлась!

«Молодцы партнзаны! Все до мелочей предусмотрели», — с восхищением думал Роман.

Грннбаум тоже был доволен. Завтра он обо всем доложнт в главный штаб «Виддера». Шутка сказать! Агент предотвратнл крушение воинского зшелона. Жаль только то, что его опять нельзя забросить к партизаиам.

Вечером в комнате Андриевского за столом, на котором былн расставлены бутылки с самогоном, тарелкн с капустой, розоватым салом, огурцамн н молодой картошкой, сндели Роман и Андрей.

— Ты не беспокойся! Пьянки с агентами поощряются начальством. Никто внимания не обратнт, что ты у меня засиделся, — успокоил Роман друга.

Елнсеев сообщил Андриевскому о встрече с начальннком особого отдела при объединенном штабе партизанских снл в Бряиских лесах Засухиным, который проснл его передать, что сведения, переданные Андриевским, представляют большую ценность. Засухнн убеднтельио проснл Андрневского помочь ему закрепиться в «Виддере».

— Андрей, я одного не пойму, почему тебя Засухнн возвратнл к нам, инсценировав побег? — спросил Роман,

Тот объяснил:

Во-первых, для того, чтобы не вызывать у немцев подозреиия.

Во-вторых, чтобы его снова не послали к партизанам.

В-третьих, н зто главное, работая вместе, онн прииесут больше пользы.

— А дел у нас с тобой хватнт. Прежде всего нужно собрать как можно больше данных о «Виддере», его вербовках н перебросках агентуры в партизанскне отряды н в тыл нашей армни. Здесь главное — фамнлин, приметы, кличкн н районы заброски агеитов. Обязательно надо постараться достать документы на право проезда по железным и шоссейным дорогам.

— А как мы будем передавать сведения Засухину?

— Все продумаио. Есть надежный человек, — ответнл Андрей.

15

На следующий день Андриевский поехал в Брасовский лагерь. Найти Колупова, пленного партизана, о котором ему говорил Елисеев, оказалось делом нехитрым.

Уже через час в комнату следователя был доставлен угрюмый паренек лет шестнадцати с дерзким взглядом. Держался он вызывающе.

Для начала Андриевский задал ему несколько обычных вопросов: в каком отряде служил? чем занимался раньше? кто родители? где они сейчас? Ни на один из вопросов Андриевский не получил ответа. Он знал: в партизанском отряде Колупов зарекомендовал себя смелым разведчиком, который не раз с риском для жизни выполнял сложные задания командования.

Роман решил пойти на риск.

— Хватит играть в молчанку! Будем предельно откровенны друг с другом. Привет тебе от сестры Марии из партизанского отряда. Я говорю с тобой сейчас от имени партизанского командования. Об этом просит тебя и Алексей Павлович Букин. Учти, в тебя верят. Придется под видом немецкого шпиона вернуться к партизанам.

Колупов растерянно молчал.

— Ну так как? — настойчиво повторил Андриевский.

«Была не была, — решил про себя Колупов. — Сейчас главное — вырваться и попасть к своим». И он согласился на предложение.

Роман обрадовался. Он сказал, что, когда придет время, представит Колупова шефу немецкой разведки в Локоте. А сейчас им нужно составить для немцев протокол допроса. Они вместе разработали версию об обстоятельствах пленения Андрея Колупова. По ней следовало: Колупов сразу же после прихода немцев в район добровольно поступил в полицию, был на хорошем счету у германских властей. В январе 1943 года на их деревню напали партизаны, старосту и полицейских расстреляли, его же по молодости лет пощадили. Для искупления своей вины заставили насильно вступить в партизанский отряд. На боевые операции он не ходил, работал по хозяйству. Во время майского наступления немцев он при первой возможности добровольно сдался в плен, а здесь с ним обошлись плохо, приняли за партизана, заключив в лагерь.

В заключение Андриевский предостерег Колупова: если его будет допрашивать другой следователь, необходимо очень точно придерживаться разработанной легенды, в показаниях не должно быть ни одного противоречия.

16

Гринбаум оторвал взгляд от лежащих на столе документов и вопросительно посмотрел на вытянувшегося перед ним Андриевского.

— У вас что-нибудь важное ко мне?

— Да, господин зондерфюрер. Я хотел доложить вам о некоторых соображениях, возникших у меня относительно проведения разведки в партизанских отрядах.

— Любопытно послушать, — оживился Гринбаум.

— Мне кажется, что мы добились бы больших успехов в сборе информации о партизанах, если бы послали в лес нескольких агентов на длительное оседание, установив с ними связь.

— Прекрасно понял вас, фельдфебель, — перебил зондерфюрер Андриевского. — Я как раз сам думал об этом. Все собранные сведения агент помещает в заранее обусловленные тайники, откуда наш связник забирает их и доставляет к нам. Способ связи испытанный и довольно надежный.

До разговора с Андриевским у Гринбаума и в мыслях не было ничего подобного. Он просто дал понять Андриевскому, что начальник всегда умнее подчиненного.

— Итак, либретто партизанской оперы мы с вами написали. Теперь нужно найти опытных солистов, — засмеялся немец, откинувшись на спинку кресла.

— Для главной роли у меня на примете имеется один юноша, не испорченный большевистской пропагандой, — в тон Гринбауму ответил Андриевский. — Для связи с ним можно с успехом использовать Елисеева, как человека проверенного и к тому же хорошо знающего обстановку и местность.

Гринбаум не сразу согласился с новой кандидатурой Андриевского. Немного помолчав, он задал ему вопрос:

— Мне не совсем понятно, почему вы выбрали этого мальчишку.

Андриевский в ярких красках рассказал историю Колупова. Еще он сказал немцу о том, что, если этот парень согласится работать на них, его мать, находящаяся в концлагере, будет выпущена на свободу.

Ответом Андриевского Гринбаум остался доволен.

— Можете взять этого Колупова из лагеря в группу и заняться им. После моего возвращения из Орла я побеседую с ним.

В этот же день Андриевский привез Колупова в «Виддер». По дороге в Локоть он предупредил парня, чтобы тот вел себя осторожно, лишнего не болтал и особенно остерегался обер-лейтенанта Шестакова. Этот человек родную мать продаст. Бывший командир Красной Армии, он в первые дни войны изменил Родине, добровольно сдался в плен немцам и с тех пор служит им не за страх, а за совесть. Шестаков — правая рука начальника Локотского отделения «Виддера».

— Доверять как мне можешь только одному человеку — Андрею Елисееву.

— А он разве здесь? — обрадовался Колупов.

— Ждет не дождется тебя, — улыбнулся Роман. — Только не показывай на людях, что ты знаешь его, — приказал он.

В сердце „Виддера“

17

Сегодня успех явно сопутствовал разведчику Андриевскому. Удалось достать шифр, которым пользовался «Виддер». Произошло это так.

Вечером, когда уставший за день Роман прилег отдохнуть, в комнату вбежал возбужденный Женя Присекин. Оказалось, что всегда исполнительный и педантичный переводчик Отто, выполнявший обязанности шифровальщика и прозванный за маленький рост «крошкой», забыл поставить печать на сейфе, где хранится шифровальный код. В «Виддере» существовал строгий и раз навсегда установленный порядок: к концу рабочего дня Отто опечатывал сейф, ключи оставлял у себя, а печать сдавал Гринбауму.

У «крошки» была одна слабость: он любил выпить и погулять, особенно в отсутствие начальника. Так было и на этот раз. Пропустив пару стаканчиков шнапса, Отто бродил по двору, прикидывая, с кем бы еще ему выпить. Решение возникло сразу. На столе появились две большие бутылки венгерского рома, нехитрая закуска. Отто, увидев в окно, как Андриевский и Присекин выпивали, через несколько минут просунул голову в приоткрытую дверь.

— Заходи, Отто, не стесняйся. Тут на всех хватит, — жестом радушного хозяина пригласил Роман немца.

Тот не заставил себя долго ждать, увидав бутылки с красивыми этикетками.

В самый разгар гулянки в комнату вошел Шестаков.

— По какому поводу вы тут веселитесь? — насупив брови, спросил он.

— Господин обер-лейтенант, вы что, сегодняшнюю сводку не читали? В ней говорится, что армии группы «Центр» выровняли оборону и остановили русское наступление, — нашелся Андриевский.

Пробурчав что-то себе под нос, Шестаков вышел из комнаты.

Отто постепенно пьянел, его лицо покрылось красными пятнами, белки глаз отливали желтизной. Самогон, принесенный Присекиным, окончательно доконал немца.

Тяжело уронив голову на стол, он крепко заснул.

Разведчики отнесли Отто в его комнату, находившуюся в этом же флигеле. За это время они успели убедиться, что ключи у немца с собой. Осторожно расстегнув пуговицы, они вынули их из внутреннего кармана кителя. Вышли во двор. Ночную тишину нарушали шаги часового, обходившего здание. Узнав Андриевского, он доложил, что кругом все спокойно. Роман угостил его сигаретой и вышел с ним на улицу. На улице охрану у здания несли еще два автоматчика. Роман знал, что постовой, которому он предложил сигарету, обходит дом через каждые пятнадцать минут, поэтому он постарался задержать его подольше у ворот. Присекин только и ждал этой минуты. Быстро открыв дверь, он проник во внутренние помещения дома. Открыть комнату, в которой находился сейф, было минутным делом. Прошло еще несколько минут — и Женя Присекин хозяин сейфа! Шифры лежали на верхней полке сейфа. Подсвечивая электрическим фонариком, он торопливо стал переписывать основные положения инструкции. В ней Женя разобрался сравнительно быстро, так как немецкий язык хорошо знал, в шифровальном деле тоже понимал. Главное, что мешало, — волнение. Через сорок минут все было кончено, и тут же Присекин услышал условный стук Романа в окно — можно выходить.

Мертвецки пьяный Отто даже не пошевелился, когда Андриевский опускал ключи в карман его кителя.

Настало утро. Разбудив еще не совсем протрезвевшего немца, Роман первым делом поднес ему стаканчик водки, за первым последовал второй. На старые дрожжи Отто быстро развезло. Идти работать ему явно не хотелось.

— Смотри, Отто, как бы неприятностей не было, — предупредил его Андриевский. — Скоро шеф приедет, а тебя на месте не окажется. Шел бы ты лучше на службу, там бы и поспал, а в случае чего мы тебя предупредим.

Немец послушался совета. Открывая сейф, он даже не обратил внимания на печать. Ему было не до этого.

18

Весь день Засухин пробыл в дальнем партизанском отряде. В лагерь возвратился на рассвете, когда солнце только что начинало медленно выплывать из-за деревьев. Он прилег на жесткий топчан, сколоченный из березовых слег, и сразу будто провалился в темноту. Проснулся, как ему показалось, через какое-то короткое мгновение.

— Товарищ майор, прошу простить, что потревожил, — услышал он одного из сотрудников особого отдела, — срочное дело. Из Комаричской бригады наши товарищи доставили к вам задержанного. Назвал наш пароль: «Привет из Ельца», отзыв тоже знает. Хочет с вами поговорить.

— Подожди немного. Дай мне себя в порядок хоть привести, — тряхнул головой Засухин, стараясь прогнать остатки сна.

Через несколько минут в шалаш легкой походкой вошел парнишка с забинтованной ниже колена ногой.

— Садись! — майор указал на еловый чурбак, служивший стулом.

После переезда из старого лагеря, который засекли немцы, особый отдел размещался в просторном шалаше, покрытом сверху двумя парашютами.

— Ну, давай выкладывай, какое у тебя ко мне дело, — улыбаясь, спросил Засухин.

По внешнему описанию он сразу узнал связника, о котором ему говорил Елисеев. Несомненно, это был Колупов.

Парнишка, явно волнуясь, еще раз назвал пароль, сказал, что зовут его Колупов Андрей

Нннтович, послан к майору по заданию Андриевского. Коротко сообщил, как попал в «Виддер».

— Ты случаем не ранен? — с тревогой спросил Засухин.

— Нет. Это мне Андриевский специально повязку сделал. Там под ней бумаги лежат для вас, — засмеялся Колупов.

Андрей размотал бинт и положил на стол пачку чистых бланков, заверенных печатями и подписями. Среди бланков оказалось несколько «аусвайсов» — удостоверений личности. Они как раз позарез нужны были партизанским разведчикам. Тем временем Андрей достал из кармана старенького, с протертыми локтями пиджака два пакета. В одном из них содержались подробные сведения о бригаде Каминского.

«Вот молодец! — подумал майор, быстро просмотрев текст. — Даже о настроениях солдат в бригаде не забыл написать».

В другом донесении Андриевский сообщал: «Главный штаб разведки и контрразведки «Виддер» переехал из Орла в Карачев. Командиром главного штаба является Гебауэр. Второй штаб, находящийся в Бежице, занимается только разведкой против партизан. Возглавляет его обер-лейтенант Шпеер...» Далее следовал перечень сотрудников других отделений «Виддера» с указанием их примет и характеристик.

В конце донесения отмечалось: «Все зондерфюреры хорошо владеют русским языком».

Содержание второго пакета очень обрадовало майора. В нем были данные о вражеской агентуре, готовящейся к заброске к партизанам и в тыл Красной Армии. На обороте донесения сделанная наспех приписка: «Только что узнал от надежного человека, ездившего в Орел, что главный штаб «Виддера» скоро должен направить за линию фронта трех агентов: 1) Кириллов Дмитрий, бывший пом. командира одного из партизанских отрядов (я его освободил из тюрьмы). 2) Тимофеев Петр, бывший лейтенант-танкист. Этих двух ребят я обработал, думаю, что они явятся с повинной. Оба агента будут экипированы в форму лейтенантов Красной Армии. Третий, Храпунов Иван, порядочная сволочь, идет в чине капитана.

Где они будут переброшены, точно выяснить не смог, видимо, в районе Орла».

«Если эти сведения верны, цены нет этому человеку!» — с гордостью за Андриевского подумал Засухин.

— Я вам еще не все сообщил, товарищ Засухин, — сказал Колупов. — Андриевский просил передать, что хочет увидеть вас. Встреча должна состояться через два дня в лесу, недалеко от станции Холмичи. Там мы с Андриевским под пушистыми елями оборудовали два тайника. Один тайник будет почтовым ящиком для донесений о партизанских отрядах от «немецкого агента» Колупова, а в другой будет поступать разведывательная информация от Елисеева или Андриевского.

Колупов рассказал, что Андриевский просил сообщить, что неплохо было бы снабжать немцев обычными советскими или партизанскими газетами, в которых не содержится военной тайны. По его мнению, это укрепило бы авторитет Колупова в глазах Гринбаума.

— Не беспокойся! Мы тебе поможем выполнить поручение Гринбаума, — усмехнулся Засухин. Он на минуту задумался, а потом спросил Андрея: — Так ты говоришь, что срок выполнения задания немцы тебе не определили? У нас ты должен находиться, пока «Виддер» не отзовет обратно?

Колупов кивнул.

— Прежде всего давай условимся: никому в отряде ни слова о том, что ты знаешь Андриевского, что был «завербован» немецкой разведкой и для чего пришел ко мне. У себя в отряде, куда мы тебя направим, объяснишь, что после майской блокады скрывался в разных деревнях, пока не ушел обратно в партизанскую зону. В отряд поедешь с одним из наших товарищей. Когда понадобиться, сами тебя найдем. А теперь иди отдыхай.

19

К Холмичам на встречу с Андриевским отправились трое: Засухин, его помощник Кожемяко и Колупов.

Лес, казавшийся мрачным, неприветливым, ожил с первыми лучами солнца, наполнился гомоном птичьих голосов. На листьях деревьев, траве засверкали серебряные бусинки росы.

Разведчики шли ходко, размеренным шагом людей, привыкших к дальним переходам. Путь предстоял долгий и нелегкий. В условленное место прибыли на три часа раньше срока. Осмотрелись. Прислушались к таинственному шуму могучих сосен, веселому шелесту молодого кустарника. Кругом все спокойно. Со станции, которая находилась примерно в двух километрах от леса, где расположились разведчики, громко доносились заливистые гудки маневровых паровозов, лязг буферов, унылые звуки рожков стрелочников. Ничего подозрительного. Кругом ни души. Андрей быстро отыскал маленькую полянку с разлапистой елкой посредине, под корнями которой находился тайник. Другой тайник был устроен в дупле старой, скрипучей осины.

От железной дороги в глубь леса уходила узкая просека. По ней и должен был прийти Андриевский. Стрелки часов медленно приближались к назначенному времени.

Наконец в конце просеки показалась одинокая фигура человека в немецком мундире, с автоматом, висевшим на шее.

— Он, — тихо сказал Колупов Засухину.

Андриевский шел спокойно, уверенно, не оглядываясь по сторонам. Вот он вышел на поляну, легко перепрыгнул через бочажок, до краев наполненный темной водой, остановился у поваленной бурей могучей сосны и закурил.

Увидев чекистов, Роман обрадованно шагнул к ним навстречу. Познакомились. Оставшись наедине с Засухиным, Роман с горечью сказал:

— А я боялся, что вы не придете. Не поверите мне, за предателя сочтете. По закону вроде так оно и есть — у немцев служу. Только...

Майор не дал ему договорить.

— Верю вам, Роман. Свою верность Родине вы уже доказали и еще не раз докажете на деле.

Роман нагнулся и достал из-за голенища сапога несколько листков тонкой бумаги, скрученной в трубочку.

— Что это? — спросил Засухин, разворачивая листочки.

— Шифр радиосвязи «Виддера». Я не рискнул передать их с Колуповым, поэтому и просил встречи с вами.

Андриевский сообщил, что вместе с ним советской разведке помогает радист Присекин, поэтому можно связываться по рации. Сразу же договорились о позывных, сеансах выхода в эфир.

Помимо Присекина, Роман привлек к работе начальника хозяйственной части «Виддера». На примете у него есть еще один интересный человек — переводчик главного штаба «Виддера» Яков Славиковский. Он настроен патриотически. От него Роман под большим секретом узнал фамилии и клички трех агентов, выброшенных с самолета на парашютах в тыл Красной Армии, а также о создании в Орле глубоко законспирированной агентурной сети, которая останется в городе после отступления немцев. Яков Славиковский, правда в осторожной форме, высказывал желание установить связь с советской разведкой.

Роман ему на это ничего пока не ответил.

— Прежде чем привлекать его к сотрудничеству, изучите его хорошенько. А пока используйте «втемную», получая от него данные так, чтобы он не подозревал, для чего они нужны. Будьте предельно осторожны. Во избежание провала ограничьтесь пока людьми, которые имеются у вас на связи, — предупредил его майор.

Роман искренне огорчился. Он уже начал исподволь проводить работу по разложению русского полицейского батальона, склоняя через надежных людей солдат к переходу на сторону партизан.

Засухин уточнил задачи, стоящие перед Андриевским: сведения об агентуре, заброшенной или подготовлявшейся к направлению в наш тыл; партизанские отряды, их задания, экипировка, фамилии, клички, приметы; сведения о немецких разведорганах, их составе; данные военного характера.

Кроме всего, требуются различные бланки документов.

— Видишь, сколько работы! Только успевай поворачиваться. Главное, не разбрасывайся, действуй целеустремленно. — Получилось как-то само собой, что майор перешел на дружеское «ты».

Андриевский угостил Засухина немецкими сигаретами.

— Что нового произошло в «Виддере»? Как там Елисеев? — поинтересовался майор.

Роман выложил сразу столько сведений, что Засухин еле их успел записать.

Беседа подходила к концу.

— Теперь ты, Роман, людьми руководишь во вражеском гнезде. Рискуешь не только своей головой, а вот конспирации у тебя маловато, донесение подписываешь своей фамилией. Подумай, какой псевдоним под документами ставить.

Роман задумался.

— Может, Оса? Подойдет? — предложил Засухин.

— Почему Оса?

— Уж слишком больно ты кусаешь немцев, — засмеялся майор.

— Согласен, товарищ майор.

Пора было расставаться. Подошли Кожемяко и Колупов.

На прощание Засухин с улыбкой сказал:

— Просьбу твою я выполнил.

— Какую? — встрепенулся Андриевский.

— Могу сообщить: твои мать и сестра живы, здоровы и по-прежнему проживают в Томске.

— Спасибо! Вот меня обрадовали! Теперь у меня вдвое сил прибавится для борьбы, — сказал Роман и крепко стиснул руку майора.

«До чего же отчаянный парень!» — с восхищением думал майор, глядя вслед удаляющемуся Андриевскому.

20

«Андриевский произвел на меня хорошее впечатление. Можно считать, что он до конца предан нашей Родине, русскому народу. Из его беседы со мной выяснилось, что он давно имел желание связаться с органами Советской власти и даже стремился перейти на сторону Красной Армии или партизан.

В его честности и искренности я не сомневаюсь», — писал майор на следующий день после встречи с Осой в докладной записке, направленной в центр.

Наступило время выходить на связь с «Виддером» Колупову.

Майор понимал, что первое донесение не должно содержать «богатых» сведений: агент только внедрился к партизанам и, естественно, многого узнать не успел. Обильная информация могла насторожить противника. Тогда под удар будет поставлен Оса и его группа.

Наоборот, авторитет Андриевского в глазах немцев нужно всячески поднимать. Он постарался сделать это в информации, направляемой к Гринбауму.

На следующее утро в тайнике «Виддера» лежали донесения, написанные Колуповым под диктовку Засухина:

«Господину зондерфюреру Гринбауму.

Прибыл в расположение партизанских отрядов. При встрече с партизанскими часовыми меня арестовали и направили в штаб отряда имени Щорса. После ареста меня стали допрашивать. Держали под стражей более 2 суток, но узнать им ничего не удалось. Спас меня инструктаж, который я получил от Андриевского.

После всего этого меня отправили в п/отряд Булкина. В отряде с питанием плоховато. Вооружение у партизан хорошее: имеются пулеметы, автоматы, пистолеты, гранаты. Патронов в достаточном количестве.

Господин зондерфюрер, так как меня продержали двое суток под арестом, я не смог выяснить насчет десантов. Слышал, что самолеты бросают продовольствие и боеприпасы. В дальнейшем я постараюсь доложить сведения более подробно.

По прибытии в отряд командир зачислил меня в группу разведчиков.

Ходили в разведку на ж. д. Москва — Киев.

Этим случаем пользуюсь для передачи вам материалов. Колупов Андрей».

Из другого тайника Колупов принес донесения Андриевского и список на десять агентов, засланных в партизанскую зону. Теперь связь была налажена прочно. Колупов регулярно доставлял разведывательные данные, добываемые Осой и его помощниками.

Правда, рация пока молчала. «Может быть, это и к лучшему, — размышлял Засухин. — Использовать радиосвязь опасно: немецкие радиоконтрразведывательные службы могут запеленговать передачу». Поэтому майор дал указание Андриевскому выходить в эфир на самое короткое время и только в случае передачи срочных сведений.

Благодаря деятельности Осы чекисты имели довольно полное представление о подрывной работе «Виддера», знали о пунктах переброски и каналах проникновения агентуры в наш тыл.

От Андриевского стало известно, что «Виддер» широко практикует заброску своих агентов под видом следующих в тыл раненых солдат и офицеров.

Отделы контрразведки «Смерш» Брянского фронта по этой информации организовали тщательную проверку всех подозрительных раненых.

21

Оса жалила врагов в самое сердце:

«Из района Кокоревки к вам заслана карательная группа СД. Выброшены из Орла две разведывательные группы с радистами.

Первая группа — радист Овчинников Сергей Николаевич, среднего роста, волосы темные, глаза серые, брови густые, одет в форму старшего лейтенанта, имеет командировочное удостоверение в/ч 3456 с пунктом назначения в г. Рязань, с ним следуют разведчики Агафонов Валентин Петрович, среднего роста, глаза голубые, Апокин Игорь Савельевич, выше среднего роста, черноволосый, лицо круглое. Оба в форме старших сержантов, вооружены автоматами ППШ.

Вторая группа разведчиков...» (дальше указывались приметы).

Немецкие разведчики терялись в догадках, не зная, чем объяснить причины своих неудач.

Близился час освобождения Брянщины от фашистских захватчиков.

Противник сокращал линию фронта, укреплял оборону, перегруппировывал свои силы. Сейчас очень важно было знать о планах гитлеровцев, дислокации их частей.

Немецкие войска имели за своей спиной мощный «второй фронт» — партизанский край.

Фашистское командование искало безопасный путь прохода через Брянские леса на правый берег Десны. Он лежал через Ихлоненский большак, который охранял один батальон. Немцы намеревались перебросить сюда стрелковую дивизию, которая должна была удержать дорогу, обеспечивая безопасность отступления своих сил. Об этом узнал Оса.

Разведчик сообщал: «2-ю танковую армию сменяет 9-я. Каминский стянул свою артиллерию в Новую Гуту. В Локоть прибывают немецкие воинские части, военная техника, поставлено много зениток».

Партизанское командование заранее было информировано о сроках эвакуации бригады Каминского в Лепель (Белоруссия), передвижениях других частей.

В следующих донесениях он пишет: «На станции Борцево тысячи бочек бензина. Замаскированы ветками, имеют форму овала. На станции Холмичи застряли эшелоны с техникой. Путь разрушен...».

По сведениям, полученным от Осы, наша авиация бомбила военные объекты противника, скопления техники.

Андриевский продолжал свою опасную работу. Теперь у него были помощники в отделениях «Виддера», находящихся в Карачеве, Бежице, карательных формированиях. Группа насчитывала восемь человек. Но Андриевскому казалось, что сделал он слишком мало.

Роман разрабатывает планы совершения диверсий. Просит прислать бесшумные приспособления к оружию для покушения на Каминского.

«Нет, слишком рискованно, может привести к провалу», — отвечает Засухин.

Кипучую, неуемную натуру Андриевского трудно удержать. Оса проводит большую работу по разложению полицейского батальона, охраняющего железную дорогу в районе станции Холмичи. На сторону партизан переходит рота солдат. Немцы спешат перебросить в другое место ненадежную часть.

Да, он рискует. Но делает это ради общего дела — победы над врагом.

Что ждет его в случае провала, Роман тоже знает: он сам был очевидцем расправы Каминского и гитлеровцев с участниками локотского подполья. Фашисты жестоки не только с подпольщиками. Роман сам сообщал чекистам о приказе оккупантов, где говорилось: «Кто не выедет из Локотя в назначенный срок — лишится всего имущества и будет расстрелян».

Андриевский спас от неминуемой гибели пленного политрука партизанского отряда, находившегося в камере смертников локотской тюрьмы.

Шестаков усиленно искал террориста для покушения на командира партизанской бригады Героя Советского Союза генерал-майора Дука.

В лице политрука он нашел подходящую кандидатуру.

— Вижу, что партизан из тебя никудышный, — сказал он ему при вербовке. Но Шестаков глубоко заблуждался. Прежде чем агент прибыл к партизанам, Андриевский предупредил Засухина: «К вам должен скоро явиться «немецкий агент» Королев Василий Маркович. Это наш человек. Прежде чем он попал в лапы к Шестакову, им были получены инструкции от моего человека. Имейте в виду, что Королев не знает, кто я».

Из Москвы пришло сообщение, что шифр, добытый Осой, по заключению специалистов имеет большую ценность. Его использует не только «Виддер», но и рация другого немецкого разведоргана «Принц Евгений».

О деятельности группы Андриевского было сообщено в Государственный комитет обороны.

Гринбаум тоже теперь регулярно получал «правдивую информацию». Он знал, что Колупов

действует не один, а вместе «...с партизаном Балакиным Василием, который хорошо помогает мне в работе». Отныне Гринбаум был в курсе многих партизанских событий. Немецкий разведчик радовался достигнутым успехам.

22

Над лесом низко с оглушительным ревом пронеслись советские штурмовики. С верхушки молоденькой березки, под которой сидели Засухин и Андриевский, веером посыпались чуть тронутые золотистым налетом листья. Чувствовалось приближение осени.

Роман печальным взглядом проводил уходящие в небесную высь самолеты и сказал:

— Почему я не с ними? Как мне хочется сражаться с врагом в открытую, а не таиться от него!

— Нет, Роман, сейчас этого нельзя. Ты нужен здесь. Не мне тебе объяснять. Сам понимаешь, какая обстановка. Вот ты сегодня принес списки агентов, оставленных на оседание в Орле. Сколько бы они принесли вреда нашему народу, прежде чем мы бы их выловили.

Фронт неумолимо приближался к Локотю. По ночам порывы ветра доносили глухой рокот орудийных раскатов. Немецкое командование спешно перебрасывало свои штабы подальше, на запад. Эвакуировалась из Локотя и группа разведки «Виддер».

— Василий Алексеевич, — нарушил молчание Андриевский. — Я еще не сказал вам о том, что немцы требуют возвращения Колупова в «Виддер». Вот передайте ему.

Он вынул из нагрудного кармана кителя письмо и протянул его Засухину. В нем говорилось: «Господину Колупову Андрею. За проделанную работу командование благодарит вас. Возложенное на вас задание считаем выполненным. К 10/IX 1943 г. вы должны выйти к линии ж. д. и явиться к майору охраны, где вас будет ждать наш представитель. Предложите перейти с вами и вашему командиру и если еще кто пожелает. Независимо от количества. Всем гарантируем жизнь, свободу и работу по их желанию.

С приветом Шестаков».

— Да, — покачал головой майор, — до чего же немцы наивны! Кто из партизан к ним побежит сейчас, когда победа близка! А вот парнишку мне жалко, но делать нечего. Придется ему вернуться.

Засухин вытащил из кармана брюк кисет с махоркой, умело свернул папироску и, сделав несколько глубоких затяжек, сказал:

— А теперь давай поговорим о твоей дальнейшей работе.

Роман внимательно слушал майора, запоминая пароли, явки в Клинцах, Унече, Бежице и других городах, которые лежали по пути отступления «Виддера». На непредвиденный случай условились о посылке связников через линию фронта. Пароль: «Я из Риги. Привет от Тоси». Отзыв: «Как она доехала?» Конечно, быстрый способ — это радиосвязь. На рации теперь день и ночь дежурит немец.

Настало время прощаться. Майор крепко обнял Романа, посмотрел в его погрустневшие глаза и ободряюще сказал:

— Не унывай, Роман! Мы еще не раз встретимся и вместе отпразднуем нашу победу.

...Но им не суждено было больше встретиться. Андриевский не дожил до праздника победы. Пытаясь найти потерянные связи с партизанами, он и Женя Присекин трагически погибли в белорусских лесах. Это случилось 3 октября 1943 года.

Какова же судьба остальных героев нашей повести?

В Орле живет Василий Алексеевич Засухин. Долгое время он продолжал работать в органах госбезопасности, ныне — пенсионер. Андрей Елисеев войну окончил офицером, служил в Советской Армии, затем демобилизовался. В настоящее время живет и работает на родной Брянщине. Техником стал Колупов. Недавно он приехал из Индии, где в течение трех лет принимал участие в строительстве промышленного предприятия, сооружаемого с помощью Советского Союза.

Подвиг Андриевского и его товарищей скромной частицей вошел в общее дело великой победы советского народа над фашистской Германией. Это были простые советские люди. Все их помыслы и стремления обращались к Родине.

Ради любви к Родине они шли на все испытания и даже на смерть. Никто из них не думал до войны стать разведчиком. К Андриевскому и его товарищам можно с полным правом отнести слова Николая Островского:

«Когда придет время испытаний, молодежь Советской страны покажет, что она достойна великого имени Ленина, нашего отца, нашего вождя и учителя».

ЗА ВАШУ И НАШУ СВОБОДУ

Глава первая
ПРОШЛОЕ

Туман опустился вместе с ночью. Совсем необычный для августа туман. Это неплохо. Значит, они сойдут на берег незамеченными. Он пригнулся к радиостанции. Мешок с припасами на коленях тяжел, но не так тяжел, как ящик с гранатами, на котором он сидит. Пистолет стынет в кармане куртки. Он подумал, что совсем не испытывает страха. Вслушался в тихий плеск весла. Этот шум неизбежен. Тело слегка знобит, наверно, от сырости. Его глаза поискали темное туловище подводной лодки. Она отдалялась. Ей нет необходимости погружаться. Если только не покажется шаланда. Но кто выйдет в море в такую ночь! Резиновая лодка словно стоит на одном месте. Но это только кажется. Потому что нет ориентиров. Чех гребет энергично. Туман давит, густой и липкий. Сидишь как в бутылке с молоком. Он съежился в куртке, прижался к Василу. Никому не объяснишь, даже самому себе, почему как раз теперь он вспомнил свой первый учебный день. Это было навязчивое воспоминание о прошлом, ожившем осязаемо, как настоящее. Даже ярче. Наверно, близость родного берега возвращает его в былое. Или этот заглушенный, придавленный в душе страх воскрешает того упрямого мальчишку, каким он был много лет назад... И этот туман...

...— Товарищ полковник, мы можем растеряться в этом тумане, — сказал чех.

Эти слова прогнали и комнату с учениками, и учителя с указкой, и мальчугана в огромных штанах. Он снова сидел не на парте, а на ящике с гранатами рядом с Василом Цаковым.

— Соберемся на берегу, — ответил Васил.

А он вдруг подумал, что собираться не так уж и нужно. Все равно они должны разойтись — каждый почти в определенный ему район... Он молча взял весло. Начал грести. Теперь чех отдыхал на ящике с гранатами.

Полковник не умел грести. В его родном селе не было реки. Не было ни реки, ни моря и в дальнейшей его жизни. Он гребет очень плохо. Но чех должен отдохнуть, а он обязан научиться орудовать этим куском дерева. Остались туман, море и эта деревяшка у него в руках. Чех молчал. И Васил молчал. Деревяшка стала немного послушнее. Она медленно превращалась в весло. Лодка пошла быстрее. Где-то в тумане разнесся далекий собачий лай. Вероятно, он сбился с направления.

— Приготовь перец! — сказал он.

— Это не служебная, — ответил чех, тревожно вслушиваясь.

— Все-таки собака, — сказал он. — Наверно, первая лодка уже дошла.

Лай стих. Только весло тихонько плескало, как и раньше.

— Хотя вряд ли они дошли, — сказал он.

В этой маленькой тревоге из-за собаки он забыл о весле и теперь заметил, что его движения стали автоматическими. Он улыбнулся — искусство гребца оказалось не таким уж трудным. Он был здоровым и широкоплечим человеком. Утомить его нелегко, несмотря на сорок шесть лет. Его лицо виднелось в тумане. Оно выглядело бы добродушным, если б не тонкие губы и словно вырубленный топором подбородок. Доброта светилась только в глазах. Он был лыс, и это придавало его голове округлость. В форме полковника он выглядел суровым. Но сейчас, в складках широкой куртки, с этим веслом в руке, в этом молочном тумане он был похож на добродушного китолова северных морей.

Расстояние, которое им нужно было преодолеть, навело его на другое воспоминание. От его родного села Крын до прогимназии в Шипке было шесть километров. Шесть километров туда и столько же обратно. Он начал считать. Шесть и шесть — двенадцать. В учебном году 150 дней. Двенадцать на сто пятьдесят? Тысяча восемьсот километров. А за три года? Пять тысяч четыреста... И он не уставал! Иначе бы он не учился, если бы не проходил шесть километров до села Шипки и шесть километров до дома три года подряд.

— Товарищ полковник... — опять подал голос чех, — я не знаю... но у меня ощущение, что нам удастся...

Он усмехнулся. Чех явно думал обратное.

— Сменить вас, товарищ полковник? — вмешался Васил.

— Я не устал...

Туман стал еще гуще. Его можно было резать ножом, словно молоко, превратившееся в брынзу. Приближалась полночь. Он ощутил голод. А ведь в подлодке они поели по-мужски. Борщ. Пельмени. Блины. Это был молчаливый ужин, но отчаянно сытный. Капитан сказал несколько слов о смелости! Под конец голос его дрогнул. Все знали, что они уходят почти на верную смерть. И притом все были добровольцы. Четырнадцать человек. Под его командой. Через десять дней прибудут еще столько же. Может, и не все умрут! Может, и сам он не погибнет!

— Значит, веришь, что удастся? — неожиданно спросил полковник.

— Право, верю! Как же не удастся, товарищ полковиик!

Второй говорил по-русски с сильиым чешским акцентом. Из всех только его полковник не зиал как следует.

— Брось ты зтого «полковиика»! — строго сказал он. — У тебя самого какое звание?

— У меня иет звания, товарищ... Я просто радист...

...Воспомииание сделало иочь теплее. Ее озарил огонь отцовского очага. Ои услышал шепот матери:

— Колчо, что ты думаешь про иашего-то... аедь круглые пятерки?

Речь шла о нем.

— Кровь из-под иогтей, а его выучу. Я ие смог, а уж ои стаиет первеющим торговцем...

— В Казаилыке?

— А ты думала? В Париже, что ли? — отвечал отец. — В педагогическую... Если не потянет на торговца... опять же учителем может...

Он не стал ии тем, ии другим. Закончил педагогическое училище а Казанлыке. Стал офицером и отправился прямиком на войну... О аойне не хочется вспоминать... Хочется тепла родного дома...

Полковник рассердился иа себя: что за глупые аоспоминания! Жизнь сделала его суровым человеком.

...Неожиданно в памяти аозиик одии стих из «Одиссеи», которую он когда-то учил в педагогическом...

«Услышь, Одиссей, если впадешь ты а воспоминания детства и отдашься а их власть, то зиай, что сам черноликий Таиатос тебе посылает зиаменье... грядет последний час твоей жизни...»

Древиие были суевериыми. Какая саязь между аоспоминаниями и последним часом челоаека? Скорее уж близость родиого берега аозвращает его к детству. Но стих, как навязчивая мелодия, звучал у него в душе, и, чтобы его заглушить, он спросил неожиданно:

— Есть хочешь?

— Нет, — ответил удивленный чех.

— Приближаемся мы к берегу?

— Кто его знает!

Краткие отаеты показыаали, что тому ие хочется гоаорить. И полковнику вспомиились люди, которые имели обыкновение размывать страх слоаами. Он сноаа рассердился иа себя. Наверное, и он не бесстрашеи. Спрашивает, лишь бы болтать! А аедь считается молчаливым челоаеком. Только зтот проклятый стих мучает его. «Грядет последний час твоей жизни»... Весло скребануло по песку. Перед ними встала скала.

— Берег... — таииствеино прошептал чех и выпрямился, словно он был туристом.

Лодка раскачалась. Еще несколько мгиовеиий, и они были в полосе прибоя — молчаливые, аглядыаающиеся в мрак и туман. Первым выпрыгнул полковник. Ои не взял с собой ничего. Он прижался щекой к скале. Закрыл глаза. Потом косиулся губами соленого камня. Эта скала была для него Болгарией! Тот не должен видеть его разнеженым. И он его ие видел. Он выгружал радиостанцию. Полковиик обернулся и сказал строго, иеиужно строго:

— Живее! — и принял ящик с патроиами у Васила.

Чех вынес другой, с гранатами. Напоследок они аынесли лодку. Выпустили воздух. Раздался легкий свист. Это было неизбежио, как и тихий плеск весла. Лодка умерла иа песке... Превратилась в короткий лоскут... В этот миг пристали еще две лодки с шестерыми людьми.

— Бросьте их! Заиимать позицию! — скомандовал полковник, но люди задержались иа берегу.

Он ощутил их присутствие по тяжелому дыханию. Ои поиял. Для иих Болгария была горстью песка. Шестеро целовали песок. Потом ои услышал удаляющиеся шаги. Его люди заиимали позицию.

— Подготовь радиостаицию, — обратился ои к чеху, а сам занялся разгрузкой прибывших лодок.

Чех и без его приказа уже иачал. Он знал свое дело. Руки его были ловкими и быстрыми. Полковник выгрузил снаряжение, выпустил воздух из лодок и прииялся копать под корнями огромного дерева. Оно чернело иад иим, как зиамя, и легко шумело иа ветерке, который только что поднялся. К иему приблизился человек.

— Товарищ полковник, ни души... Только где-то у Камчии мерцает огонь... Нааерио, рыбаки...

Он узиал его по голосу — зто Кирилл.

— Помоги закопать граиаты! — сказал он и, когда граиаты исчезли в песке под корнями дуба, прибавил: — Две лодки пропали... Кто в иаличии?

Кирилл перечислил имеиа... Трифои Георгиев... Иван Петров... Васил Йотов... Иваи Марииов... Димитр Илиев... чех Бейду Йозеф. Шесть. И оии двое — восемь...

Значит, ие хватает шести.

— Будем их ждать? — спросил Кирилл Видинский.

Полковник ие отаетил. Он утаптывал землю...

— Утаптывай, — сказал он.

Видинский начал утаптывать.

— Готоао? — присел полкоаник к радисту.

— Так точио, товарищ полковник.

Где-то вдали снова залаяла собака.

— Сию миииуту... — сказал полковник и встал. Он аынул из карманов куртки пакетики с красным перцем. Начал сыпать его: собаки ие должиы их учуять хотя бы десяток дией. Издалека несся лай. Он посмотрел иа море. Тумаи рассеивался. Ни следа остальных шестерых. Ои повернулся к радисту. Снова сел рядом с ним, спросил:

— Есть связь?

— Каждую минуту жду Севастополь, товарищ полковиик.

Он задумался. Вокруг тихо. Нааерно, враг их не обнаружил. Не напрасио целый деиь оии наблюдали в перископ за зтим берегом. Море ласково плескало волнами. Глазок передатчика мигал. Это был зеленоватый, всматривающийся а него глаз.

— Засыпал перцем весь берег, — подсел к иим Кирилл Видинский.

Полковиик не ответил.

Тумаи поднялся еще выше. Он почти рассеялся. Ему казалось, что зтот туман появился специально, чтобы помочь им достигнуть берега или потеряться вместе с остальными шестерыми. Он о иих ие тревожился. С иими был Сыби Димитров. Сухощавый, худой, испитой, жилистый человек. С таким не пропадут. Ничего. Справятся и сами. Каждый знает свою задачу и райои. Могли бы вместе добираться до Балкан, ио и даумя группами неплохо. Если полиция уиюха-

ет, хотя бы вторая группа... Может, так даже лучше.

— Товарищ полковник, — шепнул Бейду.

Тихо запел приемник.

— Ти... ти... тиии... ти... ти... — неслась в наушниках песня друзей из Севастополя.

— Отставить! — сказал полковник. — Немедленно выходить!

И они двинулись в ночь.

— Передавай! — сказал полковник Йозефу, когда они остановились недалеко от села Рудник. — Передай следующее. Прибыли благополучно. В тумане потеряли товарищей Сыби Димитрова, Константина Лагадинова, Анто Бекярова, Симеона Филипова, Ангела Георгиева, Тодора Гарланова. Немедленно выступаем к Балканам... Будем ждать их на запасной явке... Привет Красной Армии... Полковник Цвятко Радойнов...

...Она приглушила радио: Ина спит. Приникла ухом к приемнику.

«От Советского Информбюро... Сегодня, 11 августа 1941 года, части Красной Армии после тяжелых и упорных боев с превосходящим противником оставили населенные пункты. Обуховка, Лебедка, Сланомир, Залатоево. Ожесточенные бои ведутся по всему протяжению Дона...»

Новости были одна тревожнее другой.

Шкала освещала ее взволнованное лицо. За черной бумагой светомаскировки загрохотала танковая колонна. Прошла, и словно вместе с нею ушел, оборвался голос диктора.

Она села в белый квадрат, который должен был быть постелью. В углу чернели чемоданы. Завтра Ина уезжает из Москвы. Школу эвакуируют. Разве и Москва под угрозой? Новая колонна загремела по мостовой... Наверно, подходят части из Сибири... Она легла. Закрыла глаза. Знала, что не уснет, но глаза закрыла. Завтра Ина уезжает. Месяц назад уехал муж. Два года назад умер сын. Она останется совсем одна в доме, который был таким радостным. Откуда свалилось столько несчастий? Во-первых, смерть Спартака... Их мальчик умер в семнадцать лет от болезни, диагноз которой врачи так и не смогли установить. Болезнь пришла внезапно. И война пришла внезапно. Они как раз спорили о том, где провести лето. Она усмехнулась в темноте и в первый раз в жизни спросила себя, была ли она счастлива со своим Цвятко... Ее муж всегда уезжал и всегда возвращался. Да! Это было своеобразное несчастье и своеобразное счастье. Может быть, поэтому они никогда не надоедали друг другу. Может быть, поэтому он был так внимателен...

Диктор снова заговорил тихо и задушевно:

«От Советского Информбюро...»

Отступление... Везде отступление... Поздней ночью передовые части фашистов ворвались в Орел... Оборона Дона прорвана в трех местах... Началось окружение Киева... Одесса почти отрезана.

В третий раз от прохождения моторизованной части затряслись стекла, покрытые черной бумагой. Она инстинктивно укрыла Ину, которая завтра уезжает. Вслушалась в ее дыхание. Сегодня Ина ходила в райком комсомола. Она хотела сражаться. Вместо этого ее эвакуируют с детьми. Какие тоненькие руки! Она действительно еще ребенок. Ей всего шестнадцать...

Женщина закрыла глаза. Чтобы заснуть, она

ЗА ВАШУ И НАШУ СВОБОДУ

когда-то считала овец... Сейчас она мысленно встала на широкой дороге и начала считать солдат. Один... два... три... четыре... пять... шестой ей улыбнулся.

Радио снова передавало:

«Оттянувшись на удобные позиции, частям Красной Армии удалось остановить наступление бронированных дивизий... Нанося тяжелые потери гитлеровцам, из окружения вышел двести семьдесят четвертый стрелковый полк...»

Она знала: больше не уснет. Что бы еще приготовить для Ины? Или написать письмо Цвятко? Она улыбнулась. Во-первых, в комнате темно. Во-вторых, неизвестно, где перо и чернильница. И самое главное... никто не сказал бы ей его адреса. Да она бы никого и не спросила. Она давно свыклась со своей судьбой. Жены военных никогда не спрашивали о своих мужьях. Она прошла мимо рояля, погладила рукой плюш кушетки, вышла в другую комнату, приблизилась к старому шкафу. Взяла только перо. Вернулась к Ине. Села на кушетку. В чернилах нет необходимости. Свет не нужен. Она не будет писать. Она сидела так, с пером в руке, и мысли ее летели над необъятной Советской страной, которая сейчас воевала. Где-то там воевал и он, ее любимый. На Дону? На Кубани? Под Орлом? Или только что он вместе с другими оставил невиданное ею сельцо с красивым именем Залатоево? О Болгарии она и не подумала. Ей в голову не пришло, что там, в трех километрах от устья Камчии, как раз в эту ночь сидят на песке трое мужчин, и работает передатчик... и зеленоватый глазок смотрит на Цвятко. Он всегда уезжал неожиданно и неожиданно приезжал. Она вспомнила маленький городок Казанлык. В нем жил когда-то ученик педагогического училища с едва пробившимся пухом на щеках и с едва проклюнувшимися идеями в голове. Она увидела его в первый раз на лекции. Он говорил о Дарвине, о происхождении видов и ругательски ругал попов. Ученики аплодировали. Были и другие, сидевшие позади нее, которые свистели. Потом началась драка, и девушки убежали, схватившись за руки, с испуганными криками. Она пришла и на следующую лекцию. Нет! Это был концерт. Ученичок с пухом на щеках был одет в красную рубашку, дирижировал хором, и тогда впервые она услышала «Интернационал». И опять были рукоплескания, и было улюлюканье. Но на этот раз все кончилось танцами. Тогда они в первый раз поговорили с Цвятко, и разговор их состоял всего из одного слова...

«Товарищ...» — сказал он, а она опустила глаза. Опустил глаза и он.

Она приходила... Лекции... Музыкальные вечера... Пьесы... Господи, как все было романтично!.. Она даже не успела понять, как стала своей всем тут. Однажды — это было много позже — она спросила у Цвятко:

— Что сделало тебя коммунистом?

— Это все равно если бы ты спросила, что сделало меня болгарином.

Господи, какие у нее тогда были роскошные

волосы! Она заплетала их в две косы. Каштановые, блестящие. Она заплетала их только для него. Она была действительно мила с этими косами, со своими большими глазами, с ямочками на щеках и с вопросами...

«Бонче», — сказал он. Никто так нежно не произносил ее имени. Самое обыкновенное имя — Бонка. И теперь она могла гордиться. Никакого другого мужчины не любила она в жизни. И он — никакой другой. Они вечно расставались и вечно соединялись. Только-только наступали самые лучшие мгновения в их жизни, как он должен был уезжать.

Она тихо встала. Ина спала. Москва спала. Только шкала приемника светилась и тихонько гудела... Она пошла в соседнюю комнату. Зажгла лампу. Открыла старый шкаф, привезенный в свое время еще из Параскавеевки. В нем она хранила свои самые дорогие ей вещи. Нарочно. У них было все. Но этот шкаф был ей особенно дорог. Когда-то Цвятко сам его сколотил. Он любил что-нибудь делать руками. Его удары были короткими и точными, как и слова, как письма, которые она хранила в шкафу из Параскавеевки. Она достала черную коробку с алой Василисой Прекрасной. Потушила лампу. Зачем их читать? Она знала их наизусть. Вот и письмо, которым он звал ее к себе навсегда... Она собрала свои одежки, а Цвятко уехал на войну... Ей достался лишь один украденный час на окраине Казанлыка. Фиолетовый час сумерек, пронизанный запахом лугов и далекими голосами женщин с мотыгами...

— Считай, что ты моя супруга, — сказал он просто.

Он уехал на войну. Под бомбы, к хмурым солдатам. Она осталась в Казанлыке со сверчками. Ни жена, ни девушка. После войны некоторые станут вдовами. Она не была супругой, чтобы овдоветь. Некоторые станут супругами. Она была замужем, чтобы мечтать о свадьбе. Странно... Но с ним всегда было странно...

Это письмо с фронта с датой 17 января 1916 года...

«Бонче... Моя вторая рота бьется «геройски»... за то, чем воняет... Этот героизм солдат приводит меня в бешенство...»

«Бонче, не называю тебя «милой», потому что ты действительно мила... Мы уже открыто распространяем «Работнический вестник» в полку...»

«Вчера один наш солдат вошел в сербскую избу и забрал хлеб, табак и кусок сала. Ребята голодают и делают безобразия. Я вывел его из строя и спросил: «Если в нашу землю ворвется враг, хорошо тебе будет, когда у тебя отнимут последнее?» Молчит. Запахло христианской проповедью, но я продолжал: «Нет денег, чтобы купить, ладно, но друзья-то у тебя есть?» Молчит. Вытащил и дал ему деньги. Потом меня ругали в штабе, что защищаю сербов. Идиоты офицеры никогда не поймут, как я люблю свою маленькую Болгарию, как дрожу за ее имя, за ее честь, за ее будущее... И потом они не могут понять, какая важная вещь доброта... даже для офицера...»

После разгрома он пришел раненым. Легко прихрамывал. Пришел в офицерской куртке без погон и с вопросами без ответов. Когда солдаты бунтуют, когда ведутся сражения под Владаем, когда в Радомире крестьяне провозглашают республику, почему коммунистическая партия бездействует и ведет споры по различным тактическим и теоретическим проблемам? Разве не видно, что и в Болгарии 1919 год? Что русская революция продолжается, что Берлин накануне бури, что над Тисой собираются красные облака, и Париж содрогается...

Она не открыла коробку... Василиса Прекрасная на крышке, а под крышкой его письма.

Он всегда уезжал и всегда возвращался... Иногда писал. Иногда молчал... Знал, что у нее есть черная коробка с письмами... а молчал... Почему?

Жены сотрудников НКВД знают почему. Но тогда он был одним иэ тысяч учителей-социалистов и мог писать, писать, писать...

Он уехал в одно село, устроился, сбил кровать, сколотил шкаф, стол и стулья и написал ей, чтобы ехала — дом готов. Она всегда приезжала, влюбленная и самоотверженная. И он встречал ее тепло, с любовью. Потом его уволят, и он уедет в другое село. И опять купит старые ящики, чтобы сколотить кровать, шкаф, стол... И она опять приедет в «готовый» дом... А Цвятко встретит еще теплее и скажет, что завтра уезжает на конференцию или что где-то в Бургасе или Карнобате началась стачка и он там необходим. Она останется при столе, при стульях, при шкафе и будет ждать, когда его уволят.

Через год они переехали в Карабунар. В этом селе были партийцы, среди них выделялся кузнец по имени Тодор Грудов. Будто целый горн вместе с мехами спрятал он в свою грудь. А кузня — клуб! Из двадцати сел шли к нему люди сковать серп, мотыгу. И сердца свои куют, ножи из них делают. Удивителен был этот Тодор Грудов, крепкий, как и ее Цвятко, только погрубее и говорить красно не умел, но из двадцати сел крестьяне его слушали. А подойдут выборы — Карабунарский район непременно пошлет красного депутата. Начнется ли стачка — Карабунарский район всегда откликнется!

Тут родился их Спартак!

Цвятко уволили, а партия поставила его кладовщиком в кооперацию. Не остались голодными ни она, ни ребенок.

Он опять уезжал и опять возвращался. Ходил агитировать, ездил на съезды, на конференции. Однажды он сказал ей:

— Ну, Бонче, сбылась моя мечта, я стал профессиональным революционером, и вся моя жизнь принадлежит революции. Я не сожалею, что принадлежу не только тебе и ребенку.

Она хотела ему ответить:

«Мы все давно уже принадлежим революции!» — но промолчала. Они давно привыкли понимать друг друга без слов. Так, почти без слов, расстались они и в сентябре, когда он уехал надолго, очень надолго...

Она часто думала о сентябре... Не случайно их дорогая девочка, которая сейчас спит в соседней комнате, зовется Сентябрина. Не случайно она, шестнадцатилетняя, ходила сегодня в райком комсомола и вернулась в слезах. Вместо фронта ее послали в эвакуацию с детьми, с грудняшками, с сосунками!

Бонка встала и убрала черную коробку в старый шкаф, сколоченный ее мужем в Параскавеевке. Положила ее к самым дорогим своим вещам и усмехнулась: у одних хранятся драгоценности в шкатулках, у других — сберегательные книжки в секретных ящиках, а у нее только письма, среди них засушенный цветок с могилы

Маркса и шкаф, сколоченный руками ее мужа в первые дни эмиграции... Тогда, когда существовала коммуна имени Димитра Благоева и они выращивали овощи в селе Параскаевевка.

Она возвратилась к Сентябрине. Легла с ней рядом и снова начала считать овец. А они опять превратились в солдат, и солдаты шли по бесконечной дороге колоннами, туда, где горела земля.

Приближался рассвет. Солдаты текли, терялись в бесконечности, появлялись все новые полки. Какое-то славное чувство охватило засыпающую женщину. Необъятна родина пролетариев, не кончаются ее полки. И где, где среди этой необъятности и этой бескрайности сражается ее муж? Где бьется с врагами полковник Цвятко Радойнов? Он всегда уезжал неожиданно и всегда неожиданно возвращался.

Так прошла ночь сентября, того сентября, который дал имя ее дочери. Она очень грустит, что едет не на фронт, а в эвакуацию. Целый мир погиб в Болгарии в том сентябре, но тот, который родился после, — удивительное племя. Молодое комсомольское племя. С ним не погибнет ни огромная родина всех пролетариев мира, ни их маленькая Болгария...

Существует некая странная координация в мыслях близких людей. Бойка заснула с мыслями о Сентябрьском восстании. Цвятко тоже думал о восстании под черными буками, залитый светом утра. И не мог объяснить себе, почему именно эти великие и кровавые дни проносились в его воспоминаниях и не давали ему задремать. А ведь он так устал! Наступал день, и они должны спать, потому что их ожидала ночь и длинная дорога по обрывам и кручам, по корневищам и болотистым полянам. Откуда-то из-за кустарников долетал далекий говор, и сердце его слабо замирало. Сладкий болгарский говор, немного горловой, немного тверже русского, но бесконечно дорогой. Он закрыл глаза. Уже три дня они бродят в родных Балканах, но все еще не обменялись словом ни с одним человеком. Цвятко знал, что он говорит с легким русским акцентом. И он боялся заговорить вслух. А так замирает сердце... Он шел темными ночами, слышал дыхание Йозефа позади себя и воскрешал в памяти полузабытые уже слова. Некоторые из них были диалектные, даже семейные словечки, слышанные только от матери или от бабки, и они тепло отдавались в его сердце. В скольких мелких на первый взгляд вещах живет родина и как тонки корни любви к ней!

Он лежал под толстым буком и созерцал рассвет. Кровавый кусок неба, открывавшийся между плотными зелеными листьями, тоже был Болгарией. Болгария была и в воспоминаниях о Сентябре, которые не давали ему заснуть. Он встал. Он сменит часового. Пусть хоть Георгиев поспит.

— Георгиев... — прошептал он и исчез в кустах, где прятался часовой.

Ответа нет.

— Трифон! — немного повысил он голос.

Опять никакого ответа. Страшная мысль промелькнула в сознании.

— Трифон! — он пересекает кустарник наискосок.

Никаких следов часового. Страшное сомнение превращается в уверенность. Он возвращается к спящим. Размышляет еще минуту и будит их. Они вскакивают. Обыскивают кусты. Тихонько зовут. Наконец один возвращается с запиской. Он нашел ее там, где должен был стоять на посту Трифон Георгиев. Цвятко Радойнов читает записку и не может понять, с предателем или с идиотом он имеет дело.

«Иду в ближайшее село за продовольствием...»

И сразу соображает. Они не будут больше искать шестерых с Сыби Димитровым. Сами они должны немедленно рассыпаться! Так, как приказано в НКВД. И самое главное — они немедленно должны убраться отсюда.

Они идут медленно и осторожно. Один день. Первые трое отделяются от них ночью. Еще один день. И другие отправляются к своим районам. С Цвятко Радойновым остается только Иван Петров. Он осядет в Казанлыке. Его дело — в Казанлыке. Полиция еще не появлялась. Может быть, тревога напрасна. Горы тихи, ясны, спокойны. Они возвращаются к старому лагерю, чтобы взять радиопередатчик и связаться с Севастополем. Сейчас для них весь мир — только эти горы и далекий Севастополь, который посмотрит на них зеленым глазом приемника. Вот и старый бивак. Там под дубом, в семи метрах влево к кустам, спрятан передатчик. Они старые революционеры. Знают друг друга по Сентябрю, по Советскому Союзу, по Испании. Цвятко залегает. Приготавливается к стрельбе. Иван ползет к нужному месту. Тихо. Может быть, засады нет? Ах этот Трифон! Пошел за хлебом. Может, не предатель, просто глупец. Странно, Трифон Георгиев стал ему даже симпатичен именно потому, что наглупил. Иван ползет. Добирается до места. Откапывает передатчик... Когда лежишь ничком — это долгая и утомительная работа. После этого уже невозможно ползти. Он взваливает на плечи два непромокаемых мешка и бегом возвращается к товарищу. Они быстро удаляются. Явно никакой засады нет. Они присаживаются в тенистом местечке и распаковывают радиостанцию. Зеленый глаз снова пристально смотрит на Цвятко. Вот сейчас он вздрогнет, и аппарат тихо загудит в наушниках. Севастополь! Ответа нет. Иван во второй, в третий раз повторяет код. Ответа нет.

— Дай мне! — сказал Цвятко, и в этот миг загремел автомат. Несколько голосов кричат:

— Сдавайтесь!

— Большевистские агенты! Сдавайтесь!

Несколько очередей очерчивают вокруг них магические круги.

Он и Иван Петров мгновенно залегают. Огонь. Цвятко стреляет наудачу — на выстрелы, на крики.

— Сдавайтесь! Большевики!

— Сдавайтесь!

Они отползают назад, в кусты. Новые магические круги... Ветки над ними колышутся. Они хотят взять их живьем, поэтому автоматы и очерчивают зловещие круги...

ЗА ВАШУ И НАШУ СВОБОДУ

— Обещаете оставить нас в живых? — кричит Цвятко.

Встречает удивленный взгляд Ивана. Именно удивленный! У товарища еще нет времени испытать к нему презрение... ударить... застрелить...

Кусты напротив спешат:

— Сдавайтесь, мы вас пощадим...

— Не верим! — кричит Радойнов. — Дайте гарантии!

Кусты больше не плюются огнем. Кусты медлят и, наконец, отвечают:

— Мы вас будем считать военнопленными... Честное слово.

— Не верим! Дайте гарантии!

— Идиоты! Какие еще гарантии мы вам можем дать?

Хитрый огонек в глазах Радойнова удерживает Ивана Петрова от выстрела в упор. Его друг медленно ползет назад, к обрыву. Он машинально следует за ним, впившись взглядом в хитрые зрачки. Они добрались до бездны. Иван, наконец, догадывается. Все это игра. Они выгадывают шаги отступления. Они приобретают бездну. Махнешь вниз — потонешь в дебрях. Можешь сломать шею, но и со сломанной шеей все равно исчезнешь. И те поняли игру. Они снова стреляют. Автоматы больше не описывают предупредительных кругов, а нащупывают их лбы, груди, животы. Сейчас отчаянно лают эти автоматы... Двое бросаются в бездну и катятся вниз. Автоматы посылают им вдогонку свой последний гнев. Цвятко слышит треск автомата. Иван охает. В него попали! Цвятко пытается остановить свой полет, но не может ни за что ухватиться.

На раненого Петрова набрасываются синие униформы. Цвятко стреляет в них... Бесполезный гневный огонь! Он видит, как Иван выхватывает пистолет из потайного кармана куртки... Еще миг — и разлетится высокий прекрасный лоб. На солнце блестит офицерский погон. Цвятко стреляет в погон. Стреляет, пока не опустошает магазин пистолета, и исчезает в дебрях, подгоняемый криками и очередями...

Бонка долго смотрит на кусок черного хлеба, два помидора и ломоть брынзы. Москва уже экономит. Ох, не это самое страшное! Страшно, что эти ироды наступают на столицу с молниеносной скоростью. Сегодня они строили противотанковые укрепления. Она узнала, что танки фашистов носят кровожадное имя «тигры». Несут черные кресты. Стаи тигров. Тигры с христианским знаком на груди! Что-то зловещее было в этом — ужас джунглей в сочетании с ужасом древних тевтонских походов. Зоология и кровавая история. А русские называют свое оружие поэтично. Сегодня мимо них проезжали советские танкисты. Остановились ненадолго. Группа красных звезд. Открыли люки и весело закричали женщинам:

— Здорово, бабоньки!

А один солдатик прокричал еще веселее русокосой красавице:

— Как тебя кличут, девушка?

— Люба... — ответила девушка удивленно, а танкистик ударил по стальной спине машины и сказал:

— С сегодняшнего дня эта машина будет называться «Люба»! Слышишь? Мы с ней давить фашистов будем! Слышишь? Давить!

Откуда-то донеслась команда. Люки захлопнулись. Моторы загудели. А танкистик все медлил и кричал:

— Прощай, Люба! Мы их будем давить!

Его люк захлопнулся последним. Последней тронулась его «Люба». А другая, настоящая Люба, с золотой косой, вдруг вышла из оцепенения, бросилась за машиной и закричала как безумная, без всякой нужды:

— Бей их, родной! Бей их, ненаглядный мой! — словно провожала на фронт любимого...

Бонка задумалась о судьбе этого паренька. Но кто теперь знает свою судьбу? И кто теперь будет есть с аппетитом, если даже на стол поставишь куриный борщ? Цвятко больше всего любил куриный борщ. Кто-то позвонил. Она вскочила.

— Завтра работаем на Волоколамском, Бонка, — сказал в дверях старик в пенсне, с зонтиком и красной лентой на рукаве. — Выходим ровно в пять...

Это был Василий Лаврентьевич Щукин, бывший директор банка. Ему восемьдесят лет. Во время октябрьских событий он был уже пенсионером. Но после Октября вернулся на работу. К концу первой пятилетки он опять вышел на пенсию. А война снова заставила его работать. Хмурый старик с моржовыми усами, в пенсне и с зонтиком, какие носили в 1913 году петербургские франты. Только красная лента на рукаве напоминала, что идет 1941-й. Василий Лаврентьевич Щукин отвечал за двадцать семь женщин, которые строили противотанковые укрепления на Волоколамском шоссе.

— Будут грузовики, дорогая, — прибавил он с улыбкой.

— Милости прошу на чай, дедушка Василий!

«Морж» хитро усмехнулся. Далекий отблеск прежней мужественности прошел по морщинистому лицу.

— Пойдут пересуды, дорогая. Я ведь «самый лучший мужчина Девятой роты», — отвечал он, входя.

Сегодня женщины в шутку ссорились из-за своего кавалера. Одна из тех зловещих шуток, которые сопутствуют войне.

Щукин сел и уперся своими жилистыми руками в колени.

— Война — напасть, дорогая. А таким, как я, везет. Вот остался единственным мужчиной на столько женщин... Нна уехала?

Бонка кивнула, наливая ему чай.

— А супруг пишет?

— Нет еще, — подала она ему сахарницу.

— Каждому свое. Для меня революция пришла поздно. Помог я большевикам только в банковском деле...

На прощанье Щукин сказал, поглаживая усы:

— Война, дорогая! Семейная жизнь — милая штука, да человеку положено испытать все... И войну, и развод, и даже радоваться таким посещениям, как мое, дорогая Родионова...

Тут, в России, они были Родионовы... Опять вспомнила одно письмо от Цвятко:

«Боиче, тут меня называют Родионов. Спасибо еще, что в моем имени нет «ы» — кто знает, как бы я назывался теперь. Среди нас есть один товарищ по имени Вылко, а по фамилии Выгленов... Знаешь, как его называют теперь? Вилко Углов... Кто не знает — знакомится, и получается невесть что...»

Цвятко любил юмор. Молчит, молчит, а уж скажет — обязательно будет либо короткая присказка, либо краткая шутка. До ее приезда в Советский Союз он писал ей так:

«Моя Бонка, прошла неделя, как я тебе писал. Я был в одном городке, где мы получали мельничные валы — мы будем перестраивать мельницу в нашей коммуне...

Я начал тебе писать, но меня прервали, и теперь я продолжаю... Ты приедешь, правда? Но только вот что — без лишнего шума. В Царьграде, если будет нужда задержаться, обратись по следующему адресу: П. К. (портной по-турецки «терзия»), квартал Галата... он позаботится о гостинице и других услугах. Как устроится с деньгами, отсюда я не могу тебе сказать и не могу помочь. Когда будешь просить паспорт, приведи известные мотивы, но об Р. и речи быть не может. Будь осторожна. Верю тебе! До скорого свидания. Много раз целую тебя и Спартака».

Она не рассказала даже ему, как трудно было найти деньги и достать паспорт. Это было неважно. Важно, что они снова были вместе в Параскавеевке. Пятнадцать изгнанных с родины болгар жили здесь на клочке земли, который назывался «Коммуна имени Димитра Благоева». Это была маленькая дорожка, которая вела к коммунизму. Далекий опыт, зов в будущее, трепет предчувствия. Жизнь была нелегка. Господи, совсем не легка! У коммунаров не было никакого инвентаря, они спали в самые лютые зимы на нарах, покрывшись одним одеялишком, разбитые окна были залеплены бумагой, комнаты — общие. Спальни, канцелярии, склады — все вместе. Цвятко был партийным секретарем коммуны. Она — ее поваром.

Трудными, но славными были эти времена в коммуне. А потом пришел черед улицы Девятой роты, дома 14, квартиры 21 в Москве. И эта квартира 21 стала их домом. Она и теперь здесь, только совсем одна. А как здесь бывало оживленно! Коммуны нет. На ее месте остался колхоз, носящий имя Димитра Благоева. Болгарские эмигранты рассеялись. В Параскавеевке осталась только могила деда Петко... Их родина стонала под пятой фашизма, и они должны были готовиться к ее освобождению. Рассеялись коммунары... Болгар приняли в свои стены академии и училища. Ее Цвятко окончил академию имени Фрунзе и сам стал преподавателем по тактике и стратегии. Росли дети. Росла страна. У них бывало так весело и шумно... Нет эмигранта, который не побывал бы у них. Эту улицу Девятой роты, квартиру 21 знало столько болгар. В ней всегда находилась миска болгарской похлебки, теплое одеяло, несколько сердечных слов. Тут говорили больше всего о двух вещах — о мировой революции и о Болгарии. Отсюда Цвятко уезжал и сюда возвращался. На Дальний Восток, потом неизвестно куда, потом опять неизвестно куда, пока не пришло письмо.

«Привет из Мадрида, моя Бонка, мой Спартак и моя Ина! Мы бьемся с врагом, который много сильнее нас, но правда с нами и с республикой! Я давно убедился, что наша родина там, где сражаются пролетарии. Не напрасно я столько лет учился в академии Фрунзе. Думаю, что с моим приездом в Мадрид «пятая колонна» потерпит чувствительные потери. По дороге я заезжал в Лондон. Поклонился могиле Маркса, сберег для себя один цветок с этой священной могилы и еще один, который посылаю вам вместе с моей любовью и верой...»

Из Испании он вернулся тоже неожиданно. Подавленный разгромом.

— Какими мы стали людьми! — часто вздыхал Цвятко. — Поражение Испании мне так же тяжело, как и наше собственное в сентябре...

Кто-то опять позвонил. Она посмотрела на часы. Одиннадцать часов. В дверях стоял молодой командир. Он отдал ей честь.

— Товарищ Родионова?

— Да... — промолвила она.

— Жду вас внизу в машине, товарищ! — снова отдал честь лейтенант.

— Я одета, товарищ лейтенант...

Он вез ее через темную Москву. Она уже знала куда. Есть весточка от Цвятко. С ослабевшим сердцем вошла она в огромное здание. Внутри было светло и оживленно. Ее встретили сердечно. Дали ей письмо. И она прочла его на глазах улыбающегося полковника, который сказал ей:

— Надеюсь, товарищ Родионов пишет вам только о веселых вещах...

— Да! — ответила она. — Он всегда пишет весело, только на этот раз ничего определенного... Ничего определенного, даже где находится, не пишет...

Полковник пожал плечами.

— Разве недостаточно знать, что он жив, товарищ Родионова? Хотя бы дату письма...

Она скорбно улыбнулась и покачала головой... Да, хотя бы дату письма, которое вернувшаяся подлодка доставила в Севастополь.

Внизу ее ждал лейтенант с машиной, и затемненная Москва, и улица Девятой роты, где сейчас она совсем одна, совсем одна, как миллионы женщин на свете...

Глава вторая
НАСТОЯЩЕЕ

Из-за стены долетал звон бокалов, смех, говор. Веселье продолжалось так долго, что они не слышали его больше. Свыклись даже с писклявым хохотом какой-то дамы. Они не имели о ней никакого представления, но предполагали, что это неудавшаяся актриса. Свыклись и с дрожащим тенором, который несколько раз пытался завести арию Каварадосси, но каждый раз его заранее прерывали аплодисменты. Они были благодарны веселым гостям. Пусть празднуют! Пусть входят и выходят люди

из этого дома на улнцы Слнвнмцы, 177! Пусть будет еще более шумио! А нм хватит темной комнаты, шепота н иесколькнх кусков хлеба, оставлениых иа столе хозяйкой. Онн уже прнвыклн н к мраку н к шепоту.

— Ты не голодеи? — спросил Цвятко во время одной особеино шумной здравнцы, чуть не проломнвшей стены.

На столике белели ломти хлеба н тарелка с брынзой.

Второй не ответил. Ои встал, подошел к окиу, оглядел улнцу. Фары легковой машнны превратнли его нз снлуэта в тонкого, чуть сутулого человека. На минуту стало видио его лнцо — с острым носом, глубоко врезаниымн морщннами н иепокорной белой шевелюрой. Потом он опять превратился в снлуэт. Сказал тнхо, ио басовнто:

— Думаю, что мы поняли друг друга, Цвятко. Незачем скрывать — Центральный Комитет очень рассчитывает на тебя.

— Благодарю за доверне, дядя Аитон... Все равио что ты этого не говорил... Все равно что я ие слышал... Ты ие закусишь? — ответил Радойнов н начал медленно есть.

— С какнм удовольствнем я бы выпил рюмку вниа!

Цвятко почувствовал, что Антои Иваиов мягко улыбается в темноте.

— Такая встреча дороже, чем именины! Два месяца я добнрался до тебя. Это действнтельно стоило бы обмыть...

— Страшно было?

Цвятко Радойнов пожал плечами:

— Не так страшно, как медленио... Мне пришлось пройтн пешком 300 кнлометров, сменнть 20 квартнр, пока я добрался до тебя...

— Просто счастье, что ты не иарвался на провокатора...

Радойнов усмехнулся:

— В Крыне есть дед Боньо. Такой бедолага, что у иего иет даже одеяла для гостя... Оставили иас с Аврамом Стояновым у иего... Гляжу, спит старик иа голой земле, а иам отдал одеяло. Утром встаем... Хотел я с инм поссориться, а ои молчит и смотрит на меия из-под лохматых бровей. Вдруг вышел. Мы с Аврамом переглянулись. Выдаст! Смущеи он был, не в себе, в глазах страх... Только мы обдумалн, как исчезиуть, дед Боньо вернулся с каким-то студентом н еще от дверей кричит: «Прогонн нх, сынко, а то я лопну со страху... Прогоин их! Я за инх не отвечаю... И сердце мне ие позволяет их выдать, и со страху лопаюсь...» Прямой был старнк! И очень честный. Студеит начал было ему выговаривать, да я его остановил... Вечером мы ушли к другнм людям. Извинн, чувствуется русский акцеит, когда я говорю?

— Есть такое дело... — сказал Антои Иванов.

— Плохо! Меня еще племянница в Крыне предупреднла. «Дядя, — говорнт, — ие говорн много, видио, что ты жил в Россни...»

Теиор опять принялся за арню Каварадосси, но снова раздались аплодисменты и иесколько шутливые крнки «браво».

— Почему не дают спеть человеку? — тихо спросил Антон Иванов.

— А я знаю? — ответнл Цвятко.

Оин вслушнвались в иеразберnху за стеной, словио ожндалн продолжения арии.

— Есть радно... — сказал Цвятко. — Хочешь послушать новостн?

— Все еще отступаем... — озабоченно покачал головой Антои Иванов, н его светлые глаза блеснули в темиоте. — Но натнск фашистов уже не так снлен. Правда?

Оин говорнлн обыкновениые вещн. Давно закончили деловой разговор н сейчас ждали, чтобы закончнлнсь именины за стенкой. Тогда дом затнхнет, н Антоиу Иваиову можно будет уйтн.

— Есть идея! — сказал Цвятко. — Уже почтн час ночи. Давай, брат, оставайся тут! Вдвоем легче, да и столько еще есть о чем поговорнть...

— Скольких парашютнстов схватнлн? — вместо ответа спроснл Антон Иванов.

— Убнты трое... Не знаю кто... Жнвых схваченных иет.

Снова проезжающая машина озарила комнату. По потолку пробежалн тенн, н снова морщинистое остроиосое лнцо старого революционера выступило из тьмы. Грустное н задумчивое.

Ои закурил сигарету. Машнна проехала, н напротив Цвятко остался в темноте лишь рубчик сигареты.

— Я часто сижу без сигарет... Там, где я сейчас, товарищ не курит н все забывает мие купить... — сказал Антои Иванов.

— Деньги у тебя есть? — спроснл Радойнов.

— Есть немного. Но знаешь, партийные деньги да иа сигареты! Некоторые нз иашнх умирают с голоду на нелегальном положеини... Когда ты видел в последний раз товарища Днмитрова?

— Незадолго до отъезда... — ответнл Цвятко. — Собралнсь мы в Москве, люди старой школы, и решили: нельзя сндеть сложа рукн... Пошлн к товарищу Днмнтрову... Сказалн ему, что хотим биться за свободу Болгарии. Ничего определенного мы не предлагали, и ничего определенного он нам ие ответнл... Надоедал я и своим иачальникам и от инх ие получнл определенного ответа. А через три дня иас собрали... Было человек сто... Почти все сентябрнйцы... Меиьше, чем смертный прнговор, ни у кого не было. Собрали нас без особого шума. Рядом с Днмнтровым сидел Стаике Днмнтров. Тогда мы понялн. Наша просьба удовлетворена... Только ие всех отправили в Болгарню. Были больные, старнкн... Или слишком молоденькие...

— Лычко прибыл с парашютнстамн... — прервал его Антон Иваиов.

— Я не знал, средн утвержденных его не было... Должно быть, просился сильно... Ему ведь всего девятнадцать...

— А ты что? Думаешь, что только кадры Сентября — коммунисты? Скоро молодые иас за пояс заткнут, — улыбиулся Антои Иваиов. — Плохо ты ииформнрован, брат... Но ничего поработаешь, познакомишься с людьмн. В Болгарии ты ничего ие слышал про Николу Вапцарова?

— Ничего. Зиаю только, что он будет моим первым помощником... И то узнал от тебя полчаса иазад.

— Пишет стихн.

— Мать честная! — воскликнул Цвятко по-русски. — Хорошие ли хоть стихи-то?

— Неплохи! И сам он совсем неплох... Отец его — друг царя... А сыновья коммунисты.

— Знаешь что? Меня интересуют некоторые генералы из царской армии... Есть такие, с которыми можно разговаривать по-человечески?

Антон Иванов задумался.

— Думаю, что есть один на первое время... Слыхал ты что-нибудь про генерала Владимира Заимова?

— Да. Товарищ Димитров сказал несколько добрых слов...

— Нужно как-нибудь устроить вам встречу.

— Обязательно!

Они прислушались. Кто-то постучал. Шум за стеной утих. Увлеченные разговором, они не слышали, как гости разошлись. Снова постучали.

— Войди... — едва слышно сказал Цвятко.

Дверь отворилась, и в комнату вошел Кынчо.

— Пора... — шепнул он. — Как раз последние гости спускаются по лестнице. Если тебя случайно остановят, говори, что был на именинах у Тюфекчиевых... — обратился он к Антону Иванову.

Тот ничего не сказал. Надел зимнее пальто и молча вышел.

— Вы ничего не ели! — снова вернулся Кынчо к Радойнову и недовольно осмотрел стол. — Я думаю, инженер Кынчо Иванов мог бы накормить пару человек... Отворить немного окно? Дядя Антон надымил.

— Только не зажигай свет. — Цвятко сам отворил окно и посмотрел на улицу. Рука его опустилась на вальтер в кармане.

В студеном осеннем вечере шел одинокий пожилой мужчина, зябко кутавшийся в зимнее пальто. Он шел медленно, спокойно, и шаги его были почти неслышны. Не светилось ни одно окно. Цвятко посмотрел на часы. Два часа десять минут. Целых пять часов незаметно пролетели в разговоре, и было еще много о чем нужно поговорить. Шаги заглохли. Тонкая фигура растаяла. Улица стала неприятно пустой. Цвятко улыбнулся. Убрал руку с пистолета. Совсем не многие в стране знали, что тот, кто сейчас прошел по улице Сливница, одинокий, ушедший в воротник своего потертого зимнего пальто, — секретарь Центрального Комитета, одна из самых старых, самых умных и самых настрадавшихся голов партии. Идет человек в ночи, идет себе тихо и мирно. Дымит рубин сигареты под острым носом, а за высоким лбом — мысли... Так много мыслей и забот... Он свяжет Цвятко с молодым поэтом, которого зовут Никола и у которого такая странная фамилия. На этих днях они встретятся, потому что этот Никола должен стать его правой рукой. Им предстоит так много сделать. И умножить партизанские отряды, и превратить борьбу во всенародную, и активизировать боевые группы, и разлагать армию царства болгарского, и поддерживать связи Центрального Комитета с революционными районами, и информировать Большую землю. Он задумался о предстоящей работе, обо всем том, что принял на свои плечи перед Георгием Димитровым и перед командованием Красной Армии. Что за человек этот Вапцаров? Внезапно он вспомнил странную фамилию Николы Вапцарова. Цвятко Радойнов любил поэзию, музыку, сам поигрывал на скрипке, дирижировал ученическим хором и хором Комсомола в Казанлыке. Выходил на сцену декламировать. Как давно он не занимался всеми этими вещами! Армия ли его сделала суровым человеком или вечная нацеленность на исполнение боевых задач? Он не знал. Но сейчас, в этой ночи, перед этим открытым окошком ему очень захотелось прочесть стих или сердечный рассказ, написанный на милом болгарском языке.

Под окном проехал конный полицейский патруль. Цокали копыта коней по булыжнику, будто знали, что совсем недавно по этой улице прошел усталый человек, прошел тихими, кроткими шагами. Знали об этом копыта, и хотели заглушить эхо его шагов, и цокали... цокали...

Восемь дней он ни с кем не встречался. Сидел в четырех стенах в маленькой комнате, читал газеты, слушал шепот радио, прохаживался тихими шагами, и время еле ползло. Только тот, кто жил на нелегальном положении, знает тяжесть ожидания, таинственность всех звуков вокруг, мысли, которые мечутся в тесном пространстве горящего черепа. Иногда он подходил к окну и долго созерцал ветви клена, ронявшего свои последние листья. Он думал о Москве, о Бонке, об Ине и о могиле своего мальчика, который носил «языческое» имя Спартак. Ему казалось, что стоит ему обернуться, и он увидит домашнюю обстановку на улице Девятой роты, кровать в углу, рояль, кресла, грубый шкаф с деревянными завитушками и черную коробку, в которой под улыбкой Василисы Прекрасной Бонка хранила «семейные сокровища». Но он не оборачивался. Он знал, что он в Софии. В другой раз ветви клена возвращали его на месяцы назад, когда он брел одинокий через засады и облавы и приближался к своему родному селу Крын. Только через старых друзей в Крыне он мог установить связь с этим таинственным и неуловимым Центральным Комитетом. И он дивился, почему полиция не устроила засаду около Крына. Он был уверен, что это не хитрость Гешева, что у него нет хвоста, который потянется за ним в Центральный Комитет. И о Гешеве он думал иногда. Ему рассказывали о качествах этого знаменитого полицейского. Показали фотографию и исчерпывающую характеристику, которую он запомнил наизусть:

«Человек, всецело преданный службе, точный до педантизма, чрезвычайно терпеливый и лукавый. Его девиз: «максимум усилий за минимальный результат». Беспощаден к себе и к подчиненным. Его пресловутое отделение «А» является домом, семьей и всем прочим для этого одинокого старого холостяка. Начитан, отличный знаток марксизма и советской литературы, не столько фашист, сколько обыкновенный человеконенавистник. На свою службу смотрит как

на призвание. Служил бы во всякой полиции, работал на любую разведку, лишь бы это обеспечивало поприще для его злого гения».

Строчки сводки о Гешеве низались перед его глазами. Действительно, в Софии его поджидал жестокий и опытный противник. И под носом этого Гешева и всей полиции он с помощью одного поэта должен руководить Военным центром Центрального Комитета, должен расширить сопротивление! Мужественная усмешка пробегала по лицу Радойнова, как только он пытался представить себе Гешева. Эта усмешка несколько смягчалась при неясном представлении о Вапцарове. Как может выглядеть поэт, который перевозит взрывчатку и гранаты, который закупает оружие и формирует боевые группы и партизанские отряды? И каковы стихи, написанные на столе, под которым спрятан динамит или ящик с радиопередатчиком?

В другой раз Радойнов мысленно вычерчивал линию фронта. Как военный, он пытался угадать намерения врага и контрудары, которые готовит Красная Армия. Сейчас, поздней осенью 1941 года, лишь несколько месяцев спустя после 22 июня, он уже понимал огромный тактический замысел красного командования. По существу, он не очень отличался от замыслов Кутузова. Старая игра повторялась, а Гитлер был слеп. Его бронированные дивизии распылялись в огромной стране, за его спиной вырастало могучее сопротивление, а перед ним вставала стальная стена. Радойнов был уверен: 1941 год тоже будет иметь свое Бородино! Его глаза останавливались на Москве. Фронт под Москвой был ровен. Тогда он двигался по сложным зигзагам обороны на Волге. Где-нибудь тут очень удобно нанести контрудар! А может, выгоднее отрезать врага на Кавказе? Фашисты действуют на Кавказе малыми силами... Какая польза их тут отрезать...

Сегодня под вечер зашелестел мягкий дождичек. По стеклам стекали лужицы, и дерево перед домом размылось. Одиночество сжало ему сердце. Словно этот дождик полил его тоску, и она буйно разрослась. Инженер приходил поздно. Его жена тоже. Радойнов стоял у окна, как всегда прячась за занавеской, вслушивался в шум дождя и наблюдал, как сумерки отнимают у него дерево. И последние желтые листья. Внезапно легкий шум заставил его вздрогнуть... Он отскочил за дверь и стиснул вальтер. В это время «хозяева» не возвращаются. Он даже обрадовался, наконец, случилось что-то чрезвычайное. Он тихо спустил предохранитель. Дверь в холле мягко хлопнула. Донесся шепот. Он узнал голос Кынчо и сунул пистолет в карман пиджака. Но не вынул руку. Стискивал холодное железо и ждал. В дверь постучали. Инженер всегда стучал. И Цвятко всегда глухо отвечал:

— Да.

Вошли двое. Кынчо и седоволосый мужчина с изборожденным морщинами лицом, в макинтоше. Он походил на агента из кинофильма. Они внесли с собой холод и запах дождя.

— Товарищ останется ненадолго, — сказал Кынчо и вышел.

Радойнов кивнул, а мужчина в макинтоше сел и сказал:

— Как только стемнеет, нам нужно будет выйти... — немного помолчал и добавил: — Так приказал Старик...

Цвятко знал, Старик — это Антон Иванов. И знал, что нельзя спрашивать — куда, когда, к кому. Они молчали, сидя на стульях. Слушали, как усиливается дождь, ощущали, как сгущаются сумерки...

— Хорошо, что дождь... — сказал мужчина в макинтоше.

— Может быть, перейдет в снег... — ответил Цвятко.

Миг — и они одновременно улыбнулись. И одновременно поняли, что улыбаются одному и тому же — пойдет снег, начнется зима, а зима — союзник Красной Армии. Эта мысль и эта улыбка были первой ниточкой, которая протянулась между ними. Ничего больше они не сказали, но стали уже близки. Когда совсем стемнело, они вышли. Улица приняла их в сияние пушистого снега. Мужчина в макинтоше шел на десяток шагов впереди. Радойнов не знал Софии. Не знал, куда идет и как вернется. Они вышли на широкий бульвар — Цвятко прочел его название на заснеженной табличке: бульвар Фердинанда. Потом свернули в переулки и вышли на другой, такой же широкий бульвар. У одного здания человек в макинтоше остановился, сделал знак войти и исчез в подъезде. На лестнице было темно. Цвятко тоже нырнул во тьму.

— Не зажигай! — шепнул мужчина.

Они начали подниматься по лестнице, но внезапно их залил яркий свет.

Ведя за руку ребенка, по лестнице спускалась женщина. Ребенок что-то весело говорил про санки. Они разминулись, заторопились и скоро уже стояли перед дверью с бронзовой табличкой «Генерал запаса Владимир Заимов».

— Тут, — сказал человек в макинтоше и пошел выше.

Цвятко нажал кнопку. За дверью раздался мелодичный звонок. И тут же, словно его ожидали, распахнулась дверь. Правую руку «хозяин» держал в кармане. «Осторожен!» — подумал Радойнов, вошел без приглашения в холл, улыбнулся и спросил:

— Вы не думаете, что эта встреча очень плохо организована? Я не знаю ни пароля, ни знака, но зато знаю, у кого я, где вы живете и еще многие подробности... Могу даже сказать, какой системы пистолет у вас в кармане...

Генерал Заимов неопределенно улыбнулся.

— Прошу, — пригласил он гостя в богато обставленную теплую комнату, больше похожую на рабочий кабинет, чем на приемную...

На письменном столе светился абажур эбенового дерева, свет падал на тяжелые кресла. Диван и над ним — огромная картина на шопский сюжет, писанная масляными красками.

— Пожалуйте! Садитесь! Мои близкие в театре, — сказал Заимов и, соблюдая этикет, сел лишь после того, как гость удобно утонул в ди-

ЗА ВАШУ И НАШУ СВОБОДУ

ваииых подушках.— К сожалению, ие всегда возможно соблюсти правила... Да я и не профессиоиальный революциоиер, как вы... Кроме того, наш разговор довольно срочиый...

— Слушаю вас... — ответил Радойиов и гляиул в широкое открытое лицо хозяина. Оно показалось ему слишком «солдатским» для высшего офицера. Серые волосы и бледиая кожа не делали его более «геиеральским». Радойиов подумал, что если бы вместо идеальио отглажеииого и подтяиутого темного костюма на Заимова надеть поношенное платье или истрепаниый комбинезои, он мог бы встать за любой станок, за столяриый верстак или к огромной наковальне дяди Тодора Грудова в Карабунаре. И это было очень хорошо.

— Несколько диeй назад меня вызвал царь...— сказал Заимов.

Радойнов прижмурил глаза.

— Он предложил мие комаидовать корпусом, который отправится иа Восточный фроит... Вы меня понимаете? А?

— Да... — кратко ответил Радойнов и подумал, как вовремя и как предусмотрительно ои послаи в Болгарию. Тут все кипит и бурлит... Фашисты тоже торопятся...

Заимов встал и прииес пирожные.

— Выпьете кофе, а? Он уже готов... — Он взял огромиый термос и разлил кофе в чашки япоиского фарфора. Его шаги заглушал мягкий персидский ковер, иа столике появились изящиые розетки, из рукавов хозяина видиелись белые манжеты, а на иих сияли огромные золотые запоики. Все походило на старомодиый прием в буржуазном доме.

Радойиов взял чашку и сделал глоток. И кофе был отличный. Он старался ие выдать своего волиения и похвалил кофе. Но Заимов сел напротив него, посмотрел на него сквозь пар, поднимающийся от чашки, и усмехнулся:

— Слишком уж прозрачиа хитрость его величества, а?

Ои любил заканчивать свои мысли этим «а?», и это делало его мягким, дружелюбиым.

— Борис хочет нарисовать возможиое сопротивление... У нас имеется достаточио офицеров, иастроеиных русофильски... проаиглийски... просто разумиых офицеров... Он считает, что мое имя виушит им уважеиие...

— Предложение было серьезным?

Заимов поставил свою чашку иа изящный столик.

— Думаю, что иет. Борис просто пробует, насколько глубоко море. Но я дал ему понять, что ои может утоиуть.

— Москва уже зиает?

— Да! — подтвердил Заимов. И в этом коротком ответе крылось многое.

— Что вы предлагаете? — деловито спросил Радойнов.

— Я уже озиакомил с положеиием своих друзей из демократически настроенных офицеров... Выпьете еще кофе, а?

Радойиов лихорадочио думал. Что горсть «демократически настроенных» офицеров! Партия должиа немедлеино иачать еще более активиую работу среди солдатских масс. Борис готов совершить иовое безумие. Посылка еще одного корпуса — ничто для Советского Союза. Но позор Болгарии! Жертвы! На карту поставлена жизнь его отечества! Послав этот корпус, Болгария активио вступит в войну.

— Очеиь благодарен вам за информацию, господии геиерал... Со своей стороиы, я сделаю все, что в моих силах,— ответил Радойнов спокойно.

Кажется, геиерал уловил контраст между тревожиыми мыслями и спокойствием, разлитым по лицу его собеседиика. Он посмотрел на него своими улыбающимися карими глазами.

— Можно вас попросить кое о чем? — спросил Радойнов.

Заимов кивиул.

— Если вы случайио имеете связь с Большой землей... У меия ее сейчас нет... Передайте, что я в Софии, что я действую согласно плаиу и что люди уже в райоиах и включились в борьбу... Передайте еще, что с парашютистами дело обстоит ие так хорошо... Их преследуют в горах... Разумеется, все это если у вас случайно имеется связь...

Геиерал иичего не ответил, но его широкое лицо напряглось.

— Хорошая картииа... — поднял взгляд на широкое полотио над диваном Радойиов.

— Работа Мырквички, — ответил Заимов.

Они смотрели на картину. Они смотрели на иее, ио ничего не видели... И оба думали о совершенно иных вещах...

Снаружи его ждал мужчина в макинтоше. Теперь ои пошел рядом.

— Вам иеобходнмо сменить квартнру, — сказал он тихо. — Я отведу вас в другое место, — и снова удалился на несколько шагов вперед.

На перекрестке ои перешел на противоположиую сторону. Цвятко не последовал за ним. Они шли некоторое время так, по противоположиым тротуарам, пока, иаконец, мужчииа ие остановился у двухэтажиого дома и не пропал во дворе. Цвятко миновал дом, дошел до угла и притаился. Позади никого не было. Он потихоньку вериулся. Проиик во двор н прошел под деревьями, на которых тяжело лежал сиег. Ои отворил увесистую дверь дома н услышал в темиоте шепот:

— Следуйте за миой...

Под их ногами легонько поскрипывали деревяиные ступеиьки.

Оии оказались в прихожей. Из прихожей — в темной комнате, окна которой смотрели во двор с засиежеииыми деревьями. В комиате кто-то шевельнулся.

— На этот вечер у вас будет товарищ, — сказал мужчииа в макиитоше. — Знакомить вас излишие...

Они остались вдвоем. Тот, кто шевелился, и Цвятко Радойнов. Было немного неловко. Онн не были зиакомы, не видели друг друга, а должиы были спать вместе в этой нелегальиой комнате. Он не зиал даже, к кому он попал. Он снял свое серое пальто, бросил его на постель. Глаза привыкли к темноте. Он снял и пиджак. Положил его на стул, достал пистолет и сунул под подушку. Чувствовалось, что тот, кто шевелится, следит за каждым его движением. В рубашке ему стало холодно.

— Под одеялом есть пижама... — сказал тот. По голосу было ясно, что человек он молодой.

Радойноа нащупал пижаму. Надел ее и лег.

— Я буду вашим связным с проаинцией, — сказал опять тот.

— А вы знаете, с кем гоаорите? — спросил Радойнов.

— Мне не положено зто знать.

— Какоао положение в проаинции?

— Есть несколько небольших партизанских групп в горах, — не без гордости ответили с другой кровати.

Радойнов был совершенно уверен, что его «связной с провинцией» — юноша, один из тех слааных болгарских комсомольцев, о которых Старик сказал ему, что он их еще не знает. И на миг он вспомнил свою Ину, аспомнил саоего Спартака. И увидел их в пионерском лагере близ Одессы, где они проводили лето. Как асе изменилось с тех пор! Сейчас такие, как Ина и Спартак, аоюют. А тогда они заглядывали ему а карманы — принес ли шоколад? Он принес много шоколадок, но устроил состязания между пионерами и раздал это редкое лакомство победителям. Его Спартак занял второе место в беге на сто метров и получил шоколадку средней величины. Какие это были тяжелые годы для России! Его душа наполнилась злобой. Темной, просто нечеловеческой злобой. Колесо завертелось. Он догадыаался, что застал в Болгарии смелое поколение. Невидимые и сильные руки уже помогали ему...

— Вчера один солдат с азродрома в Казанлыке стащил пулемет с патронами и присоединился к партизанам... С зтим будет четыре в Старой Планине. Никто не преследоаал зтого солдата. Он сам решился...

— А зачем понадобилось бежать? — строго спросил Радойнов и почти ощутил, как тот, на другой кровати, смутился.

— Как зачем? Да ведь с пулеметом...

— А не подумали товарищи из Казанлыка, что и в армии должны быть наши люди? Тем более что зтого солдата никто не преследовал. Его даже ни в чем не подозревали, — повысил голос Радойноа и адруг осекся. Зачем он выговариаает юноше? В чем тот виноаат? Проблема разложения фашистской армии должна превратиться в задачу партии, а он набросился на невинного парня.

— А еще какие ноаости? — спросил Цвятко уже мягче.

— Тоаарищи, прибывшие на подводной лодке, уже на местах... Почти асе аключены в состав окружных комитетов... С парашютистами хуже... Провал... Некоторые еще скрываются... Но большинство перебито, есть и схваченные... Товарищи со второй подводной лодки тоже уже на местах. Организованы боевые группы в Видине, в Шумене, есть в Пловдиве... У меня имеются явки почти со всеми околийскими комитетами... С окружными отдельно...

— Как организованы явки?

— Обычно мы пользуемся паролями, когда не знаем друг друга. А если знаем, не употребляем паролей. Стараемся действовать по памяти. Я, например, так натренировался, что могу запомнить тридцать-сорок цифр и столько же имен. Не голова, а записная книжка. Пароли, явки, имена. Хотите полный доклад? У нас есть взрывчатка, спрятанная во многих местах, оружие, нелегальные каартиры для встреч с людьми из провинции...

— Необходимо, чтобы моя голова тоже превратилась в записную книжку. Говорите, только медленно. Я тоже не люблю хранить записи, хотя бы и шифрованные...

— Ладно!

Наутро Радойнов уже много знал о сопротивлении в Болгарии. И в голове его были не только цифры, имена, факты, но и план продолжения борьбы. Этот план очень походил на тот, который выработал когда-то Васил Левский для освобождения Болгарии от турецкого ига. Утро застало его с открытыми глазами, погруженного в размышления. Кутузов и сегодняшняя война... Турецкое рабство и фашистская оккупация. План Левского и его идея сопротивления... Да, история иногда повторяется. Разумеется, на высшем этапе... В глубине души Цвятко Радойнов очень уважал Левского. И может быть, бессознательно перенял что-то у его организации. Когда-то Дьякон разделил страну на комитеты. Радойнов еще в Москве наметил четырнадцать оперативных зон. Левский называл руководителей комитетов «апостолами»... Радойнов скромно именовал их «ответственными». Когда-то Левский организовал «комитетскую почту». Радойнов называл «почтой» связи с проаинцией. Вместо БРЦК теперь существоаал ЦК БКП. И он был его членом. Левский подготавлиаал народ к восстанию. Радойноа тоже поставил конечной целью борьбы против немецких поработителей всенародное аосстание. Дьякон заставлял комитеты клясться страшной клятвой, он тоже сочинил присягу. И устав создал Апостол. Радойноа тоже должен написать устав...

Какая-то странная гордость наполнила Радойнова. Гордость, что он ученик Левского! Он не мог не думать про Дьякона. Некогда у Левского был помощник и друг — поэт по имени Христо Ботев. Теперь и ему дают в помощники и боевые друзья позта. Левский умер на виселице! Ботев пал на Воле! Каков будет их конец? Будут ли достойны они, позт и полкоаник НКВД, имен зтих великих болгар? Но разве после их примера может быть другой такой же славный подвиг? Радойнов смутился. Он спохватился, что, оказывается, хочет занять хотя бы скромное место в истории... «Эх, Цвятко, Цвятко! — сказал себе он. — Есть у тебя зта проклятая приаычка — думать о том, что не входит в твои обязанности!» И, улыбаясь, он обернулся к другой кровати.

Он не знал о юноше почти ничего. Даже его имени. Он видел его щеки, покрытые первым пушком, с нежной кожей, порозовевшей во сне. Что-то детское еще сохранялось в чертах лица. На скуле виднелся отпечаток от кружев подушки. Может быть, зто делало лицо еще более детским. А может быть, русые волосы, разбросанные по высокому лбу, чуть приоткрытый красивый рот, слегка курносый нос, легкий румянец. Радойнов подумал: «А выдержит ли зтот рот, не выдаст ли «данные из записной книжки», если молодой человек попадет в лапы пресловутого Гешева? Этот спящий мальчик знает так много. А ведь он так молод!» Но он вспомнил о подвиге молодого Ангела Кынчеаа. А в ушах его прозвучал стих Ботеаа:

Каких сыновей рождала,
рождала, рождает и ныне
болгарская мать юнацкая...

Он перевел взгляд на окна. Над полуослепшим от инея стеклом склонялись белые ветви деревьев, и снег окаймлял окно чистой рамой.

В это окно он смотрел на кусочек снежного мира еще четыре дня... И ждал. Он проклинал себя за то, что не знает Софии. Когда-то, еще учителем, он приезжал сюда на партийный съезд и потом еще раз с важным поручением — во время большой транспортной стачки. Но тогда был 1919 год, а сейчас 1941. Для него Софией были темные улицы и незнакомый провожатый, рама окна, четыре стены и встречи в них. Населением Софии для него были Антон Иванов и тот таинственный мужчина с изборожденным лицом в макинтоше, этот спящий юноша и седоволосый генерал, несколько незнакомых хозяев, шум на улице, над которым звенят трамваи, — где-то далеко-далеко...

Он сознавал, что поступает необдуманно, но на третий вечер надел свое серое пальто, поднял воротник и вышел. Не мог не выйти! Не мог больше без людей! Он шел по улице. Делал вид, что ему холодно, и оглядывался — нет ли агентов. В кармане лежал заряженный вальтер. Рука, как всегда, на нем. Он сознавал, что совершает ошибку. Но не мог иначе. Шел и старался запомнить улицы. Далеко он не пошел. На третьем углу светились окна квартального трактира, на небесно-синей вывеске значилось: «Семейное заведение». Он посмотрел в стекло. «Семейное заведение» было полно мужчин и дам. Он вошел. Свободных столиков не было, и он решил вернуться, но в последний миг не выдержал. Подсел к двум посетителям в шубах. Они пили кислое вино и что-то бурчали про лошадей и фураж. Он знал, что они заговорят с ним, и мгновенно придумал, как оправдать свой русский акцент. Если придется, нужно облить «матушку Русь» белогвардейскими слезами.

Двое в шубах разглядывали его, довольные, что видят новую физиономию в надоевшей им до смерти квартальной корчме. И сразу заговорили с ним.

— Кислое... — предупредил его один, с черными усами, когда Радойнов заказал вино и кебапчета *.

— А кебапчета из козьего мяса... Съешь их тут, а потом бегаешь с раздутыми штанами... — прибавил второй.

Он был синеглаз и тоже носил усы, только русые, обожженные табаком.

— Козье мясо не так уж плохо... — сказал Радойнов и внезапно сам ощутил, что слишком мягко выговаривает согласные. — Мы в России его варим, а потом уж рубим... Тогда не бегаешь с раздутыми штанами.

— Так ты русский? — спросил мужчина с обожженными усами.

— Был полковником у Деникина... — вздохнул Радойнов.

Ему хотелось говорить. Даже такие глупости. Ох, как сильно ему хотелось быть с людьми и говорить об обыкновенных человеческих вещах!.. О козьем мясе... О раздутых штанах... О кислом вине... О лошадях и фураже. Эти двое, наверно, извозчики или ломовики...

Второй, с черными усами, подхватил не без злобы:

— Что ж ты не станешь опять полковником? Газеты писали, что Гитлер собирает таких, как ты...

— Думаю над этим вопросом... Да вот держу тут маленькую торговлишку, жалко бросить... Жена... дети... Приехал в Софию по торговым делам... А вы из этого квартала?

Оба кивнули, заинтригованные. Тогда Радойнов начал расспрашивать их о каком-то торговце, их соседе, которого он сам только что выдумал, и описал его так, что те явно вообразили одного и того же. Даже закричали одновременно:

— Брось ты его! Он разбойник! Какая там с ним торговля!

— Разбойник, разбойник, но капитал должен оборачиваться, — грустно отхлебнул кислого вина Радойнов и в этот миг увидел, что за соседний стол сел какой-то тип в кожаной куртке с золотыми зубами.

— Слушай! — сказал тот, что был с обожженными усами. У меня есть кое-что получше! Ты ведь щетиной торгуешь?

Корчмарь принес еще кебапчета и они заговорили о качествах свиной щетины. Краем глаза Радойнов наблюдал за типом и улыбался...

Положение осложнялось. Двое желали немедленно заключить с ним сделку. Они выпили, и им очень хотелось помочь бедному «русскому». Спасло его от непредвиденной сделки козье мясо.

— Пойдем! Всю жизнь будешь нас благодарить! — настойчиво приглашал тот, что с обожженными усами.

А второй, с черными, долдонил:

— Сделаем дело, русский! Ну и везет тебе, что ты попал на нас! Добрую щетину перекупишь. Ныне она всем нужна. Слушай, ну и везет тебе, русский!

Тогда Цвятно схватился за живот.

— Чего? — спросили обожженные усы.

— Правы вы насчет козьего мяса, — сказал он.

Те заухмылялись.

— Вон там! — сказал второй и указал на серую дверку, едва видневшуюся в табачном дыму.

Радойнов исчез за дверью. В туалетной имелся выход и к летнему саду трактира. Он состоял из навеса, под которым валялась куча складных столов и стульев. Он миновал навес, потрогал дверь на улицу. Заперто. Тогда он перемахнул через ограду. Затерялся в темноте. Поблуждал некоторое время, потом все же добрался до знакомой улицы, бесшумно проник в нелегальную квартиру. Только дорогой он вспомнил, что не заплатил за себя в корчме.

* Особый сорт котлет с перцем, очень острых.

Как его, наверно, ругали те, в шубах! Они были хорошие мужики. Извозчики или ломовики, и говорили про лошадей и фураж... И наверно, они не любят белогвардейцев. С какой злобой они спросили, не собирается ли он к Гитлеру. Ничего. Пусть еще хуже думают о белогвардейцах. Пусть считают его обыкновенным мошенником, который смывается из корчмы, не заплатив. Его душа была полна радости, как душа мальчишки, совершившего шалость, и который знает, что не будет наказан. А это могло случиться... Тот, с золотыми зубами! Ох, какую глупость он выкинул в этот вечер! И откуда только он взял эту историю насчет торговца щетиной.

По всем правилам он не зажег лампу. По всем правилам он ступал тихо, и опять же по правилам его рука лежала на вальтере. Он открыл дверь и замер. В комнате были двое...

Казалось, они его тоже слышали. Они выпрямились в том трепетном ожидании, которое он так хорошо знал. Он сразу узнал Антона Иванова по крупному росту и очертаниям лица, белевшего в темноте. Второй был еще выше. Очень высокий, чуть сутулый, с ясным высоким лбом.

— Добрый вечер... — сказал Антон Иванов своим басовитым голосом.

Радойнов смутился. Его веселость улетучилась.

— Выходит, ты любишь прогуливаться по вечерам... Это очень полезно, но и опасно... — продолжал Старик.

И он опять почувствовал ту его усмешку, которую хорошо представлял себе, даже не видя.

— Познакомься с товарищем.

Они крепко стиснули друг другу руки.

— Я буду вашим помощником... — раздался приятный, несколько в нос голос. Рука товарища была мозолистой, но он понял, что перед ним стоит поэт, которого он столько раз пытался себе представить.

— Мы должны выйти, — сказал Антон Иванов.

— Встретимся с товарищами из Видина... — подхватил Вапцаров.

— Вовремя вы мне сказали, а то бы я разделся, а потом опять, — ответил Радойнов и доверительно прошептал Старику: — Подкладка у меня совсем порвалась, брат... Целое искусство снять и надеть это пальто...

Он все еще чувствовал себя виноватым и старался шутками прогнать это чувство.

Они шли гуськом по садовой дорожке, и луна отпечатывала три тени на белом снегу.

— Не надо бы выходить вместе, — прошептал он на улице.

— Вместе не так опасно... — сказал поэт.

— Вы на нелегальном положении? — спросил Радойнов.

— К счастью, все еще на легальном и даже работаю техником.

— Вы должны оставить работу.

— Если нужно...

— И как можно быстрее.

— Могли бы мы достать ему немного денег? — вмешался в разговор Антон Иванов. — У товарища есть жена и ожидается ребенок.

— К сожалению, мало, — ответил Радойнов.

Снег скрипел под ногами.

Радойнов спросил:

— Вы знаете Варну?

— Отлично, — ответил Вапцаров.

«Хорошо, что он отвечал коротко. Без объяснений и без вопросов», — подумал Радойнов и под первым же фонарем попытался получше рассмотреть поэта.

Прядь каштановых волос падала на высокий лоб, и в волосах блестела снежинка. Откуда взяться этой снежинке, когда ночь так тиха? Яркие глаза смотрели умно и сосредоточенно. Лицо было удлиненным, каждая его черта излучала своеобразную мягкость. Самой малости не хватало этому лицу, чтобы быть красивым. Может быть, более правильного носа, или немного округлости, или хотя бы более выпуклых скул. И фигура должна бы быть пошире, чтобы стать красивой. То же было и с голосом Вапцарова. Носовое произношение отнимало твердость у некоторых гласных. И все же такой, каким он уродился, этот человек обладал очарованием, может быть, двойным, потому что оно шло не от совершенства, а от смешения округлости и угловатости, мягкости и твердости, строгости и мечтательности. Радойнову предстояло через несколько дней открыть то же самое и в его стихах, но сейчас он составлял представление только о человеке, который шел рядом с ним и отвечал на вопросы кратко и деловито.

— Одной из первых ваших задач будет поездка в Варну, — продолжал Радойнов. — Из устья Камчии мы должны наладить транспортный канал с Россией. Я слышал, недавно в городе был провал?

— Есть уцелевшие товарищи...

Они шли и обменивались короткими репликами. Все трое по опыту знали, как ценна каждая их минута. Они спешили. И все-таки так углубились в разговор, что не заметили, как два человека в шубах выскочили на дорогу перед ними и один из них заорал во все горло:

— Вот он!

Они не сразу поняли, что произошло. Навстречу им двигались два здоровяка с большими, как арбузы, кулаками.

— Вот он, Пешо! Вот он, белогвардейский купец!

— Ах, мать твою! — взревел второй. — Будешь пить? А? И убегать?

— Пришибу! — прорычал первый, подымая кулак, но внезапно застыл на месте. Оцепенел и его приятель. Против них с рукой в кармане, едва заметно улыбаясь, стоял Радойнов. Они ждали, что он бросится бежать, будет оправдываться, защищаться, а «белогвардеец» улыбался, и они, кто знает почему, подняли руки. И вдруг Цвятко начал смеяться. Он вытащил руку из кармана и сунул русому банкноту.

— Плачу, братки! Плачу! Извините! И за вино плачу, и за вранье плачу! — и подмигнул им дружески.

Из корчмы высыпали люди.

Трое исчезли в темной улице.

— Что тут случилось? — приступил к двум ломовикам человек с золотыми зубами.

Они смотрели на него, и в глазах у них блестели искорки... Искорки смеха... Они догадывались, что за «белогвардеец» был тот, кто исчез в темной улице...

Глава третья,

КОТОРАЯ ПРИНАДЛЕЖИТ ТОЛЬКО ЕМУ

Уже целый час он писал... Заполнял листы своим ровным крупноватым почерком. Мысль лихорадочно подгоняла строчки. Он знал, что даже одно пропущенное слово дорого ему обойдется, но торопился. По временам поднимал голову, раздумывал миг-другой и продолжал писать. Он знал, что пытка начнется сразу после показаний, и все же спешил. По тому, как составлены вопросы, он понимал, что о нем известно Гешеву, и словоохотливо рассказывал именно об этом. Например, скрывать тот факт, что он прибыл из Советского Союза, не было никакого смысла. Его признания должны одновременно стать и его защитой. Лишь на рассвете он поймет, что все безнадежно. Но сейчас, в эту первую ночь после его поимки, он писал и еще надеялся. Рана болела. Перевязка давила ее. Он прижимал бедро рукой и тихо постанывал.

Гешев следил за каждым его движением, утонув в кресле, уронив на стол руки, как усталое, но очень сильное животное. Под глазами у него темнели круги. Последний провал Центрального Комитета вымотал-таки его основательно. И эти парашютисты, которых пришлось вылавливать или убивать! В последнее время его раздражала усталость. Кое-кого он избивал, не помня себя. Но с этим решил быть любезным. Суровый вид, голая круглая голова и широкие плечи, озаренные настольной лампой, смущали его. Он утешался надеждой, что внешний вид часто обманчив. Он-то видел, как и более суровые на вид люди говорят, бормочут, рассказывают, умоляют, заливаются слезами. Чего только не видел он, старый полицейский, за время своей карьеры! Он убрал руки со стола и любезно предложил:

— Если у вас болит рана, я могу вызвать врача, господин Радойнов.

— Благодарю, господин Гешев. Я предпочитаю, чтобы меня оставили в камере. Я порядочно устал. И, кроме того, привык ложиться рано. А завтра вы убедитесь, что ошибочно называете меня этим именем.

Этот коммунист кривляется, словно перед хозяином постоялого двора. Гешев едва заметно улыбнулся. Отпил глоток воды из хрустального бокала перед собой и повторил вслух свою мысль:

— Надеюсь, вы понимаете... Вы находитесь не в отеле...

— Да, — согласился Радойнов. — Но все-таки я старший офицер Красной Армии и, как военнопленный, рассчитываю на соблюдение известных правил... Моя миссия чисто военная...

— Вы действительно очень устали. Я вас понимаю! — Гешев встал и приблизился к нему с открытой коробкой сигарет.

«Тривиален», — подумал Радойнов в тот миг, когда начальник отделения «А» думал о нем то же самое... Оба они играли в любезность.

— Сигарета вас подбодрит. Или кофе? Нам с вами, может быть, не придется спать этой ночью, господин Радойнов, — сказал Гешев.

— Предпочитаю кофе. И прошу вас, перестаньте называть меня этим именем.

Гешев не позвал дежурного агента. Он взял верхний лист и принялся молча его читать. Так, всматриваясь в крупный почерк, он обошел письменный стол и опустился в кресло. Ушел в себя. В полицейском кабинете наступило молчание. Он любил это сламливающее молчание. Уже из первых строк он понял, что ничего интересного в показаниях нет. К концу он покачал головой и задумчиво, больше себе самому, промолвил:

— Может быть, много ночей нам с вами, господин полковник, не придется спать. Это ничто... нуль. Даже как ложь — нуль. Жаль чернил... — и он с досадой разорвал бумагу. — Придумайте что-нибудь поумнее, господин Радойнов. Ваши показания полны неточностей... Вы утверждаете, что вы офицер Красной Армии, проезжающий через Болгарию с боевой задачей, что ваше задание не имеет целью нанести какой-либо ущерб нашему царству, а единственно германским войскам, находящимся на нашей территории.

— Это так.

— Первая ошибка, если позволите. Вы полковник, не так ли?

— Даже если и так...

— Вторая ошибка. Мы имеем достаточно доказательств, чтобы убедить и вас и суд, что ваши усилия в течение нескольких месяцев нанесли много вреда как раз царству Болгарии. Например, вы пытались разложить нашу армию и с этой целью поддерживали создание конспиративных кружков в подразделениях болгарской, заметьте, а не германской армии... Вы вряд ли знаете больше меня о Военном центре при Центральном Комитете Болгарской коммунистической партии, который вы имели честь возглавлять вместе с Николой Йонковым Вапцаровым. Молчите! Не перебивайте меня! Я хотел бы доказать вам бессмысленность вашей лжи... Например, одним из первых ваших преступлений было вовлечение Вапцарова в этот Военный центр, а первая задача поэта состояла в следующем: он отправился в Варну, связался с некоторыми коммунистами, через минутку я назову вам их имена, и организовал транспортный канал из устья Камчии...

Пока полицай говорил, Радойнов думал о другом. Гешев хочет пронять его своей осведомленностью. Кажется, у него есть отличный провокатор в ЦК. Пусть говорит! Пусть раскроет, что и до каких пределов ему известно. Было бы неплохо притвориться изумленным. И Радойнов вздрогнул. Постарался придать лицу смущенное выражение, даже воскликнул:

— Это правда! Но Вапцаров не хотел...

— Попытка взять всю вину на себя? Благородно. Но не очень полезно даже для самого

ЗА ВАШУ И НАШУ СВОБОДУ

19*

Вапцарова... — прервал его Гешев. — Знаете что? — вперил он в него темные круги своих глаз. — Больше я вам ннчего не открою. Достаточно будет уверить вас, что я знаю больше, чем вы предполагаете, н что я рассчитываю на ваше чистосердечное признание. Как вам, наверное, понятно, вам н самому больше не на что рассчитывать. Да! Признание и раскаяние! Вот ваши последние козыри...

— Я рассчитывал на чашку кофе, вы забылн, господин Гешев.

— Господин полковник, у нас даже вода выдается по заслугам, — ответил Гешев.

В этот момент в дверн постучалн. Начальннк отделения «А» снова поднял темные лихорадочно блестевшие, болезненные глаза. И еще раньше, чем он сказал «да», тяжелая дверь отворнлась, и в кабннет вошел русоволосый агент в элегантном сером пальто. Он вытянулся по стойке «смирно» и отрапортовал тихим, слегка торжественным голосом:

— Господин начальник, на улице Фердннанда только что задержан Антон Иванов Козинарев, секретарь Центрального Комнтета коммунистнческой партии...

Лицо Гешева нзобразило такое преувелнченное изумление, что Радойнов сразу раскусил его следующнй ход.

— Ха! — выпрямился Гешев. — Разумеется, немедленно введнте задержанное лнцо.

Агент щелкнул каблукамн.

— Господнн Радойнов... Вы согласитесь, что вчера н сегодня — отличные днн! Не всегда нам удается выловить за два дня двух членов Центрального Комнтета, — сказал Гешев возбужденно и снова отпил нз хрустального бокала.

— Я не нмею отношення к этой лнчности... И потом, я никогда не слышал ни о каком Центральном Комнтете, — спокойно ответнл Радойнов н не обернулся, когда услышал, что дверь позадн него открылась н Гешев устремнлся к ней.

— Господнн Иванов! Сколько лет, сколько знм! Пожалуйте! Я мог бы вызвать нз камер еще некоторых господ, н, пожалуй, мы моглн бы сформнровать Центральный Комнтет... Напрнмер, господ Атанаса Романова... Господина Шатарова... господин Снмеон Филнпов, известный в Испаннн как капнтан Рак, господнн Трайчо Костов, поэт Вапцаров, электротехник Иван Масларов... Антон Попов... н еще несколько...

— Тут какая-то ошибка, — услышал он позадн себя басовнтый голос Старика. — Я протестую! Что это такое? Хватаете на улице человека н...

— Все протестуют, все протестуют, — прервал его Гешев. — А потом перестают протестовать... Извиннте! Но, должен вам сознаться, как раз господин Радойнов направил нас к вам...

Радойнов поднял голову. Серые глаза Антона Иванова смотрели на него спокойно.

— Не нмею чести знать этого господнна, — сказал он.

На рассвете два стражника отнесли его в камеру. Бросили его на каменный пол, захлопнули дверь, ключ щелкнул в замке. Полубессознательное состояние на первый раз освободило его от страха. Теперь он ничего не боялся. С тех пор как он отправнлся в Болгарию, он иногда по-человечески испытывал страх, но теперь он не боялся... Ннчего! Нн смертн! Ни истязаний. О бесстрашных у него было особое мнение. Почти такое же, как н о трусах. Нн те, ни другне — не людн. Он застонал бы, но какая-то невиднмая снла сдавлнвала его губы. Это были остаткн гордостн, с которой он встретнл первый удар снизу, в кабннете Гешева. Он узнал там, что дрался с десятком агентов и один нз ннх, по имени Ферештанов, — бывший чемпион мира по греко-рнмской борьбе. Этн десять агентов поджидалн его у его дома на улнце Фердннанда. Поджндалн много вечеров подряд. Он тоже был сильный мужчина. Ему удалось их отброснть, удалось выхватить пистолет. Он успел выстрелнть в одного н направнть дуло себе в лоб. Он успел даже спустнть курок, но в этот миг чья-то рука ударнла по вальтеру. Пуля засела в бедре. Трое снова набросилнсь на него. Раненный, он вырвался у них, но рука не отпускала его руку, и третий выстрел разбил стекло на лестнице. Где-то вскрикнула женщина. Скорее заплакала. По нему? Он унес этот вскрик с собой в тюремный фургон. Был весенний вечер... Была мягкая погода... Был конец апреля...

В замутненном сознании, как кошмар, жнло какое-то необъяснимое чувство внны. Как он не убежал, не убил себя или хотя бы одного из этнх псов?! Этого мнрового чемпиона! Угнетало н другое. Он пытался считать... Он прибыл в Софню в октябре. Январь... февраль... март... апрель... Только шесть месяцев удалось ему поработать... Он помог Центральному Комнтету своим опытом... Создал революционные округи... В большинстве крупных городов органнзовал боевые группы... Несколько раз связывался по зфнру с Большой землей... Положил начало нескольким конспиратнвным кружкам в армии... Да! И еще канал снабжения через Камчню! Получилн лн вндннские товарнщи взрывчатку? Через Видин проходят все баржн рейха! Этн баржи нужно топить, топнть, топить... И в Русе тоже! Русенцы славные коммунисты! Там действуют уже целых трн боевые группы. А партизанские отряды! Ох как онн еще малы! И оружия нм не хватает. Он оставил им устав. Все началось... Колесо завертелось! На улице Одырцн, № 53, склад взрывчаткн. Тротнл есть и на улице... Нет! Ннкогда он не назовет адресов! Нашлн лн упрощенный шнфр у Антона Иванова? Он сам его переработал, сам спрятал за подкладкой его шлепанцев... Схватилн лн Заимова? Генерал два раза дал ему связь с Москвой. И этот таинственный радист, к которому часто ходил Вапцаров. Его зовут Эмнл Попов. Хорошее нмя Эмил, н хорошне дела делает товарищ, носящий это нмя! Все шло... Колесо вертелось до первых арестов. Кто может быть провокатором? Такой массовый провал в Центральном Комнтете — дело рук опытного провокатора... Перед ним замелькали лица... Лнца сотни человек, с которыми он встречался н работал. Честные, человеческие лица! Кто? Кто? Кто?

Он услышал в камере свой собственный крик. И после него — пугающую тишнну. Лица рас-

ЗА ВАШУ И НАШУ СВОБОДУ

таяли. Как тяжел этот удар! А смерть стала ему безразличной, почти желанной. Все тело у него болело. Кто-то широко распахнул дверь камеры и выплеснул на него ведро воды. Еще ведро. Он облизал влажные губы. Над ним склонились два тюремщика. По глазам он понял: проверяют, жив ли.

— Жив... — уронили его губы. — Убирайтесь!

Сапог ударил его в живот. Но в его теле уже не было места для боли.

— Убирайтесь! — прохрипел он, желая, чтобы его били, пинали, чтобы кончилось, наконец, все то, что началось прошлым вечером.

Второго удара не последовало. Дверь захлопнулась, и из-за нее долетело:

— Жилист, как подметка, мать его коммунистическую... Повалил Ферештанова, представь себе, Симко...

— Ладно, пошли, — сказал второй голос.

— Не понимаю, почему таких сразу не приканчивают!

Машинально слушая грубые слова, Радойнов вспоминал милые лица. Гешев показал ему снимок юноши, который был его «связным с провинцией». Он ответил, что не знает такого. Гешев назвал имя. Он сказал, что не слышал этого имени. Это действительно было немного странно... Тогда обрушился первый удар в живот. Он упал. Его долго расспрашивали об этом юноше. Значит, ушел, милый! Много расспрашивали его и про Антона Гьошева, и про Цолу Драгойчеву. Значит, и они ускользнули. Под утро ввели Вапцарова. Его трудно было узнать. Никола был еле жив от побоев. Его схватили еще месяц назад...

Камни под ним стали еще мягче, и светлая бездна стала еще светлее. Откуда-то издалека-издалека, из этого света и мягкости на него смотрела его невидимая мать, и ее взгляд придавал всему ощущение нереальности. Настоящее и прошлое стали призрачными. Настолько призрачными, что он виновато улыбнулся свету, в котором жила его мать. Он уже знал, откуда идет это чувство вины. И его губы промолвили:

— Прости меня... Ты не родила меня... ты меня выдумала... И все, что случилось с твоим сыном, придумано, как в сказке...

Потом кто-то шепнул ему на ухо:

— У моей жены будет маленький...

— Это чудесно! — простонал Радойнов. — Нужно выпить!

— Да, — повторился шепот. — Теперь она сможет помогать нам активнее... Беременных женщин не приговаривают к смерти...

Он догадался, что это Вапцаров, поэт. Он ждал ребенка. Родной! Даже эту радость он связывал с борьбой. Снова ему показалось, что все, что с ним случилось, выдумано, что этого никогда не было. Выдумано, как хорошие стихи! Пережить, как поэму. Сейчас мягкие камни и белая бездна снова наполнились присутствием Николы. Превратились в ту маленькую кукольную квартирку на улице Ангела Кынчева, где жил поэт. Там встречались трое — он, Вапцаров и Старик... Там рождались смелые ходы, светлые мысли, стихи и поэмы. Там Вапцаров прочел ему «Письмо» и «Будущее». Выслушал критику, задумчивый и углубленный в себя, озаренный настольной лампой. Он доставал стихи из карманов и снова убирал их.

— Какой я поэт, брат? Пишу, пишу, а кто меня читает? — сказал Вапцаров. — Только эти карманы!

— Тебя будут читать. Тебя будут много читать! — отвечал Радойнов. — Пусть только изменится эта кровавая морда истории. Не только фашисты топтали нашу землю, а и турки, и англичане, и татары, и греки. Нельзя окровавлять ее еще больше... И потом, немцы — одно, фашизм — другое.

Кто-то из бездны проговорил незнакомым голосом:

— Не признавайся ни в чем! Даже в чудесных вечерах с поэтом в его маленьком доме. Не признавайся, что он давал тебе лучшие произведения болгарской литературы, созданные за время твоей эмиграции. Не вспоминай о наслаждении, с которым ты читал «Хоро» и «Татул», «Красные эскадроны» и «Записки о болгарских восстаниях»! Запомни! Все принадлежит только тебе в эти последние дни. Они тебя убьют! Твои показания тоже станут стихами!

Камни под ним снова превратились в камни. Бездна заполнилась мраком. Шепот растаял в зловещей тишине камеры. И боль вернулась. И жажда вернулась. Он погрузил горящие губы в маленькую лужицу под собой. Воображал, что пьет.

«У нас даже воду нужно заслужить! Будешь говорить? Раскроешь ли ты пасть? — ревел Гешев. — Где динамит, который должен был быть спрятан на улице...»

— Нет такой улицы! Нет динамита! Нет никакой улицы! — ответил Радойнов и понял, что говорит стенам, самому себе, боли...

Вдруг он вздрогнул. Не совершил ли он роковую ошибку? Вчера его из тюремного фургона бросили в эту же камеру. Час спустя после ареста. А утром в роковую квартиру на улице Фердинанда должен был прийти Старик. Там его уже ждали. И некому было предупредить Антона Иванова! Да, не совершил ли он непоправимую ошибку? Стражники уходили, а он их позвал. У одного было добродушное лицо. У всех предателей добродушные лица. Он уходил. Зачем он его позвал! Зачем сказал:

— Слушай... ты вроде хороший парень... Окажи одну услугу. Никогда не забуду...

Лицо стражника стало еще добродушнее.

— Иди туда... где меня схватили... завтра в половине десятого придет... пожилой человек... Ты его узнаешь... серое пальто... острый нос... сильно морщинистое лицо... говорит басом... густо говорит... Он не имеет ничего общего с моими делами... Предупреди его... что подстерегают... Пусть не входит... Он очень хороший человек... И не имеет ничего общего...

Лицо стражника стало еще добродушнее.

— Я дам тебе денег... Слышишь?.. Много денег... Вот... у меня в пиджаке зашито одиннадцать тысяч левов...

Одиннадцать тысяч — небольшие деньги. Но это были последние. Стражник взял их. Ушел, не сказав ни слова. Он остался один, и подкладка зияла дырой около его сердца. Уже тогда он подумал, что делает ошибку, ставит на последнюю карту. Это ведь слабая карта — доброта какого-то стражника с добродушным лицом. Но другой не было! В половине десятого Старик попадет в западню. Никто другой не мог бы его предупредить. А потом к Гешеву ввели Антона Иванова. Показали ему донесение

стражника. Бросили ему в лицо одиннадцать тысяч левов, и Гешев дорвал подкладку пиджака. Все пришло к своему концу.

Верные псы эти полицаи! Верные, собаки! Перед ним поплыли морды собак, всех собак, которых он видел в жизни. И все собаки добродушно смеялись. Он застонал перед невыносимым рядом морд и ударился головой в стену. Он хотел прогнать морды. Он хотел умереть.

И теперь наступил мрак. Настоящий мрак, в котором не было даже полоски света, которая струилась из-под двери. Но это была еще не смерть. Это была только ночь...

Им давно не о чем было говорить. Поединок закончился еще в ту, первую ночь. Оставались формальности. Оставался последний вечер. Завтра его отведут в тюрьму. Оставалось скрыть следы жестокого побоища. Предстоял суд, и законы царства Болгарии требовали показаний, полученных без применения насилия. Раны должны угаснуть, как свечи, которые озаряли летучих мышей. Гешев был по-новому любезен, словно бы искреннее. Его любезность уже не была точно рассчитанным ударом. Не была и приправой. Просто любезность... Усталая и ненужная... С нотками уважения и даже небольшого удивления перед самим собой. Кофе? Вода? Сигарету? Доктора?

Гешев молчал и ждал, когда Радойнов закончит свои показания. Пусть пишет в них что хочет. Большего из этого дубины-болгарина не смог извлечь ни начальник отделения «А», ни специально прибывшие работники гестапо, ни сам дьявол. В железном сейфе хранились доказательства, которых хватило бы, чтобы послать любого на десять смертей... Это делало Гешева спокойно учтивым.

— Кончили? — спросил он, когда Радойнов положил перо.

— Да. Можете звать Ферештанова, — тихо ответил Радойнов. — Я не скажу ничего нового.

Гешев неопределенно усмехнулся и неожиданно спросил:

— Вы не боитесь смерти?

— Можно отвечать на ваш вопрос без Ферештанова?

Полицейский кивнул.

— Тогда я отказываюсь говорить, — с такой же неопределенной улыбкой ответил Радойнов.

— Мы вступаем в философскую часть нашего следствия, господин Радойнов, — сказал Гешев и, так же как в первый вечер, отпил из хрустального бокала глоток воды. — Вы марксист, убежденный атеист и не верите в вечную жизнь, в загробные миры и прочее, правда? Представляю, как вам тяжело умирать.

— Разве вас это касается?

— Не думаете ли вы, что я мог бы вам помочь? Вы всегда имели превратные представления о душевном мире полицейского, как и я всегда исходил из ошибочных представлений о чекистах. Мы забыли, что в известном смысле мы коллеги.

— Начинаю понимать! Боже мой, как скоро наш философский разговор выродился в нечистоплотное полицейское предложение, — ответил Радойнов и впился глазами в непроницаемое лицо Гешева.

Может быть, хитрый полицейский имеет в виду какой-нибудь обмен с НКВД? Тогда еще есть надежда. Может быть, гестапо обменяло бы полковника НКВД на какого-нибудь пленного полковника гестапо? Такие вещи во все времена случались с разведчиками.

В кабинете воцарилось молчание. Гешев как будто уловил мысли своей жертвы. На восковом лице Радойнова была написана надежда. Как хорошо он знает эту светлую тень по тысячам лиц подследственных! В данном случае у него на уме не было ничего определенного. Ему просто хотелось поболтать, полюбезничать, в этом он находил отдых. Он вздохнул и собрал в стопку исписанные листы. Сел за письменный стол и покачал головой.

— К сожалению, у меня ничего нет на примете, господин Радойнов. Честно говоря, я не вижу, чем я мог бы вам помочь. Я хотел просто для себя... Ваши показания я тоже прочту только для себя. Они не имеют ценности в глазах суда. Завтра мы отправляем вас в тюрьму. Это конец нашим с вами встречам.

Радойнов насмешливо улыбнулся. Гешев называл пытки «встречами»!

— Чему вы улыбаетесь? — спросил тот.

— У вас странный словарь, — ответил Радойнов.

Гешев внезапно понял. Он отпихнул в сторону стопку листов как что-то ненужное и открыл лежащий перед ним альбом. Он вперил глаза в фотографии, и его лицо подобрело, словно альбом был полон снимками самых дорогих ему людей.

— Маленькая формальность, — сказал он и сел рядом с Радойновым. — Вы знаете этих людей? Вот этого? Он утверждает, что встречался с вами, — показал Гешев фотографию молодого человека с буйной шевелюрой.

— Нет! — ответил Радойнов.

— Этого?

— Нет!

— Тогда пишите. Пишите! Это формальность,— как-то странно обрадовавшись, промолвил Гешев и даже начал диктовать: «Мне был показан альбом со снимками, о которых могу сказать следующее: на снимке № 3 лицо мне незнакомо. В Дирекции полиции я узнал, что вышеупомянутое лицо зовется Антон Иванов Козинарев. На снимке № 5... В Дирекции я узнал, что это лицо — Цола Цинчева Драгойчева. На снимке № 7 лицо тоже мне незнакомо. Узнал, что оно зовется Трайчо Костов Джунев. На снимке № 9 лицо мне незнакомо. В Дирекции я узнал, что его зовут Дико Диков...»

Последнюю страницу альбома Гешев закрыл со вздохом продавца, который знал, что клиент ничего не купит, и все же разложил перед ним весь свой товар.

— Пусть войдет понятой, — сказал он дежурному агенту.

В кабинет ввели плешивого потасканного старика в галстуке бабочкой.

Он любезно поздоровался и спросил притворным голосом:

— Зачем я вам понадобился, господин Гешев?

Гешев посмотрел на него, как смотрят на собаку, и процедил сквозь зубы:

— Вы добрый и почтенный гражданин, господин Топалджиков. Не могли ли бы вы взять на себя обязанность понятого лица при граждани-

не Цаятко Колеве Радойнове? Согласно закону, существующему в нашей стране, он должен заявить перед вами, что написал свои показания собственноручно и без всякого принуждения. Прошу вас, господин Топалджикоа.

Старикашка поправил галстук-бабочку, который должен был придать интеллигентность его длинноносому лицу бывшего полицая, водрузил на нос пенсне и, несмотря на всю торжественность момента, сказал как ученик, вызубривший свой урок наизусть:

— Я готов исполнить эту гражданскую обязанность, господин Гешев! Прошу, — повернулся он к Радойнову и извлек пишущую ручку «автоматик». — Прошу точно отвечать на мои вопросы, гражданин. Сами ли вы написали показания, под которыми подписались?

— Да.

— Это ваша подпись?

— Да.

— Употреблял ли кто-нибудь насилие телесное или духовное?

— Сколько диоптрий у вашего пенсне, господин Топалджиков? — спросил Радойнов. — Разве вы не видите мое лицо, руки? Вот это под ногтями запекшаяся кровь. Левым глазом я почти не вижу.

— Радойнов, что вы себе позволяете! — рявкнул Гешев. — Не забывайте, что я могу еще на неопределенное время задержать вас для допроса!

— Тогда уберите этого опереточного старца.

— Радойнов, я хотел расстаться с вами прилично.

— Мы с вами никогда не расстанемся прилично, господин Гешев.

Старец смешался. Он вертел своей сухой головкой то налево, то направо. Смотрел то на начальника отделения «А», то на полковника НКВД. Словно не мог понять, кто из них его шеф.

— Продолжайте! — строго обратился к старику Гешев.

«Понятое лицо» было будто на пружинах. Оно повернуло голову к Радойнову и выпалило, как автомат:

— Употреблял ли кто-нибудь насилие телесное или духовное?

— Нет, никто! — мрачно произнес Радойнов.

Они расстались навсегда. Но перед этим у Гешева была еще одна «встреча» с Радойновым. Заочная. Он внимательно перечел его показания. В них были кое-какие неизбежные признания. Некоторые места звучали откровенно, почти интимно. Но за этой откровенностью и интимностью не скрывалось значительных фактов, не было следа, не было того, что наполняет сердце каждого полицейского предвкушением поимки новых жертв.

«Я переночевал в этом доме, но так как не знаю Софии, не мог бы назвать ни улицы, ни номера дома. Вспоминаю только, что это был дом с двором, полным заснеженных деревьев, и на чердачный этаж вела узкая лестница...»

«В моем родном селе Крын, в Сливене и Казанлыке я скрывался у людей, которых не знаю, как и у некоторых своих родственников. Согласитесь, что после более чем восемнадцати лет эмиграции я не знаю подрастающего поколения. Укрывали же меня и помогали мне добраться до Софии люди большей частью молодые. Был один, о котором я знаю, что он студент. Он довел меня от Сливена до Казанлыка. Дорогой я спросил, есть ли у него оружие. Он вынул из кармана пистолет, испорченный и со сломанным ударником, и сказал мне, что захватил оружие, так как был предупрежден, что будет сопровождать ответственного человека. Я взял пистолет и забросил его в придорожную канаву. Сказал ему, что если его с таким оружием поймает стражник, он только хуже разозлится. Если же он решит покончить самоубийством и выстрелит себе в рот, ему придется выплюнуть пулю. Тогда, ночью, парень смеялся. Позднее я узнал, что он действительно погиб в перестрелке...»

«Я очень оторвался от болгарской литературы, от новых писателей и поэтов. Решил прочесть по одной книге всех новых болгарских писателей и успел познакомиться с Йорданом Йовковым, с последними сочинениями Антона Страшимирова, Каралийчева, Радевского, Орлина Василева и других. Я очень, если можно так сказать, изголодался по болгарской книге».

«Когда я оставался один в квартире, а это случалось часто, я читал «Записки» Захари Стоянова. Они вдохновили меня написать несколько советов четнику, которые потом, в условиях разрастающейся партизанской борьбы, превратились в «правила четника». Насколько я помню, там имелось предисловие примерно следующего содержания:

«Одна из форм борьбы с угнетением — четничество (партизанская борьба). Она не вызывается искусственно, а возникает на определенном этапе народного движения, когда исчерпаны все другие средства и остается только оружие. Наша вооруженная борьба является продолжением славного движения гайдуков, но в другое время, с другими задачами. Она продолжение борьбы Индже-воеводы, Ильо, Страхила, Ботева, Левского, Хаджи Димитра... Она — часть всеобщей борьбы народов против Гитлера.

Правила четника (партизана):

1. Железная революционная дисциплина. Выполняй задачи быстро, смело, без пререканий, от всего сердца. Подчини все борьбе!

2. Смелость города берет. Действуй решительно, как молния. Внушай врагу страх и трепет!

3. Где не возьмешь силой, бери хитростью. Завлеки противника туда, где тебе выгоднее. Бей его по частям!

4. Внезапность — залог победы!

5. Ночь — твой союзник!

6. Семь раз отмерь, один — отрежь! Обдумывай каждое действие, даже самое маленькое.

7. Разведка — глаза и уши! Смотри далеко, слушай все.

8. Береженого бог бережет. Не забывай, что и противник хитер. Поэтому всегда охрана, всегда начеку.

9. Вечная связь с народом. Если есть один канал снабжения, создай второй.

10. Береги оружие пуще глаза.

11. Овладевай военным делом. Ни одной пули напрасно! Перебегай как стрела, падай как камень, маскируйся как суслик! Научись определять направление по звездам! Ориентируйся по солнцу!

12. Голодный медведь (отряд) хоро не пляшет.

13. Неграмотный политически слеп и беспомощен. Способен на предательство. Превращает борьбу в мародерство. Партизан — политический деятель. Его сила в народе.

Я старался писать просто, чтобы меня поняли все. Думаю, что этот устав еще пригодится».

Гешев читал и усмехался. Нет, это не показания! Скорее это похоже на дневник. Полковник НКВД вел дневник. Он вспомнил, что эти строчки писались сломанными пальцами, и спокойствие дневника привело его в ярость. Лишь сейчас, в эту заочную встречу с Радойновым, он понял, как остервенело, как бесконечно он ненавидит плененного чекиста. Понял, что их борьба — не на жизнь, а на смерть, что милосердию в ней нет места. Понял и ужаснулся.

Борьба не на жизнь, а на смерть!

Именно этим дышали спокойные строчки. Радойнов гораздо раньше понял, что они смертельные враги. Уже в ту первую ночь, когда он начал так любезно, а кончил тем, что позвал Ферештанова. Но почему, вопреки всему, полковник НКВД оставался твердым, спокойным, уверенным, а начальник отделения «А» нервничал, «остроумно» называл показания «дневником», ненавидел? Лишь сейчас, склонившись над белыми листами, Гешев с ужасом понял, что Радойнов его даже не ненавидел. Не ненавидел его так же, как нельзя ненавидеть бездушную машину.

Длина тоннеля — сто шагов. Осужденных — восемнадцать. К восемнадцати человекам на каждом шагу приходит по сто воспоминаний. Никто не может сосчитать, сколько их, воспоминаний. Никакой математик, никакая электронная машина! Ведь это воспоминания смертников. В глубине тоннеля светят красные лампы. Тоннель похож на кинозал. Но нет экрана. Тоннель похож на лабораторию. Но нет рабочих столов. Тоннель похож на самого себя — длиной в сто шагов, с бетонными стенами, с кольями, к которым привязывают тела, озаренные красным светом. Тоннель гудит от шагов. Он любит шаги и хранит их. Он помнит обросшие лица. Песни перед залпами... Слова перед смертью... Он хранит их в маленьких дырах, оставшихся в бетоне его стен от пуль...

Осужденных восемнадцать... Цаятко Радойнов первый. Ему остается лишь сто шагов жизни. Он слышит за собой шаги других. У каждого из них тоже по сто шагов жизни. У каждого из них по сто шагов воспоминаний. Нет, девяносто... восемьдесят... шестьдесят... тридцать... десять... больше ни одного... Больше ни одного... Они рядом с кольями. Из банды официальных лиц выступает капитан Стомоняков, военный прокурор, он читает. Наверно, приговор. Его лицо красно. И мундир красен. И лист в его руке красен. За ним — ненужный поп с крестом и еще более ненужный доктор с сумкой. И слова не нужны.

Осужденных восемнадцать... Слушают... Жадно... Сейчас у них осталось столько жизни, сколько длится чтение приговора. Стомоняков читает последние страницы их биографий.

— «Именем его величества... за деяния... по совокупности... парашютисты... и прибывшие на подводных лодках... террористические акции... статья десятая и... в связи со статьями сто и... двести и... вышеупомянутые деяния... Двадцать шестого июня тысяча девятьсот сорок второго... к смерти через расстрел... и штрафу... государственное достояние... пятьсот тысяч...»

Прокурор читает торжественно. Но фразы обрываются. Слова вылетают без смысла и без связи. Внезапно становится тихо. Губы капитана движутся. Он еще читает, но осужденные слышат другие слова...

«С момента своего прибытия в Болгарию я твердо стоял на политической платформе объединения всех национальных сил без различия убеждений и имущественного состояния... на борьбу за национальную независимость и благоденствие всего болгарского народа...»

Радойнов стиснул губы. Он даже не подозревает, что его речь на суде звучит сейчас в ушах всех:

«Мы прибыли на подводных лодках и с парашютами на свою родину, чтобы бороться за ее свободу... Я вернулся в Болгарию еще и для того, чтобы участвовать вместе со всеми патриотами в предотвращении новой национальной катастрофы, перед которой поставлена наша отчизна. Немцы будут разгромлены страшнее, чем в первую мировую войну! В начале декабря наступление германских армий под Москвой было остановлено. Правда, гитлеровские войска еще держат в своих руках всю территорию Европы. Но на этой территории у них нет людских резервов. Только несколько итальянских и румынских дивизий им удалось отправить на Восточный фронт. Европа не может предоставить им ни достаточно сырья, ни достаточно продовольствия. В Европе уже бушует и другая война. Посмотрите на Украину! Посмотрите на Югославию! Посмотрите и на нашу маленькую Болгарию! Где в Европе сейчас нет партизан? А взгляните, какая огромная территория еще остается за спиной Красной Армии! И в чьих руках людские и материальные резервы на остальных континентах нашей планеты! Однако в Болгарии мы рассчитываем на самих себя. Мы рассчитываем на силы народа. Правители создали «Великую Болгарию», в которой хозяева немцы. Мы создадим Болгарию, счастливую Болгарию, в которой хозяевами будут болгары!»

Звонок председателя непрерывно звонит. Но плотный мужчина в грубо исполосованном тюремном халате, с закованными в цепи руками говорит:

«Вы называете нас предателями из-за званий, которые мы имеем в Красной Армии. А вы должны были бы смотреть на нас как на воен-

ноплениых. Но что в Болгарии покоится на законной основе, что основывается на разумных доводах? Разве вы никогда не думали, что даже те, кто вершит правосудие, могут ответить перед гораздо более высокими, гораздо более справедливыми законами — законами неправедно осужденных?»

Звонок задыхается от гнева. Радойнов на миг умолкает. Он смотрит на судей, смотрит на прокурора, адвокатов, своих товарищей. Большинство из них он знает. Близок ему, например, чех Йозеф Бейду, с которым около года назад он сошел на родной берег и отправил первую радиограмму в Севастополь. Глаза его останавливаются на Лычко. С его отцом они были неразлучны... Неужели и этого ребенка приговорят к смерти? Но лицо его непроницаемо. Радойнов поднимает суровые глаза на председателя суда, который что-то кричит. Явно угрожает устранить его с процесса. Он говорит негромко:

«Можете меня устранить, господин председатель. Вы все можете. Только на одно вы неспособны — защитить правду. И поэтому я спокойно жду приговора, который знаю!..»

Этот приговор они слышали в суде. С этим приговором их посадили в тюремный фургон и из зала суда в казармах почтово-телеграфного полка отвезли обратно в тюрьму... Это было сегодня... И уже сегодня же вечером...

— «Двадцать шестого июня тысяча девятьсот сорок второго года...» — читал Стомоняков.

Сегодня вечером их расстреляют.

— «Осужден на смерть... через... Цвятко Колев Радойнов... признается виновным... Осужден на смерть... Признается виновным... Осужден на смерть через расстрел... признается виновным...»

«От «великой и объединенной Болгарии» не останется и того, что осталось после первой мировой войны. Болгария будет опустошена, если немцы не покинут страну, если на место сегодняшнего продажного правительства не будет поставлено новое, которое поведет Болгарию по пути подлинного нейтралитета и уважения к союзникам... и прежде всего к нашей освободительнице России. И придет такой день, когда костями таких, как мы, «чекистов и предателей» будет смыт позор, брошенный на лицо Болгарии такими «патриотами», какие судят нас сегодня!»

Губы Радойнова сжаты. Стомоняков заканчивает. Он не подозревает, что в ушах смертников звучат другие слова... Убирает в карман лист с подписями и печатями и ретируется. Под красной лампочкой остается только кусок бетона, и на него вступают палачи с черными повязками в руках.

Бетон тоннеля знает все, помнит все, хранит все. Палачи завяжут глаза осужденных платками, платки скроют красный свет, свет озарит восемнадцать человек, и раздастся крик:

— Да здравствует свободная и независимая Болгария! Да здравствует Советский Союз!

И тоннель запомнит последний крик Цвятко Радойнова, спрячет его в своей бетонной пазухе вместе с эхом залпа. Потом останется только бетон... и на нем сотни дырок от пуль... Кто-то погасит красные лампы. Тоннель будет грустным и тихим. До новых воплей, до нового крика, до нового залпа...

ЗА ЧАС ДО АРЕСТА

1

Они шли по вечернему городу. По пустынной улице, ведущей прямо к вокзалу. Подошвы скрипели по покрытым изморозью булыжникам. Черные дома и черные деревья смыкались над их головами. Изредка навстречу или обгоняя их, проходили патрули.

Милка привычно определила — «хвоста» нет. Еще не выследили? Или уже ждут на вокзале? А может быть, за тем углом?.. Не надо распускаться. Сейчас ей нужно быть спокойной.

Краем глаза она взглянула на мужа. Гино неторопливо шагал рядом, поддерживая ее под локоть. В другой руке у него был маленький чемоданчик. Они и молчали. Они и вообще-то были малоразговорчивы. А за все эти годы научились понимать друг друга с одного взгляда. Если Милка сомневалась — смотрела в его глаза и читала в них одобрение или укор. Сейчас Милка думала: плохо, что не нашли пистолета, который куда-то упрятал Михаил. Перерыли весь дом, но не нашли. И теперь Гино безоружен. Здесь, на улице, или на станции, как в поезде, они смогут взять его голыми руками.

Она думала: он мужественный человек, ее Гино. Уж она-то знает, сколько душевной борьбы потребовало от него это решение. Удивительно то; что другим могло бы показаться трусостью, на самом деле и для него и для нее проявление великого мужества. Ему было бы в сто раз легче поменяться местами с ней.

Но эта работа, его ответственность перед партией и Красной Армией для него важнее всего, и только ею он может соизмерять свои поступки и решения.

Они приближались к вокзалу. Гино останавливается.

— Ты поедешь со мной.

«Не выдержал». Она поворачивается к нему, смотрит в его глаза.

— Ты поедешь один.

Он прижимает ее к себе.

— Я не могу тебя оставить.

Она не отстраняется. Шепчет ему куда-то в шею:

— Мы же решили.

Они решили: утром Милка предупредит жену Михаила о провале и сразу же выедет следом. Они стоят, прижавшись друг к другу, и молчат. Ей незачем обманывать ни его, ни себя: может быть, ей действительно удастся разыскать Надю и благополучно уехать из Пловдива. Но надежды мало. Их группа в Варне арестована. С часу на час, с минуты на минуту гестаповцы могут оказаться здесь — если раньше выследили, если кто-нибудь из варненских товарищей дрогнул на допросе. И тогда это последние их минуты...

Когда она поняла, что укрыться вдвоем здесь, в Пловдиве, им негде, она решила: уедет Гино. У него сохранились связи в Софии с руководством ЦК, о которых знает только он. Гино — виртуоз-радист и мастер по монтажу передатчиков. Он один знает резервный шифр для связи с Центром. Он нужнее. Поэтому прежде всего он и должен уйти от гестапо.

— Мы уедем вдвоем, — ответил он на ее доводы.

Милка спокойно и логично объяснила: пока не предупреждена жена Михаила, они уехать не могут. Они не имеют права терять ни минуты. Последний поезд в Софию — в 21.00. Она останется до утра. К тому же в квартире ничего не осталось, рацию и шифры они уничтожили. А он должен уехать. Он уедет к ее матери. О том, что у нее в Софии живет мать, знают только он и она. Там он будет в полной безопасности. А Милка приедет следом.

Она умолчала о последнем аргументе, самом важном: если гестаповцы нагрянут, а их обоих не будет, они блокируют все поезда и дороги и их непременно найдут. А если она останется — она примет удар на себя, попытается их обмануть, направить по ложным следам. И тогда он успеет скрыться.

Она не сказала об этом. Но Гино понял.

— Останусь я.

— Я сказала: не поеду. Не теряй времени.

Он знал — спорить с ней бесполезно. И она права.

И вот теперь они стоят на черной улице, прижавшись друг к другу. Дыхание паром обволакивает их лица на морозном воздухе. Они молчат и знают, что расстаются, может быть, навсегда. Стоит им разжать объятия и отойти друг от друга — и начнется для нее и для него что-то неизведанное и страшное.

Она сказала:

— Пора.

Они стоят в стороне, у столба, пока паровоз не дает гудок. Гино прыгает на ступеньки. Не отпускает ее руку, словно пытается удержать ее, сохранить все, что у них было. Вагон трогается.

— Завтра, я жду тебя, Милка!

— Жди, Гино!

Перрон пустеет.

Она идет домой.

Какое сегодня число? 21 февраля. Сорок третий год...

Она посмотрела на часы. Четверть десятого. Поезд придет в Софию в пять утра. Если за это время с ней ничего не произойдет, она сразу же уйдет из дома. Но, может быть, они уже ждут ее? Или ворвутся через час? Или на рассвете?

Милка приближается к дому. Надо пройти улицы, потом свернуть за угол и по улице Бунтовнишка — до конца. Самый последний дом, за которым обрывается граница Пловдива и начинаются огороды. Их пристанище. Много месяцев отсюда, с первого этажа, они незримо были связаны с Москвой. В широкое трехстворчатое окно каждую ночь беззвучно вливался поток новостей, приказов, заданий из Центра — и они чувствовали свою неотторжимую связь с Красной Армией и ее битвами. Это стало уже необходимым, как пища. И вот теперь связь оборвана: они сами несколько часов назад сожгли передатчик и обгоревшие его детали закопали в подвале. Сожгли шифр. Они заставили себя стереть в памяти все важное, что может интересовать врага. Они сохранили и перепроверили только легенды, свои вымышленные биографии, подтвержденные фиктивными документами, с которыми они без малого три года назад высадились на болгарский берег. Три года работы во вражеском тылу. Три года, каждый день из которых был на особом учете и у них и в Центре. Почти каждые сутки этих трех лет операторы, сменяя друг друга, ловили их позывные в Москве, и цепочки торопливых цифр превращались в полоски бумаги с текстами донесений. Милка знала: многие из этих донесений ложились на столы в Генеральном штабе Красной Армии. С учетом этих донесений разрабатывались политические и военные операции. Ведь недаром Гино и она были солдатами немногочисленного и особого отряда военной разведки.

Все забыть! Все!

Но сейчас, чем ближе к дому, черному, подобно мчащемуся поезду, надвигающемуся на нее, ей все вспоминается особенно явственно. А может, и нужно вспомнить, восстановить цепь удивительных событий своей жизни, чтобы почерпнуть в них силу для всего, что может с ней случиться?

Тревожно шелестят вдоль улицы замерзшие деревья. Промозглый ветер леденит щеки. Ноги оскальзываются на покрытых пленкой льда булыжниках. Она идет, не замедляя, но и не убыстряя шаг, и вновь в памяти встают картины...

2

Позавчера, сойдя с поезда на варненском вокзале и не встретив в условленном месте Зару, она пошла к ней домой. Может быть, это ошибка. По законам конспирации, если товарищ не пришел на встречу, нужно немедленно уходить прочь. Но нет самых строгих правил без исключений. Если бы она не пошла, она бы ничего не узнала. Они бы мучились безвестностью и сомнением, и Гино ни за что бы не согласился уехать в Софию. Как бы она хотела сидеть с ним рядом в купе! Прижавшись, пристроив голову на его плече... Не надо об этом! Она не должна об этом... Может быть, завтра она уже будет в Софии и увидит его. Он может гордиться ею — она не струсила. И он доказал свое мужество. Любимый мужчина каждый раз снова и снова должен доказывать это женщине, если не хочет, чтобы она стала его меньше уважать. То, что он уехал, проявление предельного мужества. Если с ней что-то случится, Гино будет казнить себя всю жизнь. Нет, ничего не случится. Она маленькая и слабая. Она еще совсем молода и только начинает жить, и ей страшно одной в этом пустом доме, в этой молчаливой черной ночи.

А Зара? С ней ведь случилось? Что сейчас с ней в эту минуту? Милку передергивает от ужаса. Что с ней?

Она так и не увидела подругу. От вокзала она проехала несколько остановок на автобусе. Но не до самой окраины, а сошла раньше. Решила: пойду, но буду осторожна. Медленно, не поворачивая головы, зашагала по противоположной стороне канала. Дом Зары на следующем углу, за грязным потоком. Краем глаза Милка наблюдает: вроде бы ничего не изменилось. Только почему-то никого нет во дворе. Поравнялась с домом. И вдруг на мгновение в окне — дочка Зары, Геневева. Махнула рукой: «Не подходи!» И скрылась. Милка повернула за угол в противоположную сторону. Навстречу ей с тазом белья — соседка из дома напротив, пожилая Пенка Минчева. Проходит мимо, запыхавшись, смотрит пронзительно. Когда поравнялись, шепнула:

— Зара арестована!

И дальше, за угол, к себе домой. Милка понимает: значит, Пенка увидела ее, нарочно выскочила, обежала кругом, чтобы предупредить.

Та-ак... Надо собраться с мыслями. Который час? Половина девятого. Примерно в это время к Заре должен прийти и Михаил с донесениями для Гино. Схватили и его? А если он еще не приходил? Надо немедленно предупредить.

Милка знает, в каком доме он останавливается, когда приезжает в Варну. Разыскивает этот дом. Проход во двор через калитку. Она нажимает на ручку. Заперта. Не успевает отнять руку, как к ней подходит немолодой мужчина в штатском. Плохо одет, плохо выбрит. Глаза настороженные.

— Кого ищете?

— Семейство Петровых. Но, кажется, перепутала дом.

Она поворачивается и, не оглядываясь, идет прочь, к центру города. Останавливается у зеркальной витрины ресторана. В отражении появляется тот же мужчина. Она идет дальше. Он нагоняет.

— Кого вы ищете?

— Хочу есть, но ресторан еще закрыт.

А сама думает: надо как можно скорее оторваться от шпика и ехать в Пловдив.

Мужчина не отстает:

— Я вас провожу, покажу, где можно поесть.

Милка проходит еще несколько шагов к центру города. К толпе зевак и солдатни. Останавливается и, повернувшись к шпику, начинает кричать:

— Ну чего вы пристаете к женщине! Люди, он пристает ко мне!

Сразу собирается толпа. На шпика наседают солдаты, портовые хлыщи с тросточками:

— Ты чего задеваешь женщину? Куда, оборванец, с таким рылом?

Все внимание теперь на шпике. Он остолбенел, не знает, что сказать. Милка скрывается в толпе и спокойно быстрым шагом уходит прочь, сворачивает за угол. Заходит в кондитерскую, садится в углу — так, чтобы была видна улица. Никого. Она торопливо проглатывает пирожное и кофе. Действительно проголодалась.

И вот она уже на вокзале. Выбрала купе, где расположилась женщина с ребенком. Села и сразу же взяла ребенка себе на колени. По вокзалу, по вагонам прошли немцы в форме, полицейские в штатском. По физиономиям видно — кого-то высматривают. Милка отвернулась к окну, покачивает малыша.

Немного успокоилась, когда поезд тронулся. Всю ночь, на радость удивленной мамаши, возилась с ребенком.

В Софии пересадка. А мысли обгоняют бег поезда: что там, в Пловдиве? Как Гино?..

Прибежала в магазин. Заперт. Еще очень рано. Дворники подметают улицу. Милка хочет узнать: был ли вчера Гино в магазине? Не арестован ли? Заводит разговор:

— Вот пришла пораньше, а мужа нет...

Отвечают:

— Да, да, что-то он поздно закрывал вчера.

Значит, вчера еще все было в порядке. Скорее домой! Постучала. Гино открыл. Она — в комнату, и с порога:

— Зара арестована. С Михаилом не знаю что, но тоже, кажется, схвачен.

Гино сомкнул губы, опустил веки. Задумался. Потом положил ей руки на плечи — привычное его движение.

— Спокойствие. Спрячем передатчик, документы уничтожим, сами попытаемся укрыться у знакомых.

В подвале, в тайнике, сделанном в кирпичной кладке, укрыли передатчик. Затопили печь. Вспыхнули, скручиваясь в огненные жгуты, листки документов. Собрались. Взяли только самое необходимое.

Но дом одних знакомых на замке, куда-то уехали. Пошли к другим. Хозяина нет. Жена смотрит отчужденно.

— Ничем помочь не могу.

Вернулись домой.

— Придется уезжать из Пловдива, — решил Гино.

Они разобрали и сожгли в печке передатчик и последнее, что давало им возможность связаться с Центром, — книгу, служившую таблицей к шифру. Стали искать пистолет, который где-то в квартире припрятал Михаил, но так и не нашли. Гино в последний раз оглядел комнату. Обнял Милку:

— Ничего. Этого нужно было ожидать. Хорошо еще, что не неожиданно... Пошли.

Вот тогда-то она и сказала ему о своем решении, которое обдумала заранее: он уедет, а она остается.

А потом они стояли на черной улице, прижавшись друг к другу, и дыхание морозным паром обволакивало их лица. Они молчали и знали, что расстаются, быть может, навсегда... Потом тоскливо гудел паровоз, и неотвратимая сила разорвала их руки, и долго-долго маячил сигнальный красный фонарь хвостового вагона... Ничего, еще все может быть хорошо, и тогда они все начнут сначала. Поезд мчит Гино в Софию, а через несколько часов уедет и она...

3

Дом, пустой и чуждый, стоит на углу, за низкой оградой. Кажется, никого нет... Милка отпирает входную дверь. Скрипят ступени. Она торопливо шарит по стене, ища выключатель. Зажигает свет. В коридоре. В первой комнате. Во второй. Никого. Зачем-то заглядывает даже под кровать, хотя понимает: глупо.

Снова, теперь уже не спеша, еще раз проверяет, не осталось ли следов их с Гино работы. Радиоприемник «Телефункен» мирно стоит на тумбочке. Обыкновенный радиоприемник. Понадобилось только заменить одну лампу. Теперь прежняя лампа водворена на место, и никто не догадается, что с помощью этого фрачоватого ящика они не только слушали Москву, но и разговаривали с ней.

Она еще раз поворошила золу. Нет больше передатчика. И таблицы кода нет. Черный прах.

Но куда же задевался пистолет? Последний раз его брал Михаил. Он его привез, спрятал. Куда? Вообще-то они всегда ходили на задания без оружия. При случайной облаве, обыске пистолет мог оказаться тяжкой уликой. Он нужен был только на последний случай. Он понадобился бы Гино. Она все равно не воспользуется им. Наоборот, она будет тянуть время.

Вот, кажется, и все. Делать больше нечего. Только ждать. Милка посмотрела на часы. Гино уже порядочно отъехал от Пловдива. Наверное, он сейчас думает о ней, тревожится. Он готов соскочить с поезда на первой же остановке и хоть пешком вернуться. Нет, он не сделает этой глупости. Он понимает: тогда все сразу стало бы бессмысленным.

Ей почему-то совсем не страшно в этом пустом, наполненном ожиданием доме. Она разбирает постель. Выключает свет, отдергивает штору затемнения. За окном луна. Голубые, разграфленные квадраты ложатся на пол и стену. Ветер колышет голые ветви, и по полу и стене беззвучно скользят тени. Спать она не будет. Она будет лежать и ждать. Ждать утра или того мгновения, когда они придут...

В темноте, просветленной лунными бликами, мысли приобретают рельефность и движутся неторопливо и спокойно. И теперь почему-то ей вспоминается то время, когда она была еще не Милкой Петровой Владимировой, не женой Гино и советской разведчицей, а была Свободой Анчевой, девчонкой-гимназисткой в Софии. Почему отец дал ей такое имя: Свобода? Он был народным учителем, ее добрый отец Михаил Костов Анчев. Потом — заместителем редактора прогрессивной газеты «АБВ». Он был коммунистом. Однажды ночью — это случилось весной 1925 года, она запомнила на всю жизнь — в двери дома гулко постучали. Отец открыл. Ворвались полицейские. Перевернули и распотрошили все, а отца увели. Больше они его не увидели. Уже позже узнали: его живым сожгли в огромной печи в подвале дирекции софийской поли-

ции. Так фашиствующие болгарские правители расправлялись с коммунистами.

Семья осталась без всяких средств к существованию. Ни мать, ни старшая сестра никакой профессии не имели. Сестра стала плести шляпки. Мать поступила уборщицей в типографию. Свобода подавала бумагу на печатную машину. Тоже работала. Все это приносило жалкие гроши. И они пошли бы по миру или умерли с голоду, если бы время от времени не приходили в их дом разные люди и не оставляли в конвертах деньги.

— Кто эти люди, мама?

Мать отвечала:

— От партии, в которой был отец...

Однажды, вернувшись домой, Свобода увидела за столом пожилого человека и напротив него сидящую с красными от слез глазами мать. Что случилось? Мать плакала очень редко.

— Сядь, дочка... Вот, познакомься. Это один из товарищей отца по партии.

Девочка внимательно посмотрела на мужчину. Он не был похож на ее отца. Грубое, сожженное солнцем морщинистое лицо. Грубые руки. Потертый воротник рубахи.

— Они хотят отправить тебя в Советскую Россию...

У матери на глазах снова навернулись слезы. Мужчина положил ладонь на ее руку. Сиплым голосом стал объяснять Свободе:

— Международная организация помощи революционерам, МОПР называется, вместе с нашей партией решила отправить в Советский Союз детей коммунистов, которые пали в борьбе или работают в подполье... В Советском Союзе ты сможешь учиться. Станешь, кем только возмечтаешь, — хоть доктором, хоть инженером. Ну да об этом тебе еще рано думать. Но ты будешь всегда сытая, и никого тебе не надо будет бояться. И ты станешь такой же революционеркой, каким был Михаил, твой отец.

Девочка посмотрела на мать. Та грустно улыбнулась:

— Ты поедешь, дочка. Ты будешь счастливой.

Мужчина продолжал:

— Собирайся в дорогу. Но никому не единого слова. Это строгая тайна. Если полиция пронюхает, будет худо.

Собраться не составило труда. У Свободы всех вещей-то, что на плечах. Даже пальто не было.

Оказалось, что поедет она не прямо в Советскую Россию, а далеким кружным путем, через несколько стран. Тот же мужчина, передав билеты и деньги на дорогу, объяснил:

— До Вены поедешь одна. Если кто спросит, едешь к родственникам. А в Вене тебя встретят.

Мать провожала до трапа парохода. Стояли на причале и плакали навзрыд. Хоть и мала была Свобода, а понимала: разлука на долгие годы, если не навсегда...

Пароход плыл по Дунаю, вдоль берегов Югославии, Венгрии. В Вене ее встретили двое: молодые супруги. От них узнала: на поездах и пароходах приезжают болгарские дети. Самым младшим по пять-шесть лет. Заботу о них взяли на себя австрийские коммунисты. Ребята жили у них по домам. Свободе запомнились качели в парке Пратер, детская железная дорога, а самое главное — как повели ее в большой магазин и купили пальто и платья. Через месяц, когда собрались все, группа выехала в Германию, в Детский дом МОПР, открытый немецкими коммунистами в деревне Эльгерсбург в Тюрингии. Теперь уже с ними был болгарин Иван Бояджиев — немолодой, с резко очерченным лицом и хорошими глазами за стеклами очков. Инженер по профессии и тоже «из партии, в которой был отец».

В Эльгерсбурге ей понравилось. Немецкие коммунисты заботились о них, как о родных. А Бояджиев, живой, веселый, все умеющий, учил их петь и рисовать, учил болгарским, русским и немецким революционным песням. Там, в Тюрингии, они встретили новый, 1928 год. В детском доме украсили большую елку. Бояджиев оделся Дедом Морозом и каждому достал из мешка подарки. Девочкам — куклы, мальчикам — игры. Свобода уже забыла, что такое кукла, и была очень рада подарку.

После Нового года Иван Бояджиев стал готовить ребят к отъезду в Советский Союз: старшим рассказывал о комсомоле, младшим — о пионерах, и всем вместе — какая это необыкновенная страна, государство рабочих и крестьян, таких же, как их отцы, коммунистов.

В апреле все вместе, в одном вагоне, они выехали из Германии в Советский Союз. Бояджиев провожал их только до пограничной станции. Дети очень к нему привыкли. Облепили по рукам и ногам, не хотели отпускать.

— Будьте счастливы, ребятки, и не забывайте Болгарию!

Была ночь, когда их вагон пересек пограничный рубеж. Вошли советские пограничники. В остроконечных шапках — буденовках с огромными звездами, розовощекие, веселые. Заговорили на непонятном, но чем-то родном языке. Ребятишки начали смеяться и кричать.

Почти никто, кроме самых маленьких, так и не заснул. Все прилипли к окнам и смотрели. И, еще не сознавая того, пытались вобрать в себя первые впечатления от страны, которая отныне и на многие годы становилась их родным домом.

На Белорусском вокзале Москвы их встречали торжественно и шумно. Было много людей. Были болгарские коммунисты, работники Коминтерна. Всех повели в ресторан, и перед каждым поставили по большой тарелке — гречневая каша с молоком. Никто из них прежде никогда не ел гречневой каши. И как ни старались теперь быть примерными, осилить ее не смогли.

И началась их жизнь в Москве.

Тогда, девчонкой, она не могла бы понять значение многих слов, ставших потом для нее азбукой политграмоты — таких, как «солидарность» или «пролетарский интернационализм». Теперь же, вспоминая, как бережные руки болгарских, австрийских и немецких коммунистов несли их через границы стран, одевали и согревали, она понимает конкретный смысл слова «солидарность».

А потом с гречневой каши на Белорусском вокзале началась их жизнь в советской столице. Их распределили по разным детским домам. Свободу и еще двух девочек-болгарок привезли в Дом юношества имени Тимирязева. Он был расположен во Всесвятском переулке — трехэтажный дом посреди зеленого парка. В Доме юношества жили беспризорники — хулиганистые мальчишки и девчонки, потерявшие отцов и матерей в гражданскую войну, в голод, в тиф.

За час до ареста

Компания не очень-то сентиментальная, острая на язык и кулак. Но Свободу и ее подруг детдомовцы приняли как своих и даже оберегали и опекали от случайных переделок:

— Ты что! Это ж болгарские!

И неосмотрительному бузотеру доставалось вдвойне.

Свобода без всякого труда, сама по себе, выучила в этом повседневном общении со сверстниками русский язык. Она приняла новую жизнь сразу. По субботам в детдоме была баня. После бани, отмытые и чистенькие, они собирались в зале и танцевали. И польку, и цыганочку, и вальсы. Оказалось, что Свобода без ума от танцев, готова плясать до упаду. И петь любит. И смеяться без причины, хотя это и «признак дурачины».

В детдоме они учились. И работали. И сами обслуживали себя. Здесь в первый же год Свободу торжественно приняли в пионеры, а потом даже послали делегатом на I Всесоюзный слет пионеров. Их водили в Кремль. От того слета ей запомнилось море красных галстуков, сверкающие огнями залы, золотые сабли в Оружейной палате. Позже в Доме юношества она вступила в комсомол. У Свободы была отличная память на цифры, и она на всю жизнь запомнила номер своего комсомольского билета — книжицы с силуэтом Ленина на желтой картонной обложке — 1518644...

Детский же дом, когда пришел срок, направил ее на работу. Во всех газетах тогда писали об индустриализации, о чугуне, стали и машинах. И она поступила ученицей токаря на завод со смешным названием «Самоточка». Но завод этот был серьезный, выпускал шлифовальные станки.

Став рабочей, она переселилась в общежитие. В комнате — красавица толстушка, светлокудрая Настя Балуда и вторая Настя, Мичуиская, худая, черная, как уголек, грубоголосая, но очень сердечная, хотя любившая покомандовать. И третья, подруга на многие годы, Ася Иоффе. Все трое, такие же, как и она, работницы заводов.

«Самоточка» послала Свободу на рабфак, заканчивать школьный курс. На рабфаке девушку приняли в Коммунистическую партию. Номер и этой кандидатской карточки — 0365965 — тоже остался в памяти на всю жизнь. Она окончила рабфак и поступила в станкостроительный институт.

Удивительное то было время. Свобода жила все в том же общежитии, с теми же подругами. Вечерами в их комнатке собирались компании — ребята с заводов, из институтов. Пели и танцевали. Иногда, по праздникам, ставили на небогатый стол и бутылку с вином. Шутили и спорили, и их касалось все, что происходило во всем огромном мире.

А когда Свобода занималась, готовилась к семинарам или экзаменам, комната вымирала. Подруги ходили на цыпочках, разговаривали шепотом, подсовывали ей всякие вкусности. Стипендия у нее была маленькая, и девчата подкармливали со своих зарплат, а отказаться от помощи — значило до слез обидеть; Свобода понимала: о ней почему-то заботятся по-особенному. Почему? Почему они считают, что ей нужно больше внимания и душевности, чем им самим, таким же бездомным и осиротевшим? Не потому ли, что с ними, вокруг них и в них самих всегда была их Родина, а Свобода, они понимали, была отторжена от своей страны?.. Впрочем, к тому времени Свобода Анчева стала полноправной гражданкой СССР, с советским паспортом. Правда, связь с Болгарией была неразрывной. Девушка регулярно приходила в интерклуб, в болгарскую секцию. Здесь ее даже избрали секретарем комсомольской организации. Она с тревогой следила за событиями, будоражившими родину, и отсюда, издалека, по-новому осмысливала историю Болгарии.

Болгарский народ из века в век укреплялся в чувстве братской дружбы к русскому народу — родственному по духу, принесшему Болгарии освобождение от столетий турецкого ига. Это отношение к русским было в самой крови болгар. Свобода еще маленькой девочкой знала это. Но злой волей своих правителей, ставленников Австро-Венгрии и Германии, Болгария вступала в междоусобные конфликты с Россией. В первую империалистическую она приняла участие в войне на стороне Германии. Нынешний царь Борис, также отпрыск немецкой Саксен-Кобургской династии, опирался на фашиствующих реакционеров. Экономику и политику страны он подчинил интересам Третьего рейха и готовился к новой мировой войне на стороне Гитлера. Газеты сообщали о кровавом терроре в Болгарии, о расправах с рабочими, коммунистами. Свобода вспоминала людей, которые приносили в их дом конверты с деньгами, вспоминала пожилого мужчину, предложившего ей уехать в Советский Союз, и Ивана Бояджиева. Все они коммунисты. Они продолжают на родине борьбу, и, может быть, кто-то из них уже пал в этой борьбе.

Она переписывалась с матерью. Очень редко. Письма шли кружными путями, через другие страны. Знала: мать мыкается в бедности. Работала уборщицей в аптеке, стала ночной санитаркой в больнице. Да и эти места нашла лишь благодаря помощи друзей отца. Мать радовалась успехам дочери, гордилась за нее, а между строчек сквозила тоска: доведется ли увидеться когда-нибудь? Могла ли Свобода знать, что встреча с матерью состоится неожиданно скоро?..

Как-то Свобода пришла к болгарам-коммунистам, нелегально приехавшим из-за рубежа в Советский Союз. В тот вечер среди гостей был молчаливый молодой человек. Ее внимание привлекло прежде всего именно это — его молчаливость и скромность и большие задумчивые глаза. Их познакомили.

— Гино Стойнов, — представился он.

С того дня они подружились. Свобода узнала, что он член Варненского окружкома партии, заведующий военным отделом. А теперь по заданию ЦК Болгарской компартии приехал в Советский Союз. Работает на строительстве метрополитена. Он очень гордится званием метростроевца: «У нас такие замечательные товарищи! Наше метро будет самым красивым в мире!»

Прошло время, и они поняли: их чувство друг к другу — любовь.

И вот блестяще защищена дипломная работа. Свобода Михайловна Анчева — инженер-станкостроитель.

Боже мой, какая начинается жизнь! Все, что было до этого дня, лишь подготовка к ней. С робостью и радостью девушка думает о том часе, когда придет на завод, в цех, уже как специалист.

Гино тоже рад. Они идут по летней вечерней Москве. Они едут на пароходике по новому, недавно одетому в гранит каналу. Выходят на набережную в Нескучном саду. Никого нет, только крутые склоны, густо поросшие деревьями.

— Почему ты такой молчун, Гино?

Она ждет от него тех слов, которые он должен был сказать после того, как она защитит диплом.

— У нас будет серьезный разговор, — он усаживает ее рядом с собой на траву. Отсюда, со склона, видны закатное небо и далеко уже различающаяся огнями Москва.

— Да? — она улавливает в его голосе суровость и сама напрягается: «Таким тоном делать предложение?»

— Я скажу тебе то, что ты или запомнишь на всю нашу жизнь, или должна забыть сию же минуту.

Гино поворачивает ее к себе, смотрит глаза в глаза.

— Я не только коммунист-подпольщик. Я — военный разведчик Красной Армии.

Она переводит дыхание.

— Это еще не все. Через некоторое время мне предстоит снова выехать за рубеж для выполнения задания. Подумай: согласна ли ты быть женой разведчика?

— Согласна.

— Не торопись. У тебя есть время, чтобы подумать.

— Мне не надо думать. Я согласна.

— Не торопись... Возможно, тебе придется поехать вместе со мной. Это смертельный риск.

Ей становится радостно. Торжественно и радостно. По небу полыхает заря. Она отражается в реке. За рекой огни Москвы. А для нее с этого часа неожиданно начинается опасная и очень нужная жизнь.

— Я очень хотела быть инженером. Но ты знаешь, что стало с моим отцом... Я болгарка. И если нашему народу необходимо — я согласна.

4

Она лежит, свернувшись калачиком, высунув из-под одеяла только нос. В комнате холодает. К утру дом выстудит. Протопили печь плохо, наспех, лишь бы успеть сжечь документы и аппаратуру. И вообще в этом году зима яростная, непривычная для южного Пловдива — даже снег не стаивает по два-три дня, и каждую ночь заморозки с инеем и ледком. И хорошо. Эта зима заморозила гитлеровцев под Сталинградом.

Луна за окном тоже будто бы льет в комнату голубой холодный поток. На светящемся циферблате часов стрелки столпились у цифры 12. Обычно в это время, в полночь, по среднеевропейскому, они с Гино выходили в эфир.

Шифр знали оба. Заранее подготавливали тексты радиограмм. Потом, сдерживая нетерпение, молчаливо ждали полуночи. Завешивали окно одеялом. Включали маленькую настольную лампочку. Она отбрасывала пятно света только на текст донесения. Если передавал Гино, Милка выходила в коридор. Из коридора на улицу вела стеклянная дверь, и Милка осторожно наблюдала, прижавшись к стене. Если передавала она, то у двери дежурил Гино, а она надевала наушники, настраивала приемник и, лодочкой положив ладонь на ключ, начинала отстукивать:

— ВСК, ВСК, ВСК...

Центр отвечал:

— МЛС, МЛС, МЛС! Вас слышу...

Слышимость обычно была хорошая. Милка быстро передавала радиограмму и переходила на прием. В конце сеанса незнакомые операторы желали им бодрости и успеха.

Так продолжалось изо дня в день, год за годом. И все равно каждый раз перед сеансом они волновались. Вернее, волновалась она, а Гино был, как обычно, молчалив и спокоен. Но она догадывалась по выражению его глаз, что напряжен и он. А после радиосвязи наступал момент опустошения, к которому примешивалась радость от сознания выполненной работы и горечь от только что полученных известий с фронта. С начала войны редки были вести о победах. Чаще — горькие сообщения об отступлении, о жестоких боях. Значит, они должны работать здесь с еще большим напряжением: собирать, перепроверять сведения и передавать их в Центр.

Но это уже здесь, уже после всего того, что было в Москве. Мысли ее возвращаются к вечеру на склоне горы в Нескучном саду, когда небо полыхало закатом и светились огни Москвы...

С того дня весь уклад ее жизни резко переменился. Началась новая ее работа, точнее — подготовка. Прощай, общежитие! До нескорой встречи, подруги! Понадобится ли инженерный диплом, которого она так настойчиво добивалась?

Новые города. Уединенные квартиры. Строгие инструкторы. Самым строгим из них был муж. Ее первые впечатления о Гино полностью подтверждались: скромный, малоразговорчивый, как-то по-отцовски внимательный. Но одновременно и настойчивый, и если нужно для дела, и себя не бережет и никого другого не щадит. Точность во всем, доходящая до педантичности. И упорное раздумье над всем, что происходит в окружающем мире.

Из его рассказов ей в новом свете представлялась судьба Болгарии, и смысл ее будущей работы в интересах своего народа и народа второй ее родины — Советского Союза. Тогда, в 39-м и 40-м годах, уже для всех стало очевидной сущность германского фашизма. В планах мирового господства рейх отводил большое место странам Юго-Восточной Европы — их природным богатствам, их людским и продовольственным ресурсам, важному стратегическому положению. Поэтому, в частности, Гитлер сосредоточил усилия на том, чтобы привлечь в свою коалицию и Болгарию — одно из крупнейших славянских государств Европы. Исподволь при содействии царя Бориса немецкие империалисты подчинили себе экономику страны, превратили Болгарию в свою полуколонию, поставщика сырья и продовольствия. При открытой поддержке Берлина в стране развернули деятельность многочисленные фашистские организации. А затем Германия официально предложила правительству Болгарии присоединиться к антикоммунистическому пакту

Рнм—Берлин—Токио. Опять, как н в первую мировую войну, Болгарня протнв волн своего народа может оказаться втянутой в кровавую бойию. Прнчем н на зтот раз ясно, протнв кого будет самый сильный удар агрессоров — протнв Советского Союза. Вот почему любые усилия, направлеиные на срыв зтих планов, на ослабление фашистов и их вооружеиных сил, — благородное дело в ннтересах болгарского и советского народов, долг Свободы и Гнио, их партнйный долг.

Этн беседы с Гнно наполнялн ее чувством особой ответственностн. Она старалась быть достойной дела, которое ей поручнли. И когда он, оцеиивая ее стараннe, улыбался и глаза его становились ласковыми, зто была ею завоеваииая иаграда.

А заниматься прнходнлось миого. Изучали раднотехннку. На память заучнвалн прннцнпнальиые и моитажные схемы передатчнков, тренировались в конструнрованнн и налажнваннн радиоаппаратуры. Учнлись мастерству операторов — ориентировке в зфнре, обиаруженню прн помехах работающих стаиций, непрерывиой двусторонией радиосвязн иа дальние расстояния, безошибрчиой шнфровке и расшифровке текста. Во многом Свободе помогала техническая «жилка», ниститутские зиаиия, опыт работы на заводе.

Но, кроме того, с помощью Гнио оиа овладевала навыками разведработы, а тонкостям н сложностям тут не было числа. Затем — фотодело. И накоиец, то, на что должна быть направлеиа их работа: организация армий и флотов, классификацня и типы кораблей, артнллерин, торпедиого н миииого вооружеиия, самолетов, определение систем береговой обороны, азродромов, топографня, ииженериое дело и так далее и тому подобное.

Уже во время учебы она распростилась со своим именем: из Свободы стала Мнлкой Петровой Владнмировой, женой Петра Владнмирова Мирчева. Гиио сразу же освоился с иовым своим именем и, даже разбудн его иочью, отзывался только на Петра. А оиа привыкала трудно, хотя иовое имя Милка ей понравилось.

Жилось им туговато, так же скромно, как в студеичестве. У Гнно однн-едннственный потертый костюм, ее гардероб ие заиимает н маленького чемодаиа. Но разве иа зто тогда обращали внимание? Думали о другом, и заботило другое: надвигающаяся война.

Гиио с тревогой прнслушнвался к Мнлкниому говору. За десятилетие, проведеииое в Советской стране, оиа утратила чистоту болгарского произношеиия, пересыпала речь русскнмн словами. Что же делать? Решилн, что Мнлка будет родом из Бессарабин. Там всегда говорнлн ие чнсто по-болгарски, в языке заметио влняние русской речи. Милка — малограмотиая, вместе с мужем прнехала в поисках работы в Бухарест. Там Петр временно нашел занятие, а потом был уволен, мыкался н вот решил с женой отправиться в Южиую Добруджу, чтобы разыскать родственников и пристронться к какому-ннбудь делу. Это для полнцнн. А коикретиое задаиие им — оборудовать в фашистской Болгарнн радиостанцию н регулярно передавать сведения о военно-морском флоте, обороиительиом строительстве и укреплениях Варненской военно-морской базы, о базировании нностранных военных кораблей иа болгарские порты. И главиое — тщательио следить за характером н степенью проннкновення в Болгарию иностранного влняння н особенно Германни.

Связь с Центром оин должны былн установнть 15 февраля 1941 года. Радиообмеи будет проходнть в условленные чнсла дважды в месяц, а в случае войны — ежедневно.

Начальннк разведотдела зачнтывает заключеиие об их подготовке:

«Петр и Милка вполие ясио представляют характер предстоящей работы. Хорошо овладелн раднолелом и смогут держать с намн раднoсвязь. В процессе подготовки они относнлнсь ко всему требовательио. Их поведенне и состояние за все время работы было хорошнм, чувствовалась исключнтельная работоспособность, увереииость и большое желаине выполинть поставленные перед ннми задачн. Счнтаю возможным отправнть Петра и Мнлку за кордон...»

Оиа стонт рядом с мужем, незаметно пожнмает ему руку н ие может сдержать горделнвой улыбки.

И вот уже оии в укромной бухте иа побережье Черного моря. Ночь. Сигнальные огии. Луч прожектора скользит по воде. У берега покачнвается парусно-моторная шхуиа «Дельфнн».

Занимается рассвет. Розовое небо. Розовое море. Воздух дымчатый, без теней. Утро 26 ноября 1940 года. Капитаи шхуны, молоденький лейтенант с щегольскнмн уснкамн, докладывает командиру:

— Лнчный состав и материальная часть к проведению мороперацни по переброске в Болгарию пассажнров готовы!

Оттого ли, что деиь ясный и солнечный или они уже давио ожидали зтого момента, ио иастроение у нее н Гнио приподнятое и на душе легко. Они прощаются с командирами.

Шхуна снимается с якоря. В открытом море — свежнй ветер, крутая волна. Краснофлотцы приносят нм теплую одежду, штормовые костюмы. Волиеине ие стнхает ни иа минуту. Мнлка не может дотроиуться до пнщн.

Проходят сутки. Шхуна напрямнк пересекает море. Стучат двнгатели. И паруса надуты попутиым ветром. Даже чайкн отсталн. Их легкое суденышко одио-одинешенько в сннем просторе.

На тридцатом часу путн прямо по курсу проступнл берег. Милка вглядывалась в далекую серую ленту, иеровно бугрнвшуюся над морем. Болгарня... Сердце сжималось. Вот оиа н возвращается на родину! Тайно уезжала, тайно возвращается. Двеиадцать с половнной лет прошло с того дня, как мать провожала ее иа пароход, державшнй путь в Вену. Тогда оиа плыла иа пароходе впервые в жизни. Сейчас — второй раз. Она уезжала соплнвой, несмышленой девчонкой, а возвращается солдатом, коммуннстом, членом того же боевого содружества, к которому принадлежал ее отец...

Капитан приказывает заглушить моторы и лечь в дрейф. Шхуиа безмолвно покачивается на волне до темноты, пока слева не начнннает проблескивать маяк Шабла. Тогда моряки снова заводят моторы, и «Дельфии» идет к берегу.

Оии бросают якорь на траверзе селення Карапча, в нескольких кабельтовых от берега. Море здесь тнхое. Милка и Гиио впервые за всю дорогу с удовольствнем едят, потом ложатся в кубрике отдыхать. Их будят в полиочь. Они пере-

одеваются в свои одежды. Краснофлотцы заворачивают на дорогу мясо, хлеб, шоколад. Шхуна поднимает якорь и скользит к берегу.

— Отдать малый якорь! — приказывает капитан.

Спускают шлюпку. На весла садится старшина Згода. Милка уже успела подружиться с ним за недолгую дорогу, и фамилия у него хорошая — Согласие.

Гино благодарит капитана и всех краснофлотцев за оказанное им в пути внимание. Они спускаются в шлюпку. Через несколько минут лодка утыкается носом в песок. Згода спрыгивает в воду, подтаскивает шлюпку на берег, помогает сойти. Они молча обнимаются.

Идут. Под ногами похрустывают песок, ракушки. Цепляются пучки сухих водорослей. Милка оборачивается. Силуэт старшины маячит на фоне неба. Вот Згода взмахнул рукой. Уперся в нос шлюпки. Еле слышный всплеск весла, и шлюпка растворяется в ночи.

Они прошли еще несколько сот шагов по отмели, пока не увидели слабо высвечивающуюся тропинку, поднимающуюся на обрывистый берег. Вскарабкались, цепляясь за сухие стебли. Отсюда, с гребня обрыва, им даже показалось, что они видят черную тень «Дельфина», держащего курс к своим берегам.

А за их спиной на десятки километров расстилалась равнинная Южная Добруджа, а дальше были города. Морские порты и военно-воздушные базы — их цели, и с этого часа, с ночи 28 ноября 1940 года, начиналось выполнение их операции.

5

Время течет медленно. Луна за окном поднялась уже высоко, свет ее ушел из комнаты. Только голубым серебристым бруском мерцает подоконник. Зимняя ночь длинна. Но и она кончится. Когда-то давно Милка прочитала древнеиндийское изречение: «Все проходит». Обычная на первый взгляд фраза потрясла ее своей глубинной мудростью. Все проходит: и нестерпимая физическая боль, и беспредельное чувство тоски. Надо только вооружиться терпением. Кончится и эта ночь, полная тревог и ожидания. Первый же луч за окном будет означать, что опасность миновала. Они обычно приходят ночью, перед рассветом, когда людей побеждает сон. И не нужно бояться.

Она вспомнила, как беспомощно испугалась, в первый раз вдруг увидев полицейского. Разведчица, человек с высшим образованием, казалось бы, такая хладнокровная и сдержанная. В характеристиках, которые писали ей в разведшколах, с листа на лист переходили слова: «Смелая. Настойчивая. Спокойная».

А тут, утром после высадки на берег Южной Добруджи, на автобусной остановке увидав подошедшего к ним полицейского, обмерла. Охолодила нелепая мысль: «Узнает по глазам, кто мы такие!» Гино, уловив дрожь ее руки, сказал:

— Спокойно.

Но она долго не могла отделаться от испуга. И еще — образ полицейского в яви означал, что она вновь вернулась в старый, забытый мир.

Конечно же, старик полицейский даже не обратил на них внимания.

Они благополучно доехали до города Добрич. Сняли небольшую квартиру на улице с громким названием «Царь Колоян». Две комнатки в одноэтажном доме под черепичной крышей — на окраине города. По обеим сторонам двери — молодые груши.

Начали жить неприметной жизнью людей, накопивших на черный день немного средств и теперь осматривающихся.

Осматривались. Каким бы опытным ни был разведчик, но один он немногое может сделать. Нужны связи, нужны помощники. Готовясь к операции, Гино заочно наметил себе в помощники Михаила. С Михаилом он познакомился еще в 1929 году, когда плавал кочегаром на пароходе «Бургас» на линии Варна—Стамбул. Уже в ту пору он был комсомольцем-активистом, и его не раз изгоняли с работы за революционную деятельность. Вот и здесь, на «Бургасе», он создал среди матросов коммунистическую группу, начал готовить забастовку против хозяев-судовладельцев. На пароходе он и познакомился с молоденьким белобрысым курсантом морского технического училища, проходившим стажировку. Михаил понравился Гино ясной головой, восторженной революционностью. Знакомство их было недолгим: Гино пришлось бежать с парохода, иначе оказался бы он перед военным судом. Но и потом, бывая в Болгарии, он не упускал Михаила из поля зрения. Знал, что тот стал техническим офицером военно-воздушных сил, быстро поднимался по служебной лестнице. Уже имеет чин капитана. Но взглядов своих не переменил. Может стать надежным и очень полезным помощником.

Гино дал Милке адрес Михаила, описал его внешность.

— Скажешь только одну фразу: «Хочешь встретиться с Гино?»

Михаил с радостью, без секунды колебаний, согласился. Старые друзья встретились, обо всем договорились. Михаил служил на пловдивском военном аэродроме «Граф Игнатиев», имел много знакомых среди офицерского корпуса. Он согласился собирать сведения о ВВС — аэродромах, вооружении самолетов, расположении складов, о контактах с германской «Люфтваффе».

При очередном свидании капитан передал им детали для передатчика. Собрали его сами. А радиоприемник «Телефункен» открыто купили в магазине. Ничего особенного, в каждой добропорядочной семье должен быть радиоприемник.

Вторым человеком, на кого рассчитывал Гино, готовясь к выполнению задания, была Зара Стойкова, жена его родного брата Стойко. Они жили в Варне. Брат, столяр по профессии, не очень-то интересовался политикой. А Зара была коммунисткой-подпольщицей. Не страшась преследований, фашистского террора, она организовывала среди рабочих варненских заводов марксистские кружки, распространяла листовки, хранила документы партии. Но что стало с нею за те пять лет, как Гино покинул Болгарию?

И к Заре он послал Милку. Она приехала в Варну, быстро нашла домик, грубо сложенный

из кирпича, щелястый, у канала со сточными водами, — улица Мадара, 5.

Представилась:

— Я жена Гино.

Зара, черноволосая сухощавая женщина с крепкой мужской фигурой, внимательно оглядела ее. Прислушалась к ее странному говору. Сдержанно поинтересовалась, где Гино, как он себя чувствует.

— Его здесь нет... Жив-здоров. А как вы живете?

Они сидели друг перед другом. Весь разговор — на подтексте: понимай как пожелаешь.

Милка стала прощаться.

— Передайте Гино, — сказала Зара, — все в порядке.

Милка вернулась в Добрич. Рассказала о своих впечатлениях: Зара ей понравилась — выдержанная, чувствуется — опытный конспиратор и умница. Да и на Стойко, брата мужа, можно положиться. К тому же он работает теперь строймастером на аэродроме «Чайка», любопытном для них объекте.

— Хорошо, — подумав, согласился Гино. — Через пару дней опять съездишь в Варну и привезешь Зару сюда.

Зара обрадовалась, снова увидев деверя, старого боевого друга. Уже без обиняков спросила:

— Оттуда?

Он кивнул. И тоже прямо спросил:

— Будешь работать с нами?

— Конечно.

— У меня есть идея: оборудовать в Варне радиоточку. В случае войны, а она приближается с каждым днем, Варна станет важным военно-морским портом.

— Да, дело идет к этому, — согласилась Зара. — В районе порта строятся казармы и пакгаузы, ремонтные мастерские для торпедных катеров.

— Вот ты и приступила к выполнению обязанностей, — улыбнулся он. — Но ты не только будешь собирать сведения. Я хочу, чтобы ты стала руководителем Варненской группы. Подберешь надежных людей. Расставишь их по важным пунктам. И сама будешь передавать по радио донесения в Центр.

— Я? Смогу?

— Милка обучит тебя работе на рации. Мы поможем оборудовать станцию.

— Хорошо. Я буду стараться.

— Но это еще не все. Самое трудное: ты должна полностью выключиться из работы местной парторганизации. Ни агитации, ни листовок, ни даже встреч с товарищами.

Зара задумалась. Отрицательно покачала головой:

— Это невозможно. Товарищи решат, что я струсила.

— Так нужно, Зара. Новая работа очень важна и партии, и народу.

Зара уехала хмурая, растревоженная, с тяжелой душой. Договорились, что встретятся через две недели, когда она окончательно примет для себя решение.

А они в Добриче начали готовиться к первой радиосвязи с Центром.

За час до ареста

Наступление 15 февраля 1941 года. Все выверено. Зашифрованы первые радиограммы: просьба разрешить оборудовать вторую станцию в Варне и назначить ее руководителем Зару Стойкову; сведения, собранные Михаилом и ими самими о политическом положении в стране, о дислокации частей, о военно-воздушных силах. Для первого сеанса достаточно.

В полночь в погруженной во тьму комнате Гино садится за передатчик. Светится шкала «Телефункена». Кружок под лампой падает на листки шифровок. Милка заняла позицию у окна, в щелку наблюдает за улицей. Косит глаз на мужа: «Ну же, ну!..»

Гино спокоен. Неторопливо, даже как бы с ленцой, настраивает приемник. Одной рукой прижимает наушник. Встрепенулся! Значит, поймал станцию Центра. Рука легла на ключ.

— ВСК, ВСК, ВСК!..

Он уверенно и быстро передает тексты радиограмм, слушает, записывает шифровку из Центра. Молча подзывает Милку, передает ей наушник.

— МЛС, МЛС, МЛС...

Группы цифр точками и тире азбуки Морзе. И в конце открытым текстом:

— Желаем успеха.

Маска спокойствия спадает с Гино. Он обнимает Милку, подхватывает на руки, кружит по комнате, опрокидывая стулья.

Потом они расшифровывают радиограмму из Центра. Москва уточняет задание. Снова предупреждает: особое внимание — на проникновение в Болгарию германского влияния. Они заучивают наизусть текст радиограммы, а все бумаги сжигают. Прячут передатчик в тайник. Первая радиовстреча состоялась!

Предупреждение Москвы оказалось своевременным. Фашистская Германия усиливала давление на Болгарию, стремясь неразрывно привязать ее к агрессивному блоку. Еще в октябре 1940 года она официально предложила царю Борису подписать Берлинский пакт держав оси. Царь согласился. Но он опасался, что вступление в германо-итало-японский блок вызовет волнение в стране. Об этом он прямо сказал Гитлеру во время их встречи на вилле фюрера в Берхтесгадене в ноябре. Тогда же они договорились, что присоединение Болгарии к пакту будет сопровождаться вступлением в страну германских войск. В конце января 1941 года реакционно-фашистское правительство Болгарии одобрило эти переговоры и официально пригласило германские войска. Первого марта 1941 года в Вене был подписан протокол о присоединении Болгарии к агрессивному пакту, и в тот же день немецкие дивизии, до этого уже размещенные в Румынии, хлынули через границы Болгарии. Это означало, что царское правительство добровольно способствует расширению гитлеровской агрессии на Балканах.

Народ встретил чужеземные войска с нескрываемой враждебностью. Население отказывало гитлеровцам в продовольствии и фураже.

На стенах появились лозунги: «Вон немцев из Болгарии!», «Долой фашистскую Германию!», «Да здравствует свободная Болгария!» Но, несмотря на гнев народа, новоявленные оккупанты обосновались в стране основательно и надолго. Они заняли под казармы все школы. Занятия прекратились. Фашистские самолеты стали базироваться на всех шестнадцати военных аэродромах страны. Военные корабли рейха бросили якоря в портах Варны и Бургаса. Всем более или менее сведущим в политике стало ясно: вступление гитлеровцев в Болгарию — осуществление еще одного этапа обширного стратегического плана по подготовке на юго-востоке Европы плацдарма для войны против Советского Союза.

Во время второго радиосеанса Гино уже передавал:

«По железной дороге непрерывно перевозятся немецкие войска и снаряжение. По всем шоссейным дорогам прошли моторизованные части. Через Добрич на юг непрерывно движутся мотоциклы, грузовики, легковые машины, танки, артиллерия всех видов, перевозятся моторные лодки, каркасы для мостов. В городе располагаются немецкие части».

Затем он доложил о мерах по развертыванию разведработы. Центр полностью одобрил действия Гино, согласился на открытие второго пункта в Варне во главе с Зарой Стойковой и назначил дату встречи со связником, который передаст группе деньги, шифр и позывные для новой радиостанции.

Место встречи со связником — в Варне, на бульваре Владислава, у памятника напротив трехэтажного белого дома аптеки.

Утро. Милка прогуливается по бульвару, не упуская из поля зрения аптеку. В этот час на улице народу много. Город портовый, кого тут только не увидишь: моряки всех флотов, особенно немецкие. Расфуфыренные «морские красавицы», торговцы, бездельники, безработные. Ветер с моря шуршит в ветвях каштана. Весеннее солнце плавит асфальт.

Вот и связник: молодой мужчина в шляпе и галстуке, на вид служащий среднего достатка. Таких в этот час в толпе десятки. Но она определяет безошибочно по заранее условленным приметам: правую руку мужчина держит в кармане, в левой — сигарета. Милка идет ему навстречу. Почти поравнявшись, достает платок и начинает протирать глаза. Связник, вроде бы и не посмотрев на нее, отбрасывает сигарету, вынимает из кармана маленький пульверизатор и опрыскивает себя одеколоном — так делают претендующие на шик мелкие буржуа.

Они поравнялись. Связник бормочет:

— Привет от Али-бея.

Она шепчет в ответ:

— Спасибо, как его здоровье?

Связник сворачивает на бульвар, потом в парк, к морю. Милка идет за ним. На пустынной аллее они опять встречаются, мгновение — и в ее руках небольшой сверток. Попыхивая сигаретой, мужчина удаляется. Больше они с ним никогда не встретятся.

В свертке деньги и шифр. Вечером, поплутав по улицам, побывав в кино, Милка снова приходит в дом Зары. Здесь ей предстоит прожить месяц. Для соседей она знакомая учительница, которая будет готовить дочку Стойковых Геневеву. В ее потрепанном чемоданчике детали для передатчиков.

Днем она действительно занимается с Геневевой. А ночами, когда десятилетняя девочка засыпает, она монтирует передатчики и уже дает уроки матери: учит Зару радиосвязи, шифру, разведработе — сжатый курс всего того, чему учили ее в Центре. Зара усваивает все быстро. Ее усердие помножено на опыт нелегальной работы и желание принести пользу общему делу. Но разрыв с парторганизацией она переживает тяжко. Случается, вернется из города, стоит оцепенев, плачет.

— Как они на меня смотрят! Только что не плюют в лицо. Я в их глазах «ликвидаторка», если не хуже!..

Пока они готовятся, Зара подбирает членов своей будущей группы. Они тщательно обсуждают каждую кандидатуру.

На деньги, полученные через связника, они решают снять небольшой ресторанчик недалеко от центра города. Три-четыре столика, готовят и обслуживают сами хозяева. Скоро над стеклянной дверью дома на улице Шейкова, 3 появляется вывеска «Ресторан «Тракия». Здесь, не вызывая подозрений, удобно будет встречаться членам разведгруппы.

Подготовка закончена. Связь с Центром установлена, время и позывные определены. Первые сеансы они проводят вдвоем, пока Зара не приобретает навыки и уверенность. В Варне два передатчика. Если выйдет из строя один, Зара сможет работать на втором. А Милке тотчас напишет: «Больна, приезжай».

За это недолгое время они крепко подружились и расстаются, как родные сестры. Да так оно и есть. Существуют узы крепче кровных.

Они еще не знают, что подготовка к стратегической операции завершена перед самым ответственным моментом.

6

Слабо светящийся квадрат окна как экран, на котором Милка раскручивает ленту событий, восстанавливает картины минувшего.

Да, они поработали неплохо и, не зная того, вовремя успели подготовиться к самому ответственному моменту. Впрочем, они уже предвидели ход событий. И все же им показалось, что страшное известие обрушилось неожиданно.

Каждое утро они слушали по радио «Последние известия» из Советского Союза. И в то утро, в воскресенье 22 июня, тоже настроили «Телефункен» на волну Москвы. И вдруг комнату заполнил тревожный голос диктора:

— Фашистская Германия без объявления войны вероломно напала на Советский Союз!..

Гино вскочил. Милка впервые увидела, как потерял он самообладание. Но и ей было не до того, чтобы удивляться перемене в муже. У нее самой внутри что-то перевернулось и похолодело. Она не испугалась. Но поняла: свершилось непоправимое.

Гино уже взял себя в руки.

— Садись. Успокойся. Надо все хорошенько обдумать. Переходим на радиосвязь по условиям военного времени — будем передавать ежедневно. Самое главное внимание — на немецкие войска.

Ночью Центр, приняв донесение, пожелал бодрости и энергии. Задание: усилить сбор сведений о внутреннем положении в Болгарии. Главное — намеревается ли ее фашистское правительство выступить на стороне Германии против СССР?

Гино передал задание по всей цепи.

С первого же дня германо-советской войны царское правительство Болгарии заняло враждебную позицию по отношению к Советскому Союзу, в распоряжение Гитлера предоставило все ресурсы страны. В печати и по радио развернулась яростная антисоветская кампания.

Но болгарский народ встретил известие о вероломном нападении Германии на СССР с невиданным гневом. В день начала войны Центральный Комитет Болгарской рабочей партии (коммунистов) обратился с воззванием к народу, призвал его «ни в коем случае не допустить использования своей земли и своей армии для разбойничьих целей германского фашизма». С первого же дня партия приступила к организации активного вооруженного сопротивления фашистам.

Воля народа была столь единодушной, что царь Борис решил занять выжидательную позицию. Но в то же время обрушил на рабочих и прежде всего на коммунистов новые репрессии.

Облавы. Массовые аресты. Провокаторы... Там, где собирались вместе три человека, непременно начинал крутиться четвертый — немецкий гестаповец или жандармский агент.

Однако группы, созданные Гино и Милкой, не только не прекращали, но, наоборот, усиливали работу. Начались боевые действия на Черном море, и Центр потребовал, чтобы из Варны сообщали самые детальные сведения о вражеском флоте и морской авиации. Кроме того, Зара стала ежедневно передавать и метеорологические сводки, имевшие большое значение для операций советских кораблей и подводных лодок.

Милка регулярно приезжала в Варну. Перепроверяла донесения, собираемые группой Зары. Сама привозила сведения. Она ездила и в Софию, и в порт на Дунае, Рощук, и в Бургас... Для прикрытия она выдумала предлог: больна и нуждается в помощи врачей. Для правдоподобности приходилось записываться на приемы к местным светилам. Те осматривали молодую женщину.

— Вы совершенно здоровы.

— Нет, больна! — упрямо твердила она.

Однажды, когда возвратилась из очередной поездки, Гино показал письмо. Их соседка, случайно увидевшая Милку в Бургасе, с гневом доносила мужу: «Вы думаете, что ваша супруга здесь лечится? Она болтается среди немцев!..»

— Это становится опасным, — сказал Гино. — Даже такая дура обратила внимание.

Он задумался.

— Нам нужно уезжать из Добрича. Город чересчур маленький. Работы у меня так и нет. Это может вызвать подозрение полиции.

Выбрали Пловдив — второй по численности город Болгарии, ставший главной военно-воздушной базой германских ВВС в стране. Центр одобрил решение.

Но и в Пловдиве подыскать работу было нелегко. А нужна она была непременно: и для того, чтобы не привлекать внимания полиции и чтобы иметь средства на жизнь и сбор сведений.

Гино предложил Михаилу оставить службу в армии. И они вдвоем займутся коммерцией, откроют оптовый магазин по торговле сеном и овощами. Помимо всего прочего, это даст возможность без риска разъезжать по всей стране: мол, делают закупки. Михаил согласился. У него было неважное здоровье, и его без особых хлопот отчислили из авиации. Однако прежние связи с друзьями-офицерами он сохранил. Теперь мог наведываться в разные города к своим знакомым и за бутылкой ракии или сливянки выведывать нужные сведения.

22 мая 1942 года Гино радировал:

«Начинаю работать из Пловдива. Установил связи с пятью аэродромами. Расширяю связи в других областях».

Поток самой разнообразной информации нарастал. Из Центра сообщали, что их донесения большей частью оцениваются высоко. В сентябре они получили новую задачу: «Освещать: 1. Состав немецкого флота, базирующегося на порты Болгарии, перевозки грузов по Дунаю, прибытие и выход в море военных кораблей; 2. Районы расположения немецких и болгарских авиационных баз и места строительства новых аэродромов; 3. Детально сообщать о всех мероприятиях немецкого командования, проводимых в Болгарии». Центр указывал: «На выполнении этих задач сосредоточьте все силы и внимание. Надеемся на ваши способности, на отличное выполнение задания для быстрейшей победы над немецким фашизмом».

Гино отвечал: «Полны желания все ваши указания выполнить».

Радиограммы, радиограммы, радиограммы... Точки — тире — точки беззвучно уходили в эфир. После каждого сеанса разведчики тщательно уничтожали листки с донесениями. Но где-то там, за морем, за тысячи километров от Пловдива, их сведения значками ложились на стратегические и оперативные карты. И это был их вклад в общую борьбу, выполнение ими солдатского долга.

Как-то Милка прочитала объявление: молодые женщины приглашаются на вокзал для ухода за ранеными. Показала газету Гино. Он одобрил:

— Это может стать важным источником информации.

Она пришла на вокзал. Все помещения, даже перроны, были заполнены ранеными. Стонущие, сыплющие проклятьями, изуродованные человеческие тела. С только что прибывшего санитарного эшелона выносят и складывают на полу на жидкой соломе все новых и новых забинтованных солдат. Первое чувство — жалость. Но тут же подумала: «Это немцы! Оттуда, с Восточного фронта. А наши оставили Севастополь. И Одессу...»

Вернулась домой. Виновато сказала Гино:

— Не могу... Не могу на них смотреть! Боюсь, выдам свои чувства.

— Нервы. — Гино был недоволен.

— Да, нервы, — вспылила она. — Они намотаны на кулаки уже больше двух лет.

— На неделю я освобождаю тебя от выполнения заданий. Будешь отдыхать. Спать и готовить обед.

— Ты с ума сошел!

— Это приказ, Милка, — он положил ей руки на плечи. — Нервы у нас должны быть как канаты. На них тянуть еще годы и годы.

А наутро она получила письмо от Зары: «Заболела, приезжай». Значит, вышел из строя один из передатчиков.

Через час Милка выехала в Варну. Поломка оказалась пустяковой. Тут же починила. Неделю, которую Гино приказал ей отдыхать, решила использовать по-хозяйски: съездить в окрестные села и купить для дома кое-какие продукты. Договорились с Зарой, что на обратном пути заедет. За это время подруга опробует передатчик и скажет, как он работает.

Встречу назначили на 20 февраля на вокзале. Зара встретит ее у выхода на площадь, и она придет к ней домой. К этому же времени туда должен наведаться Михаил. Он объезжает побережье и передаст для Гино донесения.

Итак, встреча 20-го утром. Поезд пришел вовремя. У Милки большая сумка с мукой, сыром, шерстью. Перекинула через плечо, направилась к выходу. Сейчас здесь, за углом, увидит Зару.

Но подруги не было. Милка подождала пять минут, десять... Опоздание не в правилах Зары, опытной подпольщицы. В чем же дело?

Милка сдала вещи в камеру хранения. Заколебалась: идти или не идти? Недобрым предчувствием заныло сердце. Но неизвестность хуже любой опасности. Нужно идти.

Она пошла. И вот тогда-то узнала, увидела. Зара арестована...

7

Тишина такая, что от напряженного вслушивания в нее начинает звенеть в ушах. Даже не лают собаки. И деревья за окном беззвучно мечутся под ветром. Луна или утонула в тучах, или уже зашла.

Милка смотрит на часы. Нет, еще рано. Еще только два после полуночи. Клонит в сон. Нет, ей надо бодрствовать до утра. Если они не придут, она отправится в деревню, к Наде. По совести говоря, она недолюбливает жену Михаила: болтливая, расфуфыренная, одно слово — дочка богатых родителей. Но предупредить ее надо. Возможно, арестован и Михаил. Если полиция найдет и ее, она не должна ничего говорить. Не знает никого — и все. Хватит у нее мужества?..

Милка уйдет из дома в пять утра, когда поезд с Гино уже придет в Софию. А вдруг заснет? Она заводит будильник. Может быть, они и не придут? И все эти страхи, и вся эта тягучая бессонная ночь напрасны? Нет. Варненская группа арестована.

Да, предчувствие ее не обмануло. Как не обманывает, наверное, червячком сосущая мысль: что-то произойдет с нею еще до наступления утра...

Дремота исподволь стала разливаться по ее телу, замедляя бег мыслей. «Ничего, будильник разбудит...»

Очнулась от странного звука. И сразу поняла — это хлопнула дверца машины. И тотчас топот ног. И властный голос:

— Окружайте дом!

Она сжалась.

В дверь забарабанили. Кулаками, сапогами. «Вот как это бывает...» Так было, когда пришли за отцом...

Она встала, не торопясь оделась. Вышла в прихожую:

— Кто там?

— Полиция!

Открыла дверь. В проеме трое мужчин с пистолетами.

— Руки за спину! Иди вперед!

Одного из мужчин узнала: начальник полиции Варны Райнов. С ним вензла в немецкой черной форме — гестаповец. И еще один.

— Садись на кровать! — ткнул в нее пистолетом Райнов.

А третий сразу же бросился к печке. Откуда им известен тайник? О нем, кроме нее и Гино, знал только Михаил.

— Где передатчик?

— Какой передатчик? Я ничего не знаю.

Райнов приказывает:

— Вставай!

Под пистолетами ее ведут в соседнюю комнату. Там жил Михаил. Открывают гардероб. Третий, молчаливый, засовывает руки в ворох белья и достает пистолет. Тот самый, который они так долго искали. Где он спрятан, знал только Михаил. Значит... Значит, схвачен и он. И самое страшное: он все выдал...

В комнатах начинается столпотворение. Все переворачивают, взламывают, вспарывают. Полицейских набился полный дом. Райнов садится напротив Милки, достает лист бумаги:

— Начнем. Где передатчик? Где твой муж Петр Владимиров Мирчев — он же Гино Георгиев Стойнов?

8

Тюрьма. Узкая вонючая камера — камера смертников. В ней полагается одному осужденному ждать своего последнего часа. Но камер не хватает, и даже эту набили до отказа. За полтора года, прошедшие с той страшной ночи, распятой ожиданием, Милка сменила целую вереницу тюрем — Варненскую, Шуменскую, Софийскую. И вот теперь самая страшная, самая гнусная — Сливенская. В каждой тюрьме ее держали в камере смертников и тоже в постоянном ожидании.

Это произойдет в темноте. Они уже знали: приговоры приводятся в исполнение от полуночи до двух-трех часов утра. Поэтому они после вечерней поверки до двенадцати спали, а потом просыпались и ждали. Как-то, несколько месяцев назад, заснули крепко и очнулись от страшного крика, доносившегося со двора. Это казнили какого-то слабонервного мужчину. В ту ночь они решили — придут и за ними. Милка стала молча ходить из угла в угол камеры. А Зара села на нары, ссутулившись, и сказала:

— Лучше бы сразу, чем теперь, когда Красная Армия уже близко...

Та ночь миновала. И в другие ночи они слышали, как монтируют из тяжелых бревен в тюремном дворе «бесилку» — виселицу. Слышали выкрики:

— Прощайте, товарищи! Да здравствует коммунизм!

И вот теперь, когда Красная Армия уже подошла к границам Болгарии, по тюрьме распространился невесть откуда просочившийся слух:

— Все смертные приговоры будут приведены в исполнение!

Когда, этой ночью или завтрашней? Зара только что получила письмо от дочки. Геневева пишет: «Ходим на дорогу, смотрим, как удирают немцы».

Август сорок четвертого года. Арестовали их в конце февраля сорок третьего. Неужели нескольких дней не хватит им до уже брезжущей свободы?

Тогда, перед рассветом 22 февраля, Милку бросили в машину и повезли в полицию, а гестаповцы продолжали обыски и, наверное, засели в квартире, поджидая Гино.

В комнате начальника Пловдивской полиции первым вопросом снова было:

— Где муж?

— Не знаю. Когда я вернулась, его не застала.

— Где передатчик?

— Не знаю ни о каком передатчике.

Ее повалили на землю. Сапогами притиснули к душному ковру. Сорвали туфли и резиновыми прутьями стали бить по ступням ног. Дикая, пронизывающая раскаленными штыками боль. И одна только мысль: «Гино! Только не Гино!..»

— Где муж?

— Не знаю...

И снова мучительные удары.

— Где у него родные?

— У него только брат и сестра в Варне... Больше никого...

Она лежит — комок окровавленного мяса — на ковре. Слышит, как прямо из кабинета по телефону Райнов приказывает блокировать поезд, идущий в Варну. Всех проверять по фотографии.

И снова:

— Где передатчик? Где шифры?

И снова — резиновыми, нанизанными на стальную проволоку прутьями по пяткам. Она теряет сознание. Приносят ледяную воду. Окатывают. Опускают раздувшиеся синие ноги в ведро.

— Где? Где? Где?.. Ты будешь у нас говорить!

Звонит телефон. Милка напрягает слух.

— Обыскали весь поезд? Нет?

И снова к ней:

— А может, он поехал не в Варну?

— Не знаю...

Начальник полиции снимает телефонную трубку:

— Блокировать и обыскать поезд, идущий в Софию!

Там, у софийских гестаповцев, нет, видимо, фотографии Гино, и Райнов описывает его внешность: среднего роста, лысеющий, с усами. Документы на Петра Владимирова Мирчева.

Неужели все напрасно? Который сейчас час?.. Снова телефонный звонок. Райнов слушает. Швыряет трубку. Поворачивается к начальнику полиции Пловдива:

— Опоздали: четыре минуты назад поезд пришел в Софию, и все пассажиры сошли.

Успел!.. Милка проваливается в глубокий обморок.

Приходит в себя уже в каменной камере полицейского участка. И опять допросы. Опять пытки. Но теперь она в душе спокойна. Решила для себя: буду молчать. Решение окончательное, она от него не отступит.

Через два дня ее везут в Варну. На ноги Милка ступить не может. Ее вносят в машину, схватив в охапку.

В Варне все начинается сызнова. Но теперь спрашивают не только о Гино и о передатчике: о Заре, о Михаиле, где обучалась, что передавала. Она прикидывается простушкой, отвечает: родом из Бессарабии, неграмотная, работать на рации заставил муж, она не могла его ослушаться. Кажется, ей верят. И уж подавно никто не догадывается, что она из Москвы, из Центра.

Потом очная ставка с Зарой. Подруга тоже изуродована побоями. Но взгляд открытый, голову не гнет, отвечает точно то же, что и Милка.

— Напрасно вы выкручиваетесь, — ухмыляется следователь. — Другие все признали.

Он зачитывает им отрывки из показаний Михаила. Да, тот все признал. Со скрупулезной точностью рассказал и о Гино, и о Милке, и о Заре. Хорошо еще, что знал он не так уж и много. Следователь бахвалится:

— Я дал ему пистолет и сказал: «Или застрелись — или пиши». Он раздумывал только минуту. Начал строчить, не остановишь. А пистолет-то был незаряженный, ха-ха-ха!

Милка решает: нужно облегчить участь Зары и всех, кто может быть еще арестован.

— Я тоже кое-что скажу. Записывайте!

Зара с презрением смотрит на нее.

— Записывайте. Зару обучала я. По требованию мужа я заставила ее работать, потому что она должна была нам деньги. Муж Зары Стойко ничего о нашей работе не знал. Он человек неграмотный. И никогда не видел, как мы работали.

И все в таком же духе. Следователь только поспевает записывать.

Следствие продолжалось 68 дней. Потом — тюремная камера. Оставили в покое, больше не бьют и не возят на допросы.

И вот суд. Военно-полевой. За столом офицеры. Перед ними разложены вещественные доказательства: найденные у Зары передатчики, радиоприемник, донесения. В зале суда — полицейские и гестаповцы и лишь несколько ближайших родственников арестованных. Среди них и Геневева.

На скамье подсудимых — Милка, Зара, ее муж, торговец молоком Дикран Канонян, Василь Карагозов и Михаил.

Михаил обособился, не поднимает на них глаза. Лицо черное. «Вроде бы тебя и не били... — смотрит на него Милка. — Или раскаяние точит? Может, и вымолишь пощаду».

Судебное разбирательство длится недолго. После короткого перерыва председательствующий, капитан, торжественно зачитывает:

— «Приговор № 340. От имени Его Величества Бориса III, царя болгар, сегодня, 17 июня

1943 года, Шуменский военно-полевой суд на судебном заседании в Варне под председательством...»

Милка слушает, одновременно сосредоточившись на том, что происходит в этот момент внутри ее самой. Странно: она спокойна. Как будто то, что говорит капитан, не имеет никакого отношения к ней.

— «...Слушалось дело по обвинению Гино Георгиева Стойнова, Милки Петровой Владимировой, Зары Стойковой Георгиевой, Дирана Педроса Каноняна, Стойко Георгиева Стойнова...»

«Ага, так и не узнали мое настоящее имя!»

— «...В судебном заседании присутствуют все подсудимые, за исключением подсудимого Гино Георгиева Стойнова...»

«Да, ушел Гино! Где он сейчас, в эту самую минуту? Сидит с наушниками за рацией и передает донесения в Москву? Или в партийном подполье, в партизанском отряде? Что бы он ни делал, но он жив, он борется, и, значит, мы тогда поступили правильно. Всегда лучше, когда вместо двух солдат падает в бою только один, когда командир остается на посту...»

— «...Суд приговорил: подсудимого Гино Георгиева Стойнова за то, что с 1941 года по февраль 1943 года в интересах Советского Союза он собирал и передавал сведения военного и политического значения, представляющие государственную тайну; Милку Петрову Владимирову, уроженку села Курча Измаильской околии Бессарабии, болгарку, православную, домохозяйку, первую помощницу мужа, посвященную в его деятельность и со своей стороны вложившую все усилия для успешного ее выполнения...»

Да, все усилия, вся ее жизнь отданы борьбе. И даже сейчас она ни на мгновение не жалеет об этом...

— «...Михаила... К смертной казни через повешение не публично и к штрафу по одному миллиону левов, который заменяется, если не смогут оплатить, шестью месяцами тюремного заключения, и к лишению гражданских прав навсегда...»

Милке странно: какой штраф, какие полгода, при чем тут лишение прав, если им — смертная казнь?

Капитан продолжает:

— «Дирана Педроса Каноняна — к пятнадцати годам тюремного заключения... Стойко Георгиева Стойнова — к двум годам тюремного заключения...»

И особенно торжественно:

— «Приговор прочитан сегодня, 17 июня 1943 года, в 16 часов в городе Варна и подлежит немедленному выполнению».

Значит, все. Без обжалований, без ожиданий...

После суда им дают короткое свидание с родственниками. У Милки здесь никого нет. А Заре на эти минуты понадобится все ее самообладание. Она держится спокойно. Обняла Геневеву, говорит:

— Не тревожься. Тебя не оставят. Есть кому позаботиться о тебе.

Их выводили из суда попарно скованными наручниками. На улице собралась толпа.

В камере Заре дали листок бумаги для последнего письма. И тут она не выдержала, разрыдалась.

«Приговор подлежит немедленному исполнению». Наступила ночь. Первая ночь ожидания. Но дата суда совпала с днем рождения сына царя, принца Семеона. Может быть, поэтому и не привели в исполнение. Но, может, были какие-то другие причины. А потом началось их путешествие из тюрьмы в тюрьму, из одной камеры смертников в другую.

И вот ползущий по сырым коридорам Сливенской тюрьмы слух: приговор все же будет приведен в исполнение.

Зара, грохнув кулаком по доске нар, повторяет уже сказанное ею однажды:

— Лучше бы сразу, чем теперь, когда Красная Армия совсем рядом!

— Тише!..

Они прислушиваются. Окно высоко под потолком камеры. Но оно обращено во двор тюрьмы. И слышно, как шаркают тяжелые шаги и скрипят тяжелые бревна. Милка и Зара понимают, что означают эти шаги и этот скрип: в тюремном дворе будут монтировать «бесилку» — виселицу.

9

Ночь с 7 на 8 сентября 1944 года. Воздух наэлектризован и тяжел, как перед грозой. По тюрьме слухи: Советский Союз объявил войну фашистскому правительству Болгарии. Войска 3-го Украинского фронта с часу на час перейдут в наступление. В царской армии брожение — солдаты не хотят воевать против Красной Армии.

А за стеной камеры смертников — шаркающие шаги и скрип тяжелых бревен. Во дворе монтируют «бесилку»... Нервы уже не выдерживают. Вот-вот сорвется крик отчаяния.

— Спокойствие, Зара, спокойствие! — Милка говорит слова, которые в такие минуты произносил Гино. И ей самой делается легче.

Шаги. Шаги... Тишина. Теперь они не могут отвести глаз от окованных железом дверей. Лязгает запор? Откроется дверь?.. Войди сейчас палачи, женщины бросились бы на них, как дикие кошки, и оторвать их могли бы лишь замертво.

Но ночь проходит спокойно. А к утру за стенами тюрьмы собирается бушующая толпа:

— Товарищи, Красная Армия вступила в Болгарию! Никакого сопротивления! Уже освобождена Варна!

И тысячеголосый рев:

— Свободу патриотам!

Лязгают двери камер. Топочут ноги. Ликующие голоса, рыдания. Но их камера на запоре, как и прежде. И соседняя, и третья — все камеры смертников. За стеной грозный гул голосов:

— Не уйдем, пока не выпустите осужденных на казнь!

Но проходит еще несколько часов, прежде чем распахивается заклятая дверь.

Свобода! Боже мой, какое это чудесное слово — свобода! Солнце над головой. И ветер.

и люди. Нет сил сделать навстречу всему этому хоть один шаг. Это испытание трудней, чем когда бьют резиновыми прутьями по ногам.

Их подхватывают на руки и несут — к солнцу, на ветер, в толпу кричащих людей...

И уже позднее Милка и Зара узнают: действительно, фашистское правительство, отсчитывавшее последние свои часы, отдало приказ по тюрьмам о приведении в исполнение всех смертных приговоров. Но Центральный Комитет Болгарской рабочей партии своевременно узнал о планах реакции и принял решение: встретиться в открытую с представителями правящих кругов. Встреча произошла на одной из дач под Софией. От имени коммунистов и Отечественного фронта реакционеры были предупреждены:

— Если вы посмеете осуществить свою подлую акцию, учтите — мы расплатимся с вами высшей мерой.

И в последнюю минуту правительство испугалось. Приказ был отменен.

Сразу же после освобождения Милка и Зара расстались. Зара поехала в деревню, где у родственников была ее дочь. Взяла Геневеву — и домой, в уже освобожденную Варну.

А Милка устремилась в Софию, на поиски Гино. По дороге, в одной из деревушек под Плевеном, встретилась с передовыми частями Красной Армии, наступавшей без боев, без единого выстрела, осыпаемой цветами и виноградными лозами. Не выдержала. Выдерживала под пытками и в часы страшных ожиданий. А тут в слезах бросилась к солдатам в пропотевших гимнастерках, небритым и улыбающимся. Красная Армия катила на машинах и танках. Ее армия. Она такая же, как эти солдаты, только нет на ее плечах порыжелых полевых погон, нет пилотки со звездочкой. И никому, даже этому генералу, седому и багровому от загара, Милка не вправе сказать, кто она. До часа, пока не разрешат сказать, об этом не будет знать никто, кроме Гино и ее товарищей по работе.

Через день она была уже в Софии, в доме матери. Что говорить об этой встрече?.. В первую же минуту здесь вернулось к ней настоящее ее имя — Свобода. Но она не могла так просто отказаться от Милки.

И в первую же минуту она узнала: нет больше Гино, погиб. Он убит в бою всего три месяца назад. Она начала по крупицам собирать свидетельства о его жизни за эти полтора года и о его смерти. Гино так и не смог установить связи с Центром. Но он разыскал партийное подполье и стал выполнять задания Центрального Комитета. Дом матери Свободы превратился в явочную квартиру ЦК. По заданию оргсекретаря и члена Политбюро Цолы Драгойчевой Гино смонтировал радиоаппаратуру для Центрального Комитета, передатчики для связи со всеми областными комитетами партии. Пригодился и его опыт разведчика. Весной 1944 года Гино был направлен в Радомирский партизанский отряд. Там его знали как Александра Стойкова, зубного врача. В мае под деревней Дебели Лак отряд попал в окружение. Гино и еще пятеро партизан прикрывали отход остальных. Они отстреливались, пока отряд не скрылся в горах. Все они были тяжело ранены. Фашисты их схватили, отвезли в Радомир и там запытали до смерти. Несколько дней их трупы были выставлены на городской площади...

7 ноября 1944 года останки Гино Георгиева Стойнова — советского разведчика и болгарского патриота — были торжественно перезахоронены в центре Софии в братской могиле вместе с прахом руководителей Болгарской компартии, погибших в борьбе с фашизмом.

В этот день, 7 ноября 1944 года, на другом краю земли, за стенами токийской тюрьмы Сугамо оборвалась жизнь соратника Гино по борьбе, такого же, как и он, интернационалиста-коммуниста Рихарда Зорге.

В этот день, в 27-ю годовщину Великого Октября, Красная Армия уже освобождала Польшу, Чехословакию, Югославию — все страны Восточной Европы, вела бои в Финляндии и Норвегии, в Восточной Пруссии.

В этот день на весь мир звучали слова: «...Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, офицеры и генералы! Трудящиеся Советского Союза! В Великой Отечественной войне мы отстояли свою Родину от захватчиков, окончательно ликвидировали угрозу порабощения народов СССР фашистскими извергами и стоим теперь накануне полной победы! В ознаменование исторических побед Красной Армии на фронте и великих успехов рабочих, крестьян, интеллигенции в тылу, в честь освобождения советской земли от немецко-фашистских захватчиков ПРИКАЗЫВАЮ:

Сегодня, в день 27-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, в 20 часов произвести салют в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Петрозаводске, Таллине, Риге, Вильнюсе, Кишиневе, Тбилиси, Севастополе, Львове двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами.

В этот день, в 27-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции!

Да здравствует наше свободное Советское Отечество!

Да здравствует наша Красная Армия и Военно-Морской Флот!

Да здравствует великий советский народ!

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!..».

Грохотали над Москвой и освобожденными городами орудийные салюты. И хотя еще не знали мы имена ни Зорге, ни Гино, ни других безымянных солдат-разведчиков, но залпы гремели и в их честь — в честь бойцов и героев невидимых фронтов, внесших свой вклад в грядущую великую Победу.

Эпилог

София. Улица 6-го сентября, № 17... В дверях — немолодая женщина в строгом платье, с коротко стриженными волосами. В руках у нас фото. Между снимком и этим днем более четверти века. Но нет нужды спрашивать: тот же овал лица. Та же прическа. А прежде всего — те же глаза: серые, спокойные.

— Здравствуйте, Свобода Михайловна!..

Так недавно мы встретились с героиней нашей документальной повести.

И уже на следующий день «Волга» мчала нас из Софии на юг — во все места, где работали Милка, Гино и их боевые друзья.

Многие места Свобода Михайловна увидела тоже впервые с той отдаленной десятилетиями поры. Волнуясь, обрывая дыхание, карабкалась она по отвесному склону берега в Южной Добрудже у селения Карапча — места, где вновь ступила она на берег родины 28 ноября 1940 года. Под ногами, как четверть века назад, скрипели каменная крошка, песок, ракушки. Накатывались на берег гряды волн, выметая косы водорослей. Трава была колючая, выжженная солнцем, а за гребнем берега лежала золотая долина с уже скошенным, сложенным в скирды хлебом. Морской ветер трепал волосы. Свобода Михайловна стояла у кромки воды, на гребне берега. Мы не нарушали ее молчания...

Потом в Добриче, на улице Царя Колояна, 20 — с этой квартиры впервые заговорила с Центром их рация — к Анчевой бросилась, узнав, пожилая женщина, соседка Стояика Копева.

— Милка!

Они целуются. У обеих на глазах слезы.

— Милка, я сразу тебя узнала, хоть ты и стала такой представительной дамой!

Варна, красавец курорт, притягивающий к себе туристов со всего мира. Многоязыкие пестрые толпы. Скопища машин. Белые корабли на рейде и на горизонте. Указатели: «Солнечный берег», «Золотые пески»... Трудно представить, что с этого рейда уходили сеять смерть вражеские корабли и подводные лодки, что были здесь страшные фашистские застенки... Так же трудно, как узнать в гостеприимной, плачущей от нахлынувших воспоминаний пожилой женщине мужественную Зару, с честью выдержавшую поединок с гестапо.

Да, много воды утекло... У Стойковых теперь не хибарка у сточного канала, а прекрасная квартира в центре Варны. И сама Зара уже давно бабушка: у ее Геневевы, мужественной девочки, нашедшей в себе силы предупредить Милку об аресте матери, уже свои дети — семнадцатилетняя Бистра и тринадцатилетний Владимир. Много воды утекло, и слезы на глазах, но Зара по сей день осталась такой же, какой была всю жизнь. Уже через полмесяца после освобождения из тюрьмы она снова включилась в партийную работу. Последние тринадцать лет, до пенсии, работала в органах народной милиции, была бессменным депутатом горсовета. Да и сейчас она — внештатный инструктор горкома партии. Награждена высокими орденами — «Девятого сентября» и «Народной Свободы». Удостоена почетного звания активного борца против фашизма. А Стойко и по сей день работает строймастером...

Мы возвращались с побережья в Софию. По дороге заехали в Пловдив, вышли у дома 30а на углу улицы Бунтовнишка. Отсюда Милка и Гино вели последнюю передачу. Отсюда Милка провожала мужа на вокзал и здесь провела страшную ночь, ожидая ареста. Все так: и широкое трехстворчатое окно на улицу, и низкий потолок, и печь, в которой прятали передатчик... Только квартира отремонтирована заново, и живут в ней другие люди. С удивлением смотрели они на нас, нежданно напросившихся в гости и пристально разглядывающих окно, печь, ступеньки в прихожей... За окном уже не окраина. Пловдив раздвинул плечи: дома, дома. В душе мы кляли себя за то, что вновь обрушили на Свободу Михайловну переживания. Но, может быть, и нужно возвращаться к прошлому, чтобы ценить настоящее...

В дороге Свобода Михайловна рассказывала: сразу же после возвращения в Софию горком партии направил ее переводчицей в одну из частей Красной Армии, вступивших в столицу Болгарии. Переводчицей она была до первого ноября 1944 года. А затем пошла работать на завод инженером — она же имела диплом Московского станкоинструментального института. Так с той поры и работает. Ныне — в министерстве путей начальником отдела железнодорожной промышленности. А дома у нее стоит на тумбочке тот же самый радиоприемник «Телефункен», с помощью которого она и Гино передавали донесения в Центр...

У Свободы Михайловны небольшая, но дружная, хорошая семья. Муж трудится на том же заводе, куда она пришла инженером после освобождения. Двое детей-школьников: семнадцатилетняя Людмила и четырнадцатилетний Петр. Да, жизнь залечивает раны. И те, кто пал, пали во имя жизни...

Перед встречей с нашей героиней мы разыскали в военных архивах документы о «Милке» — Свободе Михайловне Анчевой. Вот один из них: «Тов. Анчева на протяжении всей войны находится в тылу противника, выполняя задания особой государственной важности. Своей честной и безупречной работой, сопряженной повседневно с исключительным риском, тов. Анчева, своевременно и регулярно информируя командование по интересующим вопросам, активно помогает разгрому немецко-фашистских захватчиков...»

СВИДАНИЕ БЕЗ ЛЮБВИ

Операция, о которой будет рассказано, разрабатывалась очень тщательно. Ее авторы и организаторы рассчитывали на большой успех.

В марте 1944 года в Мирском районе Барановичской области бойцы оперативной группы НКГБ «За родину» задержали двух неизвестных. Они сопротивления не оказали, наоборот, бросились обнимать дозорных, всячески выражали свой восторг по поводу того, что попали к партизанам.

Партизанские часовые, естественно, от объятий уклонились и доставили задержанных к командиру группы Дмитрию Михайловичу, или просто Михайловичу, как звало его окрестное население. Пришельцы кинулись с объятиями к командиру.

— Отставить! — прервал шумные излияния Дмитрий Михайлович. Человек по природе и по роду своей работы сдержанный, он не очень любил бурные демонстрации чувств. — Кто вы?

— Представители «Центрального комитета освобождения Западной Белоруссии», — справившись, наконец, с волнением, с достоинством представились неизвестные.

— Не слышал о таком, — задумчиво произнес Михайлович. — Каким образом попали в нашу зону?

— У «Центрального комитета» имеются сведения о деятельности партизанских соединений. Конечно, не о вашем конкретно, а в целом о границах партизанских районов. А здесь мы наткнулись на ваши дозоры.

Михайлович встревожился. Кто бы ни скрывался за наименованием «Центральный Комитет освобождения Западной Белоруссии», плохо, что им удалось раздобыть сведения о дислокации партизанских соединений. Законы конспирации святы.

Разговор шел в штабной землянке: колченогий столик, пни вместо стульев, оружие, неприхотливое партизанское имущество. Кроме Михайловича, присутствовали начальник штаба, несколько командиров.

— Хотим разговаривать наедине, — заявили неожиданные гости.

— От этих товарищей у меня секретов нет, — кивнул Михайлович в сторону командиров.

Пришельцы были снабжены добротными документами, выданными оккупационными властями на фамилии Зайцева и Михиева. Аусвайсы лежали на столе. Рядом белым квадратом врезались в стол листы бумаги — письменное обращение «ЦК ОЗБ» к Советскому правительству, Верховному командованию и командованию партизанских соединений в Белоруссии. Обращение пришельцы передали командиру группы, распоров подкладки пиджаков.

— Жизнью не раз рисковали ради этих листочков, — многозначительно сказал при этом Зайцев.

Это решительно не понравилось Михайловичу — храбростью не похваляются, рискуя, цену себе не набивают.

В обращении говорилось о желании «ЦК ОЗБ» в целях совместной борьбы с оккупантами установить тесные контакты с партизанскими соединениями. Написано оно было гладко, обтекаемые фразы катились как круглые камешки, не цепляя ни сердце, ни мысль, — ничего конкретного. Зато было много общих советов партизанам, как вести борьбу с фашистами. По тону чувствовалось, что «ЦК ОЗБ» считает себя если не главным штабом, то, во всяком случае, чем-то вроде директивного органа, имеющего право приказывать и распоряжаться. Подписано обращение было фамилией, неизвестной Михайловичу, — Б. Ваксов.

Естественно, что Михайлович и его товарищи знали почти все организации и группы, активно сражавшиеся с фашистскими захватчиками. Однако в этом «списке», который хранился только в памяти, «ЦК ОЗБ» не было. Но не исключалось, что в условиях общенародной войны, когда буквально каждый день патриоты создавали все новые и новые отряды и подпольные организации, возникла также где-то и группа, назвавшая себя «Центральным комитетом».

Михиев и Зайцев не скупились на рассказы о заслугах «ЦК ОЗБ» в борьбе с оккупантами. Если им верить, то выходило, что это была организация, объединяющая чуть ли не всех мужественных борцов на территории Западной Белоруссии. Они назвали несколько групп, фамилии руководителей подпольных организаций, командиров отрядов. Но чем дальше слушал гостей

Михайлович, тем больше мрачнел: чекисты располагали сведениями, что эти партизанские вожаки попали в руки гестапо.

— Вот что, — сказал решительно командир, — мы вам не верим. Если бы «ЦК ОЗБ» действительно боролся против гитлеровцев, мы бы об этом знали — это раз. Два: документы у вас липовые — слишком хороши, новенькие, только что из аккуратной немецкой канцелярии. Давайте начистоту: зачем пожаловали?

Михеев и Зайцев возмутились. И возмущение их выглядело бы вполне натурально, если бы перед ними были менее искушенные люди. Но Михайлович прошел солидную чекистскую школу, его помощники тоже были не новички в своем деле — годы партизанской борьбы закалили их, научили по едва уловимым признакам отличать друзей от врагов. Чекисты спокойно, не без некоторого интереса выслушали излияния Михеева и Зайцева.

— Сейчас, когда для нашей Белоруссии настали тяжелые времена, мы должны сделать все, чтобы...

— Поздновато спохватились,— прервал командир, — Белоруссия скоро будет полностью освобождена Советской Армией. Конечно, никогда не поздно начать сражаться с врагом... Расскажите подробно, где находится ваш Центральный комитет, кто в него входит, какими силами располагаете. Только без лирики — называйте факты...

— Мы не имеем права разглашать эти сведения...

— Зачем же тогда пришли? Надеюсь, вы не сомневаетесь, что попали к партизанам? А вот мы не верим, что вы те, за кого себя выдаете, и предоставляем возможность доказать обратное. Учтите, что законы военного времени суровы...

Зайцев тоскливо осмотрелся, и Михайлович поймал этот взгляд. Крепла мысль, что дело здесь не чисто. Но «Центральный комитет», видимо, действительно существовал. Выполнял только не те функции, о которых декларировали Михеев и Зайцев.

Надо было распутывать моток. Тоненькая ниточка — эти двое. Только дело необычайной важности могло заставить их добровольно отправиться к партизанам. Тем необходимее докопаться до истины... Они очень напуганы — видно по лицам, но еще держатся, твердят, что присланы для установления общих контактов — на большее полномочий не имеют.

— Считайте, что общие контакты установлены, — усмехнулся Михайлович, — теперь перейдем к «частностям». — И жестко потребовал: — Фамилии руководителей вашей организации! Ну!

— Мы будем протестовать! — вскинулся Зайцев.

— Пожалуйста. Но это потом. А сейчас отвечать на вопросы! Быстро. Точно. Кто вас послал?

— Центральный комитет...

— Хватит. Учтите, мы имеем возможность проверить каждое ваше слово. Вертеть не советую. Кто вас действительно послал в партизанскую зону?

— Ваксов...

— Это псевдоним. Назовите настоящую фамилию!

— Не знаем...

Они действительно могли не знать...

Управление полиции безопасности и СД «Генерального округа Белоруссия» размещалось в Минске, в здании университетского городка по улице Советской. В один из дней в кабинет начальника управления вошел прибывший из Барановичей оберштурмфюрер СС Шлегель.

— Операция осуществляется по заранее разработанному плану, герр оберфюрер! — доложил он.

— Рассказывайте, — оберфюрер СС Эрлингер весьма благосклонно относился к Шлегелю, за которым прочно укрепилась репутация специалиста по партизанским делам.

Оба были опытными кадровыми разведчиками — не чета выскочкам, выравшимся к руководящим должностям в полиции безопасности благодаря связям или высокопоставленным родственникам.

Эрлингер гордился тем, что с самого начала войны находился на «передовых позициях» борьбы с партизанами и большевистским подпольем. С декабря 1941-го возглавлял полицию безопасности и СД «Генерального округа Киев». «Отличился» в борьбе с украинскими партизанами. Однако сам признавал, что его усилия не принесли желательных для рейха результатов — партизанское движение на Украине росло, и никакие репрессии и хитроумные агентурные комбинации не могли приостановить этот рост. В сентябре 1943-го Эрлингера перевели в Минск, повысив в звании. Новый «шеф», начав с кровавых расправ над мирным населением, потребовал от своих подчиненных усиления агентурной «работы».

— Ищите тех, кто мог бы нам служить, — требовал он. — Безразлично почему: за деньги, из-за будущего надела земли, спасая жизнь. Ищите!

И полиция безопасности рьяно выискивала предателей, отщепенцев. В штабе Эрлингера имелся специальный отдел Н, который стремился накинуть на оккупированную Белоруссию широкую сеть из шпионов и провокаторов. Сведения, собранные агентурой, отдел Н передавал оперативному штабу по борьбе с партизанами и соответствующим рефератам III и IV отделов. По ним осуществлялись карательные акции: уничтожались тысячи людей, сжигались села, огромные территории превращались в зону смерти.

III отдел возглавлял Шлегель. Его послужной список выглядел не менее «солидно». В 1939—1940 годах работал в офицерской школе СС в Варшаве, после чего около года находился в берлинской школе контрразведки. В конце 41-го был направлен в Минск в распоряжение руководителя контрразведки оккупированной Белоруссии полковника Гойзера. Потом был переброшен в Вилейскую область в распоряжение гестаповца Мартенса, оттуда — в Киев, для подготовки агентуры, оставляемой фашистами на освобождаемых Советской Армией территориях Украины.

Перед тем как снова очутиться в Белоруссии, Шлегель был отозван в Берлин, где участвовал в «семинаре», которым лично руководил Гиммлер. Воспоминания об этих днях надолго остались в душе у Шлегеля. Вызов на такой «семинар» означал принадлежность к высшей, наиболее доверенной и проверенной касте разведчиков — к «избранным». Шлегель любил в разговоре неожиданно ввернуть: «помню, рейхсфюрер нам говорил...» Это действовало безотказно и на на-

чальников и на подчиненных. Подчиненные почтительно вытягивались в струнку, начальство становилось добрее.

После «семинара» Шлегель, заручившись личным письмом Гиммлера, побывал в Загребе, Кракове, Праге, выполняя особые поручения шефа гестапо. Какой они носили характер, можно только предполагать. Одно несомненно: опыт у Шлегеля по части кровавых карательных акций и стряпне различных авантюр был поистине международный.

...— Докладывайте, — приказал Эрлингер.

Шлегель начал рассказывать о ходе операции. Он педантично перечислил все мероприятия, осуществленные его отделом. Подобраны агенты. Разработаны и опробованы способы связи (в том числе и запасные варианты). Те, кто будет играть роль «первых фигур», тщательно проинструктированы. Среди населения распущены соответствующие слухи.

— Этих, из националистов, привлекли? — спросил Эрлингер.

— Да. Они основные действующие лица.

— Учтите, что глуповаты. Настроений населения не знают. Могут переусердствовать и все испортят...

— Предусмотрено, герр оберфюрер. Работают только под нашим контролем.

— Очень хорошо. Посадите их на укороченный поводок, этих «борцов за самостоятельность». Помните: вы лично рискуете головой не в переносном, а в буквальном смысле слова. В случае удачи мы можем надеяться на значительный политический выигрыш.

— Понятно, герр оберфюрер...

...Михайлович вызвал к себе одного из чекистов своей группы.

— Пойдешь в Барановичи.

Чекист промолчал. Раз надо, так надо.

— В Барановичах находится некий «Центральный комитет освобождения Западной Белоруссии». Что скрывается за этой вывеской, мы не знаем. Именно это необходимо выяснить... О чем думаешь? — неожиданно спросил командир чекиста.

Впрочем, Михайлович догадывался, о чем думает чекист. Путь в Барановичи не близкий. Десятки километров измордованной врагом белорусской земли. Патрули, засады, облавы. Память удерживает немногие фамилии и адреса — по ним можно обратиться только в крайнем случае. Но раз надо, так надо...

Командир протянул чекисту клочок бумаги:

— Запомни и уничтожь. Это адрес явочной квартиры «ЦК ОЗБ». Туда пойдешь после того, как у наших людей узнаешь, что это за организация. Но пойдешь в любом случае. Твоя задача — установить с ними связь, назначить встречу с руководителями. Где — сейчас условимся. Желательно, чтобы на встречу к нам пришли действительные руководители, а не подставные лица...

— Есть, Дмитрий Михайлович!

— Не внушает нам доверия это «ЦК ОЗБ». Михеев и Зайцев пока молчат, но уже видно, что это какая-то комбинация. Кто ее проводит? Зачем? С какими целями? Все это необходимо выяснять. Можно было бы задержать их связников, и дело с концом. Но кто знает, не всплывет ли что-нибудь подобное в другом месте? Если это провокация, надо разоблачать ее до конца. Поэтому и приходится рисковать.

Перед уходом в Барановичи чекист долго разговаривал со связными «ЦК ОЗБ». На первый взгляд это был ничего не значащий разговор. Однако в его ходе время от времени всплывали детали, которые могли пригодиться. Там, в «ЦК ОЗБ», надо было создать впечатление, что их связные благополучно добрались до партизан, им поверили и теперь партизанское командование предпринимает усилия для налаживания связи со своей стороны.

Чекист сдал оружие и ушел в рейд.

...Нам придется отступить от общего хода повествования, чтобы рассказать о некоторых событиях, происходивших в то время в оккупированной Белоруссии. Белоруссия была объята пламенем партизанской войны против оккупантов. Но нашлись люди, которые предали свой народ. Белорусские буржуазные националисты с рвением выполняли приказы гестапо, служили на крупных и мелких шпионских должностях.

В обозе у гитлеровцев притащился бывший слуцкий помещик Островский. Он стал «президентом» так называемой «Белорусской центральной рады» — националистического органа, сформированного с благословения генерального комиссара фон Готберга. Патриоты назвали ее «центральной здрадой» *.

Националисты сформировали и так называемый «Союз белорусской молодежи». О том, что это был за «союз», достаточно красноречиво говорит одна из его листовок: «Молодежь! «СБМ» призывает вас на добровольную службу Германии, стать плечом к плечу с немецкой молодежью на фронтах в Европе».

В ответ на эту стряпню Минский подпольный горком ЛКСМБ обратился к белорусской молодежи с листовкой, в которой спрашивал:

«Кто может забыть пять тысяч расстрелянных минчан в районе Тростянец?..

Кто может забыть, что тысячи юношей и девушек, отправленных в Германию, умерли от непосильного труда и голода?

Кто может забыть тысячи мирных жителей, замученных в застенках минского гестапо?

Никто этого не забудет!»

«Прочь кровавые руки предателей из «СБМ» от нашей молодежи!» — потребовали комсомольцы.

Буржуазные националисты лезли из кожи вон, чтобы услужить оккупантам. Однако фашисты видели, что все эти «рады», «самопомощи» и т. п. не оправдывают тех средств, которые они на них тратят. Об этом шеф полиции безопасности неоднократно говорил предателю Островскому.

Островский оправдывался прошлыми заслугами. А их у главарей националистов было немало. Один только Езовитов какую школу прошел! С 1917 года входил почти во все националисти-

* Здрада — измена (белорус.).

ческие «рады» и «конгрессы», личная карточка его находилась в картотеках многих империалистических разведок.

Но прошлое — это только прошлое. А белорусские партизаны сегодня поджаривали оккупантов буквально со всех сторон.

«Дайте что-нибудь реальное!» — требовали от предателей в гестапо. Но что могли они, оторвавшиеся от народа, предавшие его, презираемые и ненавидимые народом? Своя бы шкура уцелела...

И тогда к разработке очередной авантюры с участием белорусских буржуазных националистов подключился матерый разведчик Шлегель.

...Связной группы «За родину» благополучно добрался до Барановичей. Он шел не по тем явкам и паролям, которые назвали Михнев и Зайцев, — это означало бы с самого начала поставить себя под наблюдение и контроль чужих. Несколько дней ушло на встречи с нужными людьми из Барановичского подполья. И только после этого чекист воспользовался явкой «ЦК ОЗБ», чтобы войти в контакт с его представителями. Чекиста не ждали. И то, ради чего он шел через засады, — встреча с руководством «Центрального комитета», — откладывалось со дня на день. У своих же людей удалось узнать немногое. Да, в городе шепотом поговаривали о существовании какого-то «ЦК». Но кто в него входит — неизвестно. А в Барановичах обстановка была тревожной. В городе систематически появлялись листовки, население, предчувствуя близкое освобождение, не скрывало своей ненависти к оккупантам. Гремели взрывы на предприятиях, почти вплотную к городу подходили партизанские отряды. А облавы катились волнами, и лучшие люди попадали в гестаповские застенки. Подпольные группы патриотов тщательно конспирировались.

— Чем вы докажете, что не подосланы гестапо? — спросили у чекиста на явке «ЦК ОЗБ».

— Ничем! — пожал плечами чекист. — И доказывать ничего не собираюсь...

— Кто вас знает в городе?

— Никто. Я здесь впервые.

— Тогда какие дела привели вчера вас на железнодорожную станцию?

— Справлялся по поводу работы. Должен же быть какой-нибудь предлог для появления в Барановичах.

Накануне связной ненадолго ушел в город. Ему хотелось проверить, потащится ли за ним «хвост».

«Значит, — подумал он, — слежка все-таки установлена. Следил, очевидно, тот тип в стеганке, что отирался вчера рядом».

— Вам приказано дожидаться встречи здесь, на квартире. Выходы в город запрещены.

— Ваши приказы на меня не распространяются. У меня свое командование. Но если так надо для дела — пожалуйста...

Разговор происходил в домике на окраине Барановичей. Домик стоял на отшибе, пройти к нему незамеченным было невозможно, и это чекисту понравилось. Но в доме постоянно появлялись какие-то личности, таинственно шептались с хозяином — это уже партизанского связного удивляло. Были и другие нарушения конспирации: по улице шатались какие-то парни, бесцеремонно заигрывали с торопящимися по своим делам девушками.

Чекист от нечего делать сидел у окна, и ему хорошо были видны и эти парни и девушки. Девушки боязливо сторонились парней. «Разговаривают как с незнакомыми», — отметил чекист. Эти и другие детали вызывали мысли о грубой работе. Раздражал и предупредительный (слишком предупредительный!) хозяин, то, как мягкими, нерабочими руками раскладывает он растопку в печке, как «интеллигентно» чистит картошку «в мундирах». «Не конспирация, а оперетта какая-то», — размышлял чекист. И когда через несколько дней ему сказали, что встреча с руководителем «ЦК ОЗБ» состоится завтра, он облегченно вздохнул: кончалось вынужденное безделье.

На следующий день партизанский связной и хозяин отправились в центр города. Здесь на одной из улиц находился двухэтажный дом — старый, еще дореволюционной кладки. У подъезда их остановили. Хозяин тихо произнес несколько слов — очевидно, пароль. В небольшой квартирке, очень просто, даже бедно обставленной, чекиста встретил высокий лысоватый человек: голубые глаза, тщательно зачесанные назад редкие волосы, штатский поношенный костюм сидит мешком. Это был Ваксов.

— Извините, что задержал со встречей, — сказал он после обмена приветствиями. — Был там... — неопределенный жест в пространство. — Ну что же, приступим?..

Чекист передал пожелание своего командования встретиться где-нибудь в партизанской зоне.

— Там удобнее: в городе на каждый десяток метров — по агенту гестапо.

Ваксов задумался.

— В том, что вы говорите, есть смысл. Однако необходимо все тщательно взвесить: мое отсутствие даже на день-два может отрицательно сказаться на многих событиях.

Иными словами, Ваксов не соглашался с предложением партизан, но и не отвергал его категорически.

Он начал расспрашивать о партизанской зоне, командирах отрядов, системе связи. Чекист сказал:

— Все, что необходимо, вам сообщит мой командир. Мое дело — установить с вами связь...

— Что-то больно скрытничаете! — нахмурился Ваксов. — Ведь заботы-то у нас общие. Не нравится мне все это. Кто в городе может подтвердить, что вы тот, за кого себя выдаете?

— Я уже один раз сказал — никто. Да и почему, собственно, кто-то должен удостоверять мою личность? Я пришел на вашу явку, зная ваши пароли. Их могли сообщить нам только Михнев или Зайцев.

— А где гарантия, что наших связных не перехватило гестапо? В последнее время прошла волна облав. Придется вас задержать... — глаза Ваксова забегали, зашарили по комнате. Из-за занавески вышел плечистый малый — рука в кармане.

— Не советую, — спокойно сказал чекист. — Не забывайте, что Михнев и Зайцев у нас...

...Через несколько дней он докладывал Михайловичу:

— Ваксов хотел припугнуть. Но когда убедился, что этот номер не проходит, начал разговаривать очень по-деловому. Место встречи с

руководителями «ЦК ОЗБ» согласовано. Должен прийти лично Ваксов. Путь и пароли я назвал на основе ваших распоряжений.

— Что говорят в городе?

— В Барановичах ничего конкретного об этой организации не знают. Все слухи о ней из очень ненадежных источников...

— Вы связывались с окружным антифашистским комитетом?* Может, это их люди?

— С представителями комитета встречался — сведениями не располагают. Наоборот, просят сообщить, как только мы расшифруем «ЦК ОЗБ».

— Ваши личные впечатления?

— Смахивает на провокацию. Непонятно только, зачем такие сложности...

И чекист изложил все, что видел за эти дни.

...Шлегель собрал ближайших сотрудников. Он был недоволен. Ровным, бесцветным голосом излагал претензии:

— От вас на версту несет переодетыми сотрудниками полиции безопасности. Какие вы подпольщики? Мы снабдили вас всеми необходимыми сведениями, подобрали помещение, устранили патрули... А вы что делаете? Девок щупаете? Дармоеды!

«Дармоеды» относилось к союзникам гестаповцев из националистов.

Шлегель распорядился, чтобы агентура отделений в Слониме, Ганцевичах и Новогрудке** развернула поиски членов «ЦК ОЗБ». Это лучший способ заставить партизан поверить в существование новой подпольной организации.

— И шевелитесь, господа, шевелитесь. Как это по-русски говорится: на бога надейся, а сам не плошай...

Шлегель любил при случае щегольнуть русскими пословицами.

— Партизаны предлагают встречу. Очень хорошо. На это свидание пойдете вы, Каюков, — это невысокому плотному господину, — хотя, как я догадываюсь, особой любви к партизанам не питаете.

Шлегель рассмеялся, довольный собственной остротой, потом продолжал:

— Партизанскому командованию вы тоже предложите встречу в Минске или здесь, в Барановичах. Пусть увидят, что мы не торопимся, но и не отказываемся от контактов. Все-таки мы — «Центральный комитет», высшее руководство на этой территории!

Каюков втянул голову в плечи. Перспектива «свидания» с партизанами его совсем не радовала.

— Может быть, другими путями уведомить партизанское командование? — предложил он.

— Нет. Партизаны ни о чем не догадываются, их связного мы отпустили, Михеев и Зайцев, по нашим сведениям, тоже не задержаны.

Шлегель пустился в длинные рассуждения о том, что для советских людей сами слова «Центральный комитет» уже значат очень много. Так называется верховное руководство их партии. Тонкий психологический прием должен сработать безотказно. Да и кто стоит во главе партизанского отряда, куда пойдет Каюков? Человек безусловно храбрый, но неспособный на сложные комбинации. Вообще кто они, партизанские командиры? Уничтожить обоз, подорвать эшелон, сжечь комендатуру — это они могут. Но в то же время им никогда не постичь логику сложной игры, затеянной такими людьми, как он, Шлегель. Только немцы с их разведкой, доведенной до уровня искусства, в силах предложить операцию, рассчитанную с математической точностью. Да, разведка — это искусство, свойственное арийцам!

— Партизаны должны видеть, что мы им полностью доверяем. Поэтому вы, Каюков, пойдете не один. Будет лучше, если вас будет сопровождать супруга, госпожа Флеер. О, я знаю русских! Ваше появление с женой успокоит их больше, нежели десяток проверок. Русские вследствие примитивного взгляда на жизнь своими женами не рискуют. По-семейному будем действовать, по-семейному... Рейхсфюрер нам советовал: используйте слабости, недостатки, традиции, пороки.

Шлегель разговорился. Остановиться ему было трудно, и оберштурмфюрер еще битый час предавался воспоминаниям о том, чему учил Гиммлер.

Госпожа Каюкова-Флеер слушала не очень внимательно. Она уже мысленно готовилась к предстоящему рейду: надо продумать, как одеться, что взять с собой, какой дорогой идти. Все детали надо продумать. А то эти болваны-немцы с их спесью опять, как в прошлую операцию, сунут для питания солдатские консервы. Ходила она тогда к подпольщикам, и спасла только находчивость: сказала, что сменяла продукты у солдата-спекулянта на обручальное кольцо.

Каюков и Флеер были достойной парой: шпионили для полиции безопасности вот уже несколько лет. И ради чего? Грела надежда, что когда-нибудь займут в будущей «самостоятельной» Белоруссии «достойное» место. Эту «самостоятельную» помогут создать гитлеровцы. Во имя этих «светлых» перспектив и старались как могли. Каюков и Флеер были националистами...

...Их не очень успокоили разглагольствования оберштурмфюрера СС. Приходилось только удивляться странной забывчивости Шлегеля. Советские разведчики весьма основательно и с большим успехом поработали в оккупированной Белоруссии. Чего стоила, например, операция с Кубе! Комсомолка Елена Мазаник ухитрилась сунуть мину прямо в постель господину наместнику, который с ее помощью отправился в лучший мир. Кстати, Кубе только чудом не погиб немного раньше здесь же, в Барановичах. Тогда большое общество палачей белорусского народа решило поохотиться в лесах Ляховичского района. Вильгельма Кубе сопровождали руководитель лесного управления Белоруссии Фердинанд Засориас, высокопоставленный чиновник Фридрих Штюра, барановичский гебитскомиссар Фридрих Фенц. Кубе с полпути почему-то возвратился в Минск. Остальные, возвращаясь с охоты, попали в засаду и погибли: партизаны много часов на морозе пролежали в снегу и все-таки высле-

* В некоторых областях Белоруссии действовали массовые беспартийные организации, боровшиеся против фашистов.

** В этих городах находились отделения полиции безопасности, подчинявшиеся Барановичскому отделу полиции безопасности и СД.

дили «охотников». А между прочим, Шлегель считался чуть ли не приятелем Фридриха Фенца — такого же, как и он, спесивого, самоуверенного «сверхчеловека» *.

А как было с фон Файтом? Казалось, эта лиса за десять верст любой капкан обежит: жил в СССР, хорошо знал язык, обычаи. На него возлагались особые надежды, и начал он, правда, весьма успешно. За короткое время агентура Файта выявила несколько подпольных групп. Провела же разведчика его собственная секретарша-переводчица. Эта, как потом выяснилось, комсомолка-студентка Лидия Осмоловская, полностью завоевала доверие фон Файта и была допущена к самым секретным документам. Он цветочки ей преподносил! На прогулки приглашал. Одна из таких прогулок в воскресный день и закончилась в партизанском отряде. Где теперь фон Файт? А начинал хорошо...

Было над чем задуматься Каюкову и его супруге. Не такие уж они простаки, эти партизанские командиры, чтобы клюнуть на дешевые приманки, подсовываемые Шлегелем.

— Господин оберштурмфюрер, почему не возвратились Михиев и Зайцев? — спросил Каюков.

— Из отряда, куда они попали, их отправили для доклада высшему партизанскому командованию. Так объяснил связной партизан. Видите, какое значение придают партизаны контактам с нами...

— Кто командует отрядом, куда мы пойдем?

— Точных сведений нет. Наверное, как обычно, какой-нибудь бывший сельский интеллигент. Во всяком случае, поспешность, с которой он прислал своего связного к нам, не говорит в его пользу.

...Каюков и Флеер довольно точно вышли в деревню, которую назвал Ваксову партизанский связной. Осторожные агенты весь путь от Барановичей проделали пешком. Это позволяло и вовремя заметить слежку, если бы она велась, и накладывало на связников тот отпечаток усталости, которого не добьешься никакими искусственными методами. Десятки километров по весенней распутице, полуголодный режим сделали свое дело — агенты и в самом деле выглядели так, будто только что выбрались из концлагеря.

В деревеньке их приметили партизанские разведчики, но не стали себя обнаруживать. Каюков и Флеер заночевали. Хозяину дома прямо сказали, что ищут партизан.

— Бывают, бывают, — сыпал словами словоохотливый дед, давно связанный с народными мстителями, — но не у нас, а все больше по соседним районам. А у нас тихо, мирно. Староста есть, и даже полиция нас бережет...

О том, что «староста» — председатель сельсовета, а «полиция» состоит из партизанских разведчиков, дед, естественно, умалчивал, как не говорил и того, что в лес уже ушла весточка о появлении двух незнакомых людей.

Утром за Каюковым и Флеер пришли партизаны. Убедившись, что перед ними те, кого они ждут, партизанский дозор переправил связных «ЦК ОЗБ» в лес, к Михайловичу.

Партизанский командир не скрывал недовольства в связи с тем, что на встречу снова пришли второстепенные люди, а не руководители «Центрального комитета».

— Ваше начальство само просило о встрече на высшем уровне. Если она нужна — давайте проведем. Нет — нечего играть в кошки-мышки. У нас дел хватает, разводить дипломатию некогда.

Каюков заговорил о трудностях опасного пути, о том, что такая встреча могла бы состояться и в Минске, на худой конец — в Барановичах.

— Путь одинаково опасен, что от нас к вам, что от вас к нам...

— Но ведь мы представляем Центральный комитет!

— У нас есть только один Центральный комитет — КПБ...

То, что казалось достаточно простым в кабинете Шлегеля, на деле выглядело совсем иначе.

Встреча закончилась безрезультатно.

Партизаны оставили Каюкова и Флеер у себя обогреться и обсушиться. Они свободно ходили по лагерю, уверенные, что им полностью доверяют. Агенты «ЦК ОЗБ» не предполагали, конечно, что их принимали на временной базе.

— В общем так, — напутствовал их перед уходом Михайлович, — если решится руководство вашей организации на встречу, мы будем рады. Явки и пароли прежние...

...Шлегель снова прибыл в Минск для доклада о ходе операции Эрлингеру. Партизаны оказались не такими уж простаками. Надо было решать, что делать дальше.

— Вы знаете, оберштурмфюрер, как обострилась обстановка. Партизанская борьба приняла характер общенародной войны. Если мы хотим сдержать натиск Советской Армии, необходимо обеспечить хотя бы минимальную устойчивость тыла. — Эрлингер горько усмехнулся. — Собственно, тылов у нас нет. Война всюду. Вчера мой офицер был убит прямо у входа в управление. Выстрелом в упор. Террорист как сквозь землю провалился. Мы повесили десяток-другой заложников...

Советская Армия наступала. И по мере успехов на фронтах рос и накал партизанской борьбы. Не было на территории Белоруссии такого клочка земли, где бы оккупанты чувствовали себя в безопасности.

Шлегель доложил Эрлингеру:

— Коммунистическое подполье теперь уверено в том, что «ЦК ОЗБ» борется против нас. Я тоже приказал повесить десяток заложников, а на грудь каждому — табличку: за принадлежность к «ЦК ОЗБ». Это их убедит...

— Хорошая мера, — одобрил Эрлингер. — Как связные?

— Возвратились благополучно. Им было оказано гостеприимство.

— Прекрасно. Вы, оберштурмфюрер, мастер комбинационной игры. Операцию при таком начале надо доводить до конца. Кто пойдет на встречу?

* Эту операцию провела группа «Соколы» под командованием чекиста.

— Товарищ Ваксов, — иронически произнес Шлегель.

...— Это он, товарищ командир, — сказал чекист, ходивший в Барановичи.

Высокий лысоватый мужчина приветливо улыбался партизанам:

— Нелегко же до вас добраться, даже зная, где вы. А каково проклятым фашистским оккупантам? От имени «Центрального комитета освобождения Западной Белоруссии» примите пламенный привет...

— Здравствуйте, — сдержанно сказал Михайлович.

— Ваксов, — представился пришедший. — Так меня называют товарищи по борьбе. К сожалению, подлинную фамилию назвать не могу. Еще не время. Вот победим...

— И не надо, — ответил Михайлович. — Мы ее знаем....

Дрогнули мускулы на лице у Ваксова. Но он все еще не верил, что провалился.

— Видно, скрывать что-то от вас бесполезно, — улыбнулся он самой подкупающей и открытой из набора своих улыбок. — Придется представиться по всей форме... — и принялся выпарывать из ватника документы.

— Успеется, — сказал командир отряда. И коротко приказал своим спутникам: — Арестовать!

Два автоматчика встали рядом с «Ваксовым», обезоружили его. Допрос начался немедленно, пока руководитель «ЦК ОЗБ» не успел прийти в себя. И тем не менее вначале он старался замести следы, путал, тянул время, грозился кому-то жаловаться, напыщенно заявлял протесты. Он не знал, что партизанские разведчики, чекисты, за эти дни, пока шел обмен связными, проделали огромную и трудную работу: были установлены и подлинная личность так называемого Ваксова, и его связи, и окружение.

— Вы правы, — наконец, признал руководитель «ЦК ОЗБ», — я не Борис Ваксов, я — Беригард Вакс...

— Опять врете, — равнодушно сказал Дмитрий Михайлович. — Зря теряем время...

— Вы обвиняете меня в том, чего я не совершил! Какие-то намеки, подозрения... В конце концов не пойман — не вор!

— И пойман... И вор... оберштурмфюрер Шлегель!

Капкан захлопнулся. Шлегель начал давать показания. Это именно он разработал хитроумный план создания фиктивного «Центрального комитета освобождения Западной Белоруссии». Шлегелю пришла в голову, как казалось, блестящая мысль: организовать из белорусских буржуазных националистов филиал полиции безопасности и прикрыть его ширмой подпольной патриотической организации. Это должна была быть не просто рядовая подпольная группа, каких много в те годы было в оккупированной фашистами Белоруссии, а орган, претендующий на высокое положение, на руководство всей партизанской борьбой. Для чего? Вот строки из показаний Шлегеля, раскрывающие бредовые фашистские замыслы. Предполагалось, что как только «ЦК ОЗБ» подчинит своему командованию партизанские соединения, он отдаст им приказ выступить против... наступающих частей Советской Армии. Кроме того, 2—3 партизанские бригады будут передислоцированы в район Лиды (Польша). Там они будут направлены на уничтожение польских «легионов», в свое время созданных и финансированных гестапо, но потом оказавшихся для немцев неблагонадежными. Здесь делалась ставка на национальную рознь. И, наконец, последний пункт этой тупоумной авантюры: от имени «ЦК ОЗБ» объявить всеобщую мобилизацию в партизанские бригады, во главе которых поставить буржуазных националистов и тоже бросить их в бой против частей Советской Армии.

Трудно сказать, чего было больше в этой акции, которая получила название операция «Шлегель»: откровенного кретинизма или полного незнания настроений населения Белоруссии. Но факт остается фактом: фашистская разведка считала эту операцию перспективной, затратила на нее много усилий и средств. Эрлингер, Шлегель и им подобные рассчитывали на многое. Речь шла не только об ударе по белорусским партизанам, но и о том, чтобы посеять национальную вражду между русскими, белорусами, поляками. Это была политическая диверсия крупного масштаба, задуманная с поистине гестаповским размахом.

Шлегель назвал весь руководящий состав «ЦК ОЗБ», в том числе и своих ближайших помощников — националистов Лихарева и Шантыря. Он, что называется, скис и пытался любой ценой купить себе жизнь.

Однажды Шлегель спросил у Дмитрия Михайловича:

— Скажите, кто вы? Я убежден, что ни одному кадровому советскому контрразведчику тягаться со мной не под силу. В игре, которую я затеял, я продумал все на десятки ходов вперед. Это была игра без проигрыша. Меня могла провалить только случайность или... ас более высокого класса. Случайностей не было. Так кто же вы?

— Подполковник госбезопасности Армянинов...

ЗАГОВОР БЕЗУМНЫХ

На пологом берегу Эмбы, там, где древняя казахская река, скатившись с меловых круч Мугоджар, сворачивает на запад и, теснимая барханами, с превеликим трудом пробивается к морю, стоит мазар. Это дом мертвых. По стародавнему обычаю степняки ставят его над могилой. У мазара нет крыши. Только невысокие шершавые стены из круто замешенной глины, с добавленным для крепости конским волосом. На мазаре нет надписей. Только внутри за глиняными стенами врыт серый надгробный камень и на нем выбито имя усопшего. Память народа мудро обходится с именами. Одни без лишней жалости присыпает пеплом забвения, а другие бережно хранит в вечно живущих легендах...

Нет надписей и на этом одиноком мазаре, накрытом вместо крыши бездонным небом. Гибкие стебли чия клонятся к темно-рыжим глиняным стенам, высоко под облаками парят коршуны, зорко высматривая добычу, а невдалеке пылит днем и ночью дорога. Летом на этой степной дороге автомашин не меньше, чем на городской улице. Под песками и такырами Прикаспия открыты богатейшие месторождения нефти. Тянутся мимо мазара автомобильные караваны к буровым вышкам и поселкам геологов, и редкий человек, очутившись на берегу Эмбы, не знает, что там, среди серебристых зарослей чия, покоится прах Байжана Атагузиева.

Имя его навсегда связано с теми событиями, которые произошли весной 1944 года в этих пустынных молчаливых местах. Тогда, в мае сорок четвертого, в ночном небе над Эмбой кружили самолеты без опознавательных знаков, вгрызался в тишину свинцовый лай пулеметов и автоматов, в эфир неслась отчаянная дробь морзянки, а по земле погребальными полотнищами расстилались черные купола парашютов. В те дни в Москве и в Берлине с нетерпением ждали известий с берегов Эмбы, и причудливые названия здешних урочищ мелькали в боевых сводках, которые читал строго ограниченный круг лиц, потому что это были совершенно секретные сводки с тайных фронтов второй мировой войны.

Но время снимает запреты. И теперь, опираясь на свидетельства очевидцев, пользуясь сведениями, почерпнутыми из архивных следственных дел и некоторых публикаций в советской и зарубежной печати, можно повести рассказ о событиях тех уже далеких лет...

Это рассказ о беспощадной схватке чекистов с гитлеровскими агентами, о мужестве и стойкости советских патриотов, о величии подвига, совершенного во имя свободы Родины, и о бесславном конце выродков, предавших свой народ в дни военного лихолетья.

Это рассказ о том, как потерпела сокрушительный крах коварная затея гитлеровской разведки, в которой в то время немаловажную роль играл Рейнгард Гелен, тот самый Гелен, что ныне возглавляет секретную службу ФРГ и восхваляется на все лады буржуазной прессой как непревзойденный ас разведки, затмивший сомнительную славу Канариса и Шелленберга вкупе с Алленом Даллесом, Отто Скорцени и прочими черными рыцарями плаща и кинжала. Между тем еще на заре своей шпионско-диверсионной деятельности этот «ас» был не единожды жестоко бит советской контрразведкой...

История тайной войны знает немало примеров, поразительных по своей бездарности и плачевных по конечным результатам подрывных акций. Но и среди них, пожалуй, не отыскать аналогии той бесподобной по своему беспросветному безумию авантюры, затеянной в 1944 году не без участия Рейнгарда Гелена, начальника отдела «Иностранные армии Востока» генерального штаба фашистского вермахта.

Июнь в Каракумах — пора яростного солнца. Верная гибель ждет того, кто окажется в барханах без воды и без транспорта. Это очень скоро поняла пятерка нацистских диверсантов, которую в июне 1943 года сбросили с самолета в Куня-Ургенчском районе Туркменской ССР. Грузовой парашют с бочонком отнесло далеко в сторону, а в момент приземления вылетела неплотно забитая пробка. Руководитель группы по кличке Мельничук отправился в разведку, стараясь отыскать тропу к ближайшему оазису. Много дней спустя его труп, расклеванный птицами, нашли в песках. Остальные диверсанты после безуспешной попытки связаться по рации с Варшавским радиоцентром побросали все снаряжение, едва волоча ноги, добрались до поселка Куня-Ургенч и сдались первому же милиционеру.

На допросах они показали, что прошли обучение в специальной школе, расположенной в городе Люкенвальде, в шестидесяти километрах от Берлина. Здесь в обширных лагерях для советских военнопленных, разделенных по нацио-

нальному признаку, фашистская разведка занималась усиленными поисками людей, поддающихся вербовке. Того, кто соглашался сотрудничать с секретными службами третьего рейха, переводили в лагерь под шифром «Офлаг III-А» и после тщательной проверки зачисляли в одну из агентурных школ. Среди доверенных лиц фашистской разведки, которые проводили вербовку, сдавшиеся диверсанты назвали Алихана Агаева. Это был, по их словам, невысокий, средних лет казах, носивший форму офицера немецкой армии и никогда не расстававшийся с ременной плеткой. Она частенько гуляла по спинам военнопленных. Погоны у Агаева были с белым поперечным просветом, что свидетельствовало о его принадлежности к командному составу так называемого «Туркестанского легиона».

В поле зрения советской контрразведки Агаев попал тогда впервые. Судя по рассказам агентов из группы Мельничука, Агаев отличался особой активностью на шпионско-диверсионном поприще, и можно было предполагать, что рано или поздно чекистам придется встретиться с ним лицом к лицу.

И эта встреча действительно состоялась...

Глубокой ночью 3 мая 1944 года начальника управления НКВД Гурьевской области Забелева поднял с постели звонок междугородной телефонной станции. Ответственный дежурный астраханского УНКВД сообщил, что по направлению к Гурьеву пролетел неизвестный самолет.

— Может быть, наш? — спросил Забелев. — Сбился с курса?..

— Уточняем. Запросили военное начальство. Если узнаем что-нибудь новое, сразу же поставим вас в известность. Но вы все-таки посматривайте там у себя.

Забелев поблагодарил за совет и засобирался в управление. Звонок из Астрахани посеял тревогу. После разгрома немцев под Сталинградом фронт откатился на тысячи километров. К тому времени наши войска вышли на границу с Румынией, начиналось освобождение Белоруссии и Прибалтики, а Гурьев снова стал далеким тылом. Откуда же появился здесь воздушный гость? И, еще надеясь, что скоро все выяснится и Астрахань подтвердит, что это, конечно, свой самолет, Забелев все-таки стал действовать так, как и подобало в данном случае.

Приехав в управление, Забелев собрал своих сотрудников, предложил им немедленно связаться с районами и попытаться с помощью местных работников отыскать людей, которые, возможно, также заметили этой ночью самолет. Буквально через несколько минут любопытное известие пришло из Гурьевского аэропорта. Авиамеханик Степанов в 2 часа 30 минут ясно различил бортовые огни неизвестной машины, уходящей в сторону Астрахани. Примерный расчет показывал, что таинственный незнакомец около часа летал над территорией Гурьевской области. А к исходу дня из Жилокосинского райотдела НКВД донесли, что жители колхозов, расположенных вверх по течению Эмбы, видели пролетавший низко над степью самолет, который резко изменил курс в районе Ак-Мечети. После вторичного разговора с Астраханью предположения о том, что это была наша заблудившаяся машина, окончательно отпали. Ни военных, ни гражданских самолетов в ту ночь не должно было быть в небе над Северным Прикаспием.

Значит, выброшен вражеский десант? Тогда еще не было в этом твердой уверенности. Но о появлении странного самолета Гурьев уведомил все районные отделения НКВД — НКГБ и стал ждать новостей, особенно из районов, прилегающих к Эмбе, где проходила предполагаемая трасса полета незнакомца и куда были посланы оперативные работники.

Ждать пришлось недолго.

В три часа ночи 6 мая дежурный Гурьевского аэропорта сообщил в управление НКВД о новом визите неизвестного самолета. Сделав два круга над городом, он ушел в сторону моря. А еще через час на рейде в сорока-пятидесяти километрах от побережья все тот же самолет на бреющем полете прошел над пароходами «Пролетарская диктатура», «Калинин», «Роза Люксембург» и обстрелял их из крупнокалиберного пулемета. Суда не пострадали, за исключением парохода «Роза Люксембург», который с пробитыми котлами пришлось отбуксировать в порт. Осколком легко был ранен помощник капитана «Пролетарской диктатуры». Моряки рассказывали, что корабли атаковал четырехмоторный бомбардировщик без опознавательных знаков. Но экспертиза, исследовавшая осколки пуль, без труда установила, что они немецкого производства.

Какую же цель преследовал фашистский летчик, принимая безрассудное решение о нападении на мирные корабли? Вряд ли он не понимал, что бомбардировщик, вооруженный одними пулеметами, не в состоянии причинить им сколько-нибудь значительного ущерба. А ведь это был не рядовой самолет. Он принадлежал к 200-й бомбардировочной эскадрилье, выделенной из состава гитлеровских ВВС для выполнения специфических заданий военной разведки, и действительно, как мы увидим дальше, сбросил в Прикаспии большую группу агентов.

Мысль о том, что за штурвалом немецкого бомбардировщика оказался человек, который, сознательно рискуя собой, старался привлечь внимание чекистов к этому необычному полету, приходится отбросить, ибо точно установлено, что на борту самолета вместе с экипажем находились... кадровые разведчики нацистской Германии.

Таким образом, этот эпизод по праву можно отнести к разряду непостижимых парадоксов в истории тайной войны. Два года немцы, не останавливаясь перед огромными затратами, в сугубо конспиративной обстановке готовили одну из своих крупнейших подрывных операций в глубоком советском тылу. И вот когда, казалось, первый этап операции прошел благополучно, вдруг самолет, доставивший агентов, в относительной близости от места их выброски атакует на бреющем полете корабли в Каспийском море и этим явно демаскирует свой сверхсекретный рейс.

А в Гурьеве немедленно воспользовались своеобразной визитной карточкой, так неожиданно упавшей с неба, и сделали правильный вывод о целях гитлеровской разведки. Теперь не оставалось и тени сомнений: надо искать диверсантов. Именно диверсантов, и скорее всего в значительном количестве, потому что для заброски агентуры, имевшей только шпионские задания, немцам не было никакой необходимости дважды в течение трех дней посылать свой тяжелый самолет.

И снова, как в дни Сталинградской битвы, все важнейшие промышленные предприятия Прикаспия были переведены на угрожаемое положение. По инициативе Гурьевского обкома партии в помощь чекистам был мобилизован партийно-советский актив. Особые меры по усилению охраны были приняты на таких объектах, как нефтепровод Каспий — Орск, нефтебаза «Ширина», электростанция Казнефтекомбината. Самую мощную на трассе нефтепровода нефтекачку № 3 и весь Макатский район взяла под наблюдение специальная группа во главе с начальником областного управления НКГБ. Как будто чекисты догадывались, что именно здесь, вблизи нефтекачки № 3, им предстоит выдержать ожесточенный бой с фашистскими наймитами.

Уже через день быстро сформированные восемь оперативных групп вели настойчивый поиск. Перед ними стояла сложная задача. Район поиска простирался на сотни километров. Это была знойная холмистая полупустыня с ослепительно голубеющими под солнцем солеными озерами и с едва приметными пастушьими тропами вместо дорог, с редкими малолюдными поселками животноводческих колхозов, не имевших телефонной связи, и с еще более редкими, буквально наперечет, колодцами с пресной водой. Трудно сказать, какой бы оборот приняли события, если бы не конный нарочный, который утром 12 мая на хрипящем, в хлопьях пены жеребце влетел наметом во двор Жилокосинского райотделения НКВД. Он привез записку из отдаленного Уялинского аулсовета. В записке говорилось, что бригадир колхоза имени Кирова Байжан Атагузиев просит срочно прислать милиционеров для проверки подозрительных, по его мнению, вооруженных автоматами людей, приходивших несколько часов назад к нему на ферму.

Пришли они прямо из степи, шестеро казахов в форме офицеров и сержантов Красной Армии, с орденами и медалями на гимнастерках, и сказали, что ищут дезертиров.

— Ты не знаешь, аксакал, где здесь скрываются дезертиры? — спросил бригадира невысокий смуглолицый капитан.

Байжан Атагузиев был поражен. Давно уже на ферме жили одни старики да женщины с ребятишками. Жили, занятые нелегким чабанским трудом, в тревожном ожидании, как и все в то суровое время, солдатских треугольничков от родных и близких. «Какие дезертиры? На фронте наши мужчины. Бьются с врагом!» — хотел было ответить Байжан, но сдержался и сказал спокойно:

— Да нет... Кажется, не слышно про таких...

Тогда капитан спросил, нельзя ли купить на ферме барана.

— Колхозного нельзя. А своего, пожалуй, продам.

— Сколько просишь?

— Три тысячи.

Байжан нарочно заломил несуразную цену. Но капитан, не торгуясь, достал из полевой сумки толстую пачку денег.

— Получай пять тысяч. Для хорошего человека нам денег не жалко.

«Кому это нам?» — чуть не спросил Байжан, но опять сдержался и с подчеркнутой жадностью стал рассовывать деньги по карманам, вызвав удивление на лицах жителей фермы, которые раньше вроде бы не замечали в нем корыстолюбия.

— Бери, аксакал, бери! — снисходительно улыбался капитан. — Еще больше дадим, если узнаешь что-нибудь о дезертирах. Понял?

— Как не понять...

Они ушли, уводя на волосяном аркане барана. А Байжан, окруженный своими односельчанами, долго смотрел им вслед и молчал. Шестьдесят лет прожил на земле Байжан. И эта прокаленная зноем, неласковая и скудная земля была его родной землей. Здесь в молодости он батрачил у бая, а в годы гражданской войны в партизанском отряде громил белоказаков и алаш-ордынцев, сладкоголосых и свирепых в своей звериной ненависти буржуазных националистов, которые хотели, чтобы в казахских аулах все шло по-старому, как при царе. Он многого не знал, этот седой колхозный бригадир из маленького, затерянного в песках чабанского поселка. Но он был умудрен годами, и жизнь наделила его зоркостью особого склада — зоркостью сердца. И поэтому, когда пришельцы скрылись в барханах, он сказал одному из подростков:

— Скачи в аулсовет. Расскажи все, что видел. Скажи: чужие люди в степи!

Сообщение Байжана Атагузиева резко изменило ход поисков. Ближайшая оперативная группа на конях устремилась к ферме. Путь был не близкий — километров семьдесят. Чекисты переправились вброд на левый берег Эмбы и вскоре случайно натолкнулись на следы недавней стоянки. В лощине среди примятого типчака валялись окурки немецких сигарет, карандаш, сломанный примус...

— Наследили изрядно, — заметил сотрудник Гурьевского УНКГБ Шармай, возглавлявший опергруппу, пораженный беспечностью гитлеровских агентов.

Шармай знал, что в этой местности привал можно сделать только в урочище Саркаска, где в двадцати километрах друг от друга находились два колодца. Интуиция подсказала, что, вероятнее всего, именно там можно застать непрошеных гостей. В надвигавшихся сумерках чекисты стали прочесывать степь. У первого же колодца они обнаружили свежеотрытые пулеметные ячейки, а когда, растянувшись редкой цепью, осторожно подъезжали ко второму, навстречу им ударили плотные очереди из пулеметов и автоматов.

Наступившая темнота оборвала перестрелку. Опергруппа еще долго кружила по окрестности, тщетно пытаясь снова вызвать на себя огонь и таким способом нащупать след ускользнувшей банды. Только к рассвету добрался Шармай до фермы. Здесь его ожидало неприятное известие. В эту ночь бандиты, которыми верховодил мнимый капитан, ограбили ферму. Они забрали лошадь, различные продукты и, угрожая оружием, увели с собой Байжана Атагузиева.

ЗАГОВОР БЕЗУМНЫХ

ЗАГОВОР БЕЗУМНЫХ

Шармай оставил на ферме засаду, а сам с частью своих людей немедленно отправился в погоню. Четкие следы бандитов уходили вверх по течению Эмбы. На последнем пределе сил, погоняя усталых коней, чекисты стремились сблизиться с бандой. Но тут злую шутку с ними сыграла погода. Внезапно разразился ливень, превратив солончаки в непролазные болота и начисто смыв следы. Шармай чуть не впал в отчаяние.

А той порой на ферму, где так предусмотрительно была оставлена засада, явились двое в красноармейских гимнастерках. Увидев наведенные дула винтовок, они бросили автоматы и подняли руки.

— Братцы! — плаксиво скривился один из них. — Не надо!.. Мы же с повинной...

Эти двое — Бастаубаев и Калиев — заявили, что они входят в состав особого диверсионно-террористического отряда, состоящего из четырнадцати человек. Отряд доставлен в прикаспийскую степь двумя рейсами специального самолета, вооружен автоматами, гранатами и пулеметами. Часть снаряжения закопана на базе в урочище Саркаска. На вопрос, кто командует отрядом, последовал ответ:

— Обер-лейтенант немецкой армии Алихан Агаев.

Чекистам тогда на ферме было недосуг выспрашивать подробности. Надо продолжать преследование банды, перекрыть пути выхода на Ташкентскую железнодорожную магистраль, отыскать базу в Саркаске и установить там засаду. А пока они занимаются этими срочными делами, вернемся несколько назад и попытаемся осветить отдельные весьма колоритные детали биографии агента гитлеровской секретной службы Алихана Агаева, по кличке Иранов. При этом наш рассказ будет основан не только на протоколах допросов захваченных диверсантов и некоторых документах, но и на подлинных записях дневника самого Агаева, который оказался в распоряжении советской контрразведки.

В ноябре 1941 года в боях на ближних подступах к Москве на сторону немцев перебежал командир кавалерийского взвода Агаев (на самом деле он носил иную фамилию, но для удобства изложения будем придерживаться имени, под которым этот предатель был известен в кругу нацистских шпионов). Перебежчика, минуя прифронтовые лагеря для военнопленных, направили в южногерманский город Ставнау. Отсюда Агаев обращается с письмами к верховному командованию вермахта, клятвенно уверяя в преданности «великому фюреру германского народа» и предлагая свои услуги в качестве вербовщика наемников для фашистской армии. Вот строчки из дневника: «Находясь в Ставнау, 17 февраля впервые написал письмо в Берлин, где выдвинул вопрос об организации отряда казахских джигитов и взятии этого вопроса в свои руки».

Письма долго остаются без ответа. Но в мае 1942 года Агаева неожиданно везут в Берлин. Его принимает щуплый узкогрудый немецкий офицер с мелкими невыразительными чертами лица и новенькими погонами полковника на мундире. Они еще не раз будут встречаться, но, аккуратно занося в дневник свои впечатления об этих встречах, Агаев ни разу не назовет фамилию полковника. Он будет фигурировать в его записях как «шеф», «маленький полковник», «представитель верховного командования».

Кем же был сей загадочный офицер? Не так уж трудно ответить, если вспомнить, что именно весной 1942 года в генштабе вермахта произошли некоторые изменения и в кресле начальника отдела «Иностранные армии Востока» оказался Рейнгард Гелен, произведенный авансом, в счет его будущих заслуг, в чин полковника.

Как известно, первым наставником Гелена на новом поприще был шеф абвера адмирал Канарис. Это он рекомендовал Гелену превратить свой отдел в мощный шпионско-диверсионный центр и непосредственно заняться агентурной разведкой. Гелен оказался из числа тех способных и чрезмерно честолюбивых учеников, которые всегда стремятся заткнуть за пояс своих учителей. Лукавому сухопутному адмиралу, пожалуй, и в голову не могло прийти, что скромный невзрачный полковник далеко оставит его позади в размахе подрывной работы и в применении ее самых изощренных и коварных способов. Касаясь этого периода деятельности начальника отдела «Иностранные армии Востока», известный немецкий публицист Юлиус Мадер пишет: «Гелен и его подручные собрали вокруг себя ренегатов, изменников родины и белогвардейцев. Для германской армии Гелен набрал немало уголовников, выпущенных нацистами из тюрем, расположенных на территории временно оккупированных стран. Он завербовал предателя Власова, ставшего агентом германской тайной службы. Из отбросов человеческого общества Гелен сформировал фашистские части из немецкой национальности и создал для их подготовки специальные учебные лагеря».

Вероятно, теперь достаточно ясно, с кем мог встречаться в Берлине Агаев, ибо после доверительных бесед с «маленьким полковником» он появился в одном из таких специальных учебных пунктов в Люкенвальде. Но перед этим Агаев побывал в лагерях для военнопленных. Посулами, шантажом и угрозами ему удалось сколотить группу, которая на первых порах входила в состав «Туркестанского легиона». К ней в качестве «политического руководителя» был приставлен зондерфюрер Граве, хромой, лет пятидесяти немец, поседевший на службе в секретных органах рейха. Занимаясь обучением своих людей, Агаев в то же время затевал интриги против президента «Туркестанского комитета», матерого фашистского агента Вали Каюм-хана, именовавшего себя «фюрером Средней Азии». Агаев считал, что этот «фюрер», опасаясь конкуренции, затирает его и не дает хода в легионе. После очередной поездки в Берлин Агаев добился от своего шефа особого задания. Он отобрал вместе с Граве наиболее подходящих легионеров и перебрался из Люкенвальда в Полтаву.

В период оккупации в Полтаве на Кирпичной улице, 1 располагалась в здании бывшего жен-

ского монастыря немецкая строительная органнзация «Баум-колонна». Под этой ыыеской маскировалась агентурная школа разведцентра «Орион», существоаавшего прн штабе южной армейской группироаки вермахта на Восточном фронте. Здесь до декабря 1942 года банда Агаева усиленными темпамн проходила полиый курс шпионских наук. Занятня по радиоделу, диаерсионно-разведывательной тактике и прыжкам с парашютом проводились под бднтельным доглядом зоидерфюрера Граве н обер-лейтенанта Гамке, личного офицера саязи все того же «таииствеииого» полковнника.

Неожнданно был назначен день заброскн а советский тыл. И так же иеожиданио отменен. Рядовые диверсанты терялнсь в догадках. На нх робкие аопросы Агаеа хмуро отвечал:

— Нелетиая погода...

Случайно они подслушалн разгоаор между Граае н Агаевым.

— Ты знал Бакита Байжанова? — спросил зондерфюрер.

— Знал. А что?

Граве молча поднялся нз-за стола и отогнал от дверей своего кабинета не а меру любопытиых диверсантоа. Между тем они тоже знали Бакита Байжаноаа, бывшего пограннчнзка, у которого эсэсовцы аыбили из рук аинтовку с расстрелянным магазином в первый же деиь войны. Но оин не знали, что с той самой минуты, как очутился Байжаиов за колючей проволокой, он страстно мечтал выраваться из фашистской неаоли. Пути из плена были разные. Он избрал, пожалуй, самый трудный и рнскованный.

Байжанов добровольно вступает а «Туркестанский легион», проходнт обученне на офицерских курсах и становится командиром азаода. Одновременно он создает средн легионероа подпольную патриотическую органнзацню. Когда в сентябре 1942 года его батальон прнбыл на фронт, Байжанов приказал: «По саоим не стрелять!» Пока легионеры занималнсь стронтельством оборонительиых сооружений, ему удалось через местных жителей саязаться с партизаиамн. От иих он регулярно получал саодки Совииформбюро, лнстовкн, а нногда даже газеты. При неаыясненных до сих пор обстоятельствах Байжанов угодил в гестапо. У него нашли советские листоакн. Он стойко перенес асе пытки и никого не выдал. В пераых числах декабря в гестапоаской тюрьме города Богучара Байжаноаа казннли. Но созданная им организация жила! На тайном собраннн ее участники решили послать самых верных своих тоаарищей а расположение передовых частей Красной Армии н доложить командованию, что легионеры на саоем участке откроют фронт.

В архиве Мннистерстаа обороны СССР сохранились документы, офнциальио подтверждающие, что во время декабрьской наступательной операцнн Красной Армии в райоие Доиа сто девяносто три легнонера, в основном казахи и узбекн, аосстали, повернулн оружие против немцев и принялн участие в разгроме гитлеровских войск.

Восстание легионероа, асполошнвшее всю германскую секретиую службу на Восточиом фронте, иавлекло подозреиие и на агаевских диаерсаитов. Им перестали доверять. Из Полтавы их перебрасыаают в Харьков, потом а прнгород Киеаа Святошино н только в янааре 1943 года отправляют под Льаов с конкретным заданием: заготавлнвать дрова для немецких госпиталей. Соответственно заданию была н кормежка — диаерсанты взвыаалн от голода. Агаев пытается поехать в Берлнн к саоему шефу. Но зондерфюрер Граве иастойчиво советует ему повременнть. Шефу не до Агаеаа. Гитлеровская Германия под похоронный перезаон церковных колоколов справляет тризну по своей шестой армин.

И тут просто нельзя не сказать о том «акладе», который анес в Сталинградскую эпопею полковник Рейнгард Гелен. Нельзя хотя бы потому, что этот характериый эпнзод его бурной биографни по вполне понятным прнчннам старательно замалчиааетея теми, кто подымает ныне на щит боннского обер-шпнона.

Широко известно заявление генерала Йодля, который, говоря о случаях провала немецкой аоенной разаедкн, прнзнал: «Наиболее крупным яаился ее неуспех а ноябре 1942 года, когда мы полностью просмотрели сосредоточенне крупных сил русских на фланге 6-й армии (на Дону)». Эти горькие упреки начальнника штаба оперативного руководства гитлероаской ставки можно с уаеренностью отиестн прежде всего в адрес Рейнгарда Гелена. В его обязанностн как руководнтеля отдела генштаба «Иностранные армин Востока» аходила подготовка ежедневных докладов о положенин — «Ситуационберихте». Они впитывали в себя тщательно профнльтрованные донесения агентуры, данные войсковых разведок н аоздушных иаблюдеиий, крупицы сведеннй, аырванных под пыткамн у пленных. С этой дьяаольской стряпней в пераую очередь знакомнлся Гнтлер, а затем геленовскне доклады поступали к высшнм военным руководителям рейха, н на нх осноае уточнялнсь планы очередных боеаых действий на Восточном фронте. И вот в своем «Снтуационберихте» от 28 октября 1942 года Гелен утаерждал, что в полосе группы армнй «Б» на Волжском направленни «противник не намереаается в блнжайшем будущем предпринимать крупные наступательные операции...»

Воздавая должное военному нскусству нашнх командиров, сумевших обеспечить анезапность контрнаступления, пора в полный голос сказать о той роли, которую сыграла в дни бнтаы на Волге соаетская контрразведка. В те дии она добилась победы над разведцентром «Орнон» южной группнроаки вермахта, и эта победа неотделнма от общего трнумфа нашнх войск под Сталинградом. В чрезвычайно сложных услоаиях чекнсты быстро вылаалнвали аражеских лазутчнков, обеспечивалн безопасность линнн связн и бдительную охрану воеиных тайн. При каждом удобном случае они зааязывалн с «Орионом» радиоигру, поставляя под видом агентуриых донесенй специально подобраниые факты, помогавшие держать врага в полнейшем неведеиии относительно подлииных планов советского командования. Только в октябре агентурные рацин «Ориона», работавшне под контролем нашей контрразведки, передали десятки шифроаок о том, что войска на передоаых позициях нспытывают якобы острый недостаток в боеприпасах, что в прифронтовом тылу почти не аидно резервоа, что госпиталн переполнены и прочее. Если даже незиачительная часть подобных сведений, просочившнсь сказозь проаерочные орга-

ны «Орнона», в конечном нтоге попала Рейнгарду Гелену, то тогда понятно, почему он еще в последннх чнслах октября с такой уверенностью заявлял о невозможности крупных наступательных операцнй нашей армин.

Только через несколько дней, буквально накануне советского контрнаступлення, в «Снтуацнонберихте» от 12 ноября зазвучалн первые тревожные ноткн. Вндимо, у Гелена накопнлнсь на столе самые протнворечивые данные. Разведотделы войсковых частей, возможно, доносилн, что на Волге н Дону возросло число переправ, а воздушная разведка вполне могла зафнксировать в раннне утренние часы усиленное движенне к переправам пехоты н танковых колонн. Но Гелен по-прежнему не хочет расставаться с мыслью о том, что Красная Армня обескровлена и у нее не хватнт духу для большего иаступления. И, взвешнвая каждое слово, выбнрая наиболее осторожные выражения, он пишет:

«...Пока еще ие вполне выясннлась общая картиьа группнровки сил противннка по месту, времени н масштабам. Недостаточно четко выявнлнсь возможностн иаступлеиия в блнжайшее время. Прн этой неясной картнне определить общие оперативные замыслы протнвннка в настоящее время невозможно... Для развертывання шнроких операций протнвник, по-видимому, не располагает достаточным колнчеством снл».

Запоздалые н все еще весьма далекие от истины догадкн Гелена уже инчего ие моглн изменить. Утром 19 ноября под Сталинградом под тысячеголосые залпы орудий н минометов вторая мировая война повернула вспять.

Для Гелена, да н не только для него, наступили черные дни. Был траур, н радно с утра до вечера разносило над оцепеневшим рейхом скорбные мелодии Вагнера. Было расследование прнчии катастрофы с фельдмаршалом Паулюсом, н иачальник отдела «Иностранные армии Востока» с трепетом ждал вызова иа допрос в главное управление имперской безопасности.

Но о Гелене тогда как-то позабылн. Ннкто не потребовал от него объяснений, ннкто не прнпомнил ему строки из «Снтуацнонберихте», которые ввели в заблужденне всю гитлеровскую камарилью н в определенной мере способствовали разгрому отборных частей вермахта на волжских берегах.

А начальник отдела «Иностранные армии Востока», едва оправившись от испуга, вндимо, захотел взять реваиш. И не просто сиова скрестить оружие с чекистами на иезримом фронте, а провернуть такую ошеломляющую, нз ряда вон выходящую авантюру, чтобы разом забылись все его промахи н провалы, чтобы прожженные бестии Канариса, да н самого рейхсфюрера СС, кусалн локти от зависти.

И с лесных делянок Львовщины срочно вызывается в Берлин Алихан Агаев.

Запаршивевших иа худых пайках диверсантов опять подкармливают в Люкенвальде, заставляя освежить в памяти все, чему учили их в агентурной школе «Орнона». Перед строем легионеров немецкий полковник вручает Агаеву знамя: на зеленом фоне вытканы исламский полумесяц, стрела, иаложенная на тетиву лука, и надпись арабскими буквами «Алаш». Произведенный в обер-лейтенанты Агаев объясияет своим сподручным, что этим старым символом казахских буржуазных националистов отныне будет называться их особый диверсионно-террористический отряд. Учеба длится почти восемь месяцев. Потом «Алаш» для практики отправляют в Северную Италию, где ему крепко всыпали партизаны. В апреле 1944 года тех, кого еще раньше готовили для засылки в советский тыл, везут в город Кранц близ Кенигсберга. Здесь их переодевают в форму военнослужащих Красной Армии, снабжают оружием, взрывчаткой, фиктивными документами и перебрасывают в Бухарест. По пути они делают остановку на своей постоянной базе в Люкенвальде. Хозяева устраивают для диверсантов прощальный банкет. На нем присутствуют зондерфюрер Граве, обер-лейтенант Гамке и какие-то представители из Берлина в штатском. Агаев, перебрав шнапса, произносит хвастливую речь:

— Дело, порученное верховным германским командованием, мы выполним с честью. Я знатный адаевец, и сумею поднять весь свой род адай на борьбу с Советами.

В этих диких словах главаря банды, как ни странно, и заключалась главная и единственная цель, с которой весной 1944 года отправили отряд «Алаш» в глубинные районы Советского Союза. Пойманные чекистами рядовые диверсанты в один голос на следствии заявили, что им не указывали конкретных объектов диверсий. Они должны были под руководством Агаева, ориентируясь на остатки притаившихся байских элементов, поднять в Казахстане широкое антисоветское восстание и затем... соединиться с немецко-фашистской армией! В одной из листовок, предназначенных для распространения в аулах, говорилось: «Друзья! Германская армия спешит к вам на помощь, она продвигается вперед, заняла важные промышленно-хозяйственные пункты СССР...» На кого была рассчитана эта писанина, неизвестно. Во всяком случае, в 1944 году гитлеровские вояки продвигались совсем в обратном направлении.

В ослепленном ненавистью мозгу Агаева, возможно, витали безумные видения, и он действительно верил, что достаточно ему появиться в казахской степи вместе со своими «есаулами», как толпы джигитов сбегутся под зеленое алашское знамя. Непонятно другое: как могли поверить в эту бредовую идею его хозяева. А ведь поверили! Недаром же они так щедро, сверх всякой меры вооружили агаевскую банду. На пятнадцать человек приходилось тридцать шесть единиц оружия, от пистолетов до пулеметов с запасными стволами, десятки коробок кристаллического и эластичного тола, четыре электровзрывательных устройства, сто сорок зажигательных шашек, три рации (одна дальнего и две ближнего радиуса действия), более семисот тысяч рублей советских денег, сумка с ампулами различных ядов, около трех тысяч листовок и даже походная типография с печатным станком, шрифтами, запасом бумаги, краски и готовыми клише антисоветских карикатур.

Приехав в Бухарест, диверсанты поселились в двухэтажном особняке, что стоял в живой изгороди акаций в полукилометре от военного аэродрома Банязи. Над входной дверью поблескивала белая эмалированная пластинка с надписью: «Вилла Габбель». Агаев распорядился, чтобы никто не смел отлучаться с виллы, а сам целыми днями пропадал на аэродроме. Как-то под ве-

чер вместе с ним на виллу пришли трое в немецкой армейской форме без погон. Они внимательно, словно запоминая, вглядывались в лица диверсантов, и один из пришедших, полный рыжеватый казах, насмешливо бросил:

— Эй, земляки! Что носы повесили?

Настроение у них и вправду было неважное. Они понимали, что теперь-то наверняка предстоит отправка в советский тыл, и поэтому изрядно трусили, заглушая страх шнапсом. Сидя за ужином, Муса Куттубаев вдруг саданул кулаком по столу:

— Все одно пропадать! Лучше уж явиться сразу к властям. Может быть, простят...

Его испуганно толкнули в бок: замолчи, мол, Агаев услышит. Но Муса с хмельной удалью кричал:

— Ну и пусть! Все равно всем нам крышка!

Утром Агаев построил диверсантов во дворе виллы и велел Куттубаеву выйти из строя. С недоброй, темной улыбочкой он спросил:

— Значит, хочешь к большевикам перекинуться? Отвечай!

Муса молчал, обреченно уронив голову. Через минуту он упал с простреленной грудью. Пряча пистолет, Агаев сказал:

— Видели? Так я поступлю с каждым, кто попытается покинуть ряды «Алаша».

Отряд разделили на две группы. С первой в самолет погрузился Агаев, а со второй — его заместитель Беснналиев. В обоих рейсах на борту четырехмоторного бомбардировщика находились зондерфюрер Граве, обер-лейтенант Гамке и лейтенант Паулюс, который обучал в Люкенвальде диверсантов прыжкам с парашютом. Он остался недоволен своими учениками. Всех, за исключением Агаева, пришлось силой выталкивать из самолета. Вернувшись в Бухарест, Граве и Гамке прочитали первую шифровку: «Обе группы благополучно соединились в районе Саркаски. При посадке поврежден приемник большой рации. Следующий сеанс связи после 25 мая. Иранов». Обер-лейтенант Гамке поспешил в Берлин, чтобы сообщить шефу о результатах заброски. И, докладывая, он, конечно, умолчал о том, что на обратном пути не смог удержаться от соблазна и разрешил командиру самолета обстрелять на Гурьевском рейде мирные, беззащитные корабли.

Почти неделю пробыл Агаев в урочище, не решаясь оторваться от базы. Только 11 мая, прихватив пятерых диверсантов, он отправился на ближайшую колхозную ферму. Ему не так уж хотелось отведать свежей бара́нины, как узнать, не скрываются ли здесь, в барханной глуши, дезертиры, которых можно вовлечь в отряд «Алаш». Но на другой же день после, казалось бы, невинного разговора с бригадиром он увидел редкую цепочку вооруженных конников и ужаснулся, догадываясь об истинной цели их появления в Саркаске.

— Это нас выдал тот старик с фермы! — объяснил Агаев и приказал открыть огонь.

Под покровом ночи диверсанты оторвались от чекистов. Убегая, они ограбили ферму и, зверски избив, увезли с собой Байжана Атагузиева.

Ливень настиг Агаева в урочище Жана-Секе — неширокой, с отлогими краями впадине, задохнувшейся в горьком запахе полыни. Верховой ветер разогнал тучи, и косматое солнце снова палило землю. Диверсанты, промокшие до нитки, лежали на траве и молча глядели, как Агаев ведет к гребню урочища Байжана. Они не слыхали, что сказал Агаев и что ответил ему старик в разорванной сатиновой рубашке и с руками, туго стянутыми веревкой. В слепящем мареве на гребне будто врубились две черные фигуры. Видно было, как старик плюнул в глаза Агаеву, а тот медленно поднял пистолет. И степь отозвалась на звук выстрела коротким и гневным эхом.

Вечером с привала бежали Бастаубаев и Калиев. Разъяренный главарь отобрал у рядовых диверсантов документы, усилил на ночевку охрану, назначая на посты преданных ему людей. На третью ночь скрылись в барханах пятеро, а потом еще двое. Они бежали от Агаева, словно от чумы. Бежали, не рассчитывая особенно на прощение, потому что это были не наивные люди, затянутые обманом в сети фашистской разведки, а матерые головорезы. Среди них были сыновья крупных баев, уголовник-рецидивист, старший полицейский из концлагеря в городе Сувалки, истязавший заключенных, и даже бывший палач из гестаповской тюрьмы. Но они все-таки бежали, влекомые крохотной надеждой. А с Агаевым, и это они отлично понимали, их неотвратимо ждала только смерть.

Теснимый оперативными группами, Агаев петлял по урочищам, стараясь прорваться то в горы Алатау, то к линии железной дороги. Вместе с ним остались два его заместителя — Бесиналиев и Баташев, старший радист Закиров и адъютант Днищев. Утром 20 мая в песках, на подходе к нефтекачке № 3, чекисты зажали в кольцо командную верхушку диверсантов.

Один из оперативных работников, пригнувшись к бархану, крикнул:

— Сдавайтесь, Агаев! Вы окружены!

В ответ резанули длинной очередью из автомата. Чекист тщательно прицелился и первым же выстрелом сразил автоматчика. Через полчаса все закончилось. У чекистов был легко ранен лишь боец военизированной охраны нефтекачки. А в барханах, присыпанные песком, валялись пять трупов...

Из полевой сумки Агаева извлекли несколько тетрадных листочков. Начальник оперативной группы УНКГБ Лопатко мельком взглянул на них и не поверил своим глазам. Он тут же высказал Шармаю смелое предположение.

Шармай недоверчиво покачал головой:

— Ну, знаете! Такого еще не бывало. Да и быть не может! Что они, совсем с ума посходили?

Но Лопатко оказался прав. Эти листочки, пожалуй, были самым ценным трофеем чекистов. Вряд ли когда-нибудь станет известным, почему Агаев таскал их в своей сумке и перед вылетом из Бухареста не отдал Гамке. Да это теперь и не имеет значения. Драгоценные листоч-

ки, аккуратно размноженные, долго оставались очень важными документами советской контрразведки. Ведь на них рукою Агаева были записаны имена, фамилии, год и место рождения агентов, лично завербованных им для фашистской разведки!

Вскоре опознали того, кто скрывался под фамилией Агаев. Это был некий Амирхан Тлеумагамбетов, служивший в начале тридцатых годов агрономом в Жилокосинском райземотделе. Вспомнили, что в молодости он околачивался в белокошемных байских юртах и был из породы тех пакостных людишек, которых в свое время в русских селах называли метким словом — подкулачник.

Но последняя страница в истории этой безумной авантюры еще не была дописана. Среди пойманных девяти диверсантов оказался радист Махмудов. Ему были известны код, пароль и переговорная таблица большой рации. Приближался день, когда Агаев обещал связаться с берлинским радиоцентром. Диверсанты рассказывали, что главарь хвастался, будто бы по первой же его просьбе в советский тыл забросят остальных людей из отряда «Алаш». Тогда родилась мысль завязать с шефом Агаева радиоигру.

В конце мая вызвали Берлин. В эфир ушла шифровка: «Все благополучно. Приемник исправили. Жду обещанного. Иранов». Через два часа поступил ответ: «Посылаем гостей. Разложите костры в квадрате 20 — 43».

Точно в указанный срок в квадрате, расположенном в районе степной реки Сагыз, появились в ночном небе бортовые огни немецкого самолета. Вспыхнули костры. В окопах с пулеметами и автоматами замерли чекисты, ожидая, что вот сейчас им придется встретиться с основными силами агаевской банды. Но на берега Сагыза приземлилась только тройка парашютистов. Ошалело озираясь по сторонам, парашютисты подняли руки и торопливо объяснили, что к отряду «Алаш» не имеют прямого отношения. И тут выяснились любопытные подробности. Эти трое оказались теми «земляками», которые приходили к диверсантам на «Виллу Габбель». Они являлись тайными сотрудниками гестапо и должны были следить за ходом восстания, поднятого Агаевым. Видимо, и в главном управлении имперской безопасности не сомневались в успехе затеянного заговора и пытались заблаговременно подключить к нему своих агентов.

...Тихое, безветренное утро выдалось в тот день, когда хоронили Байжана Атагузиева. После запоздалых весенних ливней ходко пошли в рост травы, и в урочищах среди типчака и белых прядей ковыля полыхали золотистые огоньки тюльпанов. В горестном молчании люди предавали земле прах Байжана Атагузиева. И над его скрытой охапками тюльпанов могилой, где через семь дней аульные женщины по обычаю предков возведут глиняные стены мазара, ударил залп.

С воинскими почестями хоронили старого колхозного бригадира. Три раза разносило эхо над всей окрестной степью звуки залпов, потому что в тот час на пологом берегу казахской реки Эмбы хоронили человека, который пал, сраженный вражеской пулей, пал как солдат, защищая свою родную советскую землю.

ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

— Старшего лейтенанта Коноплева срочно к полковнику!

Его не впервые вызывали «срочно». Но на этот раз он интуицией почуял: «туда».

Полковник сказал:

— Готовьте группу в тыл к противнику.

Противник находился за многие тысячи километров от дальневосточного города, где работал тогда старший лейтенант государственной безопасности Степан Федорович Коноплев. Он давно ждал этого вызова. На дальней западной окраине великой страны шла тяжелейшая война, народ напрягал последние силы, чтобы, наконец, сломить сопротивление фашистских армий. И казалось стыдным торчать здесь, в дальневосточной тиши, молодому, полному сил офицеру, еще не познавшему всерьез, что такое война.

Он ждал этого вызова и уже заранее приглядел себе тех, кто войдет в группу. Армейский командир ценит в своих солдатах прежде всего мужество, стойкость, выносливость. Профессиональному разведчику этих решающих солдатских качеств в своих подчиненных недостаточно. У него отбор особый. Особые критерии. Важно все до мельчайшей детали. Не только мужество, но и... тип лица, внимательность, любовь к шутке, походка, хороший слух... Даже то, как человек спит: шумно или молчком — все имеет значение. Белоногов... Подходящий! Выдержки и наблюдательности хватит на всю группу. Иваненко и Щербина... Два друга. Весельчаки. Находчивы, предприимчивы, деятельны. Ломов... Кроме прочих достоинств, имеет отличное качество: с первого знакомства вызывает к себе симпатию. Гайдар... Своеволен, но способен выполнить любое поручение, как бы ни было опасно. Еще несколько кандидатур... У каждого что-то свое, необходимое именно для особых условий, дополняющее качества других. Все молоды, полны сил. Словом, группа подбирается такая, что можно идти с ней хоть в логово к бесу.

...Группа прибыла в район Ровно и вошла в состав знаменитого партизанского отряда Героя Советского Союза Медведева. Задание у группы было сложное, связанное с серьезным риском, но об этом разговор особый. Здесь же речь пойдет об истории маленькой группы чекистов, которая, получив боевую закалку на Западе, сумела блестяще осуществить важную операцию на Востоке. Однажды под Ровно произошел эпизод, который запомнился всей группе, и о нем впоследствии не раз вспоминали уже там, в Китае. Нелегким трудом Коноплеву удалось разоблачить матерого гитлеровского шпиона Келлера, засланного врагом в партизанские районы Западной Украины для выявления советской разведывательной сети.

Припертый уликами, Келлер на первом же допросе вынужден был «расколоться». Убежденный фашист, фанатик, он в ярости бросил Коноплеву:

— Мы все равно вас сломим! Мы дойдем до ваших самых далеких границ и перешагнем их, чтобы поставить на колени не только вас, но и желтых. Главное — сломить Россию. И тогда Китай, вся Азия — наша.

Коноплев в ответ рассмеялся:

— Ишь как широко замахнулся!

Присутствующие при допросе Ломов и Щербина возмутились.

— Двинуть бы ему за это! — горячо откликнулся Щербина.

Ломов рассудительно заметил:

— Хоть и шальной фашист, а понимает: главное, им, мол, Россию сломить. А вот главное и не вышло: зубы обломали.

Потом, когда Келлера увели, долго говорили о нем. Его слова заставили вспомнить родные для всех троих дальневосточные места, границу, китайские деревни на противоположном берегу реки, беженцев с той стороны. Беженцы переходили худющими, оборванными, жадно ели, сверкая темными глазами, рассказывали о бесчинствах японских офицеров и старост на маньчжурской земле.

— Степан Федорович, вот кончим с Гитлером, а потом? — вдруг задумчиво сказал Щербина. — Неужели не поможем китайцам?

Складывая листки протокола допроса, Коноплев устало отозвался:

— Не торопись, Семен. Пока до Берлина не дойдем, нам с тобой к Амуру хода нет. Будь уверен!

И хотя Коноплев вовсе не вкладывал в эту фразу никакого другого значения, имея в виду только победный конец войны, слова его в недалеком будущем вдруг стали реальностью именно для его группы.

Несколько месяцев спустя, в конце января сорок пятого, группу Коноплева забросили как раз под Берлин, в глубокий тыл к противнику. Гитлеровцы распространяли слух, будто под Берлином на пути наступающих советских армий создан неприступный барьер обороны, готовятся применить отравляющие вещества. Группе Коноплева и другим разведгруппам поручили выяснить: так ли это? Разведчики оказались под стенами фашистской столицы до подхода сюда наших частей. Однажды ночью, когда после выполнения заданий они возвращались на восток и ночевали в стогу соломы вблизи немецкого фольварка, Щербина, посмеиваясь, прошептал:

— Лично мы первую часть своего пути уже выполнили.

— Какого пути? — не понял Коноплев.

— К Амуру.

Когда разведчики прибыли в Москву, Коноплеву сообщили, чтобы он с группой немедленно выезжал в Хабаровск. Это было в начале марта 1945 года. Наши войска еще только готовились к решающему наступлению на Берлин.

Товарищи не верили, что фраза, оброненная Коноплевым в партизанской землянке под Ровно после допроса Кеплера, не имела второго смысла.

— Вы, наверное, знали все заранее, — допытывались ребята, когда все вместе коротали бездельное дорожное время на долгом пути в Хабаровск.

Нет. Коноплев не знал. Просто произошло совпадение. И, наверное, это совпадение продолжится и завершится в самом деле там, на Амуре. Коноплев был достаточно опытен, чтобы понять: если в момент еще не окончившейся битвы с фашизмом прошедших хорошую боевую закалку чекистов отзывают на Дальний Восток — значит неспроста.

Так и получилось. В Хабаровске Коноплеву сказали:

— Готовьтесь к выполнению задания в особых условиях.

Ему поручили пополнить группу новыми людьми по собственному усмотрению. Он предложил вызвать из Москвы в Хабаровск кадрового армейского офицера старшего лейтенанта Семена Семеновича Семченка, с которым познакомился на фронте и оценил его спокойное мужество, трезвый ум и исполнительность. Именно такие и были нужны в группе. Он должен осуществлять военное руководство группой. Разведывательная деятельность поручалась Коноплеву и старшему лейтенанту госбезопасности Николаю Александровичу Проваткину.

Операция предстояла нелегкая. Они должны были действовать в глубоком тылу Квантунской армии, на незнакомой территории, в сложнейших условиях, которые для всех были внове. Там, в Китае, как ни переодевайся, не выдашь себя за местного мирного гражданина. Это не Украина, даже не Германия, где они пробирались от фольварка к фольварку то под видом восточных рабочих, то в форме немецких ополченцев. Только двое из группы чекистов знали Китай хорошо — Волохин и Гребенков. Молодые парни, сыновья русских белоэмигрантов, они оказались завербованными японской разведкой и прошли специальную школу. Их готовили всерьез. Даже обязывали изучать советскую литературу, марксистские книги, читать наши газеты и журналы — чтобы легче маскироваться в СССР. И в этом был просчет японцев. Наша литература заставила юношей о многом задуматься. И уже в диверсионной школе они приняли решение: служить врагу не будут. Едва очутились на земле своих предков, немедленно явились к чекистам и рассказали обо всем. Заявили: готовы выполнить любое задание. Отлично знали китайский язык, местные обычаи, неплохо представляли район, где предстояло действовать группе. Ценнейшее для Коноплева пополнение!

В ночь на 9 августа 1945 года Советские Вооруженные Силы на Дальнем Востоке перешли в наступление и, ломая ожесточенное сопротивление противника, начали стремительно продвигаться в глубину Китая. За линию фронта один за другим забрасывались воздушные десанты, чтобы парализовать противника в его глубоком тылу, дезорганизовать, посеять в его рядах панику. Настал черед и для группы Коноплева.

На второй день после начала войны с Японией группе отдали приказ об отлете.

Коноплев пришел домой и сказал жене:

— Сегодня уезжаю в командировку.

— Надолго? — только и спросила она, сникая.

— Не знаю.

Она привыкла ни о чем не спрашивать. Он всегда на месяцы уходил в неизвестность и не присылал писем. Неизвестность называлась мирным будничным словом «командировка». Командировки оставляли на нем следы. Однажды он вернулся без двух пальцев на правой руке, в другой раз — со шрамом на лице. И каждый раз, провожая мужа в очередную командировка, она ужасалась мысли, что, может быть, это расставание последнее. Все годы их совместной жизни, даже в мирное время, она несла в себе, как неизлечимый хронический недуг, вечную тревогу ожидания.

В тот час нового расставания она упавшим голосом покорно сказала ему напоследок:

— Ну что ж, буду опять ждать!

И он еще раз мучительно ощутил, как ей тяжело. Тяжелее, чем ему, во много раз, потому что он всегда полагался на самого себя, а она с сыном — на судьбу. Он действовал и не имел времени на личные переживания, а она ждала и бледнела от каждого стука в дверь.

...Глубокой ночью они выстроились перед самолетом в самом дальнем углу хабаровского аэродрома, подступы к которому охраняли автоматчики. Шестнадцать молодых людей в комбинезонах парашютистов. Проверка наличного состава заняла минуту. Провожающие каждому пожали руку: «Большой удачи вам, товарищи». При погашенных огнях самолет поднялся к черному, набухшему дождем небу, пробил тучи и ушел в подзвездный мир курсом в неизвестность.

Спустя два часа лета где-то в глубине Китая они нарвались на огонь зениток. Самолет метался среди огненных бутонов разрывов, которые ярко распускались во мраке вокруг него, вздрагивал, тяжело переваливался с крыла на крыло. Когда миновали опасную зону, из пилотской кабины вышел командир корабля и сказал:

— В двух местах пробита плоскость.

— Не дотянете? — встревожился Семченок.

— До заданной точки, пожалуй, дотянем...

— А обратно?

Командир пожал плечами, буркнул недовольно:

— Главное — сбросить вас там, где положено. А как обратно — наша забота.

Через час они были в заданном квадрате. Внизу тяжело густела ночь, только на востоке на кромке далеких туч проступал первый отблеск приходящего дня.

Самолет снизился, сделал круг.

— Воды не вижу! — сказал пилот, вглядываясь вниз. — Подходяще!

Воды опасались больше всего. Район наводнения. У каждого, кроме парашютов, оружие, амуниция. Плюхнешься в воду — и на дно. Такие случаи бывали.

Самолет пошел по новому кругу, и они высыпались из него один за другим, как патроны из обоймы.

Сжимая в руках автомат, Коноплев с напряжением вглядывался в подступающую снизу землю. Она дышала в лицо ему влажным болотным теплом. Она была темна, загадочна, как сама неизвестность. Никто не ждет внизу, чтобы помочь. Семьсот километров от фронта. Звук моторов улетающего самолета утонул в черной пустоте, как эхо далекой Родины.

Вода! Совсем недалеко. Сквозь сумрак он различил границу берега и чуть белесое полотно разлива, прошитое еле различимой светлой ниточкой первого утреннего луча. Вода! Коноплев с тревогой подумал о товарищах. Неужели неудача? Он приземлился легко — не в первый раз! Проваливаясь в мягкий чавкающий под сапогами грунт, осторожно вышел в центр условного круга, дал подсвет зеленым фонариком. Через четверть часа подошли все. Все, кроме Провакина. Спрятавшись в камышах, они прождали его до утра. Провакин не пришел.

Не одни

Без Провакина уходить нельзя. У него важнейшие документы группы. И главное — шифр. А без шифра вся операция насмарку. Группу послали в глубокий тыл противника именно для того, чтобы добывать и передавать в центр разведывательные сведения о противнике в районе крупных городов Северного Китая — Цицигана, Ланьси и Харбина. Кроме того, группе поручили выполнять и другие важные чекистские задания.

Залегли в кустах. В полукилометре — деревушка. Покосившиеся глинобитные фанзы-развалюхи. Вблизи — озеро. Неоглядные заросли камыша не шелохнутся в безветрии. Должно быть, в камыше по берегу озера дорога. Проехал китаец на арбе. Камыш так высок, что видны только лошадиные уши торчком да соломенная шляпа возницы.

— И... и... и... — кричит китаец, понукая своего конягу.

Семен Щербина прислушался к его крику и тут же вполголоса повторил:

— И...и...и... — обернулся к Коноплеву. — Похоже?

— Вроде бы...

— Есть идея!

Идея Щербины была немедленно одобрена. Выполз Семен из камышей и, подражая крику возницы, побежал по дороге вдоль озера, приглядываясь к берегу: не залег ли где Провакин? Минут через двадцать вернулся ни с чем. Исчез бесследно Провакин.

Решили снова дождаться ночи и под ее прикрытием продолжать поиски товарища. Время тянулось бесконечно долго. Лежали в камышах, глядели в небо.

— Эх, спеть бы сейчас! — мечтательно вздохнул Щербина. — Душа ноет!

Коноплев усмехнулся:

— Петь будем дома, после войны.

Поочередно в бинокли держали под наблюдением деревушку. Надо же, угораздило приземлиться именно рядом с деревней! Не повезло! Видят, собираются у крайней фанзы крестьяне. Что-то взволнованно обсуждают. Тычут руками в небо, поглядывают в сторону озера. У Коноплева упало сердце: раскрыт десант! Выходит теперь, как ни таись, вся округа будет знать. У вестей тут быстрые ноги. А раз округа — значит японцы. Подождали еще полчаса. Ни солдат, ни полицейских среди крестьян вроде бы не видно. Значит, можно рискнуть. Другого выхода нет. Их все-таки шестнадцать! И не новичков. Огонь и воду прошли. Первыми послали Волохина и Гребенкова — для переговоров. Они вышли из кустов. Шли не спеша, во весь рост, в полной военной форме. Остальные из укрытий видели в бинокли, как изумились крестьяне, заметив приближающихся к ним двух советских солдат. Крик поднялся, из всех фанз народ высыпает. Окружили наших, о чем-то горячо судачат.

Волохин поднял руку, делает знак: все, мол, в порядке, идите!

Раз так получилось, надо идти. Остается одно: довериться местному населению. А на это население горько смотреть. Стоят худые, костлявые, в рваных холщовых рубашках, босые. И все от мала до велика улыбаются. Волохин им растолковал по-китайски:

— Мы — передовой отряд Советской Армии. А сама армия совсем недалеко. Скоро сюда придет.

И этими словами вызвал еще большее оживление. А уж восторгу не было предела, когда Семченок распорядился отдать крестьянам на одежду все шестнадцать парашютов. В каждом по семьдесят метров отличного шелка. Словом, контакт был установлен. Некоторые из крестьян принялись кланяться в благодарность. Коноплев их остановил:

— Поклонов не нужно. Мы не господа. Прогонять японцев пришли. Поэтому надеемся на вашу помощь.

Со всех сторон закричали:

— Сделаем все, что скажете! Что нужно? Приказывайте!

— Вначале надо отыскать нашего товарища. Он где-то около озера.

Но Провакин через несколько минут объявился сам. Оказывается, приземлился поблизости от одной из фанз. В фанзе было полно народу — и ночью и днем входили и выходили. Пришлось старшему лейтенанту почти сутки просидеть в болотной жиже, таясь от посторонних глаз. А таиться у него была особая причина. Как-никак при нем шифр.

В деревне разведчики без труда получили все, что им требовалось: проводников и лошадей. Через болота и разливы за одну ночь отмахали шестьдесят километров. Утром, отпустив проводников, пришли в район, куда стремились. По имевшимся данным, здесь должен был действовать китайский партизанский отряд, на который предстояло опереться в проведении операции. Лишь сожженные фанзы увидели на месте партизанских деревень. Поняли: разгромлен отряд. Это было тяжелое открытие. Значит, те-

перь в разведке нужно рассчитывать только на свои силы. А сил немного — шестнадцать человек. Дали радиограмму в Хабаровск. Тут же получили ответ: «Действуйте сообразно местным условиям».

Местные условия... Бесконечные разливы — китайцы сказали, что почти полсотни лет не было такого наводнения, — болота, на клочках суши одна к другой — деревушки. Куда ни сунься, всюду на виду. Нигде не схоронишься. А ведь надо пройти к самым городам, чтобы что-то о них узнать. В городах японские гарнизоны, в деревнях — старосты. На каждом шагу жди засады. Погибнешь, даже не приступив к делу!

Вечером на стоянку группы пришел старик китаец. Он был небольшого роста, щуплый, жидкий пучок волос торчал у него на подбородке вместо бороды. Не спеша, с достоинством подошел к разведчикам, чуть склонил голову в приветствии и вдруг по-русски сказал:

— Здравствуйте, товарищи!

Так они познакомились с Ся Фу-чином, местным крестьянином, который когда-то работал в Благовещенске булочником и знал русский язык. Ся Фу-чин оказался человеком осведомленным. Знал все в округе: дороги к городу и расположение японских военных постов, местных старост и настроение населения.

— Здесь японцев ненавидят. Здесь каждый пойдет за вами. Это большое для людей счастье, что вы пришли. Все мы вам поможем.

— Но у вас ведь нет оружия?

— Как нет! А косы? А колья? А топоры? Даже топоры есть. Немного, правда, — на десять семей по одному, — но есть.

— Почему же не в каждой семье?

— Так наши господа — японцы повелели... Если один человек другому сделал плохо, он всегда его боится. А вам нечего бояться. Вы с добром пришли. Мы поможем вам, вот увидите! Я пойду по деревням и буду собирать народ.

Коноплев слушал старика, и в голове у него созревал дерзкий план. Коль нет партизан, значит нужно искать другую опору. Положиться на крестьян. Крестьяне, кажется, поверили, что вслед за разведчиками идет наша армия. Ведь никто из них не знает, что фронт за сотни километров. Ненависть к оккупантам налицо. Об этом свидетельствуют эти пепелища сожженных деревень, об этом рассказывали крестьяне, Ся Фу-чин клянется в том же. А что, если им опереться на нее, на эту неорганизованную, но сплоченную единым чувством мести крестьянскую массу? И с боем добыть нужные сведения. Топоры и косы тоже что-то могут значить, когда их много. А потом подоспеет и воздушный десант, который по вызову группы чекистов должен прибыть в этот район для взятия здешних крупных городов.

Ся Фу-чин вытаскивает из корзины мелкие, с желтоватой скорлупой яйца, сует бойцам:

— Кушайте. Узнал, что вы здесь, со всей деревни для вас собрал.

Кто он, этот Ся Фу-чин? На вид такой же бедняк, как остальные. Костяшки на кистях рук узловаты, покороблены работой, лицо сморщилось под солнцем в мелкие складочки. Пожалуй, слишком боек. И то, что по-русски говорит, тревожит Коноплева. Осторожность профессионального разведчика не дает ему права довериться первому впечатлению. Вон бойцы уже с Ся Фу-чином как со своим. Едят яйца, удивляются: почему эти яйца изнутри соленые? Суют старику сахар, папиросы. Рядом с Коноплевым сидит поодаль ото всех Семченок и, зажав в уголке рта погасшую папиросу, хмурится. Наверное, у него тоже сомнения есть. Слишком многое доверять приходится этому незнакомому китайцу. А Ся Фу-чин скороговоркой объясняет Волохину и Гребенкову.

— Сейчас подойдет мой сын. Он вас проводит до другого большого озера. Там у рыбаков есть лодки. Вам лучше на лодках по озеру, а не по дороге. На дороге можно столкнуться с японцами.

— А разве вы с нами не пойдете? — спрашивает Коноплев.

Старик улыбается, обнажая длинные желтые зубы.

— Я пойду в деревни подымать народ. У меня одних родственников сто человек наберется.

Приходит сын Ся Фу-чина — Ся Фу-лин. Здоровенный парень. Голова большая, лобастая, с грубыми чертами лица. Губы плотно сжаты, неулыбчивы. Вовсе не похож на отца. И отец ли Ся Фу-чин ему?

Делать нечего. Надо идти. Другого выбора нет. Семченок приказывает глазастому Гайдару:

— Смотри в оба! Каждую травинку держи под присмотром.

С наступлением темноты вышли. Впереди Ся Фу-лин, рядом с ним Гайдар. К полуночи добрались до озера. Достали у рыбаков лодки без особых трудностей, наняли гребцов. Простились со стариком.

— Скоро встретимся, — убеждал он. — На моего сына вы можете полагаться, как на меня.

Флотилия из восьми дырявых суденышек под проливным дождем отправилась в долгое нелегкое плавание. Поначалу шли по поросшим камышам и протокам, потом распахнулся перед ними широченный разлив. На первой лодке вместе с Гайдаром и Гребенковым Ся Фу-лин. Показывал дорогу. Коноплев прислушивался к его отрывистым, уверенным командам, и тревожное чувство заставляло его все время находиться в том чутком напряжении, которое, как взведенный курок, могло каждое мгновение сорваться в стремительное действие. Наготове были и все его товарищи. Каждый вглядывался в темноту и в руках сжимал автомат. Всякое могло быть. Могли нарваться и на засаду. Ведь Ся Фу-чин сам к нам пришел. Мандатов на дружбу не предъявлял. На слово ему поверили. Плыли в полной тишине, даже весла погружали в воду так, чтобы не было всплесков. Уже на рассвете подплывали к цели. Впереди поросший кустарником берег. Пригляделись, шевелится кустарник, мелькают за ним чьи-то головы, поблескивает сталь.

— К бою! — скомандовал Семченок.

И вскинулись автоматы. Но через мгновение высыпали на берег люди. С палками, косами, топорами, и впереди всех Ся Фу-чин. Руки подняли в приветствии, галдят во все горло. Даже

ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

птиц вспугнули на озере. Ничего себе конспирация!

— Всю родню привел! — по-мальчишески задорно кричит Ся Фу-чин, бегая вдоль берега. — Еще сто моих друзей собираются. И еще сто знакомых!

После долгого душевного напряжения легко стало на сердце у Коноплева. Зря, выходит, усомнился в старике. Отличный старик. Настоящий клад для группы. Вон какую ватагу привел! И подростки и старики. Все босоногие, в рванье — голь перекатная. А вид боевой. Грудь колесом держат. Глаза пылают азартом.

— За нами староста бежал, — рассказывает Ся Фу-чин. — Приказывал остановиться. Не подчинились.

— А где же староста? — с тревогой спросил Провакин.

— Как где? Там, где мы с ним поговорили, там и остался. — И Ся Фу-чин выразительно прищелкнул языком. — Плохой человек был.

Ага! Дело принимает серьезный оборот. Раз расквитались со старостой, значит решили всерьез драться. И понял Коноплев, что ответственность командиров группы увеличилась сразу во много раз: теперь отвечают не только за успех операции, не только за своих бойцов, но и за эту сотню, а может быть, и несколько сотен китайских крестьян-бедняков, которые безоговорочно поверили в них и вручили им свои судьбы. Сделай неверный шаг — и запылают снова деревни, и новые жизни лягут на землю под японскими пулями.

В первую очередь нужна дисциплина. Семченок разбил крестьян на группы, и каждая выбрала своего командира. Чтобы командиров легче было отличить, выдали им по зеленой армейской телогрейке. Ся Фу-чин стал главным над всеми ополченцами и тоже получил телогрейку.

Щербина шутил:

— Чем не армия? Можно и Цинган без десанта брать!

От Цингана они находились в двух десятках километров. Китайцы рассказывали: в Цингане небольшой гарнизон Квантунской армии. Вокруг города огромные массивы земли затоплены. Значит, для действия армейских частей условия негодные. Только воздушный десант реален и то без наводки с земли может погибнуть в разливах. Запросили Хабаровск. Им ответили: «Десант пока выслать не можем. Нелетная погода». И, судя по всему, погода такая надолго. Небо взбухло темными тучами, день и ночь осыпается дождем. Какой тут десант!

Чем ближе чекисты приближались к Цингану, тем все больше обрастали стихийными крестьянскими группами. Щербина, никогда не терявший хорошего настроения, посмеивался: «Ся Фу-чин начинал свою полководческую деятельность взводным, а к Цингану генералом подойдет». Это было самое главное — поддержка населения. За группой шла легенда о наступающей Советской Армии, которая будто бы совсем близко. И этой легендой нужно было дорожить. Ведь на самом деле фронт за тридевять земель.

Вблизи Цингана снова запросили по радио Хабаровск: «Что делать?» И тот же ответ: «Нелетная погода. Закрепитесь. Ждите. При первой же возможности пришлем».

Закрепитесь! А где здесь закрепиться? В болотах? В леса отходить поздно. Лишний день промедления — и вся операция провалится. Японцы ждать не будут. Неудачи преследуют группу: высадка на виду у всех, отсутствие партизанской базы, на которую рассчитывали опереться, и вот в довершение всего нелетная погода.

Надо что-то решать. И немедленно. Сели в сторонке три старших лейтенанта — Семченок, Коноплев, Провакин.

— Закрепиться можно только в городе. Выход один — брать Цинган своими силами.

«Своими» — это шестнадцать советских разведчиков и сотни три практически безоружных крестьян под руководством Ся Фу-чина, который хотя и называется «главнокомандующим», но даже не умеет держать в руках пистолет. А Цинган — город не из заштатных — около семнадцати тысяч населения. Солидный город.

Семченок вздохнул.

— Всякое у меня бывало, но чтобы с шестнадцатью автоматами брать город...

Он служил в отрядах Ковпака, участвовал во многих дерзких и отчаянных операциях, ко всяким неожиданностям привык. Его сомнение имело немалое основание.

Но был в противовес всем сомнениям другой довод. Самый главный. Шло стремительное наступление Советской Армии. По всей линии фронта наши части взламывали оборону противника, нанося ему сокрушительные удары. Советские войска продвигались в глубь Китая, освобождали районы Кореи, теснили противника на Сахалине, штурмовали Курильские острова. Весть о молниеносном продвижении Советской Армии проникла в самые отдаленные уголки оккупированных районов, сея среди захватчиков панику и растерянность. Крестьяне, посланные на разведку в Цинган, сообщили: японцы нервничают. Значит, нужно воспользоваться этой растерянностью. Ошеломить врага внезапностью нападения именно там, где он его еще не ждет...

Их разговор нарушили подошедшие Волохин и Ся Фу-чин.

— К старику гонец из соседней деревни прибыл, — сказал Волохин. — Еще несколько десятков идут. Примем?

— Давай!

Коноплев задумчиво взглянул вслед Ся Фу-чину. Ишь как бодрится старик! Идет подтянутый, ног не волочит, как прежде. Пришел к ним старичком-крючком, а сейчас разогнулся, будто двадцать лет сбросил. И вправду в Цинган войдет крестьянским генералом. Народ валом валит к нему.

— Идем на Цинган! Другого пути нет!

Это уже был приказ.

У стен Цингана

К утру они подошли к Цингану. Залегли в кустах. Город на зеленой подушке холма будто выставлен напоказ, как игрушка. За высокой глинобитной стеной сутолока крутых кособоких крыш. У темного зева ворот — муравьиная возня людей. Входят — выходят. Пригляделись: простой трудовой люд. Солдат не видно. Интересно: узнали уже японцы о высадке разведчиков? Ся Фу-чин утверждает, что узнать могут только от старост, а окрестные старосты на всем пути

группы под наблюдением. Об этом заботятся люди Ся Фу-чина. Приняли по радио последние новости. Они были поразительными: наши войска продвинулись в глубь страны на сотни километров. Преодолели хребет Большой Хинган. Расчленяя главные силы противника, ведут наступление на Цицикар, Мукден, Гирин, находятся недалеко от Харбина. Новости вселили больше уверенности в успех задуманного.

Ждать нужно полный день. Пока не стемнеет. Запасы продуктов кончились. Остался только НЗ — особые шоколадные таблетки с кофеином. Последняя надежда разведчиков на случай крайнего истощения. Выручили крестьяне-ополченцы. Принесли кукурузных лепешек с чесноком, помидоров, земляных орехов. Распределили на всех. Каждому досталось по крохе. Наши знали: крестьяне делились последним. Даже неловко было брать.

— Лепешки эти — совсем пустяк, — философствовал Ся Фу-чин, — пустяк по сравнению с целой жизнью, которую вы из-за нас отдаете на милость случая.

И все-таки бедняцкая жесткая лепешка была очень кстати изголодавшимся разведчикам. Два дня назад в одной из деревень на пути к Цингану группа завернула в дом местного помещика. Увидев вооруженных солдат с красными звездами на пилотках, помещик струхнул. Велел слугам готовить рис, нести сало. Сопровождавшие чекистов крестьяне-проводники робко толпились на улице, не смея войти в барский дом. Иван Белоногов крикнул:

— А вы что стоите? Заходите смелей! Вы же теперь тоже солдаты, а не рабы.

Крестьянский сын, он легко сошелся с китайцами, не упускал случая по пути хотя бы мельком взглянуть на их нехитрое крестьянское хозяйство, многому удивлялся. И открыто горевал: до чего же бедно живут! Когда в помещичьем доме проводники ели рис, то казалось, руки их священнодействовали, а глаза наслаждались каждой горсткой. Рис, оказывается, был для них лакомством.

Сейчас, у Цингана, завершая свою скромную трапезу и чувствуя, что только раздразнили аппетит, вспомнили разведчики о помещичьем угощении. Вот бы сейчас снова завалиться к богатею в гости! Щербина усмехнулся:

— Если вместе с «армией» Ся Фу-чина, то после одного коллективного завтрака помещик сам пойдет побираться по деревням.

Все рассмеялись. Только Белоногов с серьезным лицом вдруг обратился к Коноплеву:

— Степан Федорович! А после того, как выбьем японцев, неужели здесь по-прежнему останутся помещики?

— Это дело китайцев, — пожал плечами Коноплев. — Но думаю, что не останутся...

К наступлению темноты снарядили две оперативные группы. Одну для предварительной разведки. Ей предстояло подкрасться к городской стене и приметить наиболее подходящие ворота, через которые можно незаметно проникнуть в город. Другую группу направили в обход Цингана. Ей предстояло перерезать связь с соседними городами.

Во мраке Цинган светился редкими желтыми огнями и был похож на груду тлеющих головешек. Снова пошел дождь и уже не прекращался всю ночь. Монотонный шум капель на листьях кустарника усиливал чувство тревоги.

Первыми явились связисты. Доложили: телеграфные и телефонные линии перерезаны.

Вторую группу ждали дольше. Они промокли до нитки и с головы до ног были в грязи. Им удалось выяснить: все ворота наглухо закрыты. Главные изнутри охраняются солдатами. Если попытаться силой выбить ворота, часовые откроют стрельбу и по тревоге поднимут весь гарнизон. Значит, следует придумать что-то иное.

— Степан Федорович! — вдруг оживился Щербина. — Пирамидку надо сделать.

— Какую пирамидку? — не понял Коноплев.

— Один на другого пирамидкой... По ней через стену... Мы с Леней и махнем туда первыми. Как под Берлином. Помните?

Прошлый опыт не пропадает даром. Во время операции под Берлином группе в поисках секретных документов понадобилось проникнуть в расположение сторожевого отряда противника. Щербина с Леонидом Иваненко, опираясь на плечи товарищей, по-кошачьи бесшумно перелезли через стену, сняли часовых и открыли ворота всей группе. Нападение на казарму оказалось внезапным, и цель операции была достигнута.

— Так сделаем и на этот раз, — сказал Семченок.

План операции был прост. Несколько человек пробираются через городскую стену, снимают охрану у ворот и открывают ворота. Чекисты с небольшой группой крестьян, возглавляемой Ся Фу-чином, врываются в резиденцию начальника уезда и берут его в плен. Вся остальная масса крестьян блокирует казарму гарнизона, создавая как можно больше шума, но не вступая с противником в бой.

— Ни в коем случае на казармы не нападать, — строго предупредил Семченок. — Вы безоружны, и вас всех перебьют.

Было задумано захватить город с наименьшим числом жертв. В этом состоял весь смысл операции, разработанной еще в Хабаровске для воздушного десанта. И хотя в данном случае десанта не оказалось и операция проводится в иных условиях, с иными силами, задача у нее прежняя — избежать кровопролития, и помочь в этом должен чекистам их большой опыт, особая подготовка и смелость. Старая истина, опытный профессиональный разведчик одной тайной акцией может порой сделать больше, чем целое армейское подразделение в открытом сражении. На это и была сейчас ставка.

Глубокой ночью с особой осторожностью двинулись к стенам города. Погода была самая подходящая. Насыщенный влагой мрак надежно скрывал участников штурма от наблюдения японских часовых. Те из китайцев, кто был обут, сняли обувь, чтобы шаг сделать совсем неслышным. Коноплев поразился: сотни человек идут за разведчиками во мраке, и ни единого звука. Каждый, должно быть, чувствовал всю важность и необычность по смелости и риску задуманной операции. И чем ближе они подходили к цели, тем больше Коноплев проникался уверенностью, что с такими помощниками они добьются своего.

У стены молчком сложили пирамидку, как предложил Щербина. Будто всю жизнь проработали в цирке: плечо к плечу, спина к спине, наши и китайцы. Получилась отличная пирамида в четыре этажа. Щербина, Метелкин, Иваненко и молодой китайский крестьянин быстро перемахнули на ту сторону стены.

Все остальные собрались у ворот. Настороженно прислушивались. За воротами — ни звука. Только дождь монотонно стучит по железной кровле ближнего дома.

И вдруг резкий, как выстрел, лязг тяжелых засовов, скрежет петель и голос Метелкина из мрака распахнутых ворот,

— Все в порядке!

Вот и наступила решающая минута. Теперь только смелость и быстрота. И как можно больше шума. Наверное, город во сне вздрогнул от внезапно взорванной тишины. В шестнадцать голосов «ура!», в сотни голосов торжествующий клич крестьян «ваисуй!», мощный топот ног по мостовой, автоматные очереди в воздух для пущего эффекта. Казалось, целая армия ворвалась в скованный дремой Цинган.

Рядом с Коноплевым и Проваким бежал Ся Фу-чин. Он вел разведчиков к дому начальника уезда. Ошалевшие от неожиданности охранники у дверей дома подняли руки. Уездный начальник выскочил из спальни в нижнем белье и дико вращал белками глаз под направленными на него дулами автоматов. Сложив на груди ладони, бормотал:

— Только пощадите мою семью, умоляю вас. Умоляю вас...

Ему дали время успокоиться и одеться.

Семченок сказал:

— Господин начальник уезда! В город вошла передовая часть Советской Армии. Всякое сопротивление бесполезно. Я, командир части, гарантирую безопасность вам, вашей семье и всем вашим подчиненным. Но вы немедленно должны отдать приказ гарнизону о полной капитуляции.

Откуда мог знать уездный начальник, что у захватившей Цинган воинской «части» всего-навсего шестнадцать автоматов. Он оказался трезвым человеком. Через десять минут перед ним стоял его адъютант, и начальник, пытаясь овладеть голосом, выдавливал из себя фразы:

— Немедленно вместе с представителем советского командования явитесь в гарнизон и... сообщите офицерам мой... мой приказ: сложить оружие!

В казарму с адъютантом уездного главы были посланы Волохин и два автоматчика. Через час он вернулся и отрапортовал:

— Гарнизон капитулировал. Оружие забрали крестьяне.

Резиденция уездного главы была превращена в штаб. Коноплев поручил Ся Фу-чину обеспечивать порядок на улице и не допускать расправы над японскими военными и их семьями. Был отдан приказ освободить из тюрьмы политических заключенных. Взяли под охрану телефонную станцию и прекратили в городе всякую связь по телефону. Подчиненные Ся Фу-чина, простые крестьяне-бедняки, стихийно присоединившиеся несколько дней назад к группе советских разведчиков, не имевшие никакого понятия о военной дисциплине, сейчас в отбитом у оккупантов городе вдруг стали проявлять солдатскую организованность и хозяйскую деловитость.

К утру чекисты окончательно убедились, что сопротивления противника в городе нет. И тогда была послана в Хабаровск изумившая тамошнее начальство радиограмма: «При поддержке местного населения овладели Цинганом. Гарнизон капитулировал. В городе полный порядок». Хабаровск не поверил и потребовал нового подтверждения. В самом деле, трудно было поверить: сотни километров от фронта, глубокий тыл противника, и вдруг шестнадцать отчаянных парней овладевают семидесятитысячным городом. Но суть состояла именно в том, что их было вовсе не шестнадцать.

Когда рассвело, у резиденции уездного главы собралось множество горожан и крестьян из окрестных деревень. Начальник уезда, который всю ночь под охраной находился в своем кабинете, подошел к окну и изумился:

— Простите, — обратился он к Семченку, — а где же ваши солдаты? Я совсем не вижу ваших солдат.

Семченок рассмеялся:

— Как не видите? Вон их сколько! Тысячи...

Надо было теперь перед этими тысячами морально закрепить победу. Власть оккупантов в Цингане свергнута. Китайский город отныне принадлежит не чужеземцам, а самим китайцам. И в этом должны убедиться все. Тогда сегодняшняя военная победа будет окончательно утверждена в сознании людей. А это главное. Сорван со здания резиденции и растоптан горожанами ненавистный флаг врага. Нужно водрузить другой. А какой именно? И вдруг является к Коноплеву старик.

— У меня есть наш, китайский национальный старинный флаг, — говорит он и вытаскивает из-под своей драной куртки такое же потрепанное полотнище. — Много лет хранил...

Ну что ж, хоть обветшалый, но все-таки свой, национальный флаг. Пусть сейчас будет он, а потом китайцы сами разберутся, какой им лучше подходит.

— Поднимайте!

И взмыло на флагштоке полувыцветшее полотнище, затрепетало на ветру, и радостный многоголосый крик, похожий на вопль, потряс площадь.

...Пора было расставаться с Цинганом. Чекистам трудно уже было появляться на улицах. Их мгновенно окружали толпы людей, каждый старался выразить свою признательность. А чекисты торопились. Время торжеств еще не наступило. Еще впереди был Ланьси, и Хабаровск, окончательно поверив в удивительную способность группы брать города, дал команду: идите на Ланьси! То, что случилось в Цингане, конечно, исключение. Не так-то легко складывали оружие оккупанты. Во многих местах японцы оказывали нашим наступающим частям отчаянное сопротивление, и сломить его стоило немалых жертв. Успех разведчиков-чекистов в Цингане прежде всего объяснялся страхом оккупантов перед неудержимым натиском Советской Армии.

Утром в Цингане Провакин встретился с пришедшим из Ланьси советским разведчиком, который давно находился в Китае и временно утратил связь с центром. Он сообщил: в городе среди оккупантов паника. Раздутый народной молвой слух о проникших в глубокий тыл со-

ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

ветских бойцах превратил крошечную группу чекистов чуть ли не в целую армию. Японцы спешно оставляли Ланьси.

В полдень группа чекистов выступила в поход. Нет, это была вовсе не группа. Это было боевое подразделение уже не только с косами и топорами, но и с оружием. Впереди шли Семченок, Провакин и Коноплев вместе с Ся Фучином и его сыном. Потом четким, как на параде, строем — чекисты, а за ними — на всю длину улицы пестрая и шумная колонна ополченцев. Отряд шел по живому людскому коридору, в колыхании вскинутых рук, в блеске улыбок. Где-то играл оркестр, падали на мостовую цветы, и Коноплеву казалось порой, что все это сон.

Каких-нибудь несколько дней назад шестнадцать парашютистов, прижимаясь к раскисшей под дождями чужой земле, с напряжением разглядывали незнакомый мир, в который упали с неба. Перед ними была неизвестность. Не страшась ее, они шагнули навстречу своей судьбе и нашли себе в этой неизвестности бессчетное множество друзей. Вместе с ними они вдруг превратились в огромную непреодолимую силу, перед которой в страхе отступает враг. И ради сегодняшнего дня стоило снова оставлять в тоске своих заждавшихся мира жен, прыгать на парашютах в ночь, пробираться через болотную топь и потом, в завершение всего, идти на самый отчаянный риск, который в другой обстановке мог бы показаться безрассудством.

Рядом с Коноплевым шагает Ся Фу-чин. На боку у него пистолет. Несмотря на жару, так и не снял защитной «командирской» телогрейки, которую получил от Коноплева. Коноплев видит на лице старика и гордость и растерянность одновременно. Не привык старик еще быть начальником, а героем, которому бросают под ноги цветы, тем более. Замечательный человек этот Ся Фу-чин. Как жаль, что скоро с ним придется расстаться!

— Товарищ командир! Можно песню?

Это Щербина. Неутомимый запевала. Дождался, наконец!

— Давай, Семен!

Будто того и ждали. Начали голос в голос дружно, с задором:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...

...На другой день подошли к Ланьси. Город сдался без единого выстрела. Группа двинулась дальше для выполнения новых задач.

...Спустя несколько дней направлявшаяся к Харбину авангардная советская воинская часть вдруг неожиданно встретила на дороге шестнадцать бойцов в полной форме и при оружии.

— Откуда вы здесь взялись? — изумился командир части.

Семченок ответил:

— Мы из воздушного десанта, сброшенного со специальным заданием.

— Ну, и выполнили свое задание?

— Так точно. Овладели городами Цинган и Ланьси.

Командир горестно покачал головой, оглядывая парашютистов.

— Маловато вас осталось...

Коноплев улыбнулся:

— Почему маловато? Все в сборе...

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Я знаю его давно. Когда в конце войны мы прогрызали оборону Курляндского «котла», он, тогда еще молодой следователь, очищал за нами тылы фронта.

Немецко-фашистская разведка оставила в лесах освобожденной Прибалтики многочисленные диверсионно-разведывательные группы «Цеппелин», «Ягдфербанд Остланд» и буржуазно-националистические банды.

По замыслу руководителей гибнущего рейха эта незримая армия должна была дезорганизовать тыл Красной Армии и вести повстанческую вооруженную борьбу. Снабжаемые по воздуху диверсанты и бандиты совершали акты террора и диверсии, грабили хозяйства хуторян, а затем прятались в бункера глухих лесных чащоб. Их приходилось искать и выковыривать с боями, с тяжелыми потерями.

В составе чекистских групп он мотался по лесам и хуторам и обезвреживал немецкую агентуру. Он помнит многие трудные операции. И особенно операцию в Екабпилсской волости. После нее он хоронил погибших друзей, много размышлял о своей работе и многому научился.

Их оперативная группа долго выслеживала банду Арвида Пурманиса, оставленную СС «Ягдфербанд Остланд». Составленная из агентов-диверсантов банда разрослась за счет латышей, обманутых буржуазно-националистической пропагандой.

Сам Пурманис и его штаб укрывались где-то на берегу Даугавы. Но бункер долго не удавалось найти. Не помогли ни местные следопыты-охотники, ни служебно-розыскные собаки. Нужен был опытный следователь-криминалист. Он еще тогда не был им, но пошел.

Тропинка, на которой были замечены бандиты, прорезывала делянку леса. Входные следы вели в лес, выводили на тропу и там пропадали. Вместе с автоматчиками он прошел вдоль тропы несколько раз. Но ни сходов с нее, ни других подозрительных признаков не обнаружили. Следы точно испарились.

Они вышли на опушку леса. Он приказал остановиться и передохнуть. Бойцы сидели и курили. А он стоял, прислонившись к сосне, и думал:

«...Неужели придется возвращаться ни с чем? Ведь сам напросился. И что скажут товарищи, начальник группы?.. У них-то была надежда на меня, они сами говорили...

Может быть, я поверхностно осматривал? Нет, вроде все внимательно исследовал. А чем ты смотрел? Глазами? Тут одних глаз мало! Ты же следователь, а настоящий следователь в своем искусстве опирается на технику, науку! А у тебя даже простого увеличительного стекла нет!»

Бойцы старались не глядеть на него, но в их лицах он угадывал сочувствие к себе. Это не успокаивало. Наоборот. Он злился на себя за беспомощность и неуменье.

«...А что, если бы действительно вооружиться микроскопом и вот так, как сейчас, рассматривать эту щеточку хвои и каждую ее иголочку?..»

У сельского часового мастера он выпросил лупу и утром снова вернулся в лес. «Не уйду, пока не раскрою загадку следов!»

На коленях он медленно полз по тропинке, изучая каждый стебелек, каждую былинку травы. Лесной полумрак затруднял осмотр. Но когда солнце поднялось в зенит, работать стало легче — светлее. Автоматчики как тени следовали за ним. Им уже наскучили эти бесплодные поиски, и они равнодушно поглядывали на его согбенную фигуру. А они казались ему с земли какими-то великанами, контролирующими каждое его движение. И может быть, сознавая ответственность и перед ними, он обследовал с особым старанием.

Вот обследован еще один метр и еще... Мешают капли пота, пистолет сползает на живот. «Отдать им? Нет! Отдам шинель — она уже мокрая». Быстро намокают брюки, гимнастерка. А он все ползет и ползет, осушая телом росу.

Но что это? На лепестках брусники — махорочные крошки. И на цветках вереска тоже. А вот еще... и еще... И трава стала иной: травинки не сломаны, не изжеваны, а чуть примяты чем-то мягким.

Впереди тропу перегораживала длинная мачтовая сосна, поваленная ветром. «На сосне отдохну», — решает он. Но отдыхать не пришлось: там тоже махорка. В его воображении невидимая дорожка из махорки как будто взбиралась на сосну и вела к ее макушке. Но крошек здесь было меньше, и они маскировались под цвет коры.

Странно: чешуйки коры кое-где содраны. И тоже ведут по направлению к макушке. «А может быть, и в сторону корневища?» И он ползет назад. Но нет, ни махорки, ни содранных чешуек там нет.

Ломит спина, немеют руки. Он выпрямляется. И впервые за два дня улыбается. Чему? Еще не ясной находке? Нет, скорее догадке.

Бойцы жуют свой сухой паек.

— Поешьте, товарищ лейтенант.

— Спасибо, не хочу.

И думает: «Успеть бы засветло!»

И снова на корточках ползет вдоль сосны. Уже видна вершина. Она, распластавшись, утопает в мягкой подстилке зеленого мха. Ствол уже тоньше. Но пропали крупицы махорки, кора целая и невредимая. «Надо осмотреть мох». Он ползает по нему как по перине. Мешают ветки. Он приподнимает одну, чтобы про-

лезть под ней дальше. Но что это? Вместе с веткой приподнимается мох. Приподнимает ветку снова — и снова шевелится и приподнимается мох. Еще раз, но уже чуть выше — поднимается ровный квадрат мха. Наконец он обнаруживает замаскированный люк в бункер.

Оставив засаду, он спешит на хутор, где располагается оперативная группа. Вскоре он докладывает начальнику:

«...Бандиты делали это так. Выходили на тропу и посыпали след махоркой. Затем снимали обувь — там трава слегка примята. К сосне подходили босиком или в носках. Взбирались на сосну и шли по ней к макушке, где у них лаз. Спускались в бункер — крышка закрывалась. А ветка сосны, как пружина двери, плотно прижимала крышку...»

К вечеру вокруг лаза расположились автоматчики. Бандитам предложили сдаться. Ответа не было. Казалось, бункер необитаем. Но через несколько минут по оперативной группе ударили два «шмайса» — немецких пулемета. Как потом выяснилось, бункер имел еще два запасных выхода. Бандиты вышли через них и решили расправиться с чекистами. Завязался бой, который длился до полуночи. Многие чекисты были ранены, некоторые убиты.

Главарю и его приближенным через третий запасной выход удалось бежать к Даугаве и на лодке переправиться на другой берег. Только через месяц его удалось схватить.

...Утром он осматривал место боевого столкновения, убитых бандитов, оружие, рации, допрашивал заросших щетиной «лесных братьев», как они себя называли. А они сидели перед этим хрупким и утомленным латышом, дивились его молодости и умению «разматывать» их, проникать в души, угадывать мысли...

Он отделил случайно попавших в банду под угрозой или с помощью обмана.

Они удивлялись тем, что их не бьют, не пытают, а стараются понять цели и мотивы поступков. А он стремился найти в них те осколки убежденности, пусть неправильной, враждебной, но которую нужно было развенчать и опровергнуть. И когда выяснялось, что никаких враждебных Советской власти убеждений у них нет, а они сбиты с толку гитлеровской пропагандой и буржуазными националистами, то они напоминали ему петуха из латышской пословицы, который запутался в кудели.

Но были и другие, из уголовников и злобных и убежденных противников, видевших в немецко-фашистских войсках лишь союзника, с помощью которого можно будет установить свою, буржуазную власть. С такими было трудно. В той тяжелой операции захватили инструктора по диверсии, заброшенного специально немецкой разведкой, Яна Зелвиса. Он хитрил и увиливал, пытаясь скрыть свою преступную деятельность.

— Итак, вы участвовали в боях с Красной Армией?

— Да, участвовал, ездовым в январе 1943 года под Новосокольниками.

— А потом?

— Потом был ранен в ногу и лежал в госпитале.

— Где?

— В Риге.

Но выяснилось, что в Риге его не было. И снова:

— Где?

— Под Берлином.

— Сколько вы там пробыли?

— Шесть месяцев.

— И все шесть месяцев в госпитале?

— Да, то есть нет. Четыре месяца я находился в команде выздоравливающих.

— Почему так долго?

— Ранение тяжелое.

Но он не верит и проводит освидетельствование Зелвиса. Врачи-специалисты, осмотрев рану, заявляют, что ранение легкое, кость не задета и самое большое время на лечение — не более месяца.

И снова допрос. Теперь уже Зелвис выдвигает другую версию. Он обучался на курсах резьбы по дереву, чтобы потом учить раненых в немецких госпиталях. Он рассчитывает, что следователю трудно будет проверить эти показания.

Но следователь находит мастера резьбы по дереву, просит у него инструменты на неделю.

Наконец вызывает Зелвиса. Раскладывает перед ним инструменты и в присутствии понятых предлагает продемонстрировать свое умение резьбы.

Зелвис тщательно рассматривает инструменты, отодвигает их в сторону и говорит:

— Гражданин следователь, хотя вы и молоды, но вас не проведешь. Отпустите понятых, я расскажу, чему меня учили немцы, почему я оказался здесь...

— А я знаю. После госпиталя вы обучались в учебном центре в Бранденбурге диверсионному делу...

— Правильно, но дальше я расскажу сам...

Но и среди таких непостижимым чутьем следователя он часто находил заглушенные человеческие качества, поднимал их достоинство и склонял на сторону. И тогда допросы превращались в горькую, страшную исповедь о похождениях в СС, учебе в диверсионных школах, об убийствах, поджогах... Они прозревали, раскаивались и соглашались идти в логово банды и привести всех к нему. И сколько бы ни прошло через него этих заблудившихся или ущербных людей, они всегда помнили его! Потому что он отдавал им и частицу себя — своей убежденности.

Потом мы встретились уже тогда, когда вместе проверяли дела по жалобам осужденных. Его выводы и суждения отличались гуманностью и строгой принципиальностью.

Иногда казалось, что следствие он ведет медленно, но всесторонне и верно, без сенсаций и шумного успеха. Получалось так, что порой к нему попадали самые трудоемкие и самые запутанные дела. И он всегда работал не только душой, но и умом. И потому все, что он делал, каждое его следственное действие отличалось объективностью и глубоким обоснованием.

Как-то недавно мы шли с ним по улице. Нас встретил бывший его подследственный, дело которого он в свое время вел. Тот с благоговейным уважением говорил о нем, как говорят с хирургом, успешно сделавшим сложную операцию. Звал в гости, с гордостью добавляя: «...Сергей Карлович, меня теперь снова уважают».

Его друг и жена Августина Владимировна Ландер — тоже следователь, и тоже подполковник, и тоже во многом сходна с ним. Ее тоже знают

н помнят многие. Недавно она была в гостях в Подольске у своего бывшего подследственного. Из сорока с лишним лет половину жизни он провел в тюрьме. За уголовные преступления. В него уже многие не верили. И сам он потерял веру в себя. Она поверила и заставила поверить его. Он принял ее как сестру, на всю жизнь остался благодарен ей — она сделала его человеком. Теперь его уважают, ценят и семья и коллектив завода, где он работает.

Я как-то спросил Ландерову: «Что вам нравится в следственной работе, в этой подчас работе «на износ»?»

«Человек! И еще — состояние... ну, когда и болеешь, и лечишь, и учишь, и учишься...»

Я подумал, что людей всегда будет восхищать одухотворенность, которая только и может определяться прочным убеждением и глубокой идейностью.

И, зная из истории о его родителях, я однажды сказал ему, что он напоминает отца. И без ложного пафоса и рисовки он скромно ответил: «Я стараюсь походить на него».

О его отце — Карле Ивановиче Ландере, революционере, соратнике В. И. Ленина и Ф. Э. Дзержинского, дипломате, ученом, написано не очень много, но ничего не написано о нем как о чекисте, преемственность которого сохраняется его сыном и другими чекистами наших дней.

Родился Карл Иванович в 1883 году в бедной латышской семье. Рано примкнул к левым социал-демократам в Лиепае. Потом первый арест. Выпустили его под залог и по ходатайству Л. Н. Толстого, с которым Карл Иванович переписывался. Работа, учеба, научная и революционная деятельность. Баррикадные бои в Москве. Затем Самара, жизнь и работа под негласным надзором полиции. Фронт, революция.

В 1917 году Карл Иванович — председатель Минского Совета рабочих и солдатских депутатов и Революционного комитета Западного фронта, депутат и член ВЦИК. С весны 1918 года — он в Москве нарком государственного контроля. В своей краткой автобиографии Карл Иванович пишет скупо: «... через несколько месяцев после реорганизации Наркомата госконтроля в РКИ я перешел в ВЧК, где шла напряженная работа в связи с волной заговоров и покушений. Сначала — особоуполномоченный в центре, затем — начальник особого отдела Кавказского фронта и особоуполномоченный ВЧК и ВЦИК по Донской области и Северному Кавказу...»

Сложное и все еще тяжелое для молодой Советской республики время. Деникин разбит, но не добит. В конце 1919 года Карла Ивановича посылают на Дон для укрепления особых отделов армий и координации местных ВЧК и особых отделов.

Вместе с Красной Армией он освобождает Ростов и другие города.

14 февраля 1920 года в телеграмме Ф. Э. Дзержинскому К. И. Ландер сообщает:

«...Взята значительная часть материалов, в том числе секретная переписка английской миссии. Арестованы главари монархического союза. Произведена выемка в белогвардейских газетах — 10 мешков документов. Приступаю к обыску бывших гражданских и военных учреждений деникинской армии. Местные особые отделы слабы. Особое внимание обращаю на особый отдел армии Буденного. Во главе стоит Лин-

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

тин, политически честный, но слабый — следует назначить другого. В армию пробрались бывшие офицеры, вносят разложение — расстрел политкомов. Эти сведения просачиваются к противнику. Здесь необходима основательная чистка. На очереди ряд операций...»

Через два дня, 16 февраля 1920 года, ответная телеграмма:

«Ростов и далее в Новочеркасск. Вагон 1012 Южной железной дороги — Ландеру». Товарищ В. Р. Менжинский санкционирует замену Линтина и проведение чекистских мероприятий в отношении оставленной агентуры деникинской разведки и пресечения враждебной деятельности иностранцев, действующих под прикрытием иностранных консультов.

За событиями на юге России пристально следит В. И. Ленин. Он внимательно читает доклады и телеграммы Ландера. Но, как бы они ни были полными, Владимир Ильич просит вызвать Ландера в Москву, чтобы лично слышать от него о положении дел на юге. И здесь проявляется черта ленинского стиля: максимально знать из непосредственных источников.

В апреле 1920 года Карл Иванович приезжает в Москву, отправляется на доклад к В. И. Ленину.

В архиве сохранилась строгая и очень скупая запись Карла Ивановича о состоявшейся беседе с Владимиром Ильичем.

«...Обрисовав положение дел на Дону на основании впечатлений от поездки и привезенных материалов, я указал на то, что по станицам и городам там сгруппировалось много белогвардейцев, разбежавшихся из армии Деникина, и что согласно материалам, взятым при моей первой командировке, там летом подготовляется ряд восстаний.

На это Владимир Ильич сказал, что все такие восстания необходимо подавлять в зародыше, а организаторов, активных белогвардейцев, заговорщиков, а равно лиц, прячущих других и оказывавших активное содействие деникинцам, по обнаружению их — наказывать, широко оповещая население, за что и кто именно наказан. Точно так же следует поступать с активными выдающимися руководителями деникинской армии, оставшимися на месте и могущими быть организующим ядром белогвардейцев.

Я сообщил также Владимиру Ильичу, что на Дону, в частности в Ростове, имеется сильный центр меньшевиков с Васильевым и Плесковым во главе, который пользуется большим влиянием, и так как при Деникине эти господа занимались борьбою с большевиками, то теперь могут оказаться очень опасными для нас. То же самое я сказал и о правых социалистах-революционерах.

На это Владимир Ильич заявил, что таких меньшевиков и правых эсеров ни в коем случае в Ростове оставлять нельзя и что если против них имеется материал, то необходимо их отправить сюда, в центр, и предать суду, создав большое политическое дело. Если мы оставим их там, то они могут нам принести особенно серьезный вред.

По вопросу о кооперации, в которой на До-

ну укрылась масса иностранцев и контрреволюционеров, Владимир Ильич высказался в том смысле, что необходима самая строгая чистка этих организаций на основании тех материалов, которые изобличают их контрреволюционность.

Для создания надежной опоры в период борьбы за укрепление там нашей власти... Владимир Ильич полагает необходимым направить туда отряды рабочих по преимуществу из голодающих губерний, для чего придется, по его словам, обобрать еще раз Питер, Москву, Иваново-Вознесенск. Создание прочных и надежных отрядов ВОХРа там он считает тоже задачей первой важности...»

Через некоторое время в Москве, как и в других городах, по указанию В. И. Ленина начинают формировать коммунистические отряды особого назначения для отправки на юг. С московским отрядом едет и двадцатилетняя латышка коммунистка Вальда Фрицевна Гендрих. В Ростове ее оставляют работать секретарем представительства ВЧК на Северном Кавказе и в Донецкой области. А спустя неделю, 27 апреля 1920 года, после беседы с В. И. Лениным в Ростов председателю Ревтрибунала в ответ на его просьбу о помощи Ф. Э. Дзержинский телеграфирует:

«...На днях на Кавказский фронт выезжает тов. Лаидер, облеченный широкими правами от ВЧК и ОО ВЧК *, который вполне сумеет продолжать ведение следствия, если оно потребуется...»

По приезде в Ростов Карл Иванович встречается с Вальдой Фрицевной. Совместная работа в ВЧК, знакомство, дружба переросли в любовь. Они делили вместе все тяготы и успехи всей сложной борьбы за Советскую власть на юге. Вальда Фрицевна помогала ему как друг и товарищ.

С помощью особоуполномоченного Реввоенсовета Кавказского фронта Г. А. Атарбекова, председателя Дончека В. И. Савинова и многих других коммунистов-чекистов Карл Иванович проводит большую работу по укреплению Советской власти и разгрому контрреволюции.

Сохранившиеся телеграммы в Москву свидетельствуют о многогранной его деятельности на юге России.

Например, в телеграмме В. Р. Менжинскому он сообщает о том, что реорганизацию особых отделов Кавказского фронта закончил, весь комитет меньшевиков во главе с Васильевым арестован, организовал Совет партийной работы, Рабоче-крестьянскую инспекцию и т. д. и т. п.

Вся предварительная работа по проведению операций, о которых он докладывал в Москве, была закончена. И они начались под руководством Карла Ивановича. Их было много. Но мы расскажем о двух.

Операция „Бело-зеленые камыши“

Она началась с того, что на одном из допросов деникинский офицер сотник Попов показал, что в Ростове существует подпольная организация «Комитет по формированию армии спасения России». Эта организация поддерживается заграничной разведкой и связана с бело-зелеными отрядами Дона.

— Я знаком с членом этой организации Анной Галкиной... — рассказывал Попов.

Чекисты принимают решение войти в доверие к Галкиной и проникнуть в эту организацию. Это задание поручается одному из сотрудников Дончека, который выдает себя за некоего Бахарева Б. А., якобы знакомого Попова по прежней службе. Бахарев Б. А. поселяется в доме, где живет Галкина, и входит к ней в доверие.

Через некоторое время Галкина приводит его на Сенную, 110, там проживают видные члены организации Горбатенко и Вишнякова. Это явочная квартира. Бахарева Б. А. проверяют, потом дают поручение — тоже проверка. Затем связывают с Завьяновским, он же Куберов, а в действительности князь, генерал-майор Ухтомский К. И., руководитель организации. Он не по возрасту бодр, молчалив и подозрителен. Но и здесь проверка проходит благополучно.

Бахарева назначают курьером. Он возит в станицы и хутора деньги, пакеты, приказы. Копии их доставляют в ЧК. Так Бахарев связывается с начальником 1-го Южного округа полковником Назаровым-Лагутиным и другими офицерами.

Из приказов и других документов чекисты устанавливают состав участников «спасения России», готовящих восстание. Оно должно начаться 24 июля со звона колоколов под видом переноски икон. Начало возлагается на святого отца Вихровского.

Медлить нельзя. Первый этап операции проходит в Ростове. В одни сутки арестовывают председателя комитета и начальника армии князя Ухтомского К. И. и еще 60 человек. Чекисты изымают оружие, боеприпасы, аппарат Морзе, деньги, списки еще 75 человек, приказы Ухтомского, инструкции и план восстания.

По изъятым документам организация состояла из 6 отделов.

Военный — председатель комитета, он же начальник армии, генерал-майор Ухтомский К. И.

Агитаторский — духовенство.

Связь на местах, с главным центром и заграницей и другие отделы.

Цели и задачи: «Путем организации бело-зеленых банд поднять вооруженное восстание, захватить Ростов, вырезать всех коммунистов и установить другую власть, а затем продолжать наступление на Россию».

Опора организации — как гласит инструкция по формированию партизанских отрядов — исключительно консервативно-хозяйственные элементы населения, как-то: более обеспеченные отрубные и другие.

Князя Ухтомского вызывают на допрос.

— Какова численность банд?

— Более 35 тысяч казаков.

— Где находится штаб?

— В камышах, у хутора Курган.

— Кто возглавляет?

— Полковник Назаров-Лагутин.

— И вы действительно верите, что «спасли Россию»? С кем и как?

— С народом, путем установления представительной власти.

— Точнее, путем резни. И не с народом, князь, а с кучкой ее отщепенцев и с обманутыми казаками, а среди них — вы, заслуженный генерал русской армии.

* ОО ВЧК — особые отделы ВЧК.

Князь вздыхает.

— А знаете, гражданин Ухтомский, где ваше настоящее место, если бы вы по-настоящему хотели спасать Россию?

— Где, позвольте спросить?

— В Красной Армии! Где нужны ваши военные знания и опыт и где более тысячи бывших генералов русской армии борются за подлинную Россию.

Ухтомский молчит.

Разговор длится долго и откровенно. Ухтомский поражен. Его допрашивает блестяще образованный латыш. Он вот действительно, оказывается, спасает Россию, а латышскую миссию, помогавшую Деникину, приказал арестовать.

Идейно он разоружен. От веры ничего не остается. Он согласен с тем, что ему доказывает этот чекист. Правда, он еще многого не понимает в этих большевиках и многое не признает.

Но твердо решает спасать свою шкуру и соглашается вызвать письмом в Ростов полковника Назарова-Лагутина. Тот приезжает. Его арестовывают.

Потом он вместе с Ухтомским подписывает воззвание к казакам: сдать все оружие и вернуться к мирному труду.

Начинается второй этап операции. Чекисты едут в штаб, в хутор Курган. Три дня длятся переговоры. И наконец, штаб, получивший гарантию амнистии повстанцам, сдается. 35 человек складывают оружие в повозки.

Представители штаба с чекистами едут по хуторам и станицам. Обманутые казаки сдают оружие. Только по Елизаветинской волости собрано более 100 винтовок, 30 сабель, 11 пудов взрывчатки. Начали сдавать оружие Егорлыцкая, Мечетинская, Кагальницкая и другие станицы.

Организация разгромлена. Восстание предотвращено без единого выстрела.

Операция „Волк"

Да, это был Волк, старый, травленый. Его славили, ему поклонялись и женщины, и монархисты, и иностранные разведки. Несколько раз бывавший нелегально в Москве и других городах, он сумел объединить самые противоречивые течения контрреволюции. Один из руководителей «Национального центра», глава деникинской контрразведки, где пролилась кровь тысяч замученных, полковник генерального штаба Хартулари В. Д., он имел большое влияние на самого Деникина и на планы походов его армии.

Историки и писатели воздали ему должное. Чекисты тоже, но по-своему — они арестовали его!.. О деталях конца этого волка контрреволюции еще неизвестно. А они таковы.

При отступлении армии Деникина Хартулари разработал план возрождения разгромленного «Национального центра» и создания всероссийской агентурной сети. План долго ходил по инстанциям — в основном по английской и другим миссиям (от них требовалась большая сумма денег и все оснащение). Затем план был одобрен и начал претворяться в жизнь. Все было подготовлено заранее: агентурная сеть в Москве, в Новочеркасске, Ростове, Екатеринодаре и других городах и станицах. Связь с Крымом, Махно, с иностранными разведками, пароли, явки, квартиры, легенды, документы прикрытия — все было готово. Готов был и сам начальник этой новой организации «Всероссийская внутренняя и зарубежная сеть разведывательного отдела главкома юга России господина Деникина» — Хартулари.

При отступлении армии Деникина Хартулари и вся агентура остались на местах. Хартулари, изменив внешность и избрав легенду своего родственника Волкова, поселился в тихом домике Екатеринодара.

Пришла Красная Армия.

В ВЧК однажды явился бывший морской офицер Кондратюк, в свое время работавший в деникинском штабе разведки. Честный русский офицер, он служил на Дальнем Востоке. В 1918 году прибыл в Екатеринодар к родным в отпуск. Там к этому времени формировалась Добровольческая армия. В силу обстоятельств мобилизовали туда и его.

В процессе службы он тяготился своим положением и пытался связаться с красными. И наконец, пришел. Он сообщил пароль, наличие резидентуры в Екатеринодаре и место, где скрывается Хартулари. К. И. Ландер для проведения операции направляет в Екатеринодар Г. А. Атарбекова.

Хартулари арестовали. Он продолжал настаивать, что он Волков. Затем заявил, кто он, но подробные показания дать отказался, попросив бумагу и перо. На другой день, когда за ним пришли на допрос, он оказался мертв — покончил с собой. На столике лежала предсмертная записка. В ней он писал: «Ухожу из вашей крепкой тюрьмы. Я полковник генштаба Владимир Дмитриевич Хартулари. Со мной кончается подпольная деятельность господина Деникина. Организации у меня еще нет, есть несколько намеченных лиц, но без моих инструкций они ничего не будут делать и будут рады уйти в частную жизнь. Контрреволюция с юга кончилась... Советская власть непобедима. Только она способна дать мир и блага России, если откажется от коммунизма.

Веря в вашу порядочность, прошу мои деньги передать моей гражданской жене и двум моим дочерям...»

Со смертью Хартулари проведение операции усложнилось. Действительно, он один знал всех оставленных людей, у него была связь с Крымом и Москвой. Кондратюк знал лишь пароль и одну явку.

Карл Иванович предлагает скрыть смерть Хартулари и пустить по паролю Кондратюка.

Тот идет по условному адресу и называет пароль:

«Вы не знаете, где купить старые книги по истории?»

«Книги есть, но требуют переплета», — отвечает ему молодой человек и сразу выпаливает, что Хартулари арестован.

Кондратюк невозмутимо отвечает: «Хартулари арестован в случайной облаве как Волков. Оснований к панике нет никаких. Передайте кому надо, что я должен с ним встретиться».

На следующий день молодой человек ведет

Кондратюка к Никону Михайловичу Шубину. Шубин устроился неплохо — заведует образованием и культурой. Да, он резидент, оставленный Владимиром Дмитриевичем. Весь он дрожит, зная, что Хартулари арестован. «И вообще мне здесь не доверяют. Я бы давно скрылся в станице, если бы не ожидание курьера из Крыма», — говорит он со страхом.

Оказывается, курьер должен переправить через Ростов представителя главкома юга к батьке Махно.

Чекисты ждут, а пока вскрывают кубанскую сеть агентуры в станицах. Выясняется, что многие из них деморализованы, резиденту не доверяют, а некоторые не видят смысла бороться.

С приходом курьера Шубина арестовывают вместе с представителем главкома юга России. Арестовывают и всех остальных агентов. Кубанская сеть перестает существовать.

Атарбеков сообщает Ландеру о результатах операции, проведенной в Екатеринодаре, и вместе с докладом направляет в Ростов Кондратюка.

С помощью Кондратюка Карл Иванович с чекистами быстро обезвреживает агентуру сначала в Ростове, а затем и в Новочеркасске.

Большинство из оставленных агентов — бывшие деникинские офицеры, они хорошо знают Кондратюка как работника штаба разведки. Они ему доверяют, но долго не дают явки в Москве. Наконец явки и письма получены. Операция переносится в Москву и там заканчивается. А Карл Иванович едет в Минеральные Воды, где раскрыта организация монархистов.

«...Приступаю к немедленной ликвидации!» — сообщает он в телеграмме.

В 1921 году Карл Иванович и его супруга Вальда Фрицевна возвратились в Москву. Карл Иванович заведует агитпропом, затем его назначают полномочным представителем правительства по связи со всеми иностранными организациями помощи голодающим, работает в Наркомвнешторге членом коллегии.

В 1923 году у них рождается сын Сережа. Но вскоре Вальда Фрицевна заболевает туберкулезом, долго лечится.

В 1924 году умирает В. И. Ленин. В автобиографии Карла Ивановича мы читаем: «...Наиболее удачным в моей жизни считаю то, что мне посчастливилось проработать под непосредственным руководством и в ближайшем общении с тов. В. И. Лениным».

Не улеглась еще боль утраты вождя, как в 1925 году трагически гибнет в авиакатастрофе товарищ и соратник по югу Атарбеков. Не выдерживает и заболевает и сам Карл Иванович. В 1927 году умирает его друг и жена. Сердце совсем сдает. В 1928 году по болезни он уходит на пенсию. Но продолжает литературную и научную деятельность. В педагогическом институте имени Герцена ему присваивают звание профессора истории. Ведь он историк. Его трехтомная история Латвии еще в 1906 году, по признанию одного американского профессора, являлась лучшим трудом на эту тему.

Карл Иванович много внимания уделяет воспитанию сына, пишет, читает лекции. Но болезнь сердца в 1937 году прерывает его жизненный путь.

Он много сделал для революции. Его дело продолжает сын Сергей Карлович Ландер, тоже чекист и тоже похож на своего отца.

ПОСЛЕДНЯЯ ОПЕРАЦИЯ

Трое мужчин появились внезапно, словно из-под земли выросли. Один из них — в форме офицера буржуазной армии с пистолетом на боку и автоматом в руках — встал перед Витаутасом и впился в него маленькими пронизывающими глазками, второй заломил ему руки за спину, третий ловко вывернул карманы, ощупал одежду.

— Оружия нет, — отрапортовал он тому, что в форме.

— Хорошо, Карюнас, — проговорил главарь.

Лапе отпустил руки. Главарь вытащил пистолет и начал раскачиваться на длинных ногах, обутых в скрипящие сапоги.

— Ты хотел встретиться со мной. Перед твоей смертью я решил выполнить твою просьбу. Я — Ритас.

— Я хотел встретиться с вами, командир, чтобы снова быть полезным родине, — выпалил Витаутас.

— Теперь будешь полезным только червям, — ухмыльнулся Ритас. — Ты предатель, провокатор, Жибуте.

— Вас ввели в заблуждение, командир!

— Я не ошибаюсь. Помни! Все связные, которые приходили к тебе, арестованы. На допросе они подробно описали твои черты, даже золотой зуб вспомнили. Но ты свободен. Может, хоть перед смертью расскажешь, за какие заслуги большевики не тронули тебя?

— Моя совесть перед родиной чиста, — спокойно ответил Витаутас. — А умирать не хочет ни один из нас.

Ритас еще немного повертел пистолет и спрятал его в кобуру.

— Ну что ж, обсудим положение трезво, — после томительного молчания проговорил он. — Я рад, что ты оказался нашим. Нам очень нужны образованные люди. Но ты, видимо, стал приманкой в руках большевиков. Врач окружной амбулатории — слишком видная фигура, они следят за тобой. Они ликвидировали людей, которые встречались с тобой. Ты и сюда мог за собой привести хвост. К счастью, этого не произошло. Но дальше так рисковать нельзя. Ты должен перейти на нелегальную работу.

Витаутас выбрался из землянки и жадно вдохнул бодрящий лесной воздух. Вечерело. Дальние деревья слились в одну темную тень. Зашуршала трава, и рядом с Витаутасом появился Ритас.

— Готовься, Жибуте. Этой ночью отправляемся на операцию. Получишь первое крещение.

— Я не пойду, командир.

— Как это понять?!

— Я врач. Меня учили спасать человеческую жизнь. Это вошло в мою кровь. Я не в силах поднять винтовку.

— Так чем же, черт побери, ты можешь быть полезен отряду?

— Я могу лечить.

Ритас задумался.

— Ты самый ученый из нас, университет окончил. Будешь писать для нас листовки, объявления и распространять их в окрестностях. Словом, назначаю тебя министром пропаганды, — хрипло рассмеялся главарь. — Ну, а профессия врача тоже может нам пригодиться.

Шаги Ритаса затихли в ночи. Витаутас облегченно вздохнул. Перед глазами промелькнули изувеченные женщины, избитые дети. Таких пациентов иногда привозили в Каунасскую 1-ю Советскую больницу, когда Витаутас работал в ней. Это были жертвы буржуазных националистов.

И вот тогда однажды вечером в его квартиру постучался бывший одноклассник по Кедайняйской гимназии Мазеляускас. Поговорив о том о сем, этот связной бандитов попросил медикаментов для «освободителей родины»...

В светлом кабинете его встретил невысокий человек и крепко пожал руку.

— Ты отлично выполнил свое задание, Витаутас! Хватит, навоевались. Семья по тебе стосковалась, дочка все папу вспоминает, да и сам, наверное, спишь и видишь, когда в Каунас вернешься, в больницу, и снова наденешь белый халат?

Витаутас застенчиво улыбнулся и ничего не ответил. Офицер органов госбезопасности вдруг посерьезнел и сел за стол.

— А теперь обсудим последние дела. Ритас, он же Юозас Палюнас, бывший помещик, а в последние годы один из самых кровавых головорезов в Литве, ликвидирован. Его заместитель сдался живым. Все бандитские группы разгромлены. Облегченно вздохнули колхозники, жизнь возвращается в нормальную колею. В этом есть и твоя заслуга, но об этом поговорим позже. В Кедайняйских лесах остались два последних бандита — твои старые знакомые Карюнас и Лапе. Даем тебе десяток людей. Они ждут указаний, как организовать последнюю операцию и когда начать ее.

Витаутас покачал головой.

— Не нужны люди. Карюнас и Лапе закоренелые бандиты, они будут защищаться до последнего патрона. Хватит крови, хватит жертв! Я сам возьму этих «старых знакомых».

— Но разве это не опасно?

— Я врач. Я обезоружу их без выстрела.

Витаутас почти бегом спешил по улицам Каунаса. Наконец! Кончилась двойная игра. Профессор Лашас, у которого он учился в Каунасском университете, предсказывал ему прекрасную карьеру медика. Профессор Бредикис предлагал ему остаться в университете на научной работе. Но он не мог иначе. Он стал разведчиком, чтобы к врачам больше не попадали люди, истерзанные пулями, юноши, изувеченные бандитами.

Комсомолец любил помечтать о завтрашнем дне родного края. Через год-другой... Тогда уже можно будет созидать, искать... Интересно, что даже в банде буржуазных националистов он получил мечтательную кличку «Жибуте» («Фиалка»). А фиалка — весенний цветок. И хотя сейчас глубокая осень, для Литвы наступает весна.

Завтра — последняя операция. Завтра — 30 октября 1952 года. Последняя операция, которая произойдет без выстрелов.

Витаутас Ремейка на сей раз ошибся. Еще были два выстрела.

Обезоруживая бандитов, Витаутас не заметил, что Карюнас прячет за пазухой пистолет. Придя в себя, бандит понял, что попал в западню, и схватился за припрятанное оружие.

Грянул выстрел. Смертельно раненый Витаутас Ремейка тоже нажал на курок... Врач выстрелил в первый и последний раз в жизни.

ЗАСЕДАНИЕ ТРИБУНАЛА ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

ЧЕРНАЯ ЦЕПЬ

Телеграф сообщает новости. Разные.

Из ФРГ:

«Для создания так называемых войск территориальной обороны военные руководители в Бонне намерены использовать и бывших офицеров гитлеровского вермахта...»

«...На севере Западной Германии начнутся крупные маневры бундесвера. В них примут участие моторизованные и танковые соединения...»

«Западногерманская милитаристская организация «Стальной шлем» выдвинула требование: «Генеральная амнистия и прекращение процессов над военными преступниками!»...»

О чем говорят эти сообщения? Они — как звенья одной цепи, той цепи, в которую уже пытались заковать планету гитлеровские маньяки. Живя заботами о будущем, мы не забываем и никогда не забудем прошлого. Не забудем, чем угрожал миру германский фашизм. Мы не имеем права это забыть...

Я думал об этом, знакомясь с материалами краснодарского процесса над изменниками Родины, шпионами и убийцами из зондеркоманд СС-10А, СД-11Б, СД-12...

Что это такое — зондеркоманды?

Еще задолго до нападения на Советский Союз начальник гестапо Гиммлер разработал так называемый генеральный план «Ост» — план покорения и уничтожения народов Советского Союза и Восточной Европы. Это была тщательно продуманная изуверская система. Ее идейно подготовил Гитлер. Он говорил: «Мы вырастим молодежь, перед которой содрогнется мир... Я хочу, чтобы она походила на молодых диких зверей...» Он говорил: «Совесть, как и образование, калечит человека... Я освобождаю человечество от уничтожающей химеры, которая называется совестью... Я провожу политику силы (не странно ли, что этот термин используют ныне заправилы НАТО?), не беспокоясь о мнимом кодексе чести... Сам термин «преступление» является пережитком пошлого...»

Эти гитлеровские идеи были претворены фашистами в жизнь. За германскими войсками, временно оккупировавшими районы Советской страны, шли эйнзатцгруппы — оперативные отряды гестапо и СД. Таких групп было четыре: группа «А» на самом севере, затем —«Б», «Ц»... На самом юге Советской страны, на Украине, в Крыму, на Северном Кавказе, действовала эйнзатцгруппа «Д». В свою очередь, эти группы состояли из зондеркоманд. Состав их подбирался из самых опытных эсэсовцев.

Эйнзатцгруппа «Д», о которой предстоит речь, насчитывала в своем составе шестьсот бандитов. Кровавый след оставила она на земле нашей Родины. Симферополь — двенадцать тысяч замученных, Мариуполь — семь тысяч. Таганрог — семь тысяч, Ростов-на-Дону — девять тысяч, Краснодар — семь тысяч... По неполным данным, за 1941—1944 годы бандитами этой группы было уничтожено двести тысяч граждан Советской страны и Польши.

Вот только две страницы из показаний ранее схваченных убийц:

«Совместно с начальником зондеркоманды Тримборном мы ездили в Ейский детский дом для осмотра детей. Из Краснодона в Ейск специально была прислана душегубка. Как я сейчас вспомнил, вместе с этой душегубкой в Ейск прибыл доктор Герц. Машина-душегубка стояла во дворе, на территории детского дома. Я помню, что детей, которые сами не могли передвигаться, няни выносили к душегубке на руках. В целях экономии места в душегубке по нашему приказанию больных детей сваливали друг на друга. Дети плакали, кричали. Няни, выносившие детей, тоже плакали. В общем картина была не очень приятна даже для меня. Я во время погрузки детей вместе с Тримборном и Герцем стоял возле дверей душегубки и наблюдал за этой работой... Когда душегубка была полностью загружена, дверцы ее были герметически закрыты и она ушла с территории детского дома. Таким же порядком были погружены и вывезены еще одна или две машины. Как мне помнится, детей было уничтожено 1207. Возраст от 7—8 до 12—14 лет. Причем это было сделано в течение одного дня...»

Душегубки — серые длинные машины с герметически закрывающимися дверями. Люди, закупоренные в этих машинах, умирали, задыхаясь

от смертельного газа — окиси углерода. Эти машины применялись только против советских граждан...

А вот другой лист показаний:

«В ночь с 10 на 11 февраля 1943 года я стоял в карауле во дворе краснодарского гестапо. Вечером по этажам здания разнесли заранее приготовленные ящики с зажигательными минами. Я знал, что в подвале находились заключенные. Всего в подвале было одиннадцать камер. Мы готовились к эвакуации. В подвал спустились начальник гестапо Кристман, доктор Герц и другие. Я услышал одиночные пистолетные выстрелы, крики. Потом выстрелы участились, раздались вопли и стоны. Вскоре из подвала вырвались клубы дыма и огонь...»

В ту ночь в подвале гестапо были заживо сожжены триста человек...

Так уничтожали и всех других. В этих расправах с беззащитными людьми и принимали участие те, кто сидит на скамье подсудимых в Краснодаре.

В приведенных показаниях есть фамилии: Тримборн, Кристман, Герц. Нужно назвать еще: Биркамп, Керрер, Пельц, Гренинг, Орт...

Вальтер Биркамп, оберштурмфюрер СС, командовал эйнзатцгруппой «Д». Курт Кристман, фашист с первого дня существования фашизма в Германии, референт «по вопросам прессы и марксизма», оберштурмфюрер СС, был начальником гестапо Краснодара и командиром зондеркоманды СС-10А. Вальтер Керрер в 1942 году участвовал в Крыму в расстреле тысяч граждан, в 1944 году в польском городе Люблине уничтожил 30 тысяч человек. Фридрих Пельц. На совести этого бандита сожженные деревни в Ставропольском и Краснодарском краях...

В 1943 году, сразу же после освобождения Краснодара, на скамью подсудимых было посажено несколько бандитов из зондеркоманды СС-10А. Но гитлеровцы Кристман, Герц и другие бежали. Вот строки, которые были написаны участницей процесса, писательницей Еленой Кононенко в те дни:

«Они еще не пойманы. Они еще не сидят на скамье подсудимых, не висят на перекладинах. Но мы их поймаем! Они не спрячутся от нас. Мы найдем, где бы они ни скрывались. Придет час, когда не только эти бешеные волки, но и вся гитлеровская звериная орда будет держать ответ за свои кровавые злодеяния перед советским народом и перед всем человечеством. Будет судебный процесс, на котором первые места на скамье подсудимых займут Гитлер, Геббельс, Геринг и все их подручные. И мы принесем тогда на суд детские окровавленные рубашонки. Мы приведем на суд подростков с отрезанными руками. Мы приведем на суд матерей с выколотыми глазами. Не только кристманы, герцы, но все гитлеровские людоеды ответят миру за трупы младенцев с синими пятнами на шее, за «душегубки», за все свои кровавые злодеяния».

Да, был великий суд народов — Нюрнбергский процесс. На этом процессе прозвучали и имена Кристмана, Биркампа и других из своры зондеркоманды. Тогда розыск этих убийц, помимо Советского Союза, объявили, выполняя союзнический долг, США и Великобритания. Что ж, ныне мы можем назвать адреса этих преступников.

На этих фотографиях — предатели Родины, палачи; на их руках кровь многих людей. Сколько бы лет ни прошло — палачам не уйти от возмездия.

Адреса:
Курта Тримборна — ФРГ, Вупперталь, Седанштрассе, 1127;
Вальтера Керрера — ФРГ, Штутгарт, Бад-Конштадт, Гаубенгеймштрассе, 51;
Фридриха Пельца — ФРГ, Дармштадт, Заальбаузрштрассе, 56.
Эдгара Орта — ФРГ, 22-А, Мильгейм, Шарлотте, 63, Вальдвейгер, 2;

Вот их адреса, господа!

Телеграф сообщает новостн. Разные.

Из ФРГ:

«Министр обороны ФРГ потребовал оснащения бундесвера как обычным, так н ядерным оружием...»

«Банды фашистов взорвалн памятник жертвам немецко-фашистской оккупацин, установленный в Лаза...»

«Делегациям нз Советского Союза и других социалистических стран не разрешен въезд в ФРГ для участия в международной встрече узников фашизма...»

О чем говорят этн сообщения из Западной Германии? Онн — звенья одной черной цепи, рассказывающие о том, что реваншизм вновь поднимает голову.

Волки

Председатель судебного заседання военного трибунала Северо-Кавказского военного округа зачитывает обвинительное заключение:

— «Управлением Комитета государственной безопасности при Совете Министров Союза ССР по Краснодарскому краю за активную карательную деятельность и личное участие в массовом уничтожении мирного населения арестованы бывшие эсэсовцы гитлеровского карательного органа «Зондеркоманды СС-10А» Вейх, Скрипкин, Еськов, Сухов, Сургуладзе, Жиругнх, Бурлак, Дзампаев и Писарев...»

Бандиты сндят словно бы прндавленные к стене. Нервное подергивание щек, по-волчьи стиснуты челюсти, воспаленные страхом глаза... Зловещую зондеркоманду, в которую входилн самые отъявленные эсэсовцы, гестаповцы и изменники Родины, называли командой смерти.

Тридцать два тома дела! И каждая страница — рассказ о зверствах таких, что волосы встают дыбом.

«...Арестованные просили пощадить детей. Я стрелял по ним из пистолета. У некоторых матерей на руках были дети. Дети постарше с криком «мама!» держались за них, обхватив ручонками ноги, так и подходилн к могнле. Мы стреляли и в детей...»

Это рассказывает Александр Вейх. Вейх — плюгавый, щуплый человек с гладко зачесанными волосами н маленькими злобнымн глазамн. В начале войны он сдался фашистам в плен, сам попросился переводчиком в зондеркоманду. За ревностную службу он был затем назначен командиром взвода и награжден гитлеровским Железным крестом.

То же самое можно сказать н обо всех других бандитах. Люди с нечистым прошлым, уголовники, растратчики, онн в тяжелый для Родины час сталн предателями, добровольно перешли на службу к гитлеровцам. Больше того, они убивали с особым, садистскнм рвением. Валерьян Сургуладзе окончил фашистскую школу агентов-диверсантов. Злодеяниями в зондеркоманде он выслужил должность командира взвода н две гитлеровские медали. Валентин Скрипкин тоже был награжден фашнстской медалью за расправу над одним из руководителей Николаевского областного подпольного центра, М. А. Комковым, за облавы на патриотов в Кировоградской области, за отправку сотен заключенных в лагерь смерти Бухенвальд. Нинколай Писарев заживо сжег нескольких партизан в деревне Павловке. Андрей Сухов уничтожил в душегубке более сорока детей, лечившихся в Краснодарской краевой больнице, расстрелял пятьдесят военнопленных. Тягчайшими преступлениями было отмечено пребывание зондеркоманды в Польше. От руки бандитов погибли члены подпольной патриотической организации в Люблине, многие жители Варшавы. Очевидец уничтожения польских партизан в одной нз деревень Люблинского воеводства в мае 1944 года польская гражданка С. Б. Кветнинская рассказала:

«Внутри бункера был слышен взрыв гранаты. Раненый партизан был вытащен. Его положили на землю за овином. Партизан был жив. Затем принесли сноп соломы, облили бензином, положили на него живого партизана и подпалили...»

В этой зверской расправе участвовали Писарев, Вейх и многие другие бандиты-эсэсовцы из зондеркоманды.

После окончания войны предатели первое время укрывались в американской зоне оккупации Германии, а потом, когда решили, что следы преступлений заметены, потерялись среди освобожденных советских граждан. Они скрыли свои злодеяния, искали места, где их никто не знает, где, им казалось, не настигнет убийц карающий меч возмездия. Вейх уехал в Кемеровскую область, поступил на работу в леспромхоз. Скрипкин устроился электрослесарем на Таганрогском хлебокомбинате, Писарев — механиком на одном из предприятий Ростовской области...

Преступники думали, что годы и расстояния замели все тропки. Тем более что убийцы уничтожали всех, кто попадал к ним в руки, и живых свидетелей, по их предположению, не осталось. Чекисты распутали следы банды.

По следу своры...

Один за другим преступники подходят к деревянным перилам, ограждающим скамью подсудимых, и дают показания:

— Да, убивал... Да, закапывал живых... Да, рвал плоскогубцами золотые коронки зубов...

Матерые волки дают показания обстоятельно, эпизод за эпизодом, так, словно бы давным-

Заседание трибунала продолжается...

давно готовились во всем признаться, обо всем рассказать.

Готовились признаться? Сами хотели рассказать? О нет! Тщательное, скрупулезное судебное разбирательство, подобно всевидящим лучам рентгена, опустошенных, злобных, изощренных во лжи. Эти волки, в которых не осталось ничего человеческого, долгие годы скрывались от правосудия. Но по их запутанным следам настойчиво и упорно шли чекисты. Сотрудники Краснодарского управления государственной безопасности распутывали петлю за петлей, пока не приперли убийц к стене неопровержимыми уликами.

В 1957—1961 годах в Краснодаре прошли судебные процессы над карателями, служившими в органах фашистов — тайной полевой полиции ГФП-13 и ГФП-312. Уже тогда чекистам, проводившим расследование, стало ясно, что во время гитлеровской оккупации массовыми расстрелами советских граждан занимались также другие карательные органы. Чекисты начали расследование новых преступлений и розыск преступников. Совсем не простой была эта работа. Она потребовала настойчивости, изобретательности, мужества. Все эти качества были на вооружении краснодарских чекистов.

Прежде всего они просмотрели огромное количество документов в Краснодаре, Москве и других городах — акты чрезвычайных государственных комиссий, архивные следственные дела, документы, захваченные во время бегства и разгрома врага. Это была кропотливая работа. Папками документов, которые были тщательно изучены, можно было бы до потолка забить большую комнату. В результате чекисты установили, что самым зловещим карательным органом, действовавшим в Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях, а затем в Белоруссии и в Люблинском воеводстве, в Польше, была зондеркоманда СС-10А.

Некоторые из бандитов зондеркоманды были уже осуждены. О других никаких сведений не имелось. Но даже те, кто предстал перед судом раньше, тщательно скрывали, что они и их сообщники лично расстреливали советских патриотов. Они утверждали, что изменники использовались в зондеркоманде только для подсобной службы, для охраны и конвоирования патриотов, а убивали сами гитлеровцы. Сотрудники КГБ пошли по маршруту движения зондеркоманды. Они выезжали в Ростов, Таганрог, Новороссийск, Анапу, в села Краснодарского края, Ставрополья, Белоруссию.

Чекисты обратились за помощью к сотням советских людей. И очевидцы нашлись. К сотрудникам КГБ шли люди. Они указывали места зверских расправ, называли даты, описывали внешность карателей. Проводились раскопки. Жители узнавали останки своих родственников и близких, восстанавливали в памяти все обстоятельства ареста их — где, когда, кто...

Было известно, что много злодеяний зондеркоманда совершила на территории Польши. Но где конкретно? Кто из карателей принимал участие в расправах над польскими гражданами? Пришлось выехать в Польскую Народную Республику. По просьбе советских чекистов сообщение о розыске мест злодеяний зондеркоманды и фотографии преступников были опубликованы в центральных газетах. В Люблине прошла телевизионная передача «По следам человеческой памяти». И точно так же, как в нашей стране, к сотрудникам органов госбезопасности Польши поспешили люди, которые могли хоть чем-нибудь помочь следствию.

И вот имена бандитов установлены. Первым решено было арестовать Вейха. Доказательства, подтверждающие вину этого хладнокровного и гнусного убийцы, были бесспорны. Но фамилия Вейх так же распространена у немцев, как у русских Петров или Сидоров. И все же тропа следствия привела к карателю, хотя этот самый Вейх сменил имя и отчество, изменил дату рождения, укрылся в глухом леспромхозе в Сибири. Следователь М. Д. Метелкин вместе с человеком, который мог опознать преступника в лицо, поехал в тайгу.

Вскоре был арестован и Жирухин. Обнаружить этого карателя было особенно трудно, хотя, как потом оказалось, жил он недалеко от Краснодара. Чекистам было известно, что человек, носящий эту же фамилию, имя и отчество, живет в Новороссийске, преподает немецкий язык в школе № 16. Сначала подумалось — простое совпадение. Нельзя поверить, что убийца пойдет на такую наглость — вернется в город, где он творил свои злодеяния. К тому же преступники, арестованные ранее, «не узнавали» его по фотографии. Чекисты разыскали человека, служившего с Жирухиным в армии в самом начале войны.

Показали ему фотографию учителя, сделанную недавно. «Да, тот самый...»

Тогда в управлении КГБ стали изучать прошлое учителя из Новороссийска особенно тщательно и установили, что аттестат об окончании педучилища и военный билет, в котором указывалось, что он всю войну прослужил в одной из частей Советской Армии, подделаны, что Жирухин двоеженец, причем собирался убить одну из жен, что вся его жизнь после возвращения в Новороссийск — сплошная цепь обманов и подлогов.

Жирухина вызвали в Краснодар. Он вошел в кабинет следователя Перекрестова. На лице улыбка:

— Чем могу быть полезным?

— Расскажите, как убивали патриотов, когда служили в зондеркоманде.

В первое мгновение Жирухин пытался использовать свой проверенный прием — наглость.

— Это клевета! Вам придется извиняться, что задержали честного человека, педагога!

Следователь достал фотографию. Жирухин во время службы в зондеркоманде. Напомнил некоторые факты. И бандит прямо на глазах обмяк. Мертвенно побледнел:

— Да, было... Я все расскажу.

После разгрома гитлеровских войск Жирухин бежал в американскую зону оккупации Германии. Затем, попав в лагерь советских репатриантов, выкрал в канцелярии бланки фильтрационных справок, заполнил их на свое имя и получил «чистый» паспорт. По подложным документам был освобожден из лагеря, вернулся в Советский Союз.

...Заседание военного трибунала продолжается.

Нет безымянных героев

Над Цемесской долиной ветер с моря гонит рваные облака, срывает огненную листву каштанов, мнет сухие травы... Недвижны только они — три фигуры, поднявшиеся над осенней землей: женщина, ребенок, припавший к ней, и старик. Когда облака гасят солнце, скорбь проплывает по бронзовым лицам. На постаменте вырублено слово: «Непокоренным».

К памятнику, будто гряды морских волн, набегают рядки виноградников. Их листва уже схвачена багрянцем. Лозы оплетают проволоку, натянутую от столба к столбу. Я смотрю на суровую скульптуру, на белый обелиск, вознесенный в небо, и вспоминаю то, что изо дня в день слышу на процессе карателей в Краснодаре... Два десятилетия назад на этом месте не было виноградных лоз. Их затоптали в щебенчатую землю. Столбы и колючая проволока огораживали лагерь советских военнопленных...

Но эта прекрасная, солнечная долина была в ту годину не только долиной Скорби и Смерти. Она была и долиной Мужества. Здесь шла борьба достоинства и чести против изуверства, против фашизма. Сегодня над Цемесской долиной дуют мирные ветры. Сверкают россыпи белых домов, клубятся трубы цементных заводов. Но пропитанная кровью земля хранит в себе скорбь и гнев. И идет суд над теми, кто пытался продать и растоптать ее. Но сейчас разговор не о них — не об убийцах, пригвожденных уликами к скамье подсудимых, а о тех, кто вместе с членами трибунала незримо входит в зал с гордо поднятой головой, — о непокоренных.

Шумит море, холодеющее октябрьское море. Это случилось тоже в октябре, более двух десятилетий назад. В анапский «филиал» зондеркоманды СС-10А привели схваченного десантника-моряка, парня шестнадцати лет. От предателя узнали: его задача — в условленный день и в условленном месте дать сигнал катеру, который должен подойти с моря. Но где и когда? Это было известно только юному моряку.

Их было много — садист и убийца Вейх, другие каратели, целая свора, спущенная с цепи. А он — один... Ему ломали ребра, засовывали под ногти иглы: «Когда? Где?» Он молчал.

Но однажды разжал зубы:

— Покажу. Выведите на берег.

Его поволокли к морю.

— Не здесь. Дальше.

Он поднялся на самый гребень скалы, его можно было хорошо различить на фоне неба. Он смотрел на солнце, зачерпнувшее море, на далекую синь горизонта...

И в этот момент эсэсовцы увидели катер, вынырнувший из-за мыса. Парень взмахнул бессильными руками, подавая условный сигнал. Катер застопорил ход. Потом повернул и скрылся за мысом.

— Я выполнил задание, — сказал моряк. — Теперь стреляйте!..

Сами преступники из зловещей зондеркоманды, рассказавшие на суде о подвиге юного моряка, были потрясены его мужеством.

Кто этот герой? Неужели не отыщется его след, неужели мы так и не узнаем его славного имени?

Но вот письмо из Ленинграда. Алевтина Григорьевна пишет: «Все совпадает. Это был мой брат Игорь. В начале войны я, сестренка и мама жили в Анапе. Отец был на фронте, брат, ему было 16 лет, ушел с моряками. Но однажды рано утром к нам кто-то постучался. Открываем дверь — перед нами Игорь. Мама очень обрадовалась. Брат за эти месяцы очень возмужал. Он рассказывал, что участвовал в боях под Новороссийском. Мама ему сказала: «Оставайся, мы тебя спрячем». Но он ответил: «Я пришел по заданию и должен его выполнить». Не знаю, выполнил ли он задание. Через несколько дней я пошла его провожать. Всю дорогу он молчал, только ел пирожки, которые мама испекла ему на дорогу. В Супсехе, в семи километрах от Анапы, я вызвала мальчика, не помню его фамилии. Он должен был провожать брата дальше. Здесь мы распрощались. Я знала только, что он должен дать сигнал катеру.

На другой день в Анапе мы с мамой были на рынке и услышали разговоры о том, что полицейские с собакой схватили парнишку, что он был одет в форму моряка, что его сильно били, посадили в машину и повезли в Анапу. С того дня мы об Игоре ничего не знали...»

Он или не он? Может, это случайное совпадение и перед нами рассказ еще об одном герое?

Новые письма, новые факты... Да, юный моряк, павший от рук гестаповца на анапском берегу, — Игорь Смирнов!

Родные Игоря, его друзья рассказывают: он любил книги, особенно роман Фурманова «Чапаев». Как все мальчишки, он любил кино, и особенно картину «Чапаев». Он играл в военные игры и всегда в них был бесстрашным Чапаевым с самодельным клинком в руке. До приезда на Кавказ семья жила в Поволжье. Однажды в весенние каникулы — Игорь учился тогда в третьем классе — ребята играли на берегу реки Самарки. Река широко разлилась во время половодья, Игорь, подражая Чапаеву, бросился вплавь через реку. Он переплыл ее, повернул обратно. Устал, чуть не утонул, но... добрался до берега...

В Анапе отец Игоря служил в военно-морской пограничной части. Игорь все свободное время проводил среди моряков. И решил обязательно стать военмором.

Весной 1941 года он окончил девять классов. Он был комсомольцем, членом райкома... И когда началась война, когда враги подошли к Анапе, он с военным отрядом пробрался под Новороссийск, на легендарную Малую землю... Пути по суше уже были перерезаны фашистами. Моряки добирались к Малой земле вплавь, пока их не подобрали в открытом море наши военные катера.

Заседание трибунала продолжается...

Потом Игорь вместе с моряками был в Геленджике, в воинской части № 42621. И оттуда переправлялся в тыл гитлеровцев. Шесть раз он возвращался с задания, принося важные сведения о враге. И ушел в седьмой раз...

Об этом седьмом задании нам рассказал в письме его друг Василий Назаров:

«Во время войны я жил в Анапе. Игорь нашел меня. Он сказал, что пришел по заданию уже в седьмой раз. Я подробно сообщил ему, где стоят расположены огневые точки фашистов, где стоят гитлеровские части. Он все повторял, пока не запомнил наизусть... Потом он ушел. Больше я его не видел. Уже позже узнал, что Игорь погиб в гестапо».

Отец Игоря Николай Ефремович Смирнов слышал: его сын был представлен к награде. Но опоздала награда...

Пусть не знали бойцы-черноморцы, как погиб их славный товарищ, пусть не получил он перед торжественным строем заслуженного ордена. Память народа — высшая ему награда.

В деревню Жуки белорусского Полесья гестаповцы нагрянули неожиданно. Они рассчитывали захватить партизан. Каратели зондеркоманды оцепили деревню со всех сторон и пошли от избы к избе, простреливая палисадники очередями пистолетов-пулеметов. Отряда партизан не нашли. Но командир был схвачен врагами. Почему он оказался в тот день в деревне? Кто знает. Может быть, выполнял задание, а может, потому, что его жена, тоже партизанка, уже носила под сердцем ребенка...

Их привели в штаб вдвоем. Сначала били его, потом ее. Резиновыми шлангами, коваными сапогами. Каратель Вейх на суде сказал, что даже он впервые участвовал в таком зверском избиении. Они убили ребенка, уже шевелившегося у женщины под сердцем.

Истерзанного командира отволокли в сарай. На рассвете Вейх заглянул в сарай — в нем никого не было. Под задней стеной был прорыт лаз. Каратель бросился за сарай и увидел по росе темный широкий след. Значит, командир очнулся ночью, нашел в себе силы сделать подкоп и ползти. Вейх настиг его в 70 метрах от сарая.

Ему накинули на шею петлю и поволокли к яме. В яму уже была брошена его жена. Она была еще жива.

Каратели говорили на суде: им стало страшно — партизан и партизанка не сказали ни слова.

Кто эти герои? Кто назовет их имена?

Краснодар. Улица Кирова в акациях и каштанах. Приземистый домик под № 119/2. На окне стручки красного перца, банки с мочеными яблоками. А на стене портрет мальчика в рубахе-украинке, с шевелюрой, старательно зачесанной на пробор.

Денис Антонович Головатый тяжелым ногтем скребет на столе клеенку. Под прикрытыми веками слезы.

— Он был комсомолец, наш Володька, секретарь комитета школы. Ему было семнадцать...

За стеной в вечернем дворе под навесом винограда девушка грустным контральто поет о любви. Где-то рядом дребезжат пустые трамваи.

— Меня тогда не было дома. Воевал... Но Варвару Зиновьевну не спрашивайте — с того дня она не может говорить о Володьке, болеет сердцем... Он-то у нас один. Я сам расскажу...

Может быть, не надо тревожить души? Но о Владимире Головатом, секретаре комитета комсомола 292-й школы Краснодара, должны знать все.

В ту осень 42-го Владимир пошел бы в десятый класс. Но Краснодар захватили оккупанты. Накануне он и его друзья слушали радио: бои под Армавиром. Решили: если Красная Армия будет отходить, то уйдут тоже. А утром по улице уже грохотали фашистские танки.

Они остались. Они создали подпольную комсомольскую группу. Владимир — во главе. С ним — Александр Зубашев, Леонид, всего семеро, и среди них девушки — Вера и Лида. С Лидой он дружил — светло и тревожно, как дружат с девушкой в семнадцать лет.

Их место сбора было в доме на углу улиц Шаумяна и Буденного, около Сенного рынка. Комсомольцы слушали радио, писали листовки со сводками Совинформбюро и распространяли их в толпе на рынке. Они успели сделать мало. Они так и не установили связи с партийным и комсомольским подпольем. Известно только, что они готовились взорвать мастерские напротив рынка. В них стояли на ремонте фашистские танки и был склад горючего. В конце января во время бомбежки склад взлетел на воздух, и танки сгорели. От авиабомбы или Головатый с товарищами осуществили свой план — неизвестно.

На второй день после взрыва на складе остановилась у дома Головатых легковая машина. В ней — эсэсовцы из зондеркоманды...

Одного из друзей Владимира, Леньку, гестаповцы схватили. Остальные успели скрыться. Через полмесяца Советская Армия освободила Краснодар. Тогда весь мир впервые узнал о страшных зверствах карателей, о душегубках. В Краснодаре начала работать Чрезвычайная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Отец Владимира, тяжело контуженный перед тем в бою под Лозовой, был демобилизован из армии и вернулся в родной город. От коллектива завода «Краснолит» его выбрали членом комиссии по расследованию злодеяний фашистов.

В один из вечеров в его дом постучался незнакомый человек.

— Я был полицаем, — признался он. — Меня подсаживали в камеру к вашему сыну. Мы спали с ним рядом, накрывались вашим пальто. Владимир говорил: «Я знаю, что меня расстреляют. За мастерские... Нас выдала женщина, у которой мы собирались».

Раскапывали противотанковые рвы у поселка Калинина и завода электроизмерительных приборов. В рвах тысячи замученных — женщин, стариков, детей. И вдруг Денис Антонович услышал крик жены. Бросился к дальнему рву и увидел сына. Владимир лежал в отцовском широком пальто. Когда подняли, когда распахнули пальто, увидели маленькую девочку. Владимир крепко прижимал ее к себе. На лице юноши были следы зверских побоев. Он был убит не пулей, он был задушен в душегубке. Наверное, он хотел и в этот свой последний час спасти ребенка.

Его хоронили комсомольцы Красногвардейского района — в том месте, где хоронили героев-

воинов, участвовавших в освобождении Кубани. Райком комсомола увековечил подвиг Владимира памятником-обелиском. Рядом с памятником прямо на земле лежит башня танка, огороженная гусеницей. Под ней павший в бою полковник-танкист.

Владимир погиб как герой. Пока нам больше ничего не известно о его группе. Не удалось даже установить фамилии и адреса других его друзей — комсомольцев. Но по следам отважных подпольщиков ныне пошла пионерская дружина школы № 297.

Общественным обвинителем в трибунале в Краснодаре выступает декан экономического факультета сельскохозяйственного института Василий Семенович Клочко. Всю войну он был первым секретарем Краснодарского крайкома ВЛКСМ, а во время оккупации — помощником командира группы партизанских отрядов края по комсомольской работе. Василий Семенович говорит в своей речи от имени тысяч юных патриотов, оставленных крайкомом в партизанских отрядах и для подпольной работы в тылу врага. В тот год в партизанских отрядах было три с половиной тысячи коммунистов и 1200 комсомольцев, среди них — 147 секретарей райкомов партии и 46 секретарей райкомов ВЛКСМ. Он говорит от имени Нади Горшковой, секретаря Приморско-Ахтарского райкома, оставшейся в подполье и схваченной зондеркомандой. От имени Вали Верещагиной, секретаря Тахтамукайского райкома, сражавшейся в предгорьях Кавказа и попавшей в лапы гестаповцев за несколько дней до освобождения края... Он говорит от имени сотен и тысяч героев, чьих имен мы еще не знаем.

Расплата

Две недели продолжался в Краснодаре процесс. И вот судебное разбирательство завершено. Вина подсудимых полностью доказана. Председательствующий на военном трибунале оглашает приговор:

— «Именем Союза Советских Социалистических Республик... подсудимые Вейх, Скрипкин, Еськов, Сухов, Сургуладзе, Жирухин, Бурлак и Писарев приговорены к высшей мере наказания — расстрелу, подсудимый Дзампаев — к пятнадцати годам лишения свободы».

Суровый приговор справедлив. Не может быть пощады тем, кто предал Родину, кто мучил и убивал людей. Но рано поставить последнюю точку. Еще не все преступники понесли заслуженную кару. Наша совесть не может быть спокойна, пока ходят по земле, переодевшись в овечьи шкуры, волки-каратели. Чекисты продолжают свою трудную работу. Никакие самые глухие углы не спрячут преступников. Дело только во времени. И пусть дрожат палачи!

Единственное, что может смягчить их вину, говорят чекисты, — это явка с повинной и чистосердечное признание в своих преступлениях.

На суде в Краснодаре было неопровержимо доказано участие в массовых расправах с мирным советским и польским населением офицеров зондеркоманды оберштурмфюрера СС Кристмана, Герца, Тримборна, Керрера, Пельца, Орта и других гитлеровцев, которые сами убивали, пытали, загоняли в душегубки. Их адреса известны. Большинство из этих убийц живут в ФРГ. Но их законное место — на скамье подсудимых.

Атомный „объект“

В три часа ночн Розова разбудил настойчивый телефонный звонок.

— Товарищ полковник? — услышал он в трубке. Дежурный по управленню сообщал о том, что товарнщи нз Калинина просят Розова срочно позвонить им по служебному телефону.

— Хорошо, сейчас приеду.

Владимир Дмнтриевич стал одеваться.

— Володя, опять что-нибудь? — спроснла жена.

— Да. Если надолго, я позвоню.

У здания КГБ было пусто. Лифт стоял внизу. Розов сразу поднялся на свой этаж. Зашел к дежурному. Заказал по прямому проводу Калнннн и вскоре услышал бас начальника управлення:

— Извинните, вас беспокоит Палкнн. Час назад в однн нз наших райотделов пришел молодой человек н заявнл, что он только что выпрыгнул на парашюте с американского самолета. До него в разных местах были сброшены еще семь парашютистов. Больше ничего рассказать не хочет, требует, чтобы его связали с Постнлнковым, с вамн нли с Михайловым.

— Сейчас же выезжаю. Ждnте меня, — закончнл Розов разговор с Палкнным.

В Калннине в просторном кабинете начальнпка управления Розов увидел трех человек: полковнпка в форме и двоих в штатском.

— Вот этот молодой человек, — указал рукой полковннк на крепко сложенного парня среднего роста, на вид лет двадцати восьмн — трндцати, — хочет говорить только с Розовым.

— Я Розов. Что вы хотите мне сказать?

— Вам прнвет от Пронского!

— Повторите, пожалуйста, от кого? — Розову показалось, что он ослышался.

— От Ннколая Александровича Пронского!

Теперь уже сомнений не могло быть ннкаких. Все снова отчетлнво возннкло вдруг перед глазамн Владимнра Дмитриевнча. Пронский... Сын белоэмнгранта. Завербован на Западе фашнстской разведкой. Окончил немецкую разведывательную школу. Переброшен нелегально в Советский Союз. Захвачен в Харькове. Следствие. Допросы. Нет, Розов в допросах не участвовал. Когда он познакомился с Пронскнм, это былн уже не допросы, а спокойные разговоры о правде жизни. Допросы вели друге чекнсты. Они-то н убеднлн Пронского. Он захотел искупнть свою внну перед Роднной. И ему поверили...

Розов вспомнлн поездку с Пронскнм в Ростов, Новочеркасск. Его однпокую мать. Потом с Пронскнм работал ростовскнй капнтан Постников. Короткне, но важные сообщения из немецкого тыла. Затем потеря связи с Пронским...

— Откуда вы его знаете?

— Это долгая история, и я постепенно вам все расскажу. Сейчас нужно принимать срочные меры. Вместе со мной американская разведка забросила в Советский Союз группу парашютнстов-диверсантов, хотя я не в счет. Онн еще не могли далеко уйти.

В течение получаса Розов записывал прнметы н другие сведения о парашютистах. Он торопился. Была дорога каждая мннута.

Центр органнзовал розыск диверсантов. И хотя после выброски прошло несколько часов, уйтн далеко онн не успели...

— Теперь расскажите, пожалуйста, мне все о Пронском, — попросил Розов Краскова, когда устроил его в столичной гостнннце. — Что с нмм? Почему не давал о себе знать?

— В 1949 году я прншел в небольшой особняк на окранне Франкфурта-на-Майне, куда меня пригласнлн «Коршуны» — одна из зарубежных антнсоветскнх органнзаций. Меня встретили двое: высокий, широкоплечий седеющий мужчнна, свободно говорящнй по-русскн, н среднего роста, худощавый амерпканец. Это были Пронскнй н О'Келли.

Говорнл амерnканец. Пронскнй переводил. О'Келли ннтересовался, сколько я зарабатываю. Я тогда работал в авторемонтной мастерской и получал грошн, которых едва хватало на пнтанне.

— Хотнте нметь много денег?

— Кто не хочет нметь деньгн? — ответил я.

Двести долларов каждый месяц в банк на мое нмя и жнть на всем готовом — такая прнманка сделала свое дело. Я согласнлся.

Из квартиры мы вышлн вместе с Пронским. Он прnгласнл меня в кафе. Это было на гранитной набережной. Напротнв возвышалось старинное здание картнnной галерен, построенное в готнческом стнле, а рядом катил свон мутные воды Майн.

Мы поужиналн. Пронский заказал русской водкн, которая там дорого стоит. В этот вечер я узнал от него, что перед войной он был в России по заданию «Коршунов», затем во время войны возвратнлся в Германию. Долго болел, а когда поправился, Смирницкий, один из главарей «Коршунов», связал его с американцами.

— Почему он не давал о себе ничего знать? — спроснл Розов.

— Он выходил на встречу в Дрездене, но никого не нашел. Там все было разбнто. Потом «Коршуны» увезлн его дальше на запад, н он осел вместе с ними во Франкфурте. Пнсать по почте боялся, его могли заподозрнть, и тогда все следы были бы стерты...

Мы с Пронским часто встречались, и у меня крепла к нему привязанность. Он много рассказывал о Советском Союзе, о котором у меня сохранились туманные воспоминания детства, а я ему о себе, о своих сомнениях и переживаниях.

Как я теперь понимаю, Пронский пытался воскресить во мне оглушенную обманом и сохранившуюся где-то в глубине души любовь к Родине. Делал он это очень тонко и умело.

Под влиянием разговоров с Пронским меня все больше тянуло домой. Все опротивело. Я готов был все бросить и бежать. Однажды в ресторане я признался в этом Пронскому.

— Вы с ума сошли! — сказал он, а в глазах его я заметил веселые искорки. — Не делайте глупостей.

Но относиться ко мне он стал еще лучше.

Затем я встретил его в американской разведывательной школе. Он преподавал там «легализацию», как у нас называли способы устройства шпиона на жительство и работу в Советском Союзе. Мы жили на загородной вилле и не могли никуда выходить. Друг друга мы знали только по кличкам.

Совершенно неожиданно нас стали готовить в ускоренном темпе. За день до переброски нам дали отпуск в город. Все отправились кутить в ресторан, а меня пригласил с собой Пронский. Мы поехали далеко от школы, в центр города. Большой ресторан был заполнен. Мы нашли свободный столик. Опять пили русскую водку, и Пронский много говорил о России.

— Послушай, Виктор, настало время действовать!

Я сразу не понял, что он хочет этим сказать, и молча смотрел на него.

— Ты будешь на Родине, но ты не должен ничего делать против своих. Ты поможешь отыскать и задержать остальных.

Перед самым вылетом Пронский назвал мне фамилии Постникова, вашу и Михайлова. Сказал, что этого будет достаточно.

...В конце мая 1951 года в центральных газетах появилась короткая информация о разоблачении группы диверсантов-парашютистов, заброшенных в СССР американской разведкой. Они были приговорены к расстрелу.

Но остались еще четыре парашютиста, в том числе Красков, на которых американская разведка возлагала свои надежды. Было решено использовать их для передачи американцам ложных сведений о секретах Советского Союза...

В американский центр отправили открытку с тайнописным текстом. С Красковым работал молодой лейтенант Коваленко, а Розов помогал им в затруднительных случаях.

Вскоре подошло время, когда парашютисты согласно полученным инструкциям должны были принимать по радио сообщения, передаваемые для каждого из них разведывательной радиостанцией из Мюнхена. Вызвав к себе Коваленко, Розов сказал ему:

— Аркадий, вызывай Краскова. Сегодня должна быть для него передача.

...Коваленко достал еще не распечатанную книжку с тонкими листками, на которых были напечатаны колонки пятизначных цифр. Красков сел к приемнику, повернул рукоятку, и приемник стал слегка потрескивать.

Чем меньше оставалось времени, тем больше Красков волновался. Его волнение передавалось Аркадию. Сейчас они будут слушать передачу разведывательного центра противника. Что сообщит центр? Что принесут с собой сигналы оттуда, издалека, предназначенные только ему одному, Краскову?

Когда осталось три минуты, Красков стал искать нужную волну. Коваленко пристально смотрел ему в лицо. Вдруг Красков кивнул: он разобрал свои позывные. А через секунду стал быстро наносить цифры на чистый лист бумаги. Беспорядочные колонки цифр, одна за другой. Рука торопится и слегка дрожит.

Через пять минут все кончилось. Морзянка так же внезапно смолкла, как и началась. И остались на столе перед Красковым голые колонки цифр.

Несколько минут сидели молча. Затем Красков расшифровал переданную ему радиограмму: «Осужденные о тебе ничего не знали. Будь спокоен. Сообщи тайнописью, как устроился. Привет от друзей. Конец».

Двадцать третьего августа Красков должен был выйти на первую прямую связь по радио с американским центром. Красков волновался. Его возбуждение передавалось Коваленко и даже Розову. Ведь это первый контакт с противником, хотя и по радио. Как воспримут американцы передачу своего агента из СССР? Поверят ли ему?

Радиосеанс нужно проводить обязательно из района города Борисова. Американская разведка назначила Краскову Борисов как пункт постоянного проживания и рекомендовала для безопасности вести передачу из леса в окрестностях города. В первой радиограмме Красков должен был сообщить адрес, по которому он прописался, и место работы.

На выгоревшей за лето и пожелтевшей траве расстелили брезент, на него поставили радиопередатчик и аккумуляторы. Не спеша растянули с севера на юг и повесили на деревья антенну. Красков вставил в аппарат кварцы, подключил к передатчику телеграфный ключ. Все готово, можно начинать.

Красков уверенно нажал кнопку. Загорелась сигнальная лампочка в передатчике. Он заработал ключом. Перешел на прием. Все поняли без слов: его сигналы приняты. Его опознали, слушают. Красков быстро отстучал текст радиограммы. Ответили, что слышали хорошо, все приняли. Сеанс окончен. Прошло всего семь минут, а показалось, что несколько часов. Так Красков и его напарник Ромашко перешли на прямую двустороннюю связь с американским разведывательным центром, расположенным в Западной Германии. Они принимали по радио указания центра и сообщали результаты выполненной ими работы с помощью радиопередатчика или тайнописью.

В числе первоочередных заданий было такое: собрать сведения о советских документах. Для этого рекомендовалось посещать закусочные и пивные и, подпоив случайных «дружков», под каким-либо предлогом знакомиться с их документами: запоминать, а затем записывать номера паспортов и военных билетов, давать описание трудовых книжек и различных справок.

— Готовят новых шпнонов, — заключил Розов. — Ну что ж, мы им дадим документы.

Красков и Ромашко выполияли задание американского центра, но иногда ссылались на трудности. А Розов и Коваленко вели учет вымышленных номеров документов, передаиных американской разведке, и держалн нх на контроле.

Разведывательный центр стал требовать сведения о военных заводах, аэродромах, воинских частях.

Прошел год. Одиажды амернканцы поручили Ромашко разведать особо секретный атомный объект. Они не знали, где он находнтся, но у них имелись сведения, что такой объект существует.

Задание нужно было выполнить. Розов долго ломал голову над тем, как это лучше обыграть с наибольшей пользой для нас. Созрел дерзкий план. Розов доложил о нем руководству, и ему разрешили действовать.

В октябре из орловского леса Ромашко отстучал американцам радиограмму:

«По вашему заданию ездил в район Ухты. От местных жителей узнал: в пяти километрах по проселочной дороге на восток от города находится интересующий вас объект. Прошел на место. Кругом ограда из колючей проволоки и охрана. Меня видели. При вторичном появлении могут задержать».

Через несколько дней амернканцы поблагодарили Ромашко и рекомендовали ему больше в том районе не появляться. Оин стремились обезопасить ценного агента.

Розов выехал в Ухту. Вместе с выделенными ему в помощь работниками они подобрали подходящее место в пяти километрах от города. С двух сторон — непроходимая топь. Любой посторонний человек здесь сразу будет замечен. Розов договорился, чтобы это место окружили колючей проволокой и установили за ним наблюдение.

Объяснив детали задания, Розов выехал домой. В течение многих месяцев, изо дня в день вели наблюдения за подходами к огороженному участку, и все безрезультатно. Красков и Ромашко регулярно направляли в центр информацию и получали все новые и новые задания. А важный атомный объект как бы прошел мимо внимания американской разведки. Розов терялся в догадках: может быть, не поверили сообщению?

Прошел почти год. Снова в разгаре было лето, когда Розову неожиданно позвонили из Краснодара.

— Владимир Дмитриевич, — услышал он, — сегодня к нам доставили мертвого человека. Судя по найденным при нем документам, он имеет отношение к «Коршунам».

— Я вылетаю к вам!

Труп неизвестного находился в городском морге, где уже провели вскрытие. Розов прочитал акт экспертизы: смерть наступила мгновенно в результате отравления цианистым калием.

Он осмотрел документы и вещи. Как и предполагал, паспорт и военный билет изготовлены американцами, он сразу определил это опытным глазом. Деньги, средства тайнописи, радиостанция, снаряжение — то же самое.

— Как все произошло? — спросил Розов сопровождавшего его капитана.

— Недалеко от станицы Северской его задержали лесорубы. Один из них еще здесь, и вы могли бы поговорить с ним.

— Встретил в лесу незнакомца, — рассказал лесоруб. — Он мне показался подозрительным. Держит себя настороженно, просит провести к станции. Повел я его кружной дорогой и привел к тому месту, где спали мои напарники. Разбудил их и крикнул: «Вяжите его!» Тот пытался выхватить пистолет, но вчетвером мы его быстро связали и положили под куст. Павел пошел в станицу за милицией. Потом приехала подвода с милиционерами. Стали класть на подводу и увидели, что он мертвый.

Розов попросил принести рубашку, снятую с мертвеца, пинцет и ножницы. Осторожно разрезал воротничок рубашки и достал оттуда кусочки раздавленной ампулы.

— Вот от чего умер этот бандит, — сказал Розов. — Вы задержали очень опасного человека. Спасибо вам! — Розов пожал лесорубу руку. — Скажите, пожалуйста, — спросил Розов после того, как осторожно завернул осколки ампулы в рубашку и уложил в чемодан, — он не говорил, куда он собирался ехать?

— Да... Что-то он называл... Как проехать в Уху или в Ухму, я никогда такого названия не слышал и не обратил внимания.

— Может быть, в Ухту?

— Возможно. Я сказал, чтобы он спросил на станции.

Направлялся ли этот шпион действительно в Ухту? Начал ли действовать ложный атомный объект в районе этого города как притягательная сила для американской разведки? Все это осталось неизвестным.

После гибели шпиона Ухта была снова забыта, американская разведка, казалось, не проявляла никакого к ней интереса.

Только через несколько месяцев в районе «объекта» возле Ухты задержали подозрительного человека. Он пытался незаметно подойти к ограде, прятался за стволы деревьев, ложился под кусты. За ним наблюдали.

Когда он заметил, что за ним следят, хотел скрыться в лесу. Собака быстро взяла след. Он стрелял из бесшумного пистолета, но его обезоружили и доставили в Москву. Неизвестный оказался американским шпионом, заброшенным в Советский Союз специально для разведки этого атомного объекта. Вначале он пытался узнать, как можно поступить на работу на этот объект. Таких справок ему никто не мог дать. Он расспрашивал местных жителей, но тоже тщетно. Тогда он получил задание пробраться как можно ближе к ограде и измерить степень радиации.

Шпион получил по заслугам.

Ловушка

Все получилось значительно сложнее, чем ожидал Освальд. Ну разве мог он предвидеть, что в его жизнь так незаметно войдет страх и теперь будет преследовать его всюду!

«Что же мне делать?!» — хотел крикнуть Освальд. Возле него по-прежнему хлопотала жена, щебетали дети, они были, как всегда, милы и ласковы. А он уже не видел, не чувствовал этой ласки. Освальд пытался забыть, что произошло, он пытался не думать, но напрасно.

Письмо от Фельдта выбило его окончательно из колеи. Освальд ушел с работы раньше времени. Он уже ничего не мог делать, все валилось из рук. Зашел домой... но не выдержал пытки домашним уютом, сбежал. Стал бродить по Таллину. Его тянуло на узкие, кривые улицы старого города.

«Я пропал», — думал Освальд. Он пытался еще раз разобраться в случившемся.

Сначала Освальд жил так, как живут все советские люди: мирно, спокойно. Работал инженером, по вечерам гулял по городу с детьми, учился, учил сам. Он был способным человеком и поэтому быстро выдвинулся — стал ведущим инженером на заводе. Все было хорошо. И вот Освальд туристом выезжает в Швецию. Он уже давно хочет побывать в этой стране. Там живет друг его юности Иоханнес Михкельсон. С ним он не виделся вечность. Встреча друзей происходит на квартире у Михкельсона в Иоханнесхофе на улице Графиквечен в доме № 7.

— Кого я вижу! Ты ли это, старик? — радостно восклицает Михкельсон.

Друзья обнимаются.

— Ну проходи, проходи, — Михкельсон проводит Освальда в гостиную — большую светлую комнату, обставленную современной мебелью.

Освальд видит накрытый стол. Его ждали.

— Вот как бывает, старик, гора с горой не сходится, а человек... — Михкельсон наполняет вином рюмки. — Выпьем за встречу! — Он тепло смотрит на Освальда. — Я надеюсь, не последнюю.

Выпили. Разговорились. Вспомнили прошлое. Они познакомились, когда Освальд был еще студентом Тартуского университета. Михкельсон был старше его на целых семь лет. Он был одним из лидеров социал-демократической рабочей партии Эстонии. Он привлек Освальда к работе в партии. Освальд всей душой принял ее

программу, которая звала к освобождению рабочих от капиталистов, и вскоре стал членом СДРЭ. Дружба между Михкельсоном и Освальдом росла. Освальд видел в своем старшем товарище умного, интересного человека и поэтому тянулся к нему. Потом грянула революция 1940 года. В Эстонию пришла Советская власть. Михкельсон, как журналист по профессии, стал работать секретарем бюро информации Наркомата легкой промышленности республики.

Освальд окончил университет, стал работать на заводе.

Начинается война. Друзья теряют друг друга из виду. Они не встречаются и после войны. Проходит больше десятка лет, и вдруг Освальд получает письмо. Оказывается, Михкельсон жив. Он живет в Швеции, куда бежал в войну из немецкого плена.

Завязалась переписка, спокойная и не частая. И вот друзья встретились вновь.

— Как ты живешь-то, Иоханнес?

— Да и не спрашивай. Верчусь как заводной. Моих обязанностей хватит на десять человек, а я справляюсь один, — Михкельсон засмеялся.

— А именно?

— Я стал видным деятелем Социалистического союза Средней и Восточной Европы, являюсь лидером Эстонской социалистической партии в эмиграции, издателем журнала «Сиде» и заместителем председателя Эстонского национального совета. — Он сознательно не говорит о том, что основной его работой является должность страхового агента в компании «Фольксам».

— Опять твой удел политика и журналистика, — говорит Освальд.

— В политике и в журналистике как в капле воды концентрируется людская жизнь, старик. Это дает мне возможность много ездить, видеть. И где я только не побывал за последние дни! В январе ездил в Люксембург на конференцию Совета европейского социалистического движения, в июне — на заседание Совета Центра профсоюзов в Париж, в июле — на съезд Социалистического союза Средней и Восточной Европы... Потом в Вену, Брюссель, Копенгаген, Западный Берлин, Рим... Теперь я с гордостью могу сказать, что видел весь мир. Не правда ли, здорово?! — Михкельсон старается размахом своей деятельности покорить Освальда, и это ему удается.

— Браво, Иоханнес! — восклицает Освальд.

Он был рад за друга и поэтому не стал, не хотел вдаваться в подробности его политической карьеры, в ее суть. Ну какую роль может она сыграть в их дружбе, чем помешать...

Друзья пробыли вместе несколько часов, но, чтобы выговориться, им сейчас не хватило бы и нескольких дней. Однако Освальд должен был торопиться в гостиницу. Он и так нарушил расписание туристской группы.

Уже прощаясь, Михкельсон сказал:

— В следующий раз я обязательно познакомлю тебя со своими друзьями по партии, прессе и непременно представлю тебя господину президенту в изгнании Августу Рейему. Ты увидишь, что это за люди.

Накануне отъезда Освальда на Родину Михкельсон познакомил его со своим собратом по партии из Швейцарии.

— Это молодой ученый. Ты уж не откажи в любезности, побеседуй с ним.

Молодому ученому было лет сорок. Он был высок, строен, с веснушчатым лицом. В его манерах, движениях проглядывалась военная выправка. Но это не показалось Освальду странным. Швейцарец назвался Фельдтом.

— Вы понимаете, — заговорил он по-немецки, — я сейчас пишу научную работу об экономике Эстонии, и мне необходимо кое-что уточнить.

Освальд был польщен. Всегда приятно быть чем-то полезным другим и тем более молодому ученому.

— Я к вашим услугам, но хочу предупредить, что я плохой экономист.

Михкельсон встал.

— Старик, я оставляю вас на время. Мне надо подготовить передовую для журнала!

Если бы знал Освальд, с кем оставляет его Михкельсон, возможно, и не было бы такого мучительного конца. Молодой ученый явно заискивал перед Освальдом, он часто улыбался, по поводу и без повода, извинялся.

— Эстония меня давно привлекала своей развитой индустрией, сельским хозяйством. Может быть, поэтому я с такой радостью взялся за эту тему. Основной материал я нашел в открытой печати.

Чувствуя, что Освальд плохо разбирается в немецком языке, Фельдт заботливо подбирал простые слова, предложения старался делать короткими, понятными.

— Меня сейчас интересует судостроение Эстонии.

Освальд сказал, что знал из газет, книг.

Фельдт улыбнулся.

— О, я об этом уже читал, мне надо знать, что вы сами видели. Это будет лучшими местами в моей работе — материалами, добытыми из первоисточника, без тенденциозности и пропаганды. Вы меня понимаете?

Освальд развел руками.

— Жалко.

Фельдт задал еще несколько вопросов. Освальд, как мог, ответил, Фельдт поморщился. Это не ускользнуло от Освальда. Наступила пауза. Вошел Михкельсон.

— Ну как, поговорили?

— Да, — Фельдт встал. — Мне было очень приятно познакомиться с господином Освальдом. Я думаю, это наша не последняя встреча.

— Будем надеяться.

Наступил день отъезда. На пароходе Освальд обнаружил, что забыл в гостинице отрез на костюм и пару белья.

Приехал домой. Уже забыл об этом случае, как из Швеции пришла посылка.

В ней оказался его отрез, выглаженное, выстиранное белье — и что такое? — еще отрез на костюм и несколько пар красивых нейлоновых носков.

— Уж не напутали ли что служащие гостиницы? — сказал Освальд жене. — Или у них так полагается, чтобы привлечь к себе внимание?

Все объяснило письмо Михкельсона. Отправителем его почему-то значился некий К. Н. из г. Таллина, ул. Сальме, 15/2.

Михкельсон писал о том, что он положил в посылку еще отрез и носки в знак уважения к другу.

Освальд мысленно поблагодарил Михкельсона за щедрость. Шло время. Из Швеции изредка приходили письма. Освальд отвечал. Минул год. Наступило лето. На заводе Освальду предложи-

ли поехать в Брюссель в составе эстонских специалистов.

Уже выезжая за границу, Освальд сообщил об этом Михкельсону. «Мне будет приятно, если я вновь встречусь с тобой», — писал он. И какова же была его радость, когда в гостинице Брюсселя, где он остановился, администратор протянул ему телеграмму от Михкельсона.

«Старик, вздумал о Бельгии написать очерк, помогла твоя поездка. Буду во вторник, встречаемся в среду в 9 часов перед ратушей».

В среду, подходя к ратуше, Освальд увидел издали Михкельсона. Друг был одет в легкий светлый костюм, в руках он держал соломенную шляпу. Весь его вид, движения говорили о том, что дела его преуспевают.

Освальд радостно взмахнул рукой. Но что такое? Друг, увидя его приветствие, повернулся и торопливо зашагал прочь от ратуши.

«Чудак! — подумал Освальд. — Что он затеял?» — и пошел за Михкельсоном.

Так, на расстоянии друг от друга, они пересекли площадь, прошли улицу, свернули в переулок.

— Ты как настоящий детектив, — наконец догнав Михкельсона, сказал Освальд.

Лицо друга расплылось в широкой улыбке, второй подбородок закрыл расстегнутый ворот тенниски.

— Привет, старик! Ты уж не удивляйся моим чудачествам. Я хочу, чтобы нас не видели вместе твои делегаты. А то, чего доброго, будут неприятности.

— И то верно, — согласился Освальд, подивившись дальновидности друга.

Непринужденно беседуя, они стали бродить по тихим переулкам и были готовы так ходить хоть до утра, но Освальду надо было спешить: программа пребывания эстонских инженеров в Брюсселе была строго расписана по часам. Друзья договорились о новой встрече и разошлись.

На следующий день встреча произошла с такими же предосторожностями, как и первая. Опять гуляли по переулкам.

Михкельсон хвалился тем, что уже состряпал очерк о Бельгии. Освальд подивился работоспособности друга.

— Да, ты знаешь, старик, — посмотрев на часы, вдруг сказал Михкельсон, — совсем забыл. Вчера встретил здесь... — он замолчал, лукаво взглянул на Освальда. — Кого бы ты думал?

Освальд пожал плечами.

— А помнишь Фельдта? Ну ученого из Швейцарии, которого ты видел у меня дома? В поисках материала для своей работы он добрался до бельгийской государственной библиотеки. Вот что делает с человеком страсть к работе. Я назначил с ним встречу и думаю, что ты не будешь против.

— Ну что ты. — Освальд улыбнулся.

Фельдт ждал их у биржи труда. Он был рад неожиданой встрече с эстонским инженером.

— Я, очевидно, родился под счастливой звездой, — проговорил швейцарец, — мне сам бог послал вас. Что мы будем ходить по городу? Пойдем ко мне в гостиницу.

Михкельсон как будто ждал этого. Он мигом нашел такси. Все сели, и через несколько минут машина остановилась у сверкающей огнями гостиницы «Роял».

Выйдя из такси, Освальд направился к парадному входу. Но его остановил Фельдт, он взял Освальда за руку.

— Вы меня извините, но погоня за материалом, трата денег на заграничные поездки не дают мне возможности жить в таких гостиницах.

Они зашли за угол. «Гостиница Улитторола», — прочел Освальд.

По узкой грязной лестнице поднялись на третий этаж, в низкую мрачную комнату. На двери была цифра 12. Освальда поразила убогость комнаты — кровать, стул и заваленный бумагами и книгами стол.

— Наука требует жертв, — заметил Михкельсон, увидев удивление на лице Освальда.

Душу Освальда шевельнула жалость к швейцарскому ученому, захотелось как-то ему помочь. И когда Фельдт задал очередную серию вопросов, он с готовностью на них ответил. Он даже не обратил внимания, что вопросы были несколько странные.

— Скажите мне, сколько в Эстонии стоит килограмм сахара? Какова цена телевизора, коньяка, стирального порошка? Как дороги меха?

Освальд с трудом ответил по-немецки.

— А вы не будете против, если я приглашу переводчика? — спросил Фельдт. — У меня сосед по номеру, оказалось, великолепно знает немецкий, английский и эстонский.

Освальд согласился.

— Вот и прекрасно! — Фельдт исчез.

Через несколько минут он возвратился с мужчиной. Неизвестному было не больше тридцати пяти лет, он был среднего роста, с крупным лицом и горбатым носом.

Познакомились. Мужчина оказался Виллемом, эстонцем-эмигрантом.

На столе, который пододвинули к кровати, вместо бумаг и книг появилась бутылка коньяка, стопки.

Завязалась непринужденная беседа. Оживленнее всех был Фельдт. Он хвастливо говорил о том, что его работа над научным трудом подходит к концу, что ему осталось только кое-что уточнить с любезной помощью Освальда и он, наконец, выбьется в научный мир.

— Вы понимаете, мне не надо будет тратить свои деньги на поездки по странам, их мне будет финансировать университет. Но пока... я должен заслужить это право.

Освальд, подогретый спиртным, стал рассказывать о том, чего ему стоило в свое время добиться положения ведущего инженера на заводе.

— И вы знаете, я верю в труд. Может быть, поэтому, дорогой мой Фельдт, я верю и в ваш успех. У вас есть хватка, вы непременно победите. — Освальд, словно бравируя своим положением, стал рассказывать о заграничных поездках, о заводе, на котором работал.

Он был счастлив чем-то помочь молодому ученому.

На следующий день опять собрались у Фельдта. Только теперь в комнате был уже не один стул, а четыре, и на столе вместо бумаг и книг стояло несколько бутылок вина, закуска.

Освальд был польщен тем, что Фельдт и Михкельсон не знали, куда его усадить.

Опять пригласили Виллема. Так повторилось несколько раз. Фельдт был доволен беседами. Михкельсон от души благодарил Освальда за его любезное отношение к швейцарцу.

— Ну, если мы не будем помогать друг другу, кто же тогда нам поможет? — И Освальд с гордостью рассказывал о том, как преобразилась Эстония за последние годы, как газифицировалась, электрифицировалась ее промышленность, как растущая индустрия механизировала даже земельные работы.

Освальд отвечал на вопросы уже не только Фельдта, но и Виллема, и Михкельсона. Все они хотели узнать больше о его родной республике.

— А скажите нам, уважаемый Освальд, где вы в Эстонии видели ракетные установки или что вы знаете об их расположении? — неожиданно спросил Фельдт.

Освальд невольно улыбнулся.

— Это тоже нужно для научного труда?

— Конечно, — невозмутимо ответил Фельдт, — я должен как можно полнее в своей работе раскрыть экономику вашей республики, а таких данных в печати нет.

— Не будьте наивными, друзья. Это же похоже... — Освальд осекся.

Михкельсон недружелюбно посмотрел на старого друга, отошел к окну.

— Я не буду отвечать на этот вопрос, и это не только потому, что не хочу. Я не знаю об этом.

Виллем переглянулся с Фельдтом.

— Хорошо. Тогда, я надеюсь, вы будете об этом нам писать в письмах, — сказал Виллем.

— Господа, у меня же семья.

— Мы об этом подумали и вовсе не желаем вас подводить. Впрочем...

Виллем достал из стола несколько листов бумаги, в середину их положил лист, похожий на восковку, и на верхнем листе простым карандашом написал:

«200 рыболовецких судов». Потом вынул из-под восковки чистый лист, посыпал на него порошком, сдунул. На бумаге проявилось то, что он только что написал на верхнем листе.

— Теперь, я думаю, господин Освальд, вам ясно. Мы все предвидели и не хотим вами рисковать. На подобном листе поверх тайнописи вы можете написать самый невинный текст, в книге телефонов Таллина выберите любой обратный адрес и отправьте письмо нам. Мы вам укажем куда.

— А, вот оно что! Значит, вы все это уже...

— Не говори глупости, старик. — Михкельсон положил руку на его плечо. — Я всегда верил в твою мудрость. В конце концов с тобой ничего не сталось, когда ты рассказал Фельдту о своем городе, о заводе, о республике... Мы будем беречь тебя.

Освальду стало душно, он налил в стопку вина, выпил. Виллем и Фельдт молча переглянулись. Освальд не знал, что делать. Он впервые за свою жизнь столкнулся с тем, когда на карту было поставлено его гражданское «я».

— Я не буду это делать!

— Очень жаль, — сказал Виллем. — А вот ваш друг говорил нам обратное. Впрочем, вы человек не глупый, иначе вас бы не посылали за границу в столь ответственные командировки. Вы все поймете... Сейчас я считаю своим долгом сказать вам о том, что мы записали на пленку все, что вы рассказывали. А вы рассказали нам уже многое. Мы также засняли ваши конспиративные встречи с Михкельсоном на улицах. У вас нет выбора.

Расстроенным ушел Освальд с этой встречи. Провожал его Михкельсон. Шли молча. Освальду не хотелось говорить. В его голове никак не укладывалось то, что старый друг так жестоко с ним поступил. А в ушах звенели, били набатом последние слова Фельдта: «До завтра. Ждем ответа».

— Знаешь, старик, — наконец сказал Михкельсон, — если ты откажешься писать Фельдту письма, я да и ты сам пропали. Ты у них уже в руках. И чего им стоит обнародовать то, что они собрали против тебя, а я сразу лишусь всех своих должностей. А у меня тоже семья.

— Так как же ты, зная все это, сознательно втянул меня?..

— Старик, я ничего не знал! Я был уверен, что Фельдт мой собрат по партии, и не больше.

— Врешь. Я не ребенок, — только и сказал Освальд.

Он добрался до гостиницы, лег в постель, но уснуть не смог. Перед глазами со страшной быстротой проносились все его встречи с Михкельсоном, с его друзьями.

В душу Освальда вполз страх, чтобы затем стать его постоянным спутником. Создавшееся положение Освальду показалось безвыходным.

На следующую встречу с Михкельсоном он шел как затравленный зверь. Ему казалось, что товарищи по делегации стали замечать его отлучки, наблюдали за ним. Ведь неспроста же сегодня один из инженеров спросил его с иронией, когда Освальд выходил из гостиницы.

— Ты опять отправился изучать город?

— Так надобно же набраться впечатлений, — Освальд, как мог, улыбнулся.

Он шел по улице, часто оглядывался. «Что-то теперь со мной будет?» К нему подошел Михкельсон. Освальда передернуло.

— Ну как, старик? Что решил?

Освальд молчал.

— Знаю, тяжело, но я верю в твое благоразумие... Ты не заставишь своим отказом превратиться твоему другу в дворника... — Михкельсон старался сыграть на слабохарактерности Освальда.

— Дворника?.. А как же твоя журналистская деятельность?

Михкельсон махнул рукой.

Фельдт встретил их с распростертыми объятиями. Можно было подумать, что они не виделись вечность и были друг для друга дорогими людьми.

— В чем будет заключаться моя переписка? — прямо с порога спросил Освальд.

— Вот это уже деловой подход. — Фельдт взял Освальда под руку. — Вы должны будете нам писать все о вашем заводе, об экономике Эстонии, о быте и нравах эстонцев, о том, как комплектуются группы для заграничных поездок, как оформляются документы...

— Как часто я должен буду писать?
— Раз или два в год. Может быть, три.
— Согласен.
— Тогда не будем терять времени и приступим к делу.

Виллем опять достал свои бумаги. Он стал обучать Освальда, как пользоваться средствами тайнописи.

Условились, что все письма Освальд будет начинать словами «Дорогой Пауль» и заканчивать «твой Петер».

Ему дали вопросы, на которые он должен будет ответить в первом письме. Кроме подробного рассказа о продукции своего завода, он должен будет дать характеристики руководящих работников республики, членов ЦК КП Эстонии, домашние адреса и маршруты их движения на работу, домой; узнать все, что только возможно, о ракетах, собирать даже слухи. Письма Освальд должен будет направлять по адресу:

Пауль Науманн, Фрейденталь, Вюртемберг, Стомбергштрассе, 2. Федеративная Республика Германии.

На этот раз возвращение в Эстонию не принесло Освальду радости. На вопросы знакомых о поездке в Бельгию он отвечал уклончиво.

— Там красиво, необычно, но у нас лучше, роднее.

Пытаясь заглушить разрастающийся страх за себя, за свое будущее, он с головой ушел в любимую работу.

Прошло несколько месяцев. Освальд стал забываться. «Пронесло, обошлось», — думал он.

Но перед Новым годом от Михкельсона пришла поздравительная открытка. Что это, знак вежливости? Нет! Освальд знал, что это условное напоминание — от него ждут писем. Вспомнились Фельдт, Виллем. Освальд снова потерял покой.

— Что с тобой, Освальд? Ты или заболел или что-то от меня скрываешь? — спросила жена. — Почему ты стал таким замкнутым?

— Я действительно себя плохо чувствую.

— Тогда возьми отпуск и поезжай куда-нибудь, отдохни.

— Хорошо, родная. Вот напишу отчет о работе за прошедший год и поеду.

И Освальд сел за письмо к Михкельсону, он подробно написал о своем заводе, а на другие вопросы отвечать не стал, сослался на то, что еще не успел выяснить.

По настоянию жены купил туристскую путевку и выехал в Финляндию. Всю дорогу его терзали мысли — сообщить об этой поездке Михкельсону или нет. Решил не сообщать, ему захотелось эти дни посвятить отдыху, забыться. Но, приехав в Хельсинки, отправился на телеграф и позвонил в Стокгольм. «Пускай приедет Михкельсон, — думал он, — я ему скажу, что решил покончить с письмами и Фельдтом». Он уже приготовил, что будет говорить. Он скажет, что хочет жить, жить честно, открыто.

Встреча состоялась через несколько дней в гостинице «Ваакуна», что находится невдалеке от железнодорожной станции. Там в пятом номере остановился Михкельсон.

— Старик, как я рад тебя видеть! — Михкельсон стиснул Освальда в объятиях. — Ты делаешь успехи, тобой довольны наши шефы.

Освальд растерялся.

— Мне предложили заполнить на тебя анкету. Михкельсон усадил Освальда за стол.

— Теперь ты подробно расскажи о себе, а я запишу.

Михкельсон достал бланк на английском языке.

— Кто входит в состав твоей семьи?

— Жена и трое детей...

В это время открылась дверь, в номере появился Фельдт.

Освальду стало не по себе. Фельдт был ему неприятен, но он, вместо того чтобы выплеснуть ему в глаза все, что думал о нем, протянул руку.

Михкельсон заполнил анкету, Освальд расписался.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Фельдт. — Люблю, когда все идет заданным курсом.

— Вы, пожалуйста, не обнадеживайте себя. — Освальд заломил руки. Он сейчас был похож на лягушку, которая, пятясь от змеи, неуклонно приближается к ее пасти. — Я трус и не смогу быть вам полезен.

Фельдт засмеялся.

— Я понимаю ваше беспокойство. Люди всегда чего-то трусят, даже тогда, когда им ничто не угрожает. Может быть, поэтому они подчас делают свой роковой шаг, которого бы им действительно следовало бояться. Многие, например, боятся невинной грозы и не боятся газеты, где опубликована их фотография в связи с неприятной для них историей. Некоторые боятся ездить на машине, забывая о том, что несчастные случаи бывают и на тротуаре.

«Это угроза?» — Освальду показалось, что у него стали мерзнуть руки. Он посмотрел на них, они были бело-синие. Было похоже, что из них выкачали кровь.

Как бы поняв, что в своих рассуждениях зашел слишком далеко, Фельдт произнес:

— Но вы, Освальд, будьте спокойны, ваш страх без причины. Мы будем вас использовать редко, возможно, скоро и вовсе прекратим. А пока за письма мы будем ежемесячно пересылать вам в какой-нибудь банк по 50 долларов. Мало? Прибавим. Все будет зависеть от вас.

Освальд хотел остановить Фельдта, сказать ему, что уж если он может прекратить с ним связь, то лучше ее прекратить сейчас, но молчал и слушал. А Фельдт, окрыленный успехами, время от времени улыбался Михкельсону и уже инструктировал Освальда. Их переводчиком был Михкельсон.

Свои письма Освальд впредь должен будет подписывать именем «Хильда». Письма от Фельдта он должен проявлять с помощью специального раствора. Швейцарец выложил на стол несколько стеклянных банок с таблетками.

— Эти таблетки вы разведете в воде и полученным раствором смочите лист с тайнописью, — он назвал пропорцию воды и таблеток.

Теперь Освальд обязан будет сообщать ему, на каких предприятиях Таллина работает больше тысячи человек, где и как строятся военные дороги, какие воинские части расположены в таллинском районе Тонди и опять все, что узнает, услышит о ракетах, об их базах.

— Лучше будет, если эти сведения вы доставите мне сами. Уяснили?

Освальд мотнул головой.

— Отлично! Для связи со мной используйте любую поездку за границу. Не скупитесь на подкуп, если это надо будет, чтобы выехать к нам. Деньгами мы вас обеспечим.

Фельдт попрощался и вышел.

Освальд понял, что, вместо того чтобы покончить с «молодым ученым», он завяз еще больше.

— Скажи, Иоханнес, кто все же этот Фельдт?

Михкельсон улыбнулся.

— Ты как ребенок. Ну что тебе даст, если я скажу, что он американец, живет в одной из Скандинавских стран?

— И все-таки кто он?

— О таких вещах не говорят. Да и какая тебе будет разница, если я скажу, что он из Суди-ай или Си-ай-эй.

Освальду действительно было все равно, из какой именно шпионской организации Фельдт. Одно было ясно — он основательно влип и виноват в этом был его «старый друг» Михкельсон.

Возвратившись в Таллин, Освальд отправил по указанному адресу в Западную Германию письмо. В нем он сообщил, что «доехал хорошо и дома все в порядке...».

«Теперь оставят меня в покое хотя бы на полгода», — подумал он.

Покоя не получилось. Вскоре от Фельдта пришло письмо, почему-то отправленное из Москвы. Американец требовал данных о подводных лодках, базирующихся в Эстонии. Он сообщал, что свой ответ Освальд должен направить по новому адресу: фрау Хильде Нитше, Ганновер. Теодорштрассе, 13. Западная Германия.

Украдкой от жены Освальд снова достал письмо. Прочитал. Стало страшно. Смял письмо, сунул его в карман, выбежал на улицу.

— Куда ты? — услышал он голос жены, но даже не обернулся.

Был конец зимы. Валил мокрый снег. Он тут же таял, вода струйками стекала по лицу, просачивалась за воротник. Освальд не чувствовал холода. Он бродил по узким, кривым улочкам старого Таллина.

«Так что же делать? Неужели я пропал? А вдруг наши органы уже знают о моих делах?» Освальда обуял страх. Он разом увидел прохожих, которых только что не замечал, стал вглядываться в их лица.

Его кто-то тронул за руку. «Неужели конец?»

Обернулся.

— Товарищ, у вас не найдется спичек?

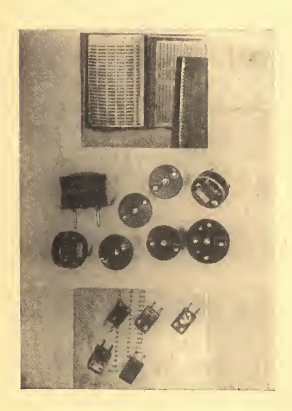
Перед ним стоял юноша.

— Не курю! — Освальду сделалось холодно.

Часто оглядываясь, он вышел на улицу Пагари. Остановился около дома 1. Постоял и вдруг с силой толкнул парадную дверь. Увидел старшину в форме Комитета государственной безопасности и сказал:

— Я американский агент.

«Что делает сейчас Освальд?» — спросит читатель. Учитывая его явку с повинной и чистосердечное признание, компетентные органы Эстонской ССР сочли возможным не привлекать его к уголовной ответственности. Освальд по-прежнему работает на заводе.



Снаряжение шпионов и диверсантов, обезвреженных советскими чекистами: оружие, средства связи, фиктивные документы.

VEB-KEMA

ЛЮБИТЬ ЛЮДЕЙ

Его биографию можно изложить кратко. Например, вот так...

Фамилия, имя, отчество? Габа Иван Васильевич.

Возраст? Сорок пять лет.

Место рождения? Крохотная деревушка Тесова Солигорского (в прошлом Старобинского) района Минской области.

Партийность? Коммунист.

Семейное положение? Женат. Двое детей — тринадцати и десяти с половиной лет.

Когда в первый раз взял в руки оружие? Восемнадцати лет от роду вступил добровольно в отряд партизанского генерала В. З. Коржа.

Профессия? Чекист, контрразведчик.

Основное занятие? Охрана государственной безопасности...

И все. Но очень хочется рассказать биографию этого человека более подробно.

Оказывается, нельзя подробно! Далеко не все еще можно рассказать о жизни Ивана Васильевича Габы. Видя мое искреннее огорчение по этому поводу, он сочувственно улыбается. Улыбка у него совсем мальчишеская.

— Что поделаешь, такая уж наша профессия, не любит рекламы.

— Но как же быть с очерком?

— Хорошо... Я расскажу вам, как мы обезвредили тех четверых, которые были заброшены в Налибокскую пущу. Только учтите, что там я был не один.

...Уже потом стало известно, что их четверо. А вначале никто не знал сколько. Их готовили в специальной шпионской школе самым тщательным образом. Готовили, как говорится, на все случаи жизни. Они отлично знали, как вести себя при встрече с советскими людьми, как отвечать на их вопросы и что спрашивать самим, не привлекая внимания, не вызывая подозрений. У них была отличная современная рация, самое совершенное автоматическое оружие, крупные суммы советских денег. В воротнике каждого была зашита маленькая ампула с быстродействующим ядом. Это для себя, на крайний случай, чтобы не попадаться живыми в руки чекистов.

Но, как ни готовили их к первой встрече с первым человеком на советской земле, она оказалась для них роковой.

...Двое молодых рабочих, то ли из дорожной службы, то ли из лесничества, расположились отдохнуть на обочине большака. Они неторопливо кусали хлеб с салом, лупили яйца, по-хозяйски аккуратно собирая скорлупу в бумагу. Десятка полтора человек уже прошли мимо, не обратив на них никакого внимания. Проурчало несколько колхозных грузовиков. Сейчас они поедят и попросят кого-нибудь из шоферов подбросить их по пути. Из-за поворота дороги вышел седой дед со старенькой двустволкой на плече.

— Привет, хлопцы!

— Здорово, дедусь.

— Хлеб да соль!

— Спасибо, милости просим...

А дальше произошло нечто совсем невероятное. Дед вдруг наставил на них ружьецо и приказал:

— Руки вверх!

Оба на какую-то долю секунды оцепенели, а потом в одно мгновение рванули с места и исчезли в лесу. Инстинкт самосохранения оказался превыше шпионской выучки. Перелетая через изгородь, один из беглецов зацепился мешком, и он остался висеть на изгороди. Развязав его и увидев прямо сверху четырнадцатизарядный автоматический пистолет, дед струхнул не на шутку. Ведь крикнул он им «руки вверх!» полушутя-полусерьезно. Хотел на всякий случай проверить документы у незнакомых людей. А ружьето у него было незаряженное!

Чекисты уже знали о появлении шпионов в этом районе. А теперь стало известно точное местонахождение «гостей» из-за кордона». Но сколько их? Двое или есть еще?..

За всеми дорогами и тропинками было установлено наблюдение. Но «гости» как в воду канули. Ничего не дало и прочесывание наиболее подозрительных мест пущи.

Одну из оперативных групп возглавил Иван Васильевич Габа. Два дня группа из трех человек ремонтировала небольшой мост на проселочной дороге. Ремонтники явно не торопились. Они по нескольку раз примеряли бревна — старательно обтесывали сваи и слеги, заботливо отделывали перила, словно имели дело не с мостом, а с произведением искусства. Много людей прошло в ту и другую сторону. Некоторые на минутку останавливались, чтобы побалакать с ремонтниками.

— Слышали новость?

— Какую?

— Шпионы в нашей пуще появились!

— Брехня! Откуда тут быть шпионам?

«А вдруг они не пойдут здесь? Уж больно место людное. Нет, этой дороги не минуют, если захотят покинуть пущу. Не век же они будут сидеть там! Место выбрано правильное», — подсказывала Габе старая партизанская интуиция.

«Он» появился на третий день. На нем был легкий плащ, элегантная кепка, в руках небольшой портфель. Посмотреть со стороны — учитель, отправившийся в район по делам. Когда «учитель» вступил на мост, его мгновенно окружили «ремонтники». Хватка у них была профессиональная.

— Как вы узнали, Иван Васильевич, что это именно «он»?

Опять на лице лукавая мальчишеская улыбка.

— Интуиция?

— Верно. Прежде всего броснлась в глаза кепка. Она была иовая, но... довоеииого образца. Теперь у нас такне не носят. И подстрижен ои был чуть-чуть не так, как у нас стрнгутся. Были и еще деталн, которые остаются незаметными для простого глаза, но нам, чекнстам, говорят о миогом.

...«Он» поиял, что запираться не нмеет смысла, и привел к тому месту, где были спрятаны мешки с оружнем, рацней, маскировочными плащ-иакндкамн. Под утро возле мешков попал в ловушку второй агент. Третьего еще раиьше взялн в Минске на вокзале. Где-то в лесу скрывался четвертый по кличке «Джо». Он-то и был руководителем группы. У него находился код. «Учнтель» предупредил чекистов, что живым Джо нн прн какнх обстоятельствах в руки не дастся.

...Третий нлн четвертый раз перечитал Габа записку, написаиную красным карандашом и оставленную в мешке. Почерк неровный, кривые буквы прыгают по строчкам. Вндимо, тот, кто пнсал, спешнл н нервничал: «Будьте вннмательиы и осторожны. О иас уже знают. Встретимся на базе. Д.».

Высокая трава вокруг. Мокрая от ночной росы. Даже вещн в мешках отсырели. А записка сухая. Значит, он был здесь совсем недавно. Надо торопиться. Пока он иичего ие заподозрил. Может так случиться, что, убеднвшись в провале операцни, Джо попытается ускользнуть обратио за границу. Полковннк обеспокоенно посмотрел на быстро розовеющий кусок неба на востоке. Чем больше людей останется на день в пуще, тем труднее будет сделать иезаметным их присутствие. Полковиик отошел с Габой в сторону.

— Иван Васнльевич, мы должны уйти отсюда, пока совсем не рассвело. Сколько человек тебе оставить?

— Думаю, двух хватнт.

— Не забывай, с кем нмеешь дело... Постарайся взять его живым. Но иа рожон не лезьте. Ты меня поннмаешь? Ну, нн пуха нн пера.

Трое, не теряя времени, облачнлись в пятнистые маскнровочные плащ-накндкн. Все взято нз экипнровки агеитов. Теперь они издали вполне могли сойти за тех, кому Джо назначнл встречу иа базе. Имеино на это и рассчнтывал Габа. Не исключена возможность, что Джо хороннтся где-то блнзко и заметнт нх первым. Но заметить первымн должны оии, иначе...

Три теин бесшумио двигалнсь по лесу. Вот и база. С трех сторон лес редкий н хорошо просматривается. С четвертой подступает густая поросль молодого сосиняка. Вряд ли Джо рнскнет появнться иа открытом месте. Скорее всего ои будет держаться поблнже к чаще. Значнт, надо залечь где-то здесь...

Джо появнлся после того, как уже хорошо прнгрело солнце. Иван Васнльевнч отодвинулся в глубь землянкн и наблюдал за ннм в бинокль. Да, такого легко не возьмешь... Высокий, почти двухметровый рост, в плечах — косая сажень. Сннний комбинезон на массивиой фигуре, казалось, вот-вот расползется по швам. На шее — автомат, который он придерживает обеими руками. На ногах одни иоски, никакой обуви. «Предусмотрительный! И ходить можно по лесу бесшумно, и бежать легко».

Джо пристальиым взглядом окинул лагерь и, не заметив ничего подозрительного, вынул из кармана манок. В лесу раздалось громкое кряканье утки.

Чекнсты молча переглянулись. Непростительная оплошность! Манкн, изъятые при аресте у агентов, они не догадалнсь взять с собой! Джо крнкнул уткой еще два раза, прнслушался и уже повернулся, чтобы скрыться в чаще.

Действовать иадо было иемедлеиио. Габа высунулся наполовину из землянки так, чтобы Джо рассмотрел зиакомую накидку, и помахал рукой.

— Эй, Джо! Иди сюда, — приглушенно позвал он. — Своих не узиаешь?

Шаг, конечно, отчаянный, ио иного выхода он ие вндел...

Джо подходнл к земляике чрезвычайио осторожно, держа палец иа курке автомата. Иван Васильевич неотрывио следнл за иим из глубины земляикн. Подойдет вплотную или не подойдет? Вот между Джо и чекнстами в землянке осталось не больше ста шагов... 60... 50. Это был опытный, хнтрый хищннк. Он учуял опасность на расстояиин. Сделав внезапный рывок влево, он огромнымн прыжками бросился иазад к чаще. Теперь исход дела решалн короткне секунды. Выскакнвая из землянкн, Иван Васильевнч пожалел, что не успел снять сапогн.

— Стой! Ни с места!

Прямо в лнцо ударила автоматная очередь. Пули прошлн над головой. Габа, ие замедляя бега, дал короткую очередь по ногам. Вторая очередь, третья... Джо бежит. Он уже возле самой чащи. Еще четыре-пять шагов, и он будет недосягаем. Иваи Габа увндел, как правая рука Джо скользнула в карман. «За гранатой!» Ствол автомата поднялся чуть повыше. Длинная очередь, в конце которой сухо лязгнул затвор. В кассете не осталось ни одного патрона. Но оии уже былн не нужны. Когда Джо перевернулн на спнну, он не дышал.

Это только однн эпизод нз жнзни контрразведчнка. А сколько нх у иего было! Понимаю, что спрашивать об этом иеудобно, но все же не могу удержаться от вопроса:

— Иван Васнльевич, а много было подобных операцнй?

— А что? Разве в очерке нельзя обойтнсь без статистикн?

...И вот в Мннске проходнт судебный процесс. Перед трнбуналом Белорусского военного округа предстали трннадцать гнуснейших типов. Онн обвиняются в том, что в 1941 году изменилн Роднне, пошлн добровольно служнть фашистам, сталн их преданнымн сторожевыми псами. Онн помогли гитлеровцам уннчтожнть лагерь военнопленных под Барановнчамн, в котором было 80 тысяч человек. Страшные преступления лежат иа совести зтнх трннадцати, которые двадцать пять лет скрывались под маской честиых, добропорядочных граждан. Чекнстам пришлось затратить неимоверное количество усилий, чтобы найтн нх, собрать неопровержнмые улики и доказательства. Это самая последняя операцня, в которой участвовал Иван Васнльевнч Габа.

— А что вы считаете главным для чекистов? — спросил я Габу.

Он задумался, а потом тихо сказал:

— Самое главное — это любить людей...

Нет, это не просто фраза. В этом вся суть, вся жизнь Иваиа Васильевича Габы и его товарищей-чекистов.

А на этих снимках — американский стратегический разведчик РС-135, предназначенный для фотографической и радиотехнической разведки; американский искусственный спутник Земли «Самос» — фоторазведчик; американский самолет-разведчик У-2: на одном из таких самолетов был сбит Пауэрс.

Валюта, ценности и оружие, отобранные советскими чекистами у агентов империалистических разведок.

«Коллекция» шпионского снаряжения — от денег до средств тайнописи, — также изъятая у иностранной агентуры.

ПИСЬМО ПОЛУЧИЛ
индийские организации вынуж
НЕ СМОГ. РАСШИФРОВАТЬ
осуществят подготовительные ро
ВСЕ СВОИ ПИСЬМА
металлургического завода яв-
ТЕСЬ ЧТО РЕД-
экономические связей между
НАМ ТРУДНО
та будет производиться в
СЬМА В С

ЗАСЫПАЛИСЬ!

Позвольте представить вам самоуверенных джентльменов, которые приехали в нашу страну под разными личинами, занимали разные должности, имели разные специальности, но были тем не менее связаны одним общим делом — делом шпиона Пеньковского, пойманного и обезвреженного советскими чекистами.

Вот они, эти джентльмены:

Р о д н е й К а р л с о н — сотрудник американского посольства в Москве. Уроженец кукурузного штата Айова. Карлсон не первый раз в нашей стране. В 1958 году он приезжал как турист — на первую рекогносцировку. В 1960 году прибыл уже в составе сельскохозяйственной делегации и был представлен как сотрудник министерства сельского хозяйства США. Так он готовил свою легенду. В третий раз Карлсон приехал как шпион, кадровый сотрудник американской разведки. Именно он и работал с Пеньковским.

В пятницу, 14 декабря в 11 часов утра Карлсон, пользуясь своей дипломатической неприкосновенностью, удрал за океан.

Г р е в и л л В и н н — преуспевающий английский коммерсант. Директор фирмы «Гревилл Винн Лимитед». В последние годы воспылал любовью к странам социалистического лагеря. Видимо, поэтому и в Москву приезжал много раз. В июле 1961 года — под предлогом посещения английской выставки, в августе 1961 года — на французскую выставку. На самом деле любитель выставок в каждый приезд встречался с Пеньковским, передавал ему инструкции, а от него принимал шпионскую информацию. Поскольку ди-

Выдворены из СССР.

Шпион Пеньковский встретился со связником английской разведки Винном.

Английский коммерсант Винн, изобличенный в шпионской деятельности против СССР, произносит последнее слово на судебном процессе.

пломатической неприкосновенностью не был огражден, был арестован и находился под следствием.

Алексис Дэвисон — врач посольства США в Москве, помощник военно-воздушного атташе, капитан по воинскому званию. Русским языком владеет в совершенстве. Его мать — русская, урожденная Беклемишева. С армией Колчака она дошла до Владивостока, где и встретила богатого американца, отца нашего «героя». Он хранит память о России, своим детям дает имена русских царей — Петр, Екатерина, Елизавета и Наталья (это уж в честь матери). Говорят, что пятого ребенка, если будет сын, он назовет Николаем. Что ж, имена хорошие, хоть и были такие имена у царей. Плохо другое: Дэвисон также стал выполнять шпионские поручения. Именно он после условного звонка Пеньковского ездил на Кутузовский проспект, где на столбе № 35 искал условный знак — «черную метку».

Хью Монтгомери — майор американской разведки. Следил в посольстве за поведением самих американцев, заставлял их шпионить друг за другом. В свободное от основной работы время шпионил и сам. Именно ему Пеньковский звонил по телефону, дублируя, как требовала инструкция, звонок к Дэвисону. В СССР он жил около года. Судя по всему, уезжать не торопился.

Ричард Джэкоб — секретарь-архивариус посольства США. Должность у него была небольшая. Здоровый парень, около двух метров роста. Возможно, именно поэтому его и выбрали для поездки к «тайнику» на улице Пушкина, дом 5/6, где он и был пойман с поличным. Выслан из СССР.

Роберт Джерман — второй секретарь посольства США. В нашей стране второй раз. Перед этим приездом в Москву жил в городе Обераммергау (Западная Германия), где по странному стечению обстоятельств находится разведывательная школа. Совпадения здесь не кончаются: именно в этой школе натаскивают некоторых дипломатов перед отправкой в страны социалистического лагеря. Джерман «прикрывал» Джекоба, когда тот изымал документы из тайника. Судя по тому, что прикрыть не сумел, учили его в западногерманской школе плохо.

МОШКАРА

Рассказ о похождениях в Советском Союзе подданного королевы Великобритании, бакалавра литературы Джералда Брука, закончившихся на скамье подсудимых

«Подданный Великобритании Джералд Брук 25 апреля 1965 года был задержан органами государственной безопасности в Москве с поличным и привлечен к уголовной ответственности за подрывную антисоветскую деятельность».

Через моря и океаны, по железным дорогам и автострадам, на самолетах, велосипедах и даже верхом и пешком устремляются в нашу страну иностранные туристы со всего света. Подавляющее большинство из них — простые парни и девушки, внимательные и любознательные путешественники, люди с открытым для впечатлений сердцем, обуреваемые искренним желанием узнать правду о нашей стране, увидеть своими глазами, как мы живем, познакомиться с достижениями нашей экономики и культуры, с замечательными историческими памятниками и уникальными произведениями искусства, собранными в наших музеях. «Милости просим! Добро пожаловать!» — говорим мы таким людям и встречаем их с распростертыми руками и всему миру известным советским гостеприимством.

И не наша вина, что в потоке иностранных туристов встречаются «путешественники» особого рода, которым вынуждены оказывать внимание не работники «Интуриста», а сотрудники Комитета государственной безопасности.

К сожалению, именно таким оказался главный «герой» этой истории Джералд Брук, молодой человек, 1938 года рождения, подданный Великобритании, член лейбористской партии, бакалавр по русскому языку и литературе.

На допросе он воскликнул:

— Проклиная тот день и тот час, когда судьба свела меня с НТС, раскаиваясь в совершенном мною, я правдиво расскажу о тех его заданиях, которые я выполнял на территории Советского Союза!..

Он в несколько залпов опорожнил графин воды и продолжал:

— Незадолго до рождества 1963 года, примерно в начале декабря, в одном из залов Британского музея в Лондоне мне встретился...

Да, отправным моментом этой истории была встреча в одном из залов Британского музея. Именно здесь Брук носом к носу столкнулся со своим коллегой по учебе в Московском университете Мартином Дюхерстом. Мистер Дюхерст, молодой доцент университета в Глазго, — личность весьма любопытная. Несколько раз приезжал он на учебу в Советский Союз. Посещал нашу страну и как турист. Работал стендистом на британской промышленной выставке в Москве. Дважды он выдворялся из СССР за сбор разведывательной информации и распространение антисоветской литературы.

Джералд Брук, изучавший русский язык в Лондонском университете, также совершенствовал затем свои познания в 1959—1960 годах в аспирантуре при МГУ. Уже тогда его особенно интересовали такие специфические словечки, как «смыться», «смотаться», старательно зафиксированные им в записной книжке.

На суде Брук каялся:

— Чувствую себя виноватым перед советским народом, гостем которого я был... и от которого я видел только хорошее, я принял твердое решение рассказывать правду и только правду и своими честными показаниями на следствии в какой-то степени искупить свою вину перед Советским государством...

...Не теряя времени, доцент из Глазго предложил преподавателю Холборнского колледжа познакомиться с неким «другом». Джералд не возражал, и они направились на условленное место встречи. Вот здесь-то к ним и подошел незнакомец среднего роста, средних лет, средней упитанности, средне одетый и представился:

— Джордж, по-русски — Георгий.

Мило беседуя, все трое отправились из музея в ресторан «Айвенго». Любознательный Георгий интересовался жизнью Брука в Советском Союзе, его учебой в аспирантуре, впечатлениями о Москве. О себе он помалкивал. Бруку польстило знакомство с «русским». Договорились встретиться через две недели, все у того же Британского музея.

Встреча. Музей. Ресторан. Новая встреча. Теперь уже без музея, прямо в ресторане. Рестораны. Рестораны. Каждый раз другие: «Шмидс», «Бомбей», «Кашмир»... Разговоры о литературе, о религии, снова и снова о Москве. И вот, наконец, Георгий приоткрыл завесу над тайной, окутывавшей его:

— Я член НТС, в который входят выходцы из Советского Союза, живущие на Западе, а также небольшое количество иностранцев.

Он не уточнил, что под словом «выходцы из Советского Союза» следует понимать «предатели, изменники родины, гитлеровские наемники, беглые уголовники», а под фразой «небольшое количество иностранцев» — люди без стыда и совести, такие, как Дюхерст, или простаки, подобные самому Бруку.

Снова и снова встречи. Георгий доверительно сообщает, что на эти свидания с Бруком он каждый раз специально приезжает из Западной Германии, из Франкфурта-на-Майне. Беседа за беседой — и вот уже подданный Великобритании Джеральд Брук соглашается сотрудничать с этой бандой, выехать в Советский Союз для выполнения ее заданий.

Какова же была побудительная причина, толкнувшая добродетельного бакалавра на столь легкомысленное решение? Одна из причин следующая:

— Считаю необходимым отметить и тот факт, что Георгий, зная о том, что я очень люблю кофе со сладостями и фруктами, всегда угощал меня. Он был очень любезен и предупредителен в обращении со мной.

И еще:

— Будучи в известной степени материально зависим от Георгия, рассчитывая на материальное вознаграждение с его стороны в последующем, а также расценивая выполнение заданий этой группы как оказание помощи своей родине — Англии, я согласился... выполнить ряд заданий НТС.

Кроме того, как свидетельствовал Джеральд Брук:

— Георгий утверждал, что они якобы независимы от иностранных государств и, как он выражался, являются чисто русской группой. Все сведения, полученные ими, по словам Георгия, являются достоянием только этой группы.

Добродетельный и сласто-фруктолюбивый преподаватель колледжа оказался к тому же несмышленышем. Что же действительно являет собой эта гнусная компанийка, именующаяся НТС — «народно-трудовым союзом»?

Она берет начало от антисоветских организаций белоэмигрантов, выметенных революцией из Советской России. Эти недобитые колчаковцы и деникинцы тявкали из чужих подворотен на нашу страну, тоскливо скулили, видя, как наперекор их пророчествам крепнет и мужает первое в мире государство рабочих и крестьян. И им ничего не оставалось, как вместо оставленных в России поместий и состояний передавать по наследству своим последышам ненависть к СССР. Еще до второй мировой войны белоэмигранты начали поставлять агентуру германской, японской и другим разведкам для засылки в Советский Союз, для проведения шпионажа, диверсий, организации убийств.

Когда Гитлер вероломно напал на нашу Родину и весь советский народ поднялся на борьбу с врагом, отщепенцы полностью перешли на службу германской разведке. Эта группа лучше всего характеризуется личностями самих нынешних руководителей. Вот, к примеру, один из главарей — Георгий Околович, старый английский агент, еще в тридцатые годы засылавшийся на территорию СССР, а в период войны ставший резидентом гитлеровского гестапо и шефом банды провокаторов, действовавших в Смоленске, Витебске, Орше, Минске, Борисове, Бобруйске. Затем Околович был назначен гитлеровцами начальником политического отдела специального органа, созданного для борьбы против партизан на территории Белоруссии и для выявления лиц «европейской» национальности. Околович засылал провокаторов в партизанские отряды, сам принимал участие в карательных операциях против местного населения. После разгрома гитлеровцев он вернулся к прежним своим хозяевам из Интеллидженс сервис, по совместительству став и американским разведчиком. На этих же две разведки в поте лица трудится и сам так называемый председатель НТС Поремский. Евгений Романов (Островский), «председатель» исполнительного бюро этой банды, в прошлом уголовник, оказавшийся во время гитлеровской оккупации в Днепропетровске и ставший при немцах редактором профашистской газеты и агентом гестапо, ныне работает на американских хозяев. Бывший власовец Лев Рар также значится в картотеке Интеллидженс сервис. Чувство омерзения и брезгливости вызывает НТС не только у советских граждан, но и у всех честных и здравомыслящих людей за рубежом. НТС скомпрометировал себя даже в глазах русской эмиграции. Вот почему эта компанийка пытается пополнить свои «чисто русские» ряды хотя бы за счет иностранцев — пусть таких простаков, как Джеральд Брук, бывший аспирант МГУ, на добро и гостеприимство ответивший черной неблагодарностью.

Англичанин связал себя с самой презренной группой отщепенцев, людей без родины, без чести, которые сами-то готовы продаться за деньги любой империалистической разведке.

Что же должен был Брук сделать по заданию «союза»?

Первое: посетить в Москве некоего «агента» и передать ему материалы, предназначенные для подрывной работы, встретиться с гражданами, передать им письма, литературу и склонить их к сбору сведений по политическим и общественно-экономическим вопросам, интересующим НТС (точнее: английскую, американскую и западногерманскую разведки), выяснить возможности распространения подрывной литературы, а также приобрести для целей этой банды различные справочники, карты, схемы. Кроме того, Бруку надлежало опустить в почтовые ящики несколько секретных писем для агентов НТС, ознакомиться с туалетными комнатами ГУМа, выяснить, куда выходят их окна и нельзя ли через них распространять листовки; собирать сведения о радиолюбителях-коротковолновиках, о типе радиоаппаратуры, на которой они работают; посетить несколько церквей и выяснить различные сведения в беседах с прихожанами и т. д. и т. п. Как видим, «энтээсовцы» навьючили своего агента-новичка как верблюда, в надежде, что он выдюжит с этой поклажей и один поднимет авторитет НТС в глазах хозяев на небывалую высоту. Увы и ах!..

Но под какой личиной отправиться в столь опасный вояж? Для прикрытия Джеральд Брук решил выехать в Советский Союз в ранге руководителя группы туристов. Он предложил своим ничего не подозревающим ученикам Холборнского колледжа совершить на пасхальные каникулы небольшой «трип» в Москву и Ленинград для знакомства с Советским Союзом и совер-

шенствования в русском языке. Желающих нашлось много — больше тридцати юношей и девушек. Для полной правдоподобности Джералд прихватил в путешествие и свою жену Барбару.

В день отъезда, увидев бакалавра Джералда, его ученики и даже жена были поражены — мистер учитель сбрил свою курчавую бороду. Оказывается, Брук сделал это по совету Георгия: «чтобы я, будучи в Москве, меньше бросался в глаза». Для поездки в СССР он получил от Георгия 50 английских фунтов купюрами по 10 фунтов.

В канун отъезда Георгий передал бакалавру небольшую, ничем особенным не выделяющуюся пустую сумку-несессер на «молнии», альбом в красном дерматиновом переплете с цветными фотографиями кинозвезд и видами Лондона, а также пижаму и майку с подшитыми к ней карманами, в которых лежали секретные письма.

Шеф дал последние инструкции:

— Если материалы передать не удастся, вы должны вручить их секретарю посольства Великобритании в Москве Антони Бишопу для пересылки их в Лондон дипломатической почтой.

Джералд записал шифром московский адрес Бишопа, его домашний и служебный телефоны.

На прощанье Георгий хлопнул Джералда по плечу и с чувством воскликнул:

— Я буду молиться за вас!

Эх, знать бы незадачливому Джералду Бруку, какой прием был подготовлен ему на московской земле еще задолго до того, как он сбрил свою бороду и так надолго захлопнул дверь своего дома на Хайвуд-авеню, 65! Впрочем, и его шеф, будь он поосмотрительней, не поторопился бы с заявлением, что «чекисты действуют по шаблону», и не так беспечно отпустил бы новичка агента в рискованный вояж в Страну Советов.

«Подсудимый Джералд Брук признал себя на суде «виновным целиком и полностью». Он заявил, что согласен с каждым пунктом, с каждым фактом предъявленного ему обвинения».

И вот преподаватель Холборнского колледжа вместе со своими питомцами-студентами прибыл в Москву.

Он остановился в гостинице «Бухарест» и с места в карьер развил бурную деятельность. Георгий рекомендовал прежде всего отделаться от секретных писем, зашитых в майку. Джералд в тот же вечер помчался на другой конец Москвы, на Ломоносовский и Ленинский проспекты — кстати, знакомые ему со времени учебы в университете — и опустил конверты в разные почтовые ящики. Тут же он отправил шефу в Лондон «сигнальную» открытку по подставному адресу о выполнении первого задания.

Он бегал по церквам. Посетил Казанскую церковь в Коломенском, церковь в Донском монастыре, церковь «Всех скорбящих» на Большой Ордынке... Некогда было даже разглядывать золотые иконостасы и старинную утварь: спешил побольше выудить у прихожан нужных ему сведений. Но прихожане все попадались «не те» — не роптали на власть, не сыпали государственными секретами... Туалетных комнат ГУМа обследовать не успел. Зато к агенту наведался дважды.

Добирался, соблюдая все правила конспирации, которым обучил его Георгий: мотался по линиям метрополитена, последним вскакивал в вагоны, теряясь в толпе, меняя направления, петлял по малооживленным улицам, останавливался у витрин, чтобы по отражению в стекле определить, не следят ли... Столько усердия, ухищрений, весь в мыле, и надо же, в первый раз — безрезультатно: агента дома не оказалось. Прождал часа два у соседей, пока не пришла его жена.

Ждать больше не мог, надо было возвращаться в гостиницу. Оставил жене сумку-несессер и альбом, мелкие подарки, накорябал записку:

«Я привез вам несколько марок от мистера Хенстока, которого я немного знаю и который, в свою очередь, знал, что я еду в Москву. Надеюсь, что вы найдете их подходящими и что мы сможем встретиться до моего отъезда из Москвы.

С искренним приветом

Джери Браун».

Так Джералд стал Джери, Брук — Брауном. Впрочем, жена агента этого не знала. Она с интересом стала листать альбом, на первой странице которого во всем великолепии красовалась цветная Бриджит Бардо.

Через несколько дней Брук-Браун отправился по этому же адресу во второй раз, прихватив заодно и свою жену Барбару. Теперь весь запутанный путь по станциям метро и закоулкам они проделали вдвоем, кружили два часа, еле волочили ноги. И вот, наконец, у цели. На этот раз агент оказался дома. Его жена пригласила мисс Барбару на кухню помочь приготовить чай, а агент, вооружившись ножом, вместе с Бруком стал потрошить альбом.

Он изрезал красный дерматин обложки альбома, и оттуда посыпалась целая куча пакетов. Среди них наборная касса миниатюрной подпольной типографии, письмо, адресованное лично агенту, в котором сообщалось, что ему присвоен персональный радиопозывной номер «141», а также инструкция по приему и расшифровке кодированных передач и самый код. Инструкция по работе с типографией. Зеленый конверт с вложенными в него 50 рублями «на мелкие антисоветские расходы»...

Он взялся было за вторую обложку, но в это время дверь его комнаты распахнулась, и на пороге, как в детективном кинофильме, предстали сотрудники Комитета государственной безопасности.

С их помощью и при непосредственном участии Брука вскрытие обложек альбома было продолжено, правда, уже в другом месте. К ранее обнаруженным материалам прибавились два клише из пластика с текстами подрывных антисовет-

ских листовок, копировальная бумага для тайнописи, энтээсовские брошюры, эмблемы и два списка с адресами. В одном списке — адреса 212 советских граждан, в другом — 76 иностранцев, в том числе известных общественных и политических деятелей Запада.

Итак, Джералд Брук оказался пойманным с поличным. А «агент»? Этот человек — его фамилия Константинов — честный советский гражданин, патриот, оказавший большую помощь советским органам безопасности в пресечении и раскрытии этой подлой провокации. Но как же он попал в сферу действий НТС?

Несколько лет назад, еще будучи студентом, он познакомился с американской туристкой. Случайно, на улице. Увидел иностранку, растерявшуюся в большом городе, услышал английскую речь. Он сам в ту пору увлекался английским. Незнакомка назвалась студенткой, будущим архитектором-декоратором. Разговорились. Константинов представил иностранке свою жену. Бродили по городу. На прощание обменялись фотографиями. Потом, когда туристка отбыла восвояси, завязали переписку. Американке, бывшей, кстати сказать, агентом НТС, показалось это достаточно убедительным свидетельством того, что она завербовала нового «сочувствующего». И вот на квартиру Константиновых заявился английский турист Анатолий Николаев, молодой человек с щеголеватыми усиками. Это был эмиссар НТС, некто Никольский. Он передал Константинову горячий привет от американки, новый ее адрес, а заодно — антисоветскую подпольную брошюру НТС.

Константинов пришел в Комитет госбезопасности и рассказал об этом странном визите. Чекисты дали ему добрый совет, которого он придерживался в последующем.

Теперь деятели НТС вычеркнули из списков своих активистов фамилию Константинова. Впрочем, они могут сделать то же и с фамилиями всех других своих «функционеров» на территории Советского Союза. Для того чтобы представить, как вводят в заблуждение себя и обманывают своих покровителей главари липового «народно-трудового союза», стоит проанализировать список 212 советских граждан, в чьи адреса должен был направлять подрывные материалы Константинов. Сотрудники КГБ изучили эти списки, и оказалось, что... составлены они по объявлениям о расторжении брака, напечатанным в «Ленинском знамени» и «Московской правде», по телефонным книгам, по «Бюллетеню обмена жилой площади» и т. п.

— НТС? — переспрашивали адресаты. — Нет, МТС — знаем, РТС — слышали, а вот НТС... — и недоуменно пожимали плечами.

Вот уж действительно плачут денежки господ из НТС. Обводят их вокруг пальца, как самых последних простаков, все их посыльные и связные, которых под видом туристов и специалистов направляет антисоветский центр в Советскую страну.

Но среди списков, обнаруженных под обложкой альбома с Бриджит Бардо, был и другой — с именами иностранцев. Для какой же цели был предназначен он? Для гнусной цели, как и все, что делает своими грязными руками эта банда. Клеветнические материалы, присланные из-за рубежа, агенты НТС в нашей стране должны были переписать от руки и направить в указанные адреса политических и общественных деятелей Запада, чтобы создать у них впечатление о существовании антисоветского подполья в СССР. После чего энтээсовцы могли бы громогласно заявить об успехах своей подрывной деятельности и потребовать от своих хозяев новых подачек дополнительно к тем тысячам долларов и фунтов стерлингов, которые бросают этой своре ежегодно хозяева из иностранных разведок.

Так закончился на скамье подсудимых туристский вояж бакалавра Брука. Уже в тюрьме Джералд собственноручно написал многостраничное «раскаяние». В нем есть такие слова: «Я не имел никакого права вмешиваться в политику чужой страны... Я осуждаю себя и свой поступок...»

По совести говоря, не очень-то увлекательно было писать о бакалавре Бруке и его совратителях из НТС: мелкие людишки, мошкара. Но, как говорится, дай бог, чтобы крах этой «операции» послужил уроком для всех, кто еще пытается плести провокации против нашей страны.

Какое же наказание понес Брук? Суд приговорил обвиняемого к пяти годам лишения свободы, с отбыванием первого года в тюрьме, а последующих лет — в исправительно-трудовой колонии строгого режима. Суд вынес частное определение о деятельности второго секретаря посольства Великобритании в Москве А. Бишопа, несовместимой со статусом сотрудника дипломатического представительства, и, как персона нон грата, Бишоп покинул нашу страну.

Подданный Великобритании Д. Брук. Пришло время ответить за шпионскую деятельность против СССР перед советским судом.

ПОЛКОВНИК АБЕЛЬ РАССКАЗЫВАЕТ О СЕБЕ

Он был исключительно мужествен и стоек на судебном процессе в США... 15 ноября 1957 года он был приговорен к 30 годам каторжной тюрьмы. Все усилия ФБР получить от него нужные сведения окончились полным провалом...

Более 30 лет Рудольф Иванович Абель отдал работе в советской разведке.

Родина высоко оценила мужество, доблесть, безграничную преданность чекиста. Товарищ Абель награжден орденом Ленина, двумя орденами боевого Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, несколькими медалями.

Впервые мы узнали о нем, когда газета «Известия» опубликовала письмо жены и дочери, которые благодарили наше правительство, Коммунистическую партию за возвращение им мужа и отца. Абель был обменен на американского летчика-шпиона Пауэрса.

Родился я в Петербурге. Мой отец рабочий. Он и его друзья были связаны с революционно настроенными студентами. Они сгруппировались в кружок, получивший название «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Этим кружком, как известно, руководил Владимир Ильич Ленин.

Когда царское правительство арестовало членов кружка, отец был сослан в Архангельскую губернию, а после ссылки переведен в Саратовскую губернию под гласный надзор полиции. Там он встретился с моей матерью. Постоянное преследование полиции и жандармерии вынуждало отца часто менять место жительства. Вместе с ним пришлось кочевать и нам.

Все это, естественно, сказалось на формировании моего мировоззрения. Целиком и полностью я был на стороне отца и его друзей и при каждом удобном случае помогал им распространять большевистскую литературу. На большее, по малости лет, тогда я еще не был способен.

В первые годы Советской власти мне довелось работать среди молодых политэмигрантов, вернувшихся на родину. Это не только помогло мне в изучении иностранных языков, но и явилось впоследствии важным обстоятельством при определении жизненного пути.

В 1922 году я вступил в комсомол. Занимался агитацией в бывшем Хамовническом районе. В это время шла острая борьба с троцкистами за влияние на молодежь. Наша ячейка настолько активно участвовала в этой борьбе, что иногда дело доходило даже до драки с троцкистами.

Многие из нас увлекались в свободное время радиолюбительством. Это была пора детекторных приемников, искровых передатчиков — о радиотелефонии мы только слышали как о чем-то зарождающемся. Современной молодежи трудно себе представить изобретательность любителей того времени. Проволоку для катушек мы доставали, снимая ее со старых, не работающих квартирных звонков. Кристаллы для детекторов отыскивали в скалах или в геологических коллекциях. А конденсаторы для настройки! Какие только формы они не принимали! Помню, в 1923 году удалось достать лампу Р-5, пожиравшую неимоверное количество энергии на накал. Помню, как изощрялись мы в изготовлении мокрых элементов для питания этой лампы, которая светила при работе не хуже хорошей горелки.

Службу в армии я проходил в радиочастях РККА.

В нашей роте было свыше ста москвичей, имевших среднее и высшее образование. Сам я по образованию инженер по радиотехнике.

После демобилизации, зимой 1926 года, мне предстояло устраиваться на работу. Было два предложения — научно-исследовательский институт и иностранный отдел ОГПУ. Меня привлекала и радиотехника и романтика разведки. Товарищи доказывали, что мое знание иностранных языков необходимо использовать на службе Родины. Наконец выбор был сделан, и со 2 мая 1927 года я стал чекистом.

Ну, а дальше, как и в любой другой области человеческой деятельности, вначале упорная, настойчивая учеба, за ней робкие, неуверенные самостоятельные шаги, первые успехи... А затем и зрелость, и умение, и мастерство, и все большие возможности в полной мере найти применение всем своим творческим способностям.

Успех разведывательной работы целиком и полностью зависит от того, какими кадрами располагает разведка.

На работу в разведку с большой охотой и с полным сознанием ее важности и значения идут лучшие представители нашей молодежи. Они проявляют исключительное упорство и настойчивость в достижении поставленной цели, перенимая опыт работы старших товарищей — настоящих мастеров своего дела.

Известно, что разведчику приходится действовать во вражеском окружении, постоянно подвергая свою жизнь опасности. Сложность и разносторонний характер задач, над решением которых трудятся советские разведчики, требуют творческого овладения марксистско-ленинской теорией, четкой ориентации в политической обстановке, умения разъяснять политику нашей партии и Советского государства, убеждать в ее правильности. Разведчик должен иметь хорошую общеобразовательную подготовку, широкий кругозор, знать иностранные языки.

Условия работы и обстановка в капиталистических странах обязывают разведчика постоянно быть бдительным, тщательно соблюдать правила конспирации. Преданность своей Родине, честность и дисциплинированность, самоотверженность, находчивость, умение преодолевать трудности и лишения, скромность в быту — таков далеко не полный перечень требований к деловым, политическим, личным качествам советского разведчика.

Разведка — это не приключенчество, не какое-либо трюкачество, не увеселительные поездки за границу, а прежде всего кропотливый и тяжелый труд, требующий больших усилий, напряжения, упорства, выдержки, воли, серьезных знаний и большого мастерства. Помните, как говорил Дзержинский?

«Чистые руки, холодная голова и горячее сердце...»

В этих скупых, но точных словах заложен исключительно глубокий смысл. Они, если хотите, являются своего рода компасом для разведчика, помогают находить силы и мужество в любой обстановке. В этом я убедился на своем собственном опыте во время последней командировки в США, когда в результате предательства мне пришлось лицом к лицу встретиться с американской контрразведкой.

...Вечером в субботу 22 июня 1957 года я сидел на стуле в маленькой камере и с любопытством осматривал помещение, в котором находился. Слева от меня стояла армейская койка, покрытая одеялом. Она была придвинута вплотную к стене, а над нею выделялось окно с железной рамой, решеткой из стальных прутьев и армированным стеклом. Наружная стена здания была сложена из блоков. Прямо передо мною была третья стена, и на ее правом крае, скошенном под углом в 45 градусов, был укреплен стульчик. Ближе к двери камеры к стене была прикреплена небольшая раковина. Справа от меня стеной служила стальная решетка шириною в полтора метра, с дверью. Кое-где была отбита штукатурка. По всей вероятности, предыдущие

Полковник Абель рассказывает о себе

РАЗГОВОР С ПОЛКОВНИКОМ АБЕЛЕМ

Наш век приспособлен плохо
для легковерных и слабых,
В лицо человечеству дышит,
не затихая,
гроза.
Я вас никогда не видел,
полковник товарищ Абель.
И все-таки мы беседуем
с вами
глаза в глаза.
У нас поколения разные.
И вкусы, наверное, разные,
Но каждый свой миг безжалостно
ведем мы с неправдой бой.
И знамя восходит красное
Над колыбелями нашими.
И над могилами нашими.
Над нашей нелегкой судьбой.
...О наши отцы железные
с прямыми у рта морщинами!
Мальчишки,
мы вами бредили
с полузабытых дней.
Вы стали уже легендами.
Мы стали уже мужчинами.
И подвиги ваши дерзкие
теперь нам куда видней.
Когда мы хрустели яблоками,
над волжскими шли закатами,
Когда мы склонялись вечером
над плоскостью чертежа,
Вы были, полковник Абель,
нашим живым локатором,
И шло ваше хладнокровие
по огненности ножа.
А вы опускались медленно
в чужие, слепые ночи,
Смотрели в чужих гостиницах
щемящие сердце сны.
Светились лунные плесы.
Шумели белые рощи.
Волга катила волны
в дрожании тишины...
Мне евнушата разные набили
давно оскомину —
Вечные перекрашиванья,
истерики
и надлом.
Встречаю «героев» этих
и думаю о вас, полковник,
О безымянности подвига,
о мужестве напролом.
Не каждый умеет выстоять
и Революцию выстрадать.
В работе вашей, полковник,
каждый новый рассвет
Был мигом.
И веком.
И ожиданием выстрела.
Но сердце билось за Родину —
а это призвание высшее —
И там, под чужими крышами,
И здесь, под родными крышами,
И это безоговорочно —
Выше призвания нет.

обитатели тюрьмы проверяли прочность стен. Из-под штукатурки торчала такая же стальная решетка, как у двери. Я внимательно ее осмотрел. Она была изготовлена из куска стали примерно 5 миллиметров толщиной, с продолговатыми шестигранными просветами размером приблизительно 5 × 10 сантиметров.

За дверью камеры сидел лейтенант пограничной службы. Он явно скучал, считая, по всей вероятности, что быть надзирателем не соответствует его служебному положению. Я знал, что эти офицеры возглавляли небольшие группы солдат, патрулировавших вдоль границы. Они задерживали и затем допрашивали нарушителей. По всей южной границе США нарушителями были в основном мексиканцы, перебиравшиеся нелегально в Техас и Калифорнию в поисках заработка. Значительную часть времени эти лейтенанты проводили в зарослях вдоль реки Рио-Гранде, и, по-видимому, им не очень-то нравилось сидеть на стуле в коридоре темного помещения и сторожить меня.

Но положение лейтенанта меня меньше всего беспокоило в этот вечер. Прошедшие полтора суток были так насыщены событиями, что необходимо было во всем разобраться.

...Накануне, 21 июня, в семь часов утра я спал в нью-йоркской гостинице «Лейтам». Послышался стук в дверь. Сразу проснувшись, я подошел к двери посмотреть, кто там. Но не успел ее приоткрыть, как она с силой распахнулась и кто-то оттолкнул меня в сторону.

В дверях стояли два человека. У них в руках были какие-то удостоверения. Скороговоркой объявив себя особоуполномоченными Федерального бюро расследований, они вошли в комнату. Следом вошел третий, а в коридоре остались еще несколько человек.

— Садитесь, — предложил мне один из них.

— Мы знаем, кто вы, полковник, зачем приехали и что делали здесь, — сказал другой.

Все стало ясно! Одна фаза моей работы кончилась — началась другая.

— Мы предлагаем вам сотрудничать с нами. Если не согласитесь, то уйдете из этой комнаты под арестом и в наручниках. В ваших интересах согласиться с нашим предложением.

— Мне непонятно, о каком сотрудничестве вы говорите, — сказал я.

— Вы прекрасно понимаете, о чем мы говорим, — возразил сотрудник ФБР.

— Разрешите одеться?

— Подождите, ответьте на наш вопрос.

— Я уже ответил.

— Повторяю, — заявил первый, — мы знаем, что вы полковник советской разведки, знаем, что вы здесь делали. Мы предлагаем вам сотрудничать с нами, иначе вы будете арестованы.

— Не могу что-либо добавить к тому, что я вам уже сказал, — в свою очередь, повторил я.

Так мы беседовали около получаса. Наконец один из американцев встал и вышел в коридор.

В комнату вошли еще три человека. Уполномоченные ФБР встали у двери.

Один из вошедших предъявил мне ордер на арест, выданный нью-йоркским отделом иммиграционной и натурализационной службы. В нем было написано, что я находился в стране нелегально и не регистрировался в отделах службы. Начался обыск.

До сих пор я не знаю, специально ли было выбрано утро пятницы для этой операции. Дело в том, что ночью у меня состоялся сеанс радиосвязи с Центром, и, естественно, шифровальные принадлежности находились в номере гостиницы. Обычно я хранил их в потайном месте в городе, где, помимо шифровальных материалов, хранились и другие вещи. Но поскольку все было упаковано вместе, сейчас эти вещи также находились в моем номере.

Я знал, что на виду у шести агентов трудно будет все уничтожить, но, как программу-минимум, наметил во что бы то ни стало избавиться от шифра и записи последней радиограммы, которую принял ночью.

От шифра избавиться оказалось не трудно, так как он был небольшим. Я спрятал его в руке и сказал, что мне нужно сходить в туалет. Там под «бдительным» взором одного из обыскивающих я спустил шифр в канализацию.

Запись радиограммы лежала на столе под стопкой чистой бумаги. Когда обыск кончился, мне предложили упаковать вещи. В моем этюднике (я занимался живописью) осталась краска на палитре. Я вытащил запись радиограммы из-под стопки бумаг и начал соскабливать на нее краску. Когда палитра была очищена, скомкал бумажку и отправил ее в унитаз следом за шифром. Конечно, я очень сожалел, что не смог проделать то же самое с другими бумагами, но тем не менее успех с шифром и записью поднял мое настроение.

Хотя я избавился от двух улик, но остались другие. У меня не было иллюзий насчет моей дальнейшей судьбы. Не было и сомнений насчет того, как ФБР напало на мой след. Сами особоуполномоченные в стремлении убедить меня, что они «все знают», выдали свой источник — предателя.

Многие полагают, что, сживаясь с мыслью о возможном провале и аресте, разведчик перестает о них думать, а это приводит к потере бдительности. По правде говоря, постоянно думать об аресте нельзя. Нервное напряжение, несомненно, отразится и на психике и на работе разведчика. Как солдат на фронте привыкает к мысли о возможной гибели, так и разведчик всегда сознает опасность, грозящую ему. Но разумный человек не дает этому сознанию довлеть над ним. Он принимает меры предосторожности, чтобы свести опасность до минимума, приучает себя больше думать не о своей безопасности, а о том, как лучше выполнить порученное задание. И в конце концов эти две задачи отождествляются, сливаются в единый принцип: правильное решение разведывательного задания одновременно обеспечивает безопасность разведчика.

Впоследствии я часто размышлял о том, почему в день ареста и в течение последующих месяцев и лет я не волновался за свою судьбу.

Самое главное, мне кажется, заключалось в том, что появление уполномоченных Федерального бюро расследований департамента юстиции США заставило прежде всего подумать, как со-

хранить от провала моих помощников. Поэтому вопрос о моей личной судьбе и отодвинулся на второй план.

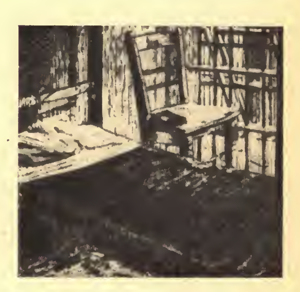
Меня в наручниках провели вниз, к машине, посадили позади шофера. Рядом сел один из сотрудников иммиграционной и натурализационной службы (ИНС). Впереди сел другой сотрудник — видимо, старший. У меня появилась возможность избавиться еще от одной улики. В зажиме для галстука находился кусок тонкой пленки с текстом доклада по одному важному вопросу. Когда я стал поправлять галстук, старший заметил это и выхватил у меня из рук зажим. Но вместо того чтобы рассмотреть его в спокойной обстановке, он начал его разбирать. Когда же, наконец, ему удалось это сделать, пленка незаметно для него выпала. Он осмотрел вещь, ничего не нашел и вернул мне. Это происшествие меня развеселило, я сказал ему:

— Вы слишком подозрительны...

Меня занимал вопрос, почему не видно репортеров газет. Наверное, ФБР и ЦРУ надеялись так или иначе добиться моего согласия на сотрудничество, а поэтому не предавали дело гласности...

Чиновники ИНС могли задерживать только тех людей, которые нелегально въехали в страну. С точки зрения прессы, подобные дела не вызывали интереса читателей, и репортеры не следили за работой этого учреждения. ФБР, напротив, всегда пользовалось вниманием публики, и газеты зорко следили за всеми арестами, произведенными им.

В здании ИНС меня сфотографировали анфас и в профиль, сняли отпечатки пальцев и посадили в комнату, где, по-видимому, проводились лекции. Охраняли меня разные люди. Попался один, который ведал «внешними отношениями» отдела ИНС. В его обязанности входило распро-



странение а прессе ннформацин, благодаря которой чнтателн моглн получить хорошее представление о работе зтой органнзации н пользе ее деятельности. Такнх «паблиснти мзн» в США очень много. Их услугами пользуются кинозвезды, корпорацнн и прочне органнзации. Этот господин был очень разговорчнаым н, помимо того, что восторженно высказался об ИНС, не упускал случая похаалить себя. С другнм охранником мы спорнлн о методах борьбы с детской преступностью...

Пока асе зто пронсходнло, я еще раз проаернл зажнм для галстука и убеднлся, что ретнаый служака потерял еще одну улику.

В пятом часу поянанлись два челоаека. Онн отрекомендовались сотрудннкамн ИНС н сказали, что я должен с ннмн ехать. Куда н почему, мне не сообщили. Опять наделн наручники и вывели на улнцу. Прнехали на аэродром. Самолет аырулнл к старту. Летели долго. Около однннадцатн аечера, после пяти часов полета, самолет сел на небольшой азродром, заправился горючнм н снова езлетел. Около четырех часов утра я заметнл множество огней и понял, что зто нефтевышкн. Мы были в Техасе.

Мои стражи былн поражены, когда я аысказал предположенне, что первая посадка была в штате Алабама н что мы прнблнжаемся к югу Техаса. Мне было нетрудно определнть по звездам напраление полета, а зная прнблизительную скорость самолета — и продолжнтельность полета.

Охрааники старались быть внимательнымн н вежливымн. Тем не менее онн не ответили иа аопрос, куда н зачем мы летим, утверждая, что они ничего не зиают.

Прнмерно в половине пятого мы прнземлилнсь на аэродроме в Браунсвнле. Там нас астретили, и на двух машинах мы проехалн по пустыиным дорогам до города Макален, к лагерю ИНС. Было темио. Мне предложилн лечь спать н заперлн в камере.

Разбудили а десятом часу, предложнлн одеться и поаелн на допрос.

За пераым допросом последоаали другне. И так до тех пор, пока, наконец, по моему категорическому требоаанию спустя более шестн недель с момента задержаиня был оформлен арест в соответстаин с существующимн а США процессуальными иормами. Я был переведен а нью-йоркскую тюрьму. Ну, а дальнейшее известно нз материалоа моего процесса.

Отсидел я в общей сложности 4 года н 8 месяцеа. Затем, как аы знаете, благодаря заботе нашего правительства мне была оказана помощь, и я вериулся домой. Находясь а тюрьме, я твердо вернл а саое освобожденне, н зто прндавало мне снлы спокойно переноснть тяготы тюремной жнзнн.

В самые трудные мннуты жизни помогало мне также н то, что я умею рнсовать, люблю художестаенную н научную лнтературу, улекаюсь аысшей математикой, столяриым делом, нграю на нескольких музыкальных инструментах. Все зто давало мне возможность сравнительно легко находить способы для того, чтобы даже а американской тюрьме сохранить бодрость духа.

Я от души желаю, чтобы каждый юноша н каждая девушка нашей страны по возможиостн быстрее иашли свое призвание в жизни, а выбрав тот или иной путь, смело и упорно шлн вперед, к достиженню поставленной цели.

И еще одно. Мне очень хотелось бы, чтобы наша молодежь аоспнтыаала в себе высокое чуаство собственного достоинстаа, патриотизма н безграничной аеры а правоту того дела, за которое боролись их отцы.

Р. И. Абель

Его имя упоминается чуть ли не в каждой из книг о разведчиках, изданных за последние годы в капиталистических странах. Вот выдержки из этих книг:

«...В теченне трех иедель Абеля пытались переаербовать, обещая ему все блага жнзни... Когда зто не удалось, его началн пугать злектрнческнм стулом... Но н зто ие сделало русского более податливым. На аопрос судьи, прнзнает лн Абель себя анновным, он не колеблясь отвечал: «Нет».

...Процесс против Абеля был ннтересен и с такой точки зреиия: хотя аина н осуждение обвиняемого стоялн вне асякого сомиения н несмотря на то, что амернкаиский пснхоз шпнонажа находился на грани истерии, общественное мнение почти единодушио стояло на стороне Абеля. Не потому, что одобрялнсь его действия нли хотели, чтобы его осаободилн безнаказанно. Но почтн нз асех выступлений прессы н еще более отчетлиао нз высказываний населения следовало, что к обаииаемому желательно отнестнсь снисходительно».

(И. Естен, Как работает амернканская секретная служба)

«Мы аидим очень смелого патриота, который служил своей стране, аыполняя нсключнтельно рискованные военные задания...

...Полковннк был иа редкость своеобразиой лнчностью. Его снедала постоянная потребиость в духовной пище, свойственной каждому образоаанному человеку. Он жаждал общения с людьми н обмена мыслямн. Однажды, находясь в федеральной тюрьме в Нью-Йорке, он даже стал учить французскому языку саоего соседа по камере, полуграмотиого бандита, осужденного за аымогательстао... Круг его интересов казался таким же беспредельным, как н его знания.

...Абель — культурный челоаек, аеликолепно подготовленный как для той работы, которой он занимался, так и для любой другой. Он свободно гоаорил по-английски и прекрасно ориентироаался в амернкаиских идиоматических выраженнях, знал еще пять языков, имел специальность инженера-злектроника, был знаком с химией и ядерной фнзикой, был музыкант н художник, математнк н шифровальщик... Как человека его просто нельзя не любить... ФБР предлагало ему свободу и работу в контрразаедке США с окладом 10 000 доллароа в год, если он пойдет на сотрудннчество. «Онн счнтают асех нас продажными тварями, которых можно купнть», — сказал он. Позже он заяаил, что ни при каких обстоятельстаах не пойдет на сотрудничество с правнтельством США и не сделает для спасения жизни ничего такого, что может наиестн ущерб его стране».

(Д. Донован, Незнакомцы на мосту)

ЗДРАВСТВУЙТЕ, *товарищ* ФИЛБИ

Декабрьское морозное утро, ночная мгла еще не ушла с заснеженных улиц. Деревья на Гоголевском бульваре покрыты пушистым инеем. У троллейбусной остановки цепочка потирающих щеки, притопывающих москвичей. Люди торопятся. Начинается новый день с его заботами, суетой. Автомобили тоже торопятся, обгоняют друг друга.

Среднего роста, немолодой, но крепкий еще человек неторопливо шагает по тротуару, с удовольствием вдыхая морозный воздух. На нем теплое, подбитое цигейкой пальто, меховая шапка. Человек откровенно радуется и этому утру, и морозу, и бурному потоку пешеходов. Его иногда толкают. «Простите», — торопливо кидают ему. «Ничего», — приветливо говорит он, говорит с легким акцентом. Он вглядывается в людей у троллейбусной остановки, с веселой доброжелательностью провожает взглядом модниц в мини-пальто, стремительно несущихся к спасительному теплу станции метро. С интересом глядит на мальчишек с ранцами за плечами, кидающих друг в друга снежками на бульваре. Он все улыбается, этот человек с добрым и открытым лицом.

Кто он? Чему улыбается? Что необыкновенного нашел он в бульваре, запорошенных деревьях, в этом обычном московском утре?

Ребятишкам на бульваре, прохожим на тротуаре, девушкам-модницам — кому из них может прийти мысль о том, какой удивительной судьбы человек улыбался им в то утро? Его называли человеком-загадкой, жизнь его — ребусом. Долгие годы, целые десятилетия, тридцать длинных лет бесконечных загадок. Жизнь сложная, как лабиринт.

Весенним утром 1951 года в кабинете одного из руководителей Центрального разведывательного управления, святая святых американской секретной службы, было созвано важное совещание. Кроме Аллена Даллеса, за длинным полированным столом сидел Фрэнк Уизнер, руководитель службы по проведению сверхсекретных подрывных политических операций. Даже для доверенных сотрудников его пост был засекречен, он значился помощником директора отдела координации политики. Рядом с ним — его заместитель Фрэнк Линдзи. Участники совещания ожидали важного гостя. Ким Филби, глава специальной миссии связи английской разведки с ЦРУ в Вашингтоне, должен был принять участие в разработке операции чрезвычайной важности. На английского гостя, видного сотрудника британской секретной службы, считавшегося крупным экспертом по операциям против Советского Союза и других социалистических стран, ЦРУ возлагало особые надежды в этой акции. Филби стоял у колыбели ЦРУ — американская разведка создавалась под руководством многоопытной британской секретной службы.

Англичанин был, как всегда, точен. Он прибыл минута в минуту. Очень элегантный, учтивый, он был образцом английского джентльмена. Легкое заикание не портило его речи, о силе его обаяния и в ЦРУ и в британской секретной службе ходили легенды. Сердечно приветствовав собравшихся, он занял свое место за столом.

ЦРУ было поручено разработать операцию по организации контрреволюционного мятежа в одной из балканских социалистических стран. Началом акции должна была стать заброска на территорию этой страны группы из нескольких сот диверсантов. Почти все они были выходцами из этой страны. Группа должна была создать очаги в разных пунктах, которые, слившись, привели бы к взрыву и свержению существующего строя. На операцию делалась крупная ставка. По замыслу ее авторов она, во-первых, была «пробным камнем» и, во-вторых, должна была стать отправным пунктом для широких контрреволюционных действий против всех социалистических стран. Команды диверсантов ожидали сигнала к высадке. Непосредственным исполнителем операции был назначен заместитель Уизнера — Линдзи.

Филби одобрил план, некоторые его детали показались ему недостаточно отработанными, и он внес ряд поправок. Участники совещания ловили каждое его слово, мнение Филби много стоило. Попыхивавший трубкой Даллес с подчеркнутым почтением слушал английского гостя. Он располагал о нем обширной информацией. Ему было известно, что Филби набирался опыта еще в испанской войне, что Франко лично прикрепил ему на грудь Красный военный крест. Знал Даллес и о широких связях английского разведчика с правящими кругами гитлеровской Германии, о том, что Филби регулярно наезжал до войны в Берлин, где запросто встречался с Риббентропом. Это был крупнейший специалист, и в ЦРУ это понимали.

Одна из самых значительных операций ЦРУ, тщательно скрывавшаяся все последующие 17 лет холодной войны, закончилась драматически неожиданным провалом. Команда высаженных была встречена должным образом. Это была катастрофа, под сводами штаб-квартиры ЦРУ поселился траур. Все службы поставили на ноги, все перевернули вверх дном. Были тщательно проанализированы все возможные гипотезы, связан-

ные с крахом столь тщательно подготовленной операции. Все, кроме одной. Даллес, человек с воображением, мог представить все, что угодно. Предположить, что в то августовское утро в кабинете за столом напротив него сидел кадровый сотрудник советской разведки, он не мог даже в дурном сне.

Советский разведчик Ким Филби очередное задание Центра выполнил.

И вот настала наша очередь сесть за один стол с Кимом Филби. Стол невелик, не блещет полировкой. Заваленный бумагами, старинной работы английский стол. Под стать ему и другая мебель, словно из романов Диккенса пришла она в эту московскую квартиру, — потемневшее дерево книжных шкафов, чуть вычурные на наш сегодняшний вкус кресла, камин, электрический, правда. Квартира заполнена книгами, всякими, по большей части английскими. Хозяин дома как-то гармонически вписывается в эту обстановку. Он очень спокойный, неторопливый, крупная седая голова с прямым пробором посажена на крепкие плечи, обветренное мужественное лицо смягчают светлые с легким прищуром глаза. Когда он улыбается, из уголков глаз к вискам сбегают морщины, лицо еще больше теплеет. Ким Филби, человек большой судьбы, впервые принимает сегодня нас, двух советских журналистов.

В голове миллион вопросов, какой из них самый важный, с чего начать? Товарищ Филби явно улавливает смятение на наших лицах.

— Начнем сначала, — мягко предлагает он, — от печки, как говорят по-русски.

Его английский выдает в нем человека высокой культуры.

Он родился в индийском городке Амбала и провел в Индии первые четыре года своей жизни.

— Первого января мне исполнилось пятьдесят шесть, — рассказывает товарищ Филби. — Мой отец служил чиновником английской колониальной администрации в Индии. Он был человеком большой эрудиции и разносторонних знаний, отличался консервативными взглядами и отчаянно увлекался арабистикой. Это, наверное, и объясняет, что вторая его жена арабского происхождения. Хинди и арабский язык с ранних лет вошли в мою жизнь. И уж потом — немецкий, французский, испанский, турецкий, а затем и русский.

— А что за странное имя Ким вам дали?

— Собственно, полное мое имя звучит довольно пышно — Гарольд Эдриан Рассел Филби. Но отец по аналогии с киплинговским героем назвал меня Кимом. Так и пошло, имя пристало на всю жизнь.

— Что было потом?

— Потом вся моя семья переехала в Лондон, в 1929 году я поступил в Кембридж, в Тринити — один из самых крупных и аристократических колледжей. Учился хорошо, много читал. Вот тут-то и начинается история. Англия, как и другие страны капитализма, переживала в эти годы сокрушительный экономический кризис. Страну захлестнула безработица, биржа труда ломилась от очередей голодных, отчаявшихся людей. А в мире уже повеяло могильным холодом фашизма. Отзвуки всего этого доходили и до нашего благопристойного колледжа. Мы много спорили, искали ответа на одолевавшие нас проблемы в книгах, стремились и в жизни понять, что может дать людям избавление от одолевающих их несчастий.

Решающими для моей последующей жизни стали поездки, которые я с друзьями совершал в некоторые западноевропейские страны — Германию и Австрию преимущественно. Все это помогло мне расширить представление о мире. Встречи с новыми людьми, от которых я был отрезан в Кембридже, открывали правду жизни. Австрия была залита кровью рабочих, она переживала особенно трудное время. Я понял, по какую сторону баррикады мое место. Я поминутно чувствовал, что мои идеалы и убеждения, мои симпатии и желания на стороне тех, кто борется за лучшее будущее человечества. В моей родной Англии, на моей родине я тоже видел людей, ищущих правды, борющихся за нее. Я мучительно искал средства быть полезным великому движению современности, имя которому — коммунизм. Олицетворением этих идей является Советский Союз, его героический народ, заложивший начало строительства нового мира. А форму этой борьбы я нашел в своей работе в советской разведке. Я считал и продолжаю считать, что этой работой я служил и моему английскому народу.

— Можете ли вы припомнить, товарищ Ким, в чем состояло полученное от советской разведки ваше первое задание?

— О, я был так разочарован в тот первый раз! — смеется он. — Я представлял себе все гораздо романтичней. Но задания в этот период были, как мне казалось, незначительными, хотя это была настоящая школа большой работы. Энтузиазма в то время у меня было гораздо больше, чем опыта, и мне, конечно, не могли пока поручать серьезных операций.

Товарищ Филби достает пачку сигарет «Памир», и мы закуриваем.

— Привык к крепким, — объясняет он нам, потом, помолчав, продолжает: — Я делал, что мог, в то время и был счастлив узнать однажды, что я зачислен в кадры советской разведки.

— Каким же образом, товарищ Ким, вам удалось попасть на службу в английскую разведку?

— Это довольно длинная история, — говорит он. — После окончания Кембриджа я некоторое время работал в одной редакции, а затем отправился военным корреспондентом в Испанию от газеты «Таймс». Шел февраль 1937 года. Битва с фашизмом, развернувшаяся на полях Испании, была в сердце каждого честного человека. Для меня, как разведчика, это был университет практического опыта. Я учился умению прятать свои мысли, выдавать себя не за того, кем был. В публичных высказываниях я выставлял себя сторонником Франко. Это, естественно, находило отражение и в моих корреспонденциях. В пресс-отделе при штабе Франко мною были очень довольны.

Ким Филби задумчиво глядит в окно, он все время чуть-чуть щурится, потом достает из ящика стола крест на орденской ленте, протягивает его нам и продолжает рассказ.

— Я жил тогда в Бильбао. Как-то за мной приехал офицер из штаба Франко, посадил в машину и привез в фашистскую штаб-квартиру в Бургосе. Меня ввели в зал, где стояла группа до смешного напыщенных генералов. В центре находился сам генералиссимус. Я обратил тогда внимание, что все они, включая Франко, были очень маленького роста. Меня представили. Че-

рез несколько минут кауднльо чрезвычайно торжественно вручал мне этот самый крест. Он мне потом очень сгодился в работе — из всех западных журналистов я был одним из немногих, удостоенных этой экзотической награды. При поступлении на службу в Интеллидженс сервис крест тоже сыграл свою роль.

Я возвратился в Англию и через некоторое время выехал уже в качестве опаленного военными ветрами корреспондента «Таймс» для освещения боевых действий английского экспедиционного корпуса во Францию. После Дюнкерка, летом 1940 года, я снова в Лондоне. Вот тут-то я по заданию советской разведки и поступил на службу в британскую секретную службу. До этого, с 1935 по 1937 год, я неоднократно выезжал, также по заданию Центра, в Берлин, где встречался со многими видными фашистскими главарями, а больше всего с Риббентропом.

— Не расскажете ли, товарищ Ким, подробнее об этом и, в частности, о встречах с Риббентропом?

— Как я уже говорил, я пользовался чрезвычайно выгодной для работы репутацией профашиста. Я был активным членом общества англо-германской дружбы и, когда Риббентроп был еще послом в Лондоне, завязал с ним тесные контакты. Потом он стал министром иностранных дел при Гитлере, но наши встречи не прекратились. Всякий раз, когда я приезжал в Берлин, Риббентроп очень сердечно принимал меня на Унтер-ден-Линден. Информация, которую я получал, была интересная. Замечу попутно, что сам по себе Риббентроп был на редкость серой, посредственной личностью.

— Итак, вы уже в английской разведке, товарищ Ким.

— Да, здесь начинается совершенно новый период в моей жизни.

Вскоре фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Я сделал все, что мог, чтобы помочь народам Англии, Советского Союза, Франции и других стран антигитлеровской коалиции в разгроме фашистской Германии. В тот период все мы, советские разведчики, не имели никакой другой мысли, никакой цели в жизни, кроме как способствовать быстрейшему разгрому нацизма.

Товарищ Филби явно скромничал. Так, например, он ничего не сказал о своем непосредственном вкладе в дело борьбы против фашистских поработителей. Но его коллеги рассказали нам, что работа Кима Филби помогла обезвредить многих немецких разведчиков, забрасывавшихся как на территорию Англии, так и в Советский Союз. Он также передал первые данные о намерении фашистов применить на советском фронте новые виды боевой техники. Работа Филби помогла спасти тысячи жизней советских людей.

— А каким образом проходила ваша служба непосредственно в английской разведке?

— Я пошел вверх по служебной лестнице. Через год я уже был заместителем начальника одного из отделов МИ-6.

— МИ-6, что это значит?

— В Англии существует две службы. Под кодовым названием МИ-5 скрывается контрразведка. МИ-6 — это, собственно, секретная разведывательная служба.

— Западная пресса отмечала, что ваше быстрое продвижение было связано с совершенно редкими данными — вы лучше всех стреляли, отличались железной выдержкой и, что, видимо, тоже важно, обладали привлекавшим к вам людей обаянием. Верно ли это?

— Ну, мне судить об этом трудно, но дела пошли хорошо, хотя все было совсем не просто. Я ходил по острию ножа, каждая встреча со связным из Центра была сопряжена для меня с большим риском.

Я специализируюсь на подрывной работе против «коммунистических» стран, становлюсь экспертом в этом деле. Когда в 1944 году меня назначают начальником центрального в секретной службе отдела по борьбе с СССР и международным коммунистическим движением, никто этому не удивляется. Отдел коротко именовали «антикоммунистической службой». Вы можете себе представить, какого рода информацию я имел возможность направлять в Москву.

— Товарищ Ким, западная пресса утверждает, что вы были третьим по важности лицом в британской секретной службе и что, исходя из ваших способностей и стремительного роста, вы неизбежно должны были возглавить всю британскую секретную службу. Верно ли это?

— Я справлялся со своими обязанностями, мною были довольны. В 1946 году меня наградили орденом Британской империи.

Ким Филби вспоминает затем о турецком периоде. В начале лета 1947 года он в качестве резидента английской секретной службы отправился «под крышей» дипломата в Стамбул. Тогда это был важнейший участок работы. Разведывательные службы западных стран сконцентрировали здесь, в непосредственной близости от границы с Советским Союзом, Болгарией и другими социалистическими странами, лучшие силы. Стамбул стал для разведки центром «холодной войны».

Ким Филби развивает кипучую деятельность, часто по заданиям из Лондона для организации всякого рода «акций» наведывается к советско-турецкой границе в районе Арарата. Объектом наблюдения его людей являются корабли, проходящие через Босфор. В этом гиганте, «городе 500 мечетей», плетется сложное кружево политических интриг, заговоров. Через Кима Филби проходит огромный поток ценнейшей информации о работе англо-американских служб с территории этой страны против Советского Союза. Все, что представляет интерес для советской разведки, что важно для укрепления безопасности лагеря социализма, немедленно переправляется в Москву. Киму Филби приходится работать по 24 часа в сутки.

— Джеймсу Бонду было легче, — смеется он, — ведь как хорошо в романах моего старого друга Яна Флеминга: у Бонда только и было забот, что веселые праздники да любовные интрижки.

— Как, вы знали и Флеминга?

— Естественно. Он ведь тоже работал в секретной службе, занимая пост помощника директора военно-морской разведки. В разведке же работал и Грэм Грин, тоже мой коллега того

времени. Сегодня он действительно большой и уважаемый писатель.

Ким Филби показывает на одну из полок. Она уставлена различными изданиями гриновских романов.

— Раз уж речь зашла о писателях, может быть, товарищ Ким, вы откроете нам секрет и своих литературных вкусов?

— Это большой вопрос, — говорит он, — я вынужден назвать слишком много имен. Тут Диккенс и Толстой, Достоевский и Бальзак, Тургенев и Чехов. Из современных писателей, кроме Грина, любил Стейнбека. Однако то, что он написал о Вьетнаме, мне непонятно. Я счастлив, что большую часть книг, которые я всю жизнь собирал, мне удалось привезти в Москву и они сейчас со мной.

— Если вы не против, вернемся к разведке, — просим мы.

— С 1949 по 1951 год я возглавлял миссию связи английской разведки в Вашингтоне. Задачи по связи между двумя разведывательными службами были лишь внешней стороной моей деятельности. Мне было поручено Лондоном, с одной стороны, консультировать ЦРУ, по возможности направлять это в ту пору еще молодое учреждение. С другой стороны, передо мной стояла крайне деликатная задача защиты британской секретной службы от ЦРУ, проявлявшей явное намерение проглотить своего союзника. Я оказался в логове американской разведки. Именно в этот период у меня наладились крепкие связи и с Алленом Даллесом, и с нынешним директором ЦРУ Ричардом Хелмсом, и с Эдгаром Гувером, руководителем ФБР.

— Не могли бы вы, товарищ Ким, хотя бы коротко охарактеризовать эту элиту американской разведки?

— Коротко трудно, но попытаюсь, — улыбается он каким-то своим мыслям. — Даллес, как известно, был первым гражданским лицом на посту директора ЦРУ. Он был внимателен в обращении с людьми, но, по существу, относился к ним свысока. В дела он не вникал, и, я бы сказал, при всей его агрессивности он был дилетантом, о чем лучше всего говорит авантюра с вторжением на Кубу, так позорно провалившаяся. Считают, что он занял этот пост благодаря своему брату — Джону Фостеру Даллесу, тогдашнему государственному секретарю.

Следующий — Хелмс. Я старался, чтобы у нас сложились наилучшие отношения. С этим человеком легко работать, хотя он отличается сдержанностью. Хелмс пороха не изобретет, это, конечно, не генерал Уолтер Беделл Смит, занимавший одно время пост директора ЦРУ. Он больше политикан, чем специалист своего дела. Как мне сказал в свое время один из сотрудников ФБР, Хелмс связан с определенной влиятельной политической группой, которая его все время подталкивала.

Что касается Гувера — это печально знаменитый контрразведчик, который руководит чудовищным по размерам аппаратом репрессий. Наши беседы с Гувером носили подчас весьма любопытный характер, они сводились к обсуждению методов работы советской разведки. Это были очень увлекательные беседы, — с трудом сдерживает улыбку товарищ Ким.

— Но уж кто действительно произвел на меня неизгладимое впечатление, — добавляет он, — это заместитель Гувера мистер Лэдд. Эта на удивление дремучая личность вполне серьезно убеждала меня, что бывший президент Франклин Рузвельт являлся агентом Коминтерна.

Один из центров лжи и провокаций — радиостанция «Свободная Европа».

— Много ли стран, помимо перечисленных, довелось вам посетить за эти годы?

— Я специально их не подсчитывал, но наберется около двух десятков. В каждой стране была своя специфика работы, свои условия. К ним приходилось приспосабливаться. Как разведчик с известным стажем, я отлично представлял себе возможность провалов, они подстерегали на каждом шагу. Мне по роду моей деятельности приходилось планировать самые различные операции против Советского Союза и других социалистических стран и самому же их торпедировать. Меня всегда поддерживала мысль о прочности, надежности тыла. Я регулярно встречался в разных странах с представителями Центра, такие встречи были для меня огромным событием, они вливали в меня новые силы. Еще важнее были поездки в Москву. Я знал, что руководство высоко оценивает мою работу, верит в меня. Но все равно, несмотря на всю мою выдержку, я очень разволновался, узнав о том, что меня наградили орденом Красного Знамени.

Очень помогало мне в работе и то, что в самих западных странах я на каждом шагу сталкивался с искренними друзьями советского народа, с людьми, всем сердцем преданными социализму. Я видел, что эти люди готовы включиться в борьбу за безопасность первого в мире социалистического государства. Больше того, среди сотрудников разведывательных служб западных стран я знаю немало людей, как и я, посвятивших себя борьбе с фашизмом, делу интернациональной солидарности трудящихся. Причем число таких людей непрерывно растет.

— Товарищ Ким, не можете ли вы рассказать немного о вашей сегодняшней жизни?

— Моя работа в британской секретной службе протекала в последнее время в чрезвычайно сложных условиях. Руководство приняло решение в целях обеспечения моей безопасности отозвать меня в Советский Союз. И вот я здесь. Только что закончил работу над книгой. В рамках возможного и разумного я с позиции разведчика освещаю в ней отдельные моменты моей жизни. Многие страницы книги имеют самое непосредственное отношение к определенным кругам ряда западноевропейских стран.

Я много езжу по необъятной Советской стране, которая стала мне второй родиной. Вслед за этой книгой думаю приняться за другую, а потом напишу еще одну. Планов много, я ведь журналист. В свободное от работы время занимаюсь самыми разными делами — от музыки до лыж и резьбы по дереву. Хожу в театры, регулярно бываю на концертах. С удовольствием посмотрел спектакль «Все хорошо, что хорошо кончается» в исполнении труппы Королевского Шекспировского театра. Словом, живу полнокровной жизнью. На здоровье не жалуюсь.

— Товарищ Ким, последний, может быть, несколько прямолинейный вопрос: счастливы ли вы?

— Большая часть моей жизни позади. Оглядывая прошедшие годы, я думаю, что прожил их не зря. Да, я счастлив. Мне хочется от себя повторить слова Феликса Дзержинского, рыцаря революции, большого гуманиста. Помните? «Если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы так, как начал».

Мы прощаемся. Четырехчасовая беседа окончена. Конечно же, тридцать удивительных лет этого необыкновенного человека не уместились в эти четыре часа...

Иностранные «дипломаты»-разведчики, задержанные в тот момент, когда они пытались фотографировать важные объекты.

ИЗ РОССИИ С ПОЗОРОМ

Встреча в Пятигорске

Уильям Путнам и его тезка Карфи сидели в номере одной из гостиниц Пятигорска за бутылкой «Столичной». Путнам свою рюмку почти не трогал, а Карфи, как говорится, не просыхал с утра. Карфи любил русскую водку самозабвенно и нежно. Так же самозабвенно, как ненавидел в нашей стране все остальное.

— Мы тратим здесь время впустую, Билл, — сказал он Путнаму. — Мы должны познавать Россию не с того фасада, который и нашим студентам здесь показывают, а с изнанки. Мы должны проникнуть в самое ее, самое, ну... нутро. Душа России — где-то здесь, рядом, около этого отеля. Так сказать, неопубликованная душа! Надо только выйти и взять ее, взять в свои руки...

В это время у отеля прохаживался, ну, скажем так, молодой человек приятной наружности. Он знал, что в отеле остановились американцы. И поэтому ноги сами несли его к отелю. Потому что за душой у молодого человека приятной наружности не было ничего, кроме десятка дежурных фраз о «свободе личности» и кипы низкопробных, порочащих нашу действительность и народ «произведений».

Молодому человеку казалось, что они должны быть услышаны не только его поклонницами, но и всей мировой общественностью. И молодой человек распахнул душу, то есть пиджак, в котором были спрятаны рукописи. А мистер Карфи засунул их в свой пиджак в присутствии мистера Путнама, пообещав молодому человеку, что мировая общественность «услышит» и что рукописи он, Карфи, попробует в США издать.

К вящему сожалению Карфи и Путнама, сделать им это не удалось. Рукописи потребовали вернуть.

Карфи и Путнам были не просто туристами. Они — руководители группы студентов, изучающих русский язык в различных университетах и колледжах США. Формирует такие группы Индианский университет. По давнему соглашению они приезжают к нам каждый год на месяц-другой и знакомятся с нашей страной, а заодно улучшают свои познания в русском языке. Групп таких в Пятигорске в то время, в конце 1967 года, было четыре. А руководил ими всеми человек с чисто русским именем и фамилией — Степан Петрович Судаков. Он и до этого навещал Советский Союз с печально известным директором славянского отдела Индианского университета Альбертом Тоддом, давним агентом ЦРУ, который заставлял иных своих студентов заниматься сбором шпионских сведений в СССР. Но тогда, в 1964 году, Степан Петрович был всего-навсего рядовым руководителем небольшой группы студентов, а на этот раз приехал к нам уже в том же амплуа, в котором выступал Тодд. Мы имеем в виду пока его официальное амплуа.

У нас говорят: «Кто старое помянет...» Ведь Тодд уже больше не руководит такими группами. Стоит ли вспоминать? На наш взгляд, все-таки стоит, потому что программы «изучения России» по методу Тодда по-прежнему существуют в иных заезжих к нам студенческих группах. И подопечные Судакова, как выяснилось, занимались именно по этой программе. Не говоря уже о «вольном поиске» Карфи и Путнама.

Кто старое помянет... Иногда, к сожалению, приходится о нем вспоминать, и в подробностях. За то время, что Судаков не был в нашей стране, произошли события, непосредственно его, Степана Петровича, касающиеся.

А дело было вот как. Пришел в органы госбезопасности некто Иван Фростов. Пришел сам, сам и покаялся, что работал на американскую разведку еще в те годы, когда эмигрантская судьба забросила его в Китай. Фростов честно рассказал о том, как, кто и когда завербовал его на службу в американскую разведку. В его рассказе и всплыло это имя — Степан Петрович Судаков.

И вот Судаков в Советском Союзе. Его вызывают в органы госбезопасности в качестве свидетеля по делу Ивана Фростова. В комнату входит самоуверенный, пожилой уже человек и нагловатыми глазами осматривает присутствующих.

Ему задают всего один вопрос: «Степан Петрович, а вот этот человек вам знаком?» Судаков смотрит на фотографию Фростова пристально, цепко. И... меняется на глазах. Бледнеет. Покрывается потом, судорожно глотает воздух. Наконец цедит сквозь зубы: «Да, мы знакомы...»

Карьера разведчика

...Шел 1938 год. После долгих скитаний Фростов приехал в США, в Лос-Анджелес, в гости к своему старому знакомому Петру Судакову. Судаков-старший жил раньше в Китае. Там у него в 1922 году родился сын Степан. Фростов не узнал его. Ведь он видел Степана в Китае совсем мальчишкой.

Судаковы, хотя и не считали себя русскими, все-таки постарались научить сына языку своих предков. Учителями Степана были белогвардейцы, бежавшие из России. У них-то и познал он азы не только русского языка, но и ненависти ко всему связанному с Советской Россией.

В США Степан продолжал изучать русский и

китайский и немало преуспел в этом. После встречи с Судаковым-младшим в 1938 году Фростов на много лет потерял его из виду.

Да и не мудрено — началась вторая мировая война. А Степан Судаков тем временем окончил школу, поступил в университет, а затем, как и многие его сверстники, в 1942 году поступил на службу в американскую армию. В Кэмп Робертс, штат Калифорния, где он проходил военную подготовку, заметили расторопного молодого солдата. Сейчас ни для кого не секрет, что уже в то время, когда СССР и США еще были союзниками, некоторые американские круги продолжали считать главным врагом нашу страну и готовились к будущей борьбе с этим противником.

Степан Судаков оказался для такой работы весьма подходящим кандидатом. В 1943 году Судаков направляется в специальную разведывательную школу в Кэмп Ричи, штат Мэриленд, где его, слушателя русской секции, тщательно обучают методике допроса пленных, агентурной работе и т. д. Знакомят и с организацией Красной Армии, ее вооружением и тактикой. Трудно поверить, что все это нужно было ему для борьбы с японцами.

После окончания школы лейтенанта Судакова направляют в распоряжение армейской разведки «Джи-ту». После окончания войны в 1945 году Судакова переводят в Китай. Он работал там в Шанхае, Тяньцзине и Пекине.

Когда японцы окончательно вышли из игры, основные свои усилия американская разведка в Китае направила на получение сведений о Советской Армии и Народно-освободительной армии Китая. Судаков оказался незаменимым человеком.

Именно в это время он снова встретился в Тяньцзине с Иваном Фростовым. Но это уже было не свидание друга семьи с сыном старого приятеля. Роли у них совершенно иные. Судаков — сотрудник разведки, а Фростов — его платный агент.

Полковник Браун, начальник «Джи-ту» в Тяньцзине, поручает Степану Судакову через Фростова и других агентов «выяснять настроения советских граждан, давать им подробную характеристику, сообщать, кто из них мог бы быть полезен Соединенным Штатам».

Судаков активно действует и удостаивается благодарности начальства, а Фростов — соответствующего денежного вознаграждения, которое вручает ему Степан.

Затем его откомандировывают в распоряжение «Джи-ту» в Шанхае. Судаков занимался там достаточно откровенным шпионажем. Вскоре во главе миссии помощи ООН его посылают в Северный Китай. «Я должен был определить размеры американской помощи голодающим китайским крестьянам», — говорит Судаков, а сам тогда возвратился в Шанхай с обширным докладом о состоянии частей НОАК, схемой дорог и другими разведывательными данными.

И вдруг, когда, казалось бы, шло все великолепно — благосклонность начальства, перспектива блестящей карьеры, — разведчик Судаков перестает существовать, и появляется Судаков, студент исторического факультета бейпинского университета «Бейда». Правда, сразу же следует сказать, что стал он им после переподготовки в разведшколе в Сан-Франциско. Однако он, как говорят, дал маху. Трудно сказать, при каких обстоятельствах это произошло — Степан Петрович считает себя человеком весьма умеренным в отношении спиртного, — но тем не менее студент Судаков забыл тогда, в 1948 году, на квартире своего приятеля Марка Коростовца удостоверение офицера американской разведки, а тот принес этот документ в советское консульство. Очевидно, именно поэтому Судакова срочно откомандировали в Штаты.

Такова работа Степана Судакова в военной разведке Соединенных Штатов в 1945—1949 годах. На некоторое время он исчезает из поля зрения.

И вот мы видим его снова. Теперь уже, по крайней мере официально, в самой мирной роли. Где-то это вроде бы и закономерно. Был студентом в свое время в Пекине, теперь — учитель. Случайно ли назначили старого кадрового разведчика главой четырех групп будущих специалистов по России, которой, как мы видели, мистер Судаков весьма активно интересовался?

Нам кажется, что это назначение не случайно. Уже не раз писалось в советской прессе о попытках разведслужб США использовать в своих грязных целях студентов и их организации. И всегда, несмотря на возмущение, следовавшее неизменно за каждым разоблачением, руководители американской разведки делали только один вывод — «постараемся не попадаться».

Он оправдывается, говорит какие-то жалкие, беспомощные слова о необходимости «улучшать отношения между СССР и США», уверяет, что он-де давно уже не разведчик.

Выкрутиться бы, вывернуться! — одна мысль. И он говорит быстро, словно подхлестывая себя. Сыплет фактами, цифрами, именами. И о своей разведработе в Китае и о своих коллегах и начальниках. Называет адреса разведывательных школ и рассказывает об их программах. И вся эта посыпавшаяся из него фактура происхождения не только послевоенного. Судаков подробно рассказывает и о сегодняшнем состоянии американской разведки.

Судакова, говоря дипломатическим языком, объявили персоной нон грата. И предложили ему покинуть Советский Союз по возможности быстрее.

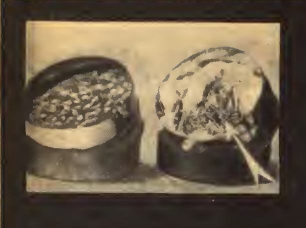
Он бросил все свои вещи в гостинице. На недоуменные вопросы своих подопечных студентов ответил только: «Мама тяжело больна в Штатах», — и бросился в аэропорт. А уже там Судакова и его жену сопровождали почетным эскортом два сотрудника американского посольства. Один впереди, другой позади. А в середине — Судаков с супругой и тощим портфельчиком со своими записями, с «впечатлениями студентов» о России.

А два работника посольства еще долго стояли на перроне аэропорта и смотрели в небо, пока самолет не превратился в маленькую черную точку.

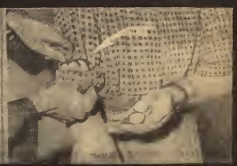
Судаков, конечно, далеко не первый в списке тех профессиональных шпионов, которые время от времени навещают нашу страну под официальным прикрытием «сопровождающих», «руководителей», а то и «участников» групп, приезжающих в Советский Союз по программе студенческого обмена.

Наверное, и на этот раз руководители американской разведки сделают все тот же циничный вывод: «Постараемся больше не попадаться».

А это — только два способа с помощью которых пытались провезти антисоветскую литературу через государственную границу СССР.



На этих снимках вы видите, к каким ухищрениям прибегают контрабандисты, чтобы провезти в нашу страну или вывезти из нее недозволенные товары. Контрабанда прячется в специальных тайниках на одежде, в прическах, на теле, в буханках хлеба, в наглухо запаянных банках консервов.



НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ

— Вот, ознакомьтесь... Это выдержка из инструкции западногерманской разведки (БНД).

Один из чекистов протянул мне мелко исписанный лист:

«Работа против СССР — важнейшая и труднейшая деятельность разведки. Конечной целью является проникновение источников в Советский Союз. В этой работе будут иметь место неудачи, но это не должно приводить в отчаяние наших сотрудников. Точно так же, как муха, отгоняемая человеком, все время налетает на него с другой стороны, так и мы должны налетать на Советский Союз все время с новой стороны».

— Это, конечно, не самый последний документ такого рода, — поясняют чекисты. — Что характерно сейчас для империалистических разведок? Их деятельность против Советского Союза и всех стран социалистического содружества часто согласуется до конкретных операций. Под руководством агрессивных кругов США действует «единый тайный фронт» антикоммунизма. Подрывная работа ведется и в политическом, и в военно-экономическом, и в идеологическом направлениях. Империалистические разведки пытаются подорвать мощь и международные позиции Советского Союза, скомпрометировать саму идею социализма и коммунизма.

Разведывательную работу враг ведет ныне с помощью самых последних достижений технической мысли. Под руководством специальной службы США вокруг Советского Союза создана глобальная система радиоразведки: близ наших границ расположено около двухсот стационарных станций, которым подчинены тысячи постов. Все они круглосуточно контролируют эфир, фиксируют полеты наших самолетов, запуски ракет, пытаются выявить местонахождение радарных станций.

«Радары и электронные приборы, — утверждал Аллен Даллес, бывший шеф ЦРУ, — будут иметь тенденцию занять место разведчицы типа Мата Хари». И, вторя ему, нынешние правители США говорят о том, что, тратя 35—49 миллиардов долларов на военные и гражданские космические программы, они убеждены: результаты фотографирования со спутников оправдывают расходы и в десять раз более крупные.

Каждый месяц США выводят на орбиты несколько спутников-шпионов.

Все добытые различными путями сведения поступают в центры ЦРУ с новейшими электронными машинами, где происходят их обработка, обобщение и анализ.

Однако на каждый яд есть свое противоядие. Не зря на некоторых секретных совещаниях руководители империалистических разведок, оправдываясь перед своими хозяевами, заявляют: «Пытаемся, да КГБ мешает!..»

Мягко говоря, мы им действительно мешаем...

Своих агентов империалистические разведки тщательно готовят.

«Когда передаешь с рук на руки материалы, — наставляли не так давно английские разведчики своего агента — коммерсанта Винна, направляя его на встречу с предателем Пеньковским, — нельзя протягивать руку. Надо передавать их, приблизившись вплотную к другому человеку. Место встречи должно быть обследовано заранее, и туда никогда нельзя приходить раньше времени или с опозданием. Если человек не пришел, никогда не надо околачиваться поблизости. Нужно просто уйти и вернуться спустя обусловленный промежуток времени...»

Душеприказчики шпионов обучали и обучают их входить в доверие к окружающим.

«Завяжите с ними незаметным образом, — говорится в одной из инструкций американской разведки, — приятельские отношения и при удобном случае одолжите им денег... Всегда найдется человек, которого можно заставить почувствовать, что его не оценили по достоинству и не вознаградили по заслугам. Выделите такого человека. Как правило, он не пользуется любовью своих товарищей. Поработайте над его «обиженностью»...

Хвастовство, — утверждает та же инструкция, — это слабость, свойственная в большей или меньшей степени каждому человеку. Держите глаза и уши широко открытыми: ищите хвастунов. Они попадут в тщательно приготовленную вами ловушку и, не сознавая этого, выдадут строго охраняемые тайны...»

Видный американский разведчик Шерман Кент поучает:

«Разведчик должен пускаться на любые уловки, подлые, не освященные традицией и незаконные, лишь бы получить нужный результат...»

Мои собеседники вспоминают многочисленные случаи из своей работы.

— Однажды к нам в руки попали рация, шифры и средства тайнописи из экипировки нелегально заброшенного в Советский Союз шпиона Афонова. Было решено воспользоваться этим снаряжением. От имени Афонова его двойник провел два радиосеанса. Ответы из-за рубежа подтвердили, что Афонову доверяют. Однако в таких случаях радиосвязь часто чревата опасностями. «Почерк» радиста на той стороне хорошо известен. Мы придумали легенду о смене места жительства Афонова и предложили его хозяевам перейти на почтовую связь тайнописью. Вскоре согласие было получено. Затем стали по-

ступать н новые задания. Американскую разведку интересовало расположение воинских частей, оборонных объектоа, особенно наш подводный флот. И на все запросы хозяева Афоиова получали от нас «заслуживающую доверия ннформацию» в течение... восьми лет. Мы были довольны. Иногда, правда, жаловались в шутку друг другу, что платят американцы «своему» агенту маловато. Но, конечно, не деньги интересовали нас. Интересовали методы и формы связи американской разведки, а также объекты, за которыми она охотится.

Разведывательные технические средства постоянно совершенствуются. Это и фотоаппараты с радиусом действия в несколько километров, н портативные электронные приборы, н различная миниатюрная радиоаппаратура. Фотоаппараты, кинокамеры для секретного фотографирования, магнитофоны и аппараты для подслушивания нередко бывают скрыты в портфелях, сумках, зажигалках, портсигарах. Один шпион-дипломат, задержанный в Ленинграде, никогда не расставался, например, с биноклем, в котором оказался небольшой фотоаппарат.

От агентов требуют, чтобы они не только умело использовали технические средства, но н быстро уничтожали все улики в случае необходимости. Для этой цели некоторые шпионские фотоаппараты, например, имеют кнопку, при нажиме на которую пленка в камере мгновенно засвечивается.

При обучении разведчиков большое внимание уделяется способам хранения шпионских материалов. Где только не пытаются создать тайники для них! В пуговицах, в тюбиках с зубной пастой, в кусках туалетного мыла, в кондитерских изделиях. Химикаты для тайнописи маскируют под пудру; иногда ими пропитываются носовые платки. Достаточно окунуть такой платок в воду, и раствор невидимых чернил готов...

Кстати, вспомните, как одно время осуществлялась связь между предателем Пеньковским и английским разведчиком-дипломатом Чизхолмом. На московском бульваре в определенные дни недели, в условленный час должна была прогуливаться женщина с детьми. Появлялся Пеньковский, садился на скамейку, подзывал к себе ребенка и угощал его конфетами. Затем «добрый дядя» дарил малышу коробку со сладостями. На дне коробки, которую тут же забирала у ребенка его мать Джанет Анна Чизхолм, лежало очередное донесение предателя...

Для проникновения в нашу страну широко используются туризм, коммерческие связи, научный и культурный обмен. Советская печать довольно часто сообщала в последние годы о похождениях агентов-«путешественников». Англичане Сампстер и Брукбейкс из того же списка. В июне 1965 года у них была изъята карта Ленинградской области и Карельского перешейка, изданная генеральным штабом английской армии. По этой карте «путешественники» сверяли координаты железнодорожных мостов, линий высоковольтных электропередач и других важных объектов. А вот «коммерсант» из ФРГ Эдуард Хартман. Более сорока раз приезжал он за последние годы в нашу страну. Предлагал нашим внешнеторговым организациям заключить с ним контракты на поставку различного электронного оборудования, встречался с советскими специалистами и в беседах с ними старался по заданию западногерманской разведки (БНД) выудить сведения о развитии оборонных отраслей промышленности. Однако по нашей «вине» он разочаровал своих хозяев, и его шпионская карьера была закончена.

Советским людям хорошо известно о разведывательной деятельности, которую ведут у нас представители некоторых посольств капиталистических стран. Не так давно в связи с провалом шпионского вояжа по Советскому Союзу группы американских и английских разведчиков-дипломатов специальная комиссия сената США в официальной резолюции отмечала, что дипломатия не является самоцелью, что сбор разведывательных сведений — это жизненно важная деятельность дипломатического представительства. Более того, комиссия упрекнула разведчиков, находящихся в составе американского посольства в Москве, в нерешительности и излишней боязни провала, обвинила их в чрезмерной приверженности к устаревшим формам дипломатии, потребовала активизировать шпионскую работу, проявлять больше смелости, настойчивости, агрессивности в действиях, используя все возможности дипломатической службы для нужд разведки.

Результат такой критики не замедлил сказаться. Помощники военного и военно-морского атташе США Ликоу и Батзрст, находясь в Орше, подобрались непосредственно к военному объекту и нагло подглядывали через забор. За такое «любопытство» оба были задержаны. Их попросили «оторваться» от забора.

— Только всегда помня, что перед тобой умный и коварный противник, — напоминают мои собеседники, — можно добиться успеха в борьбе с ним. Мы, чекисты, не можем позволить себе опрометчивых действий. Нельзя преждевременно спугнуть и упустить врага. Нужно уметь выбирать наиболее удобный момент для его поражения. Думается, мы не раскроем большого секрета, если скажем, что после того, как Пеньковский попал в поле нашего зрения, а его преступные связи с иностранцами были установлены, мы в течение определенного времени умышленно оставляли его на свободе...

— Вспомните, — говорит чекист, — одну нашу довольно крупную «игру» с американской разведкой. Она велась с территории Прибалтики. Здесь мы поймали американских шпионов «Герберта» и «Бориса». Предложили им искупить вину. По нашему указанию «Герберт» послал в Западную Германию в подставной адрес американской разведки тайнописное письмо. Сообщил о своем «благополучном» прибытии в Латвию и о том, что он и «Борис» натолкнулись в лесу на пограничников. Бросив все свое снаряжение, «Герберт» якобы скрылся, потеряв «Бориса».

После нескольких запросов, во время которых разведчики США проверяли, не работает ли за «Герберта» его двойник из советской контрразведки, американцы сообщили «Герберту» время и место встречи с их связником. Тот был нами задержан. Чтобы не навлечь его арестом подозрений на «Герберта», советские контрразведчики, которые вели другую «игру» с английской разведкой, — зная о том, что обе эти империалистические разведки тесно сотрудничают и обмениваются информацией — сообщили ей о гибели в перестрелке с чекистами неизвестного. Место «перестрелки» указали то, где связник был выброшен американцами на нашу территорию.

А «Герберт» сообщил американцам, что их связник на встречу не явился, и попросил ускорить присылку денег и новых документов.

Вскоре в «игре» с американской разведкой принял участие со своей портативной рацией и «Борис».

Перед оперативными работниками, которые руководили «игрой», была поставлена задача: вынудить противника «командировать» на нашу базу крупную птицу, официального сотрудника американской разведки. Поэтому последующие сведения «Герберта» и «Бориса» составлялись таким образом, чтобы их хозяева как можно сильнее заинтересовались разведывательными возможностями этих «своих агентов». Было решено также, чтобы «Герберт» настойчиво требовал помощи американцев в возвращении за кордон.

В один из сеансов радиосвязи американские разведчики передали «Герберту» телеграмму, в которой предлагали ему являться в определенные дни и часы на условленное место для встречи с их представителем.

Несколько раз ходил «Герберт» на условленное место. И все безрезультатно. Мы забеспокоились: не разгадана ли «игра»? Наконец, убедившись, что за «Гербертом» не следят, «представитель» встретился с ним. Встретился с нашими контрразведчиками.

Этот «представитель» оказался официальным сотрудником американской разведки. На следствии он рассказал, что еще в 1951 году был завербован американской разведкой в Швеции. Жил в Западной Германии. Затем преподавал в разведывательных школах США (штат Вирджиния). Он сообщил важные сведения о подрывной работе американской разведки против СССР, ее планах и агентуре, которая готовится для заброски в Советский Союз...

В борьбе со шпионажем очень важно предупредить действия тех, кто ведет против нашей страны подрывную работу, предвидеть их очередной «ход».

Много усилий потратила одна из империалистических разведок, чтобы завербовать сидящего сейчас в этой комнате вместе с нами сотрудника органов государственной безопасности. Когда труды разведки «увенчались успехом», его долго обучали за рубежом различным шпионским ухищрениям, затем на специальном быстроходном катере, команда которого состояла сплошь из бывших гитлеровцев, высадили ночью на Черноморском побережье Кавказа.

Все это время родные чекиста были уверены, что он находится в длительной командировке на Дальнем Востоке. Отец и мать регулярно получали письма сына, которые были составлены им заранее. Он уже вернулся из-за рубежа, работал в соседнем городе, но даже издали видеть родных не имел права. Пять лет этот человек играл роль иностранного агента. В течение пяти лет противник был твердо уверен, что знает многие секреты в очень интересовавшей его отрасли нашей промышленности. Затем у хозяев «агента» наступило похмелье. Многие из них были сняты со своих постов...

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ

— Чтобы застраховать себя от провалов, — рассказывают чекисты, — империалистические разведки непрерывно совершенствуют методы подрывной деятельности против Советского Союза и других социалистических стран. Как говорится, шпионаж ныне пошел не тот. Он тоньше, умнее, коварнее. Он все более приобретает легальные и на первый взгляд невинные формы. Принцип таков: «Узнать от каждого человека совсем немного. Затем сложить все эти сведения и изучить получившуюся картину...» Все чаще империалистические разведки используют для шпионажа отдельных ученых и специалистов своих стран. Такому «деятелю науки», чтобы выполнить шпионское задание, не надо искать щель в заборе вокруг советского атомного завода — ему достаточно взглянуть на силуэт заводских труб. Ему не нужно прибегать и к скрытому фотографированию — порой, «дружески» разговаривая с кем-либо из советских коллег-ученых, он надеется выведать гораздо больше, чем иной агент-нелегал. И надеется выведать не только то, что уже сделано или делается, но и то, над чем только еще собираются работать.

Такова, например, операция «Линкольн», проводя которую Центральное разведывательное управление США стремилось вовлечь в свои грязные дела известных американских ученых. Используя тщательно продуманную систему вопросов, заокеанские лазутчики пытались под флагом «контактов во имя развития мировой науки» выяснить наши различные секреты. Вот он, нынешний невидимый фронт тайной войны!

Интервью продолжается.

— Даже самые опытные разведчики, — подчеркивают чекисты, — попав на территорию нашей страны, вступают в борьбу не только с советской контрразведкой, но и со всем нашим народом. Вот почему империалистические разведки терпят на нашей земле провал за провалом. Вот почему так наглеют их агенты при попытке вербовать советских людей за пределами Родины.

Осенью 1963 года из группы советских туристов в Афинах пропал ленинградский комсомолец Олег Маликов. Лишь через два дня сотрудникам нашего посольства, чрезвычайно обеспокоенным его исчезновением, было объявлено, что Маликов попросил в Греции политического убежища. При этом греческая разведка всячески пыталась не допустить встречи с ним. Когда же эта встреча состоялась в здании греческой контрразведки, Маликов сразу заявил, что требует немедленной отправки в Советский Союз. После своего освобождения он рассказал, что пошел прогуляться по городу, заблудился и обратился за помощью к полицейскому. Тот привел его в участок, где Маликову заявили, что у него не в порядке паспорт, попросили подписать какую-то справку, а потом вывезли за город, где передали в руки американских разведчиков. Здесь Маликову было объявлено, что он подписал отречение от Родины. Американцы всячески запугивали и шантажировали его, пытаясь склонить к измене...

В погоне за нашими секретами тот, кто интересуется ими, не брезгает никакими средствами. Об этом свидетельствует недавняя печальная история предателя Ю.

«Орудия труда» шпионов и диверсантов. Наши чекисты вовремя помешали пустить их в дело.

Этот человек работал в иностранном отделе одного из министерств. Участвовал в официальных встречах и переговорах с представителями различных капиталистических фирм. Как-то после очередной такой встречи иностранец подарил ему транзисторный радиоприемник.

Отказаться бы сотруднику министерства от подарка. Спросить бы: «А чем, собственно, я, советский человек, дал вам повод к такой подачке?.. Пришли вы к нам в министерство по делу. Пришли, потому что наше государство на взаимовыгодной основе развивает с вашей страной торговые связи. Сейчас мне поручено вести с вами переговоры. Очень рад, как принято в таких случаях говорить, с вами познакомиться... А подарочек свой вы, уж извините меня, заберите обратно. Ничего, ничего, не стесняйтесь...»

Только, к сожалению, так не произошло.

Вскоре иностранец снова напомнил о себе, попросил о встрече, чтобы «уточнить кое-какие незначительные детали». Деловое, но на этот раз уже полуофициальное свидание состоялось. Коммерсант получил подробное объяснение по каким-то непонятным ему пустякам. Он был очень благодарен работнику министерства за то, что тот нашел время для беседы, и попросил принять от него в качестве маленьких сувениров авторучку и газовую зажигалку...

Прошел месяц. Новый «друг» еще более закрепил налаженный с Ю. «деловой» контакт, вручив тому под видом сувенира часы с браслетом и вторую газовую зажигалку. Он так благодарен советскому человеку за помощь, за ценные советы. Ведь так сложно, так нелегко работать в условиях капиталистической конкуренции... Их фирма очень рада помочь промышленности Советского Союза поставкой нужных машин. Но ни он, ни его фирма, к сожалению, не знают, что бы могло конкретно заинтересовать сейчас советскую промышленность в первую очередь...

Чекист помолчал, затем продолжал:

— Понимал ли наш гражданин, о чем думает, но прямо не говорит иностранец? Конечно... Тому была нужна неофициальная информация, благодаря которой его фирма смогла бы солидно поднажиться.

В поисках такой же неофициальной информации рыскали по Москве и некоторые другие иностранные коммерсанты. Все они кружились вокруг любителя подарков, приглашали в рестораны и... несли «сувениры».

Тот брал все: радиоприемники, магнитофоны, даже костюмы. Свидания назначал в вестибюле министерства и на улице. И постепенно, потихоньку распродавал сведения, сначала предназначенные только «для служебного пользования», а затем и с грифом «секретно».

Об интересах своей Родины не думал. Теперь его интересовало лишь одно: кто больше даст за наши коммерческие тайны. Один за другим вручает он бизнесмену секретные перечни оборудования, намеченного у нас к закупке в капиталистических странах.

— И снова, — говорит чекист, — сознавая всю преступность своих действий, он предупреждает капиталиста о важности этой информации, осторожном обращении с ней...

Напрасно пытался предатель замести следы. Он не ушел от суровой кары...

Советский человек должен всегда и везде вести себя достойно, высоко держать честь гражданина СССР. Но если допущена ошибка, о ней нельзя умалчивать. Ни ложный стыд, ни боязнь ответственности не должны помешать этому. Ошибку всегда можно исправить. Надо только честно про все рассказать.

Долго охотились иностранные разведчики за одним из советских работников, проживавшим в их стране. Приглашали его на многочисленные приемы, в театры, льстили ему, преподносили дорогие подарки. Наконец затащили как-то в ночной ресторан. Напоили, познакомили с женщиной легкого поведения, а потом скрытно сфотографировали. Кроме того, из кармана потерявшего контроль над собой человека была похищена большая сумма не принадлежавших ему денег.

Наутро иностранные разведчики перешли к открытому и наглому шантажу: «Или будете работать на нас, или сегодня же эти снимки украсят первые полосы многих вечерних газет. Мы перечеркнем ваше будущее...» Так советский человек дал подписку о том, что становится иностранным шпионом. Однако на следующий день он пришел в советское посольство и попросил немедленно отправить его на Родину. В Москве откровенно рассказал нам обо всем.

Уместно сказать, что принятый 15 января 1960 года Президиумом Верховного Совета СССР Указ установил, что не подлежит уголовной ответственности гражданин СССР, завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против СССР, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой. Это законоположение имеет чрезвычайно важное значение для ограждения советских граждан от гнусных происков иностранных разведок.

Мы, чекисты, никогда не забываем, что партия поручила нам бороться за каждого человека, какой бы эта борьба ни была порой трудной. Мы, солдаты Советской Родины, преемники Дзержинского, всегда помним его слова: важно не только найти преступника после того, как он совершил свое черное дело, но (и это главное) уметь предотвратить преступление. Мы против всеобщей подозрительности и шпиономании. Но мы за неусыпную политическую бдительность, проявляемую каждый день, каждый час...

Интервью окончено. Прощаясь со своими собеседниками, я, конечно, понимаю, что о многом они пока не могут рассказать, — ведь на невидимом фронте враги во всеоружии, и в борьбе с этими врагами нет перемирия.

«Созданная полвека назад по предложению В. И. Ленина Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем была острым оружием в руках Советского государства, призванным защищать завоевания Великой Октябрьской социалистической революции. Ныне славные традиции ВЧК продолжают органы Государственной безопасности.

Воспитанные и закаленные Коммунистической партией, под ее непосредственным, повседневным руководством, работники органов Государственной безопасности верно служат советскому народу, не жалея сил и жизни, ведут борьбу с врагами Советского государства, с происками империалистических разведок.

В настоящее время, когда империализм расширяет подрывную деятельность против СССР и братских социалистических стран, советские органы Государственной безопасности призваны проводить решительную борьбу с подрывными действиями империалистических государств, пресекать враждебную деятельность их разведок и вместе с воинами Советской Армии и Военно-Морского Флота надежно охранять мирный труд советских людей, строящих коммунизм».

Из Приветствия ЦК КПСС, Президиума
Верховного Совета СССР, Совета
Министров СССР работникам советских
органов Государственной безопасности.

АВТОРЫ КНИГИ

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕКИСТЫ. Сборник. М., «Молодая гвардия». 1970.
400 с., с илл. Р2

Оформление С. КУЛИША
Редактор Л. Хотиловская
Худож. редактор В. Плешко
Тех. редактор Л. Курлыкова

Сдано в набор 25/I 1969 г. Подписано к печати 18/XII 1969 г. А01269. Формат 84×108$^{1}/_{16}$. Бумага № 2. Печ. л. 25 (усл. 42). Уч.-изд. л. 50,4. Тираж 65 000 экз. Цена 1 р. 83 к. Заказ 2585.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.